

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР
1953–2013: 60 лет без Сталина.

Осмысление прошлого
советского государства

Материалы VIII Международной
научной конференции

I часть

КРАСНОДАРСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«РОССИЙСКОЕ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ,
ПРАВООЗАЩИТНОЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
«МЕМОРИАЛ» (РОССИЙСКИЙ «МЕМОРИАЛ»)
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФОНД РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ВАГИТА АЛЕКПЕРОВА «НАШЕ БУДУЩЕЕ»

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР**

1953–2013: 60 лет без Сталина.

Осмысление прошлого советского государства

Материалы VIII Международной
научной конференции

Часть I

Экоинвест
Краснодар
2013

УДК 63.3(2)615-4
ББК 94(470)«1930-1950»
П 78

Главный редактор:
доктор исторических наук *С. А. Кропачев*

Редакционная коллегия:
*А. В. Баранов, П. Е. Войко, Н. Ф. Бугай, А. А. Вартумян,
А. В. Ващенко, А. Н. Еремеева, В. Н. Земсков, Е. Ф. Кринко,
С. А. Кропачев, К. Н. Максимов, В. П. Мотревич, С. Г. Осмачко,
А. Ю. Рожков, Т. П. Хлынина, Н. Н. Шитюк*

П 78 Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной научной конференции – Краснодар: Экоинвест, 2013. – 420 с.

Издание осуществлено за счет гранта Фонда региональных социальных программ Вагита Алекперова «Наше будущее»

ISBN 978-5-94215-189-8

VIII Международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» состоялась в г. Краснодаре в ноябре 2013 года по инициативе Краснодарского краевого отделения Российского общества «Мемориал» и Кубанского государственного университета при финансовой поддержке Фонда региональных социальных программ Вагита Алекперова «Наше будущее».

В настоящий 2-х томник вошло около 100 статей исследователей из России, Германии, Польши, Украины, Казахстана. В них поднимаются противоречивые проблемы советского прошлого и его осмысление за последние шестьдесят лет. Материалы конференции адресованы преподавателям, научным работникам, краеведам, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется историей России XX века.

**УДК 63.3(2)615-4
ББК 94(470)«1930-1950»**

ISBN 978-5-94215-189-8

© Краснодарское краевое отделение
общероссийской общественной организации
«Российское историко-просветительское,
правозащитное и благотворительное общество
«Мемориал» (Российский «Мемориал»), 2013
© Кубанский государственный университет, 2013
© Экоинвест, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	7
I. ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО	11
<i>Осьмачко С. Г.</i>	
Сталинизм: методологические проблемы актуализации	11
<i>Ващенко А. В.</i>	
Консервативно-авторитарный тип модернизации как причина политических репрессий (30–40-е гг. XX века).....	16
<i>Салмина М. С., Ордина Д. Г.</i>	
Трансформация восприятия И. В. Сталина в массовом сознании южноуральцев	20
<i>Стецура Ю. А.</i>	
Сталинизация и трагизм молодежи 20–30-х годов: исторический опыт, основные проблемы, уроки	30
<i>Матюшин П. Н.</i>	
Общественные трансформации политического террора второй половины 1930-х гг. в Чувашской АССР: историко-психологический портрет региона	37
<i>Ракачев В. Н., Халафян А. А.</i>	
Ретроспективный анализ демографических потерь населения Кубани в 1930-е гг. с использованием методов вероятностно-статистического моделирования.....	42
<i>Семистяга В. Ф.</i>	
«Молодая гвардия» (г. Краснодар): политические репрессии – историческая реальность и художественный образ	51
<i>Нефедов Д. В.</i>	
Движение сопротивления в Южной Украине (1941–1944 гг.) в исследованиях современных крымских историков.....	61
<i>Молдавская Т. И.</i>	
Народная память об И. Сталине: опыт анализа устно-исторических источников (на материалах юга Украины).....	65
<i>Волков П. Н.</i>	
Современная российская историография советско-польских отношений 1945–1948 гг.: некоторые итоги изучения	77
<i>Крайник Р. Н.</i>	
Современная украинская историография террора против педагогов УССР в период «позднего сталинизма»	84
<i>Слободянюк Н. А.</i>	
Историография истории киевского подполья (1941–1943 гг.).....	92
II. ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ	101
<i>Семенов К. К.</i>	
Борьба репрессивно-карательных органов советского	

государства против военной эмиграции 1920–1947 гг.	
Методы и периодизация	101
<i>Сивков С. М.</i>	
Кубань и Черноморье в годы первой мировой войны.....	109
<i>Корниенко Т. А.</i>	
Социалистическая пропаганда в годы февральской революции и гражданской войны (на материалах юга России)	117
<i>Бондаренко В. Г.</i>	
Попытки возрождения украинского казачества в годы гражданской войны и в эмиграции (191–1939 гг.).....	127
<i>Тепляков А. Г.</i>	
Партизанские социальные чистки на востоке России в 1919–1920 гг.: роговщина и тряпицынщина.....	134
<i>Яценко В. Г.</i>	
Два очага антибольшевистских восстаний казачества на Среднем Дону (лето 1921 г.).....	142
<i>Николаев И. Е.</i>	
Государственно-правовое противодействие процессу институционализации политических партий Советской Украины в 20-е годы XX столетия	146
<i>Мешковая С. И.</i>	
Трудовая деятельность женщин, лишенных избирательного права, в УССР (1921–1931 гг.)	153
<i>Новосадова Н. Г.</i>	
Судьба научной интеллигенции Житомира 1920–1930 гг.	161
<i>Горох Н. В.</i>	
Противостояние ОГПУ и Торгсина (на примере Черниговской облконторы)	166
<i>Филимончик С. Н.</i>	
Использование принудительного труда в Карелии в годы первой пятилетки	174
III. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ГОЛОД.....	182
<i>Шпагин С. А.</i>	
Голод или Голодомор – сталинский геноцид или следствие политики коллективизации?	182
<i>Жигульский А. В.</i>	
Особенности взаимоотношения власти и крестьянства в 1920-е – начале 1930-х годов.....	189
<i>Кожемяко Т. Н.</i>	
Образ советской власти в общественном сознании ставропольского крестьянства в конце 1920–1930-х гг.	195
<i>Левакин А. С.</i>	
«Раскулачивание» на Дону, Кубани и Ставрополье в 1930-х годах: количественные и темпоральные параметры ...	202

<i>Григоренко Т. А.</i>	
Ликвидация «кулачества» как класса на Черкасщине	210
<i>Тараненко А. Ф.</i>	
Голодомор: государственная тайна, переданная «по наследству»	217
<i>Артюхин Ю. В., Турицына Н. Ю., Синьянский И. И., Орехова Г. Ф.</i>	
Причины и масштабы людских потерь в Ейском отделе (районе) в 1920–1933 гг.	232
IV. ТЕРРОР 1930-х	241
<i>Сомов В. А.</i>	
Мы говорим «партия», подразумеваем... «репрессии»? К вопросу о роли управленческого конфликта в трагедии 1930-х гг.	241
<i>Очиров У. Б.</i>	
К вопросу о влиянии репрессий высшего командного состава Красной армии на поражение советских войск на начальном этапе Великой Отечественной войны.	250
<i>Дьячков В. Л.</i>	
Политические репрессии 1918–1953 гг.: причины и структура (тамбовский случай)	265
<i>Куденко Н. В.</i>	
Уголовники как особая группа репрессированных милицейской тройкой Алтайского края в годы «Большого террора»	277
<i>Орехова Е. А.</i>	
Репрессии 1930-х гг. и колонии Мурманского берега	286
<i>Шевырин С. А.</i>	
Политические репрессии в истории Перми	291
<i>Стрекалова Е. Н.</i>	
Политическая составляющая в репрессиях по отношению к технической интеллигенции в 30-е гг. XX века (на материалах Северного Кавказа)	299
<i>Татаринев И. Е.</i>	
Масштабы потерь немецкого и польского населения Украинской ССР в годы «Большого террора»	310
<i>Сулейманов А. А.</i>	
Исследование российской Арктики и репрессии в Академии наук СССР в 30-е годы XX века	318
<i>Царикаев А. Т.</i>	
«Гнездо буржуазных националистов» (Из истории репрессий против партийно-советской номенклатуры Северо-Осетинской АССР в 1936–1938 гг.)	325

<i>Семенов С. В.</i> Политические репрессии в средне-специальном образовании Южного Урала в 30-е годы XX века	330
<i>Животова А. Н.</i> Репрессии 30-х гг. XX века в истории Тюменского пединститута.....	343
<i>Иванцов И. Г.</i> Некоторые формы осуществления репрессий против коммунистов в 1930-е годы	349
<i>К. Б. Николаев</i> Соперник ГУЛАГа	355
V. ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ	366
<i>Бугай Н. Ф.</i> Этнические меньшинства стран Востока в национальной политике Сталина: иранцы. 1930–1950-е годы	366
<i>Васильченко Т. Е.</i> Репрессированные польские осадники и беженцы на европейском севере СССР (февраль 1940 – июль 1941 гг.)	378
<i>Вартумян А. А.</i> Репрессии в отношении армянского населения СССР: депортации по этническому, конфессиональному и политическому признакам	385
<i>Иванов А. С.</i> Механизмы снабжения спецпереселенцев (на примере калмыков в Омской и Тюменской областях)	387
<i>Оконова Л. В.</i> Принудительное выселение немцев из Калмыцкой АССР в 1941 г.	396
<i>Лиджиева И. В.</i> Письма спецпереселенцев как форма легального сопротивления тоталитарному режиму.....	402
<i>Сабирова Е. Н.</i> Греки в Башкортостане: из истории депортации греческого населения Крыма	407
<i>Казбекова А. Т.</i> Из истории депортации чеченцев (по материалам государственного архива Восточно-Казахстанской области)	414

ВСТУПЛЕНИЕ

VIII Международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» состоялась в г. Краснодаре с 2 по 3 ноября 2013 года. Она прошла по инициативе Краснодарского краевого отделения Российского общества «Мемориал» и Кубанского государственного университета при финансовой поддержке Фонда региональных социальных программ Вагита Алекперова «Наше будущее».

Конференция имела подзаголовок «1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства» и была посвящена анализу сложных, драматических проблем истории советского государства и их восприятию за последние шестьдесят лет, которые наше общество развивалось без Сталина.

В конференции приняло участие около 100 исследователей из России, Германии, Польши, Украины, Казахстана, четверть из которых являются докторами наук. Четырнадцать ученых представляли академические институты РАН и Национальной академии наук Украины.

Как всегда, интересной и разнообразной была география участников конференции. Россию представляли исследователи из Москвы, Казани, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Воронежа, Новосибирска, Перми, Ярославля, Якутска, Элисты, Тюмени, Сургута, Оренбурга, Челябинска, Барнаула, Краснодара, Ставрополя, Волгограда и других населенных пунктов. Всего их насчитывается сорок, почти в два раза больше, чем были представлены российские города на предыдущей, VII конференции. Значительное количество участников трудятся в ВУЗах и академических учреждениях Украины и представляли такие города как Киев, Харьков, Одессу, Запорожье, Чернигов, Черкасск, Николаев, Нежин, Кривой Рог, Никополь, Симферополь, Луганск, Днепродзержинск, Житомир. Из республики Казахстан в настоящем двухтомнике публикуются работы ученых Восточно-Казахстанского госуниверситета им.С.Аманжолова (г. Усть-Каменогорск).

Конференция прошла в острой полемической борьбе, большинство докладов вызвали многочисленные вопросы и жаркие споры. Про и антисталински настроенные участники, их точки зрения, оценки советского прошлого столкнулись, словно противоборствующие войска на поле битвы. По-случайному совпадению, конференция проходила между Днем памяти жертв политических репрессий и

Днем согласия и примирения. Но для участников она не стала поводом для примирения, слишком полярными оказались их взгляды на противоречивые события, произошедшие в нашей стране в первой половине XX века.

Редакционная коллегия, после тщательного отбора, рекомендовала к публикации статьи, которые разделены на десять разделов, по пять в каждом томе.

В первом разделе «Осмысление прошлого» публикуются статьи, посвященные методологическим (С. Г. Осъмачко, А. В. Ващенко), историографическим (Н. А. Слободянюк, П. Н. Волков, Р. Н. Крайник, Д. В. Нефедов), источниковедческим (Т. И. Молдавская) проблемам сталинизма, его трансформациям в массовом общественном сознании (М. С. Салмина, Д. Г. Ордина, П. Н. Матюшин). Авторы статей справедливо призывают «не строить идеалистических картин эпохи сталинизма». Они обращают внимание на то, что миф о «Великом» Сталине возрождается в том числе и из-за нерешенности современных социальных и экономических проблем.

Статьи, анализирующие события революции, гражданской войны, 1920-х – начала 1930-х годов составили второй раздел материалов конференции. Авторы обращаются к малоизученным сюжетам периода гражданской войны (В. Г. Яценко, А. Г. Тепляков), истории эмиграции (Ж. Ж. Семенов, В. Г. Бондаренко), проявлениям политических репрессий и ограничений до «большого» террора (С. И. Мешковая, И. Е. Николаев, С. Н. Филимончик).

Третий раздел составили статьи, посвященные трагическим событиям начала 1930-х годов. На конференции остро дискутировался вопрос о том, был ли голод 1932–1933 годов рукотворным? Этому сюжету посвятили свои работы С. А. Шпагин и А. Ф. Тараненко. Большое количество статей посвящено коллективизации, раскулачиванию и их последствиям на юге России и Украине (А. С. Левакин, Т. А. Григоренко, Ю. В. Артюхин, Н. Ю. Турицына, Г. Ф. Орехова, И. И. Синянский), а также восприятию Советской власти в общественном сознании крестьянства (А. В. Жигульский, Т. Н. Кожемяко).

Проблеме массовых политических репрессий в СССР в 1930-е годы посвящен четвертый раздел. В нем публикуется глубокая статья У. Б. Очирова о влиянии репрессий высшего командного состава РККА на поражение советских войск на начальном этапе Великой Отечественной войны. Сюжет не новый, но к чести автора, он смог найти оригинальные подходы к раскрытию поставленных научных задач. Изучению политических репрессий в отдельных регионах страны посвятили свои работы В. Л. Дьячков, Е. А. Орехова, С. А. Шевырин, А. Т. Царикаев.

Большое количество статей анализирует формы и масштабы репрессий в отношении отдельных социальных и этнических групп (Н. В. Куденко, И. Г. Иванцов, И. Е. Татаринов, Е. Н. Стрекалова), организаций (А. А. Сулейманов, А. Н. Животова, С. В. Семенов).

В пятом разделе читатели найдут статьи, посвященные депортациям отдельных народов (чеченцы, греки, немцы, калмыки, армяне, поляки), их проживанию на спецпоселениях в 1940-е годы. Открывается раздел статьей известного российского историка Н.Ф.Бугая о роли этнических меньшинств стран Востока в национальной политике Сталина.

Относительно новому сюжету в исследовании советского периода посвящен шестой раздел. Авторы изучают проблемы коммунального жилья (Т. П. Хлынина), семейно-брачных отношений (О. В. Чуракова), все то, что составляет ткань обыденной, повседневной жизни любого человека (А. Н. Федоров, Ю. В. Войнаровская, О. В. Войнаровский). Выделяются работы, исследующие проявления политического террора и насилия как повседневной действительности (М. Язовник, Л. Язовник, Н. Р. Романец). Некоторые итоги изучения повседневности эпохи сталинизма в своих статьях подводят Е. Ф. Кринко и М. С. Зинич.

В седьмой раздел вошли статьи о взаимоотношении государства и ярких личностей, как правило, представителей творческой и технической интеллигенции, сложных человеческих судьбах в годы массовых политических репрессий.

Антирелигиозной политике Советского государства посвящены работы, которые содержатся в восьмом разделе материалов конференции. Изучаются как крупные антирелигиозные кампании в отдельных регионах СССР (К. Н. Максимов, Н. И. Михайлуца, Л. В. Табунщикова, А. Ф. Степанов), так и преследования представителей нетрадиционных религий (С. С. Белоусов, А. В. Урядова, Н. С. Бьюшина).

Жизнь страны в военные и послевоенные годы изучают авторы, чьи статьи помещены в девятый раздел. Выделим исследования, посвященные инакомыслию и протестам накануне, в годы войны и после ее окончания (В. П. Мотревич, Д. В. Тумаков, Е. Н. Савенко, К. В. Николаев, С. Н. Мудров).

Последний, десятый раздел материалов конференции посвящен анализу истории Советского государства в послесталинскую эпоху и называется «Без Сталина». Он открывается статьей авторитетного российского историка В. Н. Земскова, посвященной ситуации с заключенными в первые послесталинские годы. Отметим исследова-

ния, повествующие о шагах десталинизации (Н.Н. Шитюк), диссидентском движении, формах и масштабах сопротивления советскому режиму (А. Д. Попов, А. С. Смыкалин, А. Н. Еремеева, О. Г. Бажан, Е. А. Герасимова).

Постановка важных научных проблем, появление новых сюжетов в исследовании истории Советского государства, широко представленные в материалах конференции, на наш взгляд, существенно обогащают отечественную историографию России XX века.

Начиная с октября 2002 г. проведено восемь конференций. В них приняли участие около четырехсот исследователей из России, Германии, Польши, Японии, Украины, Казахстана, Белорусии. Совокупный тираж материалов конференций составил 3500 экземпляров общим объемом более 150 печатных листов.

Изучение истории государственного террора, увековечение памяти его жертв являются важнейшими компонентами создания демократического строя в нашей стране, эффективной вакциной против возрождения тоталитаризма в любых формах и проявлениях.

**С. Кропачев, доктор исторических наук,
председатель Правления Краснодарского
краевого отделения Российского общества
«Мемориал», заслуженный учитель Кубани,
заслуженный работник народного
образования Республики Адыгеи.**

І. ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

Осьмачко С. Г.

Сталинизм: методологические проблемы актуализации

Тема сталинизма как тоталитарной разновидности общественно-политического устройства и духовного уклада актуализируется (даже становится привлекательнее) благодаря действию следующих факторов:

1) сохранение различных реалий сталинизма в современной действительности. И. В. Сталин умер 60 лет назад, но, как считают многие исследователи, «общественная и экономическая структура, связанная с его именем, пережила своего создателя» [1];

2) реакция общественного сознания на во многом разрушительный характер посткоммунистической трансформации. Речь идет об определенной утрате (невыворачивке) позитивных, стабильных уровней национально-культурной, исторической идентичности. Новая мифология, концентрируя свои усилия в рамках сталинианы, особое внимание обращает на темы порядка, социальной справедливости, сильной руки, имперскости, трактуемой как «здоровая державность» и пр. Результатом является «оправдание и даже прославление сталинизма» [2]. Ученые, связанные обществом «Мемориал», на одной из конференций заявили: «Нас тревожит широкое распространение рецептов возрождения России посредством авторитарной модернизации или даже диктатуры, пропаганда исторической оправданности насилия, многомиллионных жертв и социальных чисток... Изучение истории сталинизма имеет принципиальное значение для понимания истории России» [3]. Действительно, признание неизбежности, исторической заданности сталинизма во многом означает его оправдание [4];

3) низкое качество идейного воспитания, что в сочетании с некоторыми традиционными чертами политической культуры населения порождает новый виток этатизма, любви к власти, Вождю, системе. Сегодня у большинства из нас нет желания узнавать страшную правду о сталинщине [5]; обыденному сознанию привычнее винить в злодеяниях «худых бояр», оправдывать репрессии «исторической необходимостью» и т. п. Вряд ли стоит обвинять в направленной ресталинизации, например, верховную власть России начала XXI века; стоит согласиться с М. Чудаковой: «Яды ходят по организму самого общества» [6].

Несмотря на усилия Н. С. Хрущева (в основе которых лежала всего лишь попытка укрепить свой политический статус), подлинной десталинизации не произошло. Более того, сталкиваясь с затруднениями модернизационного характера, советские власть и общество

совместно возвращались в лоно традиционализма, скрыто и прямо реабилитировали сталинские порядки. Феномены, подобные сталинизму, активно используются заинтересованными политическими силами в условиях обострения социальных противоречий. Тот же Г. Зюганов в своих книгах и статьях квалифицирует Сталина как «безусловного марксиста», «строителя державы», «личность сродни самым грандиозным фигурам эпохи Возрождения», «великого государственника». Лидер российских коммунистов утверждает: «Сталину не хватило каких-нибудь пяти-семи лет, чтобы сделать свою „идеологическую перестройку“ необратимой и обеспечить восстановление необоснованно прерванной российской духовно-государственной традиции... Русский социализм, в основе которого лежат мысли и дела Сталина, – это будущее страны» [7].

Подобные оценки толкают сознание населения в сторону прославления исторического периода, отмеченного массовыми убийствами соотечественников. Для объективного исследователя «наше прошлое не есть основание для гордости, но и не повод для стыда. Оно во всей своей совокупности представляет собой предмет познания, осмысления, понимания» [8]. Именно в целях осмысления исторической сущности сталинизма следует адекватно оценить состояние самой исторической науки – и в 1930-е годы, и в настоящее время.

Советская власть, ее вожди (впрочем, как и их предшественники) преуспели в рекомбинации фрагментов исторической действительности в угоду примитивно понимаемой исторической, политической «целесообразности». Общественное сознание до сих пор не приобрело навык дистанцирования от власти, разделения деятельности вождя и народа; кого-то по-прежнему убаюкивает жертвенность миллионов в целях обоснования (чаще всего задним числом) избранного курса [9]. Общество не готово к постижению исторических смыслов, которые, по мнению Ю. Афанасьева, «делают всех нас сопричастными к прошедшим временам и тем самым дают возможность каждому узнавать самого себя в обретаемом общем понимании истории. Это и есть, иначе говоря, обретение коллективной идентичности» [10].

В то же времястораживает стремление современной бюрократии и чиновников от науки максимально использовать историческое образование в целях «правильного» воспитания подрастающего поколения, формирования у него «подлинных» качеств патриота и гражданина исключительно на «положительных» примерах. Историческому образованию предписывается стать методологически оформленным «интегратором нашего общества», а исторический опыт обязан «служить источником энергии для развития России» [11].

Все это может быть верным, пока обеспечивается объективность исторического познания и научный плюрализм. Этого вряд ли можно достигнуть путем создания «единого учебника», о чем периодически

ски говорит, например, В.Путин. Президент РФ погружается в эту тему уже достаточно давно: 27 ноября 2003 г., посещая Российскую государственную библиотеку, он совершенно обоснованно заявил, что «исторические учебники не должны становиться площадкой для новой политической или идеологической борьбы», а затем внятно добавил: «В учебниках должны излагаться факты истории, они способны воспитывать у молодых людей чувство гордости за свою историю и за свою страну» [12]. Но студент – не школьник; исторические курсы, преподаваемые в вузах, содержательно должны идти дальше школьных фактологических массивов, погружать обучающихся в сферы аналитического осмысления прошлого и настоящего. Это означает, что и федеральный компонент, и учебная программа вуза должны предлагать изучающим историю несколько разных учебников. Взыскательность научного исторического сообщества должна в данном случае устранить возможную политическую ангажированность, псевдонаучную радикальность, тенденциозность фактологии, вульгарный социологический схематизм учебного и методического дискурса.

По этому поводу высказываются и иные точки зрения: «генералиссимус военной истории» М. Гареев, напротив, считает, что надо создавать «исторические курсы, которые в последующем послужили бы ориентирами для создания других учебников по истории». В этих целях, по его мнению, следует «собрать две-три группы ученых, соответствующим образом стимулировать их труд и поручить им на конкретной основе создать исторические курсы» [13].

Такой подход в специфических российских условиях обязательно приведет к появлению современных вариантов «Краткого курса истории ВКП(б)» или учебника Шестакова. Носители научного мировоззрения никогда не согласятся с набившим оскомину положением, когда власть стремится все подчинить себе, а историки во всем хотят подчиниться власти [14].

В современных условиях требуется проведение всеобъемлющего комплекса исследований по отечественной истории, методологии исторической науки (особенно в советский период) «с подробным разговором о ее началах, мучениках и героев. Раны, нанесенные в 30-е годы исторической науке, – полагают современные авторы, – ощущаются до сих пор. Чтобы залечить их, нужно ясно представлять путь, пройденный нами, со всеми его рывками и колдобинами, в которых рождалось многое из того, что и сегодня изучают студенты» [15].

Интерес к методологии исторического знания образца 30-х годов прошлого века логично и последовательно проявляется также в сфере военной истории, истории военной науки и пр., что особенно важно, поскольку доминантной функциональной составляющей сталинизма являлась в первую очередь военная политика. Исследования

по истории военного дела в период сталинизма по объему и качеству решительно отстают от уровня исторических работ общего профиля. Тому в немалой степени способствует закрытость источниковой базы, особенно материалов военных архивов. По закону РФ «О государственной тайне» их документы подлежат рассекречиванию через 30 лет, считая с момента создания, но сотрудники, например, Центрального архива Министерства обороны РФ утверждают, что этот срок следует отсчитывать с 21 июля 1993 г., то есть с момента выхода в свет упомянутого закона [16].

Военные историки как бы не желают связываться с колоссальными по аналитической сложности коллизиями нашего военного опыта. Возьмем, к примеру, ситуацию в отношении боевых действий РККА в межвоенный период:

некоторые из историков «просто» выбрасывают период 1920–1940-х годов из логики и хронологии своего повествования [17];

другие, обращаясь, например, к истории военной стратегии СССР в межвоенный период, подменяют ее общим, формальным и позитивным очерком собственно военного строительства [18];

третьи, анализируя боевой опыт, полученный РККА в межвоенный период, де-факто отрицают его экспертную составляющую, а уж о механизмах внедрения полученных результатов в военное строительство речь и вовсе не идет [19];

четвертые как заклинание повторяют, что «с учетом полученного опыта в теорию ведения боевых действий был внесен ряд изменений», но подробно не расшифровывают этот тезис, а в числе «славных разработчиков военной науки» называют вперемешку и палачей, и жертв «военного заговора» («А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, С. И. Гусев, А. И. Егоров, С. С. Каменев, И. В. Сталин, В. К. Триандафиллов, М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников...» [20]), забывая о том, что перед Великой Отечественной войной первые старательно «вычищали» из истории и практики боевой подготовки идейно-теоретическое и военно-практическое наследие вторых.

Таким образом, тема методологии военно-исторического познания в сталинской военно-политической системе, использования ею имевшегося боевого опыта в интересах совершенствования военной политики и оборонного строительства актуальна, интересна и поучительна, особенно в условиях проводимой ныне в нашей стране военной реформы.

В целом понятно, что некоторое «увлечение» Сталиным, которое происходит в наше время («левый откат»), логично объясняется экономическими, социокультурными и историко-политическими факторами. Кого-то раздражает медлительность либерального реформирования, кто-то недоволен самим его фактом, но все замечают далеко не кажущуюся неэффективность нынешней российской власти, ее слабую способность устранить коррупцию, преступность, со-

циальное расслоение и многое другое. Массовое желание простого и скорого разрешения имеющихся проблем возрождает миф о Сталине.

Современное историческое образование и воспитание должны ставить перед собой осмысленные государственно-патриотические цели, что, в свою очередь, предполагает научное и объективное рассмотрение прошлого и настоящего, в том числе и всех разновидностей неосталинизма. С призывом «не строить идеалистических картин эпохи сталинизма» к россиянам недавно обратилась даже Русская православная церковь: «Опыт других народов показывает, что те же самые успехи могли быть достигнуты иными путями – ориентированными на сбережение граждан» [21].

Примечания

1. Белادي Л., Краус Т. Сталин: исторический очерк [Текст] // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 180.
2. Данилов В. П. Сталинизм и советское общество [Текст] // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 169.
3. «Сталинизму – нет!» [Текст] // Родина. 2009. № 3. С. 50.
4. Дмитриев А. Сталинизм как объект описания: мобилизация истории [Текст] // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 62; Согрин В. В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? [Текст] // Вопросы философии. 1996. № 8. С. 8.
5. Хлебников О. Палач с синим карандашом [Текст] // Новая газета. Специальный выпуск. Исторические расследования. 2008. 3–6 апреля. С. 1.
6. Чудакова М. Памятник национальному безумству [Текст] // Московские новости. 2005. 29 апреля – 12 мая. С. 17.
7. «Мы шли самобытным путем». Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции коммунистов в Государственной Думе Г. Зюганов написал книгу об Иосифе Сталине [Текст] // Парламентская газета. 2008. 17 октября. С. 20; Зюганов Г. А. Строитель державы [Текст] // Наш современник. 2005. № 6. С. 171, 173, 176, 186.
8. Афанасьев Ю. Н. Понять прошлое, чтобы осмыслить настоящее [Текст] // Новая газета. 2007. 22 октября. С. 12.
9. Дорошенко В. Л., Павлова И. Л., Раак Р. Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 г. [Текст] // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 11.
10. Афанасьев Ю. Н. Указ. соч. [Текст]. С. 12.
11. Торкунов А. В. Фундаментальность в общественных науках [Текст] // Независимая газета. 2007. 7 декабря. С. 11.
12. Динес В. А., Донин А. Н. Власть, историческая наука и учебники истории [Текст] // Власть. 2004. № 4. С. 5.
13. Гареев М. А. Сражения на военно-историческом фронте: сборник статей [Текст] М.: Инсан, 2008. С. 83.
14. Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии [Текст] // Советская историография. М.: РГГУ, 1999. С. 27.

15. Простоволосова Д. Н., Станиславский А. Л. «Мы учим советских людей, а не древних греков» / Из истории вузовской исторической науки конца 30-х – 40-х годов [Текст] // История СССР. 1989. № 6. С. 102.
16. Рамазашвили Г. ЦАМО – архив вне закона [Текст] // Новое время. 2004. № 29. С. 32.
17. Золотарев В. А., Самсонов О. В., Тюшкевич С. А. Военная история России [Текст]. М.: Кучуково поле, 2002. 736 с.
18. Дайнес В. О., Данилевич А. А., Пронько В. А., Самсонов О. В., Чекмарев Г. Ф. История военной стратегии России [Текст] М.: Кучуково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
19. Опыт войн в защиту социалистического Отечества: историко-теоретическое исследование [Текст]. М.: Наука, 1985. 258 с.
20. Кирьян М. М. Проблемы военной теории в советских научно-справочных изданиях [Текст] М.: Наука, 1985. С. 9, 19.
21. Костиков В. Кто пьет за здоровье товарища Сталина? [Текст] // Аргументы и факты. 2000. № 5. С. 6.

Ващенко А.В.

**Консервативно-авторитарный тип модернизации
как причина политических репрессий
(30–40-е гг. XX века)**

Проблеме политических репрессий в СССР посвящена значительная литература. В то же время в части причин этого исторического феномена господствуют упрощенные оценки, которые либо сводятся к «демонизации» образа И. В. Сталина, либо объясняют политические репрессии исходя из идеологических установок «ленинизма» об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма. Поскольку данной темой занимаются представители различных специальностей, большинство которых не являются профессиональными историками, имеет место быть пренебрежение основополагающим принципом исторической науки – принципом историзма. Данный принцип требует рассматривать любое историческое событие или процесс в контексте той эпохи, когда он происходил. Недопустимо применять подходы и ценности современного мира с его достаточно развитыми представлениями о правах человека к оценкам исторического прошлого.

Цель данной статьи – рассмотреть влияние объективно необходимого процесса модернизации Советского Союза накануне Второй мировой войны и в ходе начального этапа «холодной войны» в 30–40-е гг. XX века на развитие политической ситуации в СССР.

После подписания мирных договоров на Парижской конференции 1919 г. стало очевидно, что ключевые противоречия между великими державами не устранены и что новое военное столкновение «не за горами». В сконцентрированном виде это ощущение нашло отражение в словах, сказанных маршалом Ф. Фошем в отношении уже подписанных мирных договоров: «Это не мир. Это перемирие на 20 лет». Французский командующий оказался удивительно прозорлив.

В этих условиях перед ведущими мировыми державами встала задача проведения ускоренной экономической модернизации, которая понималась элитой этих стран как подготовка к новой войне.

Цель данной работы – проведение сравнительного анализа двух типов модернизации: либерального, представленного на примере США, и консервативно-авторитарного типа, примером которого могут служить Германия и Советский Союз. Сравнительно-исторический метод, применяемый в работе, позволяет решить задачу выявления системных различий указанных типов и определить их влияние на реализацию проектов модернизации, приведших к совершенно различным социальным издержкам.

Общим для всех трех стран являлся факт активного участия государства в проведении политики экономической модернизации. Без активного государственного регулирования было бы невозможным достижение концентрации материальных и людских ресурсов на стратегически важных направлениях и сферах экономики.

В США политика модернизации была представлена «новым курсом» президента Ф. Рузвельта (1932–1939 гг.). В СССР это период т. н. «великого перелома» 1928–1938 гг. В Германии – экономическая политика нацистов 1933–1939 гг.

Различия кроются в разных стартовых экономических позициях, обусловивших в итоге методы проведения политики модернизации. США вышли из Первой мировой войны экономически окрепшими. Промышленность не только не пострадала, но и имела возможность перейти на новый технологический уровень. Именно переход к новым технологиям привел к структурному кризису экономики, который выразился в перепроизводстве, сокращении старых производственных мощностей и, как следствие, в массовой безработице. Проведение «нового курса» было обусловлено стремлением, с одной стороны преодолеть тяжелейший экономический кризис 1929–1933 гг., а с другой, придать процессу модернизации американской промышленности новый импульс. Исторической аксиомой считается тот факт, что всегда развитие промышленности или ее модернизация происходит за счет средств, которые «выкачиваются» из сельского хозяйства. В США благодаря наличию экономических ресурсов государственная элита проводила политику модернизации в основном экономическими методами. Необходимые ресурсы изымались из сельского хозяйства за счет разницы цен на сельскохозяйственное сырье и товары

промышленного производства. Более того, в период «нового курса» была разработана целая система компенсаций и страхования рисков для большинства социальных групп населения США от фермеров и рабочих до представителей бизнеса. Германия и Советский Союз, в отличие от США, имели гораздо худшие стартовые условия. Экономика Германии, проигравшей Первую мировую войну, находилась в состоянии коллапса. Страна была вынуждена платить репарации. Военная промышленность была уничтожена, армия и флот сокращены до минимума, авиация запрещена. Часть территории Германии была оккупирована. Суверенитет страны был ограничен.

Территория и население Советской России (СССР) сильно пострадали от Первой мировой и гражданской войн, интервенции. Промышленное производство и сельское хозяйство были разрушены полностью. Страна находилась в практически полной экономической и политической изоляции.

Таким образом, перед Германией и СССР стояла задача провести индустриальную модернизацию в максимально сжатые сроки, в условиях ограниченных экономических возможностей, при полном внешнем контроле (Германия) и политико-экономической изоляции (СССР). Для достижения поставленной цели было необходимо решить две задачи. Во-первых, мобилизовать экономические и финансовые ресурсы для проведения модернизации промышленности. Во-вторых, обеспечить внутренний социальный консенсус, ослабив или устранив оппозицию. Как и в случае либерального типа модернизации (США), мобилизационную функцию выполняло государство. Однако, не имея экономических ресурсов для компенсации потерь и рисков населению, государство приобретало авторитарно-диктаторские черты, проводя политику насильственной экспроприации экономических ресурсов (коллективизация, принудительные займы и т. д.). При проведении модернизации консервативно-авторитарного типа протесты населения жестко подавлялись, а оппозиция уничтожалась физически или изолировалась в лагерях.

После окончания второй мировой войны в условиях экономического (была разрушена практически вся европейская часть СССР) и социального (колоссальные человеческие жертвы) ослабления Советского Союза с одной стороны и значительного усиления США, обладавших к тому же монополией на ядерное оружие, проблема восстановления народного хозяйства, его модернизации, ликвидации технологического отставания по-прежнему была актуальной для СССР. Во-вторых, возвращение войск из-за рубежа всегда несло политические риски для существующей политической системы. Так, например, возвращение русской армии после заграничного похода 1813–1815 гг. привело к движению декабристов, к расшатыванию устоев империи и самодержавия. Исходя из опубликованных документов начального периода холодной войны имелись [1], с одной

стороны, планы силового, экономического и финансового давления на СССР, а с другой – опасения советского руководства, что Запад воспользуется ослаблением СССР и нанесет удар по первому в мире социалистическому государству. США после Второй мировой войны практически стали единственной мировой сверхдержавой. Они получили уникальную историческую возможность построить послевоенную международную систему исходя из своих национальных интересов. Более того, в условиях, когда основные конкуренты были либо серьезно ослаблены (Великобритания и Франция), а другие находились под американской оккупацией (Западная Германия и Япония), США могли беспрепятственно осваивать их рынки не только в Европе, но и в бывших колониях по всему миру. Это требовало дальнейшей модернизации американской экономики, то есть продолжения мобилизационного курса. Для того чтобы нейтрализовать требования профсоюзов, уменьшить социальные издержки производства (увеличение заработной платы, уменьшение продолжительности рабочего дня), американской элите нужен был «враг». На роль такого «врага» подходила только одна страна. Советский Союз. Процесс перехода от союзнических отношений периода Второй мировой войны к конфронтационным и враждебным периода войны холодной – очень интересный исторический процесс занявший период с 1945 по 1947 год. Таким образом, обе стороны были заинтересованы в конфронтации, обе стороны проводили курс на модернизацию, у обеих сторон были различные ресурсные возможности, чтобы компенсировать населению социальные издержки данной экономической политики. Ситуация 1930-х годов воспроизвелась на новом витке исторического процесса. Советская система не имела возможности компенсировать издержки экономическими методами. Ей снова пришлось прибегнуть к методам силового, политического и идеологического характера.

Выводы:

1. Экономическая модернизация промышленности является объективным процессом на определенном этапе исторического развития всех государств.

2. В 1930-е гг. проведение политики модернизации промышленности было обусловлено как процессами технологического и научного развития различных отраслей экономики, так и стремлением политических элит великих держав подготовить свои страны к новому военному столкновению.

3. Инициатором и практическим проводником политики модернизации выступали государственные структуры, которые выполняли функцию концентрации ресурсов и направления их в стратегические сферы экономики.

4. Можно выделить как минимум два типа политики модернизации: либеральный и консервативно-авторитарный. Принадлежность

к тому или другому типу при проведении курса на модернизацию определялась наличием экономического ресурса, который предоставлялся обществу в качестве компенсации за издержки и риски при проведении модернизации. Отсутствие такого ресурса привело к формированию тоталитарной системы, ориентированной на внеэкономическое принуждение и изъятие ресурсов без компенсации.

5. В качестве постановки проблемы. Для России процесс проведения политики модернизации консервативно-авторитарного типа носит системный характер. Любые российские реформы от Петра I до сегодняшнего дня проводились государством за счет населения без соответствующих компенсаций. Данный факт во многом объясняет отсутствие поддержки снизу реформаторско-модернизаторским усилиям государства, обуславливает их половинчатость и зачастую провальный итог.

Примечания

1. The Kennan «L'Ong Telegram». Moscow, February 22, 1946 // Foreign Relations, 1946, Vol. 6 – Eastern Europe, Soviet Union. Washington, 1969, pp. 696–709.

2. Новиков Н. В. Внешняя политика США в послевоенный период. 27.09.46. Аналитический доклад // АВП СССР, Ф. 06, Оп. 8, П. 45. Д. 759.

Салмина М. С., Ордина Д. Г.

Трансформация восприятия И. В. Сталина в массовом сознании южноуральцев

С конца 1920-х гг. на Южном Урале шло активное строительство промышленных гигантов, регион получил «второе рождение» благодаря сталинской модернизации. Город Магнитогорск вырос с нуля в южноуральской степи, некогда уездный Челябинск, который в начале первой пятилетки едва насчитывал 70 тыс. жителей, к 1934 г. превратился в крупный город с населением свыше 250 тыс. человек. Вероятно, осознание того, что благодаря «великим стройкам», жизнь в крае стала меняться: появлялись рабочие места, росло благоустройство городов, становился современным их архитектурный облик, прокладывались широкие проспекты, формировало у части населения Южного Урала отношение к руководителю страны И. В. Сталину как к прозорливому и грамотному управленцу.

Но в крае также оставались и те люди, которые продолжали ютиться в бараках и в землянках, сохранявшихся в непосредственной близости от «высоток», очень тревожно чувствовали себя кре-

стьяне, переселявшиеся с места на место, работавшие на строительстве промышленных гигантов в статусе «спецпереселенцев» (на строительстве Магнитки они составляли 45 % трудового коллектива, в угледобывающем городке Копейске – почти 50 %). Так что в начальный период нахождения И. В. Сталина у власти среди населения Южного Урала формировался совсем не однозначный образ вождя. Но партийная элита страны, как и местная, усиленно работала на формирование культа личности И. В. Сталина.

Крупные города для четкости управления требовали деления на городские районы: в Магнитогорске и в Челябинске появились Сталинские районы. Во многих городах появлялись улицы, носящие имя вождя. Например, в закрытом центре Челябинск-40 (ныне г. Озерск) был проспект Сталина, а в г. Челябинске – улица Сталина (ныне ул. Российская). Практически все предприятия Южного Урала, что были построены по планам первых пятилеток, в память об «авторе» также получили его имя. Вместе с тем на селе все было иначе. Архивные документы партийных чисток 1929 и 1933 гг. приводят в изумление степенью «осведомленности» сельских партийцев: «Кто такой тов. Молотов? – Отв. Не знает. – Кто такой тов. Калинин? – Отв. Не знает. – Кто такой тов. Сталин? – Отв. Не знает. – Кто такой Ворошилов? – Отв. Не знает». [1] Проходящая чистку Негодяева А. А. в 1934 г. отвечала: «Кто такой Сталин? – Не знаю. (Указывает на портрет Ленина – «вот он».) – Есть ли на портрете тов. Ленин. – Не знаю (портрет висит против нее)». [2] Таким образом, мы видим, что жителей южноуральских сел в середине 30-х гг. еще не «накрыл» культ личности.

В условиях опутывавшего Южный Урал в 30–50-е гг. культа личности «вождя всех народов» строго каралось осознанное или неумышленное осквернение его имени. Чаще всего это происходило в средствах массовой информации. Во второй половине 1930-х гг. в Челябинской области пришлось даже организовать кампанию по борьбе с опечатками. Поводом для нее стала публикация в «Челябинском рабочем» резолюции областного съезда Советов. В тексте было обнаружено: «...достигнутые за 19 лет успехи под руководством партии Ленина – Сталина». Облит передал дело по этому «антисоветскому» факту в НКВД [3]. Более бдительными должны были быть журналисты челябинской молодежной газеты «Сталинская смена», ведь само название обязывало ко многому! А в редакцию этой газеты, как назло, проникли «враги». Например, поэт В. Губарев, заведовавший отделом литературы в 1938 г. был расстрелян за «контрреволюционную деятельность, участие в троцкистской организации» [4]. Расстреляны были и редакторы этой газеты.

В период массовых репрессий имя И.В.Сталина всплывало очень часто. Прежде всего на страницах протоколов допросов: *«Вопрос: Следствию известно, что с Исаковой Вы вели контрреволюци-*

онные разговоры. *Ответ:* К/р разговоров с Исаковой я не вел, а с нею у меня были разговоры о литературе, не носившие к/р характера. *Вопрос:* Вам предоставляются показания Исаковой, уличающие Вас в к/р клеветнических разговорах против политики ЦК и Сталина и в том, что Вы предлагали Исаковой вступить в к/р организацию и распространять антисоветские листовки. Продолжаете ли Вы отрицать свою вину?» [5] Из протоколов допросов часто следовало, что не только контрреволюционные разговоры велись в различных организациях и учреждениях, но даже... готовились «покушения» на товарища Сталина.

Отношение местной творческой интеллигенции к «вождю народов» можно рассмотреть на примере живописца И. Л. Вандышева, с 1936 г. состоявшего в Союзе советских художников. Наиболее глубоко его волновали жизнь природы и крестьянский труд, широко известен челябинцам цикл его работ с видами дореволюционного уездного центра. Но 30-е гг. были временем индустриализации, потому И.Л. Вандышев пытался идти в ногу со своим временем. Как видно из его дневниковых записей, это давалось ему совсем непросто. 1937 г.: «24 февраля... Закончил пейзажи – 4 шт. – копии. Дописываю картину «Сталин с пионерами». [6] «3 марта. Картину «Сталин с пионерами» заканчиваю. Как отнесется к ней критика?..» [7] Зимой 1937 г. художник работал над картиной для музея «Доклад т. Сталина на VI съезде в 1917 г.» и, видимо, так проникся темой, что 12 декабря оставляет запись: «Вчера вечером слушал выступление т. Сталина, а ночью во сне видел, что говорил с ним...»

Где же еще можно было встретить имя вождя? Казалось, что оно и так повсюду. Помимо того, что ЧТЗ носил имя И. В. Сталина, первая продукция завода также удостоилась чести носить имя вождя. Трактор «С-60» – «Сталинец» и выпускавшийся с 1937 г. «С-65» (первый советский серийный дизельный трактор) стали гордостью страны. Но и это не все – челябинские областные власти пошли еще дальше. Было принято решение сменить имя городу и посвятить его Сталину. В 1931 г. городским советом Челябинска было высказано предложение переименовать город в «Коба», но это обращение осталось без ответа. [8]

В 40-х – начале 60-х годов XX века памятники И.В.Сталину – неотъемлемой частью эпохи. По всей стране, Челябинская область не исключение, стояли скульптуры Сталина. Например, в Усть-Катаве памятник Сталину стоял возле Дворца культуры. Здесь И. В. Сталин – безмолвный наблюдатель, он склонил голову направо, как бы наблюдая за площадью возле Дворца культуры. В шахтерском городе Копейске монумент находился на главной площади – мимо него торжественным строем в праздники проходили колонны демонстрантов. А вот у тиражированного памятника вождям – В. И. Ленину и И. В. Сталину можно было запросто сфотографироваться в Челябинске

возле кинотеатра «Родина» и в г. Коркино. Памятник Сталину был и в Озерске.

Восприятие И.В. Сталина в качестве «вождя народов» «достигло своего апогея» в военные годы (культ личности «накрыл»-таки всех жителей Южного Урала). Уже 22 июня 1941 г. на десяти тысячном митинге, состоявшемся на ЧТЗ им. Сталина, призывное выступление секретаря районного партийного комитета Ф. Савина сопровождалось восклицанием «Да здравствует наш великий Сталин!», на которое участники митинга откликнулись продолжительным «Ура!» [9] Таким образом, в самом начале войны в городах и деревнях Южного Урала звучали лозунги, призывающие теснее «сплотиться вокруг советского правительства, партии и товарища Сталина». [10] Да и все военные годы для южноуральцев напрямую были связаны с именем вождя. И. В. Сталин назначал и снимал руководителей предприятий, под его руководством проводилась эвакуация, он отдавал главные распоряжения по работе тыла, его статьи в газетах, его речи, передаваемые по радио, были ориентиром для знаний о текущем положении страны.

То, какую роль играли слова И. В. Сталина в жизни людей, характеризует следующий документ ГУ ОГАЧО. Эвакуированная в Челябинск из Ленинграда семья не смогла ужиться с хозяевами дома настолько, что вынуждена была обратиться с жалобой к уполномоченному Ленинградского обкома ВКП (б). Среди многочисленных примеров проблем, которые создавали для них хозяева, в конце письма, как главный козырь, сообщается: «... Они запрещают нам слушать радио, которое находится у них в комнате, например, 6 ноября, когда по радио транслировалось выступление товарища Сталина на торжественном заседании в Москве, хозяева, видя, что я вышла на кухню и слушаю доклад товарища Сталин, выключили радио, а когда ушла – снова включили его. Жить в таких условиях нет никакой возможности. Прошу Вас оказать мне помощь в переселении на другую жилплощадь» [11].

Имя и речи вождя вселяли оптимизм и уверенность в тружеников тыла. В партинформации РК ВКП (б) от 24/Х1-1941 г. читаем: «Производственный подъем, вызванный выступлением тов. Сталина с докладом о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, на ЧТЗ продолжается. Коллектив кузнецов взял обязательство развернуть социалистическое соревнование за стахановскую встречу нового 1942 года, с честью выполнить указания товарища Сталина, давать больше продукции для фронта». [12] Сам производственный процесс рабочими и служащими оборонных предприятий воспринимался как личное задание тов. Сталина. Например, приказ № 1098 директора Кировского завода от 3 сентября 1942 г. начинается словами: «Во исполнение специальных заданий тов. Сталина по налаживанию танковыми заводами равномерного выпуска боевых машин...» [13]. На заводе собирали митин-

ги со следующей формулировкой: «...в связи с приказом товарища Сталина». [14] И. В. Сталин мог обратиться к труженикам завода посредством телеграммы: «...обращение т. Сталина к работникам Кировского завода об увеличении выпуска танков в сентябре». В ответ на телеграмму 8 сентября 1942 г. состоялся митинг, на котором приняли решение: «Не уходить из цеха до тех пор, пока не будет выполнено задание» – вот ответ рабочих завода». [15] Связь с вождем была двухсторонней: в челябинском архиве на хранении находится уникальный документ – рапорт большевиков Южного Урала весом 30 килограммов, направленный в 1943 г. И. В. Сталину. Документ уникален и внешним, и внутренним оформлением. Он выполнен из натуральной кожи, имеет массивную обложку с гравюрой, выполненной граверами из Златоуста. На листах документа размером один на один метр изображаются 59 предприятий, эвакуированных в Челябинскую область. Рассматривая военный период, нельзя не вспомнить и того, что тяжелый танк, выпускавшийся Кировским заводом, носил имя «Иосиф Сталин», или «ИС-3». Бойцы на фронтах Великой Отечественной получали благодарственные письма с портретом И. В. Сталина, труженики тыла – медали с портретом вождя. И. В. Сталин присутствовал везде.

Авторитет вождя и влияние сталинской политики на жителей Южного Урала возросло после победного завершения войны. Председатель цехкома завода им. Колющенко беспартийный т. Драгунов заявил: «Народу трудно живется, но мы надеемся, что не всегда так будет. Рабочие нашего цеха говорят: «Иосиф Виссарионович не подведет, поможет рабочим». [16] Таким образом, видим, что преодоление послевоенных трудностей рабочие связывали лично с главой партии, надеялись и были уверены в его поддержке.

В целом 1947 г. в восприятии И.В.Сталина как гения и вождя всех народов для южноуральцев был самым знаковым. В этот же год областная власть решила заняться к юбилею революции установлением мемориальных досок и памятников. Вспомнили и о том, что в 1903 г. И. В. Сталин находился в Челябинской пересыльной тюрьме, о чем свидетельствовали, по мнению организаторов, следующие материалы: «1) архивная книга облпартархива, ф. 596, д. 176, связь 10, оп. 2; 2) в книге «Челябинская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке» сказано: «По Сибирскому тракту через Челябинский этапный пункт проходил вождь народа великий Сталин» (с. 9); 3) известная картина художника Любимова, написанная в 1935 году. Этих материалов будет достаточно, чтобы утверждать, что т. Сталин в 1903 году был в Челябинской пересыльной тюрьме». Удивительно, что доказательством пребывания Сталина в Челябинске выбрана книга с общими словами и даже картина [17].

22 декабря 1947 г. состоялись выборы депутатов местных Советов. На некоторых бюллетенях было написано: «Да здравству-

ет тов. Сталин!», «Желаю товарищу Сталина жить долгие, долгие годы», «Спасибо Сталину за заботу о трудящихся», «Голосую за Великого Сталина!», «За вождя всех народов родного Сталина!», «Желаю товарищу Сталина всего наилучшего» [18]. Надписи были сделаны, как мы понимаем, от чистого сердца, от всей души. Никто не заставлял людей сделать это. Таким образом, восприятие вождя партии жителями уральской провинции отличалось, можно сказать, обожествлением данной персоны. Особое событие произошло 17 декабря 1950 г. – И. В. Сталин был избран депутатом Челябинского горсовета по избирательному округу № 195 (*Тракторозаводский район*), 19 декабря на ЧТЗ состоялись митинги, посвященные этому событию, на которых было принято решение «ознаменовать избрание тов. И. В. Сталина... трудовыми победами и выполнить годовой план по валовой продукции к 21 декабря». 27 декабря 1950 г. сессия Челябинского горсовета направила в адрес Сталина приветственную телеграмму [19]. В 1951 г. на «Челябинской областной конференции сторонников мира» уже всю славословили и пели гимны вождю: хотим «...вновь продемонстрировать свою беззаветную преданность великому знаменосцу мира товарищу Сталину! <...> Да здравствует великий знаменосец мира, любимый вождь всего трудящегося человечества товарищ Сталин!» [20].

Как видно из приведенных нами примеров, имя И. В. Сталина южноуральцы слышали постоянно – живя в сталинских квартирах, находящихся в Сталинских районах, приходя каждый день на сталинские предприятия, выпуская продукцию с именем Сталина, проводя досуг за просмотром фильмов о Сталине, читая в библиотеках его труды... Сюда же следует добавить и тот факт, что во всех учреждениях вождь внимательно вглядывался в лица южноуральцев со своих портретов, а на улицах приветствовал их своими скульптурными изображениями. То есть Иосиф Виссарионович Сталин зримо и незримо, хорошо или плохо, но присутствовал в жизни всего населения южноуральской провинции.

Наступил день 5 марта 1953 г. Каким этот день стал для южноуральцев? «Скорбная весть о кончине великого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа, гениального продолжателя дела Ленина – Иосифа Виссарионовича Сталина с быстротой молнии облетела весь город. Глубокой болью, как самое большое горе, она отозвалась в сердцах трудящихся города» [21]. Таким увидели этот день партийные работники г. Челябинска.

Обратимся к дневнику художника И. Л. Вандышева. Март 1953 г. запомнился ему особенно. Он подробно описывает траурные дни, связанные со смертью вождя: «5 марта. Четверг. Радио не работало. И мы не слышали передачу утром о кончине т. Сталина. Узнали от людей. Великий Сталин скончался в 9 часов вечера

*5 марта. Великое горе постигло советский народ и все прогрессивное человечество». [22] Как и многие другие опрошенные нами респонденты, художник И. Л. Вандышев переживал смерть И. В. Сталина как личную и одновременно как вселенских масштабов трагедию. О смерти Сталина большинство опрошенных нами людей узнало на работе, в школе, некоторые в садику. Кутасина Л. М. вспоминает: «В детском саду построили всех на линейку перед портретом Сталина, перевязанным черной лентой: заставили отстоять минуту молчания. Потом до обеда сидели на стульчиках, потому что играть не разрешали. Целый день все молчали». Школьников выстраивали на линейку перед портретом Сталина, произносились траурные речи. Все плакали. Даже те, кто сейчас негативно воспринимает И. В. Сталина. Титова В. Г. (1941 г.р.) проживала в с. Биянка Ашинского района: «Училась я в 6 классе. В класс прямо во время занятий вошел директор школы П. И. Шкуратов, бывший фронтовик, и в рыданиях упал на учительский стол, закрыв лицо руками. После этого все собрались на главной площади – там располагались клуб, правление колхоза, школа, где прошел митинг». Сальникова А. А. (1945 г.р.), пос. Каменский, Увельского района: «Хотя я была всего лишь первокурсницей, но тот день отчетливо запомнился. Наша учительница сообщила нам о смерти И. В. Сталина, и мы с подружкой, сидевшие за первой партой, навзрыд расплакались. Такая тревога была во всем». Мансурова Р. С. работала на ткацкой фабрике: «Пришла на смену в 5.00 утра, и вдруг объявляют о смерти Сталина. Все режут... С работы отпустили». Когда она рассказывала нам об этом – плакала. Из 21 опрошенного человека все без исключения сказали о том, что они плакали. Даже боевой офицер, прошедший всю войну, капитан запаса В. Д. Тарасов в своем дневнике пишет о том, как тяжело он воспринял потерю И.В.Сталина: «Я не могу писать, слезы застилают мои глаза. Кажется, после смерти моего отца 6 сентября 1946 г. мне не было еще так тяжело, как сегодня. Да и не только мне сегодня тяжело». [23] *Подтверждение того мы видим прямо на страницах дневника – застывшие капли слез, расплывшийся текст...**

Итак, как мы узнаем из документов и фотографий, жители всех населенных пунктов Челябинской области немедленно отреагировали на скорбное известие о смерти вождя. На улицах были вывешены траурные флаги, на зданиях появились портреты И. В. Сталина, окаймленные траурными лентами. В областном центре в 8 утра горком КПСС провел совещание с секретарями райкомов и дал им указание о порядке проведения траурных митингов. Секретари парторганизаций были обеспечены экстренным выпуском газеты «Челябинский рабочий», в которой было помещено обращение верховных органов ко всем трудящимся страны. Люди стали собираться на улицах у репродукторов, начались митинги в учебных заведениях, на предприятиях: «Нет слов, чтобы выразить скорбь и

печаль от тяжелой утраты, которую понес наш советский народ. В годы мирного строительства и в годы тяжелых испытаний Иосиф Виссарионович Сталин вел нас вперед, и мы побеждали», – выразил общую скорбь машинист рудного крана ЧМЗ т. Рогов. Рабочий обжигного цеха т. Долгов свои скорбные чувства выразил стихами [24]. На митингах принимались письма в ЦК КПСС, Совету министров СССР и Президиуму Верховного Совета СССР, брались повышенные производственные обязательства, ряд комсомольцев, учащихся техникумов подали заявления в партию.

Вождя похоронили. Но жизнь продолжалась, и южноуральцы застыли в ожидании того, что будет дальше. Ведь потеря вождя, человека, который для многих был непререкаемым авторитетом, отцом и учителем, была серьезным психологическим ударом. Были утеряны ориентиры в жизни. Наступил 1956 год: XX съезд партии, доклад Н. С. Хрущева, постановление «О преодолении культа личности и его последствий». В июле на всех предприятиях и учреждениях области началось обсуждение. Только за пять дней с 15 по 20 июля 1956 г. в 7 районах города Челябинска было проведено 66 партийных собраний, в одном Тракторозаводском районе прошло 18 собраний! Многие после доклада Н. С. Хрущева стали утверждать, что в поступках И. В. Сталина виноваты и члены ЦК КПСС. Вместе с тем, у людей возникало множество вопросов: будут ли сняты портреты Сталина; не послужит ли дальнейшее возвеличивание В. И. Ленина превращению в культ личности; почему у нас в стране одна-единственная партия, не является ли это ущемлением демократии. Раньше задавать такие вопросы, даже думать о них запрещалось. После смерти И. В. Сталина появилось некое послабление. Теперь можно было высказывать даже негативное отношение к Сталину. Критика же партии была нежелательной.

Большинство южноуральцев признали политику партии правильной: «Нарушение демократизма в нашей стране тормозило развитие государства, и культ личности причинил немалый вред. Теперь стало легче дышать. А при жизни Сталина боялись думать даже о выступлениях с предложениями в государственных делах. А теперь правительство свободно советуется с нами и учитывает предложения народа» – заявил на собрании в цехе 700 ЧТЗ беспартийный начальник цеха т. Каток. [25] Отметим, что ключевым его словом является слово «боялись». Да, наверное, уход этого слова из жизни – важное завоевание XX съезда.

К началу 1960-х исчезли портреты со зданий и из кабинетов, были распилены и выброшены на «свалку истории» памятники. Памятник Сталину в закрытом г. Озерске был распилен напополам и выброшен. Один местный житель подобрал его и поставил у себя на огороде. Состоялись грандиозные по масштабам переименования: исчезли Сталинские районы в Челябинске и Магнитогорске, у

проспектов появились новые имена. Переименовали и продукцию предприятий. Новый тяжелый танк «ИС-10» был принят на вооружение приказом Министра обороны СССР от 15 декабря 1953 г. уже под названием «Т-10». Имя И. В. Сталина очень быстро «выходит из обращения». В рамках кампании по искоренению культа личности Сталина дипломы и значки лауреатов Сталинской премии были заменены с 1961 г. на дипломы и значки лауреатов Государственной премии. С грамот и дипломов, которые вручались южноуральцам за их заслуги и достижения, исчезли портреты вождя. Были внесены коррективы в поэтическое и песенное наследие сталинских времен.

Сегодня население Челябинской области, как и многих других регионов страны, по-прежнему не определилось в своем отношении к личности И. В. Сталина. Это мы видим в средствах массовой информации, в существовании «просталинских» периодических изданий, таких как, например, газета «Танкоград». 29 сентября 2009 г. челябинское отделение Союза писателей России отметило свой 75-летний юбилей, и нескольких юбиляров Союза наградили памятными медалями Иосифа Сталина. Яростные споры ведутся в местных СМИ по поводу личности актера и режиссера Л. Л. Оболенского, о том, насколько он безвинно был репрессирован. Челябинская область «прославилась» на всю страну, установив в одной из школ памятник вождю, а с другой стороны, общественность города много сил отдает для увековечивания памяти невинно репрессированных жителей Челябинской области...

Примечания

1. ОГАЧО, ф. П-229, оп. 1. д. 122, л. 142.
2. ОГАЧО, ф. П-229, оп. 1. д. 126, л. 19.
3. Лымарев А. Н. Цензура в печатных СМИ Урала в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XX века. // Исторические чтения: материалы науч. конф. «Культура Урала. XX век», посвящ. 90-летию со дня образования в Челябинске Комитета по орг. разум. развлечений / ред.-сост. Э. Б. Дружинина, И. А. Казанцев. Челябинск: (б. и.), 2007 496 с.: ил. С. 205.
4. Ягодинцева Н. А. Губарев Виктор Федорович. 90 лет со дня рождения. Календарь знаменательных дат. Челябинская область. 2004. – Челябинск, 2004.
5. Непеин И. Палачи и жертвы. Челябинск: ТОО «Версия»: ТОО «Лад», 1997. 223 с.: ил. (фот.).
6. Дневник Вандышева И. Л. 1936–1964 гг. // Челябинск не-известный: Краеведческий сборник. Вып. 3 / Сост. В. С. Боже. Челябинск, 2002. 848 с.: ил. С. 585.
7. Там же, с. 586.
8. Исторические чтения: Материалы IV научной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «История

Челябинска: проблемы источниковедения и историографии» – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1997. 145 с. С. 117–119.

9. ОГАЧО, ф. П-122, оп. 1, д. 76, л. 69.

10. ОГАЧО, ф. П-288, оп. 42, д. 17, лл. 135–136.

11. ОГАЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 226, л. 48.

12. ОГАЧО, ф. П-122, оп. 1, д. 76, л. 140.

13. ОГАЧО, ф. Р-792, оп. 5, д. 29, л. 11.

14. ОГАЧО, ф. П-122, оп. 1, д. 103, л. 12.

15. ОГАЧО, ф. П-122, оп. 1, д. 103, лл. 11–120.

16. ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 189, лл. 19–29.

17. Общество и власть. Российская провинция. 1946–1985. Челябинская область. Документы и материалы / отв.ред. к.полит.н. Н. М. Рязанов; чл.-корр. РАН А. Н. Сахаров; зам.отв.редактора д.и.н. В. С. Балакин [и др.]; сост.: к.и.н. А. П. Финадеев, Г. Н. Кибиткина, Е. А. Калининна [и др.]; авт.: д.и.н. В. С. Балакин, д.и.н. В. Н. Новоселов; отв. за выпуск Г. Н. Кибиткина: Государственный комитет по делам архивов Челябинской области. – Челябинск: Книга, 2006. 487 с. 1000 экз. С. 77.

18. Архивы Урала № 1 (7) 2002.

19. Егурная И. С. Сталин И. В. // <http://www.book-chel.ru>

20. Общество и власть. Российская провинция. 1946–1985. Челябинская область. Документы и материалы / отв.ред. к.полит.н. Н. М. Рязанов; чл.-корр. РАН А. Н. Сахаров; зам.отв.редактора д.и.н. В. С. Балакин [и др.]; сост.: к.и.н. А. П. Финадеев, Г. Н. Кибиткина, Е. А. Калининна [и др.]; авт.: д.и.н. В. С. Балакин, д.и.н. В. Н. Новоселов; отв. за выпуск Г. Н. Кибиткина: Государственный комитет по делам архивов Челябинской области. – Челябинск: Книга, 2006. 487 с. 1000 экз. С. 124.

21. Там же. С. 144–145.

22. Дневник Вандышева И. Л. 1936–1964 гг.// Челябинск не известный: Краеведческий сборник. Вып. 3 / Сост. В. С. Боже. – Челябинск, 2002. – 848 с.: ил. С. 643–644.

23. Дневник Тарасова В. Д. Музей «Наследие» МАОУ СОШ № 59 г. Челябинска.

24. Общество и власть. Российская провинция. 1946–1985. Челябинская область. Документы и материалы / отв.ред. к.полит.н. Н. М. Рязанов; чл.-корр. РАН А. Н. Сахаров; зам.отв.редактора д.и.н. В. С. Балакин [и др.]; сост.: к. и. н. А. П. Финадеев, Г. Н. Кибиткина, Е. А. Калининна [и др.]; авт.: д. и. н. В. С. Балакин, д.и.н. В. Н. Новоселов; отв. за выпуск Г. Н. Кибиткина: Государственный комитет по делам архивов Челябинской области. Челябинск: Книга, 2006. 487 с. 1000 экз. С. 146–147.

25. Там же. С. 145.

Стецура Ю. А.

Сталинизм и трагизм молодежи 20–30-х годов: исторический опыт, основные проблемы, уроки

В настоящее время, когда процесс переосмысления всего исторического опыта связан с выявлением новых документов, ранее недоступных исследователям, с отказом от стереотипов сталинской методологии, представляется возможным по-новому взглянуть на влияние сталинизма на весь ход исторического развития советского общества.

В начале 20-х годов И. В. Сталин внимательно следил за развитием юношеского движения в советской России. Став Генеральным секретарем ЦК РКП/б/, а потом ВКП/б/ он все дальше отступал от идейно-теоретических и организационных принципов большевизма по руководству молодежным движением, таких как «организационная самостоятельность комсомола», «терпеливое отношение старших к молодежи», «использование только методов убеждения».

Сталин был инициатором многих антидемократических решений по вопросам комсомола и лично участвовал в организационной расправе над комсомольскими лидерами ЦК ВЛКСМ и требовал такой же расправы от местных партийных комитетов.

Причины такого поведения сталинского окружения можно, наверное, объяснить известной растерянностью политического руководства страны. Допустив частный капитал в период НЭП, но не найдя формы экономического воздействия на общество, партийные функционеры решили направить всю мощь партийной организации на идеологизацию общественной жизни. Этим самым партократия решала несколько задач. Во-первых, пыталась сплотить вокруг идей о построении «социализма в одной отдельно взятой стране» люмпенские и маргинальные слои России; во-вторых, нанести решительный удар по всем народно-социалистическим организациям и тем самым установить легитимную монопольную власть партии большевиков; в-третьих, добиться, чтобы комсомол стал единственной молодежной организацией страны, и взять ее под идейный и организационный контроль; в-четвертых, заменить религиозную идеологию партийной моноидеологией, доказывая ее необходимость для каждого члена общества; в-пятых, убедить молодое поколение, что только сталинская партия ВКП/б/ способна выработать правильный курс общественного развития, и использовать юношеское движение, как послушный «инструмент», как «социальную затычку» в руках политического руководства.

Для сталинизма характерным являлось мифотворчество. Создание легенд нужно было И. В. Сталину для самооправдания своих «теорий» и практических методов «построения социализма».

Сворачивая нэп, Сталин должен был оправдать переход к чрезвычайным мерам в экономике и политике в духовной жизни общества. Это можно было сделать ,только породив новые мифы.

3 ноября 1929 г. И. В. Сталин объявил всей стране и всему миру о «Великом переломе». Именно в этой статье проявились основные черты мифологизации «социалистического строительства», вошедшие на многие годы в советскую историческую литературу. Таковы мифы «О растущей агрессивности классовых врагов по мере успехов построения социализма», о разрешении «проблемы накопления для капитального строительства тяжелой промышленности», о «развертывании творческой активности и могущества трудового подъема», о переходе «крестьянских масс от старого капиталистического пути к новому социалистическому».

Однако эти мифы перечеркивались постановлениями ЦК ВКП(б), в которых откровенно признавалось, что «трудовая дисциплина на многих предприятиях находится на очень низком уровне». Поэтому 21 февраля 1929 г. ЦК ВКП(б) вынужден был обратиться с письмом «Ко всем партийным организациям о поднятии трудовой дисциплины». Это письмо показывало, что никакого «развертывания творческой активности» нет. Перечеркивало сталинский миф о переходе крестьянства на новый «социалистический путь» постановление 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», письмо ЦК ВКП(б) от 24 сентября 1930 г. «О коллективизации» и др. Не была полностью решена и проблема «первоначального накопления для капитального строительства» [1].

Упрощать обстановку в России в конце 20-х годов не стоит. Она была крайне противоречивой. С одной стороны, сложная международная обстановка, сложившаяся по вине официальных политиков Запада, требовала от руководства страны принятия мер в защиту модернизационных преобразований, с другой – внутриэкономические проблемы и трудности ставили перед партийными лидерами задачу поиска эффективных мер в решении экономических, политических вопросов.

Провозгласив построение «социалистического» общества, И. В. Сталин и его окружение всеми силами пытались доказать преимущество нового строя, хотя первые годы нэпа свидетельствовали о том, что советская власть осуществляет кардинальные модернизационные преобразования, характерные для раннеиндустриального периода в развитии общества, через который прошли западноевропейские государства. Выход из сложившейся ситуации можно было найти, изменив парадигму политического руководства.

В ходе политики НЭП был установлен гражданский мир в обществе. Новые экономические, политические реалии советского общества объективно выдвигали вопросы о развитии свободы мнений, о разделении властей, развитии парламентаризма, основанного

на демократии, многопартийности. Но И. В. Сталин и его окружение не могли пойти на это. И не случайно, наверное, свое первое выступление на съезде комсомола Сталин посвятил обоснованию мифа «о развитии классовой борьбы в условиях построения «социализма». Сталинское выступление было проникнуто пассаизмом. Генерального секретаря ЦК ВКП/б/ не устраивало то, что уже пять лет страна жила в условиях «отсутствия войны с внешними врагами, но и отсутствия элементов гражданской войны внутри страны» [2]. Именно эти условия, по мнению Сталина, породили успокоенность в обществе, теории «самотека», «отсутствия классовых врагов» и «подрывали боевую готовность рабочего класса». Поэтому очередной задачей партии провозглашалась: «ПОДЫМАТЬ БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА ПРОТИВ КЛАССОВЫХ ВРАГОВ» [3].

Уже в мае 1928 г. Сталин объявил задачу классовой борьбы не как временную, а как продолжительную, на долгие годы. Поиск классового врага, по мнению Сталина, «поспособствовал генерации гражданской войны», эпохи военного коммунизма. Атмосфера гражданской войны помогла советскому руководству централизовать политическую, экономическую, идеологическую работу, ограничить демократические институты власти. А самое главное – приучить молодежь быть в боевой готовности и всегда, по первому слову партии идти вперед на «классового врага», не задумываясь, не сомневаясь в «правильности, мудрости партии и ее руководителей». Сталинское окружение очень хотело, чтобы «старая и молодая гвардия шли вместе в едином фронте, в одну шеренгу» [4].

Сомнения и колебания юношества, которые выражались в ряде статей в комсомольской печати, рассматривались как вредные теории, мешающие «большевистскому воспитанию молодежи» и способствующие «проникновению чуждой пролетариату идеологии в ряды комсомола», ведущие к «либеральной терпимости, к уклонам от генеральной линии партии» [5].

Борьба против «классового врага» в комсомоле носила парадоксальный характер. Проявляя «классовую бдительность», комсомольские функционеры занимались выявлением «чуждых элементов» в Союзе молодежи. В «чуждые» попадали настоящие патриоты родины. Так, в 1930 г. был исключен из комсомола и Талицкого лесотехнического техникума будущий легендарный разведчик, Герой Советского Союза (1944 г.) Н. И. Кузнецов.

В течение 30-х годов поиск классового врага в комсомоле то ослабевал, то возрастал. Этот вопрос достиг апогея к середине 30-х, когда охота за классовыми врагами стала основным делом всей партии и комсомола. Работа по «очищению» рядов ВЛКСМ носила кампанейский характер и вызывала непонимание у многих комсомольских функционеров. Так, в докладной Тобольского Окружкома комсомола «Очищение комсомольской организации от вражеских элементов»

за период с 1 января 1937 г. по 10 июля 1937 г. указывалось, что из рядов ВЛКСМ по политическим мотивам было исключено 15 человек: 12 – в первом и 3 – во втором квартале. На основе этих данных делался вывод, что «борьба за очищение организации от вражеских элементов за два квартала была ослаблена, и по существу никакой борьбы не велось». Зато в третьем квартале положение исправили: исключили как враждебных элементов и двурушников 89 человек [6].

Поводов для репрессий в отношении молодежи было много. Так, в марте 1937 г. бюро Тобольского райкома комсомола рассмотрело вопрос о директоре «Дворца пионеров» и приняло решение «снять с должности директора, т. к. он имел выговор за сохранение зиновьевской литературы». Был исключен из комсомола учащийся Тобольской школы советских кадров за то, что при обсуждении материалов о процессе по делу «параллельного троцкистского центра» он заявил: «Если бы не арестовали и не расстреляли Пятакова, Радека и др., то крестьянство пошло бы за ними».

Пермский горком комсомола рассматривал апелляциянные постановления комсомольцев, исключенных из Союза молодежи по политическим мотивам. Так была исключена из комсомола девушка, которая пыталась защитить своего отца, считая несправедливым его арест органами НКВД. Бюро Пермского ГК ВЛКСМ восстановило ее в комсомоле, но объявило выговор «за притупление политической бдительности, выразившееся в том, что, зная о переписке отца на финском языке с дядей, который проживал в пограничной зоне, не сообщила органам» [7]. Абсурдные формулировки выговоров, исключения юношей и девушек из комсомола свидетельствовали о паллиативности политического руководства молодежным движением. Репрессии в отношении молодежи начиная со второй половины 30-х годов осуществлялись постоянно. Так, среди исключенных из ВЛКСМ «враждебные элементы» составляли в 1936 году 9,7 процента, в 1937 г. – 49,8, в 1938 г. – 31,1, в 1939 году – 6,9 процента [8].

Политические репрессии в отношении молодежи вызывали непонимание у юношей и девушек, формируя у отдельной части молодежи протестные движения. Для ликвидации оппозиционности юношества необходимо было дать ей политическую, организационную самостоятельность. Но сталинское руководство не могло допустить этого. Сталин и его окружение требовали только одного: идти «в одну шеренгу». А кто делал шаг вперед или в сторону, нарушал общий строй, тот попадал в ГУЛАГ или подвергался политическим экзекуциям (исключался из комсомола, объявлялся «правым», «левым», «оппортунистом», «контрреволюционером», «пособником врагов народа» и т. д.).

Особенно много судеб молодых было искалечено в годы коллективизации. Большое количество испытаний пришлось на сельскую молодежь в период становления колхозного строя. Первые хлебозаго-

товительные трудности в стране ввергли партийное руководство в панику. У сталинского окружения был один вариант: вновь применить «красногвардейскую атаку» на крестьянское хозяйство, как это было в годы Гражданской войны, «военного коммунизма». Проведение «чрезвычайщины» помогало Сталину держать страну в постоянной боевой готовности, оправдывать «теорию» классовой борьбы и при помощи силы решить проблему хлебозаготовок. Объявляя чрезвычайные меры, Сталин решал не только экономические вопросы, но и политические. Проводя люмпенизацию деревни, он уничтожал социальный слой крестьянства, который мог через определенное время претендовать на власть.

Крестьяне, как и некоторые партийные, советские работники, считали, что вопрос о кулаке нагнетается искусственно. Об этом же говорит письмо крестьянина в радиогазету от 19 февраля 1928 г.: «По мнению многих крестьян, кулак в деревне изжит давно, а под кулаком надо понимать крестьянина труженика-хлебороба, который приносит только пользу государству и улучшает свое хозяйство» [9]. Обследование деревенских партийных ячеек работниками аппарата ЦК ВКП/б/ показывало, что в 1927 г. «антисоветского актива, ведущего определенную работу против мероприятий партии и советской власти, в деревне не имелось» [10].

В особенно трудном положении оказалась сельская молодежь. Стремясь к переустройству деревенской жизни, она столкнулась с огромными организационными, нравственными и политическими потрясениями. С одной стороны, многим молодым людям льстило то, что они на переднем фронте в борьбе за «социализм». О них говорили, писали, их боялись. С другой – на многие годы значительная часть молодых людей становилась изгоями в собственном государстве, что отражалось на формировании личности, мировоззрения, судьбы. Из провинции в Москву, к Сталину шли письма, в которых молодые люди задавали вопросы или рассказывали вождю, как идет коллективизация, с какими проблемами приходилось сталкиваться. Так, комсомолец Березниковского района, обращаясь к Сталину, писал: «Меня обманом записали в колхоз, говорили, что дадим корову и всем обеспечим, выучим грамоте, а этого ничего не оказалось. Ничем не снабдили и мне нечего жрать». И далее юноша с горечью рассказывал И. В. Сталину о том, что «многих так обманули и даже запугали, что если не пойдешь в колхоз, то тебе что-нибудь будет». Комсомолец спрашивал партийного руководителя: «Зачем, тов. Сталин, круто брать, и так бы, кому нужно, вошли в колхоз, зачем обманывать бедноту. Мы стремились к свободе, прогнали помещиков, но сейчас становится то же» [11].

Думающим молодым людям было непонятно, почему еще несколько лет назад (1924–1926 гг.) призывали комсомольцев становиться «примерным хозяином», а в 1928–29 г. этот примерный хозя-

ин признавался «кулаком», и к нему применяли репрессивные меры. Непонимание политической деятельности партии рассматривалось комсомольскими лидерами как «правая опасность», и они давали указания «бить по настроениям», которые высказывались: о том, что «на деревню нажали», «зачем ограничивать кулака, когда он еще нам полезен», «мы слишком перегнули палку», «кулаку нужно дать побольше свободы». Эти высказывания выдавались за единичные, но на самом деле так думали многие молодые люди, о чем свидетельствуют протоколы пленумов ЦК ВЛКСМ, местных комсомольских органов.

Несмотря на выполнение директив И. В. Сталина и проведение в жизнь политики ВКП(б), в период массовых политических репрессий руководителям комсомола и комсомольскому активу инкриминировалось участие в «контрреволюционной троцкистской организации», «антисоветском военно-фашистском заговоре», «контрреволюционной зиновьевской группе», «Ленинградском центре», «антисоветской террористической организации правых» и многие из них были репрессированы. Список первых, генеральных секретарей Центрального Комитета комсомола, репрессированных в 30-е годы: Цетлин Ефим Викторович (1898, г. Могилев – 1937) – председатель ЦК РКСМ с ноября 1918 по июль 1919 г. 16 апреля 1937 г. арестован по обвинению в участии в «антисоветской организации правых» и приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 июня 1937 г. осужден к 10 годам лишения свободы. Отбывая заключение, был обвинен во враждебной деятельности и постановлением тройки УНКВД Ивановской области от 16 сентября 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1957 г.; Рывкин Оскар Львович (1899, г. С-Петербург – 1937) – председатель ЦК РКСМ с июля 1919 по апрель 1920 года, первый секретарь ЦК РКСМ с апреля 1920 по сентябрь 1921. 17 января 1937 г. арестован по обвинению в принадлежности к «троцкистской группе» и постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 августа 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1956 г.; Шацкин Лазарь Абрамович (1902, г. Сувалки /Польша/ – 1937) – первый секретарь ЦК РКСМ с сентября 1921 по апрель 1922 г. 10 февраля 1939 г. арестован по обвинению в принадлежности к «антипартийной право-левацкой группе» и постановлением особого совещания при НКВД СССР от 26 марта 1935 г. заключен в ИТЛ сроком на 5 лет. Находясь в заключении, привлечен к уголовной ответственности по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной троцкистской организации» и приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 января 1937 г. осужден к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1963 г.; Смородин Петр Иванович (1897, с. Боринское Задонского уезда Воронежской губ. – 1939) – первый секретарь ЦК РКСМ с апреля 1922 по июль 1924 г. 22 июня 1938 г. арестован по обвинению в участии в «анти-

советской организации правых» и приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 февраля 1939 г. осужден к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1954 г.; Чаплин Николай Павлович (1902, с. Рогнедино Рославского уезда Смоленской губ. – 1938) – первый секретарь ЦК РЛКСМ с июля 1924 г., генеральный секретарь ЦК комсомола с марта 1926 по май 1928 г. 28 июня 1937 г. арестован по обвинению в принадлежности к «правотроцкистской организации» и приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 сентября 1938 г. осужден к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1955 г.; Мильчаков Александр Иванович (1903, г. Вятка – 1973, г. Москва) – генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ с мая 1928 по март 1929 г. 21 декабря 1938 г. арестован по обвинению в участии в «антисоветской правотроцкистской организации» и приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР от 20 апреля 1939 г. к 15 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1954 г.; Косарев Александр Васильевич (1903, г. Москва – 1939) – генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ с марта 1929 по ноябрь 1938 г. 28 ноября 1938 г. арестован по обвинению в том, что являлся руководителем «правотроцкистской организации» и приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 февраля 1939 г. осужден к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1954 г. [12].

Кроме первых секретарей коммунистического союза молодежи, в 30-е годы репрессировано: 26 – секретарей ЦК комсомола; 35 – членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ; секретари обкомов, горкомов, редакторы комсомольских газет. Из 93 членов ЦК ВЛКСМ, избранных на X съезде (апрель 1936) были репрессированы 72, из 35 кандидатов в члены ЦК комсомола – 27 человек [13].

Трагедия молодежи 20–30-х годов состояла в том, что, отдав все силы, всю энергию на превращение страны в индустриальную державу, поверив политическому руководству, которое провозгласило строительство нового «социалистического» общества, молодые люди оказались обманутым поколением, на долю которого пришлось все тяжести индустриализации, коллективизации сталинского «великого перелома».

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 5.

2. Сталин И. В. Соч. Т. 11, с. 62.

3. Сталин И. В. Соч. Т. 11, с. 70.

4. Сталин И. В. Соч. Т. 11, с. 78.

5. Товарищ комсомол. Т. 1, с. 415.

6. Государственный архив социально политической истории Тюменской области (ГАСПИТюмО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 103. Л. 25, 28.

7. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 1753. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

8. См.: Криворученко В. К. Влияние культа личности Сталина на деятельность комсомола и воспитание молодежи // Последствия культа личности Сталина в жизни комсомола и молодежи. М., 1988, С. 61.

9. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации [1927–1932] / Под ред. В. П. Данилова, Н. И. Иваничкого. М., 1989, С. 165.

10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), Ф. 17, Оп. 69, Д. 333. Л. 31.

11. ПермГАНИ, Ф. 2, Оп. 7. Д. 1. Л. 70.

12. Список первых секретарей репрессированных в 30-е годы, составлен на основе архивной справки Центрального архива КГБ СССР от 18.08.1991 г. за N10/А-2168 и кн.: Строка в биографии. Секретари Центрального комитета комсомола 1919–1990 гг.: персоналии. М., 1990, С. 6–19.

13. Подсчитано нами по кн.: Строка в биографии. Секретари Центрального комитета комсомола, с. 29–72.; См.: Позывные истории. Вып. 9. М., 1990, с. 44–45; Политическое самообразование. 1980. № 16. С. 63.

Матюшин П. Н.

**Общественные трансформации политического террора
второй половины 1930-х гг. в Чувашской АССР:
историко-психологический портрет региона**

Эпоха политического террора второй половины 1930-х гг. в истории нашей страны все чаще становится полем дискуссии и научных споров. Изменение парадигм изучения не только репрессий, но и самого феномена сталинизма актуализируется исследованиями с применением историко-психологического и антропологического подходов, где не последнее место занимает проблематика трансформации данного явления в историко-культурной и индивидуальной памяти.

«Время, когда люди свято верили и страшно боялись одновременно, время рекордов и самых задушевных за всю историю песен, время роста театров, школ и библиотек... время невиданного строительства мира тюрем» [1] имело разноплановую трансформацию в общественном и индивидуальном сознании. Тем интереснее анализировать и зачастую противопоставлять уже имеющийся комплекс опубликованных мемуарных источников с вновь открывающимися архивными фондами политдонесений и информсводок о реакциях на политические «революционные всенародные процессы».

По мнению Ю. Лотмана, в ходе исторического или биографического осмысления поворотного события (в данном случае – проведения политического террора в стране) происходят трансформации, которым ученый уделяет особенно пристальное внимание, уже в аспекте культурной памяти. По его мнению, «произошедшее событие предстает в многослойном освещении: с одной стороны, с памятью о только что пережитом взрыве, с другой – оно приобретает черты неизбежного предназначения. С последним психологически связано стремление еще раз вернуться к произошедшему и подвергнуть его «исправлению» в собственной памяти или пересказе» [2].

Позиция ученого вносит весьма актуальную и новую основу в рассмотрении историко-психологического содержания восприятия реальности 1930-х гг. в индивидуальной памяти (со)участников этой реальности. Именно эту трансформацию памяти Лотман характеризует как психологическую потребность переделать прошлое, внести в него исправления, а затем пережить этот скорректированный процесс как истинную реальность.

При этом стоит отметить, что в социально-психологическом контексте проведение политических репрессий, помимо классического» выявления нажима «сверху», позволяет определить и некоторые тенденции «чистки снизу». Этот процесс, ставший знаменем первых лет «социалистического наступления» (начала 1930-х гг.), проводился наряду с разворачиванием различного рода агрессивных крикливых кампаний, напоминавших «промывание мозгов» [3]. Однако в отличие от предыдущего периода, где активную роль в этом процессе проявили «рабочие бригады по чистке», данный процесс в реалиях второй половины 1930-х гг. проходил в условиях примитивности и догматизма партийной идеологии.

Подмена объективной действительности, спроецированной под влиянием воспоминаний о прошлом, «идеальной картиной» окружающего мира проявилась в ходе обсуждения материалов уголовных дел над «врагами народа».

Условия прочтения и доведения до сознания людей информации о политических репрессиях второй половины 1930-х гг. проходили в жесткой агитационной пропаганде, что выражалось, с одной стороны – в стремлении общество заставить искать «врагов народа» в своем учреждении, на своем заводе и в колхозе, а с другой – определить идеологическую необходимость в постоянной борьбе с «врагами внутренними и внешними». Так, в отчете одного из сельсоветов Тархановского района республики было указано, что «в проработке международного положения за основу берем указания товарища Сталина, что Советский Союз установил свои социалистические порядки на 1/6 части земного шара и вокруг СССР продолжают существовать капиталистические порядки. Поэтому пока существует капиталистическое окружение, будут существовать и вредители,

шпионы, диверсанты и убийцы, засылая в наши тылы агентов иностранных государств. Эти указания товарища Сталина мы увязываем с политическим материалом в печати о раскрытии различных троцкистских групп вредителей, шпионов, диверсантов и убийц.... При проработке о деле Тухачевского, Эйдемана и других увязывали недостатки в конкретном колхозе в работе осовавиахимовских организаций и др.» [4].

Такая «увязка» давала возможность представить вполне бытовые и административные проступки сотрудников учреждений или правления колхоза в контексте не только вредительства, но и деятельности иностранных разведок. В информационных отчетах такая работа имела и положительные результаты: так в Чебоксарском районе, «благодаря» проработке материалов судебного следствия над процессом троцкистско-фашистского параллельного центра «4 человека как мошенники вычищены из кооперативного аппарата, 5 человек сняты с работы и преданы суду из аппаратов сельсоветов, один человек снят с работы РИКа, в Кугеевском колхозе разоблачена шайка, которая путем подделки документов занималась хищением колхозного хлеба» [5]. С другой стороны, обсуждение того же процесса имело и иные последствия: в колхозе «Парижская коммуна» с. Большие Чемеево «при обсуждении приговора по делу Тухачевского и других разоблачили, что в колхозе пало два теленка исключительно по вине плохого ухода со стороны скотников и халатного отношения пастухов к лошадям (медведи задрали двух лошадей)» [6].

После каждого сообщения прокуратуры проводились многочасовые (но не столь многочисленные) митинги во всех учреждениях, колхозах и т. д. Характерными были выступления с требованием расстрела «врагов народа». Так, секретарь одного из нарсудов Траковского района республики сказал: «Троцкисты много нам навредили, они хотели убить товарища Сталина и его соратников. Смерть врагам народа, требовать от пролетарского суда расстрела» [7]. Еще одной темой становился вопрос о предательстве перед родиной: «Эти трижды презренные враги рабочего класса хотели предать территорию СССР для того, чтобы капиталисты развивали свои хозяйства на советской земле. Смерть врагам рабочего класса» [8].

Отношение к «врагам народа» (не без помощи печати) укладывалось в простые и незамысловатые формулы, к примеру: «Они хотели распустить колхозы. Что это значит? Это значит, что они наши враги, а врагов надо уничтожить...» [9].

Наименее численную группу составляли «индивидуалистские высказывания», которые несли личностное отношение к происшедшим событиям: «Таких псов мало расстреливать, к ним надо применить самые мучительные меры. Если бы была возможность, то у меня не дрогнула бы рука убить их и верного пса Троцкого, ко-

того напрасно отпустили из нашей страны» [10]. Стоит обратить внимание, что в данном высказывании фигура Троцкого выступает двояко – с одной стороны, это символ террора, который происходит в стране в настоящее время. С другой стороны, высказывается недоумение в ранге критического замечания государству об «упущении» этой «причины».

Образ Троцкого, умело превращенный в символ и стержень «троцкизма», постоянно становился темой при чтке материалов и судебных процессов. Так, на одном из собраний с участием агитатора Павловой были заданы следующие вопросы: «Где находится в данное время Троцкий? Нельзя ли привезти его в СССР и судить его? Как могли троцкисты связаться с Троцким? и т. д.» [11]. Но с другой стороны, образ и имя Троцкого «обыгрывалось» и в защиту того или иного действия (или противодействия) власти. Так, при выявлении книг Троцкого в библиотеках вузов, в частности – Казани, и обвинениях студентов в «троцкизме» звучали вполне здравые мысли о том, что «нельзя изучать историю перманентной революции Троцкого, если не будем читать подлинники и первоисточники» [12].

Во время беседы о процессе над троцкистским контрреволюционным параллельным центром в Марпосадском районе колхозники задавали много вопросов: как раскрыли эту банду? Нет ли поблизости с ними те, которые еще не раскрыты? Единодушно требовали расстрелять эту банду без жалости.

Насколько возрос культурный уровень колхозников, можно судить по тому, что колхозник Емельянов весь процесс знает прекрасно и газеты читает регулярно. Характерный случай произошел при обсуждении судебного процесса в деревне Кушниково того же района: когда принимали решение, один из колхозников подошел к столу президиума, постучал по столу и сказал: «Не забудьте записать одно: чтобы больше ни одной такой сволочи не было» [13].

Антураж террора приводил к психологическому состоянию постоянного напряжения сил: физических и духовных. «Поиски» и «борьба» с выявленными «врагами народа» провоцировали общество к нажиму на сознание индивида. Так, в речи одного из выступавших на выборах партторгов в апреле 1937 г. звучали такие провокационные нотки: «мы говорим о бдительности, изучении людей, борьбе с подхалимством, а на деле у нас в этом вопросе обстоит дело плохо.... Нужно решительнее повести борьбу с негодяями» [14].

Также весьма характерными для региона были и обязательства, взятые почти всеми колхозными хозяйствами республики в ответ на «вылазки» троцкистов. Как отмечалось в отчете: «... все колхозники единогласно приняли решение с требованием смертной казни всем подлым изменникам родины и в ответ на их гнусные преступления за 8 дней вывезли на поля удобрений 1200 возов, собрали золы – 20 центнеров» [15].

Хотя такая «трудовая» трансформация политического террора была неудивительна. С одной стороны, четко срабатывали установки государства, а именно: «увязать беседы и читки с жизнью колхоза и мобилизовать внимание колхозников на лучшем выполнении всех мероприятий партии и правительства, помня лозунг «Брага надо бить конкретным делом» [16], а с другой – социально-психологическим восприятием угрозы со стороны «врагов народа» и самого ценного объекта таких угроз – хлеба.

Несмотря на активное идеологическое формирование «правильности» политических репрессий против бывших партийных и советских работников, в общественном сознании зачастую возникали и противоположные рассуждения. При чтке судебных приговоров, на областных и районных партийных конференциях звучали и вполне здравые вопросы о необходимости «повышения бдительности». Так, после подведения итогов XVIII Чувашской областной партконференции (а именно, разоблачения врагов народа в аппарате ОК). В прениях наряду с «классическими» словами поддержки и одобрения прозвучали и такие вопросы: «Какое значение имеют троцкисты в данное время, когда они были 10 лет тому назад?» или «Все приезжающие из Москвы в командировку в Чувашии оказываются троцкистами...» [17] Стоит отметить, что такое отношение не было характерно только для Чувашии. Так, в соседней Татарской АССР, на партийных собраниях также звучали «антсоветские настроения». К примеру, на предприятиях и в вузах Казани звучали фразы следующего содержания: «Ты говоришь (обращение к агитатору – прим. авт.), что наши чекисты закаленные, но почему то они не могли разоблачить этих мерзавцев в течение 4–5 лет?» [18]. В трамвайном парке, на заводе № 124, в Авиационном и Казанском педагогическом институтах и других предприятиях были заданы следующие вопросы: «Почему на суде все признаются? Почему Пятаков и другие сознаются? Что вынуждает их к раскаиванию и признанию, не применяются ли к ним чисто физического воздействия во время следствия? Как они могли связаться с заграницей? Почему на процессе не называются иностранные лица – подданные, замешанные в процессе?» [19].

Здесь стоит также отметить одно высказывание, сделанное на данном собрании: «Честных коммунистов иногда исключали из партии за политическую неграмотность» [20]. Такой уровень неграмотности, равно как и интерпретации политического террора, возникал в условиях пропагандистско-агитационной работы с населением.

Таким образом, исследование общественного настроения в годы обострения политического террора второй половины 1930-х гг. дает возможность определить множественность общественных представлений как о конкретных судебных процессах, так и о государственной охранительной политике вообще. Сам факт наличия «врагов народа» не становился атрибутом возмущения народных масс, к их

наличию и постоянной борьбе с ними общество было подготовлено событиями 1920-х гг. Но количество этих врагов, равно как и методы борьбы с ними, вызывали неприятие, а иногда и отторжение в идеологическом плане от политики большевиков.

Примечания

1. Калитина Н. Неизвестная прокуратура. Мордовский архив. Саранск: Красный октябрь, 2005. С. 53.

2. Лотман Ю. М. Культура и взрыв// Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 111.

3. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998. С. 47.

4. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп 18. Д. 270. Л. 17.

5. Там же. Оп 18. Д. 272. Л. 13.

6. Там же. Оп 18. Д. 270. Л. 18.

7. Там же. Оп 18. Д. 253. Л. 45

8. Там же. Оп 18. Д. 253. Л. 45

9. Там же. Оп 18. Д. 269. Л. 25.

10. Там же. Оп 18. Д. 253. Л. 46

11. Там же. Оп 18. Д. 269. Л. 24.

12. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф. 3. Оп 3. Д. 1453. Л. 71.

13. ГАСИ ЧР. Оп 18. Д. 269. Л. 21.

14. Там же. Оп 18. Д. 222. Л. 46.

15. Там же. Оп 18. Д. 269. Л. 22.

16. Там же. Л. 23

17. Там же. Оп 18. Д. 249. Л. 33 об.

18. ЦГА ИПД РТ. Ф. 26. Оп 1. Д. 346. Л. 60.

19. Там же. Оп 1. Д. 346. Л. 61.

20. ГАСИ ЧР. Оп 18. Д. 249. Л. 34.

Ракачев В. Н., Халафян А. А.

Ретроспективный анализ демографических потерь населения Кубани в 1930-е гг. с использованием методов вероятностно-статистического моделирования

Демографическая история 1930-х гг. практически на протяжении всего советского времени была закрытой темой. Данные всесоюзных переписей населения этого периода были закрыты для исследователей, а имеющийся материал ставил вопрос о полноте и достоверности статистико-демографических данных.

Проблема полноты и достоверности статистических данных существовала всегда, безотносительно к историческому периоду, политическому режиму, и прежде всего как проблема методологического и методического порядка. Уникальность нашей страны проявляется в том, что на протяжении нескольких десятилетий демографическая статистика рассматривалась как важный идеологический инструмент, способный оказать влияние на сознание масс, в связи с чем ставилась в угоду правящей партии, определялась «вождями» и в конечном счете скорее искажала, чем отражала объективное положение вещей. Различного рода статистические приписки имели место на самых различных уровнях: от рядового бухгалтера и счетовода, до таких масштабных акций как Всесоюзные переписи населения.

Переписи населения СССР 1937 и 1939 годов проводились в сложных социально-экономических и политических условиях, что в свою очередь неизбежно ставит вопрос о достоверности полученных в ходе их проведения данных. Если с точки зрения статистики материалы Всесоюзной переписи 1937 г. отличала высокая степень достоверности, то власть поставила их под сомнение, и не столько из-за точности полученных данных, сколько именно потому, что перепись раскрыла сложную демографическую ситуацию в стране в результате форсированного строительства «нового общества».

Проведенная через два года – в 1939 г. – перепись предоставила результаты, удовлетворившие власть, что было достигнуто за счет приписок и целенаправленной фальсификации данных. Проблема достоверности, таким образом, снова актуализируется при использовании ее материалов для изучения состояния и динамики демографических процессов.

Фальсификации, сокрытие от общественности и научного общества статистико-демографических данных, а также их нерегулярность и разрозненность в период 1920–30-х гг. побуждает обратиться при изучении населения к вероятностно-статистическим методам математики, позволяющим моделировать демографические процессы и структуры, определять масштабы демографических потерь и проч.

Одновременно необходимость пользоваться неполными и косвенными данными в последние годы выступает одним из побудительных мотивов развития математической теории. В отечественной и зарубежной науке достаточно широко осуществляются методологические изыскания в области математических методов, которые позволяют получать достоверные результаты по ненадежным и неполным данным [1. С. 13–14].

Демографические модели в виде прогнозов имеют исключительное значение. Как отмечает академик Струмилин С. Г., «Данные переписи ... при надлежащем их использовании позволяют нам на десятки лет вперед заглянуть в наше будущее... т. е. тенденции буду-

щего, которые целиком уже заключены в нашем настоящем, должны быть выявлены во весь их рост» [2. С. 40].

Для целей исторической демографии прогнозы имеют ретроспективное значение, и в случае, когда демографические отношения подверглись деформации под влиянием той или иной катастрофы, сравнение данных демографического прогноза с действительностью позволяет определить эффект воздействия этой катастрофы в демографической области [3. С. 12].

Для оценки вероятной численности населения Краснодарского края и потерь, связанных с голодом, репрессиями в 1920–1930-х гг. нами были применены методы регрессионного анализа и аппарат временных рядов для построения вероятностно-статистической модели зависимости общей численности населения региона от исторического года наблюдения. Для построения модели были использованы разрозненные статистические данные, как во временном отношении, так и в административно-территориальном. Статистико-временной ряд представлен данными о численности населения региона за следующие годы: 1870–1916, 1920, 1923, 1926, 1937 гг. [4], а также данными о численности населения Северо-Кавказского края в 1926, 1928, 1931, 1933, 1934, 1940 гг.

Предварительно исходные данные были пересчитаны в границах Краснодарского края с учетом всех имевших место административно-территориальных изменений.

В регрессионном анализе моделируется взаимосвязь одной случайной переменной от одной или нескольких других случайных переменных. При этом первая переменная называется зависимой, а остальные – независимыми. Выбор или назначение зависимой и независимых переменных является произвольным (условным) и осуществляется исследователем в зависимости от решаемой им задачи. Независимые переменные называются факторами, регрессорами или предикторами, а зависимая переменная – результативным признаком, или откликом.

Если число предикторов равно 1, регрессию называют простой, или однофакторной, если число предикторов больше 1 – множественной или многофакторной. В общем случае регрессионную модель можно записать следующим образом:

$$y = f(x_1, x_2, \dots, x_n),$$

где y – зависимая переменная (отклик),

x_i ($i = 1, \dots, n$) – предикторы (факторы),

n – число предикторов.

В качестве инструментария вероятностно-статистического моделирования численности населения использовали статистический пакет прикладных программ STATISTICA 6.1 [5]. Регрессионные модели строили по историческим данным общей

численности населения *Кубанской и Черноморской областей* с 1870 по 1916 гг. В качестве предиктора использовали условный год, равный разности реального года и начального года наблюдений – 1870 г.

Линейная регрессия имеет вид:

Численность общая = 197,7237 + 54,4491 × Условный год

Значения коэффициента детерминации $R^2 = 0,968$ и коэффициента множественной корреляции $R = 0,988$, близкие к 1, свидетельствуют о высокой адекватности модели. Уравнение регрессии объясняет 96,8 % исходной изменчивости, и только 3,4 % остаточной изменчивости остаются необъясненными.

Квадратичная регрессия имеет вид:

Численность общая = 320,9727 + 43,3799 × Условный год + 0,184 × Условный год²

Значения коэффициента детерминации $R^2 = 0,966$ и коэффициента множественной корреляции $R = 0,988$, близкие к 1, свидетельствуют о высокой адекватности модели.

Регрессионными моделями были предсказаны значения общей численности населения с 1917 по 1926 гг., при этом были известны данные за 1920, 1923, 1926 гг. Результаты расчетов представлены в табл. 1. Возможные значения численности за 1939 г., вычисленные по линейной и квадратичной модели, составили соответственно 4227 и 4538,4 тыс. человек. Построенные зависимости хорошо моделируют тренд демографических процессов, происходящих на Кубани, свидетельствующий о росте численности населения. Модели дают правдоподобный прогноз на 1939 г., но из-за монотонности не «видят» тенденцию резкого снижения численности в 1920, 1923, 1926 гг.

Для устранения этого недостатка была построена кубическая регрессионная модель зависимости общей численности населения Кубани от условного года за период времени с 1913 по 1926 гг.: *Численность общая* = – 377440 + 21268 × Условный год – 395 × Условный год² + 2 × Условный год³

Значения коэффициента детерминации $R^2 = 0,98$ и коэффициента множественной корреляции $R = 0,99$, близкие к 1, свидетельствуют о высокой адекватности модели. Уравнение регрессии объясняет 98 % исходной изменчивости и только 2 % остаточной изменчивости остаются необъясненными.

Из таблицы видно, что при прогнозировании значений численности населения на период времени с 1917 по 1926 гг. наиболее адекватными являются результаты, полученные кубической регрессией. Но из-за высокой скорости роста кубической функции получить достоверный прогноз на 1939 г. не удалось.

Таблица 1

Прогноз изменения численности населения
Краснодарского края на 1920–1930-е гг., тыс. человек

Год	Условный год	Численность общая	Линейная регрессия	Квадратичная регрессия	Кубическая регрессия
1913	48	3104,2			
1914	49	3244,8			
1915	50	3281,9			
1916	51	3357,8			
1917	52		3029,1	3074,1	3286,6
1918	53		3083,5	3136,8	3219,3
1919	54		3138,0	3199,9	3135,6
1920	55	3035,6	3192,4	3263,3	3050,0
1921	56		3246,9	3327,1	2977,2
1922	57		3301,3	3391,3	2931,7
1923	58	2936,3	3355,8	3455,8	2928,0
1924	59		3410,2	3520,7	2980,9
1925	60		3464,7	3586,0	3104,8
1926	61	3312,5	3519,1	3651,6	3314,3
1939	74		4227,0	4538,4	

По известным статистическим данным и предсказанным кубической моделью значениям численности населения был составлен временной ряд и использован мощный математический аппарат временных рядов для построения прогноза общей численности населения Краснодарского края на 1939 г.

Под временным (динамическим) рядом подразумевается последовательность наблюдений некоторого признака X (случайной величины) в последовательные равноотстоящие моменты t . Отдельные наблюдения называются уровнями ряда и обозначаются x_t , $t = 1, \dots, n$.

При исследовании временного ряда выделяются несколько составляющих: $x_t = u_t + \tilde{a}_t + c_t + \hat{a}_t$, $t = 1, \dots, n$,

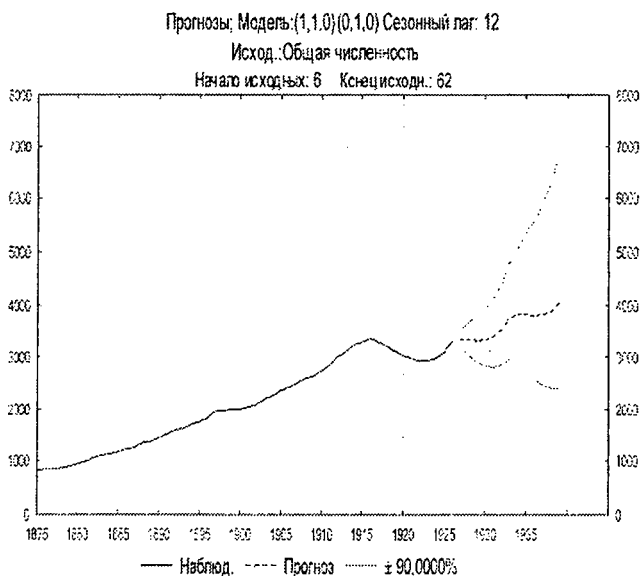
где u_t – тренд, плавнo меняющаяся компонента, описывающая чистое влияние долговременных факторов (убыль населения, уменьшение доходов и т. д.); $\tilde{a}_t$ – сезонная компонента, отражающая повторяемость процессов в течение не очень длительного периода (дня, недели, месяца и т. д.); c_t – циклическая компонента, отражающая повторяемость процессов в течение длительных периодов времени

свыше одного года; ϵt – случайная компонента, отражающая влияние не поддающихся учету и регистрации случайных факторов.

Для выявления периода цикличности в анализируемых данных использовали спектральный анализ, которым были выявлены циклы различной периодичности: в 18, 56, 14, 28, 11, 9, 7 и т. д. лет.

Моделирование временного ряда провели при установках диалога Одномерная АРПСС: p – авторегрессии = 1; q – скользящих средних = 0; P – сезонных = 0; Q – сезонных = 0. Результаты прогнозирования методом АРПСС общей численности населения с 1927 по 1939 гг. представлены на рис. 1.

Прогнозируемое значение численности населения на 1939 г. составляет примерно 4044 тыс. человек при 95%-м доверительном интервале [2404,7; 6800,7]. Это означает, что с вероятностью 0,95 истинное значение численности населения в 1939 г. находится в указанном интервале. Из графика видно, что с увеличением даты прогноза доверительный интервал возрастает, т.е. чем отдаленнее точка прогноза, тем менее достоверным является его результат. Достоинством модели является то, что тренд предсказанных значений численности населения с 1927 г. в целом верно моделирует тренд исходных значений с 1870 по 1926 г., предсказанная на 1939 г. численность населения, которая составляет примерно 4 млн человек обладает исторической правдоподобностью. Недостатком является достаточно широкий доверительный интервал.

Рис. 1. Прогноз изменения численности населения Краснодарского края на 1930–1940-е гг.

Простая и прагматически ясная модель временного ряда имеет следующий вид:

$$X_t = \beta + E_t,$$

где β – константа; E_t – случайная ошибка. Константа β относительно стабильна на каждом временном интервале, но может также медленно изменяться со временем. Один из интуитивно ясных способов выделения β состоит в том, чтобы использовать сглаживание скользящим средним, в котором последним наблюдениям приписываются больший вес, чем предпоследним, предпоследним – еще больший вес, чем предпредпоследним и т. д. Простое экспоненциальное сглаживание именно так и устроено. Здесь более старым наблюдениям приписываются экспоненциально убывающие веса, при этом, в отличие от скользящего среднего, учитываются все предшествующие наблюдения ряда, а не те, что попали в определенное окно. Точная формула простого экспоненциального сглаживания имеет вид:

$$S_t = \alpha X_t + (1 - \alpha) S_{t-1}.$$

Когда эта формула применяется рекурсивно, каждое новое сглаженное значение (которое является также прогнозом) вычисляется как взвешенное среднее текущего наблюдения и сглаженного ряда. Эмпирические исследования показали, что весьма часто простое экспоненциальное сглаживание дает достаточно точный прогноз.

Очевидно, результат сглаживания зависит от параметра α (альфа). Если α равно 1, то предыдущие наблюдения полностью игнорируются. Если α равно 0, то игнорируются текущие наблюдения. Значения α между 0 и 1 дают промежуточные результаты.

Экспериментально по критериям качества модели удалось подобрать параметры модели экспоненциального сглаживания. Метод экспоненциального сглаживания реализовали посредством процедуры Автоматического поиска оптимальных параметров модели, которые приняли следующие значения: α (альфа) = 0,83; δ (дельта) = 0; γ (гамма) = 0. Прогноз на 1939 г. составил 3952,539, что несколько меньше чем прогноз, сделанный методом АРПСС (4043,977).

Посредством среднего процента годового прироста населения Северо-Кавказского края была оценена общая численность населения Краснодарского края на 1939 г., в состав которого вошли Кубанский, Майкопский, Армавирский, Черноморский округа и отдельные территории, ранее находившиеся в составе Северо-Кавказского края. Оценка достаточно грубая, так как основана на не вполне очевидных предположениях.

Предположение 1. Средний процент прироста населения Северо-Кавказского края является устойчивой и информативной характеристикой изменения численности населения края в период с 1926 по 1939 гг.

Предположение 2. Общая численность населения Краснодарского края изменялась в рассматриваемом периоде времени такими же темпами, как и население Северо-Кавказского края, т. е. имела такой же средний процент прироста.

Средний процент годового прироста населения Северо-Кавказского края определили посредством анализа динамики численности населения края с 1926 по 1940 гг., которая представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика численности населения
Северо-Кавказского края в 1926–1940 гг.

Год	Численность населения	Процент изменения
1926	8364,1	
1928	8624,0	3%
1931	8123,7	- 6 %
1933	9878,7	22%
1934	9587,7	- 3%
1940	10494,0	9%
Сумма набл.		25%

В третьем столбце таблицы приведен процент изменения численности населения края, относительно численности за предыдущий период времени. Например,

$$3\% = ((8624 - 8364,1)/8364,1) \times 100 \%$$

По таблице легко посчитать, что суммарный прирост населения по данным численности за 1926, 1928, 1931, 1933, 1934, 1940 гг. составит примерно 25 %. Тогда средний процент годового прироста населения с 1926 по 1940 гг. будет равен

$$25\% / 14 = 1,7857 \%$$

Тогда предсказанное значение численности населения можно посчитать по формуле сложных процентов:

$$V_k = V_0 \times (1 + 0,017857)^k,$$

где V_0 – значение численности населения в начальный период времени (в нашем случае 1926 г.), k – номер года на который строится прогноз, считая, что 1926 г. имеет нулевой номер. Например, 1939 г. имеет номер 13, соответственно 1940 г. имеет номер 14.

Если $V_0 = 3312,5$, что соответствует общей численности населения Краснодарского края (в границах Кубанской области и Черноморской губернии) в 1926 г., то

$V_{14} = 3312,5 \times 1,017857^{14} = 3312,5 \times 1,1116 = 3683$ тыс. человек, где V_{14} – это общая численность населения Краснодарского края в 1940 г.

Аналогично можно посчитать $V_{13} = 3619$ тыс. человек – предсказанную общую численность населения Краснодарского края в 1939 г.

Таким образом, посредством различных математических методов при различных уровнях достоверности и степени приближения нами получено пять предсказанных значений общей численности населения Краснодарского края на 1939 г.: 4227,0; 4538,4; 4044,0; 3952,5; 3619 (тыс. человек). Не будет ошибкой, если в качестве предполагаемого значения численности населения в 1939 г. воспользуемся средней арифметической по этим пяти вычисленным значениям, которое равно

$$(4227,0 + 4538,4 + 4044,0 + 3952,5 + 3619,0) / 5 = \\ = 4082,18 \text{ (тыс. человек).}$$

Следовательно, справедливым будет утверждение, что общая численность населения Краснодарского края к 1939 г. при сложившихся темпах прироста и в условиях отсутствия катастроф должна была составить величину не менее 4 млн человек.

Фактическая численность населения Краснодарского края, показанная переписью 1939 г., составила 3 172 674 человек (с Адыгейской АО) и 2 930 875 человек (без Адыгейской АО) [6], исключая приписки 3 102 757 (с Адыгейской АО) и 2 865 046 человек (без Адыгейской АО) [7, с. 91].

Такой значительный разрыв между предполагаемой и фактической численностью населения в Краснодарском крае позволяет говорить о значительных масштабах прямых и косвенных потерь населения региона вследствие голода начала 1920-х гг. и 1932–1933 гг., индустриализации и коллективизации, раскулачивания, принудительного переселения сотен тысяч кубанских семей за пределы края, репрессиями и депортациями представителей отдельных народов с территории края.

Примечания:

1. Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 11-06-00346-а.

2. Кейфиц Н. Математический анализ населения / Демографические модели. М., 1977.

Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957.

3. Россет Э. О познавательной ценности демографических прогнозов / Демографические прогнозы. М., 1973.

4. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: этностатистическое исследование. СПб, 1996. С. 192–193; Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кубанская область. Т. 65; Рассчитано по: Первая всеобщая

перепись населения Российской империи 1897 г. Черноморская губерния. Т. 70; Рассчитано по: Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1925; Кубанский статистический сборник за 1929–1930 год. Краснодар, 1930; Население и хозяйство Кубано-Черноморской области (Таблицы к отчету СТО Кубчероблэко на 1 апреля 1922 г.). Краснодар, 1922; Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 5; Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом секретно: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1940; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Краснодарский край.

5. Халафян А. А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных. Второе издание. М.: Бином, 2010.

6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Краснодарский край.

7. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народнонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. В 4-х т. Т. 2. 1930–1950-е гг. Краснодар, 2007.

Семистяга В. Ф.

«Молодая гвардия» (г. Краснодар): политические репрессии — историческая реальность и художественный образ

О книге классика социалистического реализма А. А. Фадеева «Молодая гвардия» написано столько, что невозможно подсчитать количество публикаций, огромного количества лиц, «специализировавшихся» на прославлении подвига молодогвардейцев, воспитании молодежи на примерах жизни и деятельности героев и антиподов молодежного подполья. Литературно-художественные домислы Фадеева, переплетенные с реальными событиями, происходившими в Краснодаре, изображенные в книге, утвердились в сознании многих людей как подлинная история антинемецкого подполья «Молодая гвардия». И многим до сих пор невдомек, что для некоторых краснодонцев реалии вокруг «Молодой гвардии» закончились тюрьмами, лагерями, ссылками, а то и смертью. В фадеевстве даже выведен специальный типаж иуды-предателя. Вот почему одних прославляли, а иных до сих пор шельмуют. На это в свое время обратила внимание Межрегиональная комиссия по изучению истории организации «Молодая гвардия» [1. С. 295, 297–299]. В ее итоговой записке подчеркивалось, что карательные службы сталинского тоталитарного режима учинили расправу более чем над 30-ю

краснодонскими юношами и девушками, безосновательно обвиненными в предательстве молодогвардейцами [1, с. 299]. Как следствие, пострадали их родные и близкие. Не отрицают этого и научные сотрудники Краснодарского государственного музея «Молодая гвардия» [1. С. 307, 309, 311, 312].

Закрытость общества, отсутствие доступа к архивным документам не позволяли объективно исследовать тему, на которой лежала печать табу. Иногда события приобретали скандально-анекдотичный характер. Так случилось, когда из Москвы поступил запрос выслать из Луганска уголовное дело предателя «Молодой гвардии» Евгения Стаховича. Даже спецслужбы воспринимали литературный персонаж А. А. Фадеева как реальную личность. И далеко не случайно. Ведь в романе почти все герои выведены под собственными именами и фамилиями. Среди них в роли предательниц, предавших друзей-подпольщиков за 46 немецких марок, комсомольские активистки З. Вырикова и О. Лядская. Незнакомые друг с другом и не имевшие никакого отношения к молодогвардейскому подполью, они впервые встретились и познакомились только в начале 1990-х гг. При чем О. А. Лядская, до ареста учащаяся средней школы, была реабилитирована только 16 марта 1990 г. А некоторые из краснодонцев не только не реабилитированы, но даже не подлежат реабилитации. Думается, что основная причина этого заключается в разделении когда-то единого НАФ СССР, политизации и некомпетентности специалистов прокуратуры и судебно-следственных органов Украины. Многие из них воспитаны на примерах жизни и традициях советского общества, что не позволяет им с помощью архивных материалов объективно разобраться в происходившем в Краснодаре в годы немецко-нацистской оккупации.

Постижение истины началось на рубеже XX–XXI вв. [2]. Однако до сих пор глубоко не раскрыто то, что было в Краснодаре в годы войны, как и вокруг тех событий в последующее время. Все это говорит об актуальности проблемы и требует дальнейшей ее разработки. Всесторонний анализ документального массива, хранящегося в архивах Украины и Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что корни различных версий о предательстве молодогвардейцев имеют общее происхождение и двойственную природу.

С одной стороны, это результат поверхностного закрытого расследования комсомольскими функционерами событий в оккупированном врагом Краснодаре. Поспешные попытки по горячим следам вскрыть причины гибели большой группы молодежи и в русле традиций 30-х гг. первыми отрапортовать в партийные инстанции о выявленных предателях и пособниках оккупантов, якобы повинных в этом. При чем делалось это, как правило, без упоминания о полученных из органов НКВД «компрометирующих» материалов на подозреваемых в сотрудничестве с врагом. Как подтверждение соб-

ственных аргументов – безапелляционные требования проведения показательного процесса над изменниками по месту совершенного ими преступления.

Выполняя функции карающего меча советского государства, этим же занимались и органы НКВД–НКГБ–МГБ. На только что освобожденной от оккупантов территории они выискивали врагов народа, действуя испытанными методами. Морально и физически воздействуя на подсудимых, подтасовывая и фальсифицируя реальные факты, игнорируя показания свидетелей, принуждали их сознаваться в несовершенных преступлениях.

Вместе с тем комсомольские органы и спецслужбы регулярно информировали руководство страны о своей поисковой работе по разоблачению предателей. Питательной средой для документирования ими преступных деяний служили бесчисленные слухи, циркулировавшие в Краснодаре, материалы периодических изданий, литературные произведения и т. п. Немаловажную роль при этом сыграл низкий общеобразовательный уровень общества, продуктом которого были и функционеры названных институций. Поданные ими сведения об изменниках, пройдя через сито судебных и внесудебных инстанций, заложили основу партийных решений. А затем путем массированного пропагандистского воздействия утвердились в обществе, войдя в плоть и кровь советского человека как правдивая история, не подлежащая сомнению и переосмыслению. Созданными таким образом пропагандистскими клише до сих пор активно манипулируют некоторые политики, удерживая заложниками мифотворческой системы граждан когда-то бывшего единого государства. К сожалению, в их числе – часть родственников молодогвардейцев, музейных сотрудников, историков-обществоведов и т. п.

Согласно официальной версии основной причиной провала и разгрома подпольной организации «Молодая гвардия» является предательство молодогвардейца Г. П. Почепцова и его отчима В. Г. Громова, а также следственные действия, произведенные бывшим юристом краснодонской горуправы, а впоследствии следователем районной полиции М. Е. Кулешовым. В число подозреваемых в предательстве попал широкий круг погибших и живых молодогвардейцев, юношей и девушек, как связанных с подпольщиками, так и ничего не знавших о их патриотической деятельности. Среди них числятся даже подпольщики и партизаны, казенные оккупантами еще до возникновения «Молодой гвардии», сотрудники местного райотдела НКВД, родственники подозреваемых. Как следствие, еще в 1943 г. часть членов организации исключили из списков «Молодой гвардии» или вообще не вносили в них. Среди таких – Р. И. Лавренова, Ф. И. Лодкина, О. С. Сапрыкина, П. И. Суковатых, А. Г. Титова, В. П. Шевченко, А. М. Федянина, Н. Ф. Щербакова и другие. Часть патриотов исключили из наградных документов (Ф. И.

Лодкина, Н. Ф. Щербакова и др.). Как свидетельствуют первичные документы, к боевым наградам представляли более половины членов организации. Однако невзирая на неоднократные попытки представить к наградам за патриотическую деятельность в тылу врага А. В. Ковалева, Н. И. Миронова, Г. Ф. Палагугу, Ю. Ф. Полянского и ряд других молодогвардейцев, вопросы о их награждении остались открытыми. Причины все те же: подозрение в предательстве, сотрудничестве с оккупантами, преследование карательными органами и спецслужбами СССР их родных, близких, друзей, знакомых. Именно по этим мотивам часть оставшихся в живых подпольщиков сменили место жительства и о них до сих пор ничего неизвестно. Из списков молодогвардейцев, партизан и подпольщиков Луганской области, а также из подготовленных наградных документов был исключен и на долгие годы предан забвению организатор и бессменный руководитель «Молодой гвардии» В. И. Третьякевич.

В целом анализ событий вокруг «Молодой гвардии» свидетельствует, что своей трагической судьбой выделяются несколько групп лиц, версии о предательстве которых возведены в ранг истины. Основанные на слухах и домыслах, эти версии принадлежат некоторым оставшимся в живых членам подпольной организации, их родственникам, лицам, находившимся под следствием в полиции, а затем органов НКВД, привлеченным к ответственности полицейским и служащим оккупационных учреждений, некоторым комсомольским и партийным функционерам, следователям НКВД и НКГБ, наконец самому А. А. Фадееву. Именно со ссылкой на его роман до сих пор продолжается обструкция тех, кого реабилитировали в судебном порядке до того, как распался СССР. В первую очередь это относится к В. И. Третьякевичу, З. А. Выриковой, О. А. Лядской и С. Ф. Полянской.

В связи с этим следует обратить особое внимание на документы, поданные различными комсомольскими функционерами вышестоящим инстанциям в 1943 г. В частности, тщательное изучение докладных записок секретаря Ворошиловградского обкома ЛКСМУ Г. Я. Емченко (26 июня), зам. зав. спецотделом ЦК ВЛКСМ А. В. Торицина и инструктора ЦК Н. А. Соколова (28 июля), секретаря ЦК ЛКСМУ В. С. Костенко (31 июля) о расследовании деятельности комсомольско-молодежного подполья в Краснодаре, во-первых, свидетельствует о фактологическом и стилистическом совпадении материалов о предательской деятельности одной и той же группы лиц. Это неудивительно, так как аппаратчики ЦК ВЛКСМ, ЦК ЛКСМУ и Ворошиловградского обкома комсомола совместно работали в областном центре. Во-вторых, нет сомнений, что, владея досудебной информацией, получаемой из НКВД УССР, который в то время базировался в Старобельске Ворошиловградской области, они интерпретировали ее по-своему. Ни о какой объективности не могло быть

и речи. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что докладную записку В. С. Костенко на свое имя Н. С. Хрущев подписал не читая. В итоге это сыграло фатальную роль в судьбе тех, чьи фамилии были здесь зафиксированы как предателей молодогвардейцев. И наконец, информация «наверх» подана таким образом, что перепроверить ее было практически невозможно. Например, Торицин и Соколов руководящую роль Третьякевича в «Молодой гвардии» не отрицали [1, с. 41]. Однако скомпрометировали его так, что усомниться в невинности было невозможно: «Впоследствии Третьякевич не оправдал надежд своих товарищей. На каждом заседании проявлял зазнайство, гордость, излишнюю самоуверенность. В сентябре Люба Шевцова по заданию штаба часто посещала гор. Ворошиловград. Она установила, что Виктор Третьякевич в отряде ничем себя не проявил, в первом же бою сбежал, оказался трусом. После этого Третьякевич был отстранен от руководства «Молодой гвардии»... Помимо... явных предателей, по показаниям наших следственных органов Виктор Третьякевич, не выдержав страшных пыток, тоже давал подробные показания о членах организации и ее боевой деятельности» [1. С. 42, 64].

Аналогичные обвинения изложены и в докладной записке В.С. Костенко: «Впоследствии Третьякевич не оправдал надежд своих товарищей. На каждом заседании проявлял зазнайство, излишнюю самоуверенность. И, как было установлено членом организации Любой Шевцовой, что Виктор Третьякевич, будучи в Ворошиловградском партизанском отряде, ничем себя не проявил, в первом же бою бежал, оказался трусом. После этого, Третьякевич был отстранен от руководства «Молодой гвардии» [3, л. 3]. В полиции, «не выдержав страшных пыток, один из руководителей «Молодой гвардии» Виктор Третьякевич дал подробные показания о составе организации и ее боевой деятельности» [3, л. 14].

Из процитированного можно утверждать о явной фальсификации «дела» погибшего Третьякевича. Во-первых, Л. Г. Шевцова не могла получить задание штаба «Молодой гвардии» в сентябре 1942 г. о проверке В. И. Третьякевича, так как о существовании подполья не знала до декабря 1942 г., что подтверждается документально. Во-вторых, не могла она знать и бойцов областного партизанского отряда, как и подпольщиков Ворошиловграда в силу ряда причин. Одна из них – собственная конспирация как члена разведовательной резидентуры «Буря». Об этом на то время комсомольские функционеры не были проинформированы. В-третьих, по утверждению И. В. Туркенича и Г. М. Арутюнянца, обвинения в предательстве Третьякевича исходили не от Шевцовой, а от молодогвардейки О. И. Иванцовой. В-четвертых, что касается информированности органов НКВД о предательстве Третьякевича в застенках полиции, она была добыта в результате морального и физического воздействия на по-

дозреваемых в предательской деятельности Кулешова, Почепцова, Лядской, Чернышева и других, которые неоднократно отказывались от своих показаний, как несоответствующих действительности.

Как следствие таких «расследований» пострадала вся семья Третьякевичей: отец – Иосиф Кузьмич (связной областного партизанского отряда), старший брат Виктора Михаил (комиссар этого отряда и секретарь Ворошиловградского подпольного ГК КП(б)У), который находился под надзором органов МГБ более 10 лет, брат Владимир – фронтовик-орденоносец.

Невзирая на реабилитацию, в последующие годы в дискредитации В.И. Третьякевича особо усердствовали Е.Н. Кошечая, молодогвардейки В. Д. Борц, Н. И. и О. И. Иванцовы, др. Это свидетельство не только определенного сговора, но и полной уверенности, что литературный образ Е. Стаховича, созданный А. А. Фадеевым, правдив и реален. Тем более, что писатель неоднократно подтверждал: прообраз Евгения Стаховича – Виктор Третьякевич.

В действительности никто и никогда не отстранял В.И. Третьякевича от руководства «Молодой гвардией». Он готовил и принимал участие во всех ее основных акциях, как и руководил организацией до последнего дня ее существования [1, с. 290, 291, 292]. Основная же причина его шельмования заключается в том, что он не вписывался в миф о «Молодой гвардии», являлся помехой для наметившейся фальсификации истории этой организации и особенно заинтересованных в ней лиц [1, с. 293].

В цитируемых нами документах упоминаются имена трех девушек, условно включенных в одну группу с В.И. Третьякевичем. Это З.А. Вырикова, О.А. Лядская и С.Ф. Полянская. И если Ворошиловградский обком комсомола в июне 1943 г. сообщал секретарю ЦК ВЛКСМ, Н.А. Михайлову лишь о Полянской, предавшей своего брата Юрия и его друзей-подпольщиков, то вскоре список расширился. В постановлении ОК ЛКСМУ «О подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» (19 июля) подлыми предателями, фашистскими ублюдками кроме Полянской названы комсомольские активисты Лядская и Вырикова [4, л. 78]. По утверждению комиссии ЦК ВЛКСМ Лядская, якобы арестованная полицией по показаниям Г.П. Почепцова, знала о подпольщиках от своей школьной подруги А.Е. Мащенко. «Всего по показаниям Лядской было арестовано 17 членов «Молодой гвардии». В то же время группу Николая Сумского выдали Полянская, брат которой состоял в «Молодой гвардии», и Вырикова, тесно связанная с некоторыми членами «Молодой гвардии» [1, с. 64]. Аналогичные обвинения предъявлены и от имени ЦК ЛКСМУ. «Среди арестованных оказалась некто Лядская, которая из бесед с Тосей Мащенко знала фамилии некоторых молодогвардейцев. При аресте по ее показаниям было арестовано еще 17 человек молодогвардейцев. В то же

время группу Николая Сумского выдала Полянская (брат которой состоял в «Молодой гвардии») и Вырикова, знавшие о деятельности некоторых членов «Молодой гвардии» [3, л. 13–14]. Однако в этих документах есть и некоторые разночтения. А. В. Торицин и Н. А. Соколов предлагали секретарям ЦК ВЛКСМ войти с ходатайством в Военный Трибунал СССР о проведении показательного процесса в Краснодоне над девушками [1, с. 71]. В докладной В. С. Костенко мы этого не находим. Но постановлением «О подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в городе Краснодоне» (31 июля), подписанным им же, ЦК ЛКСМУ решил «войти с ходатайством в Верховный Суд УССР о проведении показательного процесса в городе Краснодоне над Лядской, Выриковой и Полянской, предавших участников «Молодой гвардии» с существенной оговоркой: «ЦК КП(б)У и ЦК ВЛКСМ утвердить данное решение» [3. Л. 32].

Вероятно Н. С. Хрущев подошел более взвешенно к этому вопросу. В его докладной записке, адресованной И. В. Сталину, отсутствует упоминание и материалы о В. И. Третьякевиче и многочисленном предательстве «Молодой гвардии» [3. Л. 21–26]. Однако ЦК ВЛКСМ поступил по-своему. Н. А. Михайлов в докладной записке на имя И. В. Сталина, Г. М. Маленкова, А. С. Щербакова «О деятельности подпольной организации «Молодая гвардия» (3 сентября) назвал Полянскую, Вырикову и Лядскую пособниками предателя Почепцова [1, с. 83].

Переписка между ЦК ВЛКСМ и Прокуратурой СССР свидетельствует, что от задуманного комсомольские функционеры не отказались. Однако в 1947 г. в СССР отменили смертную казнь, и намечаемый показательный процесс над девушками не состоялся. К этому времени З. А. Вырикова была освобождена из-под стражи под письму о неразглашении тайны следствия. С. Ф. Полянской определили место ссылки в Казахстане, запретив появляться в Краснодоне.

О. А. Лядская перенесла три года допросов в камерах Лефортово, где основным доказательством предательства служил фадеевский роман «Молодая гвардия», а на допросах неоднократно присутствовал и сам писатель. Вынужденно подписав признание о предательской деятельности, сохранила себе жизнь. Смертную казнь заменили на 25 лет каторги, а затем на 15 лет заключения, которое отбывала в Степлаг. Принимала активное участие в Кингирском восстании политических узников ГУЛАГа, став одной из героинь документального романа «Рыцари любви и надежды» [5]. После освобождения из мест заключения постоянно пребывала под надзором КГБ. Неоднократные обращения ее и З. А. Выриковой к А. А. Фадееву с просьбой изменить сюжет о предательской деятельности или хотя бы заменить их подлинные фамилии, выведенные в романе «Молодая гвардия», остались без ответа писателя. В настоящее время О. А. Лядская – единственная из многочисленного круга «лжепредателей» молодогвардейцев, оставшихся в живых.

Есть еще одна причина, почему не состоялся открытый судебный процесс над девушками-предательницами. Дело в том, что такой процесс организовали в Краснодаре, где 19 сентября 1943 г. публично казнили как предателей «Молодой гвардии» Г. П. Почепцова, В. Г. Громова и Е. М. Кулешова. Эти фигуранты, по нашему мнению, составляют вторую группу изменников.

Как и в случае с девушками-изменницами, материалы различных комсомольских комиссий, в которых обвинялся в предательской деятельности Почепцов, составляют единый блок документов с теми же требованиями – провести показательный судебный процесс в Краснодаре. Вместе с тем здесь наблюдаются определенные отступления от заданных канонов. Прежде всего это характерно для докладной записки Торицина-Соколова, где детально расписаны прелюдия провала организации и причины, побудившие Почепцова стать на путь предательства. По их мнению, механизм явления таков: продажа сигарет из разгромленного молодогвардейцами армейского автофургона на местном рынке; задержание полицией подростка, продававшего их; арест Мошкова, Третьякевича, Земнухова, вручивших ему сигареты для продажи; последовавшее заявление Почепцова начальнику шахты № 1-бис Жукову о своей принадлежности к «Молодой гвардии», написанное под физическим воздействием якобы служившего в полиции отчима; личная беседа Жукова и начальника полиции В. А. Соликовского с Почепцовым; наконец – последовавший разгром организации подпольщиков [1. С. 63–64]. При этом ни единого слова о том, что данная схема вышла из недр НКВД УССР, а не является плодом собственного тщательного расследования.

Межрегиональная комиссия по изучению истории «Молодой гвардии» еще в 1993 г. выразила сомнения в достоверности предательства молодогвардейцев членом организации Почепцовым и его отчимом Грозовым. На это время мнения исследователей по этому вопросу разделились. Впоследствии в ряде публикаций автор аргументировал свою позицию. Объяснил, почему следует отбросить официальную точку зрения о предательстве «Молодой гвардии» и в судебном порядке реабилитировать Г. П. Почепцова и В. Г. Громова [2]. По его мнению, сопоставляя документы архивов ФСБ Российской Федерации с выявленными материалами в фондах ГВА СБУ, следует детально изучить реальные, а не вымышленные проявления преступной деятельности М. Е. Кулешова. Его противоречивая деятельность до и во время немецкой оккупации Краснодона, как и в первые дни после освобождения города частями Красной армии, вызывает ряд вопросов, на которых пока нет ответов. Среди них – о действительных причинах его ареста Краснодарским РО НКВД, об объективной оценке его показаний в Краснодарском РО НКВД и в НКВД УССР в Старобельске во время предварительных допросов и

следствия, о соответствии меры наказания за преступную деятельность и т. п.

Одновременно обратим внимание на тот факт, что нарком внутренних дел УССР В. Т. Сергиенко регулярно информировал высшее руководство республики о ходе проводимого следствия наркоматом, доставлял спецпочтой оригиналы каждого нового протокола допросов лиц, обвиненных в предательстве «Молодой гвардии», не ожидая окончания следствия. Естественно, что судьба обвиняемых была предрешена.

Обвиненный по данному делу оперуполномоченный Краснодарского РО НКВД И. Т. Чернышов был освобожден из-под стражи во время проведения показательного процесса в Краснодаре. Но его показания легли в основу обвинительного приговора ВТ войск НКВД. Приговоренные к смертной казни Почепцов, Громов и Кулешов отказались от своих показаний, данных под моральным и физическим воздействием следствия, в том числе тех, что являются агентами германских разведорганов, оставленных для диверсионной работы в тылу Красной армии. Но изменить предрешенный ранее приговор не смогли. В последующие годы с/о органов НКВД Чернышов изменил собственные показания, данные во время следствия в Старобельске, в том числе компрометирующие В. И. Третьякевича. Не подтвердил легенду о поданной Почепцовым записке, как и личное знакомство с ним, бывший начальник краснодонской шахты № 1-бис Д. М. Жуков. Выяснилось также, что В. Г. Громов никогда не служил в полиции и не занимался предательской деятельностью. Однако исследователи с этими материалами не знакомы и продолжают пребывать в неведении. В свою очередь Луганская прокуратура и областной суд, не вникая глубоко в суть дела, в середине 90-х гг. XX ст. вынесли свой вердикт – Почепцов, Громов, Кулешов реабилитации не подлежат.

Последующую группу изменников «Молодой гвардии» составляют М. Бобровный, И. Асташенко, А. Гринев (Пузырев), Н. Крупеник, Г. Стаценко, В. Стаценков, Г. Фадеев и др. Иные из них только один раз упоминались в обвинительных комсомольских документах, и мы о них ничего не знаем. Другие были арестованы и отбывали сроки наказания. По-разному сложились их судьбы. Некоторые погибли или пропали без вести. Часть из них реабилитированы. Иные не подлежат реабилитации. Но никто из них не имел никакого отношения к предательству подпольщиков – членов организации «Молодая гвардия». Все они жертвы войны и тоталитарной системы существующей в то время в СССР. Обращаясь в Президиум Верховного Совета СССР с прошением сохранить ему жизнь, Г. П. Почепцов подчеркнул, что «Молодая гвардия» вскрыта врагом по иным, не зависящим от него причинам. Всесторонний анализ архивных документов подтверждает написанное им.

Межрегиональная комиссия по изучению истории организации «Молодая гвардия» в своей итоговой записке перечислила причины провала и гибели молодежного подполья [1, с. 300]. Находясь на этих позициях, мы можем конкретизировать некоторые ее положения и утверждать, что это прежде всего результат профессиональной деятельности абверовского подразделения «Герес группа Б» под руководством зондерфюрера Л. Фельске («Танн»).

Как видим, изложенное позволяет констатировать, что официальная версия о причинах провала и гибели молодежного подполья в Краснодаре не соответствует действительности. Безосновательные обвинения широкого круга лиц в измене и предательстве привели к расправе над несколькими десятками краснодонцев, хотя к молодежному подполью они не имели ни малейшего отношения. Своей жертвенностью они спасли от репрессий еще более широкий круг лиц, подозреваемых в предательстве «Молодой гвардии». В условиях закрытого общества ложь и полуправда о молодогвардейцах посредством созданных литературно-художественных образов утвердилась в сознании многих людей как подлинная история о патриотизме, чести, идейности советских людей. Далекая от реалий жизни, она все же требует от исследователей комплексного подхода к выяснению лиц, безосновательно обвиненных в предательстве «Молодой гвардии», их полной реабилитации.

Примечания

1. «Молодая гвардия» (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность. Сб-к документов и материалов / Сост.: И. А. Иоффе, Н. К. Петрова (отв. сост.). М.: Вече, 2003. 368 с.

2. Семистяга В.Ф. Документи архіву УСБ України по Луганській області про зраду В.Г. Громовим та Г. П. Почепцовим краснодонської підпільної антифашистської комсомольсько-молодіжної організації «Молода гвардія». Сб-к статей: История, педагогика: Вып. 1. (ч. 2). – Луганск: ЛГПИ, 1994. С. 34–42; До проблеми зради Г. П. Почепцовим Краснодонської підпільної антифашистської комсомольсько-молодіжної організації «Молода гвардія» // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка: Історичні науки, педагогічні науки. Луганськ, 2000. № 12. С. 188–198; Архівні документи про причини викриття і знищення німецькими окупантами краснодонського підпілля «Молода гвардія» // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка: Історичні науки. Луганськ, 2002. №2. С. 172–180; Молодежное антинацистское подполье «Молодая гвардия» (г. Краснодар): причины провала и гибели // Междунар. науч. конф. «Народы юга России в отечественных войнах» (Ростов-на-Дону, 6–7 сентября 2012 г.). – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. 480 с. С. 210–217; // Советско-германское противостояние в приграничных реги-

онах СССР и РСФСР накануне и во время Сталинградской битвы // Междунар. науч. конф. «Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа» (Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. 455 с. С. 121–128.

3. Центральный Государственный архив общественных объединений Украины (далее ЦГАООУ). Ф. 1, Оп. 22, Д. 24.

4. ЦГАООУ. Ф. 1, Оп. 3, Д. 51.

5. Романчук Л. Лицарі любові і надії. Тернопіль: «Богдан» 2010. 672 с.

Нефедов Д. В.

Движение сопротивления в Южной Украине (1941–1944 гг.) в исследованиях современных крымских историков

В современной отечественной исторической науке наблюдается значительное усиление развития проблемной историографии, которая начала выполнять не только непосредственно научные, но и более широкие – историсофские и социокультурные функции. Это, в свою очередь, привело к значительному повышению требований, выдвигаемых перед историографическими исследованиями и их ролью в дальнейшем постижении прошлого. Однако на сегодняшний день большое количество проблем истории Украины периода Великой Отечественной войны – ключевого конфликта Второй мировой и судьбоносного события для украинского народа, что во многом определило вектор дальнейшего развития нации и философию бытия практически каждого ее представителя, – остаются не исследованными в историографической плоскости. Именно среди таких проблем – движение Сопротивления в Южной Украине (1941–1944 гг.). Деятельность советских партизанских отрядов и подпольных групп, вооруженное сопротивление в виде саботажа экономических и военных мероприятий оккупационной администрации, а также борьба национального подполья и походных групп ОУН стали предметом изучения множества исторических, политологических и юридических исследований. Как следствие, возникает необходимость подведения итогов, осмысления основных достижений историографии проблемы.

Провозглашение независимости Украины и обретение полного суверенитета отечественной исторической наукой дали возможность объективно подойти к рассмотрению вопросов истории движения Сопротивления, которое начало рассматриваться в общеевропейском и мировом контексте [1. С. 110].

Войдя в XXI столетие исследуя движение Сопротивления в Южной Украине, ученые должны были решить конкретные задания,

очерченные предыдущими поколениями историков. Актуализации подпольно-партизанской тематики способствовал Указ Президента Украины Л. Кучмы 2001 г. про учреждение Дня партизанской славы. Позитивную роль в этом сыграли также т.н. «архивная революция» [1, с. 83] и вывод из спецхранов огромного массива первоисточников по истории как советского, так и национального движения Сопротивления. На сегодняшний день значительный импульс получили региональные исследования. Особенно плодотворно в данном направлении работают крымские историки, «копилка» научных трудов которых за последнее десятилетие пополнилась рядом монографических и диссертационных работ.

В монографии Н. Турбы впервые проанализирован социально-политический аспект движения Сопротивления в Крыму, определены особенности подпольно-партизанской борьбы на территории полуострова [2], в 1998 г. автор книги защитил по данной теме диссертацию [3]. Ценность исследования увеличивает источниковая база, сформированная из оригинальных фактических данных, впервые введенных в научный оборот, в частности, рассекреченные архивные материалы. Работа базируется на новых концептуальных подходах относительно взаимодействия двух тоталитарных режимов в экстремальных условиях их противостояния, роли народных масс в борьбе, определения характера и сущности партизанского движения на территории Крыма [3, с. 5]. Значительное внимание уделено проблемам военной борьбы, участия в ней представителей различных социальных и этнонациональных групп, роли нелегальных органов государственной власти и гражданских организаций на оккупированной территории, подчеркнута особая жестокость партизанской войны в Крыму. Рассматривая организацию движения Сопротивления на территории полуострова в начальный период войны, Н. Турба указывает на многочисленные ошибки, называя ее безграмотной и «попросту сумасшедшей» [2, с. 126]. Свою позицию исследователь аргументирует тем, что решение развернуть сеть подпольных организаций для общего руководства всеми действиями против оккупантов в густонаселенном и замкнутом Крыму без учета специфики, тактических особенностей и географических условий привели к массовой гибели хорошо известных партийных руководителей, которые не имели опыта конспиративной работы. Ученый подчеркивает, что неэффективность руководства командно-административной системы движением Сопротивления в Крыму была настолько очевидна, что она не смогла даже оптимально распорядиться теми силами и средствами, что были в наличии.

Анализируя роль Крымского обкома (который находился в Краснодаре) в руководстве партизанским движением, Н. Турба отмечает, что директивы партийных органов и штабов армий доходили до исполняющей стороны очень медленно или совсем не доходили, а

необходимая информация, предоставленная подпольными организациями и партизанскими отрядами иногда доставлялась с таким опозданием, что теряла свою актуальность [2, с. 127]. Однако несмотря на это автор подчеркивает тот факт, что вследствие проведенных мероприятий на 10 ноября 1941 г. в Крыму действовали 28 партизанских отрядов, личный состав которых насчитывал 3734 чел., а за последние три месяца 1943 г. «вступили в партизаны» 5600 чел., возникло 7 новых партизанских бригад. В целом Н. Турба высоко оценил роль партизанского движения на территории Крыма, указал на его эволюцию в «важный стратегический фактор войны» [3, с. 5], который сыграл важную роль в обеспечении Победы, подчеркнул его справедливость и прогрессивность.

Авторы сборника «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945» [4], посвященного 50-летию освобождения полуострова, рассмотрели основные вопросы истории подпольно-партизанского движения в Крыму, высоко оценив деятельность в движении Спротивления греческого населения полуострова и испанских антифашистов, сделали акцент на большом количестве упущений, ошибок и просчетов в процессе формирования партийного подполья: неудачный выбор места расположения подпольного партийного центра в Керчи – на большом расстоянии от большинства районов полуострова, оставление в подполье только 50 коммунистов из 183 запланированных и т. д.

Новейший период представлен фундаментальной монографией Е. Мельничука, который сосредоточил внимание на исследовании организации движения Спротивления и начального этапа борьбы [5], а также работами А. Мальгина [6], В. Полякова [7], О. Романька [8], В. Пашени и Е. Пашени [9]. В целом в упомянутых работах крайне негативно оцениваются подготовительные и организационные действия начального периода создания подполья и партизанских отрядов, в качестве основной причины будущего поражения партизанского движения на территории Крымской АССР выдвигается личная безответственность и бездарность партийно-государственного руководства автономии [9, с. 212].

Важными составляющими исследований названных крымских историков является проблема коллаборационизма и т. н. «татарский вопрос». Некоторые ученые, например, О. Романько [8], в резкой форме осуждают деятельность крымско-татарского населения во время войны и обвиняют его фактически в массовом коллаборационизме. Однако большинство историков гораздо более лояльно относится к этому вопросу, считая, что коллаборационизм на Крымском полуострове имел интернациональный характер и его татарская составляющая не была доминантной. Так, авторы монографии «Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.)» [9] считают, что этнонациональный фактор нельзя назвать решающим и что одной

из главных проблем стала идеология коллаборационизма, согласно которой большинство этносов Крыма восприняли немецкую агрессию как войну «только против русских» [9, с. 207]; привели многочисленные примеры участия татар в движении Сопротивления: по подсчетам авторов, к концу 1943 г. в рядах партизан Крыма насчитывалось 598 крымских татар.

А. Малгин указывает на тот факт, что активно против партизан «с оружием в руках» выступила не больше чем 1/10 часть крымских татар, а выселение последних с полуострова является эксцессом, вызванным военной ситуацией, а не результатом определенной долгосрочной и целенаправленной политики относительно крымскотатарского этноса. Анализируя известное решение бюро Крымского обкома ВКП(б) от 18 ноября 1942 г. «Об ошибках, допущенных в оценке поведения крымских татар по отношению к партизанам...» и дальнейшее развитие событий, историк приходит к выводу, что в целом тактическая линия «заигрывания» партийного руководства была правильной и в совокупности с другими факторами (в первую очередь значительное ухудшение общего положения немецких войск на Востоке) позволила расколоть коллаборационистское движение и создать условия для перехода значительного количества участников вооруженных подразделений на сторону партизан во время решающих боев за Крымский полуостров [6, с. 164].

Высоко оценивая роль украинцев в советском движении Сопротивления [10], приведенные выше исследователи отмечают мизерное значение национального подполья и походных групп ОУН, утверждая, что ни одна из форм украинского национализма не получила на территории Крыма «какого-либо серьезного развития, даже в сравнении с организациями других национальных групп» [8, с. 339]. В целом основной специфической особенностью партизанского движения в Крыму, в отличие от остальной территории Украины, стало то, что практически все его руководители и рядовые бойцы представляли местное население. В то же время ситуация с членами добровольческих формирований была такой же. Как следствие этого, крымские историки акцентируют внимание на том, что борьба между ними приняла на Крымском полуострове характер «типичной гражданской войны» [8, с. 342].

Примечания

1. Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ століття : істор. нариси : у 2 кн. / [А. Айсфельд, І. Ветров, Т. Вінцковський та ін.; НАН України. Ін-т історії України]. К.: Наук. думка, 2010. Кн. 1. 2010. 735 с.

2. Турба Н. Н. Опыт и особенности партизанских действий в Крыму 1941–1944 гг. : соц.-полит. аспект / Н. Н. Турба. Одесса: ОКФА, 1998. 140 с.

3. Турба М. М. Досвід та особливості партизанських дій у Криму 1941–1944 рр.: соціально-політичний аспект: дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02 / Турба Микола Миколайович. Одеса, 1998. 154 с.
4. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 / [сост.: В. К. Гарагуля, И. П. Кондранов, Л. П. Кравцова]. Симферополь: Таврия, 1994. 208 с.
5. Мельничук Е. Б. Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.) / Е. Б. Мельничук. – Симферополь: Сонат, 2006. 244 с.
6. Мальгин А. В. Партизанское движение Крыма и „татарский вопрос». 1941–1944 гг. / А. В. Мальгин. Симферополь: Сонат, 2009. 188 с.
7. Поляков В. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно» / Владимир Поляков. М. : Яуза, 2009. 384 с.
8. Романько О. В. Крым под пятой Гитлера: немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944) / О. В. Романько. М.: Вече, 2011. 432 с.
9. Пащенко В. Н. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.): монография / В. Н. Пащенко, Е. В. Пащенко. Симферополь: Диайпи, 2009. 375 с.
10. Поляков В. Є. Українці в партизанському русуванні Криму / В. Є. Поляков // Сторінки воєнної історії України. 2011. Вип. 14. С. 100–108.

Молдавская Т. И.

Народная память об И. Сталине: опыт анализа устно-исторических источников (на материалах юга Украины)

Проблема исследования советского тоталитаризма и сталинизма как его варианта не теряет своей актуальности в постсоветской исторической науке. В современной украинской историографии исследования сталинизма, голодомора, репрессий представляют мощное исследовательское направление [1–2]. Первые работы появились еще в начале 1990-х гг, а за последние 10 лет появились также исследования, основанные на устных источниках, и их публикации [3]. Однако, несмотря на это, общей научной концепции сталинизма как общественного, политического, ментального явления на сегодняшний день нет [4]. По нашему мнению, именно в исследовании особенностей восприятия политики сталинизма ее реципиентами и носителями – рядовыми гражданами СССР – и может лежать ключ к пониманию истоков и причин возможности появления и укоренение этого явления.

Одной из наиболее фундаментальных работ по истории сталинизма как общественного явления на сегодняшний день является исследование Е. Фицпатрик. Анализируя восприятие И. Сталина советскими крестьянами 1930-х гг, исследовательница использовала в качестве источниковой базы доносы, результаты агентурной деятельности – то есть источники, созданные непосредственно в период правления И. Сталина, более того, в период нарастания в обществе атмосферы страха и подозрительности [5, с. 321–322]. Кроме этого, по нашему мнению, следует учитывать, что упомянутые нарративы формировались людьми, для которых советская власть по сути не была еще «родной»: до середины 1920-х гг. они жили при совершенно другом укладе – и это касается не только политического строя, но и повседневной жизни, которая с приходом новой советской власти стремительно ломалась. Поэтому их в целом негативное восприятие этой власти и ее носителей закономерно.

В контексте исследования восприятия советской власти и ее носителей, а также влияния советского строя как явления на формирование политико-общественных взглядов и идентичностей современников более объективным будет использование источников в первую очередь нарративных – сформированных людьми, чье мировосприятие формировалось исключительно в советском обществе. В современной украинской историографии для обозначения реалий советской жизни, а также основных черт менталитета граждан СССР, их ценностных стереотипов используют термин «советскость» («радянскість») [6, с. 182]. Таким образом, все граждане современной независимой Украины, процесс взросления которых пришелся на годы советской власти, являются носителями этой «советскости». Проблема «исторической памяти» в современной украинской исторической науке является относительно новым, но перспективным направлением интеллектуальных исследований [7]. В контексте изучения исторической памяти опросам формирования и интерпретации устноисторических источников, их использования в конкретно-исторических исследованиях посвящено достаточно много работ [8]. На сегодняшний день после всплеска актуализации устноисторических источников как альтернативы документальным, «заидеологизированным» уже стало очевидно, что зафиксированная в них информация также требует тщательной проверки на предмет вероятности и достоверности [9].

Устноисторические источники, как известно, отображают не только и не столько реальные исторические события [10, с. 39], сколько их восприятие и последующее отображение очевидцами и участниками событий. В значительной степени эта субъективизация определяется тем, что респондент – участник/очевидец событий – воспринимает их сквозь призму условий своей повседневности и современного опыта [11, с. 106]. Однако следует отметить, что в данном

случае устные нарративы выступают фактически единственным источником, который может отобразить восприятие И. Сталина как государственного деятеля и исторической личности рядовыми гражданами СССР и интерпретации его роли в советской истории.

Источниковой базой для данного исследования выступают устные нарративы, записанные в селах юга Украины (Запорожская, Днепропетровская, Николаевская и Херсонская области) в ходе проведения археографических экспедиций Запорожского научного общества им. Я. Новицкого, Запорожского отделения Института украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины и Запорожского национального университета на протяжении 2000–2013 гг. Опросы проводились среди людей преклонного возраста (не раньше 1942 года рождения): большинство респондентов родились в период 1920–1930 гг. Опросы проводились методом «сплошного потока» и комбинированным методом [12]. Неопубликованные нарративы сохраняются в Рукописном отделе Запорожского отделения Института украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины (РО ЗО ИУАД им. М. С. Грушевского). Часть материалов экспедиций на сегодняшний день опубликована в продолжающемся академическом издании «Усна історія Степової України» [13].

Исходя из принципа объективности исторических исследований, мы понимаем, полученные результаты не могут быть универсальными, поскольку объем использованных источников (методом случайной выборки) ограничен. Кроме этого, достоверность результатов ограничивается территориальными границами, в рамках которых проводились экспедиции: как известно, в южных и восточных областях Украины на сегодняшний день сохраняется достаточно высокий уровень доверия к коммунистической партии и лояльности к советскому прошлому в целом. Все цитаты приведены с сохранением стиля изложения респондентов.

Исходя из указанного выше среднего возраста опрошиваемых, респондентам во время пребывания при власти И. Сталина было в среднем от 15 до 35 лет, из них большинство пребывали именно в подростковом и юношеском возрасте. Исходя из этого, закономерно, что их представление о И. Сталине формировалось в большей степени на основе восприятия его личности и рассказов о нем ближайшего окружения (родителей, родни, соседей, друзей), личного опыта, в меньшей степени – под влиянием идеологического воспитания в образовательных учреждениях, СМИ того времени (радио и газет). На современную интерпретацию оказывает влияние в первую очередь личный опыт и тот информационный поток, в котором пребывал респондент последние 25 лет.

В комплексе «воспоминаний о Сталине» можно выделить несколько направлений, которые, на наш взгляд, являются наиболее актуальными. Во-первых, это восприятие и оценка И. Сталина как

государственного деятеля вообще; во-вторых, восприятие массовых репрессий 1930-х, голодомора 1932–1933 гг., раскулачивание, идеологического давления 1930–1940-х гг.; в-третьих, восприятие как деятеля, который возглавлял государство во время Великой Отечественной войны; в-четвертых, оценка социальной политики того времени; в-пятых, восприятие его смерти и прихода к власти последователей, а также решений XXI партсъезда и политики «де-сталинизации».

Наиболее распространенная и стойкая ассоциация, которая возникает у респондентов при упоминании И. Сталина, – это «порядок» и «дисциплина» [14]. Именно наличие «твердой руки», которая могла их обеспечить, абсолютное большинство респондентов называют позитивной характеристикой периода [15]. Наиболее характерным признаком «дисциплины» называют отсутствие воровства – как частного, так и колхозного имущества. Типичными выступают упоминания о «горстке зерна», за которую могли судить и отправить в лагерь, и «кочан кукурузы», который нельзя было поднять с земли [16]. Подобная суровость именно в период правления И. Сталина не вызывает у респондентов никакого осуждения, хотя в то же время некоторые упоминают об участившихся случаях краж (в первую очередь колхозных) в позднесоветский период – и это тоже не вызывает осуждения [17]. Конкретные случаи, когда за «горстку зерна» кто-то был осужден, на самом деле упоминаются очень редко [18–19]. Желание «наведения порядка» возникает в большинстве случаев тогда, когда респонденты описывают современные кражи личного имущества «со двора» [20]. Однако при интерпретации подобных воспоминаний следует учитывать, что одна из особенностей коллективной памяти состоит в том, что ее носители абсолютное сознательно умалчивают об определенных негативных фактах прошлого с целью подчеркнуть общую позитивность и стабильность прошлого строя по сравнению с теперешним [21, с. 60].

Следует отметить, что оценка И. Сталина как руководителя, который умел «держать порядок», независима от общего позитивного или негативного восприятия особы генсека. О том, что И. Сталин был причастен к репрессиям, был одним из главных организаторов голодомора 1932–1933 гг., большинство респондентов узнали не в период «перестройки» [22], а скорее уже в начале 2000-х гг. [23]. В восприятии этой информации людьми старшего поколения достаточно характерна тенденция стремления к «уменьшению» его личной ответственности [24–25]. Даже в том случае, когда респонденты осознавали ответственность И. Сталина за репрессии и голодомор, положительный результат от политики «твердой руки» все равно является доминирующим: «Головку зробили спеціально! [...] Це був приказ Сталіна. [...] при Сталіні була дисципліна така шо...» [26]. Несмотря на большое количество опрошенных, конкретные случаи

репрессий упоминают немногие, тем более репрессии, которые имели место в семье самого респондента [27–30].

При проведении устно-исторического интервью методом «сплошного потока» тема голода передается с большой эмоциональной нагрузкой, поскольку эти события так или иначе коснулись каждой семьи; для многих эта тема и до сегодняшнего дня остается психотравматической. Основной упор респонденты делают на стратегиях и факторах выживания собственной семьи. Следует отметить, что какой-либо закономерности в определении причин голода среди людей старшего поколения юга Украины на сегодняшний день нет. Распространенными являются высказывания о том, что голод был создан искусственно и что он имел природные причины [31]. При этом в первом случае обвинения имеют безличностную, абстрактную форму [32]. Упоминания о том, что именно И. Сталин был главным творцом голодомора, также имеют место, но в общем встречаются реже [33].

Следует отметить, что обычно воспоминания о репрессиях никогда не возникают спонтанно, в отличие от воспоминаний о голоде. Большинство людей старшего поколения не осознают их масштабность и последствия (хотя есть и исключения) [34]. Достаточно часто респонденты вообще не понимают смысла вопроса «А были ли репрессии?» – о каких репрессиях идет речь. Однозначные негативные оценки политических репрессий являются скорее исключением [35]. Такое восприятие, по нашему мнению, в определенной мере закономерно: вне зависимости от того, что узнали о голоде сейчас, во время самых событий о голоде даже не нужно было говорить – все видели его протекание и последствия. Что касается репрессий, то большинство респондентов были невольными свидетелями репрессии в детском и юношеском возрасте, когда они еще не интересовались общественной жизнью.

В контексте воспоминаний о Великой Отечественной войне И. Сталин выступает однозначно как государственный лидер, который принес победу [36–37]. Абсолютное большинство опрошенных респондентов во время войны пребывали на оккупированной территории, но отсутствие должной эвакуации, тот факт, что мирное население оставили «на милость врага», фактически никто не связывал с властью в целом и тем более лично с деятельностью И. Сталина как государственного руководителя. Хотя, конечно, есть и исключения, но в этом случае на личный опыт накладывается информация, полученная в зрелом возрасте [38].

Под социальной политикой в данном случае мы имеем в виду те мероприятия государственного уровня, проводимые в период правления И. Сталина, которые оказывали влияние на жизнь и повседневность каждого отдельного человека. Характерным признаком воспоминаний о быте периода 1930–1950-х гг. является то, что все тяготы

и лишения воспринимались как должное (в отличие от повседневных трудностей эпохи «перестройки» и, тем более, периода независимости Украины). Однако при анализе устно-исторических источников по этому вопросу следует также помнить, что поколение 1920–1930-х гг. рождения просто не видело иной жизни – колхозная жизнь стала их повседневностью с детства, с момента самосознания. По мнению современной украинской исследовательницы советского крестьянства В. Лысак, особенность восприятия власти колхозниками 1950-х гг. состояла в том, что при большом уровне недоверия к местной власти – председателям колхозов, бригадирам, учетчикам – крестьяне также продолжали верить центральной власти [39, с. 66].

Большинство респондентов, чьи нарративы были использованы, начали работать довольно рано – в 12–14 лет (то есть приблизительно с середины 1930-х гг.). В устных нарративах присутствуют воспоминания о тяжелом труде – буквально «вылазили со шкуры» [40]. Традиционны воспоминания о больших натуральных сельскохозяйственных налогах; респонденты называют объемы сдаваемых продуктов: 40 кг мяса, 200 л молока, 200 яиц [41]; налоги «на бедность» (раз в полгода) платили даже семьи, в которых женщины были уже беременны [42].

Что касается собственно оценочных суждений о качестве жизни в оговоренный период, то абсолютное большинство респондентов подчеркивали, что в материальном аспекте их жизнь улучшилась «при Хрущеве» и «при Брежнев»: это связывали с тем, что были отменены натуральные налоги [43]. Иногда встречаются суждения, что «при Сталине жилось лучше, чем сейчас», – в таком случае период правления И. Сталина ассоциируется у респондента с советским периодом вообще [44].

Однако следует подчеркнуть, что тяжести материального положения абсолютное большинство респондентов не связывали ни с советским строем вообще, ни тем более лично со Сталиным как предводителем государства. О вынужденных лишениях колхозников, а также о причинах такого положения народная молва слагала частушки, например: «[...] жито й пшениця – пішла за границю. Ячмінь і овес – забрав МТС. Просо й кукурудза – для нашого пуза» [45]; «[...] трудодень, трудодень, трудодиниця: батько ходе бзштанив, мати без спідниці» [46].

Смерть «вождя» в коллективной памяти зафиксировалась фактически однозначно как трагическое событие. Личное восприятие респонденты, очевидно, скорее на подсознательном уровне растворяют в описании «коллективного горя» [47]. Воспоминания о том, что люди радовались, узнав об этом событии, имеют скорее эпизодический характер [48]. Однако в любом случае это событие имело эпохальное значение: смерть или уход с поста любого другого лидера не вспоминалась так ярко.

Личность И. Сталина в украинском советском обществе мало подверглась мифологизации. Зафиксированные мифы касались причин смерти И. Сталина, его отношений с Берией, роли в международных отношениях 1940–1950-х гг., и, как можно сделать вывод из анализа их смыслового наполнения, эти мифы сформировались уже в период «перестройки» и независимости Украины [49-50].

В сознании старшего поколения в определенной степени сохранилось идеологическое отождествление И. Сталина с В. Лениным: «[...] Дуже любили Сталіна, дуже предані були Леніну» [51]; «[...] Ранше Ленін, Леніна помітали. І Сталіна помітали» [52]. Следует также отметить, что, рассказывая о своем отношении к власти советского периода, руководителям государства, респонденты в первую очередь акцентировали внимание на Н. Хрущеве и Л. Брежнев: внутренней политике этих лидеров респонденты дают оценочные суждения, в том числе и негативные, в то время как оценочные суждения о И. Сталине, как уже оговаривалось выше, сводятся к одобрению политики «твердой руки». Период пребывания при власти И. Сталина в сознании среднестатистического крестьянина юга Украины в определенной мере выступает обособленно от советского периода в целом. Респонденты не используют термин «тоталитаризм» или «террор»; исключительный характер имеет и использование термина «сталинизм» [53]; вместо этого для обозначения времени репрессий и преследований используют такие словестные формы, как «тогда же» («ото тоді ж»), «в то врем'я» («в те врем'я»). При этом хронологически «то врем'я» не ограничивается периодом 1930–1950 гг., а распространяется и на последующее годы – фактически до начала независимости. То есть репрессии в массовом сознании не ассоциируются исключительно с периодом правления И. Сталина, по мнению людей старшего поколения, они выступают признаком советского периода в целом: «[...] Ні, тоді не було недовольних. Може й недовольні, так поспробуй скажи, недовольний, або побалакай з ким! Мовчить! [54]. Однако следует отметить, что большинство респондентов воспринимали эти явления как данность: они не вызывают ни какого-либо осуждения, ни принятия их как необходимости.

В 1940–1950-х гг. у представителей теперешнего старшего поколения сформировались образы определенных общественных явлений. Наиболее стойким, по нашему мнению, является образ «врага народа», или «врагов народа», «вредителей» – к этой категории респонденты относят людей, действия которых они не понимают или не воспринимают. Интересным представляется тот факт, что иногда этим термином обозначали и самого И. Сталина: «[...] Ніхто ж не знав що він враг народа. А тоді ж ето, коли взнали...» [55].

По нашим наблюдениям, на структуру воспоминаний о И. Сталине на данный момент современные идеологические факторы оказали минимальное влияние. Как можно сделать анализ из структуры

устно-исторических нарративов, восприятие И. Сталина и его времени у большинства респондентов сформировалось в первую очередь на основании личного опыта 1940–1950-х гг. Это восприятие можно охарактеризовать скорее как нейтральное: среднестатистические крестьяне избранной возрастной группы в заданных территориальных рамках не воспринимают И. Сталина как жестокого диктатора, но в то же время нет и однозначной ностальгии по периоду его правления – кроме моментов, которые касаются необходимости укрепления правопорядка в современном обществе. Следует отметить, что те аспекты жизни советского общества, которые для современников являются наиважнейшими особенностями «периода Сталина» – репрессии, массовый террор, голод, – для людей старшего поколения являлись для советских крестьян второстепенными – по сравнению с изменениями социально-экономической повседневности, которые они больше связывают с периодом Н. Хрущева и Л. Брежнева. Именно такой опыт и ретранслируется респондентами. Однако следует помнить, что каждый личный жизненный опыт и каждый устно-исторический нарратив, в котором этот опыт зафиксирован, уникален.

Примечания

1. Білас І. Репресивна система в Україні. 1917–1953. Суспільний та історико-правовий аналіз: У 2 кн. К., 1994; Кульчицький С. Сталінізм на Україні (20-30-ті роки) К: Едмонт, 1991; Касьянов Г., Даниленко В. Сталінізм і українська інтелігенція (10–30-ті роки). К., 1991. Лихобабова З. Стадінський тоталітарний режим та політичні репресії кінця 1930-х років в Україні. Донецьк, 1996; Марочко В. Репресовані педагоги в Україні і жертви політичного терору (1929–1941). К., 2001; Шаповал Ю. У ті трагічні роки. Сталінізм на Україні. К., 1990. Фролов М. О. Сталін і Україна: особливості стосунків між кремлівським диктатором, українським народом, керівництвом УСРР і КП(б)У в 1920-х рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя : ЗНУ, 2011. Вип. XXX. 368 с. С. 104–110

2. Мухіна М. Упокорення голодом. Збірник документів. К, 1993. 321 с.; Правда через роки. Статті, спогади, документи. Донецька обласна редколегія тому «Реабілітовані історією», Донецький обласний комітет у справах преси і інформації, РВП «Лебідь». Донецьк, 1995. 128 с.; Херсонщина. Голодомор. 1932–1933: Збірник документів / Дерд. Архів Херс. Обл., редкол.: В. Ф. Боровик (голова), О. О. Марущак, Л. В. Виноградова; Авт. кол. Херсон : ВАТ «ХМД», 2008. 320 с.: іл.; Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. К., Наукова думка, 2003. – 888 с.

3. Борисенко В. К. Свіча пам'яті: Усна історія про геноцид українців у 1932-1933 роках. К.: ВД «Стилос», 2007. 288 с; Голодомор

1932–1933 років на території запорізької області: свідчення очевидців / Упорядники Ф. Г. Турченко, І. М. Шугальова, О. О. Стадніченко, В. Г. Ткаченко, О. М. Ігнатуша. Запоріжжя: Дике Поле, 2010. 351 с.; Кушнір В. Г., Петрова Н. О., Поломарьов В. М. У скорбних 1932–1933 роках. Одеса, вид-во КП ОМД, 2008. 298 с., з іл.; Український голокост 1932–1933: Свідчення тих, хто вижив : У 3 т. / За ред. о. Ю. Мицика. Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2003. Т. 2 / За ред. о. Ю. Мицика. 2004. 443 с.; Голодомор в 1932–1933 роки. Людський вимір трагедії / Авт.-упоряд.: О. Войтенко. К.: Майстерня книги, 2010. 56 с

4. Терлецька І. Сутність сталінізму: історіографічне осмислення в сучасній Україні та Росії / І. Терлецька // Сталінізм

5. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. / Ш. Фицпатрик / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 422 с. С.

6. Хархун В. Рецепція комунізму і сучасний український проєкт / В. Тархун // Схід-захід : Іст.-культ. Зб. / Вип. 11–12: Спец. видання : Історична пам'ять і тоталітаризм: досвід Центрально-Східної Європи / За ред. В. Кравченка. Харків: ТОВ «НТМТ», 2009. С. 180–192

7. Беліцер Н. Українська, російська і «радянська» ідентичності у сучасному світі. / Н. Беліцер // Україна – проблема ідентичності: людина, економіка, суспільство. Конференція українських випускників програм наукового стажування у США. Львів, 18–21 вересня 2003 р. С. 124–132; Землюк В. П. Політична ідентичність в Україні в період кризи «розвинутого соціалізму» і здобуття державної незалежності: дис... канд. політ. наук: 23.00.02 / В. П. Землюк; НАН України. Ін-т політ. і етнонац. дослід. ім. І. Ф. Кураса. – К., 2007; Киридон А. Історик та політика пам'яті: «розщеплена ідентичність» / А Киридон // Чорноморський літопис. 2010. № 2. С. 116–121; Колодій А. Ф. Національний вимір суспільного буття / А. Ф. Колодій. Львів: Вид-во «Астролябія», 2008; Лазаренко О. Політична ідентифікація і політична влада в сьогоденній Україні: ілюзії та горизонти нових очікувань. / О. Лазаренко // Україна – проблема ідентичності: людина, економіка, суспільство. Конференція українських випускників програм наукового стажування у США. Львів, 18–21 вересня 2003 р. С. 155–158.

8. Кісь О. Усна історія: теоретичні засади та методика автобіографічного інтерв'ю / Наукові записки з української історії. Зб. наукових статей. Випуск 19. Тернопіль, 2007; Нагайко Т. Джерела усної історії: проблеми та перспективи використання на сучасному етапі // Наукові записки з української історії. Зб. наукових статей. Випуск 19. Тернопіль, 2007; Пастушенко Т. Метод усної історії та усно історичні дослідження в Україні // Історія України 2010.

№ 17–18; Смольницька М. Усні свідчення жінок літнього віку як джерело реконструкції жіночого повсякдення. // «Історія повсякдення : теорія і практика»: Матеріали Всеукр. Наук. Конф., Переяслав–Хмельницький, 14–15 травня 2010 р. / Упор. Лукашевич О. М., Нагайко Т. Ю. Переяслав–Хмельницький, 2010.

9. Бойко А. Усна історія – напрямки та перспективи / А. Бойко // Усна історія в науковому дослідженні. Матеріали всеукраїнської наукової конференції. Запоріжжя, 23–24 травня 2008 року. Запоріжжя, Тандем–У, 2008. С. 3–8; Святець Ю. Усна історія, колективна та індивідуальна пам'ять: комунікативний аспект. / Ю. Святець // Усна історія в науковому дослідженні. Матеріали всеукраїнської наукової конференції. Запоріжжя, 23–24 травня 2008 року. – Запоріжжя, Тандем–У, 2008. С. 58–66 с.

10. Портелли А. Особенностиустнойистории / А. Портелли // Хрестомания по уснойистории / Пер., сост., общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге, 3003. С. 32–51.

11. Молдавська Т. Радянська та пострадянська дійсність у структурі усного наративу // Розпад Радянського Союзу та міжнародні інтерпретації завершення «холодної війни»: 20 років потому: матеріали міжнародної науково–практичної конференції (Запоріжжя, 2–4 листопада 2011 р). – Запоріжжя, 2011. С. 206.

12. Бойко А. Усна історія: методика організації та проведення опитування. / А. Бойко // Усна історія: теорія та практика/ Упорядники: А. Бойко, С. Білівненко, Ю. Головка та інші. Запоріжжя: Тандем–У, 2008. С. 28–39

13. Усна історія Степової України / Запорізький край. – Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Том 1. 516 с.; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2. 512 с.; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 3. 492 с.; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 4. 474 с.; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2009. Т. 5. 460 с.; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2009. Т. 6. 464 с. Усна історія Степової України. Запоріжжя: АА Тандем, 2009. Т. 7. 388 с.; Усна історія Степової України. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 8. 362 с.; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя : 2009. Т. 9. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: 2010. 412 с. Усна історія Степової України. Запоріжжя: АА Тандем, 2012. Т. 10. 536 с.

14. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 14. Д. 28. Л. 12; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 13. Д. 50. Л. 2; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 15. Д. 26. Л. 34; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 14. 2. Л. 13; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 15. Д. 30. Л 15; РО ЗО ИУАИ им.

М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 30. Л. 16; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 14.175. Ч. 1. Л. 56

15. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 5, С. 228.

16. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 21. Л. 13.

17. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 4. С. 167

18. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 35. Л. 14.

19. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2 С. 145

20. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. – Т. 4, С. 258.

21. Святець Ю. Усна історія, колективна та індивідуальна пам'ять: комунікативний аспект. / Ю. Святець // Усна історія в науковому дослідженні. Матеріали всеукраїнської наукової конференції. Запоріжжя, 23–24 травня 2008 року. – Запоріжжя, Тандем–У, 2008. С. 58–66 с.

22. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 21. Л. 14

23. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 18. Д. 61. Л. 6

24. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2 РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 14. Д.175. Ч. 1. Л. 55.

25. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 20. Л. 21

26. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 14. Д. 132. Л. 126

27. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 35. Л. 3; Усна історія Степової України / Запорізький край. – Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2, С. 195.

28. Усна історія Степової України. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 8. С. 173.

29. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 9. С. 22, 127; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 3 с. 207, 212.

30. [Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 3. С. 97, 307].

31. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2, С. 145; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2, С.57; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 9. С. 135.

32. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2, С. 12, 213.

33. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 20. Л. 43; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 21. Л. 16; Усна

історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 1. С. 120; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 9, С. 101.

34. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 30. Л. 24.

35. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 20. Л. 11; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 35. Л. 13; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 1. С. 120; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 9, с. 101.

36. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 1. С. 30; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 9, С. 262; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 30. Л. 23; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 14. Д. 175. Ч. 1. Л. 54; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 14. Д. 175. Ч. 2. Л. 101.

37. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 30. Л. 21.

38. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 16. Д. 45. Л. 23.

39. Лисак В. Ф. Морально-психологічна ситуація в українському селі в 1950-х роках (на матеріалах фонду Міністерства Держконтролю УРСР) / В.Ф. Лисак // Наукові праці. Том 115. Випуск 102. С. 64–68.

40. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2. С. 211; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 5. С. 114.

41. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 1, С. 158; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 4, С. 391; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 3, С. 114; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 9, С. 366;

42. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 34. Л. 20

43. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 74. Л. 14; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 14. Д. 28. Л. 17; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 12. Д. 15. Л. 86; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 4. С.39; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 3, С.51, 75, 98, 114; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 1, С. 34, 58, 87; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 9, С. 177, 267, 284, 316.

44. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 5, с. 164.

45. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 27. Л. 13

46. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 74. Л. 18.

47. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 29. Л. 10; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевського. Ф. 8. Оп. 15. Д. 26. Л. 22;

РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 15. Д. 26. Л. 13; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 16. Д. 21. Л. 43; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 16. Д. 35. Л. 15; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 14. Д. 11. Л. 22; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 9, С. 216, 228, 354.

48. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 16. Д. 45. Л. 23.

49. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 16. Д. 21. Л. 32; РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 16. Д. 35. Л. 65; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 1, С. 123; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2. С. 22; Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2010. Т. 9, С. 365.

50. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2. С. 65.

51. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 14. Д. 175. Ч. 1. Л. 75.

52. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 14. Д. 11. Л. 4.

53. Усна історія Степової України / Запорізький край. Запоріжжя: АА Тандем, 2008. Т. 2. С. 297

54. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 16. Д. 21. Л. 36.

55. РО ЗО ИУАИ им. М. С. Грушевского. Ф. 8. Оп. 14. Д. 11. Л. 16.

Волков П. Н.

**Современная российская историография
советско-польских отношений 1945–1948 гг.:
некоторые итоги изучения**

Из-за недоступности многих архивных материалов и жесткой цензуры советские ученые при определении роли СССР в развитии Польши в послевоенный период были вынуждены довольствоваться изображением позитивного. Во главу угла ставилось изучение значения дипломатической и экономической поддержки СССР польского государства. Другие аспекты советско-польских отношений освещались либо очень скупо, причем в тенденциозной форме, либо вообще не являлись предметом для научного исследования. Поневоле, как верно заметил Л. Е. Горизонтов, «сложилось убеждение, что в этом и состоит единственно мыслимый вклад историков в интернациональное воспитание трудящихся, укрепление взаимопонимания и дружбы двух соседних стран» [1]. Советским исследователям не удалось

также создать действительно научную источниковую базу истории советско-польских отношений. Однако большая часть опубликованных документальных сборников и поныне не потеряла своего научного значения. Прежде всего это относится к серии документальных публикаций, посвященных взаимоотношениям Советского Союза с Польшей. В течение почти трех десятилетий советскими и польскими исследователями и архивистами было опубликовано 12 томов «Документов и материалов по истории советско-польских отношений». В них вошли материалы советских и польских архивов, пресса, статьи и выступления руководящих политических деятелей, в основном коммунистов. Хотя в полной мере развитие отношений СССР и Польши, особенно в рассматриваемый нами период, эти сборники документов не отражают, публикация большого количества архивных материалов значительно расширила источниковую базу исследователей [2].

Общественно-политические перемены в СССР и восточноевропейских странах на рубеже 1980–1990-х гг. обусловили кардинальное изменение исследовательских приоритетов отечественных ученых в изучении развития Польши в послевоенный период. На передний план были выдвинуты вопросы о содействии сталинского руководства установлению монополярной власти польских коммунистов [3]. Предпосылкой для переосмысления многих положений советской историографии и легализации «белых пятен» в освещении истории народно-демократической Польши стало рассекречивание архивами ранее закрытых фондов документов. С целью ликвидации многочисленных изъянов в источниковой основе послевоенной истории восточноевропейских стран сотрудниками Института славяноведения РАН в центральных федеральных и ведомственных архивах России был выявлен и обнародован обширный массив документальных материалов. Введенные в научный оборот архивные материалы дают достаточно ясное представление о политических формах советского влияния и разнообразных репрессивно-силовых методах воздействия на общество в восточноевропейских странах.

Качественное изменение источниковой базы позволило российским историкам приступить к воссозданию обновленной картины советско-польских отношений. На новой документальной базе А. Ф. Носкова, Г. П. Мурашко, Т. В. Волокитина, Т. А. Покивайлова и другие отечественные специалисты на монографическом уровне представили свое понимание общественно-политических процессов в восточноевропейских странах в послевоенный период и роли в них Советского Союза [4]. В начале 2000-х гг. возобновилось совместное сотрудничество российских и польских ученых по изучению советско-польских отношений. В 2002 г. было решено создать российско-польскую исследовательскую группу по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Важнейшим

направлением работы группы стала подготовка совместных публикаций, посвященных наиболее значимым и противоречивым аспектам взаимоотношений России и Польши в XX веке. Промежуточным итогом работы группы стало издание на русском и польском языках сборника статей «Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях», который позволяет сопоставить подходы польских и российских ученых к ключевым проблемам двусторонних взаимоотношений в послевоенный период [5]. В рамках реализации серии, представляющей современный взгляд российской историографии на развитие зарубежных славянских стран в XX веке, вышел в свет фундаментальный труд «Польша в XX веке. Очерки политической истории», подготовленный коллективом ведущих российских полонистов. В нем особо выделяется роль Советского Союза как оказавшего приоритетное влияние на становление политического режима советского типа в Польше [6].

Отличительной чертой современных исследований, затрагивающих проблему советского фактора в послевоенной Польше, стало существование различных точек зрения. На наш взгляд, к настоящему времени сложилось три подхода к этой проблематике. Во-первых, ряд ученых считает, что советский фактор сыграл ключевую роль в создании основ тоталитарного режима в Польше при отсутствии внутренних предпосылок к восприятию этого строя. Этой точки зрения придерживаются Ю. С. Новопашин, Л. Я. Гибианский, Н. В. Петров и другие [7]. «Декларируемая же коммунистами в тот период концепция народной демократии, – полагает Ю. С. Новопашин, – была лишь маскировкой, популистским фасадом их тоталитарных устремлений» [8]. Во-вторых, часть историков говорит о положительном влиянии Советского Союза на события в послевоенной Польше. Негативные проявления советского фактора обычно объясняются издержками сталинского правления. Данная позиция прослеживается, к примеру, в работах Я. Я. Гришина [9]. В-третьих, группа исследователей признает приоритетность советского фактора, но при этом совершенно правомерно делает больший упор на внутренние факторы, повлиявшие на послевоенное развитие Польши. По их мнению, немалую роль в формировании народно-демократического строя в Польше сыграли также широкая люмпенизация и полевение польского общества; достаточно широкое разочарование различных слоев населения страны в старом, довоенном общественном устройстве и в буржуазной демократии довоенного образца; понимание решающей роли СССР в разгроме фашистской Германии и т. д. Подобный подход отражен в работах А. Ф. Носковой, Т. В. Волокитиной, Л. С. Лыкошиной, Р. Р. Юсупова и других [10].

Современные историки противоречивы в оценках не только по проблеме советского фактора в целом, но и по ее отдельным аспек-

там. Так, повышенный интерес ученых вызвали болевые моменты в советско-польском экономическом сотрудничестве. В центре внимания оказались вопросы, связанные с демонтажом промышленных предприятий в Силезии, работой советских трофейных команд в Польше, потери богатых полезными ископаемыми восточных земель и знаменитого «угольного соглашения». При всем многообразии мнений более взвешенной выглядит позиция Л. Б. Миляковой, придерживающейся предопределенности выдвижения Советского Союза в качестве основного экономического партнера Польши и других восточноевропейских стран, обусловленного только экономическими факторами. Л. Б. Милякова признает «антиэкономический» характер послевоенных экономических взаимоотношений СССР и восточноевропейских стран, но напрочь отвергает все обвинения в «ограблении» и эксплуатации СССР экономики этих государств через установление низких цен на ряд товаров (например, польский уголь). Оказываемая СССР экономическая поддержка восточноевропейским странам в виде «списывания» кредитов под поставки сырья и продовольствия, беспроцентного характера этих кредитов существенно перекрывала те потери, которые они понесли в послевоенные годы [11].

Крайне неоднозначно оценивается политическое присутствие СССР в народно-демократической Польше. В некоторых работах политическое влияние СССР на развитие Польши упрощенно трактуют как насильственную советизацию, с самого начала исключавшую какие-либо варианты в послевоенном развитии страны. Отправной точкой для таких утверждений, как правило, служит пребывание и деятельность советских войск и советников на территории Польши в послевоенные годы [12]. Но большинство отечественных исследователей (А. Ф. Носкова, Г. П. Мурашко и другие) представляет военнополитическое присутствие СССР в Польше более сложным явлением. Они совершенно справедливо полагают, что сталинское руководство прежде всего пыталось обеспечить политическую победу Польской рабочей партии, ориентированной на Советский Союз. В немалой степени эту задачу облегчила поддержка достаточно влиятельных политических и социальных сил в польском обществе. Обычно эти ученые приводят в качестве примера послевоенное развитие Австрии и Финляндии, где военно-политическое влияние СССР было ошутимым, а провести советизацию не удалось [13]. Следует, однако, заметить, что в Австрии и Финляндии интересы СССР были более ограниченными, чем в той же Польше. Сказалось на послевоенном развитии Австрии и Финляндии и отсутствие германского фактора, игравшего большую роль в славянских странах. В современной исторической литературе, кстати, не всегда учитывается устойчивость германского фактора в восточноевропейских странах из-за нереальности германской угрозы в то время [14]. Реакция польского население

ния на «план Маршалла», предусматривавший помощь Германии, и попытки Запада пересмотреть западные границы Польши доказывают обратное. Со своей стороны, сталинское руководство использовало германский фактор как инструмент консолидации польского общества.

Разногласия среди современных российских ученых наблюдаются даже при освещении поражения оппозиционных сил в Польше. Опубликованные документальные материалы доказывают, что Советский Союз сыграл значительную роль в разгроме польского вооруженного подполья, фальсификации итогов референдума и выборов в Сейм [15]. Техническая и организационная поддержка советских специалистов правящему режиму в Польше в ходе выборной кампании, а также проведение референдума и парламентских выборов были освещены в работах Н. В. Петрова и А. Ф. Носковой. Согласно их исследованиям, подавляющее большинство польских граждан поддержало политическую линию оппозиционного Польского Стронництва Людового (ПСЛ). Но благодаря профессионализму в подделке избирательных бюллетеней работников оперативно-технических служб во главе с начальником отдела оперативной техники А. М. Палкиным и применению правящими властями широкого арсенала репрессивно-силовых методов были обнародованы противоположные итоги. Реальные результаты референдума, судя по рассекреченным донесениям советского посла в Польше В. З. Лебедева, были таковы: положительно ответили на первый вопрос 35–40 % голосовавших, на второй вопрос – 50–60 %, на третий – 75–80 %. Руководства ППР и ППС договорились опубликовать в качестве официальных данных следующие: первый вопрос – 60–65 % голосов «за», второй вопрос – 75–80 % и третий – 95 %. Подлинные результаты выборов в Сейм до сих пор не обнародованы. Однако сведения об отрицательном результате для правящего режима содержатся, в частности, в политотчете посольства СССР в Варшаве за 1947 год [16].

В то же время не все отечественные исследователи при выяснении причин поражения ПСЛ считают необходимым заострять свое внимание на репрессивной деятельности правящих властей Польши и Советского Союза. Так, например, А. В. Шубин на первый план выдвигает так называемые «тактические ошибки» ПСЛ и расчетливую политику правящего режима, привлекая на свою сторону большую часть населения страны разжиганием популярных антинемецких настроений, экономическими «уступками» и созданием Демократического блока. Он умалчивает об опровергающей его утверждения фальсификации результатов голосования и нехотя упоминает о «разгроме силой» перед референдумом «нескольких отделений» ПСЛ [17].

Таким образом, анализ работ современных историков позволяет нам сделать вывод, что советский фактор оказал определяющее зна-

чение в решении вопроса власти в польском государстве. В какой-то мере установлению монопольной власти коммунистов способствовали и внутренние факторы, которые были не столь значительны.

Современную историографию советского фактора в народно-демократической Польше характеризует наличие широкой палитры взглядов ученых. Порой суждения историков бывают прямо противоположными. Вместе с тем наблюдается явное ослабление внимания оказанию Советским Союзом помощи польскому народу в восстановлении разрушенной войной экономики и в проведении социально-экономических преобразований. Преимущественное внимание уделяется вопросам, затрагивающим острые моменты в советско-польских отношениях. При этом во многих работах возобладали отрицательные оценки действий сталинского руководства.

Примечания

1. Горизонтов Л. Е. Польская история на Западе и в Советском Союзе: опыт сопоставительного историографического обзора // Советское славяноведение. 1991. № 1. С. 64.

2. Волокитина Т. В., Марьина В. В., Новопашин Ю. С. История Восточной Европы от начала второй мировой войны до современности // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 13–14.

3. Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Востоной Европы. М.: Индрик, 2000. С. 307.

4. Волокитина Т. В. О некоторых дискуссионных аспектах изучения истории сталинизма в Восточной Европе в 40–50-е годы XX века // Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы / под ред. А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой. СПб.: Алетейя, 2010. С. 8; Носкова А. Ф. Российская историография сталинизма в СССР и странах Восточной Европы: некоторые итоги изучения (конец XX – начало XXI века) // Славяноведение. 2012. № 1. С. 43.

5. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.

6. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. – 952 с.

7. Новопашин Ю. С. Вводные замечания // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995. С. 3–16; Гибианский Л. Я. СССР, Восточная Европа и формирование советского блока // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1944. М.: Наука, 2002. С. 16–37; Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. М.: РОССПЭН, 2011. 351 с.

8. Новопашин Ю. С. Вводные замечания // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995. С. 6.

9. Гришин Я. Я. Истоки кризисов. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1991. 172 с.; Гришин Я. Я. Политический поворот в Польше 1948 г. Казань: Изд-во «Тан-заря», 1994. 216 с.

10. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 394–431; Волокитина Т. В. Проблемы освобождения и характера власти в Восточной Европе в контексте геополитических итогов Второй мировой войны // Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИКЦ Академкнига, 2010. С. 370–380; Судьба польского народа в XX веке («круглый стол» по книге Я. Щепаньского) // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 127–128; Юсупов Р. Р. Польская интеллигенция в период народной демократии (1944–1980 гг.). Казань: Изд-во «ГранДан», 1998. 347 с.

11. Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (середина 40-х – конец 80-х гг. XX в.) // История СССР. 1991. № 1. С. 45–46.

12. Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. М.: РОССПЭН, 2011. 351 с.

13. Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе (1945–1948) // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 75.

14. Волокитина Т. В. Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010. С. 7.

15. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в 2 т. Т. 1. 1944–1948 / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. С. 511, 538–539; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: в 2 т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 1999. С. 327.

16. Носкова А. Ф. К истории выборов 1947 г. в Учредительный сейм Польши // Славянский альманах. 2009. М.: Индрик, 2010. С. 419–426; Петров Н. В. Роль МГБ СССР в советизации Польши (проведение референдума и выборов в Сейм в 1946–47 гг.) // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 102–124.

17. Шубин А. В. Правящая элита и общество (К проблематике исследования тоталитарных режимов в Восточной Европе) // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 29; Шубин А. В. СССР и режимы «народных демократий» // Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений,

режимов и их преодоления. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 390–391.

Крайник Р. Н.

Современная украинская историография террора против педагогов УССР в период «позднего сталинизма»

Актуальной проблемой украинской историографической науки является объективный анализ многочисленных трудов отечественных исследователей, посвященных проблеме массовых политических репрессий во времена «сталинизма». Несмотря на довольно короткое время историографической разработки проблемы, ввиду запрета советской цензурой исследовать преступления И. Сталина, с 1991 г. написано много научных трудов отечественными историками. Исследователи изучают массовый сталинский террор с разных точек зрения, углубляются в исследование репрессий против разных социальных, национальных категорий населения Украины. Не стала исключением характеристика преступлений сталинского режима против педагогов УССР, так как они представляли численную социальную категорию населения и часто становились объектом государственного террора во времена «позднего сталинизма».

Непосредственно объективная историографическая характеристика террора против работников системы образования УССР начинается со времен «Перестройки» и окончательно формируется после распада СССР. Первые труды украинских ученых касались общей характеристики репрессий в Советском Союзе, поэтому лишь частично анализировали террор в учреждениях образования УССР. Примером служит монография, посвященная непосредственно проблеме сталинского террора известного украинского историка Ю. Шаповала «У ті трагічні роки: Сталінізм на Україні» [1]. На основании архивных рассекреченных документов, которые доказывали существование антинародной политики, исследователь в 1990 г. затрагивает проблему террора против работников образования УССР. Соответственно работа имеет огромное историографическое значение, в которой, невзирая на официальное существование советской власти, впервые затрагивается ранее запрещенная тема преступлений И. Сталина в научных исследованиях украинских историков.

Существенно изменилась ситуация в научной жизни государства после распада СССР и провозглашения независимости Украиной. Властью были сняты все ограничения на пути полноценного и объективного исследования сталинского террора. С 1991 г. создаются необходимые условия для написания солидных научных трудов. Примером активизации исторических исследований советского прошлого служит

монография А. Михненко, в которой автор доказывает актуальность дальнейшей характеристики многих «белых пятен» истории СССР, дает рекомендации историкам по их дальнейшему изучению [2].

В 1994 г. опубликованы книги И. Биласа, историографической особенностью которых является последовательная научная характеристика советского террора на протяжении 1917–1953 гг. [3]. Видное место в двухтомном труде автор уделяет преступлениям советской власти во времена «позднего сталинизма» и конкретно репрессиям против педагогических работников Украины. И. Билас на страницах публикации акцентирует особое внимание на репрессиях среди учителей западной Украины, где в послевоенное время существовало враждебное к советской власти националистическое движение, активными участниками которого являлись многие педагоги.

Огромный историографический интерес представляют региональные исследования сталинских преступлений в Украине, так как дают возможность конкретизировать террор в разных регионах страны. Известный исследователь тоталитаризма на юге Украины Н. Шитюк в 1995 г. опубликовал брошюру «З власним народом війна» [4], где на основании достоверных архивных источников наведены конкретные примеры сталинских репрессий, в том числе много материалов публикации касаются террора против педагогов Николаевской области в послевоенное время.

Последовательным продолжением большой научной работы Н. Шитюка стала монография, вышедшая в 2000 г. [5]. Ее большое историографическое значение состоит в том, что это первый фундаментальный региональный научный труд в Украине, посвященный массовым сталинским репрессиям в отдельном регионе страны. Уникальность монографии состоит в том, что исследователь охарактеризовал практически все особенности террора на юге Украины, акцентируя внимание на национальных, религиозных, социальных особенностях репрессированного населения региона. Н. Шитюк уделил много внимания педагогической интеллигенции, разнообразным формам ее противостояния сталинской системе. Существенным плюсом монографии является то, что автор детально проанализировал антинародное советское законодательство, доказал его преступный характер. Научная значимость работы подтверждается тем, что многие юридические акты непосредственно касаются педагогических работников Украины в послевоенное время. Также Н. Шитюк на страницах монографии сделал обоснованные умозаключения о причинах, ходе и последствиях массовых сталинских репрессий. Придают научной ценности труду многочисленные таблицы и схемы, касающиеся массового террора в СССР.

Раскрывая и обобщая новые факты сталинских преступлений, коллектив украинских исследователей в 1997 г. предпринял попытку основательно проанализировать репрессивное законодательство

Советского Союза [6]. Требовалось показать его антигуманную суть, и на конкретных примерах исследователям это удалось аргументированно доказать. Определенное место в труде занимают материалы, непосредственно касающиеся террора против педагогических работников на протяжении 1945–1953 гг. Научная значимость книги подтверждается рассекреченными уникальными законодательными актами с явными признаками антигуманных действий советской власти по отношению к собственному народу.

В дальнейшем проблема террора в учреждениях образования УССР частично раскрыта на страницах книг «Одесский мартиролог» [7]. Авторский коллектив, исследуя преступления «сталинизма» на юге Украины, провел детальный анализ социального, национального состава, профессиональной деятельности невинно репрессированных людей. В публикациях представлены численные документальные материалы, статистические данные, воспоминания арестованных педагогов, что помогает читателю осознать сложность общественно-политической обстановки в республике.

Материалы, связанные с террором, в том числе во времена «позднего сталинизма» активно публикуются в рамках украинской государственной программы подготовки научно-документальной серии книг «Реабілітовані історією» [8]. Примечательно то, что во время написания публикаций исследователи обработали тысячи архивных дел репрессированных. Сделан объективный анализ советского прошлого, дана характеристика биографий, воспоминаний свидетелей антинародной деятельности сталинского режима. Научная ценность этой серии публикаций также подтверждается взаимодействием редакционных групп с архивами бывшего Советского Союза, обществом «Меморіал», региональными исследователями террора. Историографическая ценность серии книг «Реабілітовані історією» подтверждается публикацией множества материалов о преступлениях режима против работников системы образования Украины в послевоенный период.

В конце 90-х гг. прошлого века исследователь С. Д. Сворак опубликовал книгу «Загальноосвітня школа західноукраїнського регіону в контексті суспільно-політичного життя другої половини 40-х – першої половини 60-х років» [9]. Историк доказал наличие грубых искажений в педагогическом воспитательном процессе, связанных с навязыванием властью учащимся советской идеологии, что приравнивается к преступной политике режима. Автор исследования детально остановился на описании причин, форм и методов сталинского террора. С. Д. Сворак непосредственно охарактеризовал жестокое противостояние власти с представителями национального движения в общеобразовательных школах западной Украины.

Солидная отечественная публикация «Чорна книга України» издана в 1998 г. [10]. Авторами многих содержательных статей стали

педагоги, судьбы которых искалечила сталинская политическая система. В труде непосредственно безвинными жертвами «сталинизма» описываются многие трудности общественно-политической жизни, связанные с тоталитарным строем страны.

Определенными недостатками книги являются ее публицистический характер, отсутствие ссылок на архивные источники.

В монографии «Україна в добу сталінщини: історія опору» анализируется массовое сопротивление советского общества сталинскому режиму [11]. В содержании книги определенное место отведено террору против педагогов УССР, которые четко понимали пагубность и бесперспективность существующей политической системы. Поэтому в труде дана характеристика проявлений движения массового сопротивления действиям советской власти среди преподавателей преимущественно западных областей УССР в послевоенный период.

В контексте дальнейшей историографической характеристики проблемы следует упомянуть о книге «Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст. Історичні нариси» [12] как об одной из немногих, где детально и аргументировано раскрываются преступления И. Сталина. В материалах труда помещены факты, касающиеся террора против педагогов в период «позднего сталинизма». Также необходимо уделить особое внимание исследованиям историка В. Никольского. Обобщением его всех предыдущих исследований сталинского террора стала монография 2003 г. «Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження» [13]. Автор систематизировал и обобщил масштабы, последствия сталинского террора в Украине, навел конкретные цифры репрессированных, в том числе педагогических работников Украины, тем самым внес существенный вклад в исследование проблемы.

Высокий интерес украинских исследователей к проблеме террора против педагогов во времена «позднего сталинизма» подтверждается множеством научных трудов. Поэтому со времен провозглашения независимости Украины написано и защищено ряд докторских диссертаций и диссертаций кандидатов наук, которые непосредственно касаются проблемы репрессий против работников образования СССР в 1945–1953 гг.

Ярким примером актуальности поднятой проблемы служит диссертационное исследование Н. Г. Красножон «Загальноосвітня школа України в контексті суспільно-політичного життя (1943–1953 рр.)» [14]. Объектом научной работы является система образования УССР в послевоенное время. Также анализируется специфика ее функционирования в условиях «позднего сталинизма». Примечательно то, что исследовательница на конкретных примерах показывает множество трудностей во взаимоотношениях педагогической интеллигенции и власти в УССР.

Кардинальные послевоенные перемены в системе образования рассматривает И. В. Сушик [15]. Историографическая ценность ее диссертации состоит в том, что на примере украинской Волыни объективно показан процесс послевоенного восстановления и перестройки системы образования. И. В. Сушик учтены и проанализированы все трудности и противоречия во взаимодействии советской власти с националистическим движением. Историк доказывает, что много педагогов Западной Украины имели националистические взгляды.

Частично рассматривается массовый террор в учреждениях образования запада УССР на протяжении 1940-х – 1950-х гг. историком И. В. Мусиенко [16]. Автор диссертационного исследования доказала на конкретных фактах существование политики массовых репрессий и, как следствие, действия движения сопротивления сталинскому режиму на западной Украине, активными участниками которого являлись педагогические работники.

Заслуживает внимания диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук В. П. Мазурка [17]. В научном труде исследователь анализирует общественно-политические процессы на западной Украине в военное и послевоенное время, акцентируя внимание на продолжении применения репрессивной политики советской власти к различным социальным категориям населения, отдельно выделяя педагогических работников. При этом В. П. Мазурок, проанализировав множество источников, приходит к выводу о массовом и целенаправленном уничтожении режимом украинской интеллигенции.

В 2006 г. защищена кандидатская диссертация Н. В. Мозговским «Боротьба тоталітарної системи проти діячів української науки та культури в повоєнний період (1946–1953 рр.)» [18]. Историк исследует логику советской тоталитарной системы, закономерности ее «функционирования» непосредственно в учебных заведениях послевоенной Украины. М. В. Мозговский последовательно доказывает грубое вмешательство партийно-государственных органов СССР во все сферы жизни научно-педагогических работников, ограничение свободной мысли, необоснованные аресты представителей украинской интеллигенции.

Рассматривая послевоенное состояние науки в высших учебных заведениях г. Харькова, С. В. Фролов в историографическом исследовании определяет ряд существенных проблем системы образования [19]. Одной из них являлось крайне негативное воздействие «позднего сталинизма» на учебный процесс. По убеждению ученого, основанному на работе с многими научными источниками, тоталитарный режим бесосновательно преследовал инакомыслие, искал «внутренних врагов» там, где их не было. Ценность научного труда подтверждается солидной историографической базой.

В контексте научного анализа политики террора против работников системы образования в УССР во времена «позднего сталинизма»

заслуживает внимания диссертационное исследование Н. М. Сирук «Політичний контроль таталітарної держави за культурно-науковою сферою України (друга половина 40-х – початок 50-х років ХХ ст.)» [20]. Научная особенность диссертации заключается в том, что автор объективно рассматривает политический контроль государства над учеными и педагогами. Н. М. Сирук приводит примеры публичных разоблачающих репрессивных кампаний в сфере системы образования УССР. Исследовательница детально характеризует политическое давление власти на преподавателей гуманитарных дисциплин.

В солидном диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора исторических наук Ю. А. Николаец детально рассматривает общественно-политические процессы в УССР второй половины 1940-х – первой половины 1960-х гг. с точки зрения украинской историографии [21], тем самым исследует основные тенденции накопления знаний о положении педагогов Украины. Анализируя научную, публицистическую литературу послевоенного времени, историк сделал выводы об негативных общественных настроениях работников системы образования и особенно преступной политике государства, партии в отношении педагогов. Невзирая на частичную историографическую характеристику репрессий против преподавателей учебных заведений УССР, данный научный труд существенно дополнил процесс характеристики террора во времена «позднего сталинизма».

Многие современные исследователи детально рассматривают проблемы, связанные с историей повседневной жизни советских педагогов, для всестороннего анализа прошлого советской Украины.

В 2008 г. О. А. Прохоренко защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Повсякденне життя науково-педагогічної інтелігенції України в другій половині 40-х – першій половині 50-х рр. ХХ ст.» [22]. Невзирая на то, что осуждение политики террора не являлось непосредственным заданием исследовательницы, на страницах диссертации она неоднократно приводит примеры многих трудностей повседневной жизни педагогов, сосредотачивает внимание на политике террора советской власти против украинской интеллигенции. Существенным плюсом работы является характеристика морально-психологического климата среди украинских педагогов, который исключительно негативно влиял на учебный процесс в УССР.

Таким образом, анализируя современные научные труды украинских исследователей, посвященные массовым сталинским репрессиям против отечественных педагогов на протяжении 1945–1953 гг., можно сделать вывод о существенной научной разработке проблемы, но недостаточной ее историографической характеристике. Поэтому существует необходимость продолжить исследования историографии сталинского террора против работников системы образования УССР путем даль-

нейшого глибокого аналізу сучасної вітчизняної літератури, для повного і об'єктивного аналізу наукових трудов, опублікованих після провозглашення державної незалежності України.

Примечания

1. Шаповал Ю. У ті трагічні роки: Сталінізм на Україні / Юрій Шаповал. К. : Політвидав України, 1990. 141 с.

2. Михненко А. М. Минуле України: Відновлені сторінки / Михненко. А. М. К.: Наук. думка, 1991. 227 с.

3. Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні, 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Кн. 1 / Іван Григорович Білас. – К.: Либідь: Військо України, 1994. – 432 с.; Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні, 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: Кн. 2. / Іван Григорович Білас. К.: Либідь: Військо України, 1994. 686 с.

4. Шитюк М. М. З власним народом війна / Шитюк М. М. К.: Акант, 1995. 79 с.

5. Шитюк М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20-ті–50-ті роки ХХ століття / Микола Шитюк. К.: Тетра, 2000. 532 с.

6. Реабілітація репресованих: Законодавство і судова практика / [уклад. Маляренко В. Т., Овчинніков Є. І.; під ред. В. Т. Маляренко]. К.: Юрінком, 1997. 461 с.

7. Одеський мартиролог / [редкол. «Одеського Меморіала»: Херсонський Б. Г. і др.; сост.: Ковальчук Л. В., Разумов Г. А.] Одеса: ОКФА, 1997. – (Сер. «Одеського Меморіала»). Т. 1. 752 с.; Одеський мартиролог / [редкол. «Одеського Меморіала»: Херсонський Б. Г. і др.; сост.: Ковальчук Л. В., Разумов Г. А.] Одеса: ОКФА, 1999. (Сер. «Одеського Меморіала»). Т. 2. 721 с.

8. Повернені імена. Статті, нариси, короткі біографічні довідки (про реабілітовані жертви політичних репресій у Запорізькій області). Книга перша. К.: Вир, 1998. 349 с.; Повернені імена. Документи, короткі біографічні довідки (про реабілітовані жертви політичних репресій у Запорізькій області). Книга друга. – Запоріжжя, 1999. 349 с.

9. Сворак С. Д. Народна освіта у західноукраїнському регіоні: історія та етнополітика (1944–1964 рр.) / С. Д. Сворак. К.: «Правда Ярославичів», 1998. 238 с.

10. Чорна книга України: Збірник документів, матеріалів, архівних матеріалів, листів, доповідей, статей, досліджень, есе // [упоряд., ред. Ф. Зубанича]. К.: Видавничий центр «Просвіта», 1998. 784 с.

11. Безосотний М. Т. Україна в добу сталінщини: історія опору / Безосотний М. Т. К.: НАН України Інститут політичних і етносоціальних досліджень, 2002. 128 с.

12. Політичний терор і тероризм в Україні ХІХ–ХХ ст. Історичні нариси. К.: Наукова думка, 2002. 950 с.

13. Нікольський В. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х–1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження / Володимир Нікольський. Донецьк: ДонДУ, 2003. 624 с.

14. Красножон Н. Г. Загальноосвітня школа України в контексті суспільно-політичного життя (1943–1953 рр.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 01 «Історія України» / Н. Г. Красножон. К., 2002. 14 с.

15. Сушик І. В. Соціально-економічні та культурні процеси на Волині: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07. 00. 01 «Історія України» / Сушик І. В. – Львів, 2004. – 20 с.

16. Мусієнко І. В. Політичні репресії комуністичного режиму на Північній Буковині й Хотинщині в 40–50-х рр. ХХ с.: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 01 «Історія України» / І. В. Мусієнко. – Чернівці, 2005. 17 с.

17. Мазурок В. П. Самостійницький рух на Волині в 40-х – на початку 50-х років ХХ століття: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07. 00. 01 «Історія України» / В. П. Мазурок. Івано-Франківськ, 2006. 23 с.

18. Мозговський М. В. Боротьба тоталітарної системи проти діячів української науки та культури в повоєнний період (1946–1953 рр.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 01 «Історія України» / Мозговський М. В. Х., 2006. 21 с.

19. Фролов С. В. Історична наука у вищих навчальних закладах м. Харкова у повоєнний період (1945–1955 рр.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 «Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни» / С. В. Фролов. Дніпропетровськ, 2007. 19 с.

20. Сірук Н. М. політичний контроль тоталітарної держави за культурно-науковою сферою України (друга половина 40-х – початок 50-х років ХХ ст.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 01 «Історія України» / Н. М. Сірук. Львів, 2008. 23 с.

21. Ніколаєць Ю. О. Суспільно-політичні процеси в УРСР другої половини 40-х першої половини 60-х років: українська історіографія: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора. іст. наук : спец. 07. 00. 06 «Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни» / Ю. О. Ніколаєць. К., 2008. 31 с.

22. Прохоренко О. А. Повсякденне життя науково-педагогічної інтелігенції України в другій половині 40-х – першій половині 50-х рр. ХХ ст.: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07. 00. 01 «Історія України» / О. А. Прохоренко. К., 2008. 20 с.

Слободянюк Н. А.

Историография истории киевского подполья (1941–1943 гг.)

В 2015 году Украина отметит 70-летие Победы во Второй мировой войне. Восемнадцатилетним мальчишкам, которые пошли на фронт в 1945 году, будет уже по 88 лет. Среди нас остается все меньше очевидцев событий той поры. Однако, жаркие общественные и политические споры вокруг истории Второй мировой войны не утихают, приобретая все новые обороты. Довольно активно продолжается и научно-исследовательская работа, посвященная этой проблематике. В советское время историки не могли себе позволить научные исследования и выводы, которые бы выходили за рамки коммунистической идеологии. В наше время появились возможности изучать и оценивать прошлое с разных точек зрения, привлечь в исследования ранее недоступные и по-новому интерпретировать уже введенные в научный оборот документы. В новых и обновленных научных исследованиях нуждаются, в том числе, и многие аспекты антифашистского движения Сопротивления в Киеве.

В ограниченных рамках данной статьи невозможно провести всеохватывающий анализ научных работ по данной проблематике. Поэтому здесь излагается только сокращенный обзор соответствующей исторической литературы. Историографию истории советского антинацистского подполья в городе Киеве можно разделить на два основных периода: советский (1943–1991 гг.) и современный (с 1992 года). В первый период происходит процесс накопления источников и обработка фактического материала, что, в свою очередь, привело к созданию большого количества научных трудов, посвященных деятельности советских партизан и подпольщиков и затрагивающих вопросы, связанные с историей советского подполья Киева.

Несмотря на большое количество работ, касающихся данной проблемы, абсолютное большинство из них специально не посвящены киевскому подполью и освещают этот вопрос только в контексте более широких проблем. В частности, вопросы истории борьбы киевских подпольщиков против оккупантов или связанные с ними, поднимаются в общих работах по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн [1]. Обобщающие фундаментальные работы не только подавали фактический материал, но и представляли собой теоретическую основу и официальную точку зрения советской исторической науки в вопросах методологии и методов научных исследований, рекомендованных направлений изучения и интерпретации исторических фактов. Такие труды лишь поверхностно касались некоторых показательных фактов деятельности киевских подпольщиков.

В СССР было защищено несколько диссертаций, касавшихся истории подполья столицы Украины. Например, М. Погребинский (Погребинский М. В. Трудящиеся Киева и Киевской области в обороне столицы Украинской ССР: Дисс... канд. ист. наук / Ин-т истории АН УССР. – К., 1953) показал деятельность советских партийно-государственных органов по подготовке и развертыванию подпольной и партизанской борьбы в дни обороны Киева 1941 года. Более подробно на деятельности киевского подполья остановился П. Саенко (Саенко П. К. Из истории партизанской борьбы против немецко-фашистских захватчиков на территории Киевской области за период Великой Отечественной войны (1941 – март 1944 гг.): Дисс... канд. ист. наук / Ин-т истории АН УССР. – К., 1949). А в диссертации П. Шапы (Шапа П. К. Форсирование Днепра и освобождение столицы Украины – Киева: Дисс... канд. ист. наук / Ин-т истории Украины АН УССР. – К., 1948) одна глава была посвящена помощи партизан Красной Армии при форсировании Днепра и освобождении столицы Украины [2].

Также советскими историками было издано большое количество монографий, в которых исследовались более общие вопросы борьбы украинцев в тылу врага. В контексте этих исследований определенное внимание авторы уделяли и различным аспектам деятельности киевского подполья. В частности, это монографии, раскрывавшие руководящую роль компартии в организации подпольной и партизанской борьбы [3]. Такие работы объединяет мнение, что провал оккупационной политики нацистов и «всенародная война» против оккупантов были обусловлены коммунистическим воспитанием и партийной пропагандой среди советских людей. Организаторская, руководящая и идеологическая работа партии была провозглашена решающим фактором достижения победы в войне и в разворачивании массового сопротивления захватчикам со стороны населения оккупированных территорий.

Другая группа монографий предметом исследования избрала непосредственно деятельность подпольщиков и партизан Украины в целом [4] либо ее отдельных аспектов [5]. Некоторые работы были специально посвящены Киеву, в том числе и истории города периода Второй мировой войны [6]. Значительный вклад в изучение проблемы внесли также научные статьи [7], среди которых особо следует выделить публикации М. Коваля, С. Кириченко и О. Кременчуцкой, непосредственно посвященные киевским подпольщикам [8].

Довольно большое внимание данной теме было уделено в соответствующем томе «Истории городов и сел Украинской ССР». Кроме описания форм и методов борьбы, изложенных на конкретных примерах из жизни подпольщиков, в издании приведены статистические данные, сделаны важные обобщения. С помощью количественных показателей в книге показана динамика развития отдельных под-

польных организаций и групп. Например, организация «Смерть немецким оккупантам» (руководитель – Г. С. Кочубей) в период 1941–1943 гг. выросла с шести до 121 человека, партийная организация «Арсеналец» – с трех до 38 человек и т. д. Если на начало лета 1942 г. в столице Украины вели работу 250 коммунистов, 119 комсомольцев и 377 беспартийных патриотов в составе 40 подпольных организаций, то в начале 1943 г. количество организаций выросло до 66 [9].

Наиболее подробным научным изложением истории киевского городского подполья, как в советской историографии, так и по сегодняшнему дню, является работа П. Тронько и П. Овчаренко «Солдаты киевского подполья» [10]. Однако эта работа обладает недостатками, присущими всей советской историографии, и на данный момент уже устарела. В частности, в этой работе не уделяется внимание недостаткам в подготовке и деятельности подполья, совершенно не освещены вопросы повседневной жизни и внутренних отношений в подпольной среде, а поведение киевских подпольщиков излишне героизировано. Кроме того, авторы осветили деятельность подполья Киевской области в целом, а не отдельно города Киева.

В целом советской историографии удалось собрать и изучить огромный фактический материал, сделать важные обобщения. Тем не менее В. Стецкевич выделяет следующие недостатки советской историографии Великой Отечественной войны: замалчивание недостатков; исключительно позитивное освещение деятельности партийных органов; пропагандистская тональность многих работ; неумение выйти за рамки партийных оценок и выводов; приверженность устойчивым схемам, догмам и шаблонам; лакирование событий [11].

Восполнением недостатков и исправлением ошибок в советских научных работах занялись современные украинские историки. С момента распада СССР начинается современная эпоха в исследовании проблемы, которая открыла возможности для научного анализа фальсифицированных, малоизученных и совсем неисследованных вопросов деятельности подпольщиков. Причем внимание историков направляется прежде всего на нетрадиционные для советской историографии вопросы. В частности, важным направлением исследований становится повседневная жизнь как мирных жителей, так и участников движения Сопротивления. В таких исследованиях на первый план выходит личность, ее самовосприятие, модели и мотивы поведения людей. История повседневности, микроистория дают возможность не только установить какие-то факты, но и их влияние на конкретных людей, узнать их мысли, чувства и отношение к этим фактам [12]. Такой подход делает интересными не только выдающихся, но и обычных людей, позволяет принимать во внимание множество отдельных человеческих судеб [13].

Попытки по-новому оценить деятельность движения Сопротивления в Украине делаются в общих работах по истории Второй

мировой войны [14]. К сожалению, в независимой Украине не было написано ни одной диссертации по деятельности советского подполья в Киеве или Киевской области. Тем не менее появилась содержательная диссертация Т. Заболотной, посвященная повседневной жизни киевлян в 1941–1943 гг. и позволяющая понять условия, в которых приходилось действовать киевским подпольщикам. Подобные вопросы поднимает в своем труде Д. Малаков. Некоторые сведения о жизни и борьбе националистического подполья в Киеве можно почерпнуть из книги Ю. Степового [15].

Очевиден и недостаток современных монографий, связанных с избранной темой. Это всего лишь две работы А. Чайковского [16], написанные на широкой источниковой базе с использованием большого количества ранее не введенных в оборот документов. Обе монографии стали большим шагом вперед в постижении малоизученных вопросов движения Сопротивления, переосмыслении устаревших взглядов на его развитие и особенности. Заслуживающими внимания являются работа П. Тронько и последняя обобщающая монография «Советское движение Сопротивления на оккупированной территории Украины» [17].

Именно игнорированием советскими авторами негативных аспектов деятельности советских подпольщиков и партизан объясняется повышенное внимание к этим вопросам современных исследователей. По этой причине может складываться впечатление, что многие из их работ носят негативистский, «очернительный» характер. Но, по нашему мнению, особое внимание к негативным аспектам данной проблемы объясняется в большей мере их малоизученностью в советское время.

Новые методологические задачи перед украинской историографией советского движения Сопротивления очертил И. Капась. Он обращает внимание на необходимость исследования таких аспектов проблемы, как повседневная жизнь обычного человека, обеспечение одеждой, оружием, взаимоотношения между участниками антифашистской борьбы, отношения с местным населением и т. п. [18] Одной из последних научных работ, в которой освещаются повседневные условия жизни и работы жителей крупных городов оккупированной Украины, в том числе в Киеве, является монография М. Лободы [19].

В последние годы появились исследования, в которых среди прочего освещается история советского подполья в городах Украины. Эти исследования отличаются от советских работ упомянутым новым методологическим подходом к освещению данной проблематики: отсутствием выраженной идеологической составляющей, исследованием не только позитивных, но и негативных аспектов в деятельности подполья, вниманием к микроэпизодам повседневной жизни подпольщиков, широким использованием в работе документальных приложений и обширных цитат из документальных источников. В

частности, к таким новым исследованиям можно отнести работы о Полтавщине, Харькове, Днепродзержинске, Кировограде, Сумах [20]. Однако по истории антинацистского подполья в городе Киеве таких работ пока создано не было. Образцом для создания такой комплексной работы могло бы послужить прекрасное фундаментальное издание «Белград в войне и революции. 1941–1945» [21], впервые вышедшее в 1971 году. Эта двухтомная коллективная монография общим объемом в 825 страниц хотя и написана под идеологическим влиянием югославского коммунизма, тем не менее является наиболее подробным, насыщенным иллюстрациями и основанным на богатой документальной базе изданием, посвященным антифашистской борьбе в крупных городах Европы.

Определенный интерес вызывает научная периодика. Непосредственно антинацистскую деятельность киевских подпольщиков освещают О. Мингазутдинов, В. Даниленко, А. Деймон, А. Кентий и А. Гогун и другие авторы [22]. Последней из периодических публикаций является, хотя и научно-популярная, но определенно фактологически полезная, статья Л. Хазан [23]. Необходимой для методологического и историографического осмысления избранной темы является статья А. Удода [24]. Специальное исследование подрыва Успенского собора Киево-Печерской лавры 3 ноября 1941 г. провел Е. Кабанец, который возлагает ответственность за этот акт вандализма на немцев. И хотя его аргументация не является безупречной, однако имеет под собой серьезные основания и заслуживает внимания специалистов [25]. А вслед за этим в том же «Українському історичному журналі» была опубликована статья С. Кота, которая продолжает и дополняет работу над проблемами, поднятыми Е. Кабанцом [26].

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что изучение истории деятельности советского подполья г. Киева в 1941–1943 гг. еще не завершено, а имеющиеся работы являются либо устаревшими, либо неполными. Если общие аспекты данной темы в целом освещены, нуждаясь лишь в обновлении и освобождении от идеологических наслоений, то такие направления, как повседневность и психология антифашистской борьбы в Киеве, еще ждут своих исследователей.

Примечания

1. Супруненко Н. И. Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.). К.: Госполитиздат УССР, 1956. 472 с.; История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. М.: Воениздат, 1960–1965; Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу 1941–1945 рр. В 3-х т. К.: Політвидав України, 1967–1969; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. В 3-х т. К.: Политиздат Украины, 1975; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / Под ред.

Самсонова А. М. М.: Наука, 1977. 711 с.; История Украинской ССР. В 10-ти т. / Гл. ред. Ю. Ю. Кондуфор. Т. 8: Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). К.: Наукова думка, 1984. 639 с.

2. Данилюк М. З., Сафонова Є. В., Черченко А. П. Огляд дисертацій, присвячених підпільній боротьбі і партизанському руху на Україні в роки Великої Вітчизняної війни // Укр. іст. журн. 1958. № 6. С. 103–110.

3. КПСС – вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне / Под ред. Н. М. Киряева. М., 1959; Буцько М., Кириченко С. Воєнно-організаційна діяльність Компартії України в перші роки Великої Вітчизняної війни. К.: Політвидав України, 1969. 132 с.; История Коммунистической партии Советского Союза. В 5-ти т. Т. 5. Кн. 1. (1938–1945 гг.): Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1958 гг. М.: Политиздат, 1970. 723 с.; Історія Ленінської Комуністичної Спілки Молоді України. 2-е вид., доп. К.: Молодь, 1971. 676 с.; Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944). М.: Мысль, 1971. 357 с.; Коммунистическая партия – организатор освобождения Советской Украины от фашистских захватчиков. К.: Политиздат, 1975. 360 с.; Партия во главе народной борьбы в тылу врага 1941–1945. М.: Мысль, 1976. 325 с.; История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 4–9. М.: Воениздат, 1973–1982; Григорович Д. Ф., Замлинский В. А., Нема́тый В. Н. Коммунистическая партия Украины в годы Великой Отечественной войны. К.: Политиздат Украины, 1980. 335 с. и др.

4. Клоков В., Кулик І., Слинсько І. Народна боротьба на Україні в роки Великої Вітчизняної війни. К.: АН УРСР, 1957. 220 с.; Горобец Г. Т. Партийное подполье на Украине 1941–1944 гг. К.: Мысль, 1969. 93 с.; Григорович Д., Денисенко П., Нема́тый В. Коммунистическое подполье на Украине в годы Великой Отечественной войны. К.: Политиздат Украины, 1976. 224 с.; Коваль М. В. Борьба населения Украины против фашистского рабства. К.: Наукова думка, 1979. 135 с.; Замлинский В. А., Нема́тый В. М. Партийное подполье. Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1983. 352 с.; Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941–1944. Кн. 1: Борьба в подполье. К.: Наукова думка, 1985; Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941–1944. М.: Наука, 1986. 440 с. и др.

5. Тронько В. Бессмертие юных (Из истории борьбы комсомольского подполья Украины против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны). К.: Молодая гвардия, 1958. 168 с.;

Загорулько М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург»: О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1974. 383 с.; Немятей В. Н. Всенародная борьба против экономических мероприятий фашистских оккупантов на Украине (1941–1944). К.: Знание, 1980. 62 с.; Немятей В. Н. В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии. – К.: Политиздат Украины, 1982. 230 с.; Кучер В. І. Бойова діяльність антифашистського підпілля на Україні. 1941–1944. К.: Наукова думка, 1983. 239 с.; Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 / Под ред. Н.С. Конарева. М.: Транспорт, 1985. 575 с.; Земсков В. Н. Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Мысль, 1986. – 269 с.; Курас И. Ф., Кентий А. В. Штаб непокоренных: Украинский штаб партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. К.: Политиздат Украины, 1988. 329 с. и др.

6. Історія Києва. Т. II. К.: АН УРСР, 1960. Розд. VI. Київ у роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945). С. 47–627; Дубина К. К. В годы тяжелых испытаний. К.: Обл. кн.-газ. изд-во, 1962. 263 с.; Город-герой Киев. М.: Стройиздат, 1975. 262 с.; Героїчний Київ. К.: Політвидав України, 1982. 334 с.

7. Бойченко В. О. Київське підпілля в роки Вітчизняної війни // Український історичний журнал. 1964. № 1. С. 12–21; Лінкевич Є. М. З історії діяльності підпільної групи І. Д. Кудрі // Український історичний журнал. 1970. № 2. С. 119–123; Дишлевий П. С. Боротьба трудящих промислових центрів України за зрив фашистської окупаційної політики (1941–1944 рр.) // Архіви України. – 1974. № 1. С. 14–23; Нем'ятей В. М. Партійне підпілля на чолі боротьби трудящих за зрив планів фашистських окупантів по використанню промисловості України // Український історичний журнал. 1975. № 4. С. 24–32; Кондратенко Л. В. Крах планів фашистських загарбників щодо пограбування промислово-сировинного потенціалу України // Український історичний журнал. 1977. № 1. С. 17–22; Тронько П. Т. Місто в огні // Наука і суспільство. 1982. № 4. С. 7–10 и др.

8. Кириченко С. М., Кременчуцька О. С. Керівник партійного підпілля: (До 70-річчя з дня народження О. С. Пироговського) // Український історичний журнал. 1967. № 8. С. 122–124; Коваль М. В. Бойова діяльність підпільників Києва (1941–1943 рр.) // Український історичний журнал. 1982. № 5. С. 56–64.

9. Історія міст і сіл Української РСР. Київ. К.: Укр.радян. енциклопедія, 1968. С. 413.

10. Тронько П. Т., Овчаренко П. М. Солдаты киевского подполья // Герои подполья. Вып. 1. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Политиздат, 1970. С. 332–373.

11. Стецкевич В. В. Воєнно-мобілізаційна кампанія в Україні в перший період Великої Вітчизняної війни: історіографія проблеми в контексті часу 40–90-х років: Автореф. дис... док. іст. наук. Дніпропетровськ, 1996. С. 18.

12. Заболотна Т. А. Джерела вивчення повсякденного життя міської інтелігенції в роки нацистської окупації (на прикладі Києва) // Сторінки воєнної історії України. 2011. Вип. 11. С. 23–24.

13. Лисенко О. Історія повсякденності як галузь наукового знання (повсякденна історія війни: методологічні нотатки) // Історія повсякденності: теорія та практика. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції, 14–15 травня 2010 р. Переяслав-Хмельницький: Переяслав-Хмельницький державний педагогічний ун-т ім. Г. Сковороди, 2010. С. 14.

14. Коваль М. В. Україна у Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.): Спроба сучасного концептуального бачення. К., 1994; Брицький П. П. Україна у другій світовій війні. Чернівці: Чернівецький ун-т, 1995. 111 с.; Трофимович В. Україна в роки другої світової війни (1939–1945рр.). Львів: Львівський держ.ун-т, 1995. 101 с.; Україна крізь віки. У 15-ти т. / Під ред. В. А. Смолія. Т. 12: Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К.: Альтернативи, 1999. 336 с.; Безсмертя. Книга пам'яті України. 1941–1945 / Гол. ред. колегія: І. О. Герасимов, І. Т. Муковський, П. П. Панченко, Р. Г. Вишневський. К.: Книга пам'яті України, 2000. 944 с.; Подвиг на віки. Місто-герой Київ: Книга пам'яті України. 1941–1945 / Редкол.: А. І. Тимчик, О. П. Биструшкін, В. Г. Іващенко. К., 2000. 906 с.; Кучер В. І., Чернега П. М. Україна у Другій світовій війні (1939–1945). К.: Генеза, 2004. 360 с.; Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ століття. Історичні нариси / НАН України. Ін-т історії України. К.: Наукова думка, 2010. Кн. 1. 735 с. и др.

15. Заболотна Т. В. Повсякденне життя населення Києва в роки нацистської окупації 1941–1943 рр.: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / НАН України. Ін-т історії України. К., 2008. 25 с.; Малаков Д. Оті два роки... У Києві при німцях. К.: Амадей, 2002. 318 с.; Степовий Ю. Син Закарпаття (українське революційне підпілля в Києві 1941–1942 рр.). Мюнхен: Вид-во ім. Хвильового, 1947. 34 с.

16. Чайковский А. С. За нами Большая земля. (Помощь советского тыла в организации народной борьбы против фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Украины, 1941–1944 гг.). К.: Вища школа, 1990. 343 с.; Чайковский А. С. Невідома війна. (Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр.: мовою документів, очима історика). К.: Україна, 1994. 255 с.

17. Тронько П. Т. Згадаймо всіх поіменно...: З історії боротьби комсомольців і молоді України проти німецько-фашистських загарбників у роки Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр. К.:

Молодь, 2001. 224 с.; Кентій А. В., Лозицький В. С., Слободянюк М. А. Радянський рух Опору на окупованій території України. К.: Ін-т історії України НАН України, 2010. 98 с.

18. Капась І. Специфіка застосування джерел усного походження при вивченні радянського руху Опору 1941–1944 рр. в Україні // Наукові записки з української історії. Збірник наукових праць. Вип. 25. Переяслав-Хмельницький, 2010. С. 237.

19. Лобода М. К. Трудові ресурси у важкій промисловості України під час нацистської окупації та у відбудовний період (1941–1950). К.: Ін-т історії України НАН України, 2012. 206 с.

20. Ревергук В. Полтавщина в роки другої світової війни (1939–1945). Полтава, 2004. 288 с.; Скоробогатов А. В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943). Харків: Прапор, 2004. 368 с.; Слоневский А., Яценко Л. Дух ушедшей эпохи: Каменское-Днепродзержинск. 1917–1953. Воспоминания, очерки, документы. Днепродзержинск: Андрий, 2007. 372 с.; Постолатій В. Окупація. Кіровоград: Авангард, 2009. 83 с.; Бубнов В. Суми у 1941–1943 роках: офіціоз та дійсність. Суми, 2010. 76 с.

21. Београд у рагу і революції. 1941–1945. Книга 1–2 / Ред. В. Глишић. – Београд: Космос, 1984.

22. Мінгазутдінов О. Ф. Створення та діяльність антифашистського підпілля на Київщині на початку Великої Вітчизняної війни (1941 р.) // Вісник Київського ун-ту ім. Т. Шевченка. Історія. Вип. 38. К.: Ред.-вид. центр «Київський ун-т», 1998. С. 59–63; Даниленко В. П. Партизанское движение и подполье Киевщины в годы II-й мировой войны (коллекция архивных документов): [Електрон. ресурс] / http://www.eastview.com/docs/CM790955_Rus.pdf (Дата обращения 19.11.2012 г.); Деймон О. В окупованому Києві // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 1 (12). С. 239–249; Король В. Система каральних органів в окупованому Києві // Історія в школі. 2000. № 11–12. С. 15–16; Кентій А., Гогун О. 1941: Зруйнований Київ як частина тактики спаленої землі. Нові документи // Визвольний шлях. Кн. 3. Березень 2006. С. 90.

23. Хазан Л. Ошибка резидента // Бульвар Гордона (Київ). 2012. 18 декабря.

24. Удод О. Повсякденне життя киян в умовах окупації (вересень 1941 – листопад 1943): питання методології та історіографії // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2006. Вип. 15. С. 384–391.

25. Кабанець Є. П. Руйнація Успенського собору Києво-Печерської лаври 3 листопада 1941 р. // Український історичний журнал. 2011. № 5. С. 81–97.

26. Кот С. І. Зруйнування Успенського собору Києво-Печерської лаври (3 листопада 1941 р.): версії // Український історичний журнал. 2011. № 6. С. 122–151.

II. ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Семенов К. К.

Борьба репрессивно-карательных органов советского государства против военной эмиграции 1920–1947гг.

Методы и периодизация

В современной России принято замалчивать или заметно преуменьшать борьбу репрессивно-карательных органов Советского Союза против белой эмиграции. Зачастую в контексте противостояния эмиграции упоминается лишь защитно-оборонительная функция указанных органов. Настоящая статья призвана исправить сложившееся положение и внести свою лепту в исследование этого нелегкого для отечественной истории вопроса.

В связи с тем, что органы ВЧК–ОГПУ наиболее активно боролись против военного крыла русской эмиграции, ему в нашей статье уделяется основное место. Борьба против эмиграции приняла значительный размах после возглавления советского государства И. В. Сталиным, а также после организационного оформления Русского общевоинского союза (РОВС) в 1924 г.

Борьбу советских спецслужб против Белой эмиграции можно условно разделить на 3 периода:

– период наблюдения (1921–1927 гг.) – в этот период советские разведывательные органы присматривались к эмигрантским организациям и пытались инфильтровать в них своих агентов;

– период террористических действий (1928–1939 гг.) – на эти года приходятся наиболее значимые и громкие операции советских спецслужб против Белой эмиграции;

– период войны (1939–1945 гг.) – в годы Второй мировой войны советские спецслужбы пользуясь принадлежностью некоторых эмигрантских организаций к лагерю противников СССР развязали активную борьбу против эмиграции, закончившуюся репатриацией и известными судебными процессами.

В соответствии с выделенными периодами рассмотрим историю противостояния и методы, используемые советскими спецслужбами в борьбе с военной эмиграцией.

К концу Гражданской войны, несмотря на ряд крупных успехов органы ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии) все еще находились в стадии становления. Несмотря на широкомасштабное применение террора по отношению к инакомыслящим гражданам, органы ВЧК еще не пришли к использованию провокационных методов работы. Так, в одном из приказов от 15 января 1921 г. говорилось: «Предупреждаю, что этот метод – метод «провокации» – для нас, революционеров, неприемлем и недопустим. Погоня за открытием

организаций, раздувание дел или создание организаций хотя бы с целью открытия подозреваемого заговора преступны, ибо подобного рода деятельность ведет к определенному вырождению наших революционных органов чрезвычайной борьбы в старые охранные, жандармские, сыскные отделения» [1]. В дальнейшем репрессивно-карательные органы советской России отбросили все условия и стали применять для борьбы с противниками режима все возможные методы, включая убийства. Так, уже 7 февраля 1921 г. в Суйдуне (ныне Шуйдин, КНР) был убит ушедший в эмиграцию атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант А. И. Дутов.

Главным органом по борьбе с эмиграцией стал Иностранный отдел (ИНО) ВЧК образованный приказом Ф. Э. Дзержинского 20 декабря 1920 г., ранее подобный отдел существовал внутри Особого отдела ВЧК. Как мы видим, создание самостоятельного Иностранного отдела произошло почти сразу после массовой эвакуации Русской армии генерала Врангеля и беженцев из Крыма. Вновь созданный отдел активно включился в борьбу с военной эмиграцией.

На данном этапе ИНО ВЧК принимал участие в работе по репатриации чинов Русской армии генерала Врангеля. Особенно усердствовали чекисты в Болгарии и Турции. Как правило, они работали лишь с фигурами первой величины, в то время как с прочими работали агенты Коминтерна и Союзы возвращения на родину. Среди несомненных успехов ВЧК на этом поприще можно назвать возвращение в Советскую Россию генерал-лейтенанта Я. А. Слацова-Крымского в ноябре 1921 г.

Следующим направлением закордонной деятельности ИНО была организация резидентур и представительств в различных странах и налаживание сбора сведений об эмиграции. Количество донесений, поступивших в центр на протяжении рассматриваемых нами лет, позволяет сделать вывод о том, что органы ВЧК в краткие сроки сумели организовать сбор сведений и их передачу в Москву [2]. Информация добывалась самыми разными способами, но к числу главных можно отнести вербовку эмигрантов и наблюдение.

Еще одним из способов борьбы с эмиграцией была игра на противоречиях между различными эмигрантскими группировками, в нашем случае между врангелевцами и монархистами-легитимистами. Агенты ВЧК не только стравливали эмигрантов (Германия, королевство СХС), но и подготавливали ложные доносы на эмигрантов в полицию разных стран, наибольших успехов при этом чекисты достигли в Болгарии и Германии [3].

Еще одним направлением деятельности советских спецслужб на этом этапе стало создание легендированных организаций для оперативных игр с эмиграцией и выявления сочувствующих внутри Советской России. Первая подобная операция началась в ноябре 1921 г. и получила кодовое название «Трест» [4]. В ходе операции эмигрантам была представлена созданная чекистами Монархическая орга-

низация Центральной России (МОЦР). Интересным фактом в этой истории является то, что планировалась и проводилась операция при поддержке бывших генералов Русской императорской армии, оставшихся в Советской России и пошедших на сотрудничество с новой властью. Вслед за Трестом было организовано и проведено еще несколько подобных операций. Не отрицая большого успеха достигнутого при проведении советскими спецслужбами операции «Трест», нельзя согласиться с оценками, полученными этой операцией у современных историков российских спецслужб. Один из них, правда, с оговорками недавно заявил: – «При таком подходе «Трест» предстает не грандиозной провокацией, а высокогуманной акцией (пусть это и звучит парадоксально!), предотвратившей очередное кровопролитие в многострадальной России» [5].

К концу 1921 г. ИНО ВЧК возглавлял С. Г. Могилевский. В структуре отдела существовало два подотдела – Осведомительная часть (Л. Б. Залин) и Закордонная часть (М. А. Трилиссер). Закордонная часть имела в своем составе 6 территориальных отделений:

северное – резидентура в Стокгольме с филиалами в Копенгагене, Гельсингфорсе (Хельсинки), Ревеле, Риге, Любаве;

польское – резидентура в Варшаве с филиалом в Данциге; центральноевропейское – резидентура в Берлине с филиалами в Париже, Риме и Брюсселе и резидентура в Лондоне;

южноевропейское и балканское – резидентура в Вене с филиалами в Праге, Будапеште, Белграде, Софии, Бухаресте и резидентура в Константинополе (вела работу в Египте и Алжире); восточное – представительства на Северном Кавказе и в Закавказье (работа в Турции и Персии) и представительство в Дальневосточной республике (работа в Китае, Японии); американское – резидентуры в Нью-Йорке и Монреале.

В феврале 1922 г. ВЧК была расформирована, а вместо нее организовали Государственное политическое управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД РСФСР). В мае 1922 г. в составе ГПУ был образован Контрразведывательный отдел (КРО) под руководством А. Х. Артузова. 6-е отделение отдела во главе с И. И. Сосновским занималось исключительно борьбой с эмиграцией. В краткой справке, составленной Артузовым о деятельности КРО первойшей функцией отдела, указывалась «Борьба с контрреволюционными военными организациями (повстанческими, заговорщицкими, бандитскими с политической окраской, кастовыми, террористическими)» [6]. По этой причине КРО активно включился в разработку военной эмиграции и в ведение легендированных игр – «Трест», «Дело № 39», «Синдикат-2» и др. В ноябре 1923 г. в связи с образованием СССР ГПУ было реорганизовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных комиссаров СССР. С кем же боролось ОГПУ?

К середине 1920-х годов наиболее крупными и хорошо организованными организациями военной эмиграции были Русский общевоинский союз и Корпус императорских армии и флота (КИАФ). Обе организации имели филиалы или отделения во всех европейских странах, на Дальнем Востоке и в Америке. РОВС был более многочисленным и лучше организованным и занимался засылкой своих членов в СССР с разведывательными и террористическими заданиями. Последнее обстоятельство дало новое направление в легендированных играх – теперь советские спецслужбы убеждали эмигрантские организации ждать подготавливаемого восстания внутри СССР, а не совершать точечные террористические акты. Наиболее успешными в этом плане были операции «Трест» и «Синдикат-2». В ходе «Синдиката-2» на территорию СССР был заманен Б. В. Савинков.

Первые пять лет на чужбине стали серьезным испытанием для большинства военных эмигрантов. Вера в реванш почти улетучилась, да и нелегкие условия жизни беженца заставляли чаще думать о пропитании. Эти обстоятельства существенно облегчили вербовку советскими спецслужбами ряда эмигрантов. Особую роль в истории РОВСа предстояло сыграть вербовке генерал-майора П. П. Дьяконова.

Весной 1926 г. советские спецслужбы нанесли два мощных удара по эмиграции. Первым в марте 1926 г. стал захват в Китае генерал-майора Б. В. Анненкова и вторым – убийство С. В. Петлюры в Париже. К этому времени участие спецслужб в репатриации белоэмигрантов прекратилась. Значительно большее внимание стало уделяться вербовке агентов из среды военной эмиграции и сбору разведывательных данных.

По нашему мнению, 1927 г. завершает первый период борьбы советских репрессивно-карательных органов с военной частью эмиграции. В этот период произошло организационное становление органов ВЧК-ОГПУ, сформировались основные направления работы против эмиграции, выкристаллизировались методы борьбы.

Второй период борьбы против военной эмиграции можно условно ограничить рамками 1928–1939 гг. В этот период советские спецслужбы, используя жесткую агрессивную тактику, добились максимальных результатов в борьбе с военной эмиграцией. Кроме того, в годы большого террора в СССР была практически полностью уничтожена или репрессирована категория советских граждан ранее служивших в белых армиях, что существенно осложняло работу эмигрантов внутри СССР.

В апреле 1928 г. в Брюсселе при таинственных обстоятельствах скоропостижно скончался глава РОВСа генерал-лейтенант П. Н. Врангель. При вскрытии тела последнего Главнокомандующего было обнаружено большое количество туберкулезных палочек внешнего происхождения, и хотя до сих пор не опубликовано документов, подтверждающих участие советских спецслужб в ликвида-

ции П. Н. Врангеля, обстоятельства говорят в пользу этого. После смерти Врангеля РОВС на несколько дней возглавил Великий князь Николай Николаевич, 29 апреля 1928 г. передавший руководство союзом генералу от инфантерии А. П. Кутепову [7]. Последний являлся сторонником активных террористических действий и с 1924 г. курировал работу РОВСа против Советской России. Ранее Кутепов был одним из невольных адресатов агентурной игры «Трест» и долго верил в существование МОЦР в Советской России. Смерть Врангеля была огромной потерей для русского военного зарубежья.

Между тем Иностраннный отдел не упускал из виду и тихоокеанское направление. В июне 1928 г. сотрудниками ИНО был ликвидирован китайский маршал Чжан Цзолин, широко использовавший в рядах своей армии отряды белоэмигрантов. Теперь в этом регионе эмигранты могли рассчитывать только на японцев.

Несмотря на ряд промахов, генерал Кутепов продолжал свой курс на активную антисоветскую борьбу и сплочение военной эмиграции. Опасаясь усиления террористической деятельности РОВСа, ИНО ОГПУ 26 января 1930 г. при помощи генерал-майора П. П. Дьяконова организовало похищение генерала Кутепова, в ходе которого глава РОВСа погиб [8].

Спустя несколько дней, 5 февраля 1930 г., Политбюро ЦК ВКП(б) подтвердило задачи, стоявшие перед ИНО ОГПУ. Первыми были названы:

«1. Освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, независимо от места их нахождения.

2. Выявление террористических организаций во всех местах их концентрации» [9].

Новым главой РОВСа стал генерал-лейтенант Е. К. Миллер. Это назначение не внушило особого беспокойства ОГПУ – генералу шел 63-й год, и он был мало популярен в среде военной эмиграции. Желая оптимизировать расходы РОВСа, 10 апреля 1930 г. Миллер распорядился перевести штаб-квартиру союза в Париже на ул. Колизе, д. 29 в помещения, сданные РОВСу С. Н. Третьяковым. Несчастный глава РОВСа и не подозревал, что Третьяков в 1929 г. был завербован ИНО ОГПУ, а его помещения были напичканы аппаратурой для прослушивания. Таким образом, ОГПУ на долгие годы оказалось посвящено в планы руководства РОВСа.

В 1931 г. в руки ОГПУ попали списки почти всех боевиков РОВСа, готовых ксылке в Советскую Россию. После большой шумихи с легендарными организациями ОГПУ отказалось от проведения подобных агентурных игр, что привело к еще более масштабной вербовке эмигрантов. Наряду с этим ОГПУ проводило и уникальные операции. Так, в 1931 г. в Болгарию прибыл сын заместителя председателя РОВСа генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова – Николай. При эвакуации русской армии семья Ф. Ф. Абрамова осталась в России,

после смерти супруги генерал пытался вывезти из советской России своего сына, но это ему не удалось. Николай Абрамов рос обычным советским юношей и вскоре оказался на службе в ИНО ОГПУ. В середине 1931 г. руководители ИНО решили внедрить юношу в окружение отца-белогвардейца. Николай был зачислен моряком на судно «Герцен». При заходе судна в Гамбург Николай не вернулся на борт. С приключениями он добрался до Софии и предстал перед отцом. Николай быстро втерся в доверие не только к отцу, но и к офицерам белой контрразведки. ОГПУ на несколько лет приобрело возможность знакомиться со многими документами III (болгарского) отдела РОВСа.

На рубеже 1930-х г. ИНО ОГПУ добился еще одного важного успеха – им был завербован командир Корниловской ударной дивизии генерал-майор Н. В. Скоблин, игравший важную роль в жизни I отдела РОВСа. К этому времени внутри РОВСа проявился антагонизм между постаревшими руководителями союза и их более молодыми подчиненными. Молодые офицеры требовали активных действий против СССР и разрешения членства в политических организациях. Генерал Скоблин принадлежал именно к категории реформаторов. В недрах ИНО родился план замены генерала Миллера на Скоблина. Агенты ОГПУ начали тайную агитацию среди членов РОВСа за замену руководства союза. Многие члены союза использовались советскими органами «вслепую».

10 июля 1934 г. состоялась очередная реформа карательных органов СССР – был образован НКВД СССР, в котором было образовано Главное управление государственной безопасности, куда и вошел ИНО ОГПУ. В новой структуре 5-е отделение ИНО занималось борьбой с эмиграцией.

К середине 1930-х г. агенты ИНО спровоцировали в рядах РОВСа несколько внутренних кризисов. Наиболее тяжелым из них был уход из РОВСа генерал-майора А. В. Туркула и образование им своей военно-политической организации – Русского национального союза участников войны (РНСУВ). По ряду свидетельств генерал Туркул тоже был завербован ИНО. Своими действиями Туркул пытался добиться отставки Миллера и назначения вместо него Скоблина [10]. Заговорщикам почти удалось добиться ухода Миллера, но на оставшиеся цели сил и средств явно не хватало.

В июле 1936 г. в Испании началось восстание армии и националистов против правительства Народного фронта. Борьба испанских военных против левых показала военную эмиграцию аналогом Белой борьбы и вызвала симпатии в самых широких кругах офицерства. Ряд эмигрантов отправился добровольцами в армию националистов. Генерал Миллер одобрил борьбу испанцев против республиканцев и призвал чинов РОВСа поддержать эту борьбу. Многие офицеры-эмигранты планировали отправиться к националистам, а Миллер всяче-

ски пытался облегчить их проникновение в Испанию. По этой причине советские спецслужбы решили срочно убрать Миллера и организовали его похищение. Скоблин выманил председателя РОВСа якобы на встречу с офицерами немецкой разведки. Организаторы похищения не учли лишь одного: Миллер не доверял Скоблину и потому оставил записку с указанием того, что отправляется с ним на встречу. Тем не менее, 22 сентября 1937 г. генерал Миллер был похищен сотрудниками ИНО и тайно вывезен в СССР.

Новым председателем РОВСа стал генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов. Советские посольства оказали давление на Францию и Болгарию, и если из первой Абрамов был выслан, то во второй от него потребовали сложить полномочия. На этом злоключения нового председателя не окончились: контрразведка РОВСа установила связи Николая Абрамова с советской разведкой. Сын генерала был вскоре выслан из Болгарии, но его измена нанесла непоправимый удар по авторитету Ф. Ф. Абрамова и престижу РОВСа.

В марте 1938 г. по изложенным выше обстоятельствам генерал Абрамов отказался от возглавления РОВСа. Новым председателем союза стал генерал-лейтенант А. П. Архангельский.

Между тем, в ноябре 1936 г. состоялась новая реформа органов НКВД, а в декабре 1936 г. всем отделам были присвоены номера, Контрразведывательный отдел стал 3-м отделом.

Советские спецслужбы боролись не только с российской военной эмиграцией, но и с национальными – украинскими и кавказскими. Так, 23 мая 1938 г. в Роттердаме советскими агентами был убит глава Организации украинских националистов (ОУН) полковник Е. М. Коновалец.

Таким образом, накануне Второй мировой войны советские контрразведывательные органы стали широко применять террористические действия против первых лиц воинских организаций Зарубежья. Этот период борьбы закончился 11 мая 1939 г. расстрелом Е. К. Миллера в московской тюрьме...

С началом Второй мировой войны у спецслужб СССР значительно изменились приоритеты в работе, хотя военная эмиграция по-прежнему оставалась врагом для советского государства. В составе 3-го управления за борьбу с эмиграцией отвечало 10-е отделение, остальные 17 отделений разрабатывали различные зарубежные страны и организации (не эмигрантские).

После немецкого вторжения в СССР основное внимание советских спецслужб было уделено борьбе с немецкой разведкой и разведками стран Оси. Некоторое количество эмигрантов оказалось на службе в разведках стран Оси, а другие поступили на службу в различные воинские формирования немецкой армии. Эти лица были взяты в разработку советскими спецслужбами. Кроме того, зная о сотрудничестве эмигрантов с немецкой разведкой, органы НКВД

вновь стали организовывать легендированные белогвардейские организации для агентурных игр с немцами. Наиболее известной из них была операция «Монастырь» [11]. В апреле 1943 г. к борьбе с военной эмиграцией подключилась образованная военная контрразведка – СМЕРШ (Смерть шпионам).

С разгромом нацистской Германии советские репрессивно-карательные органы приступили к розыску на занятых Красной армией территориях представителей военной эмиграции, советских военнопленных и восточных рабочих. В соответствии с решениями Ялтинской конференции эти лица подлежали репатриации. В Восточной Европе в руки советских спецслужб попало также большое количество эмигрантов, никак не связанных ни с немцами, ни с военными организациями. Судьба этих лиц была также незавидной. Кульминацией этого периода, да и всей борьбы советских репрессивно-карательных органов против эмиграции, стали громкие судебные процессы против маньчжурской (1946) и казачьей (1947) военной эмиграции, в ходе которых были осуждены такие знаковые фигуры, как П. Н. Краснов, Султан-Клыч-Гирей и Г. М. Семенов.

Ослабленная войной и возникшими в ее ходе противоречиями, побитая репрессиями и репатриацией, военная эмиграция утратила свое знаковое значение и перестала быть основной целью советских репрессивно-карательных органов.

Примечания

1. Цит. по Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск СПб, 2010. С. 40.

2. См.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Тт. 1–6. М., 1998–2013.

3. См.: ГАРФ Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 12, 15, 17, 19–20.

4. См.: Войцеховский С. Л. Трест. Воспоминания и документы. Онтарио, 1974.

5. Цит.: Макаров В. Г., Тюрин А. В. СМЕРШ. Гвардия Сталина. М., 2009. С. 188.

6. См.: Абрамов В. А. Контрразведка. Щит и меч против Абвера и ЦРУ. М., 2006. С. 28.

7. См.: ГАРФ Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 26. Л. 162–162 об.

8. См.: Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб., 2004. С. 225.

9. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. 10. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. М., 2003. С. 220.

10. См.: ГАРФ Ф. Р-5796 Оп. 1. Д. 18. Л. 55.

11. См. Макаров В. Г., Тюрин А. В. СМЕРШ. Гвардия Сталина. М., 2009. С. 182–286.

Кубань и Черноморье в годы первой мировой войны

Годы Первой мировой войны на Кубани и Черноморье остались вне пределов пристального изучения историков. Первая мировая война (1914–1918 гг.) была достаточно обойдена вниманием советских историков, в особенности ее ход на Кавказском театре военных действий и экономическая ситуация в регионе. Многие события этой далекой войны рассматривались только через призму Гражданской войны.

Да и сегодня интерес к этим событиям не очень велик.

Несмотря на то, что по территории Кубано-Черноморского региона не проходили фронты первой мировой войны, за исключением обстрела черноморских портов, отзвуки ее отразились на экономических и социальных условиях. Последствия социально-экономического кризиса в регионе усилились и в связи с началом широкомасштабной гражданской войны на Кубани и Черноморье в конце 1917–1918 гг.

К началу войны население Кубано-Черноморья по своему этническому составу представляло довольно пеструю картину. Большие различия по национальному и религиозным признакам в условиях начавшейся войны таили в себе опасность обострения противоречий и столкновений.

С точки зрения экономического развития огромную роль для Черноморья играли порты Новороссийск и Туапсе. Новороссийск являлся вторым по величине портом на юге страны. Отсюда вывозилось за границу и в российские порты значительное количество леса, хлеба, а ввозились сельскохозяйственные машины из-за границы для всего юго-востока России, чай для Средней Азии. Хлеб вывозился главным образом в Германию, Голландию, Италию, Данию, Англию, Францию.

Грузооборот Новороссийского порта в 1912 году составил 84 201 тыс. пудов погрузки и 10 195 выгрузки [1].

Для Черноморья с началом войны прекратился экспорт сырья в Германию, а ведь в 1913 году 14,7 % судов, пришедших в Россию, составляли корабли под германским флагом [2]. Да и в страны Антанты его пришлось существенно уменьшить, ибо германские военные корабли блокировали морские коммуникации, а Турция, как союзница Германии, захлопнула проливы Босфор и Дарданеллы [3]. В связи с их закрытием прекратился большой каботаж и в пять раз сократился малый. Увеличились нагрузки на железные дороги.

Необходимо отметить, что Турция еще до начала Первой мировой войны предпринимала меры по ограничению российского экспорта. В 1912 году турецкое правительство повысило таможенные пошлины, а затем закрыло Дарданеллы для экспорта российского

зерна при значительном урожае на Кубани [4], чем поставило производителей хлеба в критическое положение.

Единственный нефтеперерабатывающий завод в Новороссийске, стоимость продукции которого составляла в 1913 году 2 854 654 рублей, был разрушен турецкой (немецкой) бомбардировкой еще в 1914 году. А ведь его продукция вывозилась главным образом за границу [5].

Заметно снижался жизненный уровень всего населения региона. Галопирующая инфляция, рост цен, нарастающий поток беженцев пагубно сказывались на социально-экономическом положении. Если 1914, первый год войны, не принес изменений в уровне жизни населения Кубанской области, то каждый последующий вносил существенные коррективы. В 1915 году цены на основные товары подскочили на 25 %, или в 1,25 раза, в 1916 – уже на 35 %, или в 1,9 раза, а в 1917 году на 21 %, или в 2,62 раза. Таким образом, каждый год первой мировой войны вел к обнищанию населения. Огромными темпами росла спекуляция. В сообщении Армавирского городского головы начальнику Кубанской области от 2 июня 1916 года отмечалось о росте масштабов спекуляции продуктами и прежде всего сахаром [6]. 6 июня в хуторе Тихорецком Кавказского отдела «толпа женщин и мужчин до 10 тыс. человек, преимущественно работающих в депо и железнодорожных мастерских станции Тихорецкой, на почве дороговизны разных товаров и неимения в продаже сахара произвела погром четырнадцати торговых заведений, разграбив находившиеся в них товары» [7].

По данным Кубанского жандармского областного управления, волнения охватили 20 населенных пунктов Ейского отдела, 19 – Екаторинодарского и 7 Кавказского. [8] (По подсчетам автора – С. С.).

Через несколько дней после выступления в Тихорецкой Армавирская городская управа уведомила жителей отделинского центра о прибытии двух вагонов сахара и предложила перейти к карточному распределению продуктов первой необходимости [9], а атаман Лабинского отдела издал циркуляр, в котором говорилось: «...считать выработку мер борьбы с дороговизной одной из важных задач настоящего тяжкого времени» [10].

Дестабилизирующим фактором для социально-экономической и политической обстановки в регионе стала волна беженцев. По мнению ставропольского исследователя Н. Д. Судавцова: «Мощное наступление, начатое Германией в мае 1915 года сорвало с мест миллионы людей. На Северный Кавказ прибыли беженцы из 24 губерний. Северного Кавказа они достигли в среднем на 69 день и массовое прибытие их началось в конце августа – начале сентября» [11].

В хлебопотребляющей Черноморской губернии положение было еще сложнее.

Не менее значительными для Кубано-Черноморья являлись потери трудоспособного мужского населения. Произошел резкий его

отток из сельского хозяйства и промышленности. По оценке И.Я. Куценко, под ружье было призвано около 200 тысяч кубанских казаков. [12]. По оценке майкопского исследователя В.Н. Мальцева, в действующей армии в годы войны находилось свыше 107 тыс. кубанских казаков [13].

Сложно складывалась ситуация в Черноморской губернии. Мобилизация коснулась мужской части населения, занятой преимущественно в сельском хозяйстве, так как не все рабочие подлежали призыву в связи с выполнением военных заказов на предприятиях.

В сельском хозяйстве Кубани четко обозначилась тенденция сокращения посевных площадей.

В 1915 году сильнейший удар сельскому хозяйству Черноморской губернии был нанесен погодными условиями. Несмотря на низкий урожай, погибла четверть всех фруктов [14].

Сложные негативные процессы происходили и в промышленности Кубани. Мировая война отрицательно сказывалась на ее развитии. В ряде случаев государство взяло на себя руководство отдельными предприятиями, например заводом «Кубаноль» в Екатеринодаре. Но такие меры не могли предотвратить общего упадка производства, хотя в отдельных отраслях, работающих на нужды военного ведомства, они способствовали увеличению выпуска продукции [15].

Многие предприятия становились банкротами. С 1914 по 1917 г. их число в Екатеринодаре сократилось на 49,2 %, в Ейске – на 88,5 %, в Темрюке – на 87,3 %, а в Анапе – на 92% [16].

Отсутствие достаточного количества запасов зерновых в России привело к ограничительным мерам по их потреблению. Экспертная комиссия в период деятельности Временного правительства сделала оценку состояния запасов зерновых культур урожая 1916 года и определила нормы потребления. В Черноморской губернии для сельского населения общие нормы потребления были на 35 % ниже, чем на Кубани, а кормового хлеба предполагалось оставлять в 4 раза меньше. В результате животноводство Черноморья должно было значительно пострадать [17].

Несмотря на наличие сахарных заводов, регион испытывал значительные трудности с этим видом продуктов. Как и в 1916 году, острым оставался вопрос о снабжении столицы Кубани сахаром. При норме 1,5 фунта в месяц на душу населения город получил в мае всего два вагона сахара при потребности в 112 тысяч фунтов [18]. К 20 июня 1917 года в Екатеринодаре был получен только один вагон сахара, который поступил населению тех станиц и аулов, которые не получили этот продукт на апрель-май. Неудачей закончилась и поездка члена Екатеринодарской управы Пушкарева в Ростов для решения проблемы с углем [19]. С 21 мая 1917 года запрещалась выпечка белого хлеба и сдобных булок [20].

Ситуация не изменилась и с приходом большевиков. За первые шесть месяцев 1918 года при заниженной норме в 9,5 фунта жители Екатеринодара получили только по 5,5 фунта.

В сельских районах области положение обстояло еще хуже. В мае совет станицы Кутаисской заявил, что население не получает сахара с декабря 1917 года, на хутор Черников продукт не поступал более полугода, столько же его не было в ст. Приморско-Ахтарской [21].

31 мая 1918 года Кубанская областная комиссия приняла решение о запрете провоза хлеба частными лицами свыше 10 фунтов. Началась борьба с мешочничеством. В телеграмме за подписью Я. Полуяна доводилась депеша наркома продовольствия Цурюпы 1151 о борьбе с ходоками в хлебопроизводящих губерниях [22]. В июне циркуляром за № 102809 запрещалось станицам производить пожертвования в пользу голодающих на том основании, что «весь хлеб является собственностью государства» [23].

Руководители ЦИК Кубано-Черноморья монополизировали торговлю не только хлебом. С конца апреля решением Кубанского СНХ вводились твердые цены на 48 наименований продуктов питания [24].

Еще одним фактором, дестабилизирующим ситуацию в регионе, стало отсутствие мануфактурных товаров. В статье Н.Сирота ситуация оценивалась так: «В 1917 году запасы мануфактуры сошли на нет, а цены поднялись до огромных размеров. В 1918 году мануфактура совершенно исчезла» [25]

Нельзя сказать, что советские органы не принимали мер к разрешению этого вопроса, но эффективность оставалась весьма незначительной. События разворачивались по тому же сценарию, что и с продовольствием. Руководство КЧСР выработало таксу на основные ее виды [26], что привело к их полному исчезновению.

Попытки вести в условиях продолжающейся, несмотря на Брест-Литовский мирный договор, переговоры с Москвой об обмене мануфактуры на хлеб [27] завершились неудачей. Закупленные 18 вагонов мануфактуры около месяца простояли на ст. Тихорецкой [28]. Частью грузы были разграблены местными советскими и военными организациями.

В Новороссийске 20 июня 1918 года караулом, охранявшим станционные пути, был разграблен вагон ниток и мануфактуры. В газете сообщалось, что «мануфактура разрывалась на куски». [29]

В конце июня 1918 года из Москвы на Кубань направляется по сообщениям прессы еще одна партия мануфактуры [30].

Как и в случае с органами власти Временного правительства, нормального товарообмена между Москвой и Кубано-Черноморьем не получилось. Анализ газетных сообщений о поступлении мануфактуры за первые шесть месяцев 1918 года показал, что имеются сведения о прибытии всего 31 вагона [31], а хлеб из региона фактически уходил безвозмездно.

В области ценообразования краевое руководство пошло тем же путем, что и большевики. Уже 14(27) августа Екатеринодарская про-дуправа установила таксу на мясо [32]. По мнению Д. Скобцова, «твердые цены в обстановке того времени, когда отсутствовали эквивалентно оплачиваемые товары, потребные населению, – это искусственно пониженные цены, чтобы меньше платить земледельцу» [33].

В конце лета – начале осени 1918 г. перед Кубанью и Черноморьем остро встал вопрос о реализации хлебных излишков и получении промышленных товаров. В условиях большевистского окружения Краевое правительство попыталось спасти положение путем эквивалентного обмена с соседними регионами. С этой целью 8–10 сентября 1918 г. (по ст. стилю) прошла Конференция между представителями Дона и Кубани. В заключенной между правительствами конвенции первые обязались поставить металл, изделий из него и уголь, а вторые в обмен на это пшеницу и растительное масло [34].

Предпринимается попытка установления экономических связей и с Грузией. Делегация последней прибыла в Екатеринодар для переговоров 10(23) сентября. В выступлении Л. Л. Быча на заседании Чрезвычайной Рады 11 ноября (по ст.ст.) оправдывалось пребывание грузин в Сочинском и Туапсинском округах тем, что «они снабжают казаков оружием». Л. Быч заявил: «между Грузией и Кубанью никаких недоразумений не было и нет» [35].

В значительной мере страдало городское население. Рос денежный дефицит в местном бюджете. Пытаясь его ликвидировать, краевое правительство 3 сентября 1918 года отменило ставки, установленные при советской власти. Восстанавливались тарифы ноября 1917 года [36]. Это вызвало серьезное недовольство среди рабочих.

Сложной в кратковременный период пребывания у власти большевиков оставалась ситуация с Черноморским флотом. После Октябрьской революции русский флот потерял боеспособность и военные действия на Черном море прекратились; база флота в Севастополе в нарушение Брестского договора попала под контроль Германии. Уже в мае 1918 г. немецкий крейсер «Гебен» проходил ремонт на главной базе Черноморского флота, однако в строй до конца войны уже не вернулся. Это не помешало крейсеру участвовать в акции устрашения, происходившей в конце июня 1918 года в Новороссийске.

В мае-июне 1918 года в связи с подписанием сепаратного Брестского мира (март 1918 г.) позиция советской России на юге значительно ухудшилась. Это было связано с вопросом о Черноморском флоте. В конце июня его часть была затоплена в Цемесской бухте Новороссийска. Потопление флота и уход его значительной части в Севастополь усилило позиции германо-турецкого флота в Черном море. По мнению исследователя из Республики Калмыкия У. Б. Очирова, в эскалации гражданской войны «Немалую роль сыграла и поддержка иностран-

ных союзников: сначала германцев, затем представителей Антанты» [37]. Участник событий Е. Д. Лехно в своих воспоминаниях отмечал, что 28 июня на территорию Сочинского округа бывшей Черноморской губернии вторглись войска меньшевистской Грузии. В день начала грузинской интервенции в Цемесскую бухту зашли военные суда под германскими и турецкими флагами [38]. По данным, приведенным Сирченко И. Т.: германо-турецкая эскадра была в составе линкора «Гебен», пяти эсминцев и двух тральщиков..., причем «Гебен» встал на якорь так близко к молам, что держал весь город под угрозой своих орудий [39]. При их приближении был взорван английский транспорт «Травириан» (водоизмещение 6000 т). Находящиеся в городе отряды большевиков отошли к станции Тонне [40].

Герман Лорей так описывал в своей работе эти события: «Во время входа германских кораблей за молотом наблюдался взрыв: в дальнейшем выяснилось, что это уничтожался своею командою английский пароход «Треворизэн» (Trevorian) [41].

Немецкое командование заявило о том, что прибыли с целью вывоза своих военнопленных и урегулирования вопросов о свободном торговом и пассажирском мореплавании. Они потребовали предоставления воды, угля и нефти [42].

Сирченко И. Т. приводит следующие требования контр-адмирала Ребейр-Пашвица: обмен военнопленными, выдача ему германских и австрийских судов, захваченных во время объявления войны, охрана интересов иностранных подданных, скорейшее открытие торгового мореплавания, а также снабжение эскадры топливом и провиантом. Представители советской делегации заявили, что обмен военнопленными имеет государственное значение и в соответствии с Брестским договором подлежит рассмотрению русско-германской комиссии. [43]. К моменту ведения переговоров на территории Кубани находилось около 15 000 зарегистрированных пленных [44]. В связи с осложнением отношений по Черноморскому флоту Кубано-Черноморские власти предприняли в начале июня 1918 г. меры по ограничению передвижения пленных, разослав телеграммы во все населенные пункты [45]. Возможность прибытия судов Четверного союза в Новороссийск вызвала волну военнопленных. По сообщению Черноморского губернского военного отдела, 19 июня в город прибыло 18 человек из Екатеринодара, 20-го – 64 человека из Туапсе [46].

По сообщению газеты «Проблеск», часть военнопленных, прибывших в Новороссийск, была вывезена германской эскадрой. Именно в этот момент власти спохватились о финансовой стороне вопроса. Плата за каждого лишнего военнопленного по договору составляла около 10 000 рублей золотом [46].

Социально-экономические преобразования, проводимые в 1914–1918 гг. первоначально Правительством Николая II, Временным правительством, затем краевым, позже большевиками, а затем ко-

мандованием Добровольческой армии и руководством Краевого правительства, не дали положительных результатов.

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-экономическая политика руководства Кубани и Черноморья в течение всего рассматриваемого периода носила непоследовательный, а порой и разрушительный характер. Таким образом, война и экономический кризис обеспечили победу сторонникам большевиков, что привело страну к триумфу государственной экономической политики и трагедии значительной части населения Советского Союза, в том числе и на Кубани.

Примечания

1. Россия в 1913 году. Статистико-документальный справочник. СПб, 1995. С. 142
2. Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. Отд. XI. С. 6.
3. Козлов А. И. Дон и Северный Кавказ как объект экспансии международного империализма/ Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. С. 54.
4. Сельское хозяйство на Кубани. Екатеринодар, 1913. С. 1.
5. Улько Г. Октябрь на Черноморье. Краснодар, 1957. С. 8.
6. Армавирский филиал Государственного архива Краснодарского края (далее АФ ГАКК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.
7. Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.)// Отечественная история. 1993. №3. С. 5, 12.
8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 113. ЛЛ. 1–28.
9. АФ ГАКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 42, 57.
10. Отклики Кавказа, 1916 г. 15 июня.
11. Судавцов Н. Д. Война и проблема беженцев// Историко-культурное наследие и современность. Краснодар, 1995. С. 80.
12. Куценко И. Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1990. С. 133.
13. Мальцев В. Н. Кубанские казаки в первой мировой войне: к постановке проблемы //Проблемы истории казачества: XVI–XXвв. Ростов-на-Дону, 1995. С. 87.
14. Козлов А. И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 1972. С. 7.
15. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1977. С. 30.
16. Козлов А. И. Дон и Северный Кавказ... С. 54.
17. Листок войны. 1917, 16 марта.
18. Листок войны. 1917, 7, 9 мая.
19. Листок войны, 1917, 20, 21 июня.
20. Проблеск. 1918, 15, 20 июня.
21. Новая жизнь. 1917, 13 мая.

22. ГАКК, Р-975. Оп. 1. Д. 4. Л. 53; Р-1118. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Проблеск. 1918, 4 апреля.
23. ГАКК. Р-729. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
24. День рабочего. 1918. 22 апреля; Известия ЦИК СНД. 1918, 26 апреля.
25. Кубанский кооператор №19–2, 29 мая (11 июня) 1919г. Екатеринодар, 1919. С. 19.
26. Проблеск. 1918, 18 мая.; Известия Куб.Обл.ЦИК. 1918, 10 мая.
27. Проблеск. 1918, 17 апреля.
28. Проблеск. 1918, 5 мая; Известия Куб. Обл. ЦИК. 1918, 5 апреля.
29. Проблеск. 1918, 28 мая, 26 июня.
30. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 82. Д. 3. Л. 42.
31. Проблеск. 1918, 23 июля; День рабочего. 1918, 29 апреля; Известия Куб. Обл. ЦИК. 1918, 5 апреля.
32. ГАКК.Ф.Р.411. Оп. 2. Д. 296а. Л. 135а; Кубанский край. 1918, 14(27) августа.
33. Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани// Кубань. № 8. 1991. С. 69.
34. Сборник конвенций, заключенных Правительством Всевеликого Войска Донского и Кубанского края на Екатеринодарской конференции 8–10 сентября 1918 года. Екатеринодар, 1918. С. 48–49.
35. Кубанская Чрезвычайная Рада. Стенографический отчет. Вып. II. Екатеринодар, 1918. С. 372–373.
36. Екатеринодар – Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 427–428.
37. Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста.: ЗАО «НПП «Джангар», 2006. С. 8.
38. ЦДНИКК Ф. 2830. Оп. 1. Д. 842. Л. 4.
39. Сирченко И. Т. Выполняя приказ В. И. Ленина (Потопление Черноморского флота в 1918 г.). М.: Мысль. 1979. С. 246–247.
40. ЦДНИКК Ф. 2830. Оп. 1 Д. 659. Л. 3, 15–16; Ф. 2830. Оп. 1. Д. 787. Л. 2–5, 17–18.
41. Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг./ пер. с нем. М.: Полигон, 2003. 528 с.
42. Прикубанская правда, 1918. 19 (2 июля) июня.
43. Корсун Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М.: Военное изд, 1946. С. 147.
44. Проблеск, 1918. 19 (2 июля) июня.
45. ГАКК Ф.Р-1364. Оп. 1. Д. 14. Л. 12, 16.
46. Там же.
47. Там же.

Корниенко Т. А.

Социалистическая пропаганда в годы февральской революции и гражданской войны
(на материалах юга России)

Первостепенное значение для политики имеют массовые информационно-коммуникационные процессы. На этом уровне организации информационных отношений, прежде всего, действуют политические агенты, специально подготовленные для взаимодействия с общественным мнением. Как правило, к ним относят: официальные институты государства, средства массовой информации (СМИ), корпоративные структуры.

Технология манипулирования для укоренения социальных мифов в общественном сознании предполагает использование богатейшего арсенала конкретных методов и стратегий воздействия на сознание масс.

Понятие «пропаганда» часто наделяется устойчивым негативным содержанием, поскольку пропаганда рассматривается как способ манипулирования общественным сознанием в целях достижения узкополитических целей, удовлетворения корпоративных интересов. Всякая пропаганда имеет конкретную цель и рассчитана на инципирование практической деятельности. Политическая пропаганда, как разновидность средств массовой коммуникации, по мнению К. Флада, структурно идентична такого рода мифу и содержит апокалипсическую картину действительности указание на заблуждения народа и врага-соблазителя («образ врага», образ «чужого»), объявление причин заблуждений и тайных замыслов врага и, наконец, указание пути возвращения на благой путь [1].

«Пропаганда» означает популяризацию политических, философских, религиозных, научных, художественных или иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание [2]. В узком смысле под пропагандой понимается лишь политическая или идеологическая пропаганда, осуществляемая с целью формирования у масс определенного политического мировоззрения. По мнению А. И. Соловьева, без использования агитационно-пропагандистских способов воздействия на общественное мнение не может обойтись ни одно государство, ни один политический субъект, заинтересованный в расширении социальной поддержки своих целей относительно власти [3].

Политическую пропаганду можно рассматривать как систематическое воздействие на сознание индивидов, групп, общества в целом для достижения определенного результата в области политического действия. Этот вид воздействия на массовое сознание получил

широкое распространение в России нач. XX в. и как внутривнутриполитическое средство борьбы между различными политическими силами. Пропаганда в зависимости от условий принимала различные формы: от прямой агитации до обвинений в шпионаже и измене, дезинформации и демагогии, оказании материальной и моральной поддержки соответствующим общественно-политическим движениям и организациям.

Пропаганда в 1917–1921 гг. стимулировала создание в массовом сознании различных политических мифов, поскольку была направлена на разрушение системы ценностей, нравственных ориентиров. События 1917 г. показали, насколько сила пропагандистского воздействия важна для захвата и удержания власти. Благодаря пропаганде и агитации социалистические партии упрочили свои позиции в массах, расширив круг приверженцев.

Исследователи полагают, что сила пропагандистского влияния социалистов заключалась в том, что их идеи привлекали надеждами на торжество идеала социальной справедливости [4]. После Февральской революции социалистическая пропаганда возродилась на качественно новом уровне [5]. Издание Петросоветом знаменитого Приказа № 1 активизировало антивоенную пропаганду социалистов. В апреле 1917 г. английский посол Дж. Бьюкенен отмечает: «социалистическая пропаганда в армии продолжается, и хотя я не упускаю случая указать министрам на губительные последствия такого рода разрушения дисциплины, они, по-видимому, бессильны предотвратить его. Взаимоотношения офицеров и солдат в высшей степени неудовлетворительны, немалое число солдат самовольно уходит домой. Их побуждают к этому слухи о близком разделе земли и желание обеспечить свою долю в грабеже...» [6]. Когда же стали отчетливо проявляться негативные последствия пропаганды о заключении мира «без аннексий и контрибуций», власть стала уже сточать законодательство о цензуре.

Социалистическая пропаганда представляла альтернативные либеральным методы разрешения острых и насущных, застарелых проблем – мира и земли [7]. Решение этих вопросов связывалось с переходом общества в новую стадию социально-экономического развития – социализм. Разъяснение смысла этого символа периода Февральской революции можно было встретить на страницах брошюр и в периодической печати: «Социализм – это лучшее будущее человечества. Людям необходимо так устроиться, чтобы больше не было собственников, чтобы все земли и фабрики, заводы и мастерские перешли в руки трудящихся. Тогда не будет эксплуатации одного человека другим, тогда каждый будет жить трудом своим и все будут сообща трудиться и сообща пользоваться всеми благами жизни. Вот такой справедливый и разумный строй называется социалистическим, а люди, стремящиеся к нему, – социалистами [8]. Но,

даже читая подобные объяснения, обыватель вряд ли находил разницу между понятиями «социализм», «коммунизм», «большевизм». Народ, вовлеченный в политический водоворот, но политические не искушенный, не затруднял себя анализом позиций той или иной партии, провозглашающей социалистические ценности. Рабочие, солдаты, крестьяне полагали, что если партия поддерживает социализм и выступает против царя, ее нужно поддерживать [9].

Безусловно, среди социалистических партий имелись существенные расхождения по вопросу о сроках, способах и методах реализации социалистической перспективы, и самому пониманию социально-культурного типа социализма. Несмотря на неоднородность существовавших в нем течений, а также усилившееся размежевание, социалисты были твердо убеждены в необходимости осуществлять пропаганду прежде всего среди крестьянства и солдат, поэтому была четко налажена работа в армии. Через свою печать они старались расположить к себе внимание солдатской массы. Популярной была позиция большевиков, выступавших на национализацию земли трудовым крестьянством, включая даже «организованный захват» помещичьих участков немедленно. Эсеры также отстаивали идею национализации, но призывали ждать Учредительного собрания, предупреждая о негативных последствиях, голоде, нужде, к которым приведет самостоятельный раздел земли.

Социалисты-революционеры отрицали возможность заключения мирного договора с Германией; планировалось созвать социалистический съезд для выработки условий справедливого мира. Они решительно критиковали большевиков, делающих ставку на «пораженчество» и активной роли в революционных событиях пролетариата, игнорируя крестьянство: «Попрыгунчик большевик лето пел о «капитале» / Да твердил: «Буржуй, мужик», глянь – дни выборов настали! / А оплот-то невелик! / Даже первого по списку провести немало риску... / «Пролетарии всех стран» не проходят без крестьян / От досады, чуть не плача, злым предчувствием смущен / К мужичку поехал он / – Значит вы? / – Мы без души о буржуистве вашем пели... / – О буржуистве? В самом деле? Так пойдя же попляши!» [10].

Большевики предложили самый радикальный вариант решения вопросов войны и мира. Для В. И. Ленина «пораженчество» было одним из крайних средств демонстрации непримиримой враждебности своей партии к самодержавному строю и к новым органам государственной власти 1917 г. [11]. Первоначально пропагандистские лозунги большевиков не пользовались поддержкой и активно подвергались критике политическими оппонентами: «Вся власть большевикам означает, писало «Северокавказское слово», для нас гибель революции. Большевики сознательно или бессознательно ведут агитацию в массах направленно пораженческого характе-

ра, исход которой совершенно очевиден – возбудить враждебность к социалистам всех направлений» [12]. Знаковым является тот факт, что большевики и черносотенцы были названы в начале лета 1917 г. главными внутренними врагами, гонителями свободы и революции.

Однако по мере ухудшения в стране социально-экономического положения и продолжения никому не нужной и непонятной войны призывы ее прекращения попадали на благодатную почву, способствовали скорейшему разложению армии и флота [13]. Анализируя моральный дух российской армии в военных кампаниях Первой мировой войны, Н. Н. Головин отмечал, что пораженческие лозунги большевиков стали одним из факторов деструкции вооруженных сил [14]. Однако этой политической партии с их радикальными, революционными лозунгами мира и земли крестьянам осталось только собирать плоды разрушительной политики царского и Временного правительств.

Отрицательные отзывы в адрес большевиков усиливаются после июльских событий 1917 г. На страницах местной периодической печати читаем: «Трудно представить, что за Лениным и его партией значение партии государственной: они идут против всякой историчности, они не считаются ни с какими условиями времени, они требуют мер явно против государственных, ибо проведение его планов привело бы Россию немедленно к сепаратному миру с Германией и стало бы, к полному крушению русской свободы» [15].

Принимая во внимания негативные последствия пораженческой пропаганды большевиков, на совещании Ставропольского губернского комитета общественной безопасности, которое состоялось 12 июля, помощник Председателя исполнительного комитета А. И. Деметьев предлагал обратить внимание власти и существующих организаций на дезорганизационную работу большевиков, требовать удаления их из различных организаций и принимать необходимые меры, не прибегая к аресту [16].

В годы Гражданской войны направление большевистский пропаганды изменяется, теперь она становится средством манипуляции общественным сознанием в борьбе за власть между двумя противоборствующими лагерями.

Практическая реализация большевистской идеологии началась на завершающем этапе гражданского противостояния. Применялись различные методы воздействия на массовое сознание, но большевики проводили четкую грань между «пропагандой» и «агитацией». Под агитацией понималось прежде всего умение убеждать, которое подталкивало к действию, поэтому она служила средством воздействия на эмоциональное восприятие и методом практической, военной или экономической мобилизации. «Пропаганда» основывалась в первую очередь на когнитивном восприятии и тем самым была призвана рекламировать идеи марксизма-ленинизма, включив в себя

демонстрацию «побед» и «прогресса коммунизма» [17]. По мнению К. Вашика, и агитация, и пропаганда большевиков «имели на уровне знаков простую, наглядную структуру, и поэтому были всеобщие доступными, понятными и, прежде всего, отчетливо показывали, к кому они обращаются» [18].

При формировании советской политической культуры все семантическое пространство пропаганды, замечает Л. Гудков, было задано развертыванием двух ключевых метафор – «строительство нового общества» и «фронт», находящихся между собой в тесной взаимосвязи. Исходные составляющие «строительства нового общества в вражеском окружении», (плановая государственная экономика, концлагеря, милитаризация экономики и общественной жизни), по мнению исследователя, хотя и утвердились после Гражданского противостояния, возникли в годы Первой мировой войны [19]. Террор и информационная изоляция были условиями значимости идеологической пропаганды большевиков. Эффективность их пропаганды достигалась несколькими обстоятельствами:

- 1). создание ситуации общей социальной дезорганизации и дезориентированности на фронтах, возникающей благодаря истреблению командного состава армии, агитации за односторонний мир и уход с фронта;

- 2). обещание скорого благоденствия, чуда или по крайней мере резкого улучшения жизни без конкретных и четких механизмов их реализации;

- 3). свободы и права большевиками утверждались одновременно с самыми резкими и жесткими их ограничениями, которые объяснялись чрезвычайными обстоятельствами, военными или переходными условиями, происками и сопротивлением врагов [20].

Большевистская пропаганда в период Гражданской войны была адресована всем слоям населения, поскольку для новой власти нужно было заручиться поддержкой крестьянства, составлявшего большую часть населения, и для южного региона – казачества. Меры по политико-просветительной работе большевиками в этом направлении были приняты беспрецедентные.

На юге России агитационно-пропагандистская деятельность проводилась в условиях казачьей области, вследствие чего перед органами советской пропаганды ставились специфические задачи. Во-первых, большинство казаков оказывало вооруженное сопротивление советской власти даже после ее установления на Кубани в 1920 г. Следовательно, перед советскими пропагандистами встала насущная: задача преодоления сопротивления со стороны казачества и вовлечения его в активное «советское строительство». Во-вторых, основная часть иногородних крестьян и рабочих заняла просоветскую позицию, которую необходимо было поддерживать и укреплять

экономическими и политическими мероприятиями, которые в большинстве своем носили пропагандистский характер. В-третьих, на территории региона проживало более 100 национальностей, среди которых по указанию ЦК, необходимо было развернуть активную агитационно-пропагандистскую работу для предотвращения межнациональной напряженности и формирования их лояльного отношения к советской власти [21].

В целом, содержание пропагандистской и агитационной работы на Кубани сводилось к тому, чтобы показать положительные стороны политической платформы большевиков и, что особенно важно, дискредитировать в глазах трудового крестьянства и казачества сущность Белого режима и войсковых казачьих правительств.

Руководство политической пропаганды было возложено на Главный политико-просветительный комитет советской республики. На юге России культурно-просветительную и агитационно-пропагандистскую работу вели различные организации и ведомства, профсоюзные и комсомольские организации, Политуправление Красной армии, внешкольный отдел Народного комиссариата. Создавались кружки политграмоты, организовывалась лекционная пропаганда, проводились дискуссии на политические темы. Особое значение придавалось своего рода социальной диагностике политических настроений жителей региона. В памятке агитаторам особо указывалось на важность проведения агитационно-пропагандистской работы среди всех слоев населения: «Ведите среди явившихся и пойманных дезертиров и среди других красноармейцев усиленную политическую работу, устраивая митинги, снабжая газетами... На усиление агитации, особенно мобилизуемых, должно быть обращено самое серьезное внимание. Не ограничивайтесь обычными приемами агитации, секциями, митингами и пр., а развивайте агитацию среди красноармейцев, группами, одиночками-рабочими, в казармах, фабриках. Профсоюзы должны организовать проверку того, чтобы каждый их член участвовал в обходе домов для агитации, разносил листовки и проводил личные беседы... Устраивайте в селах собрания дезертиров и уклоняющихся... Организуйте широкую агитацию так, чтобы вызвать массовую добровольную явку и сделать излишним широкое применение карательных мер» [22]. Агитаторы и пропагандисты должны были четко «улавливать» изменения общественного настроения. Им предписывалось «выявлять все волнующие трудящихся вопросы и сообщать об этом».

На результативность агитации и пропаганды серьезно влияла военно-политическая обстановка в области, зависимость от активности «бело-зеленых банд», настроения казаков и «кулацкого элемента». Так, в «Тезисах о работе на Дону» отмечалось: «...в то время как имущие контрреволюционные верхи казачества и тесно примыкающее к ним станичное казачество отличаются чрезвычайным

классовым упорством, казаки первыми подняли знамя восстания против рабочей революции, сплотив под этим знаменем многочисленные буржуазно-помещичьи элементы... Трудовое казачество до последнего времени было связанным тисками казачьей сословности и предрассудков, общности интересов всего казачества» [23].

М. Шульман обращает внимание на тот факт, что государственные органы и учреждения агитационно-пропагандистской направленности к 1920 г. образовали обширную сеть, охватывающую все основные категории населения. Они осуществляли множество функций – от чисто утилитарных (организация партийных и советских «низовых» органов, проведение мобилизаций, реквизиций, «борьба с контрреволюцией» и др.) до более «высоких» – идеологических, призванных подтянуть мировоззрение населения до предполагаемого уровня, соответствующего новому общественному строю [24]. Каждому из имеющихся органов и учреждений в этой системе отводилась собственная роль, хотя их обязанности порой дублировали друг друга, что было вызвано элементарной ведомственной неразберихой, характерной для начального периода советской власти.

К 1920 г. был накоплен громадный опыт ведения агитационно-пропагандистской деятельности, которая состояла из наглядной агитация, устной пропаганды и пропаганды с помощью средств массовой информации. Идеологический аппарат большевиков применял такие формы деятельности, как литературно-публицистическую, готовившую и выпускавшую различные виды агитационно-пропагандистской литературы – листовки, брошюры, книги; агитационную, включавшую в себя курсы лекторов, агитотряды, агитпоезда и агитбаржи; художественно-агитационную, состоявшую из кинематографа, театра, музыки, художественной литературы и плаката [25].

На юге России в основном использовались наглядная агитация и устная пропаганда, которые не требовали больших материальных затрат и были понятны населению, которое в большей массе было неграмотным. Наглядные средства агитации и пропаганды были представлены листовками и воззваниями, информационными плакатами, портретами вождей, ярким агитплакатами, обращенными к различным слоям населения.

Значительный размах получила устная пропаганда. Например, на Кубани были распространены такие ее виды, как доклад, выступление, лекция, отчет, сообщение, беседа, встреча, дискуссия, разговор и различные драматизированные формы. Систематическую устную пропаганду и агитацию проводили также специально подготовленные пропагандисты, закончившие необходимые курсы и школы. В письме ставропольского комитета РСДРП(б) губернскому бюро профсоюзов отмечалась необходимость создания рабочих и солдатских клубов: «Возможность нанесения сильных ударов со стороны контрреволюции питается тем явлением, что массы солдат

и рабочих не имеют возможности постоянно обсуждать все вопросы дня и выявлять к ним свое отношение. Широкие массы слишком далеко отстоят от политической жизни, чтобы в решительный момент сознательно принять участие в защите революции. Одним из средств привлечения рабочих и солдат массы к участию в политической жизни страны являются солдатские и рабочие клубы. Они будут местом обсуждения задач настоящей революции к тем или иным явлениям общественной жизни» [26].

Периодическая печать советской власти на Северном Кавказе была представлена следующими изданиями: «Известия Георгиевского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Известия Пятигорского Совдепа», «Известия Совета народных комиссаров», «Красный солдат» (орган Реввоенсовета армии), «Народная власть» (орган Терского областного народного Совета), «Северо-Кавказская правда» и другие. Их важность в том, что там имелись публикации официальных сообщений государственных и местных органов советской власти. Все брошюры, листовки, газеты, информационные бюллетени распространялись большими тиражами и были понятны даже малограмотному человеку [27].

Одним из продуктивных методов пропаганды большевиков были митинги. При тематическом разнообразии они выполняли коммуникативную функцию. На митингах использовались конкретные психологические приемы работы с аудиторией, которые, даже не вполне осознаваемые коммуникаторами (агитаторами), влияли на массовое сознание.

Отражением мифоритуального сознания советской эпохи стали изменение жизненных ритмов, выразившееся в смене календаря, замене многих православных праздников праздниками, наполненными большевистской символикой. Праздники и обряды стали широко использоваться в идейно-воспитательной работе сразу после установления советской власти как средство распространения и утверждения новых ценностей и идеалов [28].

Характерной особенностью политической пропаганды большевиков в годы гражданской войны было то, что она, по мнению А. Ермоленко, как правило, отражала реальную, а не мифическую ситуацию, сложившуюся на фронтах, и давала достаточное ясное представление о реальном положении дел в ходе боевых действий. Несмотря на ярко выраженный классовый характер, пропаганда большевиков носила адресный и даже индивидуальный характер. Она была обращена не только «к народу», но и непосредственно к отдельному человеку, призывая его вступить на путь борьбы со своими вековыми угнетателями [29].

Архивные документы свидетельствуют, что далеко не всегда мероприятия агитационно-пропагандистского характера привлекали достаточное количество людей и приводили к желаемым результатам.

Так, в одной из сводок говорилось: «Астрахань наводит ужас своей отсталостью от революции на приезжающих, на всякого истинного революционера. Обыватели, мещане, горожане только и думают о «хлебе и зрелищах», не разделяя благородный революционный порыв красноармейцев, призванных защищать их от врагов революции...» [30]. В большинстве случаев населению трудно было понять сущность поднимаемых агитаторами вопросов. В официальных отчетах отмечалась низкая эффективность деятельности местных политпросветов, которые зачастую представляли «мертвые учреждения, без инициативы». Более того, сохранились многочисленные заявления агитаторов с просьбами о выделении им денежных средств для налаживания пропагандистской работы. Так, например, в телеграмме в ЦК Астраханской губернского партийного комитета (1919 г.) говорилось: «...Стараясь укрепить нарушенную работу как в Астрахани, так и в уездах, комитет встретил такое препятствие, как недостаток средств. Мы не можем поставить как следует дело распространения литературы, издание листовок, рассылку агитаторов» [31]. Однако, несмотря на подобные препятствия в своей пропагандистской работе, методы большевиков приводили к поддержке их курса в период Гражданской войны значительной частью населения и позволили преодолеть критической настрой аудитории можно посредством смены стереотипов.

Таким образом, анализ социалистической пропаганды в 1917–1922 гг. позволяет сделать следующие выводы. Стратегии политической пропаганды были предназначены для вовлечения значительных слоев населения в гражданское противостояние на стороне большевиков. Большевистская агитация и пропаганда в годы Гражданской войны перешла границы свободной конкуренции за сознание человека, подменила способы его идейного завоевания методами насильственного навязывания ему заранее запрограммированных оценок и отношений, психологического давления на его сознание, рассчитанного на неосознанное восприятие и усвоение им определенных целей и ценностей.

Примечания

1. Клад К. Политический миф. М., 2004. С.16.
2. Лучкин Д. А. Политическая пропаганда в информационной политике Российского государства: дисс. канд. полит. наук. М., 2005. С. 25.
3. Соловьев И. А. Политология: Политическая теория. Политический процесс. М., 2005. С. 247.
- 4 Орлов И. Б. Политическая культура России XX в.: учебное пособие. М., 2009. С. 88–89.
5. Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское сознание» // Анатомия российской революции 1917 г. в России: массы, партии, власть / Под ред. В. Ю. Черняева, Гапили, Хаймсона, Б. И. Колоницкого. СПб, 1994. С. 164–188.

6. Бьюкенен Д. Воспоминания. М., 1996. С. 223.
7. Абросимова Т. А. Социалистическая идея в массовом сознании в 1917 г. //Анатомия российской революции 1917 г. в России: массы, партии, власть / Под ред. В. Ю. Черняева, Гапили, Хаймсона, Б. И. Колоницкого. СПб, 1994. С. 169–186.
8. Северокавказское слово. 3 мая. 1917. С. 2.
9. Коробков Ю. Д., Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г. Магнитогорск, 2000.
10. Северокавказское слово. 22 октября. 1917. С. 3.
11. Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997. С. 54.
12. Северокавказский край. 1917. 5 июля. С. 2.
13. Козлов О. В. Агитационно-пропагандистская работа в частях Красной армии в первые годы Советской власти // Государственно-патриотическая идеология и проблемы ее формирования: материалы межвузовской научной конференции, 5 февраля 1997 года. Смоленск, 1997. С. 79.
14. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2002.
15. Отклики Кавказа. 1917. 5 июля. С. 2.
16. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края), Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
17. Лучкин Д. А. Политическая пропаганда в информационной политике Российского государства: дисс... канд. пол. наук. М., 2005. С. 25.
18. Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов. // Образ врага / сост. Л. Гудков. М.: ОГИ, 2007. С. 200.
19. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков. М.: ОГИ, 2007. С. 49.
20. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. С. 49.
21. Бочкарева А. С. Политическая пропаганда и агитация в партийно-советских органах власти на Кубани в 20-е гг. XX в.: дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. С. 18–19.
22. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории) Ф. 17. Оп. 65. Д. 2.
23. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 65. Д. 156. Л. 123.
24. Шульман М. Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет советской власти (по материалам Калужской и Тульской губерний): дисс...канд. ист. наук. Калуга, 2004. С. 26.
25. Бочкарева А. С. Политическая пропаганда и агитация в партийно-советских органах власти на Кубани в 20-е гг. XX в. С. 63.

26. ГАСК Ф. 2430. Оп.1. Д. 13.

27. Шульман М. Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет советской власти (по материалам Калужской и Тульской губерний) С. 28.

28. Захаров А. В. Массовые праздники в системе тоталитаризма // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 298.

29. Ермоленко Е. В. Агитационно-пропагандистская работа РКП(б) в условиях гражданской войны (1917–1920 гг.): дисс...канд. ист. наук. М., 2006. С. 34.

30. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 65. Д. 21.

31. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 65. Д. 21.

Бондаренко В. Г.

Попытки возрождения украинского казачества в годы гражданской войны и в эмиграции (1917–1939 гг.)

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. ознаменовались возникновением и распространением неоказачьего движения в Украине, России, Казахстане. По состоянию на 2009 г. в Украине насчитывалось 40 всеукраинских и около 1000 региональных казачьих организаций. Пять всеукраинских организаций имели в названии слово «вольноказачьи». Однако для большинства членов и руководителей этих организаций история и идеология вольноказачьего движения в Украине и в эмиграции 1917–1939 гг. остается неизвестной и недоступной для понимания. Проблема истории движения еще мало изучена среди украинских ученых. Поэтому исследование украинского вольноказачьего движения является актуальным для формирования политики государства, органов местного самоуправления и деятельности самих казачьих организаций в Украине.

Проблема истории украинского вольноказачьего движения начала изучаться сразу же после завершения Гражданской войны в Украине. Историки Советской Украины в 20-х начале 30-х гг. XX в. создали первые исследования, посвященные вольноказачьему движению, несмотря на ангажированность в этих работах присутствовал большой фактический материал. Необходимо выделить работы А. Горба, А. Трилисского, И. Нагорного [1–3]. Историки УССР в 30-х – 80-х гг. XX в. характеризовали украинское вольноказачье движение, как «кулацкое», «контрреволюционное», ««пародию» на славное запорожское казачество». Характерным для них было такое определение движения: «Центральная рада не возлагала больших надежд на украинские полки, а поэтому обратила большое внимание на кулацкое «Вильне козацтво». Основными кадрами «вильного козацтва» были кулацкие сынки и украинская националистическая

мелкобуржуазная интеллигенция, которая играла в них организаторскую и руководящую роль. Они оскверняли старую казачью славу, которую завоевало себе украинское казачество в борьбе за волю и национальную независимость Украины. Казачью романтику буржуазные националисты пытались использовать для привлечения на свою сторону украинской молодежи. Они старательно скрывали свою настоящую цель, с которой организовывались отряды «Вильного козацтва». На них возлагалась задача «охранять спокойствие и порядок», что означало на деле вести борьбу с революционными рабочими и крестьянами, особенно с крестьянской беднотой, которая выступала против помещиков и кулаков [4. С. 15–16].

Зарубежная украинская историография уделила определенное внимание вольноказачьему движению. Среди первых работ необходимо назвать Р. Бориса, О. Бантыш-Каменского [5; 6]. Эти работы носили ангажированный характер позиций казачьего национализма и были оторваны от архивов в Украине. В последующие годы крупных работ по истории Украинского «Вильного козацтва» в украинской диаспоре не было создано. Среди работ, которые обращают на себя внимание, необходимо назвать труды И. Цапко, Ю. Тамарского, А. Куцинского [7–9]. После провозглашения независимости Украины украинские ученые начинают комплексно изучать украинское «Вильне козацтво». Среди первых работ выделим работы В. Голубко, П. Захарченко, В. Задунайского, А. Тимощука [10–13]. Создаются комплексные исследования, полностью посвященные изучению вольноказачьего движения в Украине [14–17]. В работах основное внимание уделялось предпосылкам, причинам, социальной базе и характеру казачьего движения в 1917–1918 гг. Рассматривались организационная структура, законодательная база, вооружение и тактика ведения боевых действий. Обращалось внимание на участие «Вильного козацтва» в боевых операциях войны Украинской Народной Республики с Советской Россией. Анализировались причины участия казачества в восстаниях против австро-немецких оккупантов и режима П. Скоропадского. Исследовалась роль вольноказачьих формирований в восстании Директории в ноябре-декабре 1918 г. К сожалению, недостаточно исследованными остаются события 1919–1923 гг. в истории «Вильного козацтва».

Аспект проблемы об истории украинского вольноказачьего движения в эмиграции также требует дальнейшего исследования. Определенное внимание ему уделила украинская исследовательница Т. Остапко [18]. Незначительные в объеме сюжеты посвященные украинскому «Вильному козацтву» в годы Второй мировой войны помещены в монографии А. Боляновского [19]. Малоисследованными остаются проблемы украинского «Вильного козацтва» после Второй мировой войны. Среди до сих пор неизученных остается и вопрос о взаимоотношениях и взаимных влияниях украинского и россий-

ского вольноказачьих движений в эмиграции в 1921–1939 гг. и в последующие периоды.

В данной статье автор анализирует особенности украинского вольноказачьего движения, социальную базу и характер сложившиеся в период 1917–1923 гг. Изучается конфликт между различными направлениями в украинском вольноказачьем движении в связи с деятельностью кубанской казачьей эмиграции. Источниками для написания статьи послужили архивные документы, периодическая пресса 1921–1939 гг., мемуары участников движения.

Украинское «Вильне козацтво» возникло в апреле 1917 г. в Звенигородском уезде Киевской губернии. Его инициаторами стали жители с. Гусаково (Звенигородский уезд) Семен Грызло и Никодим Смоктий. Предпосылками возникновения движения были непрерывность казачьей традиции в Украине, формирование в народе «казачьего идеала», вхождение казачьей идеи в состав идеологии украинского национального движения, менталитет населения на землях бывшей Гетманщины и Запорожской Сечи. Необходимо обратить внимание, что казацкие формирования в Украине не исчезли после ликвидации Сечи. В южных губерниях Украины существовали Бужское казачье войско до 1817 г., Азовское и Дунайское казачьи войска до 1865 г. Поэтому нельзя утверждать о длительном прерывании казачьей традиции в Украине. Народ Украины всегда видел в свободном труде казаков на своей земле, военной службе, освобождении от государственных повинностей и помещичьих притеснений – народный идеал. Украинское национальное движение со времен середины XIX в. представляло казачество как социальный и национальный идеал и историческую легитимацию своих государственных устремлений. М. Грушевский писал: «... это наш старый лозунг, – указал ученый, – поднятый еще в 1840-х гг. наилучшими сыновьями Украины Шевченком, Костомаровым, Кулишом, Гулаком, Билозерским и другими, он с того времени не переставал быть ведущим мотивом украинской политической мысли, организационной работы, культурной и общественной работы» [20. С. 99–100]. Казачество повлияло и на украинский народный менталитет. Для украинцев, наследников казаков, были характерны такие черты характера, как свободолюбие, независимость, стремление к справедливости, а с другой стороны – авантюризм, эгалитаризм, амбициозность, стремление к власти любой ценой. Кстати, все это наложило отпечаток на события 1917–1923 гг. в Украине.

События 1917 г. послужили катализатором возрождения на Украине казачества. Кроме того, период казачества был наиболее исторически близким для большинства населения Украины периодом украинской государственности. Американский историк и политолог украинского происхождения И. Лисяк-Рудницкий обращал внимание на эту особенность: «Когда из народа снова начала вырас-

татья нация, эти элементы казачьей традиции также начинают активизироваться, выходить на дневной свет, набирать политической остроты, одним словом скреплять вновь возрожденную нацию. Это произошло в 1917 г., когда в Украине неожиданно ожил с большой силой «казачий дух». Свои и чужие наблюдатели подтверждают стихийное возрождение казачьих традиций в Украине революционных годов» [21. С. 22]. Неоказачье движение в Украине в 1917–1923 гг. прошло в своем развитии несколько этапов: от общественного движения через формирование общественной организации к национально-патриотическому военно-политическому движению. Социальной базой украинского «Вильного козацтва» были крестьяне (до 60 % участников, рабочих (до 25 %), средних слоев городского населения – торговцев, ремесленников, чиновников (10 %), украинской интеллигенции (5 %). Руководящую роль в движении играла интеллигенция. Важное место занимали бывшие офицеры российской императорской армии и унтер-офицеры.

В апреле-сентябре 1917 г. украинское вольноказачье движение охватило Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии. Отдельные организации действовали в Подольской, Волынской, Харьковской губерниях и в северных уездах Таврической. Организации насчитывали до 40 000 человек. Организационная структура формировалась по территориальным признакам. Сотня формировалась в одном селе или на одном предприятии, в одном районе большого города. Курень охватывал территорию города или нескольких сел, полк объединял уезд, кош (дивизия) – губернию. С 3–7 октября 1917 г. в старинной гетманской столице (г. Чигирин) состоялся Всеукраинский казачий съезд на котором присутствовали более 300 делегатов. На нем был избран Генеральный совет «Вильного козацтва». Однако он не смог в условиях анархии и войны Украинской Народной Республики и Советской России объединить движение, фактически оно носило локальный региональный характер.

Первое время движение не имело четко выраженного политического характера. Однако осенью 1917 г. в нем закрепилось влияние сторонников украинской самостоятельности и приверженцев П. Скоропадского. Украинские эсеры и социал-демократы, отрицавшие необходимость регулярной армии, не смогли поставить его под свой контроль, поэтому они тянули с его законодательным оформлением и только 13 ноября 1917 г. приняли «Устав «Вильного козацтва»». Попытки лидеров Украинской Центральной Рады поставить это движение под контроль было неудачным. Военным атаманом был избран П. П. Скоропадский, а наказным атаманом – И. В. Полтавец-Острияца.

«Вильне козацтво» активно участвовало в событиях Гражданской войны в Украине (январь-апрель 1918 г.). После прихода австро-не-

мецких войск и установления гетманского режима 29 апреля 1918 г. «Вильне козацтво» перешло в оппозицию к нему. Большинство известных восстаний периода правления П. П. Скоропадского было организовано участниками украинского вольнокозацкого движения. Во время восстания Директории против Гетмана именно казаки захватили власть в Екатеринославе, Одессе, Александровске и других городах. В 1919–1920 гг. большинство казаков и старшин вступили в армию Украинской Народной Республики или повстанческие отряды. Отдельной темой исследования могли бы послужить роль «Вильного козацтва» в формировании таких явлений Гражданской войны в Украине, как «партизанщина» и «атаманщина». Таким образом, в 1917–1920-х гг. украинское вольнокозацкое движение охватило широкие слои населения Украины и сформировало определенную идеологическую и политическую позицию. Оно выступало за независимость Украины и социальное устройство ее на демократических, правоцентристских позициях. Значительную роль «Вильне козацтво» сыграло в вооруженной борьбе против Красной армии, Белого движения и иностранных оккупантов (англо-французских, австро-немецких и польских).

Оказавшись на эмиграции, украинское «Вильне козацтво» прошло в своем развитии несколько этапов: 1921–1922 гг. – Украинское национальное вольнокозацкое товарищество (УНВКТ); 1923–1933 гг. – Украинское национальное казачье товарищество (УНАКОТО); 1935–1939 гг. – Украинское национальное казачье движение (УНАКОР). На первом этапе оно носило элитарно-монархический характер и пыталось сконструировать украинскую монархию во главе с Вильгельмом Габсбургом (Василием Вышиванным). В эти годы движение выступало против политики С. Петлюры, а с гетманом П. П. Скоропадским отношения были холодными. На втором этапе украинское вольнокозацкое движение приобретает характер праворадикальный, тоталитарный. Его лидер И. Полтавец-Острияница открыто провозглашает свое движение «фашистским» и «национал-социалистическим». Он был лично знаком и даже имел дружеские отношения с Адольфом Гитлером и Альфредом Розенбергом. И. Полтавец-Острияница лично оказывал им и их партии финансовую помощь. Однако в своих программных документах он признавал роль и значение православной церкви и христианской морали, не требовал однопартийной системы, не был сторонником расовой теории [22]. После провозглашения себя Гетманом Украины в 1926 г. отношения со сторонниками П. П. Скоропадского стали открыто враждебными фактически появились несколько направлений в украинском вольнокозацком движении, которые оформились организационно: УНАКОР под руководством И. В. Полтавца-Острияницы, «Гетманские Сечи» в США и Канаде во главе с П. П. Скоропадским, Украинское казачье товарищество (УКТ) во главе с М. В. Омельяновичем-Павленко, кото-

рое базировалось в Праге. Все эти организации остро конфликтовали между собой. Организации «Вильного козацтва» имели широкое распространение в Германии, Болгарии, на территории межвоенной Польши, Чехословакии, США и Канады. Трудно установить численность движения, однако она не превышала 20 000 казаков и старшин. Большинство входило в состав УНАКОР (более 10 000 человек) [23].

После возникновения в 1927 г. журнала «Вольное казачество» и нового движения казаков-националистов встал вопрос об отношении украинской эмиграции к нему. Представители украинских националистов и сторонников Украинской Народной Республики враждебно отнеслись к нему. Причиной этого стал кубанский вопрос. Он же стал конфликтным и в отношениях между «Вольным казачеством» и представителями кубанских и северокавказских проукраинских организаций. В 1936 г. бывший гетман Украины П. П. Скоропадский подписал договор с представителями российского вольноказачьего движения. В ответ на это представитель кубанской и северокавказской украинской организации В. Васюк выступил со статьей «Не отрекаться от украинских земель» в еженедельнике «Свобода» [24]. В защиту позиции сторонников П. П. Скоропадского выступил член гетманской управы Борис Гомзин в заметке «Гетманское движение и организация казаков-националистов». К дискуссии подключился представитель кубанской эмиграции и один из руководителей российского вольноказачьего движения полковник С. Федоров. Жаркая дискуссия развернулась на страницах украинской и российской печати в Европе и Северной Америке. Фактически В. Васюк представлял Организацию украинских националистов и был непреклонен в желании обосновать позицию о включении Кубани в состав будущего украинского государства. Накануне Второй мировой войны обе стороны, участвующие в дискуссии, были настроены враждебно по отношению друг к другу. С другой стороны, И. В. Полтавец-Остряница и П. П. Скоропадский старались наладить дружественные отношения с российским вольноказачьим движением.

Подытоживая все сказанное, необходимо отметить, что непрерывность казачьей традиции на Украине, народный казачий идеал, необходимость легитимации новых государственных образований, национальный менталитет стали предпосылками попыток возрождения украинского казачества. Социальной базой движения главным образом были крестьяне. Определенную роль в нем играли рабочие и средние слои городского населения. Руководителями были представители украинской интеллигенции в том числе и офицеры бывшей императорской армии. По своему характеру «Вильне козацтво» представляло национально-патриотическое, военно-политическое движение. Основными регионами его деятельности стали земли бывшей Гетманщины и Запорожской Сечи. Формирования «Вильного козацтва» активно участвовали в боевых действиях против больше-

виков и белогвардейцев, причем как в составе армии украинских государственных образований, так и в повстанческом движении. На эмиграции украинское вольноказачье движение не было единым и существовало в форме разнообразных парамилитарных общественных объединений. Значительная его часть встала на ультраправые позиции и видела в нацистской Германии своего покровителя, и верно служила ей. По отношению к российскому вольноказачьему движению единой позиции не было, а камнем преткновения был «кубанский вопрос». Это приводило к конфликтам между украинской эмиграцией и вольноказачьим движением Дона, Кубани и Терека. Проблема взаимоотношений российского и украинского вольноказачьих движений, на наш взгляд, требует дальнейшего исследования историками Украины и России.

Примечания

1. Горб А. Червона гвардія м. Катеринославу в боротьбі за владу Рад / А. Горб. Б. м, 1933. 76 с.

2. Трилиссский А. Организация Советской власти на Одессине / А. Трилиссский // 1917–1927 гг. Октябрь на Одессине. Одесса, 1927. 492 с. С. 182–184.

3. Нагорный И. Бахмут в годы революции / И. Нагорный // Борьба за Октябрь на Артемовщине: Сб. воспоминаний и статей. Москва-Харьков: Пролетарий, 1929. 392 с. С. 256–265.

4. Супруненко М. Жовтень на Україні / М. Супруненко. К.: Вид. Акад. наук УРСР, 1942. 45 с.

5. Борис Р. Вільне козацтво: Ідея озброєного народу в 1917 р. на Україні / Р. Борис. Львів, 1934. 30 с.

6. Вантис-Каменський О. До історії козацького руху на Україні в 1917–1918 рр. / О. Вантис-Каменський. – Біла Церква, 1923. 29 с. (Б-ка «Укр. козака»).

7. Цапко І. Роля Вільного Козацтва у визвольній боротьбі (3 нагоди 50-річного Ювілею Українських Збройних Сил) / І. Цапко // Вісті Комбатанта. 1967. № 5–6. С. 19–25.

8. Тамарський Ю. Українське Вільне Козацтво / Ю. Тамарський // Вісті Комбатанта. 1962. № 1. С. 28–31.

9. Кущинський А. Традиційна національна державницька сила / А. Кущинський // Українське козацтво. 1977. № 4. С. 5–9.

10. Голубко В. Армія УНР 1917–1918 рр. / В. Голубко. Львів: Кальварія, 1997. 275 с.

11. Захарченко П. Селянська війна в Україні: рік 1918 / П. Захарченко. К., 1997. 188 с.

12. Задунайський В. В. Бойове мистецтво та військова спадщина українських козаків в кінці ХІХ – на поч. ХХІ ст. / В. В. Задунайський / Донецький національний університет. – Донецьк Норд-Прес: Дон НУ, 2006. 322 с.

13. Тимощук О. В. Охоронний апарат Української Держави (квітень-грудень 1918 р.) / О. В. Тимощук. Харків, 2000. – 460 с.
14. Лободаєв В. М. Українське Вільне козацтво (1917–1918 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Лободаєв Володимир Миколайович. К., 2001. – 216 с.
15. Лободаєв В. М. Революційна стихія. Вільнокозацький рух в Україні 1917–1918 рр.: Наукове видання / В. М. Лободаєв. Київ: Темпора, 2010. 672 с.
16. Бондаренко В. Г. Вільнокозацький рух на Півдні України (1917–1918 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Бондаренко Володимир Григорович. Запоріжжя, 2006. 245 с.
17. Бондаренко В. Г. Історія новітніх запорожців: вільнокозацький рух на Півдні України 1917-1918 рр.): монографія / В. Г. Бондаренко. – Запоріжжя: ТОВ «ЛПС» ЛТД, 2010. 228 с.
18. Осташко Т. Український козацький рух в еміграції (1919-1939) / Т. Осташко // Український консерватизм і гетьманський рух: Історія. Ідеологія. Політика. К., 2000. Вип. 1. (Відп. ред. Ю. Терещенко та ін.) / Вісник Київського лінгвістичного ун-ту, 2000. Вип. 4. Серія: Історія. С. 285–294.
19. Боляновський А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945) / А. Боляновський. Львів, 2003. 685 с.
20. Грушевський М. Вільна Україна / М. Грушевський // Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М. С. Грушевського. – К., 1992. – 649 с.
21. Лисяк-Рудницький І. Історичні есе / І. Лисяк-Рудницький. К.: Основи, 1994. Т. 1. 530 с.
22. Ідеологія Українського Вільного козацтва «УНАКОР». Мюнхен, 1936. 46 с.
23. Государственный архив Волынской области (ГАВО). Ф. 46. Оп. 9 а. Д. 105. Л. 209–211.
24. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 4465. Оп. 1. Д. 434. Л. 5–6.

Тепляков А. Г.

Партизанские социальные чистки на востоке России в 1919–1920 гг.: роговщина и трипищаницина

В истории краснопартизанского движения периода Гражданской войны имеется важный и драматический аспект, на который пока еще мало обращается исследовательского внимания. Речь идет о широком и повсеместном партизанском терроре против представителей как белой власти, так и целых слоев населения, считавшихся, с точки

зрения партизан, вредными «буржуями» или, например, «инородцами». Имена партизанских вожakov-анархистов Г.Ф. Рогова и Я. И. Тряпицына, контролировавших в 1919–1920 гг. обширные территории Кузбасса и Сахалинской области, остались в истории примером не только крайнего грабительства и разбоя, но и применением широкого социального террора. Партизанский террор, опиравшийся на традицию крестьянских самосудов и изощренные издевательства бывалых уголовников, обильно представленных в антиколчаковском повстанчестве, имел давнюю традицию и шел вслед за садизмом пугачевцев, вырезавших тысячами население захваченных уральских заводов вместе с женщинами и детьми [1], массово убивавших священников и сжигавших церкви [2]. Современный антрополог пишет, что когда в сообществе образуется дефицит культуры, высвобождаются те инстинкты первобытных людей (жестоких охотников-дикарей), которые обычно заглушены и скованы культурными нормами [3]. Возрождение архаического противостояния «свой-чужой» то и дело приводило к жестокому уничтожению тех, кого партизаны (преимущественно маргинализованные крестьяне) считали вредными чужаками: богатых, священников, чиновников, интеллигентов.

Разумеется, далеко не все партизаны были кровожадными садистами, но в тех многочисленных отрядах, где вожаки держали вооруженную толпу с помощью права на грабежи и убийства, творились невероятные жестокости. При этом не было принципиально, кто руководит отрядом: большевик, эсер, анархист или просто дезертир без какой-либо внятной политической ориентации. Самые «обычные» партизаны очень легко расправлялись с теми, кого считали врагами, не останавливаясь перед одновременными казнями сразу десятков, а то и сотен пленных или заложников. Многие до сих пор не опубликованные документы и мемуары позволяют увидеть реальное наполнение партизанской борьбы, где было не так много идейности и гораздо больше – анархического разбоя, доходившего порой до повального террора и сознательных чисток населения целых городов.

Крайняя жестокость партизанских расправ характерна для всех регионов, особенно для тех, которые были в наибольшей степени затронуты партизанщиной. Например, во время крупного Зиминского восстания на Алтае 6 августа 1919 г. в с. Большая Речка Ильинской волости Барнаульского уезда были арестованы до 50 зажиточных крестьян и представителей местной интеллигенции, которых водили по селу «и на ходу били прикладами, палками, плетьюми, кололи штыками. Заставляли говорить: «я – враг народа», «благодарю вас, товарищи», и это продолжалось почти весь день, а затем всех увели на скотское кладбище и полуживых закопали» [4]. В сентябре 1919 г. в алтайском с. Пещерка партизанами Г. Ф. Рогова был пленен и вырезан полный состав дружины Святого Креста: «Под настойчивым требованием многотысячного митинга крестьян, [которые] требова-

ли снять чалпан [голову – А. Т.], чалпаны были сняты, таковой была участь крестоносцев... в составе 250 человек...» [5].

Особенно жестоки были роговцы к населению захваченных городов, где расправы над «беляками» и «буржуями» приводили к массовым жертвам. Все призывы Рогова к соратникам неизменно содержали требования беспощадного террора ко всем «гадам» и «буржуям». Партизан-мордвин Нормайкин из с. Пещерка, «потрясая револьвером, часто говорил: «Если мне человека каждый день не убить – я не могу терпеть»» [6]. Описывая посещение штаба Рогова, А. Н. Геласимова вспоминала: «Высокий белокрысы паренё с большими дикими глазами подскочил ко мне и, выдернув из ножен окровавленную шашку, закричал: «А ты вот так можешь, чтобы шашка не просыхала от человеческой крови? Можешь?» [7] Один из отрядников роговца М. В. Белокобыльского откровенно вспоминал о кровавых намерениях партизан: «Прихода Красной армии жаждали. Но партизанам самим очень хотелось, так сказать, наложить лапу на город, т. е. произвести маленькую чистку беляков...» *Рогов указывал: «Лучше перерубить, чем недорубить. Останется какой-нибудь гад – вредить будет»* [8]. Участник отряда Белокобыльского вспоминал: «Наряду со всякими задачами у нас был уважаемый всеми лозунг: «Лучше перерубить, чем недорубить»» [9].

Самым известным преступлением Рогова является разгром Кузнецка (нынешний Новокузнецк) в декабре 1919 г. В начале 1920 г. член Сибревкома В. М. Косарев докладывал в ЦК РКП(б), что в Кузнецке погибло до 400 чел. [10] Скорее всего, цифра в 800 убитых, приведенная в одной из более поздних сводок Томской губЧК, ближе к истине [11]. Оценивая масштаб человеческих потерь в Кузнецке, следует учитывать и прозвучавшую по свежим следам на губсъезде представителей ревкомов и парткомов информацию председателя Кузнецкого ревкома: «было вырезано до 1400 человек, главным образом, буржуазии и служащих» [12].

После ухода из Кузнецка и жестокого разгрома Кольчугино и Гурьевска 21 декабря 1919 г. роговцы вместе с отрядами Томской дивизии В. П. Шевелева-Лубкова взяли Щегловск (Кемерово) и в контролируемой ими центральной части города устроили трехдневные погромы и резню: «...Ворвавшись в город, роговцы начали «чистку» города от буржуазии и колчаковской администрации. Заняв центр, они... перебили много людей. Пострадали женщины, дети и старики» [13]. О числе жертв достоверной информации нет; опубликованы сведения, взятые из мемуаров, о гибели десятков либо нескольких сотен горожан [14]. О жестоком погроме Щегловска определенно пишет современный историк, однако в новейшей краеведческой литературе дается неопределенная оценка: «Но пока мы не можем утверждать о массовых бессудных расправах, учиненных партизанами в Щегловске» [15]. Возможно, учитывая сведения А. Н. Геласимовой

о разоружении в городе целых воинских эшелонов и массовой ловле приезжавших в Щегловск «буржуев» и беженцев, из-за чего «пленными до отказа забили свободные дома, амбары, магазины, сараи», и ее признание, что в Щегловске было «уничтожено много колчаковцев, захвачены богатые трофеи» [16], главную массу жертв составили не горожане, а взятые в плен, в том числе гражданские лица – беженцы.

В материалах судебного следствия по делу Г. Ф. Рогова и его соратника И. П. Новоселова имеется авторитетное разъяснение известного партизанского командира П. Ф. Федорца относительно того, что было неправильным в карательной политике роговцев: «Террор красный [в деятельности партизан] господствовал и тут сказалась степень организованности. Где организация была, там всякого человека убивали только по установленной судом его контрреволюционности, и самая «смарка» производилась так, что не развивались зверские инстинкты. Где не было организации, там иногда, хотя очень редко, подпадали и невинные люди, и «смарка» происходила тогда в недопустимой обстановке. Это наблюдалось в отряде т. Рогова» [17].

На допросах Рогов старался все отрицать: «Во время моего пребывания в г. Кузнецке никакой резни не происходило, кроме чистки города от указанных местными организациями и жителями личностей. <...> Казни производились по усмотрению В[оенно-]Рев. [олюционного] к-та или согласно приговорам сельских комиссий». Новоселов был откровенней: «При моих глазах совершено убийств бесчисленное множество... я работал целый год и в течение этого времени не могу запомнить сколько мною уничтожено. ...Я приказывал и жертву вводили и изрубали. <...> Я признаю себя виновным в том, что в гор. Кузнецке совершено убийств при моем участии 40–60 жертв и я считал их жертвами революции» [18].

Дело роговцев в особом отделе было вскоре прекращено, ибо вполне доказанные погромы были расценены чекистами и военными как закономерный красный террор, пережесты которого не могли затмить «неоценимых услуг» партизан. В феврале 1920 г. роговцев освободили. Безнаказанным для них прошел и эпизод с казнью около 500 сдавшихся защитников Тогульской церкви на Алтае, когда отряд Белокобыльского в начале декабря 1919 г. сжег живьем несколько десятков пленников, а остальных зарубил: «...В эту ночь во дворе, где помещался штаб отряда зарубили 200 чел. и на другой день остальных 250–260 чел. Целые горы трупов, что бы не повлияло морально, [увезли, когда] в 4 часа ночи второго вечера... было представлено 50 подвод для увозки трупов на скотское кладбище...» [19]

Но безусловное первенство в жестокости среди всех партизан держит Я. И. Тряпицын, спаливший дотла в мае 1920 г. большой дальневосточный город Николаевск-на-Амуре и вырезавший не только огромную часть жителей областного центра и всей Сахалинской

области, но и японскую колонию, что дало Японии повод для крупного вооруженного вмешательства в российские дела. Роговщина и особенно тряпицынщина – примеры крупного, идеологически обоснованного вожаками классового (и частично этнического) террора. Как пронципально написал первый и самый компетентный исследователь тряпицынщины, пресловутая Николаевская коммуна «по дикому избиению тысяч ни в чем не повинных людей, включая грудных детей, по уточненнейшим пыткам большевистских палачей представляет собой апофеоз советского режима» [20].

В тряпицынском терроре был расистский оттенок: русские партизаны особенно охотно убивали евреев, китайские и корейские – японцев [21]. Позднее в «чистке» выявилась другая чудовищная сторона – преимущественное истребление детей и женщин, как перед бегством из Николаевска, так и после. В этих небывалых жестокостях была идеологическая основа – дети «буржуев» считались тоже «буржуями», только маленькими. На вопрос: «Говорили ли Вы, что в городе нужно уничтожить шестилетних детей, так как молока в городе мало?» председатель Сахалинского облисполкома Ф. В. Железин ответил, что «действительно высказался, что буржуазные дети свыше 12–13 лет уже неисправимо вредны» [22].

По оценке суда над Тряпицыным, на льду Амура после подавления японского выступления в марте 1920 г. валялось полторы тысячи трупов – японских и русских [23]. Узнав о приближении императорских войск, готовых отомстить за гибель японской колонии, Тряпицын решил доведенным до предельных границ красным террором продемонстрировать свою революционную последовательность. Для Тряпицына враждебный богатый город с большой иностранной колонией стал безответным полигоном для насаждения нового строя, физический избавленный партизанами от присутствия как собственно «белых гадов», так и их семей. Анархист Тряпицын и эсерка Лебедева, попутно арестовав и уничтожив «своих» коммунистов по подозрению в заговоре, проводили – причем в крайнем варианте – политику военного коммунизма. Ближайшее окружение Тряпицына составляли лица с уголовным прошлым – Биценко, Будрин, Лапта, Оцевилли-Павлуцкий, Сасов. Характерно, что вожди коммуны были официально признаны Москвой как советские правители Сахалинской области.

Если у Рогова получались «только» стремительные захваты городов и сел Кузбасса с погромами, резней и грабежами, то Тряпицын основал террористическое государство-коммуну, которое затем под натиском японских войск сам же и уничтожил. Банда Тряпицына пошла по пути социальной чистки предельно далеко, постановив предпринять полное уничтожение даже семей тех, кто был «буржуем», евреем или просто «не своим». То, что случилось в Николаевске-на-Амуре весной 1920 г., намного превзошло стихийный террор рогов-

щины в Кузбассе. Глубокая чистка была запланирована, тщательно подготовлена и проведена без малейших колебаний. По составленным спискам подлежало уничтожению около трех с половиной тысяч человек из числа как социально чуждых, так и замеченных в какой-либо нелояльности «своих». Почти месяц, приблизительно до мая, внесенные в списки систематически убивались небольшими партиями в заранее установленном порядке. Казни производились специально выделенными отрядами из преданных Тряпицыну русских партизан, корейцев и китайцев. Каждую ночь они отправлялись в тюрьму и по списку убивали определенное количество жертв [24].

Тряпицын и Лебедева, крича на заседаниях созданного облисполкомом 13 мая полномочного военно-революционного штаба: «Террор! Террор без жалости..!», подписывали весьма красноречивые документы. Например: «Мандат Пахомову. Срочно предписывается вам составить список лиц, подлежащих уничтожению. Революционная совесть ваша». Или приказ от 24 мая командиру 1-го полка: «Военно-революционный штаб предписывает вам привести в исполнение смертный приговор над арестованными японцами, находящимися в лазарете, а также над осужденными лицами, находящимися в тюрьме» [25]. Тряпицынцы «сотнями убивали женщин и детей (последних насчитывалось более 600)» [26]. 1 июня 1920 г. партизаны, груженные награбленным добром, включая полтонны золота и множество конфискованных драгоценностей, покинули пепелище Николаевска. Они бежали вверх по р. Амгунь к приисковому пос. Керби, поджигая на пути селения, прииски и драги, убивая всех подряд [27]. Жуткие сцены разыгрывались во время многодневного пешего перехода по тайге тысяч насильственно эвакуированных горожан, когда партизаны «ехали верхом на людях», а ослабевших женщин и детей тут же приканчивали [28]. По Амгуни плыло множество трупов: «Плыли женщины, дети и редко мужчины – с обрезанными ушами, носами, отрубленными пальцами, с резаными, колотыми штыковыми ранами. Хоронить их было запрещено» [29].

Сами партизанские власти признавали уничтожение половины населения области: об этом заявляла и их пресса, и суд, и председатель Сахалинского нарревкома Г.З. Прокопенко, писавший в конце 1920 г. правительству ДВР, что «пол области разрушено и половина населения выбита спущена под лед». По сведениям Прокопенко, в конце 1920 г. численность русского населения области составляла всего 17 тыс., инородческого – 1200 чел. [30] Отвечая на вопросы суда, Тряпицын уверял, что были ликвидированы враги революции, а за эксцессы отвечали исключительно подчиненные. Те, в свою очередь, поясняли, как проходил террор:

– Почему производились массовые расстрелы при эвакуации города?

– ТРЯПИЦЫН отдал распоряжение воинским частям уничтожать всю николаевскую буржуазию. <...>

– *Как производилось очищение тюрьмы при эвакуации города?*

– ЖЕЛЕЗИН держал бумагу и по списку спрашивал: «Кто его знает». ОЦЕВИЛЛИ или другой отвечал: «Я знаю это гад» и ЖЕЛЕЗИН ставил крест. <...>»

– Об какую жертву Вы сломали свой кинжал?

– При убиении одного жандарма» [31].

Тряпицын является одним из идеологов и практиков массовых чисток гражданского населения, включая сознательное уничтожение детей. Его сепаратизм, терроризм и ультраревOLUTIONНЫЙ авантюризм привели к ликвидации тряпицынской диктатуры руками партизан по инициативе большевиков и их спецслужбы. Если после стремительных роговских погромов Кузнецка, Кольчугино, Щегловска, Гурьевска и других населенных пунктов Кузбасса на арену сразу выступили военно-политические власти, ненадолго изолировавшие Рогова, то для ликвидации Тряпицына, добраться до которого было очень сложно, потребовалась специальная операция чекистов, замаскированная под инициативу «здоровых партизанских сил». Анархист Тряпицын был сторонником военного коммунизма, анархист Рогов – вооруженным противником этой политики. Общее у них – террор против всех «социально чуждых» на сходной идейно-криминальной основе.

Масштабные социальные чистки со стороны партизан видны и в других регионах. В конце 1920 г. отряды партизан из руководимой А. В. Мокроусовым Крымской повстанческой армии в г. Карасу-Базаре в ноябре 1920 г. арестовали до ста «вредных Советской власти элементов», большинство которых тут же расстреляли. А в Феодосии «за одну ночь было расстреляно 600–700 человек». Всего в ноябре 1920 г. крымские партизаны самочинно расстреляли не менее 3000 чел. [32].

Красная партизанщина принесла очень крупные демографические потери, истинный размер которых еще предстоит уточнить исследователям. По всей России это, несомненно, десятки тысяч жертв. Партизанский террор логично переходил в организованный красный террор, который проводили уже органы большевистской власти. На территориях Сибири и Дальнего Востока части внутренних войск, органы милиции и ВЧК формировались преимущественно из бывших партизан, что превращало их в исключительно кровожадные и полностью криминализованные структуры. Партизанщина в правоохранительных структурах приводила к повальному красному бандитизму, который власти долго терпели и достаточно аккуратно утихомиривали, ожидая, когда бессудные расправы над «белыми гадами» завершат грязную работу по социальной чистке побежденного

населения. Таким образом, после завершения Гражданской войны красный террор на контролировавшихся коммунистами территориях осуществлялся как в относительно упорядоченных формах (аресты и уничтожение органами ВЧК и трибуналами), так и с помощью многочисленных красных бандитов в низовых властных структурах из числа бывших партизан.

Примечания

1. Кашинцев Д. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773–1774 годов // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 142–163.
2. Пушкин А. С. История Пугачева // Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Л.: Наука, 1978. Т. VIII. Гл. 7, 8.
3. Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб, 2010. С. 395.
4. Алтайский вестник. 1919. № 163. 7 сент. С. 3.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1162. Л. 31; Д. 1166. Л. 61–62.
6. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 59.
7. Геласимова А. Н. Записки подпольщицы. – М., 1967. С. 239.
8. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1168. Л. 7–8; Смирнов Д. Я., М. И. Ворожцов (Анатолий). Барнаул, 1958. С. 57.
9. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1168. Л. 7–8.
10. Сибирская Вандея. Документы. В 2-х тт. / Сост. В. И. Шишкин. Том 1 (1919–1920). М., 2000. С. 65.
11. Сибирская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 1. 1918–1922. Документы и материалы. М., 1998. С. 257. Та же цифра убитых в Кузнецке приводилась в 1925 г. местным райкомом ВКП(б): «...Убито было до 800 человек за дело и без дела...» // Бедин В., Кушникова. М., Тогулев В. Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. – Кемерово, 1999.
12. Партизанское и повстанческое движение в Причумышье 1918–1922 гг. Документы и материалы / Под ред. Г. Н. Безрукова. – Барнаул, 1999. С. 125.
13. Геласимова А. Н. Записки подпольщицы... С. 251.
14. Усков И. Ю. Рождение города. Кемерово, 2011. С. 178; Лопатин А. А. Была ли сожжена церковь в Щегловске? (мифы и действительность) // Балибаловские чтения. Материалы научно-практической конференции. Кемерово, 2008. Вып. 5; Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006. С. 260.
15. Звягин С. П. Кузбасс в годы Гражданской войны. Омск, 2007. С. 58; Усков И. Ю. Рождение города... С. 177.
16. Геласимова А. Н. Записки подпольщицы... С. 250.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 322. Л. 64–66.

18. Там же. Л. 24 об.
19. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 6–7.
20. Гутман А. Я. (Анатолий Ган) Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924. С. 9.
21. Террор партизан А. В. Мокроусова в Крыму в 1920 г. также имел шовинистическую окраску, выливаясь в массовые убийства немецких колонистов и зажиточной части крымско-татарского населения.
22. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 23. Л. 3 об.
23. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. – Новосибирск, 1996. С. 101.
24. Гутман А. Я. Гибель Николаевска на Амуре... С. 103–104.
25. Смоляк В. Г. Междоусобица. По следам нижнеамурской трагедии. – Хабаровск, 2009. С. 74–76.
26. Мельгунов С. П. Еще одна жуткая страница // Современные записки. 1924. Кн. XXI. С. 381.
27. Смоляк В. Г. Междоусобица... С. 76; Колесникова Н. Дуновение жизни // Словесница искусств (Хабаровск). 2008. № 21–22. С. 27.
28. Фефилов П. Л. Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине // Хлебниковские чтения. Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия». Вып. 1. – Комсомольск-на-Амуре. 2010. С. 84.
29. Колесникова Н. Дуновение жизни... С. 28.
30. ГА РФ. Ф. Р-4284. Оп. 1. Д. 1. Л. 121 об., 130.
31. Жуковский-Жук И.И. Н. Лебедева и Я. Тряпицын. Партизанское движение в низовьях Амура. Чита, 1922. С. 88; ГАНО. Оп. 2. Д. 23. Л. 2–3.
32. Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 909.

Яценко В. Г.

Два очага антибольшевистских восстаний казачества на Среднем Дону (лето 1921 г.)

Политика «военного коммунизма» в марте 1921 года сменилась Новой экономической политикой. Но, несмотря на существенное снижение экономического давления, антибольшевистские выступления в сельскохозяйственных районах юга России возникали вплоть до 1923 года. Продолжение вооруженной борьбы крестьян и казачества, возможно, было связано с обременительными налогами и инерцией сопротивления повстанцев. Предложенная на суд читателя статья

рассказывает о неотраженных ранее в отечественной историографии событиях, происходивших на Среднем Дону (территория современной Волгоградской области) летом 1921 года. Восстановить ход событий помогли документы Государственного архива Волгоградской области.

В июне 1921 года на Среднем Дону активизировалось антибольшевистское повстанчество. К июлю 1921 года здесь сформировались два крупных очага восстаний: в степях Урюпинска и в хуторах станицы Нижне-Чирская). В этих районах действовало несколько крупных (более 100 бойцов) вооруженных групп и десятки мелких отрядов, численностью до 30 сабель. В оперативных сводках мелькали имена таких полевых командиров, как Махно, Маслаков, Мотарыгин, Фомин, Разнополов, Седов, Жуков [1].

В двадцатых числах июля в Хоперский округ проникает группировка махновцев, объединившая отряды Маслакова и Махно [2]. Агитации махновцы на Дону не проводили. Хотя некоторые небольшие отряды проходили по хуторам с лозунгами за «Учредилку» и «Махно» [3].

Крупные силы были также у полевого командира Петра Ивановича Мотарыгина – от 300 до 500 сабель при двух пулеметах. Его отряд подымал восстание в районе Урюпинска [4]. Петр Мотарыгин, бывший царский офицер, бежал из Хоперской тюрьмы и организовал из местных жителей повстанческий отряд. Судя по показаниям пленных партизан, Мотарыгин имел тесные связи с Тамбовской повстанческой армией Антонова, которая поставляла ему пулеметы и патроны. С антоновцами они планировали поднять в хуторах восстание и захватить Урюпинск. В Урюпинске повстанцы собирались разжиться деньгами и вооружением [5]. В середине августа мотарыгинцы поочередно занимали Урюпинские хутора Серковский, Дуплятский, Судачий, слободы Успенка и Михайловская. В колоннах восставших были замечены до 150 кавалеристов, около 400 пехотинцев и большой обоз хлеба [6]. Впрочем, развернуть восстание в полную силу Мотарыгину не удалось, так как в это время его союзник, Тамбовская повстанческая армия, был практически полностью уничтожен войсковой группировкой Тухачевского [7]. Дальнейшая судьба партизанского отряда Мотарыгина пока неизвестна.

Крупное «кулацкое» восстание произошло в августе 1921 года в междуречье Донская Царица – Аксай Есауловский. Не смотря на отмену продразверстки, социальный конфликт на Среднем Дону не был урегулирован. Казачье население Нижнечирских хуторов перенесло свою ненависть на натуральный налог, который также считался инструментом государственного грабежа и насилия. Различные нормы обложения натуральным налогом для различных слоев сельского населения приводили к взаимной вражде односельчан. Бедняки, у которых ничего за душой не было, поддерживали советскую власть.

Средняки же и кулаки противодействовали ей. В то же время из сводки в сводку кочует одно и то же наблюдение: казачье население противопоставляет хороших большевиков и плохих коммунистов («к РКП отношение самое враждебное») [8].

Социальную борьбу внутри деревни того времени можно проиллюстрировать следующим доносом. Некая гражданка Варвара Рыбникова (уроженка Нижнечирского округа) отправила 18 июля в местную милицию жалобу на своих соседок Досину и Пескову, которые утверждали, что «будто бы мы [большевики – В.Я.] гоняем за бандами, [но] вы сами банда, и ни черта вы их не поймаете, потому что они идут против грабежа». Досина и Пескова утверждали, что вот мол «были наши, у нас было все, пришли красные, все у нас позабирали». Далее женщины прибегли к прямым угрозам: «Мы вас в тылу перебьем, пока ваши [мужья – В.Я.] будут гоняться за бандами». Досина, видимо, в порыве гнева, произнесла во время бытовкой перебранки воистину шекспировскую фразу: «Ваши рожи красные от моих рук не уйдут! Нас много. Всех не перевешаете!» [9]

Уже в конце июня в нижнечирских степях действовали партизанские отряды в 15–30 сабель. «Изловить мятежников, – бы донесениям начоперчасти окрмилиции-2, – было очень трудно, так как у них хорошие лошади, у нас нет никаких и людей при управмилиции только пятеро». Также местная милиция испытывала крайний недостаток в вооружении и в симпатиях местного населения. «Поэтому, – подводит итог начоперчасти, – милиция бессильна» [10].

Партизаны истребляли коммунистов и совработников, грабили коллективные хозяйства и кооперативы. Так, 12 июля в хуторе Верхнесолоновский зарублены пять партийцев. 23 июня в хуторе Елкино был убит коммунист Поненин (неразб.) [11]. 30 июля партизаны убили Антонова, старшего милиционера второго района Второго Донокруга. 6 августа в районе Соленой Бузиновки был ограблен Суворовский кооператив. Подобная практика «мелких уколов» была свойственна партизанам всей Донобласти, но в этом районе их действия спровоцировали вспышку антибольшевистского гнева местных жителей.

В начале августа началось восстание. Повстанческие отряды, «из коих часть бандитов установлена из местных кулаков», выросли в течение нескольких дней до 200 человек. 5 августа была замечена крупная партизанская группировка в 150 сабель при двух пулеметах. Во второй половине дня в хуторе Цымломом они зарубили двух милиционеров [12]. В очаге восстания 8 августа мятежники обезглавили волисполкомы сел Бузиновка и Новопетровский: часть чиновников местной власти была уничтожена, остальные оказались в плену. Разведка повстанцев оперировала в окрестностях станицы Нижне-Чирской. В хуторе Ильмене и коммуне Потемкинской станицы разведчики зарубили шесть человек.

10 августа утром между властями станицы Нижне-Чирской и Царицынской губчека завязалась интенсивная переписка. Из Нижнего Чира в центр была отправлена телеграмма с настоятельной просьбой: применить в зоне восстания режим «красного террора», а именно, «провести в этих волостях приказ губчека №119 и секретное постановление губисполкома», применив их к повстанцам. Проведение «красного террора» предлагалось возложить на Особую комиссию, в которую должны были войти три человека: Акимов, член парткома, Сорокин, член окрисполкома и Крапива (неразб.), замначполитбюро. Также нижнечирские власти предлагали «для повышения революционной дисциплины» организовать в селах, охваченных восстанием, Ревкомы, в которые бы вошли сотрудники Политбюро.

Член коллегии Царьгубчека Карл Пога в тот же день выслал ответ: «объявить Красный террор кулакам и бандитам, действующим в указанных вами волостях, не можем. Учинить расправу [над] ними возможно лишь в установленном в Республике порядке, поэтому приступите к арестам и изоляции кулаков-бандитов, их пособников, укрывателей, возьмите заложников и всех этих лиц направьте в губчека». Пога также указывал окружному Политбюро на необходимость усиления агентуры.

Нижнечирские власти не удовлетвоались таким ответом. Они указывали на то, что борьба с восставшими кулаками уже проводится в рамках законности. «Но их, гадов, этим не сломишь, – возмущались местные руководители. – Необходим железный кулак и пуля, демонстративно ... террор... для назидания и нравоучения». Предлагалось с бандитами и их соучастниками не церемониться, и, даже в случае их добровольной явки с повинной, незамедлительно расстреливать. Нижнечирские власти настаивали также на срочной организации Ревкомов в местах охваченных восстанием, так как там «товарищи коммунисты не могут нести работы». В ответной телеграмме губернские чекисты вводить режим красного террора не позволили, но разрешили создать Ревкомы в селах Новопетровский и Бузиновка [13].

В начале сентября Нижнечирское восстание было подавлено силами милиции и красных частей. Сопrotивление большевистскому режиму приняло скрытые формы.

Примечания

1. Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. С. 85–86.

2. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО) Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 80.

3. ГАВО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 4. Л. 173.

4. Там же. Л. 104.

5. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 45. Л. 88.

6. ГАВО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 34. Л. 275, 284, 291.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 420; В. И. Михеев. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920-х – начале 1930-х гг. // Отечественная история. 2005, № 6, С. 80.
8. ГАВО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.
9. ГАВО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 4. Л. 164.
10. ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 375. Л. 35.
11. ГАВО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 4. Л. 138, 155.
12. ГАВО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 80.
13. ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 375. 27–32, 35–37.

Николаев И. Е.

**Государственно-правовое противодействие процессу
институционализации политических партий
Советской Украины в 20-е годы XX столетия**

В представленном докладе на основе широкой историографической и источниковой базы проанализированы историко-правовые аспекты становления советской тоталитарной системы. На примере Украины показаны правовые механизмы, применявшиеся большевистской властью в борьбе с альтернативными партиями.

Одним из самых бурных столетий в человеческой истории стал XX век. Две мировые и Холодная война, социальные катаклизмы и эксперименты, научно-техническая революция – все это до неузнаваемости изменило как мир, так и условия жизни в нем. В череде социальных экспериментов особое место занимают события 1920-х годов. В этот период особую популярность как новое, но активно развивающееся течение набирает тоталитаризм.

Вследствие чего одним из приоритетных направлений современного научного анализа в осмыслении советского прошлого является исследование содержания, особенностей и тенденций правового регулирования вопросов генезиса тоталитарной системы, неотъемлемой составляющей которой является полное единовластие определенной политической силы. Все это актуализирует анализ историко-правовых аспектов ликвидационной политики большевиков по отношению к оппозиционным партиям периода становления тоталитарной системы.

Приход к власти большевиков обозначил отказ правящего режима от открытого политического единоробства, установления диктатуры пролетариата, единственным выразителем интересов которого являлась большевистская партия. С ноября 1917 года большевики и их тогдашние союзники, левые эсеры, вводят политику государственного преследования политических партий, находящихся на

«антисоветской платформе». При этом все несоциалистические партии рассматриваются как «буржуазные» и «контрреволюционные». Изданный Декрет Совета народных комиссаров «Об аресте вождей гражданской войны против революции», инструкции «О революционном трибунале» официально вводят тенденциозные термины, возрождающие якобинские лозунги Французской революции «революционная необходимость», «враг народа» и другие [1].

Для придания юридической легализации ликвидационному процессу создавалась правовая система, направленная на невозможность существования альтернативных ВКП(б) сил. Учитывая, что Украина являлась составной частью образованного 30 декабря 1922 года Союза Советских Социалистических Республик, партийно-политические процессы в ней развивались в унисон общесоюзным.

В целом, основные элементы советской политической системы сформировались в период гражданской войны. К ним относятся закрепление руководящей роли правящей партии в системе государственного управления, жесткая централизация общества, военизированный тип построения и управления органами власти, утверждение концепции партийной диктатуры. Украинская Социалистическая Советская Республика, образованная местными сторонниками большевиков в 1919 году, в целом имплементировала политико-правовые принципы, действующие в Советской России. Во главу угла ставилось доминирование революционной законности и целесообразности для утверждения «диктатуры пролетариата». Отвергались парламентаризм, альтернативность идей и конкурентная борьба.

Под гегемонию большевистской партии выстраивалась система центральных и местных органов советской власти. По Конституции УССР, принятой в 1919 году, центральные органы власти олицетворялись Всеукраинским съездом Советов, Всеукраинским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК), Советом Народных Комиссаров (СНК). Местную власть представляли губернские, городские, уездные, волостные и сельские советы. Именно на данные властные структуры возлагалась задача правового оформления большевистской политики. Основными правовыми источниками становятся декреты Всероссийских съездов Советов, ВЦИК, Совета Народных Комиссаров, ВЧК, приказы народных комиссаров, акты местных советов, циркулярные распоряжения органов безопасности и государственной власти.

Вместе с тем изначально большевики вынужденно мирились с присутствием в Советах представителей социалистических партий. I Всеукраинский съезд Советов, открывшийся 4 декабря 1917 года в Киеве, характеризовался численным перевесом украинских социалистических национально-демократических сил, что заставит большевиков, вместе с поддержавшими их левыми эсерами, левыми

украинскими социал-демократами и меньшевиками-интернационалистами перенести съезд в контролируемый большевиками Харьков. До V съезда Советов (1921 год) состав делегатов и избранных ими руководящих органов (ВЦИК и Президиум ВЦИК) сохранял элементы многопартийности. Членами Президиума ВЦИК в 1919 году являлись украинские социалисты-революционеры Г. Михайличенко и Н. Шумский, в 1920 борбист Е. Терлецкий и другие. [2]

С усилением позиций большевистской партии в стране отпадает необходимость в минимальной демократизации работы Советов. Если первые Всеукраинские съезды (1917–1922) проходили с элементами дискуссии относительно путей дальнейшего политико-экономического развития Украины, среди депутатского корпуса кроме коммунистов пребывали представители партий социалистического направления, то постепенно функции решения политических проблем переходят к партийным комитетам. Наивысший (по Конституциям УССР 1919 и 1925 годов) орган власти в республике лишь поддерживал предложенные партийно-государственной номенклатурой решения, законодательно регулируя нормы дальнейшего общественного развития.

Доминирующую роль в правовом утверждении советского тоталитаризма сыграла концентрация власти в руках правящей партии. После Октябрьского переворота лидеры большевиков неоднократно заявляли о победе пролетарской революции, вследствие которой власть перешла в руки рабочего класса. Изначально декларировалось, что это «неограниченная никакими законами», действующая, «опираясь на насилие и поддержку всех трудящихся», диктатура пролетариата, функционирующая в формате Советов. Если в организации системы советов и их деятельности в начале 1918 года принимали участие левые эсеры, часть партии меньшевиков, то 14 июня 1918 года, когда Советская власть закрепилась в большинстве районов, ВЦИК исключил из Советов всех уровней меньшевиков и эсеров. А после 6 июля 1918 года, мотивируя реакцией на эсеровское восстание, выдворены из Совнаркома представители левых эсеров.

Дискриминационная политика большевиков по отношению к политическим оппонентам проявилась при работе высшего органа публичной власти VIII Всероссийского Съезда Советов. Несмотря на незначительное численное представительство альтернативных большевикам сил, с целью недопущения контрреволюционных проявлений при принятии решений государственной важности депутатский корпус был разбит на две неравномерные части. Как следует из отчета об его работе, размещенного в издании ЦК КП(б)У «Коммунист», всего присутствовало 2418 депутатов. Из них 1640 обладали решающим голосом. 778 делегатов наделялись совещательным голосом, имея права участвовать в работе Съезда лишь с консультативными функциями. В число депутатов с решающим

голосом вошло 1539 коммунистов, 101 беспартийный, 1 бундовец. Представители оппозиционных партий, наделенные совещательным голосом, лишались фактического права в принятии практических решений. Так, консультативными функциями наделялись представители бундовцев (5 человек), меньшевиков (4), «Поалей-Цион» (3), по 1 – эсеры, анархисты и еврейские социалисты. [3]

С окончанием гражданской войны отпала необходимость даже в ситуативных союзах с социалистическими силами. На их полное отстранение от активной политической жизни ориентировалась служебная документация органов ЧК. 18.07.1921 за подписью Ф. Дзержинского выходит распоряжение к чекистским организациям, в том числе и Украины, обязующее с особой тщательностью подготовить на местах обоснование для окончательного исключения меньшевиков из Советов. Альтернативные позиции социал-демократов на общественные процессы безапелляционно трактуются, как: «Высказывание зрителей и помощников разрухи, хаоса, подстрекателей нового Кронштадта». [4]

1920-е годы становятся периодом интенсивной законодательной и кодификационной работы. Принимаются и набирают силы гражданский, криминальный, земельный, гражданско-процессуальный, криминально-процессуальный кодексы и другие. С образованием Союза ССР на территории Украины начинают действовать общесоюзные законодательные акты, на основе которых разрабатываются законы и кодексы УССР.

Главные задачи социально-политического развития страны периода раннего тоталитаризма нашли свое законодательное отображение в Конституциях Украинской Социалистической Советской Республики, принятой ВЦИК 14 марта 1919 года, второй Конституции УССР от 15 мая 1925 года и Конституции СССР 1924 года. В них советская власть объявлялась «властью победившего пролетариата и трудового крестьянства», а эксплуататорские классы, к которым относились и представители оппозиционных партийных образований, лишались политических и многих гражданских прав. В первую очередь это касалось права выбирать и быть избранными в органы государственной власти. Последовательно воплощая в жизнь классовую теорию, правящая партия отстраняла любой «идеологически ненадежный элемент» от рычагов государственного управления. Следует отметить, что указанные Конституции определяли лишь общие категории граждан, лишенных избирательных прав, а в практической жизни деятельность власти на местах регламентировалась многочисленными инструкциями.

Сформированная на основе данных конституционных принципов законодательная система периода раннего тоталитаризма зарождает такой правовой источник, как «революционная сознательность», синонимом чему выступает «правовая сознательность»

трудящихся масс». Эти термины оперируются в официальных документах. В сборнике законодательств УССР № 22 за 1919 год, указывается, что судебные решения и приговоры должны отвечать принципам социалистической правовой сознательности. А в Инструкции Народного комиссариата юстиции УССР «О порядке амнистии» от 01.11.1920 года говорится, что приговоры выносятся в соответствии с революционной правовой необходимостью, что свидетельствует о нигилистическом отношении большевикам к нормам государственного права [5].

Подобная правовая база являлась основой служебной документации органов ЧК-ГПУ в борьбе с альтернативными партиями. В Приказе ВЧК о карательной политике чекистских органов от 08 января 1921 года в Украине вместе с констатацией победы в гражданской войне и отсутствии опасности буржуазного переворота главными потенциальными врагами называются представители оппозиционных партий. В частности, речь идет: «Что нам угрожает на контрреволюционном фронте? Антантовский шпионаж, террористические акты и подпольная организация правых эсеров, которая старается использовать неурожай и голод на селе, спровоцировать и объединить восстание кулаков... Придерживаясь принципов революционной целесообразности, необходимо всех подозреваемых, которые могут принять участие в активной борьбе, беспартийных офицеров, или лиц правоэсеровского, меньшевистского, анархо-махновского и им подобного толка необходимо держать на учете, обнаруживать и проверять...» [6].

Инструкция Ф. Дзержинского, направленная в местные структурные подразделения ГПУ 22 марта 1923 года, касательно борьбы с меньшевиками требовала: «Одна из главных задач сегодняшнего дня – обезоружить меньшевиков». Для этого формулировался целый ряд мероприятий, необходимых для реализации по линиям партийной, советской власти и Государственного политического управления.

Утверждению единой идеологии и однопартийной системы власти оказывала содействие государственная монополия на информацию, введенная большевиками с первых дней прихода к власти. Как подчеркивал В. Ленин: «Свобода печати в Советской стране является свободой политической организации буржуазии и ее верных слуг – меньшевиков и эсеров... Мы самоубийством заканчивать не собираемся». Вследствие чего повышенное внимание отводилось контролю над периодической печатью. Декретами Совнаркома закрылись либеральные, правосоциалистические газеты и журналы кадетов, эсеров, меньшевиков и других оппозиционных сил. Над всеми другими изданиями установлена жесткая цензура.

В 1922 году принимается первый Уголовный Кодекс РСФСР, на основе которого разрабатывается кодификация других союзных республик. Кодекс состоял из двух частей – «Общей» и «Специальной»

(Особой). В статье 6 формулировалось определение преступления: «Преступлением признается всякое общественно небезопасное действие, либо бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период». Особая часть квалифицировала виды преступлений, конкретные санкции.

Предшествовал принятию Кодекса Общероссийский съезд деятелей юстиции в январе 1922 года. Докладчик, профессор М. Рейснер полагал, что идеалом правового фундамента советской республики является диктатура пролетариата, как главный момент организации системы Советов. Делал ударение на недопустимости участия в процессах правового строительства любых антисоветских элементов – меньшевиков, эсеров, анархистов, бывших монархистов и белогвардейского элемента [7].

В феврале 1923 года в ГПУ поступает секретный циркуляр, одобренный лично В. Лениным, в котором вопрос ареста активных членов и ликвидации альтернативных политических сил в целом ставится на научную основу. Особое место в нем отведено закреплению большевистской гегемонии репрессивным путем. Циркуляр определяет категории потенциально опасного для официальной власти населения. Среди них на первом месте (всего их шесть) идут члены антисоветских политических партий и организаций, далее бывшие члены монархических союзов и организаций, третьими бывшие члены дореволюционных политических партий. Эти мероприятия, по замыслу составителей Циркуляра, сделают невозможными происки «антисоветских сил» и «реставрацию капитализма» [8].

В марте 1923 года Политбюро ЦК РКП(б) в русле ленинского циркуляра принимает постановление «О меньшевиках». Согласно которому меньшевики должны быть исключены из всех государственных, профессиональных и кооперативных учреждений, где они имеют возможность общаться с пролетариатом. Дать директиву судебным органам за распространение или хранение меньшевистской литературы привлекать к ответственности согласно Уголовного кодекса по статье «контрреволюционная деятельность». Сформированной партийной комиссии, в состав которой вошли В. Молотов, Н. Бухарин, Й. Уншлихт, поручалось воплотить в жизнь политику суровой дисциплинарной ответственности к местным партийным руководителям, если в их аппараты проникают даже одиночные меньшевики. [9]

В связи с чем В. Молотов направляет шифрограмму в ЦК КП(б) У с требованием предоставить отчет, как в Украине выполняется решение Политбюро ЦК РКП (б), какие осуществлены мероприятия и количественный состав арестованных меньшевиков.

Ведомственные реорганизации, направленные на повышение эффективности в борьбе с «антисоветскими силами», происходят и в ГПУ. 15 ноября 1923 года утверждается положение об ОГПУ. 18

марта 1924 года в дополнении к Коллегии ОГПУ создается Особое совещание, преобразованное в орган внесудебного расследования. Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 года «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» узаконивало ссылку сроком от 3 до 10 лет «социально опасным» гражданам. Объяснялось, что для решения вопроса о высылке необходимо осуществление какого-то преступления. Члены оппозиционных партий априори классифицировались как элемент, не принадлежащий к классу трудящихся, осуществляющий антисоветскую деятельность вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов. По данным ОГПУ Украины, выполняя Постановление ЦИК, в период второй половины 1924–1925 годов на поселения, в большинстве своем это регионы, входившие с 1918 по 1924 год, в состав Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики, было выслано 986 человек, 572 из которых в разное время состояли в рядах «антисоветских» партий [10].

Таким образом, анализ правовой политики большевистской партии относительно оппозиционных сил дает основания утверждать, что главная задача правящей силы заключалась в построении тоталитарного общества, что нашло свое законодательно-правовое отображение в Конституциях УССР и СССР 1919, 1924 и 1925 годов. Практическому воплощению конституционных норм способствовали многочисленные законодательные акты, решения, директивы, циркулярные распоряжения органов партийно-государственной власти и силовых структур. В них советская власть позиционировалась как «единственный выразитель интересов рабочего класса и трудового крестьянства», а альтернативные ей силы считались эксплуататорскими, контрреволюционными, антисоветскими. Вследствие чего советское право взяло курс на политическую дискриминацию, лишение гражданских прав, участия в работе управленческих органов и любых возможностей легальной деятельности политической оппозиции.

Примечания

1. Шитюк М. М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20–50-ті роки ХХ ст./ Микола Миколайович Шитюк. К.: Геліон 2001. С. 48.

2. Центральный Государственный Архив Высших Органов Власти Украины (ЦГАВОВ). Ф. 1, оп. 1, дело. 1, стр. 34, 100.

3. Государственный архив Полтавской области (ГАПО). Ф. 3872. Оп. 1. Дело № 560. С. 15–16.

4. Бакунин А. В. Генезис советского тоталитаризма // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 104–105.

5. Государственный Архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф.13. Дело № 260. С. 54.

6. ГА СБУ. Ф. 13.- Дело № 254. С. 12.

7. Скрыпников А. В., Молодцов Э. В. Советская юстиция как основа тоталитарной системы // Евразийский юридический журнал. 2011. № 9 (40). С. 37.
8. ГА СБУ. Ф. 13. Дело № 1029. С. 8–9.
9. ГА СБУ. Ф. 13. Дело № 423. С. 11.
10. ГА СБУ. Дело № 193. С. 73.

Мешковая С. И.

Трудовая деятельность женщин, лишенных избирательного права, в УССР (1921–1931 гг.)

С 1919 г. в Украинской Советской Социалистической Республике началось воплощение в жизнь основополагающего постулата большевистской власти о «беспощадном подавлении эксплуататоров», представляющих угрозу «трудящемуся и эксплуатируемому народу» [1]. Началась реализация процесса искусственной десоциализации путем лишения избирательного права граждан, чье социальное происхождение или образ жизни не соответствовали марксистско-ленинской догме. «Лишенцы», «бывшие люди», «чуждый элемент», «нэлманы», «мелкобуржуазные пережитки» – так именовались они с оттенком классового высокомерия. Схожим с официальным часто было и общественное мнение. Выразителем его можно считать, например, М. М. Зоценко. В своих произведениях писатель беспощадно высмеивал «уходящих типов», «мелких» людей, «постороннего человека в жизни», не выдерживающих натиска «ураганной идеологии» [2. С. 197; 3. С. 196; 4. С. 29; 5. С. 333].

Выброшенные на обочину социума, ущемленные не только в избирательном, но и в ключевых гражданских правах, «лишенцы» вынуждены были выживать самостоятельно. Кому-то из них удавалось открыть собственное дело и сколотить капитал, кто-то, скрыв происхождение, устраивался на службу в советские учреждения и ведомства, кто-то влачил жалкое существование, перебиваясь случайными заработками, занимаясь отхожим промыслом или нищенствуя. Но у всех у них было общее чувство – страх! Страх перед разоблачением, индивидуальными чистками, выселением из квартир и городов, арестом, потерей рабочего места и средств к существованию. С ужесточением тоталитарного режима, страх многократно усиливался и уже «в середине двадцатых годов... столб воздуха на плечах стал тяжелее ... люди вдруг стали избегать общения друг с другом ... наступило онемение, появились первые симптомы летаргии. О чём разговаривать, когда все уже сказано, объяснено, припечатано?» – писала в своих воспоминаниях Н. Я. Мандельштам [6. С. 40–41]. Для «лишенцев», говоря словами М. М. Зоценко, жизнь превращалась

в смертельную борьбу за право существовать на земле [7, с. 270]. И уже не слышно бичующей сатиры в этой почти сочувственной фразе советского классика.

Независимо от пола изгой неизменно находится в состоянии перманентного стресса, испытывает жесточайший психологический дискомфорт. Но все же можно предположить, что наиболее уязвимыми в сложившейся ситуации становились женщины. Безжалостная социальная изоляция, неуверенность в завтрашнем дне и все тот же пресловутый страх не могли не сказываться на душевном и физическом состоянии тех, кто призван создавать и хранить домашний очаг, рожать и растить детей, быть ответственной за их жизнь и судьбу. Тоталитарное советское государство, спровоцировавшее частичную маргинализацию общества, вынуждало отверженных им женщин «лишенок» отчаянно бороться за выживание.

В данной статье на основе материалов Государственного архива Харьковской области и Государственного архива города Киева предпринята попытка исследования основных видов трудовой деятельности «лишенок» на примере жительниц двух крупнейших украинских городов, прежде всего – столичного Харькова. Анализ данной проблемы позволяет получить представление о способах существования советских маргиналок, понять их психологию и гендерные проблемы.

Долгое время в отечественной исторической науке (а не только в общественном сознании) господствовал грубо навязанный «сверху» образ пошлой, ожиревшей, отупевшей от нескончаемой сытости «лишенки»-торговки, сродни литературной мадам Грицацуевой. Был и другой вариант – разодетой в пух и прах, жеманной, subtilной пустышки, высмеянной В. В. Маяковским:

«... Нравятся
мальчикам
в маникюре пальчики.
Играют
этим пальчиком
нэпачки
на рояльчике ...» [8, с. 490].

Не стоит огульно отрицать существование ни тех, ни других. Но все же анализ источников свидетельствует о том, что подавляющая масса «лишенок» была совсем иной. Их социальное происхождение отличалось неоднородностью. В документах упоминаются бывшие дворянки, владелицы крупных имений «со службами и 500–600 десятинами земли», супруги белых офицеров и мировых судей; купчихи и крупные предпринимательницы (сохранились, например, сведения о некоей харьковчанке Рорбоконь – бывшей шахтовладелице, М. Н. Корятиной – бывшей владелице конного завода и «харьковских бегов», крупных домовладелицах); интеллигентки – в

прошлом наставницы гимназий или преподавательницы музыки; родственницы служителей религиозных культов, чаще всего православного и иудейского; дочери служащих; дочери кулаков и даже беднейшие крестьянки, пытавшиеся устроить свою судьбу в городе [9, л. 33, 104, 76; 10, л. 6; 11, л. 71; 12, л. 26]. В безудержном водовороте социальных пертурбаций и классовой борьбы женщины из некогда высших или богемных кругов неизбежно утрачивали сословный доск, сливаясь с обезличенной женской массой обновленного государства. Те же, кто и раньше не мог похвастаться достойным происхождением, продолжали пребывать в незавидном положении, испытывая новые притеснения и нужду.

Между тем в первое десятилетие советской власти множество женщин, даже оказавшись вне социума и лишившись поддержки государства, по-прежнему не работали и находились на иждивении родственников. Данная ситуация вполне отвечала многовековым устоям российского и украинского обществ, где предназначение женщины сводилось к исполнению функций домохозяйки, своеобразного «организатора» быта мужчины. Обычным делом было указывать в документах: «жена бывшего попа, ... на содержании сына, который служит за бухгалтера на Донецкой железной дороге»; «жена бывшего офицера царской армии, теперь на содержании племянницы – воспитательницы детского дома»; «на содержании родителей, которые кустарничают»; «сдала патент 1/Х-28 г., ... на содержании сына-партийца фабрики обуви им. Кагановича»; «жила на иждивении торговца, административно высланного за контрабанду»; «иждивенка братьев из Америки»; [9. Л. 28. 33, 35, 41, 104; 13. Л. 61]. Но в случае, когда поддержка и опора отсутствовали, женщины вынужденно начинали зарабатывать на жизнь.

Анализ архивных документов позволяет составить своеобразный рейтинг основных видов трудовой деятельности «лишенков» УССР в период новой экономической политики. Бесспорное первенство принадлежало мелкой коммерческой деятельности, главным образом частной торговле. Документально зафиксированы случаи, когда женщины торговали по патентам 1-го, 2-го и 3-го разрядов [14. Л. 5; 15. Л. 2Б; 10. Л. 6; 9. Л. 43]. Но нередки и упоминания о гражданке, «торгующей семечками вразнос», о О. В. Яковлевой, лишенной прав «за торговлю продуктами, но без патенту ... своими», о торговке бубликами Р. Д. Сонькиной и других [15. Л. 40; 14. Л. 3, 16; 13. Л. 65]. Само по себе занятие торговлей являлось веской причиной для поражения в правах. Тем не менее это была вынужденная мера, на которую сознательно шли попавшие в тяжелые жизненные обстоятельства женщины. Вот как объясняла факт занятия торговлей уже упоминаемая выше харьковчанка О. В. Яковлева в заявлении о восстановлении «в праве голоса» (стиль, орфография и пунктуация документа сохранены – Авт.): «В 1918 году выдя замуж ушла от род-

ных на квартиру поступила на работу Канатный завод. Проработала около четырех лет. Обсеилась детьми. Муж повел жизнь не самостоятельную, начел тенуть из Дому все. Я решила остаться дома с детьми на изживении его. Видя мое положение мене мать родная дала корову для поддержания моей жизни. Имея корову выносила на рынок молоко. Бывали редкие случаи, что я продавала и масло. Это все заставляла делать меня моя жизнь связанная с недостатком материальных условий» [14. Л. 5].

Кроме торговли, женщины-«лишенки» осваивали другие виды предпринимательства. В Харькове некая Альберт-Шляпникова «имела косметический кабинет, наемным трудом не пользовалась, вообще отзывы хорошие» [9. Л. 35]. Дочь торговца Ф. Симина содержала доходный дом [9. Л. 75]. До 1925 г. доходным домом владела А. В. Чехова [9. Л. 104]. Е. А. Бочарникова жила «с дохода 40 руб/месяц от квартплаты» [9. Л. 104]. Ц. Х. Каганович «имела собственную столовую с прислугой» [9. Л. 35]. Харьковчанка И. Ф. Шпаковская владела небольшим цехом по производству паштета [15. Л. 47]. Образованные женщины, женщины более высокого в прошлом социального происхождения практиковали репетиторство. «Лишенка» Н. М. Огьянц, например, обучала музыке «группы детей», зарабатывая 70 рублей в месяц на содержание престарелой матери [9. Л. 33]. Давали частные уроки и некоторые студентки, сумевшие с клеймом «лишенок» пробиться в советскую высшую школу. Сохранились сведения о студентке агробиологического отделения Харьковского института народного образования (Педагогического техникума имени Г.С.Сковороды) Нине Петровской, которая, несмотря на «материальную связь» с отцом-торговцем, подрабатывала частными уроками «за 10 рублей в месяц со столом» [16. Л. 2–3].

Достаточно распространенным способом заработка для «лишенок» были надомная и поденная работа (причем в отдельных случаях такой род деятельности мог вернуть женщине право голоса). Жена дьякона В. Г. Евтушенкова, по показаниям соседей, работала прачкой («ее застукали за корытом») [9. Л. 29]. В 1928 г. женщину восстановили в правах как живущую «с самостоятельного труда», тогда как мужа-священника в список избирателей так и не включили [9. Л. 29]. «Лишенка» Смоликова на дому работала мотальщицей для артели «Текстильщик», получая 153 рубля в месяц («сидит дома и работает») [9. Л. 30]. Однако достаточно высокая зарплата, а также то, что супруг Смоликовой работал в этой же артели, а их общий месячный доход составлял 500 рублей и «живут они хорошо», вызвало глубокое подозрение у председателя районной избирательной комиссии, в итоге вынесшего следующий вердикт: «Это типы людей, которые не перед чем не останавливаются, считаю необходимым проверить ...» [9. Л. 30]. Х. М. Якобсон – жена кустика-заготовщика, высланного за контрабанду, оставшись без поддержки мужа, начала брать надо-

мную работу в артели Харьководежда [9. Л. 30]. Бывшая шахтовладелица Рорбоконт поддерживала свое существование трудом швейнадомницы [9, л. 33]. Харьковчанка А. А. Лагодина «... до 1925 года ... жила случайными заработками ... – вязанием перчаток, варежек, шитьем кукол и проч. ...» [16. Л. 54]. Г. Ф. Козакова, до революции служившая прислугой, но лишенная избирательного права «из-за мужа, который ... был компаньоном в торговле пивом», работала по-дневно и квалифицировалась как «личность без определенного рода занятий» [17. Л. 20]. По-дневно работала и одинокая, неграмотная, 65-летняя А. А. Щербакова, пораженная в правах за то, что после смерти мужа два года торговала фруктами по патенту 1-го разряда [18. Л. 26].

Наконец, одной из разновидностей трудовой деятельности «лишенок» являлось официальное трудоустройство в государственных учреждениях, ведомствах и организациях. Между тем, четко просматривается следующая закономерность. Мужчин, лишенных избирательного права, с регулярной периодичностью «выявляли» в различных советских структурах, статусных даже по современным меркам (в Совнарком, НКВД, Народных комиссариатах финансов, юстиции, просвещения, земледелия, Госплана, Высшем Совете народного хозяйства, в высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах, управлениях железных дорог, государственном банке и т. д.). Совершенно иная ситуация складывалась у женщин. В документах харьковского и киевского архивов факт работы «лишенок» на государственной службе отражен крайне эпизодически. Сведения же о трудоустройстве в каких-либо престижных советских учреждениях, на престижных должностях не обнаружены вовсе. Возможно, объяснение этому снова кроется в специфическом социальном статусе женщины, доставшемся в наследство советской державе от державы имперской. Представительницы высшего общества в Российской империи, несмотря на достаточно высокий уровень образованности, не имели широкого доступа к системе высшего профессионального образования. Именно поэтому после смены общественного строя им легче было либо оставаться на иждивении, либо использовать для заработка навыки музицирования, рукоделия или свободное владение иностранными языками. Женщины из буржуазных кругов (впрочем, далеко не каждая) могли бы использовать впитанные с детских лет знания о торговых оборотах и финансовых манипуляциях. Однако, как и в первом случае, из-за отсутствия высшего образования и опыта систематической трудовой деятельности, они не могли претендовать на достойные должности в «совпарате». Частично в похожей ситуации оказывались «лишенки» рабоче-крестьянского происхождения, но их ситуация усугублялась тотальными неграмотностью и малограмотностью.

Чаще всего архивные документы свидетельствуют о том, что при наезде в столице советской Украины Харькове «лишенкам» удавалось найти работу разве что в сфере советской торговли и в сфере обслуживания – в розничных магазинах, хлебопекарнях, столовых, парикмахерских, на складах, откуда их периодически и «вычищали» [11; 19; 20: 21]. Понимая всю выгоду службы в государственном секторе, но также и всю шаткость своего положения, «лишенки» тщательно скрывали свое происхождение и факт поражения в правах. Причем, несмотря на прочно укоренившуюся практику доносов и стукачества, иногда они получали неожиданную поддержку со стороны сослуживцев. «Во время чистки столкнулись с фактом круговой поруки и зажима в случае ... разоблачения социального лица, проходившего чистку», – писалось в отчете проверочной комиссии, инспектировавшей «14-й куст» Свердловского района города Харькова [11. Л. 11]. Да и сами «лишенки» отпирались до последнего. Так, «т. Москович Ф.Э., г. р. 1902, член союза с 1927 г., «дочь портного, занявшегося после революции торговлей, во время чистки 1930 г. не желала признаваться в том, что сама торговала по патенту 2-го разряда, и отказывалась от всех обвинений даже когда на комиссии ей были предъявлены документы, подтверждающие факт торговли [11. Л. 12]. Но если Ф.Москович посчастливилось отделаться строгим выговором с предупреждением и сохранить место работы, ее коллега М.Р.Голеницкая «как чуждый элемент» была уволена по так называемой правой категории – «без права работы в соаппарате» [11. Л. 12, 71]. Вина работницы столовой М. Голеницкой заключалась в сокрытии множественных, недостойных советской гражданки фактов биографии. Дочь кулака, использовавшего наемный труд, она вышла замуж за мирового судью, сдавала свой дом белым офицерам, а потом сбежала вместе с ними, за что «дом ее спалили красные» [11. Л. 71]. Все это откровенно диссонировало с идеальным образом строительницы нового мира. Была уволена и 33-летняя практикантка харьковского магазина № 43, дочь кустаря, не член союза, выпускница кооперативных курсов Екатерина Мельцена [11. Л. 187]. Женщина «ввела в заблуждение организацию, принявшую ее на курсы, скрыв, что с 1926 г. по 1928 г. торговала в Витепске, уехав оттуда, осталась должна финотделу. В трудписке торговлю скрyla, скрyla это и на чистке. И только будучи вызвана на заседание Комиссии (согласно поступившего заявления) после нескольких попыток скрыть торговлю, подтвердила факт, указанный в заявлении» [11. Л. 187].

Однако, несмотря на искусственно навязываемое чувство социальной ущербности, женщины-изгой отчаянно пытались вписаться в советскую действительность.

«На собраниях женщин много,
Удивляться кстати ли?
Нынче женщине дорогу –
Прямо в председатели!» –

пелось в предвыборной агитационной частушке 1927 г. [22]. В начале 30-х гг. официальная бравада штурмовала новые высоты:

«Были женщины забиты
И брошены в кусты,
А теперь их выдвигают
На советские посты» [23].

Людям своего времени, окруженным безудержным потоком идеологической пропаганды, лозунгами и песнями о счастливой судьбе девушек-красавиц, чьи имена звонкой песней прославлялись среди героев страны Советов, «лишенкам» наверняка трудно было до конца смириться со своей отстраненностью от масштабных процессов и эпохальных свершений. Естественно, что и среди них встречались женщины, не чуждые определенным амбициям. К сожалению, документальных подтверждений этому крайне недостаточно, но они есть. Так, в 1927 г., свою кандидатуру на выборах в городской совет осмелилась выдвинуть Зинаида Андреевна Попова – лишённая избирательного права бывшая преподавательница географии одной из харьковских гимназий [16. Л. 12]. Неизвестно, чем бы закончилось рискованное предприятие этой женщины, скрывшей свое прошлое и настоящее, если бы не поступивший в избирательный комитет неразборчиво подписанный донос, извещавший, что гражданка Попова враждебно настроена к советской власти и именно по этой причине после революции не взяла на работу доносчика, якобы заявив ему: «Вы теперь пропитаны политическим духом и у вас коммунистический взгляд. Вы опасный для нас человек ...» [16. Л. 12]. Сводя счёты с обидчицей, кляузник предлагал проверить избирательные списки, а в случае выдвижения кандидатуры З. Поповой «давал ей отвод» [16. Л. 12].

Тяжелые жизненные обстоятельства вызывали у загнанных в угол женщин-изгоев озлобленность и антисоветские настроения, временами неосторожно высказываемые вслух (в годы нэпа некоторые все еще не до конца осознавали всю опасность подобных откровений). В дополнение к несоответствующему социальному происхождению, это становилось веской причиной для «вычистки». Так случилось с кассиршей В. Н. Совко, которая и без того запятнала себя как бывшая торговка, владелица «эксплуатируемой» дачи в Евпатории, «оказанием всевозможного внимания белым» и сочувствием троцкистам, да еще и неоднократно вела «разговоры во время работы и в присутствии потребителей о том, что сейчас плохо живется, что ей надоела эта касса, ругала кооперацию ... вела разговоры против советской власти» [11, л. 84]. В. Совко была не просто уволена по второй категории (без права работать в кооперации), но и получила по сути «волчий билет» – задокументированную резолюцию «чуждый элемент, враждебно настроенный против соввласти» [11. Л. 84].

Таким образом, в 1919 г. после установления советской власти на большей территории Украины в республике начался процесс искусственной десоциализации, направленный на изоляцию «бывших людей» путем лишения их политических и гражданских прав. Проблема выживания в тяжелейших условиях искусственно созданной социальной блокады на долгие годы стала жизнеопределяющей и для большинства советских женщин-изгоев. В поисках средств к существованию они занимались различными видами трудовой деятельности – частным предпринимательством, надомной и поденной работой, службой на непрестижных, малооплачиваемых должностях в государственном секторе. При этом, в отличие от пораженных в правах мужчин, «лишенки» советской Украины почти не достигали карьерных высот. Отдельные попытки состояться в жизни наталкивались на юридические препоны, неприятие общества, доносы частных лиц. Исследование проблемы отчетливо подтверждает идеологическую заангажированность господствовавшей в советской исторической науке точки зрения о «лишенках», как о «чуждом элементе», ведущем паразитический образ жизни. Их история – не только еще одно доказательство бесчеловечной политики большевистского правительства, но и пример силы духа ущемленных в правах женщин, боровшихся за существование в условиях тоталитарного государства.

Примечания

1. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года: <http://www.hist.msu.ru>.

2. Зоценко М. М. Сентиментальные повести. Предисловие к третьему изданию / М. М. Зоценко. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Пчелы и люди: рассказы, фельетоны, повести. М.: АСТ: Зебра Е, 2010. С. 195–196.

3. Зоценко М. М. Сентиментальные повести. Предисловие к первому изданию / Там же. С. 197–198.

4. Зоценко М. М. Великосветская история / Там же. С. 29–40.

5. Зоценко М. М. Веселое приключение / Там же. С. 326–349.

6. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Книга, 1989. 480 с.

7. Зоценко М. М. Люди / М. М. Зоценко. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Пчелы и люди. М.: АСТ: Зебра Е, 2010. С. 252–288.

8. Маяковский В. В. Маруся отравилась / В. В. Маяковский. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 485–492.

9. Государственный архив Харьковской области (далее – Госархив Харьковской области), ф. Р-408, оп. 4, д. 840, 230 л.

10. Государственный архив города Киева, ф. Р-331, оп. 2, д. 9287, 7 л.

11. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 4, д. 2380, 221 л.

12. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 4, д. 2077, 83 л.
13. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 6, д. 1258, 110 л.
14. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 6, д. 266, 23 л.
15. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 25, д. 849, 100 л.
16. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 4, д. 1256, 133 л.
17. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 7, д. 104, 60 л.
18. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 4, д. 2305, 12 л.
19. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 4, д. 2381, 167 л.
20. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 4, д. 2382, 144 л.
21. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 4, д. 2383, 180 л.
22. Послереволюционные песни (1917-1931): <http://sovmusic.ru>
23. Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта»: <http://magazines.russ.ru>.

Новосадова Н. Г.

**Судьба научной интеллигенции Житомира
1920–1930 гг.**

На протяжении последнего времени перед наукой возникают новые задания, которые предполагают собой заполнение значимых пробелов в истории нашего края. Актуальным остается вопрос массовых политических репрессий 20–30-х годов XX века, которые занимают значительное место в истории советских народов, где Украина не исключение.

С победой советской власти на территории Украины, народ, а в первую очередь интеллигенция, оказались в сложном положении, поскольку именно элита, выступая за общедемократические принципы, свободу слова и действий, провоцировала советскую власть. Идеи, которые не совпадали с большевистскими, так называемое «инакомыслие», откровенное негативное выражение о советской власти – все это в будущем оказалось под серьезным контролем репрессивно-карательных органов.

Изучение проблем репрессий в украинской исторической науке начало набирать обороты с 1990-х годов. В это время выходит большое количество трудов, таких авторов, как С. Билоконь, В. Даниленко, Р. Подкур, В. Пристайко, В. Ченцов, Ю. Шаповал. Работы были написаны на базе ранее недоступных документов и архивных материалов, где историки анализируют сложные процессы общественно-политической жизни Украины 1920–1930-х годов, но все же они не полностью раскрывают идеологические моменты «политики террора». Отдельные фрагменты идеологии политических репрессий против интеллигенции раскрыто в документальных и

документально-аналитических сборниках, а также на страницах научного журнала «С архивов ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ».

Неотъемлемым фундаментом исследования выступают архивные материалы, с помощью которых можно проследить политику партии к интеллигенции Украины в общем и по отдельным регионам. Протоколы политбюро ЦК КП(б)У раскрывают механизмы принятия и введения в жизнь ряда нормативных актов, связанных с репрессиями над интеллигенцией.

Цель данной статьи заключается в изучении репрессивной деятельности коммунистических лидеров на протяжении 20–30-х годов XX века над интеллигенцией Житомира, анализе форм и методов идеологической работы партийно-советских органов, направленной на проведение репрессивной кампании.

Житомир – это город на севере Украины, который до 1917 года был частью Волынской губернии (современная территория Волынской, Ровенской, почти вся Житомирская, примерно 1/3 Хмельницкой и более 1/5 Тернопольской областей). Однако после подписания Рижского договора (1920 г.) Польше отошло 56 % губернской территории. Таким образом, Житомир превратился в приграничный регион с Польским государством, что заставляло советскую власть с особой осторожностью относиться к местной интеллигенции, общественно-политическая деятельность которой *argiōi* вызвала подозрение.

Главной характерной чертой края было национальное разнообразие. Так, на 01.07.1926 г., в Волынском округе проживало 697 976 человек, из которых непосредственно в г. Житомире – 69 495 человек [1, лист 58]. Из них значительную часть занимали: украинцы – 16 463 (23,7 %), евреи – 29 244 (42,1 %), русские – 16 457 (23,7 %), поляки – 5052 (7,2 %) и немцы – 876 (1,3 %) [1, лист 58]. В Житомире национальные меньшинства составляли более 30 % населения, когда в целом по Украине – 18% [2. С. 67]. Определить, какой процент приходился именно на представителей интеллигенции, очень трудно, но известно, что интеллигенция как социальный слой не была многочисленной.

Данные о численности различных групп интеллигенции дает перепись 1923 г., согласно которой в СССР в начале 20-х годов умственным трудом занималось всего 200 тыс. человек, что составляло 0,7 % населения Украины. Кроме того, в Украине было 334,7 тыс. служащих, в том числе и обслуживающий персонал [3. С. 108]. Можно предположить, что в Житомире интеллигенция была слабо представлена. Подавляющее ее большинство оставалась аполитичной или враждебно настроенной к большевистской власти.

Особенность географического расположения региона делала его потенциально возможным местом дислокации антисоветских сил, что, в свою очередь, было поводом для фабрикации дел о «преступ-

ной деятельности» различных шпионских, диверсионных, анти-советских организаций. Интеллигенция Житомира стала объектом репрессий, проводившихся на общесоюзном и общероссийском уровнях.

Характерной чертой государственного террора против интеллигенции в Житомире была его плановость и этапность. Советская власть на первых порах своей деятельности пыталась мирными методами привлечь местное население, в частности интеллигенцию, на свою сторону. Впоследствии против не согласных с государственной политикой применялись репрессивные методы.

Сбор и систематизация сведений о населении было одной из главных задач органов госбезопасности. Аресты проводились на основе именно этой информации. Предметом учета были: социальное происхождение, политическое прошлое, принадлежность к политической партии, место рождения, связь с родственниками за границей, проживание в пограничной полосе. Результаты такого учета становились основой для проведения репрессий. Количество репрессированных в Житомире определялось разнарядками «сверху». Так, в «Информации окружкома КП(б)У в ЦККП(б)У» за февраль–май 1930 г. содержался список «антисоветского элемента» по Волинской округе. Это был своеобразный перспективный план осуществления дальнейших репрессий против интеллигенции Житомира. В документе перечислены фамилии 109 человек, разделенных по месту жительства и профессии. Среди интеллигентов были как агрономы, землемеры, инженеры, техники, так и представители гуманитарной интеллигенции – врачи, учителя и преподаватели вузов. Непосредственно из Житомира было 20 человек, преимущественно украинцы и поляки по национальности, меньше – русские и другие. Так, на 10 человек приходилось 4 украинца, 4 поляка и 2 русских. В списке (по г. Житомиру) большинство лиц с высшим и средним образованием, представители духовенства или военные. Выбор именно этих категорий населения советской властью очевиден: духовенство априори не могло сосуществовать рядом с атеистической советской системой, насчет военных – среди них были исключительно представители «царской и белой армии, и все те, кто не вступил в ряды Красной армии» [4, лист 27–29]. Согласно этому документу 18 человек после ареста планировали расстрелять, 91 человек – заключить в исправительно-трудовые лагеря на срок 8–10 лет [5. С. 217].

Одним из видов репрессий в Житомире были так называемые «линейные» аресты, когда люди арестовывались только за то, что были представителями определенной национальности. Как свидетельствуют архивные источники, только в Житомирской области в период с 1 октября 1937 г. до 15 февраля 1938 г. было «разоблачено» и ликвидировано 19 «националистических контрреволюционных

организаций» и 27 «повстанческих групп» [4, лист 43]. Такие приговоры по делам арестованных по «национальным линиям» (приказы НКВД СССР № 00439 от 25 июля 1937, № 00485 от 11 августа 1937 и др.) выносились комиссией НКВД СССР и Прокуратурой СССР. Вместо следственных дел на рассмотрение направлялись списки (альбомы) лиц, подлежащих репрессиям, в которых местными органами кратко излагалась суть дела, указывалась статья, по которой проходил арестованный. Обвиняемого даже не вызывали на заседание. Составлялись так называемые «альбомы» не на одного человека, а на группу, иногда до сотни фамилий. Среди них была и интеллигенция, но определить точное количество пострадавших от «линейных арестов», к сожалению, очень трудно, поскольку в «альбомах» находилась достаточно скудная информация о заключенных.

Пик репрессий в Житомирской области приходится на вторую половину 1937 г. и 1938 г. (когда край стал областью – административно-территориальной единицей УССР), поскольку стало проще полностью контролировать жизнь региона. Судьба большинства арестованных решалась внесудебными органами – особыми совещаниями, комиссиями в составе наркома внутренних дел и Прокурора СССР, «тройками» при областных управлениях НКВД в составе министра, секретаря обкома КП(б)У, прокурора области. Были установлены «лимиты» на количество тех, кто подлежал немедленному аресту и расстрелу (первая категория), и тех, кто подлежал аресту и заключению в исправительно-трудовых лагерях на 8–10 лет (вторая категория). Следствие по таким делам проводилось ускоренно и в упрощенном порядке. По неполным данным, в годы «большого террора» от репрессий пострадали более 25,5 тыс. граждан Житомирской области, из них более 18,8 тыс. человек были расстреляны, половина из которых были представителями интеллигенции [6. С. 42]. Наиболее полную картину работы репрессивной машины в период массовой чистки в Житомире можно проследить в отчете «Цифровые данные об оперативно следственной работе Житомирского областного управления НКВД за период с 1 июня по 10 января 1938» начальника УНКВД по Житомирской области Л. Якушева начальнику НКВД УССР И. Леплевскому, где отмечалось, что всего арестованных с 1 июня 1937 по 10 января 1938 г. – 14 948 человек, из них по польской линии – 8091; по немецкой – 1591; жен изменников – 841 человек; I категории – 7234, по II – 2958 [7. С. 448].

Несмотря ни на что, интеллигенция продолжала придерживаться демократических принципов и взглядов, не соглашалась с однообразием духовного, политической, экономической жизни общества, с монополией одной политической структуры. Именно в этом отечественные исследователи М. Лутай, Т. Рафальская, Ю. Шевчук и другие видят главные причины массовых репрессий, которые нарастали по мере укрепления государственной машины.

Итак, отношения «власти и интеллигенции» в Житомире в течение 30-х годов XX века, к сожалению, не сложились. Местная интеллигенция стала объектом преследований со стороны государственных репрессивно-карательных органов. Массовые репрессии здесь приобрели определенную специфику и региональные особенности, которые определялись пограничным положением края и национальным разнообразием его социального состава. Начиная с 1938 года «уничтожение» интеллигенции приобретает жестоких и уродливых форм, исключительно с крупными групповыми делами и преимущественно с приговорами о расстреле. Именно такой была советская машина в 30-е годы XX века с репрессивным механизмом общесоюзного и республиканских уровней.

Примечания

1. Государственный архив Житомирской области Ф. Р 308. Волынская окружная плановая комиссия г. Житомир, Волынского округа, Оп. 1., дел.20. Осмотр состояния промышленности сельского хозяйства и торговли Волынской губернии. 206 листов.

2. Шаповал Ю. Справа «Спілки визволених України»: погляд із відстані 75 років / Юрій Шаповал. // Український історичний журнал. 2005. №3. С. 132–143

3. Бачинський Д. Місце та роль української інтелігенції в національній політиці радянської держави на початку 20-х рр. ХХ ст. / Дмитро Бачинський // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика НАН України, 2009. Ч. 2. 349 с.

4. Государственный архив Житомирской области Ф. П 85. Житомирский (Волынский) окружной комитет коммунистической партии большевиков Украины, Оп. 1., дело 695. – Информация окружкома КП(б)У, переписка с ЦК и райкомами партии о полезных ископаемых округа, антисоветских проявлениях, списки кулаков и других антисоветских элементов. – 50 листов.

5. Шевчук Ю. Технологія здійснення репресій проти інтелігенції Житомирщини в 30-х рр. ХХ ст. / Юрій Шевчук. // Історія України: маловідомі імена, події, факти. 2010. № 36. С. 213–238.

6. Єршов В. Політичні репресії в Житомирському пединституті 1933-1941 рр. / Володимир Єршов // Волинь. Житомирщина. 1998. № 3. С. 38–47.

7. Дорошко М. Ротація керівних кадрів у радянській тоталітарній державі у 1920–30-ті роки: український «досвід» / Микола Дорошко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2007. № 16(1). С. 445–455.

Горох Н. В.

**Противостояние ОГПУ и Торгсина
(на примере Черниговской облконторы)**

18 июля 1930 г. стало отправной точкой «валютного соперничества» Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и созданного в системе столичной торговли небольшого отдела, который назывался «Специальная контора по торговле с иностранцами на территории СССР» (сокращенно – «Торгсин»). Последний подчинялся Мосторгу и занимался обеспечением иностранных судов, советских кораблей заграничного плавания, обслуживал туристов, транзитных пассажиров-иностранцев, а также иностранных специалистов, работавших в стране. В его руках сосредотачивались все торговые операции с иностранцами на территории Советского Союза. Новую остроту это соперничество приобрело в 1931 г., когда Торгсин получил статус Всесоюзного объединения Наркомата внешней торговли (4 января) и начал обслуживать советских граждан (14 июня), принимая от них золотые монеты старой чеканки.

Историография Торгсина продолжает оставаться достаточно скромной. Западноевропейские и американские исследователи 1930–1980-х гг., не имея доступа к советским архивам, ограничивались констатированием факта существования системы. Их советские коллеги избегали упоминаний об организации из-за ее связи с голодом 1932–1933 гг. и ее грабительской сущности по отношению к собственным гражданам. Первые специализированные статьи, посвященные Торгсину, появились после распада СССР. Их авторами были Е. А. Осокина [1; 2; 3; 4] и В. И. Марочко [5; 6; 7]. Работу системы на всесоюзном и республиканском уровнях исследовали О. Г. Алексеев [8], О. Ю. Мельничук [9], И. В. Павлова [10], А. Д. Попов [11], В. А. Толмацкий [12]. К вопросам противостояния ОГПУ и Всесоюзного объединения «Торгсин» (В/О «Торгсин») обращались Е. А. Осокина [13; 14], В. М. Даниленко [15], О. Ю. Орешкин [16]. Несмотря на это, региональная история организации, которую на местах представляли областные конторы, остается недостаточно изученной.

Целью данной статьи является попытка определить место, которое занимало ОГПУ в становлении и функционировании Торгсина в целом и Черниговской областной конторы в частности, проанализировать взаимоотношения между организациями, определить причины конфронтации и пути ее преодоления. В работе широко использованы архивные документы Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Госархива Черниговской области, Отдела обеспечения сохранности документов Госархива Черниговской области в г. Нежине, архива Управления Службы безопасности Украины

в Черниговской области. Это преимущественно фонды Черниговской облконторы «Торгсин», Наркомата внешней торговли, Всеукраинской конторы «Торгсин», Министерства государственного контроля, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

ОГПУ изначально было против открытия Торгсина, считая его «ненужной инстанцией». Однако Политбюро проигнорировало данное мнение. Необходимость существования Торгсина эксперты НК РКИ обосновывали достаточно просто: «В период реконструкции нашего народного хозяйства, когда мы еще вынуждены будем завозить из-за границы различное оборудование, мобилизация внутри страны эффективной валюты играет колоссальную роль, одновременно с этим, извлечение бытового золота, которое после революции потеряло свое бытовое значение и как предмета украшений (кольца, серьги, браслеты, кресты и т. д.) в руках держателей – они не имеют потребительской стоимости, однако золото свою ценность сохранило, поэтому его необходимо собрать с помощью системы «Торгсин» и направить на службу интересам пролетарского государства» [17. Л. 5].

Представители ОГПУ работали в составе правительственной комиссии, которая в конце 1931 г. определяла районы деятельности Торгсина и методы его работы. Отделения ОГПУ информировали представителей объединения о «золотом и валютном потенциалах» районов, необходимости открытия в них торгсиновских магазинов, давили на нерадивых поставщиков, обеспечивали транспортировку ценностей и секретной почты, разыскивали получателей валютных переводов среди арестованных, активно проводили чистки торгсиновского аппарата от «враждебных элементов», боролись с проявлениями хищения валютных ценностей. Несмотря на это, понимания между двумя ведомствами так и не сложилось. Дело в том, что источник выполнения государственных планов по «добыче золота и валюты» для Торгсина и ОГПУ был одним и тем же – сбережения советских граждан. Отличались же они методами, которые применяли.

До появления Торгсина население обязывали сдавать ценности государству в обмен на рубли по четко установленному курсу, который был искусственно занижен. ОГПУ силой отбирало у граждан ценности, широко используя в своей практике аресты, обыски, конфискации, расстрелы. Торгсин же работал иначе. В обмен на золотые монеты, бытовое золото, серебро, иностранную валюту, драгоценные камни, платину он предлагал бесценные в условиях голода продукты и товары. Эта своеобразная «добровольность» превращала Торгсин в серьезного соперника. Советские граждане на собственном опыте убеждались в утверждении, что хлеб дороже золота [18. С. 36; 19. С. 21]. Несмотря на фактическую легализацию операций с валютой и драгоценностями, агенты ОГПУ начали следить за магазинами объединения, арестовывать посетителей, конфисковывать приобретенные ими товары, что негативно отражалось на имидже Торгсина [20. С. 96–97].

В начале 1932 г. правительство попыталось урегулировать отношения между организациями. ОГПУ обязали проводить операции таким образом, чтобы не компрометировать Торгсин [4, с. 209], но жалоб от населения не стало меньше. Жительница Нежина Хая Евзерова вспоминала, что сотрудники местного ГПУ пытались отобрать у людей как можно больше золота. Через Торгсины они получали данные о сдатчиках ценностей, которых впоследствии вызвали к себе и требовали добровольной сдачи драгоценностей под угрозой пыток [21, с. 111]. Показательной есть история дворянина и бывшего офицера царской армии Е. Д. Соловьева. 3 ноября 1935 г. постановлением Прилуцкого прокурора его арестовали за «распространение антисоветской агитации, связь с иностранными контрреволюционными организациями в Латвии, Аргентине, Франции и получения от них денежной помощи». Особенно тщательно следователи изучали обстоятельства поступления на его имя денежного перевода в размере 5 франков. Одноразовость перевода и небольшая сумма не позволили обвинить Е. Д. Соловьева в связи с антисоветскими организациями, но уберечься от обвинений в антисоветской агитации и лишения свободы сроком на семь лет ему не удалось [22]. Черниговская облконтора «Торгсин» старалась отслеживать попытки ареста посетителей и отбирания у них приобретенных товаров [23. Л. 19]. Аналогичные случаи фиксировались во всех регионах Украины. Только в декабре 1932 г. аресты сдатчиков ценностей состоялись в Киеве, Чернигове, Запорожье, Днепропетровске и Одессе [24. С. 173].

В своей работе сотрудники ОГПУ использовали различные методы. Часть агентов работала конфиденциально. Они следили за покупателями, устанавливали их место жительства, а уже потом производили аресты. Остальные с оружием в руках посещали магазины, разгоняли публику, арестовывали покупателей. После подобной акции, состоявшейся 25 марта 1934 г. в Чернигове, местный магазин закончил день совсем без выручки [25, л. 62]. Бывали случаи, когда лица в военной форме отзывали покупателей в сторону и требовали у них деньги. Так, в феврале 1935 г. в Нежине переодетый милиционер попытался задержать женщину, которая приобрела товары в Торгсине. Разрешить сложившуюся ситуацию удалось только после вмешательства директора магазина [26. Л. 3–4].

Отдельные сотрудники объединения имели опыт работы в органах ОГПУ. Среди них был управляющий Черниговской облконторы «Торгсин» А. М. Нудельман, который после армии продолжил карьеру в органах ГПУ. В течение 1923–1924 гг. он значился «политическим бойцом», а в 1933–1934 гг. – заместителем председателя районного комитета управления государственной безопасности [27]. Работники ОГПУ и сами не упускали возможность сдать в скупочный пункт изъятые у людей золотые или серебряные вещи, украшения, монеты и приобрести на них необходимые товары. За подобное

нарушение, например, с работы уволили работника Кролевецкого ОГПУ И. А. Демиденко [28]. Работники Торгсина не решались вступать в открытую конфронтацию с местными отделами ГПУ, нарушая издаваемые объединением приказы. Прежде всего, это касается отпуска товаров за советские знаки. В июле 1933 г. управляющий Черниговской облконторы «Торгсин» Э. М. Рудаев в очередной раз напоминал директору магазина в Кролевце о недопустимости продажи круп областному ГПУ за совзнаки [29. Л. 121].

Посетители Торгсина, прежде всего крестьяне, которые становились свидетелями работы ОГПУ, не решались заходить в магазины. Возвращаясь домой, они рассказывали об увиденном, создавая у окружающих ложное впечатление об объединении. Вторично прийти в торговые пункты системы решались не все. О подсознательном страхе перед ОГПУ и его карательными акциями свидетельствует воспоминания жителя с. Пивневщина Городнянского района Константина Бовтуна (1924 г. р.): «Весной 1933 г. мы что-то убрали на огороде... Сестра нашла золотую монету. Мать была очень слабая, к тому же перепуганная всеми событиями, которые произошли с нами, запретила брать и приказала выбросить ее. Но ночью, придя в себя, поняла, что это единственный шанс, чтобы не умереть с голода, что монета нам нужна. Утром мы вернулись и долго искали, пока не нашли. Монета оказалась ценностью в десять золотых червонцев (а в голод это были огромные деньги). Обменивать монету мать понесла в «Торгсин» за четыре мешка картошки. Так мы и выжили» [30. С. 69].

Крестьяне, напуганные акциями ОГПУ в магазинах Торгсина, практиковали продажу изделий и монет из драгоценных металлов частями. Житель с. Жовтнево Прилуцкого района Василий Шеремет (1922 г. р.) вспоминал, что один из его соседей, участник Первой мировой войны, сдал в Торгсин в Прилуках свои боевые награды в обмен на муку. Золотой Георгиевский крест тот разделил на части и по очереди относил в скупочный пункт [31. С. 48].

Специфика работы Торгсина требовала от руководства системы подбора высококвалифицированных, опытных и политически выдержанных работников. Подобное сочетание встречалось довольно редко. Члены партии в основном были людьми малообразованными и не имели опыта работы в торговле, зато квалифицированные экономисты, бухгалтера, товароведы, продавцы, кассиры не соответствовали классовым принципам государства. О важности данного вопроса свидетельствует тот факт, что весной 1933 г. председатель Правления В/О «Торгсин» А. К. Сташевский на одну ступень ставил подбор кадров для системы и выявления замаскированных кулаков в совхозах и колхозах [4. С. 273]. Ответственность за комплектование аппарата Торгсина возлагалась на городские и районные партийные комитеты, а процесс отбора находился под надзором Рабоче-крестьянской инспекции и органов ОГПУ [32. Л. 8].

Распоряжением Главного управления ОГПУ СССР от 28 мая 1933 г. оформление работников системы происходило при наличии паспорта [33, л. 80], при этом категорически запрещалось отбирать у людей документы, удостоверяющие их личность [34., л. 2]. Претендентов зачисляли на испытательный срок, продолжительность которого зависела от его квалификации, но не более одного месяца [35, л. 2]. Сотрудники отдела кадров интересовались деловой и политической характеристикой кандидата с предыдущего места работы, систематически организовывали аттестации. Проверка кадров осуществлялась в ходе чисток аппарата специально созданными бригадами при участии рабочих объединения. Они работали открыто, привлекая общественность и закрыто, когда материалы касались конкретного лица и не подлежали оглашению. Такие меры помогали постоянно поддерживать персонал «в тонусе» [17. Л. 2 и 4].

Магазины, склады, скупочные пункты Торгсина нуждались в круглосуточной охране. Данная функция возлагалась на милицию [36. Л 11], хотя она категорически отказывалась это делать. Только в начальный период существования Торгсина его филиалы охранялись ведомственной военизированной милицией. Однако уже с ноября 1932 г. ее заменили «гражданские» охранники [4. С. 267]. Днем порядок в магазине поддерживал один из работников Торгсина, а ночью – сторож [37. Л. 1]. На должность последнего объединение советовало выбирать из демобилизованных красноармейцев, членов партии или комсомольцев [33. Л. 253; 38. Л. 328]. Однако низкая заработная плата и отсутствие значительных льгот привлекали преимущественно пожилых людей в возрасте от 55 до 65 лет [39. Л. 55]. Магазины даже не могли обеспечить их одеждой. Так, в Прилуках зимой сторожа пользовались одним кожаным на двоих [40. Л. 28].

По завершению работы двери лавок и складов пломбировались, а охранники проверяли исправность замков, дверей, окон и решеток [41. Л. 4 и об.]. Использовались и другие меры предосторожности. В Нежине шторы магазина имели специальные вырезы, через которые охранники заглядывали внутрь, а в самом помещении и возле него горел свет [42. Л. 19]. Сторожей планировалось вооружать. Разрешение на пользование оружием выдавалось индивидуально после проверки личности работниками милиции или ОГПУ [43. Л. 50]. Однако охранники отказывались получать и носить его, предпочитая использовать палки и свистки. Свое решение они объясняли опасением спровоцировать нападение на себя с целью завладеть ружьем [39. Л. 78 об.].

На ОГПУ возлагалась ответственность за своевременность и безопасность перевозки драгоценностей от торговых пунктов Торгсина до отделений Госбанка. Так, раз в декаду фельдсвязью ОГПУ переправляло приобретенные объединением бриллианты в Москву [44. Л. 50]. Однако на местах сотрудники ведомства

игнорировали подобные распоряжения. В марте 1933 г. на имя уполномоченного Наркомвнешторга в Черниговской области А. М. Нудельмана поступила жалоба, в которой отмечалось, что Нежинский райотдел ГПУ отказывается перевозить золото из Носовского магазина «Торгсин» в Нежинское отделение Госбанка. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что в магазине уже собралось драгоценного металла за 13 дней работы, а торговый пункт охранял 75-летний сторож [45, 72].

Напряженность в отношениях между Торгсином и ОГПУ продолжалась все время существования системы. Торгсин, борясь за возможность своевременно и в полной мере выполнять валютный план, старался защищать своих покупателей от посягательств работников ОГПУ. Однако это не исключало возможности сотрудничества организаций. Двери Торгсина были открыты перед любым гражданином Советского Союза, у которого была валюта, драгоценные металлы и камни, а ОГПУ получило надежный источник информирования о валютных сбережениях клиентов системы.

Примечания

1. Осокина Е. А. За зеркальной дверью Торгсина / Е. А. Осокина // Отечественная история. 1995. № 2. С. 86–104.

2. Осокина Е. Доллары для индустриализации: валютные операции в 1930-е годы / Е. Осокина // Родина. 2004. № 3. С. 76–81.

3. Осокина Е. А. Золотая лихорадка по-советски / Е. А. Осокина // Родина. 2007. № 9. С. 111–117.

4. Осокина Е. А. Золото для индустриализации: «Торгсин» / Е. А. Осокина. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.

5. Марочко В. І. «Торгсин»: золота ціна життя українських селян у роки голоду (1932–1933) / В. Марочко // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 90–103.

6. Марочко В. Діяльність торгсинівської системи міста Києва / В. Марочко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвідомчий зб. наук. праць. К., 2008. Вип. 18. С. 163–175.

7. Марочко В. Обмін побутового золота на хліб в Україні періоду Голодомору 1932–1933 років / В. Марочко // Український історик. – 2008. № 3–4. С. 194–209.

8. Алексеев О. Г. Становление структур объединения Торгсин в городах Восточно-Сибирского края / О. Г. Алексеев // История, культура, общество: матер. всерос. заоч. науч. конф. Красноярск, 2004. С. 41–47.

9. Мельничук О. Основні джерела доходу системи «Торгсин» в УСРР / О. Мельничук // Український історичний збірник. К., 2010. Вип. 13: В 2 ч. Ч. 1. С. 224–231.

10. Павлова И. В. Торгсины в Западно-Сибирском крае / И. В. Павлова // Экономика и организация. 2003. № 3. С. 162–169.

11. Попов А. Деятельность в Крыму Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР (1931–1936 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «История». 2007. Т. 20. № 1. С. 66–72.

12. Толмацкий В. Время Торгсина / В. А. Толмацкий // Антикварное обозрение. 2005. № 3. С. 66–69.

13. Осокина Е. А. Советская жизнь: обыденность испытания (на примере истории Торгсина и ОГПУ) / Е. А. Осокина // Отечественная история. 2004. № 2. С. 113–124.

14. Осокина Е. А. Советская повседневность: обыденность приключения, привычность риска. На примере Торгсина и ОГПУ / Е. А. Осокина // Социальная история: ежегодник, 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 87–102.

15. Даниленко В. М. Розкрадання продуктів та промтоварів господарствами та системою Торгсину / В. М. Даниленко // Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932–1933 років в Україні: місто Київ / відп. ред. В. І. Марочко. К.: Фенікс, 2008. С. 66–73.

16. Орешкин О. Ю. Организационно-правовые мероприятия по противодействию хищениям и злоупотреблениям в работе торговой сети Ивановской областной конторы Торгсин в 1933–1935 гг. / О. Ю. Орешкин // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. № 4. С. 162–165.

17. Документы о чистке аппаратов Всеукраинской и Харьковской областной контор «Торгсина» // Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 539. Оп. 17. Д. 365. Л. 72.

18. Очевидці голодомору свідчать (1932–1933 роки на Прилуччині). Прилуки, 2003. 119 с.

19. Пам'ять народу неубієнна. Свідчення про голодомор 1932–1933 рр. та голод 1946–1947 рр. на Чернігівщині / упоряд.: Т. П. Демченко, Л. О. Легецька, І. Г. Карпова. Чернігів: РВК «Деснянська правда», 2006. 96 с.

20. Голодомор 1932–1933 рр. в Україні за документами ГДА СБУ: анотований довідник / упоряд.: В. М. Даниленко (відп.), Л. Л. Аулова, В. В. Лавренюк. – Львів: Центр досліджень визвольного руху, 2010. – 472 с.

21. Емельянов В. Н. Коллективизация на Нежинщине (Хроника событий) / В. Н. Емельянов. Нежин, 2001. 123 с.

22. Архив Управления Службы безопасности Украины в Черниговской области. Д. 2017-П.

23. Планы на 1933 г. // Отдел обеспечения сохранности документов Государственного архива Черниговской области в г. Нежине (ОГАЧОН). Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 24. Л. 89.

24. Марочко В. Голодомор 1932–1933 років в Україні: хроніка / В. Марочко, О. Мовчан. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. 294 с.

25. Документы о работе магазина // Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф. Р-1369. Оп. 1. Д. 172. Л. 229.
26. Документы о фактах хищения товаров и подделке расчетных книжек для осуществления валютных операций // ГАЧО. Ф. Р-1369. Оп. 1. Д. 112. Л. 22.
27. Горох М. Маловідомі сторінки життя керівників Чернігівської обласної контори «Торгсин» // Еврей Левобережной Украины. История и культура: Материалы VI-го Международного научного семинара. Чернигов, 2011. С. 53–63.
28. Архив Управления Службы безопасности Украины в Черниговской области. Д. 997-П.
29. Инструкции, распоряжения и приказы // ОГАЧОН. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 21. Л. 205.
30. Спогадів биль невгасимий: Свідчення про голод 1932–1933 рр. / упоряд. Л. Куса. Щорс: Щорська центральна бібліотека ім. 40-річчя Перемоги, 2008. 75 с.
31. Лозовий О. М. Заборонена пам'ять (свідчення очевидців колективізації та Голодомору на Прилуччині) / О. М. Лозовий. Чернігів: КП Видавництво «Чернігівські обереги», 2008. 96 с.
32. Ведомости на выдачу продовольственного пайка работникам торговли // ГАЧО. Ф. Р-1369. Оп. 1. Д. 53. Л. 26.
33. Приказы, циркуляры и распоряжения Черниговской областной конторы «Торгсин» // ГАЧО. Ф. Р-5599. Оп. 1. Д. 20. Л. 153.
34. Приказы, постановления, циркуляры Наркомата внешней торговли СССР и Управления уполномоченного Наркомата внешней торговли СССР при СНК УССР // ГАЧО. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 560. Л. 11.
35. Документы о работе Новгород-Северского отделения «Торгсин» (циркуляры, ведомости, договора, переписка) // ГАЧО. Ф. Р-1369. Оп. 1. Д. 188. Л. 77.
36. Квартальные и декадные сведения о выполнении валютного плана, переписка со Всесоюзным объединением „Торгсин» о составлении плана // ГАЧО. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 58. Л. 124.
37. Дело секретных документов // ОГАЧОН. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 78. Л. 97.
38. Циркуляры, инструкции, приказы, распоряжения, присланные для сведения и руководства // ГАЧО. Ф. Р-1369. Оп. 1. Д. 205. Л. 360.
39. Протоколы собраний и заседаний комиссии по чистке парторганизации «Торгсина» // ГАЧО. Ф. П-616. Оп. 1. Д. 379. Л. 124.
40. Приказы, протоколы Черниговской облконторы «Торгсин» и производственных совещаний Прилуцкого отделения «Торгсин» // ГАЧО. Ф. Р-5599. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.
41. Приказы директора по личному составу // ГАЧО. Ф. Р-1369. Оп. 1. Д. 177. Л. 27.
42. Докладные записки // ОГАЧОН. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 63. Л. 20.

43. Общая переписка // ОГАЧОН. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 41. Л. 96.
44. Переписка с облконторами о заготовке и реализации продуктов // ЦГАВО Украины. Ф. 4051. Оп. 1. Д. 121. Л. 131.
45. Переписка по финансовым делам // ОГАЧОН. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 39. Л. 373.

Филимончик С. Н.

Использование принудительного труда в Карелии в годы первой пятилетки

Индустриализация приграничной, малонаселенной Карелии разворачивалась в условиях острой нехватки инвестиций. Искусственно свернув рыночные методы, сталинское руководство пошло на массовое использование принудительного труда для промышленного подъема северных регионов. В сложных условиях начала 1930-х гг. на севере России стала создаваться мощная и разветвленная экономика ОГПУ – НКВД.

Фактически к тому времени труд заключенных уже применялся в Карелии на основе подряда. С 1923 г. действовал Соловецкий лагерь особого назначения. Он стал своеобразным полигоном, на котором апробировалась новая модель мест лишения свободы [1]. Руководил экономическим отделом лагеря один из заключенных – Н. А. Френкель, по специальности строитель, в годы Гражданской войны тесно связанный как с уголовным миром, так и с Одесской ЧК.

Френкель обладал несомненным организаторским даром и коммерческой хваткой. В 1925 г. в журнале «Новые Соловки» он изложил свое видение экономической перспективы Соловецкого лагеря. Смелее многих идеологов нэпа Френкель предлагал перевести лагерное хозяйство на рыночные механизмы: добиваться рентабельности, коммерческой выгоды за счет рациональной организации всех элементов производственного процесса – рабочей силы, материалов, станков, инвентаря и т. д. С его точки зрения, главным было выстроить производственный процесс в целом как единую систему, согласовать смежные производственные моменты, дифференцировать функции, тщательно нормировать задание исполнителям. Ценность существования каждого предприятия в лагере должна была определять его прибыльность, коммерческая успешность [2].

Если в первые годы существования лагерь развивал на островах производства, доставшиеся ему в наследство от Соловецкого монастыря, то начиная с 1925 г. УСЛОН начал разворачивать хозяйственную деятельность на материке, арендуя лесозаготовительные участки, предлагая рабочую силу другим организациям с целью получения прибыли [3].

В карельских лесах от Медвежьей Горы до Кандалакши работало несколько десятков тысяч заключенных УСЛОНа [4]. С 1930 г. предполагалось переключать УСЛОН на собственную лесозаготовку. За Соловецкими лагерями закреплялись Умбское и Поногоское лесничества [5]. Труд заключенных был задействован в строительстве грунтовых дорог. На станции Кандалакша заключенные работали по прокладке железной дороги к апатитовым разработкам. Соловецкие лагеря занимались рыболовным делом, перерабатывая 40 % улова Беломорского побережья [6]. Деловую репутацию УСЛОНа Управление лагерей ОГПУ весной 1930 г. характеризовало как безупречную [7]. Задания по договорам, как правило, перевыполнялись.

Высокую производительность начальник УСЛОНа Ф.И. Эйхманс объяснял рациональной организацией процесса труда: работники были заняты только на производстве, отопление жилищ, приготовление пищи, уход за инструментами и лошадей выполняли другие заключенные («обслуга»). Те, кто работал лучше всех, могли рассчитывать на премии и отдых продолжительностью от одной до трех недель [8].

Во второй половине 1929 г. наблюдался резкий приток заключенных: 01.01.1929. в Соловецких лагерях учтено 23,5 тыс., 01.06.1929. – 26,6 тыс., 10.01.1930. – 53,7 тыс. человек [9]. Численность заключенных на Соловках на 15.04. 1930 г. составляла 57 325 человек, в том числе 54 973 мужчин и 2352 женщин. По состоянию на 01.04. 1930. 3357 заключенных являлись несовершеннолетними. Более половины заключенных были осуждены органами ОГПУ (30 066 чел.), остальные (26 700 чел.) [10].

Строительство жилья не поспевало за быстрым ростом численности заключенных, и лагеря в Кандалакше, Майгубе, Кеми, Разнаволоке оказались переполнены. Особенно тяжелая ситуация сложилась на Кемском пересыльном пункте, где на 01.01.1930. на 1 заключенного приходилась площадь 0,61 кв. м. [11]. Люди ночевали в тесных бараках, не имели постельных принадлежностей. С октября 1929 г. по март 1930 г. переболело в стационарах 45 % заключенных. За эти полгода умерло 3583 человека, из них 1004 чел. – от сыпного тифа, 3960 от истощения и малокровия [12]. В лагерях росла заболеваемость желудочно-кишечными заболеваниями, сифилисом, чесоткой. Чтобы локализовать сыпной тиф, часть заключенных, прежде всего ослабевшие люди, была переселена с материка на острова, других перевели в арендованное жилье. Были оборудованы дезокамеры, открыты новые лазареты, бани [13].

По состоянию здоровья весной 1930 г. менее половины заключенных (44 %) признавались годными ко всем видам работ. При этом из-за тяжелых условий труда и быта, плохого питания за год примерно четверть занятых физическим трудом заключенных пере-

ходила в категорию больных и инвалидов. На тяжелых физических работах были заняты подростки, которые, «не получая должной квалификации, разлагались морально и физически», становились объектом сексуального насилия. С 1 октября 1929 г. по 1 апреля 1930 г. из лагеря бежало 1540 заключенных, из них 1084 было задержано, 78 убито, 378 не разыскано [14].

В апреле 1930 г. ОГПУ объявило запись добровольцев на руководящую работу в лагеря. Им предоставлялись существенные льготы: надбавка к зарплате, двухмесячный отпуск, после трех лет службы, получив дополнительное денежное вознаграждение, желающие могли переводиться на оперативную работу в местности по их выбору [15]. Надбавка добровольцам в Соловецких лагерях составляла 30–40 % зарплаты, тем не менее добровольцев было немного. На работу в ГУЛАГ направляли чекистов с «чуждым социальным происхождением», проштрафившихся [16]. На Соловках администрация подбиралась из осужденных работников ОГПУ. Нередко обычные заключенные занимали административные должности. На строительстве ББК работало только 37 кадровых работников ОГПУ, практически все административные должности занимали заключенные [17]. Наименее престижной была служба в военизированной охране, 95 % работавших там составляли уволенные в запас красноармейцы [18].

Выступая на X конференции Карельской партийной организации (28 мая – 1 июня 1930 г.) начальник 4-го отделения СЛОНа Д. В. Успенский, назвав заключенных «отбросами октябрьского шквала», заверил, что они «воск в наших руках и мы их переделываем по своему» [19].

Отношение к заключенным по мере внедрения нововведений Френкеля все более ужесточалось. Заключенные повсеместно жаловались на отсутствие нормированного рабочего и выходных дней, повсеместную недодачу пайков. С первых дней пребывания в лагере заключенных муштровали, унижали, давили тяжелой работой, чтобы сломить всякое желание сопротивляться. В апреле 1930 г. на Соловках работала особая следственная комиссия ОГПУ под руководством члена коллегии ОГПУ А. М. Шанина. В результате расследования около 60 заключенных и представителей администрации, виновных в издевательствах, были расстреляны [20].

Осудив пытки и издевательства, руководство ОГПУ не смогло внедрить более цивилизованные методы поддержания порядка в лагере, где содержалось большое число профессиональных преступников, осужденных за посягательство на жизнь, здоровье, имущество людей, имеющих по несколько судимостей. В 1932 г. ОГПУ начало новое следствие по фактам падения в лагере дисциплины, участвовавшим кражам, грабежам, поножовщине, пьянству, проституции. Некоторые сотрудники аппарата попустительствовали уголовникам, брали взятки, снабжали уголовников оружием. В феврале 1933 г.

судебным заседанием коллегии ОГПУ 76 заключенных были приговорены к различным мерам наказания. (В 1968 г. в отношении 40 человек постановление коллегии было отменено Президиумом Верховного суда КАССР.) [21]

К тому времени значительная часть заключенных была переведена с Соловков на строительство Беломорско-Балтийского канала. На канал была переброшена часть заключенных Вишерского ИТЛ. Половину своего контингента передал Беломорстрою Сиблаг [22]. В мае–сентябре 1932 г. все работоспособные заключенные, передаваемые домами заключения, отправлялись на Беломорстрой [23].

В ноябре 1931 г. был организован Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь (ББЛАГ), действовавший до сентября 1941 г. Управление лагеря находилось в пос. Медвежья Гора, (с июля 1933 г. по сентябрь 1935 г. – в с. Надвоицы). В 1932 г. ББЛАГ был самым крупным ИТЛ в стране. Всего в заключении находилось в это время 275 961 чел., из них 99 095 отбывали срок на строительстве канала. Вторым по численности шел Свирлаг, насчитывавший 30 938 чел. [24].

В первом квартале 1932 г. ББЛАГ давал самый высокий среди лагерей процент использования рабочей силы на производстве – 81–83 % [25]. При этом жилищное строительство на ББК было ограничено жестким минимумом. Прибывших размещали в бараках, в палатках и иных постройках временного типа. По официальным данным, на строительстве канала погибло свыше 12 тыс. человек. Основными причинами высокой смертности были тяжелая работа, голод, обморожения, болезни, расстрелы при побеге [26].

Большинство заключенных были заняты изнурительным и опасным физическим трудом. Техники не хватало, основными орудиями труда на стройке оставались тачка, кувалда, лопата, топор. Всего на канале было построено 128 гидротехнических сооружений. Из 19 шлюзов 13 было возведено на скалистом основании, 6 – на мягких грунтах [27]. Наиболее крупными и ответственными сооружениями стали 15 плотин, при строительстве которых было применено много инженерных находок. На ББК построено 33 судоходных канала. Они ограждались 49 дамбами, в которых располагались 12 водоспусков [28].

Для повышения эффективности работы использовалось соревнование между бригадами, шлюзами. Победителей награждали знаком «Ударник Белморстроя», дававшим определенные привилегии. Списки ударных бригад публиковались в газетах. Художники писали портреты передовиков, музыканты исполняли любимые ими мелодии [29]. В резолюции пленума парткома ББЛАГа 25 августа 1932 г. «вменялось в обязанность» работать под лозунгом «Максимум внимания к человеку и его нуждам» [30]. Изошренная пропагандистская кампания стремилась убедить в эффективности «перековки» лагер-

ным трудом в то самое время, когда тысячи больных цингой, желудочно-кишечными инфекциями людей не могли выйти на работу, в связи с чем возникла угроза выполнения производственного плана.

При выполнении и перевыполнении нормы применялся «зачет дней» – сокращение срока наказания. Важным средством стимулирования труда стала так называемая «котловка» – питание напрямую зависело от выполнения производственной нормы. Те заключенные, которые не выполняли норм, получали «штрафной паек».

На стройке фиксировались случаи очковтирательства, подлогов, намеренного завышения объемов выполненных работ. Опасаясь суровых наказаний за невыполнение норм или желая выслужиться перед начальством, прорабы, десятники начальники лагпунктов занимались приписками. Проверки выявили служебные подлоги в работе пунктов на Маткожне, Шижне, Выгострове и др. Виновных строго наказывали, недоделки устраняли путем работы на износ тысяч людей во время лихорадочных «штурмов» и «авралов» [31].

Сложнейшие технические проблемы успешно решали на строительстве ББК квалифицированные инженеры, среди которых было немало репрессированных специалистов. Осенью 1929 г. была «разоблачена» якобы вредительская организация в Центральном управлении водных путей Наркомата путей сообщения и его местных отделениях. По этому делу было осуждено около 50 инженеров [32]. В 1930 г. еще более крупная вредительская организация была «раскрыта» в Средней Азии. В 1920-е гг. член комиссии ГОЭЛРО Г. К. Ризенкампф привлек в Туркестан для разработки проектов использования водных ресурсов Сырдарьи, ирригационных работ немало молодых, способных инженеров. В Управлении водного хозяйства Средней Азии и подчиненных ему структурах, работали Н. У. Хрусталева, В. Д. Журинов, К. Вержбицкий, О. Вяземский и др. Все они были арестованы, когда для разработки проекта ББК потребовались гидротехники.

Получившим опыт травли, страха, жизни в застенке инженерам, осужденным в основном по 58 статье УК, в 1931 г. предоставили работу по специальности в Особых конструкторских бюро. О. В. Вяземский, начавший работу в бюро в июне 1931 г. так описал его спустя два года: «...Отвели нам огромный зал с паркетным полом, где жили свободно 120 человек. Половина зала – дортуар, койки с пружинными матрацами, тумбочки около кровати, а половина – столовая. Люди хорошо одеты. Даже некоторые с цветами в петличке. И сидит только один человек в форменной фуражке – охрана. ...Кормили прекрасно, из столовой оперативного состава. Режим, правда, тюремный – прогулки во дворе». В сентябре 1931 г. проектировщиков перевезли в Медвежью Гору. «Первое время было очень трудно, – вспоминал Вяземский, – жили в сырости, холоде, болели». Непросто шла притирка с арестантами УСЛОНа

[33]. Постепенно бытовые условия наладились, были разрешены встречи с семьей.

ОГПУ дало понять заключенным-инженерам, что их будущее во всех смыслах определит успех проекта. Масштаб работы не мог не вызвать профессионального интереса и азарта. Напряженный интеллектуальный труд позволял сохранять самоуважение. Н. У. Хрусталева в декабре 1933 г. в беседе с писателями, готовившими книгу о канале, размышлял: «А что делать, если не работать? Оскотинишься до конца. Это, если хотите, своеобразный стиль самосохранения» [34].

Вспоминая лагерь, академик Д. С. Лихачев призывал избегать однобоких представлений о жизни в заключении: «В ужасных условиях лагерей и тюрем в известной мере сохранялась умственная жизнь. И эта умственная жизнь была даже в некоторых случаях весьма интенсивной... Но были люди (и их было немало), сохранявшие свое человеческое достоинство, думавшие и осмыслявшие бытие в духовном масштабе» [35].

В 1932 г. ведущие инженеры, срок лишения свободы которых в большинстве случаев составлял по приговору 10 лет, были освобождены досрочно, в 1933 г. они получили государственные награды. По окончании строительства были полностью освобождены от дальнейшего отбывания наказания 12 484 человека, сокращены сроки наказания 59 516 человек. За самоотверженную работу на строительстве канала снята судимость и восстановлены в правах 500 человек [36].

Лагерная экономика позволила государству за короткий срок осуществить на севере строительство промышленных объектов, обеспечить развитие добывающей промышленности и укрепить обороноспособность государства. Она прикрывала тяжелые последствия очередных «рывков» и «штурмов», неэффективность хозяйственного механизма. ГУЛАГ стал вариантом антигуманного воплощения в жизнь социалистической утопии. Проектирование социальных процессов с целью освобождения человека от эксплуатации, создания условий для творческого развития обернулось в России 1930-х годов новым порабощением. В Карелии родилось слово «туфта» (есть мнение, что слово образовалось от аббревиатуры ТФТ – тяжелый физический труд). Так в лагерях называли работу, выполненную для видимости [37]. Думается, в этом слове хорошо отразилась неэффективность в долговременной перспективе лагерной экономики для России. Гулаговский вариант не был единственно возможным путем освоения севера. В 1930-е гг. в Карелии предпринимались активные усилия для организации добровольной промышленной миграции. Повышение образования и квалификации работников, их производственной культуры стало рассматриваться в качестве важного источника экономического роста. В республике впервые

начала формироваться система массового начального и высшего профессионального обучения. Однако совокупность политических, экономических и идеологических факторов содействовала тому, что сталинское руководство сделало ставку на традиционные для России методы проведения социально-экономических реформ через принуждение и насилие.

Примечания

1. Упадышев Н. В. От Соловков к ГУЛАГу: зарождение советской лагерной системы // Отечественная история. 2006. № 6. С. 90.
2. Цит. по: Флоренский П. Нафталий Френкель // Наш современник. 2010. № 7. С. 211–212.
3. Шульгина М. В. Соловецкие лагеря и экономика Кольского Севера в 1920-х – начале 1930-х гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 1. С. 30–31.
4. Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: сб. док. и материалов / Составители В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск, 2005. С. 181.
5. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Т. 3. Экономика Гулага. / Отв. ред. О. В. Хлевнюк. М., 2004. С. 58.
6. Там же. С. 67.
7. Там же. С. 59.
8. Советская лесная экономика. С. 129.
9. История сталинского Гулага. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / Отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталева. М., 2004. С. 455.
10. Там же. С. 139.
11. Там же. С. 455.
12. Там же. С. 146.
13. Там же. С. 456–458.
14. Там же. С. 140–141.
15. История сталинского Гулага Т. 2. Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. Н. В. Петров. М., 2004. С. 82, 87.
16. Там же. С. 43–44.
17. Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1987. С. 163.
18. История сталинского Гулага. Т. 2. С. 48.
19. Советская лесная экономика. С. 177.
20. Чухин И. И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990. С. 39.
21. Там же. С. 42–47.
22. История сталинского Гулага. Т. 3. С. 87–88.
23. История сталинского Гулага. Т. 4. С. 92.
24. Там же. С. 465.
25. История сталинского Гулага. Т. 3. С. 82.

26. Змеевская М. Каналоармейцы на строительстве ББК. Электронная статья. Режим доступа: <http://www.gazeta-licey.ru/public/unforgotten-old/item/5736-kanaloarmeicy-na-stroitelstve-bbk>
27. Гнетнев К. Канал. Петрозаводск, 2003. С. 28, 30.
28. Дмитриев Ю. А. Беломорско-Балтийский водный путь (от замыслов до воплощения). Петрозаводск, 2003. С. 150–158, 162.
29. Чаженгина В. Беломорканал: стройка века и его трагедия. Интервью с писателем К. В. Гнетневым. Электронный журнал. Режим доступа: <http://www.gazeta-licey.ru/public/lyceumcOnversatiOn/item/5727-belomorkanal-strojka-veka-i-ego-tragediya>
30. ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941: сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1992. С. 44.
31. Гнетнев К. В. Беломорканал. Времена и судьбы. Петрозаводск, 2008. С. 97–103.
32. Там же. С. 203.
33. Там же. С. 90–92.
34. Там же. С. 80.
35. Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 2000. С. 211, 223–224.
36. Карело-Мурманский край. 1933. № 5–6. С. 9–10.
37. Троицкий В. П. Беломорканал – инженерный памятник времен «перековки» // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 3. С. 111.

III. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ГОЛОД

Шпагин С. А.

Голод или Голодомор — сталинский геноцид или последствие политики коллективизации?

Голод [1], чувство голода [2] как физиологическое явление играют важную роль как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях в истории человечества. Уже в античное время сформировалось представление о голоде и любви как двух основных силах развития истории. Угроза голода, таким образом, рассматривалась как стимул для развития и снижения опасности его появления. Соответственно, снижение уровня угрозы голода и его преодоление, способствовали реальному прогрессу человечества.

Важный аспект — неравномерность преодоления угрозы голода странами, регионами, континентами. Естественно, что на развитие аграрного и индустриального секторов экономики влияют природные условия, исторические, цивилизационные особенности. Светская и религиозная традиция, особенности этнической культуры, а в нашем случае и политические режимы.

Периоды голода охватывали все континенты и страны, но начиная с XII века, цивилизационный рывок делает Европа. Тем не менее, вплоть до XIX века Европа проходила периоды массового голода [3].

Российская империя традиционно, то есть вне зависимости от последовавшей после 1917 года политики большевиков, переживала периоды голода, стыдливо называвшиеся «недородом» [4]. При этом реформа Столыпина, проводившаяся в более благоприятной по сравнению с 30-ми годами XX века ситуации, вызвала резкую критику современников и не была реализована. В контексте поставленной проблемы важна не столько сама реформа Столыпина, сколько эволюция ее оценки — от неприятия современниками до ее восхваления после осознания последствий коллективизации и голода [5]. Но в начальный период коллективизации опыт решения аграрного вопроса как в самой России, так и в других странах, оказался не востребованным, либо не применимым по разным причинам.

К факторам, которые способствовали снятию угрозы голода в странах Европы, можно отнести индустриализацию континента, развитие региональных рынков и доминирование Европы в мировой экономике и мировой политике. Создание европоцентристской модели миропорядка, в котором доминировали великие державы, преимущественно колониальные метрополии Западной Европы, позволило большинству стран Западной и Центральной Европы, США и ряду не европейских государств снизить или снять угрозу голода для своего населения к началу XX века.

Но это не означало, что в рассматриваемый период мир в целом окончательно преодолел угрозу голода, тем более в странах Восточной Европы. Опыт США и Западной Европы в решении аграрной проблемы по объективным и субъективным причинам не мог быть использован в условиях России и СССР без серьезной адаптации.

Первая мировая война, последовавшие затем потрясения, создавали еще большую продовольственную напряженность для Восточной Европы. Но одновременно этот период мировой истории характерен формированием национальных и международных институтов гуманитарной помощи голодающему населению ряда стран, что важно для понимания поставленной проблемы – голодающему населению Советской России, включая Украину. Можно отметить, в частности, деятельность таких организаций, как АРА [6] и Агроджойнт [7].

Естественно, понимание важности политики продовольственной безопасности, ее планирование и необходимость оказания гуманитарной помощи как своему населению, так и населению союзных государств и территорий уходит своими корнями в глубокую древность. Вспомним известный сюжет из Библии (Торы) об Иосифе, который своим советом о создании продовольственных запасов спас египтян от голода в годы неурожая. В этом же сюжете упомянут и метод спасения – миграция населения из охваченных голодом территорий в более благоприятные регионы, контроль над распределением продовольствия, создание продовольственных запасов и гуманитарная помощь братьям по вере.

Голод как результат игнорирования или непрофессионализма при решении природопользования отражен в сюжете древнегреческой мифологии о похищении Аидом дочери Зевса и Деметры Персефоны. Опечаленная богиня земли Деметра пренебрегла своими делами, вследствие чего природа перестала приносить свои плоды, и землю охватил голод.

Политики Древнего Рима прекрасно понимали инструментальную важность контроля над хлебными провинциями империи для захвата и удержания власти, а лозунг «хлеба и зрелищ» по существу не утратил своей актуальности и сегодня. С точки зрения экономической эффективности и потребности в социальной стабильности правящий класс любой страны заботился о физиологическом минимуме зависимой и несвободной рабочей силе. Тем более старался обеспечить необходимый уровень пищевого комфорта свободной рабочей силе, являвшейся одновременно электоратом, основой призывной армии и массовым потребителем на рынках товаров.

Естественно, голод использовался как средство принуждения к сдаче в плен в случаях длительной осады противника[8].

Часто возникали ситуации незапланированного голода как следствие проводившейся политики или стихийных природных и социально-политических процессов [9].

После Французской революции государства берут на вооружение террор как метод устрашения собственного населения. Позднее Пруссия создает модель социального государства, в том числе госконтроль над аграрным сектором, дающим рычаг воздействия на подданных.

Однако голод как метод контроля, наказания, прямого уничтожения собственного народа в мировой истории не был замечен. Отдельный вопрос использование голода как инструмента контроля и уничтожения в колониях (политика Британской империи в Индии).

Таким образом, наличие угрозы голода присутствовало в мировой истории с начала становления цивилизации [10]. Но голод и его преодоление носили инструментальный характер преимущественно с положительным направлением. Иными словами, голод в советской России в начале 20-х, затем в 20–30-е годы явился совершенно новым явлением.

Отсюда важность поставленной проблемы. Ее суть: выявление взаимосвязи объективных последствий социально-экономической политики тогда и сформированной сегодня концепции предполагающей четко сформулированную цель использования искусственного голода в качестве инструмента геноцида применительно к украинцам и Украине.

Реалии XX и XXI веков показывают, что контроль над ресурсами, в том числе над продовольствием, играют важную роль в доминировании ключевых акторов мировой политики. Как ни печально, именно сейчас использование голода, угрозы контролируемого голода в действительности становятся инструментом национальной политики государств, декларирующих свою избранность в мировой политике. Хомо Дигиталис, Человек Цифровой, уже получает генномодифицированную духовную и материальную продукцию «хлеб и зрелища» XXI века, что делает особо актуальной заявленную тему.

Если применить приведенные выше исторические обстоятельства голода в мировой истории к реалиям СССР и УССР в 20–30-е годы, влиявшие на поставленную проблему, то ситуация может быть описана следующим образом.

Природные условия делали традиционно Украину и юг СССР естественной житницей страны. Но традиционно эта роль украинских земель реализовывалась без длительного наличия суверенного украинского государства. Польская модель для Европы XVI–XVII вв. предполагала получение роли лидера в окружении слабых соседей – Пруссии и Московии именно на наличии у нее плодородной Волыни, не амбициозного украинского крестьянства и бандитов в лице запорожцев, с которыми шляхта не нашла общего языка [11].

Смысл – украинские земли под властью Польши могли играть роль сырьевого и нещадно эксплуатируемого придатка, где голод мог использоваться как инструмент давления. Вспомним участь совет-

ских военнопленных в польских лагерях, а ведь советско-польская война шла как раз на украинских землях и польско-украинская резня вспыхнула раньше установления советской власти на Украине.

В территориально-административной и властной структуре СССР Украина не являлась ни «внутренней колонией», ни регионом с ярко выраженными сепаратистскими тенденциями. Более того, категории партийного и этнического национализма в рамках однопартийной структуры не носили жесткой привязки к конкретной территории.

Советизация украинской коммунистической элиты, историческое наличие украинского населения вне Украины, массовая миграция украинцев, а не их депортация, позднее зарождение и, следовательно, слабость украинского буржуазного национализма, минимизировали масштаб национально-освободительного движения в украинских землях.

Украинские землевладельцы были полиэтничными и поликонфессиональными. В партийной, советской и военной элите страны украинцы играли важную роль, активно участвуя в советизации страны в целом, тем более, украинских земель.

Победа Сталина и его соратников означала смену курса от ориентации на затратную мировую революцию к не менее затратной, но более рациональной и востребованной концепции национальной модернизации, воплощением которой и были индустриализация и коллективизация.

XX век дал миру три модели грандиозных экспериментов модернизации «опоздавших» народов и государств – сионизм, большевизм, нацизм. И все они были основаны на эксплуатации аграрного сектора, ускоренной урбанизации, миграциями собственного населения, автаркией, культом аскетизма, доминированием идеологии и открытым или латентным конфликтом между городом и деревней.

Эти три модели в разной степени, но сталкивались с проблемой самообеспеченности ресурсами и продовольствием, тем более что автаркия экономическая совмещалась с агрессивной внешней политической, идеологической и военной экспансией.

Поэтом целью сталинской модели модернизации была индустриализация и урбанизация страны. Борьба за власть по существу не требовала применения методов геноцида. Даже проведенные в годы Второй мировой войны депортации и этнические чистки по решению Ялтинской конференции, нельзя рассматривать как геноцид.

С этой точки зрения предполагать наличие у правящей партии, побеждавшей в борьбе за власть, цели геноцида в отношении тогдашних житниц страны не логично.

Вряд ли в тогдашних условиях можно было говорить о «национально-освободительной» борьбе именно украинского крестьянства. С учетом постсоветского опыта сепаратизм бывшей коммунистиче-

ской и советской элиты можно рассматривать скорее как формирование новых кланов, чем заботу о крестьянах.

Эмигранты всех национальностей бывшей Российской империи вряд ли могли тогда беспокоить руководство страны. Физическое устранение некоторых лидеров за рубежом советскими спецслужбами имели иную логику.

Свою цель Сталин достиг, создав в глазах мира вне российского исторического пространства имидж политика, «принявшего Россию с сохой, оставившего с атомной бомбой». Другое дело, что для нас та Россия не ограничивалась сохой, а СССР не спасла от распада атомная бомба.

Следовательно, поставленная проблема не сводится к спору двух историографий. Суть в том, что Голод, Голодомор, коллективизация и модернизация – параллельные, но имеющие причинно-следственные связи.

Голод – частый спутник человеческой цивилизации и его причины носят комплексный характер, где конкретная политика имеет важное, но не единственное значение.

В конкретно-исторических обстоятельствах у руководства СССР был не очень большой выбор модернизации страны в условиях неразвитого аграрного сектора, не вписывавшегося в идеологию построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Альтернативы жесткой эксплуатации российской деревни и крестьянства, прежде всего славянских республик для сохранения просто суверенитета и экономического развития фактически не было.

Не столько альтернатива, сколько время для менее жестких преобразований российской деревни и аграрного сектора были упущены в ходе реформ 60-х годов XIX века. Последовавший распад Российской государственности в результате катаклизмов начала XX века не оставили реальной возможности даже полумерам – кооперативным экспериментам Белого движения в Сибири, анархистской модели Гуляй Поля, большевистским экспериментам с НЕПом, ТОЗаами или созданием сети еврейских «фермерских» поселений-кибуцев в рамках плана ЗЕТ (землеустройство евреев трудящихся).

Коллективизация планировалась людьми, имевшими личный опыт жизни в голодной России, знакомых с античной мифологией, сюжетами Торы и реалиями западноевропейской политики, в том числе, отношениям к России. Коллективизация могла в условиях общей модели мобилизационного режима решить первостепенные социальные, политические, внешнеполитические и экономические проблемы в контексте принятой модели общества и государства. Как минимум она была ориентирована именно на преодоление угрозы голода в условиях мирового кризиса [12].

Так что ответ на поставленный вопрос возможен следующий. Реалии 20–30-х годов диктовали ускоренные и жесткие формы мо-

дернизации страны. Руководство СССР столкнулось с угрозой голода в слаборазвитой стране. Существовало реальное опасение столкнуться с социальным, в меньшей степени с национальным сопротивлением советизации страны. Выполнение международных обязательств по экспорту хлеба рассматривалось как форма идеологического превосходства социализма.

Коллективизация должна была не только предотвратить угрозу голода, но и обеспечить индустриализацию, культурную революцию и международную экспансию социалистического государства. В принципе, это и произошло. Но сам социализм, этатическая модель общества к моменту «расцвета» этой модели уже исчерпали себя.

Оценивая соотношение коллективизации и связанного с ней голода в СССР, концепцию Голодомора в сегодняшней Украине, можно отметить следующие моменты.

1. В новом учебном стандарте по отечественной истории коллективизация уже названа сталинской моделью модернизации. Но именно эта модель привела к голоду. Признание коллективизации частью истории нашей страны не снимает необходимости дать ей оценку как провальной и стоившей жизни миллионам людей нашей общей страны. Попытки исправления ситуации оказались смазанными жестоким замалчиванием и подавлением открытого вооруженного сопротивления, кстати, не на украинских землях.

Власть, общество и даже мировое сообщество оказались не готовы к такому развитию событий и последовавшие меры лишь осложнили ситуацию, спровоцировав в последующем и тоталитарные методы управления страной, и апатию и психологию страха, и отчуждение народа от власти.

2. Современный украинский национализм вырос не столько на основе продолжения позднего культурного национализма и национализма галичан, сколько как реакция на отношение Москвы к голоду и собственному народу.

3. Концепция голодомора важна для молодой украинской элиты как инструмент национальной пост советской идентификации, поскольку украинская диаспора не смогла предложить комфортного варианта провинциальной элите внезапно обретшей независимость Украины.

4. Концепция голодомора удобна в ситуации отсутствия и невозможности поддержки собственной национальной идеи для всех регионов Украины.

5. Концепция голодомора вторична, ибо это копирование Холокоста. Но раскрутка имиджа жертвы, использование концепции виктимности, неизбежно приводит не только к русофобии, но и к антисемитизму.

6. Европейский выбор украинской элиты неизбежно приведет к усилению отторжения от общей с Россией истории и современности.

Младоевропейцы активно используют как инструментарий системный реваншизм и концепцию виктимности.

7. Составляемый «каталог геноцидов» польскими и украинскими историками ориентирован на взаимное списание своей вины на Москву, что в условиях кризиса системы гуманитарного образования в России и Украине опасно не в меньшей степени, нежели потеря ядерного паритета.

Есть урок 70 лет нашей общей истории народов в рамках единого государства, урок коллективизации, как минимум не предотвратившей массовый голод. Есть опыт пренебрежения государством интересов своего народа, будь то Украина в 1930-е годы, либо Новочеркасск в 1962 году. Но ответ на поставленный в данной статье вопрос очень прост. Не надо повторять ошибки жены Лота, не надо постоянно оборачиваться назад и жить прошлыми трагедиями. Строить реальное будущее сегодня «изображая жертву» [13] в поиске виновного в собственной истории вне собственной действительности сложно.

Примечания

1. Как чисто медицинское явление, см.: Голод// Большая Медицинская Энциклопедия. <http://bigmeden.ru/article/>

2. Ощущение голода//Недуг<http://nedug.ru/library>

3. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. М.: Alexandria, 2009. 279 с. Серия: Становление Европы

4. Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892.

5. Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912; Ленин В. И. Столыпин и революция. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 20; Лось Ф. Е. Україна в роки столипінської реакції. М., 1944. М. С. Симонова. Москва.

6. Макаров В. Г., Христофоров В. С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России//Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 230–243.

7. Yehuda Bauer: My Brother's Keeper. A History of the American Jewish Joint Distribution Committee 1929–1939. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1974.

8. Геродот: История Геродота Книга первая Клио.

http://o-egypte.ru/library/gerodot/istoriya_gerodota_kniga_pervaya_klio/13

9. Перлз Ф. Эго, голод и агрессия//center-nlp.ru/library/s55/nlp/perlz...

10. Сорокин П. Голод как фактор. М.: Academia & LVS, 2003.

11. Шпагин С. А. «Польский проект для Европы»: несостоявшаяся «иная реальность»// Российско-польский исторический альманах. Вып. 1. Ставрополь-Волгоград. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. С. 5–18.

12. Аксененко С. Голодомор 1930-х годов как часть мирового экономического кризиса//Твое время. 2005. № 1–2.

13. Напомню, это название фильма ростовчанина, кинорежиссера Кирилла Серебренникова. См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Жигульский А. В.

Особенности взаимоотношения власти и крестьянства в 1920-е – начале 1930-х годов

В отечественной историографии проблема взаимоотношения крестьянства и власти долгое время рассматривалась в двух противоположных позициях: одобрение действий властей или несогласие с ними. Однако разумнее исследовать с учетом различных нюансов, которые не позволяют говорить однозначно о согласии крестьян с проводимой политикой власти или сопротивлении ей. Наиболее информативным источником в изучении данной проблемы являются письма, помогающие в изучении не массовых, а индивидуальных явлений, доказывая сложность любого исторического процесса и неоднозначность в выводах. Данный вид источника ценен для реконструкции духовно-эмоционального климата изучаемой эпохи, а также здесь запечатлена субъективная точка зрения, которая передает не только мироощущение самого человека, но в определенной степени и настроения, свойственные его общественной среде.

В данной работе был проведен анализ крестьянских писем и жалоб, направленных как в Центр, так и представителям своего класса в период с 1921 г. по 1932 г., находящиеся в ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области), а также центральных федеральных архивах РГАЭ и РГАСПИ. В 20-е годы форма приговоров – коллективных прошений крестьян, предлагавших программу конкретных требований и реальных мер по улучшению положения крестьян, – получила широкое распространение. Тем не менее отличительной чертой того времени стала индивидуальная инициатива. По характеру письма представлены в основном в виде жалоб, просьб, консультаций, размышлений, направлявшихся в редакции газет (в основном в «Крестьянскую газету») и в верховные органы власти на имя М. И. Калинина, И. В. Сталина. Данный вид источника специфичен, так как основной тематикой писем было недовольство жителей села положением дел на месте. Это необходимо учитывать при оценке взаимоотношений власти и крестьянства.

Под понятием «власть» мы подразумеваем советских лидеров, местных партийных работников, государственные учреждения, законы, изданные в период 1930–1940 гг., систему идеологии. Необходимо также ее разделять на верховную или центральную и на местную власть, так как оценки их довольно различны.

Высшие органы управления были той инстанцией, действия которой практически всегда вызывали положительные отклики на селе и чей авторитет оставался непререкаемым. Сохранилась вековая традиция, вера в доброго правителя, который очень занят делами государственной важности и может не знать истинного положения дел на местах. Проведенный анализ писем в центральные органы власти подтверждает справедливость этих выводов. «Шлю горячую благодарность тов. Сталину и всем остальным идейным товарищам, которые действительно стараются повести трудящиеся массы по правильному пути к светлому будущему, что уже началось» [1].

У высшей власти крестьяне искали помощи и защиты, нередко используя те слова, с которыми их предки обращались к своим господам. Чувство незащищенности, тревоги толкало на это в надежде, что только так они смогут «достучаться» до верхов со своими проблемами. «Просим уделить нам время и выяснить» [2]. «Извините за нашу малограмотность, может быть, что не понравилось из нашего письма [...] Вас заинтересует сведения» [3].

Данная манера обращения не только сохранится, а даже наберет, в 1930-е годы примет почти всеохватывающий характер, чему причиной будет усиление роли Сталина и партии. Так, еще в начале 1920-х годов крестьяне на волне побед в революции и гражданской войне требуют соблюдения тех прав, которые были ранее большевиками обещаны (например, право на законную инициативу). Подача приговоров и наказов, в которых жители сел выдвигали свои требования к власти, рассматривается исследователями как свидетельство проявления революционного народного сознания. Еще живы были в памяти события 1917 года, когда усилием простого «мужика» был сломлен старый строй, и началось возведение нового, народного. Спустя десятилетия ситуация изменилась. Тяготы жизни, репрессии заставили людей поменять свои взгляды на формальное одобрение всех начинаний государства, тщательно скрывая свое несогласие с чем-то.

Несмотря ни на что, центральная власть в их глазах оставалась справедливой и народной. Им импонировало, что некоторые ее представители, например Калинин, выходцы из их среды. Именно на них в основном надеялись крестьяне, прося помощи. «Ведь они знают, как нам тяжело живется, поэтому обязательно чем-то помогут» — так примерно рассуждала основная масса сельчан, кто писал жалобы или искал помощи. «Дорогой Калининч. Будьте добры, нельзя ли мне покинуть крестьянство, ибо оно мне очень тяжело, разрешите мне приехать в Москву» [4]. Надо полагать, что активная практика подобных монологов и диалогов с властью подпитывалась и реальным, а главное успешным опытом разрешения проблем местного, локального уровня высшими органами власти. Государство старалось, что нельзя забывать и отвергать, следовать той програм-

ме (строительства социализма, где все равны, вне зависимости от положения и происхождения), которую еще в революционные годы разработала.

В середине 1920-х годов шли горячие споры по поводу сохранения НЭПа, а также судьбы сельского хозяйства. На страницах газет и центральных печатных изданий виднейшие политики предлагали разные способы развития села. Не остались в стороне и сами крестьяне, направляя тысячи писем в Москву со своими мыслями по этому вопросу. Немало сторонников было сохранения общины и трансформации ее в будущий колхоз, но и достаточно много кто выступал за разрушение в любой форме такой организации на селе. «Община доводит до нищеты, до ругани, до драки, до отравления скота, до убивания соседних свиней – вот чего по деревням в общине можно скоро дожидаться. Я думаю, что мало таковых найдутся, кто скажет, что в общине хорошо жить» [5]. Таким образом, позиция крестьянства оставалась противоречивой. Государство же, понимая опасность публичного обсуждения, всячески старалось пресекать разговоры на эту тему. Несмотря на все это, крестьян больше беспокоил постоянно растущий сельскохозяйственный налог. Именно отмены его или хотя бы уменьшения требовало основное большинство писавших в Москву тружеников села.

Кардинальным образом отличалось отношение крестьян к представителям местной власти. Именно действия последних были причиной 90 % жалоб в центральный аппарат. «В продолжение таких распоряжений крестьяне выходят из терпенья, и не раз слышится заклинание советской власти, и все из-за такой несправедливой власти на местах» [6].

Власть в России всегда критиковали, в этом нет ничего нового. Причин недовольства хватало во все времена. Тем не менее свержение самодержавия и установление «народной власти» большевиками многими было воспринято достаточно серьезно. Люди искренне верили, что в скором времени их ждет светлое будущее. Крестьяне понимали, что это будет не скоро, потребуется время, но верили, что государство будет о них заботиться и помогать. Первые трудности развеяли этот миф. Местный партиец ничем особо не отличался от дореволюционного приказчика. Главным для того и другого было устройство личной жизни и поддержания видимого порядка.

Официально в создаваемых колхозах страны существовала демократия, решения принимались коллегиально, учитывая пожелания колхозников. Однако в реальности было не так. Местная администрация, состоящая из председателя, секретаря, партийных работников колхоза и бригадиров, в своем распоряжении имела больше прав, нежели рядовые колхозники. Власть давала возможность планировать и направлять на колхозные работы тех людей, кого они пожелают, часто освобождая от нее своих родственников и приближенных или

переводя их на более легкий труд. Такой метод управления, когда один решал за всех, противоречил уставным нормам колхозов. Люди писали письма, прошения в Центр, надеясь, что там «примут меры», «разберутся» в правильности и компетентности действий местной администрации. Так, крестьянин Воронежской губернии в 1924 году писал: «Я ему говорю: разве партийные так делают? Ты похищаешь народное достояние и разоряешь советскую власть и честных товарищей, которые отдали всю свою жизнь на благо трудящихся». Он сказал при публике: «мы все такие партийные», – но граждане никогда не верят, чтобы все партийцы так плохо делали, как низы партии» [7]. Данные действия были представлены во всех регионах и не являлись редкостью. При этом число злоупотреблений властью и хищений колхозного имущества не уменьшалась. С ухудшением положения вначале 1930-х все только увеличивалось. Недоступность местной власти, ее равнодушие к трудностям вызывали горечь и разочарование.

Анализируя письма и жалобы населения, искавшего заступничества у центральной власти, можно проследить, как изменяется тон и манера сообщений о беззакониях власти. До середины 1920-х люди часто откровенно говорили о положении на местах, но начиная с 1928–1929 гг. ситуация резко меняется. Все чаще крестьяне просили в письмах не предавать огласки того, кто написал, так как высока была вероятность преследования со стороны местной власти. За это могли притеснять на работе, посадить или создать жуткие условия жизни. Один из способов обезопасить себя и своих родственников от притеснений и трудностей жизни предприимчивые крестьяне видели во вступлении в ряды партии. «Мы желаем вступить в партию Ленина, но имеющиеся у нас два партийных говорят, что нужно три поручителя с пятилетним стажем. Мы стоим в тупике и не знаем, как быть» [8].

Однако нельзя говорить о вседозволенности и безграничности управленцев на местах. Верховная власть все же оставалась открытой, и у нее можно было бы найти защиту. «Товарищ Калинин, я извиняюсь за беспокойство, разрешите у вас спросить: сколько в стране законов и какими из них мы должны руководствоваться? Выработанными Центральным Исполнительным комитетом или волисполкомами у нас в селе Домамеричах, в Климовской волости?» [9]. Нередко случалось, что местные жители, не обращая внимания на возможные проблемы в будущем, пытались сами бороться с беззаконием, не апеллируя к высшей власти. Иногда применяя физическую силу.

Существование противоречий между рядовыми жителями колхозов и их администрации нельзя назвать формой проявления недовольства сельского общества проводимой политики власти. Абсолютное большинство конфликтов возникало из-за сведений

личных интересов и касалось отдельных людей, а не всей администрации или колхоза в целом. Для обывателя того времени председатель являлся не столько представителем власти, сколько «одним из своих», но в силу личных качеств поставлен управлять ими. Он избирался общим собранием колхозников, а не назначался из Центра, поэтому и ждали от него сочувствия и помощи в столь сложное время, а не попыток сведения счетов со своими недругами и стремления обогатиться за счет односельчан. По-другому дело обстояло с председателями и секретарями сельсовета, руководителями партийных и комсомольских ячеек, которые в глазах крестьян являлись истинной властью. Редко в документах встречаются случаи недовольства данной группой чиновников.

Отличительной чертой сельского менталитета того времени, да и более раннего периода, было приспособление к существующему порядку и положению дел. Данное явление нельзя назвать инертностью крестьян и этому есть объяснение. Во-первых, опыт гражданской войны показал, что сопротивление ни к чему хорошему не приводит. Необходимость воевать заставляла крестьян бросать свои хозяйства, что приводило в скором времени к голоду в их селах. Во-вторых, то, что советская власть предлагала в виде колхозов, было ближе крестьянам, нежели единоличные хозяйства 1920-х. Коллективное хозяйство в своей основе напоминало дореволюционную общину, но со своими нюансами. Страх перед засухой, дождливым летом и другими неблагоприятными катаклизмами ставил необходимость взаимопомощи и взаимовыручки друг друга. В последнее время группой историков [10] выдвигается теория общинной революции в 1917 году. По мнению Булдакова, Люкшина и ряда других специалистов, существенную роль в революционном процессе сыграли община и общинный менталитет крестьянства. Стоит согласиться с выводом известных историков-аграрников В. П. Данилова и Л. В. Даниловой о том, что «мощный подъем крестьянского движения, послуживший основой всей российской революции, явился в конечном счете проявлением и торжеством именно общинно-уравнительной ментальности». В-третьих, подлинной идеологией деревни был традиционализм и консерватизм мышления, а не революционность. Крестьянам было привычнее быть управляемыми и руководимыми, так как хаос и «черный передел» во время революции напугали их. Они искали защиты и покровительства у власти, обещая взамен исполнять ее решения.

Немаловажным для крестьян был принцип равенства. Однако речь идет не о радикальном способе уравнительности, отобрать у богатых и поделить, а в желании получить одинаковые возможности для жизни, а именно: земли, прав, деревенских ресурсов. Социальная справедливость – вот то, о чем мечтали и чего добывались своими действиями колхозники. Государство по-прежнему ими

рассматривается в качестве источника и «отца» порядка, а «сильная рука» как одно из средств его наведения. Крестьяне, по существу своему законопослушные, восставали в тех случаях, когда власть чрезвычайно вторгалась в сферу их интересов, ставя крестьянина в безвыходное положение (эти ситуации возникали чаще всего во время войн, которые влекли за собой неизбежное усиление налогового гнета) или не оправдывала ожиданий, вводя непонятные для них новшества.

Таким образом, можно сделать заключение, что взаимоотношения крестьянства и власти в исследуемый период носили противоречивый характер. С одной стороны, в деревне так и не произошло социального взрыва от действий властей в конце 1920-х, которого многие большевики боялись, что позволяет говорить если не о сочувствии местного населения к политике партии, то о сдержанном отношении. С другой стороны, объем писем к центральной власти с просьбами о помощи говорит, что не так все спокойно проходило, как говорилось и писалось в советское время. Многие сложности возникали из-за неправильности действий низших инстанций партии и государства. Нежелание местных чиновников во многих случаях как-то облегчить положение рядового обывателя вызывало ненависть и злобу последних ко всему советскому. Ефремов Ж. Д. в своей работе отметил, что «в России люди зачастую покорно переносят жизненные испытания, которые могут выпасть на долю каждого человека, но им гораздо труднее покориться страданиям, которые вызваны несправедливыми (по крайней мере с их точки зрения) постановлениями властей» [11]. С данной оценкой сложно не согласиться.

Примечания

1. РГАСПИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 857. Л. 90–93.
2. РГАЭ. Ф. 396. Он. 7. Д. 12. Л. 14–16 об.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 857. Л. 50–52.
4. РГАЭ. Ф. 396. Он. 7. Д. 12. Л. 14–16 об.
5. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 72. Л. 17–17 об.
6. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 82. Л. 261 об.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 857. Л. 90–93.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 825. Л. 248.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 576. Л. 218.
10. Булдаков В. П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций // Историческая наука в меняющемся мире. Выпуск 2: Историография Отечественной истории. Казань, 1994. С. 8–9; Люкшин Д. И. 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек: социально-психологический аспект / Отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1996. С. 115–141; Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в. М. 1996; Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы

«великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. С. 16; Данилов В. П., Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции. Москва. 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 37. См. также: С. 182, 391, 435–436.

11. Ефремова Ж. Д. Образ государства и власти в контексте русской ментальности // Национальная идея как фактор обеспечения социальнополитической и экономической стабильности российского общества.: Материалы международной научно-практической конференции. Орел, 2001. С. 338–339.

12. Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996.

13. Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2.

14. Ефремова Ж. Д. Образ государства и власти в контексте русской ментальности // Национальная идея как фактор обеспечения социальнополитической и экономической стабильности российского общества: Материалы международной научно-практической конференции. Орел, 2001. С. 337–344.

15. Земсков В. И. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–148.

16. Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт // Социологические исследования. 1994. № 6.

17. Козлова Н. Н., Смирнова Н. М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11.

18. Никольская С. Сознание крестьянства и аграрная модернизация России // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 45–59.

Кожемяко Т. Н.

Образ советской власти в общественном сознании ставропольского крестьянства в конце 1920–1930-х гг.

Период с 1917 до середины 1930-х гг. в советском государстве стал временем небывалых социальных потрясений, затронувших большие массы людей и вызвавших у них разные эмоциональные реакции и психологические состояния. Рассмотрим, как эти изменения повлияли на восприятие власти в общественном сознании крестьянского населения Ставрополя.

Особенность Ставрополя в сравнении с другими регионами Советского Союза состояла в том, что оно представляло собой аграрный регион, где основную массу населения составляло крестьянство.

В соответствии с этим взаимоотношения власти и общества в большей степени несли на себе отпечаток ментальных и социокультурных характеристик, присущих крестьянству и особенно беднейшей его части, поскольку на период конца 1929–1930 года удельный вес батрацко-бедняцких элементов в деревне составлял около 70 % от общего числа населения колхоза [1].

Для того чтобы правильно охарактеризовать особенности восприятия власти в массовом сознании ставропольцев, необходимо обратить внимание на те коренные отличия, которые характеризуют в картине мира советских людей центральную и местную власть. Причем разделение это доходит до дихотомии, до полного противопоставления. Как отмечал в 1925 г. будущий нарком земледелия и заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК Я. А. Яковлев, в сознании крестьян «от Калинина, Троцкого, Рыкова до волисполкома – огромный разрыв, зияющая пустота» [2].

Развитию этой дихотомии во многом способствовала историческая действительность первых послереволюционных лет, которая создавала чрезвычайно сложное переплетение властно управленческих институтов. В условиях гражданского бесправия в качестве специфической психологической защиты у русского народа сложился перенесенный сквозь века образ царя (Генсека, «вождя») как защитника. Крестьяне не понимали сложного механизма функционирования государства, склонны были воспринимать его как большую семью, которая выполняет защитные функции.

В картине мира населения конца 20-х – начала 30-х годов XX века Сталин воспринимался как «великий вождь» и «отец народов». О нем говорили и писали исключительно в превосходной форме, о нем слагали стихи и песни, ему посвящали подвиги. При этом Сталин был не единственным советским лидером, имевшим свой культ. Как отметила Ш. Фицпатрик [3], он даже не был единственным, кого называли словом «вождь». О членах Политбюро газеты писали во множественном числе – «наши вожди».

В картине мира ставропольского населения образ центральной власти, как правило, персонифицировался в членах Политбюро. Особое место в массовом сознании жителей локального сообщества имела фигура М. И. Калинина, пользовавшегося наибольшим доверием населения особенно крестьян. В картине мира ставропольчан М. И. Калинин часто являлся олицетворением всех возможных желаемых положительных качеств центральной власти. В нем видели «своего», выходца из народа, хорошо знающего и понимающего народные нужды. Об этом свидетельствуют обращения к М. И. Калинин в письмах: «Отец Всесоюзной Советской Республики», называют Председателя ЦИК крестьяне Ставропольского округа в 1925 г. [4]. «Товарищ Калинин! Отец родной!» – начинает свое письмо рабочий сахарного завода Евстигнеев [5].

Особенно интересны для понимания сложившегося в народном сознании образа М. И. Калинина детские письма, которые он получал во множестве. Наивные и искренние строки отражают то восприятие власти, с которым сталкивались дети, слушая разговоры взрослых. «Дорогой товарищ Калинин Михаил Иванович! Поздравляю Вас с днем рождения. Моя сестра Галя захотела Вас поздравить... Она еще в прошлом году хотела Вас поздравить, но, к несчастью, не умела писать. Желаю Вам всего лучшего. Ваш Игорь Куприянов» и ниже подпись Гали «Целую Галя» [6]. Или другое письмо: «Дорогой дядя Калинин. Я учусь хорошо. Люблю я тебя очень. Обещаю учиться на отлично. Нина 9 февраля 1937 г.» [7]. Эти искренние и трогательные строки из детских писем позволяют судить о том, как близок был в картине мира населения Ставрополья образ М. И. Калинина простому человеку. Даже в период жесточайших хлебозаготовок и массовых перегибов на селе, когда население теряло доверие к низовым властным структурам, образ М. И. Калинина оставался непоколебим.

В картине мира жителей ставропольского социума большим авторитетом пользовалась центральная власть и в лице Л. М. Кагановича. Так, колхозники села Большая Джалга колхоза его имени пишут письмо Л. М. Кагановичу (от 8.8.1933 г.), в котором обращаются к нему не иначе, как «дорогой вождь». В письме они рассказывают об успехах посевной и обещают все призывы правительства и партии выполнять своевременно и в срок, чтобы «выйти из нужды и нищеты к зажиточному и бесклассовому обществу» [8].

О том, что в картине мира жителей Ставрополья образ центральной власти олицетворял доверие, честность и справедливость свидетельствует также письмо жительницы станции Минеральные Воды А. И. Цыплаковой В. М. Молотову, в котором она просит вождя помочь ей и разобрать ее дело: «...Товарищ Молотов, я решила к Вам обратиться и прошу Вас – Вашего разъяснения» [9].

Вождистские и харизматические компоненты политической культуры населения ассоциировали политику центральной власти с конкретными деятелями, высшими руководителями партии и государства. Абстрактный образ центральной власти в картине мира ставропольского населения носил выраженный персонифицированный характер и олицетворялся с фигурами «вождей», к которым ставропольцы относились с почтением и уважением.

При этом, несмотря на положительный образ центральной власти, отношение к советской власти как таковой в картине мира населения Ставрополья зачастую было наполнено негативом. Мероприятия большевиков по коллективизации села и связанные с этим массовые реквизиции, обыски, происки врагов приводили к росту социальной напряженности в деревне, противопоставлению интересов крестьянства различных категорий и государства в целом. Недовольство советской властью выражалось по-разному: в сабота-

же мероприятий советской власти, в массовой ликвидации своего скота единоличниками при вступлении в колхоз, порче и поджогах колхозного имущества, бегстве в другие районы.

«Надоела эта власть, хлеб забирает, а взамен ничего не дает», – кричали крестьяне села Радыки Медвеженского района 1929 году в связи с очередными хлебозаготовками» [10]. Годом позднее на собрании в селе Безопасном отношение крестьян к власти выразилось в следующих словах: «Куда ведет советская власть, за что воевали, за эти хлебозаготовки – провалилась она, советская власть!» [11]. «Власть наша еврейская, – продолжали крестьяне. – Надо бойкотировать советскую власть до тех пор, пока не будет товаров» [12].

Негативом образ местной власти был окрашен и в последующие годы. В 1934 году один из крестьян Благодарненского района Панарин Л. И. выражал свое отношение к власти такими словами: «Я на своих плечах принес эту власть. Я воевал за свободу и свободную жизнь, за землю, волю и народное право, а получилось иначе, рабство. Я бы сейчас на обоих плечах вынес эту власть обратно, если бы мог» [13].

Однако образ власти в картине мира крестьянского населения Ставрополя был далеко не однозначен. Среди крестьян округа имелось немало и сторонников новой власти, заявлявших, что они «за советскую власть дрались и будут драться» [14]. Прежде всего это были представители бедноты, которые до прихода большевиков занимали маргинальные позиции в обществе. Так, крестьянка Сыщикова из села Нины искренне говорила: «Мой муж все время жил в батраках, голодал и холодал, сидел на редьке с квасом, такой жизни мы не хотим, только в колхозе мы можем улучшить свою жизнь» [15]. Ее семья, как и многие другие семьи ставропольских колхозников, грядущие перемены на селе принимала и поддерживала, являясь яркой сторонницей коллективной формы организации труда. «Сейчас я в колхозе уже заработала 50 рублей, а у кулаков я бы этого не заработала никогда» [16], – заявляла колхозница из Воронцово-Александровского района. Для многих крестьян в колхозах действительно начиналась новая лучшая жизнь, за что они были благодарны советской власти, в том числе и ее представителям на местах.

Середняки относились к советской власти с большим недоверием, поскольку самой этой властью понимались как «мелкобуржуазные», колеблющиеся слои, а значит и ненадежные союзники. Кулак явно отдавал предпочтение не конфронтации с властью, а приспособлению к ней.

Главные же народные представления о власти в картине мира советского населения формировались на основе впечатлений от ежедневного взаимодействия с местной администрацией.

К началу 30-х годов XX века главными фигурами в колхозе были председатель и бригадир. Следующими за ними выступали члены

правления колхозов или «правленцы» (как они часто называются в источниках) – парторги и секретари колхозных ячеек. Большинство руководителей местных органов власти назначались на должности вышестоящими партийными комитетами и являлись пришлыми по отношению к местному населению. Эти назначения касались и председателей, которые зачастую назначались районным руководством, нередко даже не из членов соответствующего колхоза. Даже во второй половине 1930-х гг. колхозники жаловались, что тот или иной председатель «поставлен неизвестно кем, т.е. помимо желаний колхозной массы, без одобрения общего собрания колхозников» [17]. Неудивительно, что крестьяне в большинстве случаев относились к ним с недоверием. Часто такие назначенцы не разбирались в сельском хозяйстве и не были заинтересованы в его процветании. «Они не заинтересованы, чтобы наше село богатело, потому что они нам, а мы им чужды» [18], – констатируют крестьяне Виноделинского района.

Управленцы зачастую равнодушно относились к нуждам колхозников и игнорировали их просьбы о помощи. В отчете Евдокимова приводится большое количество примеров, указывающих, что заботы крестьян были местной власти чужды. Так, в Изобильно-Тищенском районе в колхозе им. Трунова колхозник П. Е. Логачев в 1933 г. потерял жену. «Он нуждается в помощи, оставшись с 3 малолетними детьми. Однако со стороны колхоза этой помощи ему оказано не было. В 1934 г. Логачев, будучи мало трудоспособным, не в состоянии был выполнять тяжелую работу, а легкой работы не было предоставлено. За отсутствие трудодней его исключили из колхоза. Такое бездушное отношение к человеку на глазах всей колхозной массы не идет в пользу колхозного строительства» [19].

Не меняется ситуация и к 1936 году, о чем свидетельствует следующий документ. «В селе Серафимовском колхоза им. Буденного в период уборочной парторг Воронин, будучи в бригаде № 5, на просьбу колхозников улучшить питание, так как два дня были уже без приварка, ответил: «А что вы голодует на току (ток – склад для зерна – прим. авт.), соломы у вас много. Берите, варите и ешьте ее» [20].

Как отмечает Евдокимов, таких случаев в колхозе очень много и настроение колхозников в отношении зарвавшихся руководителей нездоровое [21].

Сам стиль жизни местных начальников ассоциировался с их полной оторванностью от нужд и забот сельских тружеников. Ставропольские крестьяне описывают в письме на имя Калинина характерный образ сельских активистов, «которые понимают только одну сторону, как бы получать и брать от вас пособие, а также получать жалованьице на легцах, портфель подмышку и барин. А там хоть травушка не расти, потому что служит в чужом селе» [22]. Советское государство, провозглашавшееся государством рабочих и крестьян, на деле таковым не являлось. Распределение благ в пользу

партийной номенклатуры лишь усиливало недовольство ставропольского населения властью. Колхозники именовали колхозных управленцев «красными помещиками», а их жен – «колхозными барынями», утверждали, что «работаем все на пана коммуниста» [23].

Формированию негативного образа местной власти в картине мира ставропольских сельских тружеников способствовали многочисленные злоупотребления властью. В регионе нередки были случаи, когда управленцы использовали колхозную собственность в целях личного обогащения. Характерный пример тому – тов. Воронин, парторг колхоза им. Буденного по селу Серафимовскому, который, по сообщению крестьян, «при наличии нахальства – берет без учета продукты из кладовой колхоза: мясо, яйца, масло, мука и др. в неограниченном количестве и в целях личной наживы за счет колхоза открыл столовую, взяв трех столовщиков [24].

Нередко колхозная администрация не распределяла на трудодни полагающееся количество продукции, используя остаток в своих интересах. Широко практиковалось перераспределение трудодней в пользу администраторов. Однако на этом злоупотребления не заканчивались. Нередки были и избиения колхозников, что еще раз подчеркивает их бесправное положение.

Негативное воздействие на формирование образа низовой власти в картине мира ставропольского населения оказывало также пьянство провинциального «начальства». Зачастую оно носило откровенно вызывающий характер, превращалось в образ жизни, в одну из фундаментальных характеристик облика советской власти на местах. В цифровом выражении это выглядело следующим образом: доля привлечения к партийной ответственности за пьянство в 1925–1926 г. (октябрь–март) составила 33,3 % в 1926–1927 – 31,3 % в 1927–1928 – 43,6 %, 1928–1929 – 49 % [25]. В процентном отношении, к сожалению, не удалось найти данные за 30-е годы, однако, судя по источникам, ситуация не претерпела принципиальных отличий.

В источниках находим бесконечное количество примеров этого явления: в колхозе «Красный Восток» председатель Медведев «вместо руководства пьянствует с сопровождением преступных действий, о чем колхозники с 35 года говорят, но мер никаких в деле улучшения руководства колхоза не принято» [26]. В другом колхозе им. Ширяева председатель Шалимов также систематически пьянствует, при этом «в последнее время дошел до того, что начал пьянствовать с группой в правлении колхоза» [27].

Возможно, правы те исследователи, которые причины таких злоупотреблений власти на селе видят в том, что с приходом новой власти в селе произошел небывалый переворот, в результате которого наверх вынесло худших [28].

Однако, несмотря на все злоупотребления местных властей, рядовые колхозники чаще всего не рисковали открыто их критиковать,

так как те могли испортить им жизнь. В период 1930-х годов, в атмосфере страха, подозрительности и взаимного недоверия крестьяне вынуждены были подчиняться решениям и указаниям органов власти. Исключение из колхоза представляло собой очень серьезное наказание. Сельский житель, исключенный из колхоза, терял право пользования приусадебным участком, его корову уже не принимали в общественное стадо и т. д.

И все же, характеризуя образ местной власти в картине мира сельского жителя Ставрополья, необходимо отметить, что, безусловно, на селе были и такие руководители, которые пользовались авторитетом и уважением колхозников. Как правило, это были те, кто честно жили и трудились на глазах у односельчан.

Таким образом, образ советской власти в общественном сознании крестьянского населения Ставрополья был сложным и противоречивым. Для сельских жителей был характерен не парламентский, а соборный тип взаимоотношений с правителем. Особенно ярко данная составная часть менталитета прослеживается на примере многочисленных жалоб на местную власть и отдельных ее представителей, значительная часть которых доставлялась в Москву представителями сельских обществ. Высшая центральная власть зачастую мифологизировалась и наделялась идеальными качествами. Вождистские и харизматические компоненты политической культуры населения персонифицировали образ центральной власти в фигуры конкретных высших руководителей партии и государства, к которым жители локального сообщества относились с почтением и уважением.

При почитании центральной власти отношение жителей региона к советской власти как таковой зачастую было наполнено негативом. Крестьяне были довольны властью, когда шел дележ частновладельческих земель, но массовые реквизиции продотрядов, неравномерность распределения продуктов между городом и деревней, вызывали массовое недовольство Советской властью, как властью городской и далекой от нужд деревни. Некомпетентность, произвол и злоупотребления местных начальников способствовали дихотомии в восприятии крестьянами центральной и местной власти.

Примечания

1. Колхозы Северо-Кавказского края: По материалам обследования колхозов к XVI съезду ВКП(б) С. 17.

2. Яковлев Я. А. Наша деревня. М., 1925. С. 141–142.

3. Фицпартик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России. 30-е годы: город. М., 2008. С. 48.

4. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 61. Д. 195. Л. 17.

5. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 354. Л. 25.

6. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 583. Л. 146.

7. Там же. Л. 149.

8. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 417. Л. 114–116.
9. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1463. Л. 17.
10. Мальцева Н. А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб, 2000. С. 119.
11. ГАСК. Ф. 239. Оп. 2. Д. 149. Л. 102.
12. ГАСК. Ф. 239. Оп. 2. Д. 149. Л. 103.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. д. 118. Л. 85.
14. Цит по: Мальцева Н. А. Указ. соч. С. 127.
15. ГАСК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1642. Л. 141.
16. ГАСК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1398. Л. 57.
17. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 116, Л. 106.
18. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 61. Д. 223. Л. 19.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 118. Л. 31.
20. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 27.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 118. Л. 31.
22. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 61. Д. 223. Л. 18.
23. РГАСПИ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22. Л. 120.
24. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 18.
25. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 141. Д. 1522. Л. 302–304.
26. Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010. С. 125.
27. Там же. Л. 25.
28. Стреляный А. И. Без патронов // Судьбы российского крестьянства. М. 1995. С. 501.

Левакин А. С.

**«Раскулачивание» на Дону, Кубани и Ставрополье
в 1930-х годах: количественные
и темпоральные параметры**

Сплошная коллективизация немислима без «раскулачивания», ибо последнее представляло собой мощный стимул «колхозного строительства», эффективный в руках сталинского режима инструмент, направленный на слом протестных настроений в деревне, стимулирование притока новых членов в поспешно создававшиеся коллективные хозяйства и укрепление колхозной системы. Манипулируя понятием «кулак», партийно-советский аппарат успешно оправдывал применение репрессий не только в отношении зажиточной верхушки крестьянства, но и всех оппозиционно настроенных жителей села, одновременно перекладывая вину за собственные просчеты на этих людей. Итогом «раскулачивания» являлась не только ликвидация «кулаков», но и устрашение основной массы земледельцев, которые уже не смели противиться властям и послушно направлялись в колхозы.

Учитывая важность «раскулачивания» для сталинского режима, масштабы данной репрессивной политики были весьма широки и она оказалась заметно более протяженной во времени, чем собственно сплошная форсированная коллективизация. О количественных и временных параметрах «раскулачивания» и пойдет речь в настоящей публикации, основанной на репрезентативных материалах Дона, Кубани, Ставрополья как ведущих аграрных регионов юга России, в свое время одними из первых подвергшихся коллективизации.

Как и по всей стране, «раскулачивание» на юге России отличалось широкими масштабами в силу неправомерного расширения понятия «кулак» и придания ему не только социально-экономического, но также и социально-политического содержания (причем, второе преобладало над первым). Несмотря на дискуссии 1920-х гг., большевики так и не достигли ясности в том, кого считать «кулаком»: сельского предпринимателя-ростовщика, крупного сельхозпроизводителя-частника, систематически применяющего в хозяйстве наемную рабочую силу либо просто зажиточного крестьянина. По справедливому замечанию Н. А. Ивницкого, к исходу 1920-х гг. у советского государства не имелось «четких критериев при определении социальных слоев. Это привело к тому, что в годы коллективизации, когда началась экспроприация кулаков, в их число попадали и середняки, и бедняки, если они не хотели вступать в колхозы» [1].

Подчеркнем, что накануне и в ходе сплошной коллективизации в сознании ее творцов возобладала социально-политическая трактовка «кулаков» как врагов советской власти, с позиций которой имущественное положение и род занятий конкретного обвиняемого в принадлежности к «кулачеству» не имели значения. С позиций социально-политического подхода «кулаком» мог быть объявлен кто угодно: не только середняк или бедняк, но даже член компартии, усомнившийся в правильности «генеральной линии» (в этой связи заслуживают внимания слова первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е. Г. Евдокимова о том, что в период «саботажа хлебозаготовок» 1932 г. ««кулацкие элементы» стремились к тому, чтобы завербовать «своих коммунистов» в партийных организациях» [2]). Если основываться на региональных южно-российских материалах, то ярким примером такой расширительной трактовки понятия «кулак» может служить проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) об административном выселении «кулацких» хозяйств, разработанный в начале января 1930 г. Здесь к «кулакам» причислялись такие категории сельского населения, как «активные белогвардейцы в прошлом», «казачьи идеологи и авторитеты», офицеры, репатрианты, сектанты, и пр. [3]

Официально процесс «раскулачивания» стартовал в Советском Союзе в январе 1930 г. На бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)

еще 8 января 1930 г. был принят проект постановления, согласно которому из края следовало выслать 20 тыс. «кулацких» хозяйств. Подавляющее большинство таких хозяйств надо было изыскать в десяти русских округах Северо-Кавказского края: Армавирском, Донском, Кубанском, Сальском, Ставропольском, и др. В общей сложности, отсюда надо было выселить свыше 18 тыс. «кулацких» хозяйств. Остальное приходилось на национальные автономии Северного Кавказа и тяготеющие к ним районы [4]. Эта цифра перекочевала в принятое 30 января 1930 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [5]. Правда, к сентябрю 1930 г. из Северо-Кавказского края было выселено не 20 тыс., как планировалось, а около 10,5 тыс. «кулацких» хозяйств [6].

Однако «раскулачивание» в Северо-Кавказском крае не ограничилось высылкой 10,5 тыс. хозяйств. Ведь, во-первых, «раскулачивание» представляло собой темпорально протяженный процесс, включавший в себя ряд одновременных этапов. Во-вторых, в вышеупомянутом «антикулацком» постановлении ЦК ВКП(б) «кулаки» с замечательной простотой делились на три расплывчатые категории: «контрреволюционный кулацкий актив», «остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков» и, наконец, все остальные «кулаки». «Кулаки» первой категории, гласило постановление ЦК ВКП(б), подлежали заключению в концлагеря или физической ликвидации. В отношении «кулаков» второй и третьей категории сталинский режим проявил гуманность: они должны были, соответственно, либо выселяться «в отдаленные местности СССР и в пределах данного края в отдаленные районы края» (2-я категория) или расселяться «на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках» (3-я категория) [7].

Для каждой категории «кулаков» органами власти устанавливалась ориентировочная численность, и вышеотмеченные 20 тыс. «кулацких» хозяйств Северо-Кавказского края относились ко второй категории. Оставались, соответственно, еще первая и третья категории.

Что касается первой категории «кулаков», то ЦК ВКП(б) в своем постановлении определил ее численность для Северо-Кавказского края (включая и Дагестан, не входивший в пределы края) в 6–8 тыс. человек [8]. Органы госбезопасности перевыполнили план: по их отчетам, к сентябрю 1930 г. было подвергнуто репрессиям почти 8,3 тыс. представителей «контрреволюционного кулацкого актива» Северо-Кавказского края [9].

Численность «кулаков» третьей категории для Юга России в постановлении ЦК ВКП(б) не указывалась. Установлением количественных параметров данной категории должны были заниматься местные органы власти (эта обязанность возлагалась на окружные

исполкомы). Судя по отчетам ОГПУ, к сентябрю 1930 г. в Северо-Кавказском крае набралось более 11,8 тыс. выселенных третьеразрядных «кулацких» хозяйств [10].

В начале 1931 г. на Юге России начался второй этап «раскулачивания», ознаменовавшийся переселением 9–10 тыс. «кулацких» хозяйств из приморско-плавневой и лесогорной полосы Кубани и Черноморья на территорию Ставрополя. Осенью того же года, по постановлению ЦК ВКП(б), из Северо-Кавказского края надлежало переселить «в Уральскую область» 15 тыс. кулацких хозяйств [11]. По данным В. Н. Земскова, в 1930–1931 гг. с Северного Кавказа были высланы на Урал, в общей сложности, почти 26 тыс. «кулацких» хозяйств [12]. Свыше 20 тыс., как видим, были расселены в пределах Северо-Кавказского края.

Итого, общая минимальная численность «кулаков» всех трех категорий Северо-Кавказского края, подвергнутых репрессиям, выселению и переселению в 1930–1931 гг. составляла более 46 тыс. хозяйств, в том числе 8 тыс. «кулаков» первой категории, 26 тыс. «кулацких хозяйств» второй категории и свыше 20 тыс. хозяйств третьей категории. Добавим к этому еще 20 тыс. хозяйств, «самораскулачившихся» в Северо-Кавказском крае в 1930 г. (такую цифру дают источники), и получим общие сведения о сельских жителях Дона и Северного Кавказа, подвергнутых репрессиям в 1930–1931 гг. Причем, эти цифры вполне могут быть увеличены еще на несколько тысяч хозяйств, ибо нередко органами власти и местными «активистами» проводились дополнительные «раскулачивания», жертвы которых не числились в отчетах.

В 1932 г. представители власти и сотрудники органов госбезопасности продолжали выискивать «кулаков» в Северо-Кавказском крае. С наибольшей активностью эти мероприятия осуществлялись осенью – зимой текущего года, что было обусловлено стремлением сталинского режима добиться от южно-российских колхозников и единоличников выполнения завышенных хлебозаготовительных планов. Частным примером «раскулачивания» образца 1932 г. служит депортация жителей 13 кубанских и 2 донских станиц, занесенных на «черную доску» за срыв хлебозаготовок. Из нескольких станиц жители были выселены практически полностью, в других депортация коснулась части населения. По данным Е. Н. Осколкова, из станиц было выселено в общей сложности не менее 61,6 тыс. человек [13].

В январе 1933 г. И. В. Сталин объявил о завершении сплошной коллективизации в основных сельскохозяйственных районах СССР [14]. Однако это не означало прекращения мер в отношении «кулаков». Хотя «беспрецедентная по своему масштабу и жестокости кампания раскулачивания, казалось бы, не оставила в деревне даже воспоминаний об этой социальной категории» [15], представители

власти продолжали утверждать, что «кулаки» пробрались в колхозы и ведут усиленную «вредительскую работу».

Нет сомнений в том, что в начале – первой половине 1930-х гг. представители зажиточных слоев крестьянства (которые в глазах большевиков и выглядели «кулаками»), действительно, присутствовали как среди рядовых колхозников, так и в составе колхозной администрации. Ведь крестьяне испытывали уважение к умелым и успешным хозяевам (если только те не занимались спекуляцией и ростовщицеством, резко осуждаемым в деревне) и были готовы поставить их во главе коллективного хозяйства. Кроме того, знания и умения многих «кулаков» были востребованы в колхозах, которые в массе своей испытывали острый дефицит специалистов. В 1932 г. в советской прессе указывалось, что колхозники нередко приглашали на должности кладовщиков и учетчиков «всяких «бывших» (попов, псаломщиков, торговцев, писарей) под видом того, что дескать в кладовщики и учетчики требуются люди «грамотные» и «опытные» [16]. Констатировалось, что, «наряду с стремлением захватить учетный аппарат в колхозе, кулацкие элементы стремятся также сесть на трактор, заведывать какой-либо отраслью хозяйства, складом и быть бригадиром» [17].

В подавляющем большинстве случаев эти «колхозные кулаки» критически оценивали устройство и порядок функционирования колхозов, но не имели сил и желания бороться против них. В основной своей массе они готовы были добросовестно трудиться и в колхозах, несмотря на отгалкивающие черты этих огосударствленных сельхозпредприятий. Тем не менее сталинский режим объявлял этих людей ответственными за все провалы в деятельности колхозов, и подвергал репрессиям. Для партийно-советского руководства это была наиболее удобная тактика: вместо того, чтобы признавать изначальную нежизнеспособность множества поспешно созданных колхозов (и тем самым ставить под сомнение непогрешимый тезис о «единственно верном» пути сплошной коллективизации), выгоднее было объявлять перманентные кризисы колхозной системы следствием «кулацкого вредительства».

Чаще всего, впрочем, прошлая социальная принадлежность и имущественное положение не являлись той лакмусовой бумажкой, с помощью которой можно было установить «колхозного кулака». Подобный ярлык мог быть навешан практически на любого представителя колхозной администрации. Для этого достаточно было не выполнить распоряжений вышестоящего руководства, а уж тем более оспорить их. Как объяснял участникам первого Северо-Кавказского краевого съезда колхозников-ударников полномочный представитель ОГПУ Курский в марте 1934 г., «кулак», опасаясь разоблачения, уже не стремился на руководящие должности в колхозах, а старался протолкнуть на них своих агентов: «он переходит к методу подсовы-

вания на должность учетчика своего агента, своего подкулачника. Он подчас плохим нашим руководителям подсовывает батрака или бедняка» [18]. То есть даже батрак или бедняк мог превратиться в условиях колхозной системы в «кулака», что служило основой для продолжения «раскулачивания».

В 1933–1934 гг. немало представителей колхозной администрации (в меньшей мере рядовые колхозники) были «вычищены» из коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополя органами ОГПУ и политотделами МТС как «классово-чуждые элементы». Так, согласно отчетам ряда политотделов МТС Северо-Кавказского края за 1933 г., из 1533 председателей колхозов, расположенных на подведомственной им территории, было «вычищено» 279 (18,2 %), из 1505 завхозов – 310 (20,6 %), из 2 732 бухгалтеров и счетоводов – 377 (13,7 %), из 2394 кладовщиков – 395 (16,4 %), из 6654 бригадиров – 931 (13,9 %) [19]. В январе 1934 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е. Г. Евдокимов утверждал, что в ряде районов в ходе проверки колхозов были случаи, когда 18 % «ответственных постов колхоза были заняты кулацкими и белогвардейскими элементами» [20].

Более того, представители власти отыскивали в колхозах «кулаков» даже во второй половине 1930-х гг., когда, казалось, от этой социальной категории осталось одни воспоминания. Так, в докладной записке «О положении в Чернышевском районе [Ростовской области]», подготовленной осенью 1937 г. одним из инструкторов Ростовского обкома ВКП(б) утверждалось, что «одной из причин провала работы колхозов района надо считать огромную засоренность [их «кулаками»] и выдвигение райкомом руководящих работников колхозов, из числа классово-чуждых и вражеских элементов» [21].

Отчасти подобные утверждения основывались на том, что во второй половине 1930-х гг. высланные «кулаки» стали возвращаться в родные края. Конституция 1936 г. восстановила их в правах, и в ряде случаев они становились даже главами колхозов. Чаще, впрочем, эти «колхозные кулаки» являлись обычными сельскими жителями, которых представители власти причисляли к «классово-чуждым элементам» за промахи в работе, злоупотребления властью или просто из-за личной неприязни.

Говоря об антикулацких мерах партийно-советских органов во второй половине 1930-х гг., нельзя умолчать о масштабной репрессивной операции НКВД против «бывших кулаков», а также «уголовников и других антисоветских элементов», проведенной в 1937 г. Особенность данной операции состояла в том, что репрессиям (расстрелам или длительному заключению в лагерях) подлежали те «кулаки», которые уже отбыли наказание в местах не столь отдаленных и возвратились в родные деревни, села, станицы. В оперативном приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., провозглашавшем начало этой «кулацкой операции», предусматривалось проведение

репрессий лишь против тех «кулаков» и других асоциальных категорий сельского населения, которые демонстрировали свою враждебность советской власти. В реальности же репрессивные меры были нацелены на устрашение сельского населения, которое на печальной судьбе «бывших кулаков» должно было сделать вывод о том, что изъятие покорности сталинскому режиму есть жизненная необходимость. В. П. Данилов справедливо отметил, что в 1937 г. «административным (внесудебным) репрессиям подлежали все раскулаченные, отбывшие, как правило, пятилетние сроки в лагерях ГУЛАГ и возвратившиеся в свои родные края. В этом и состояло их преступление – они знали и могли сказать о том в сталинском режиме, что противоречило всем нормам человечности... Задача состояла в массовых расстрелах, которые посеют страх и сами по себе заставят подчиниться и замолкнуть всех» [22].

Согласно оперативному приказу 00447, подлежащие репрессиям «кулаки» и другие «антисоветские элементы» делились на две категории. Представители первой категории подлежали аресту и расстрелу, второй – аресту и заключению в лагерь или тюрьмы сроком на 8–10 лет. В целом по СССР численность подлежащих репрессиям «антисоветских элементов» в деревне составляла около 269 тыс. человек, в том числе на Дону, Кубани и Ставрополье – 18 тыс. [23] Столь масштабные репрессии практически полностью ликвидировали остаточные элементы «кулачества» на селе.

«Раскулачивание», безусловно одобрявшееся в советской историографии, в постсоветский период подверглось вполне обоснованному и справедливому осуждению ученых и демократической общественности. Начиная с середины 1980-х гг., в художественной и научной литературе, публицистике, в массовом сознании российского общества все прочнее становилось подкрепленное фактами убеждение в том, что «раскулачивание» являлось одной из самых трагичных страниц в истории российского крестьянства. Однако на сегодняшний день ситуация далеко не столь однозначна, ибо размножившиеся сталинисты при попустительстве властей и равнодушии общества активно оправдывают сталинские репрессии против «кулаков» (то есть фактически против широких слоев крестьянства). Примеры здесь излишни: достаточно взглянуть на полки книжных магазинов, уставленные панегириками Сталину, или посетить соответствующие интернет-сайты. Безусловно, в демократическом обществе естественным и необходимым является наличие различных точек зрения по сложным вопросам нашего общего прошлого: в конце концов, истина рождается в споре. Проблема, однако, заключается в бескомпромиссности современных сталинистов, действующих в полном соответствии с политической теорией и практикой обожествляемого ими персонажа отечественной истории, безапелляционно заявляющих о безусловной правильности «раскулачивания», а то и

высказывающихся за реанимацию данной политики в современных условиях. Остается лишь надеется на торжество исторической истины и здравого смысла, которые навсегда исключат возможность рецидива «раскулачивания» в нашей стране.

Примечания

1. Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из выступления Н. А. Ивницкого // Отечественная история. 1995. № 3. С. 121.

2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК), Ф. 1. ОП. 1. Д. 3. Л. 9.

3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927 – 1939. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. – М., 2000. С. 100.

4. Там же. С. 100, 101.

5. Там же. С. 127.

6. Там же. С. 642.

7. Там же. С. 126–127.

8. Там же. С. 127.

9. Там же. С. 645.

10. Там же., С. 642.

11. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), Ф. 7, ОП. 1. Д. 1074. Л. 23, 30, 67–68.

12. Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 119.

13. Осколков Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 18.

14. Сталин И. В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 195.

15. Глумная М. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / Под ред. Хириси Окуда. Токио, 2005. С. 265.

16. Львов А. Беспощадно бороться с расхитителями колхозного хлеба // Коллективист. 1932. № 17. С. 11.

17. Акулик, Воротницкий, Липман. Борьба за социалистическое перевоспитание колхозника // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 8. С. 19.

18. ГАНИ СК, Ф. 1. ОП. 1. Д. 42. Л. 179.

19. Государственный архив Ростовской области (ГА РО), Ф. Р-1390, ОП. 7. Д. 463. Л. 1–13, 15–19, 21–25, 27, 29–32, 34–37, 39–42, 44–53,

55, 58–63, 66–69, 71–75, 77–82, 84–86, 88–89, 92–97, 99, 101–105, 107, 109, 111–113, 116–123, 125–126, 128, 132–135, 137–141, 143, 145–156, 157–158, 160, 162, 164–166, 168–176, 178–179.

20. ГАНИ СК, Ф. 1. ОП. 1. Д. 3. Л. 28.

21. ЦДНИ РО, Ф. 9. ОП. 1. Д. 14. Л. 201, 202.

22. Данилов В. П. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 2004. С. 36.

23. Там же. С. 332.

Григоренко Т. А.

Ликвидация «кулачества» как класса на Черкасщине

С распадом советской коммунистической системы и провозглашением Украиной независимости появилась возможность вернуть из забвения ряд социальных и исторических проблем. В первую очередь это касается истории украинского села 20–30-х годов XX ст. Архивные исследования впервые вводят в научное обращение значительный массив ранее неизвестных документов, особенно тех, которые до недавнего времени находились под грифом «секретно». Данные исследования были сделаны на базе региональной истории Черкасской области Украины, история которой тесно связана с крестьянством, так как область издавна считается преимущественно аграрным регионом.

В исследованиях репрессий крестьян Черкасщины были использованы фонды нескольких архивов: Государственного архива Черкасской области, Отраслевого архива Службы безопасности Украины и архива Управления Министерства внутренних дел Украины в Черкасской области.

Особое место занимают архивно-следственные дела, которые хранятся в отраслевых архивах Службы безопасности и МВД Украины.

Коллективизация была наиболее жестоким периодом советской истории после гражданской войны. Она сопровождалась безграничным насилием и страданием миллионов крестьян. Именно из-за этого советское государство отрицало и скрывало от своих людей реальность и масштабы этой трагедии.

Коллективизация сама по себе была гражданской войной между сталинским государством и крестьянством, между двумя разными культурами и способами мышления. Это была война не только в экономической и культурной сферах, но и в повседневной жизни. Крестьянин-единоличник был неудобной и нежелательной фигурой

для государства. Повсеместное насаждение колхозов могло состояться лишь принудительным путем, поскольку крестьяне, особенно середняки и зажиточные, не желали отказываться от своей собственности и передавать ее в колхозы.

Благодаря усилиям уполномоченных из центра, темпы коллективизации быстро росли. Антикрестьянские настроения в городах, в частности среди рядовых коммунистов и рабочих, которые возникали из-за недостатка хлеба, поддерживались сообщениями советской прессы о «кулацком» саботаже. Все это негативно влияло на городские кадры присланных на село рабочих бригад, которые занимались коллективизацией и раскулачиванием.

Говорят документы: письмо крестьянина М. Запываного из села Сушковка на Уманщине, адресованное «Всеукраинскому старосте» Г. Петровскому. В нем шла речь о том, что «местная власть в 1928 году определила ему налог в размере 200 пудов зерна. Но у него были три десятины посевов, на которых вышло всего 120 пудов. Крестьянская семья состояла из пяти человек и имела в собственности корову и коня. За несдачу в определенный срок 200 пудов зерна все его имущество было конфисковано и продано на аукционе. Он просит вернуть ему хотя бы корову и коня с телегой и кузнечными принадлежностями, поскольку окружная власть отказала в его просьбе» [1].

В Монастырыщенский РИК обратился с заявлением житель села Лукашивка Яненко Лукиан Федорович: «Во время хлебозаготовки ко мне было применено постановление ВУЦИК и оштрафовано в сумме 150 руб. как за невыполнение плана. Выполнить я его целиком не мог, поскольку на меня было назначено более, чем у меня вышло. Мое хозяйство середняцкое и не лишенное избирательных прав. На хозяйство наложен арест на пару коней, телегу, пару подвинков и корову и назначено к продаже на 31 декабря с. г.

Прошу РИК, если бы оставили на мою семью из 7-ми едаков, из которых есть четверо детей и старая мать 85 лет, одну лошадку и корову. 30 декабря 1929 года» [2].

Из записки уполномоченного по коллективизации по с. Княжичи Монастырыщенского района Белявского С.: Рабцун Иван был занесен в списки 8 % как кулацкое хозяйство, и по постановлению сельской комиссии содействия хлебозаготовке Рабцуну Ивану надо было продать озимых 250 пудов, а ярового 50 пудов, а такой продал озимых лишь 250 пудов, а 30 пудов продать отказался, то он был оштрафован в 5-кратном размере, то есть в 150 пуд озимых. Чего Рабцун не выполнил, то у него описано имущество: кузницу с инструментами в сумме 20 руб., двое коней в 50 руб., токарный станок в 20 руб. и телегу в 15 руб., а вместе на 105 руб. Упомянутое имущество продавали из публичных торгов и все закупил СОЗ...» [3].

Не гнушались активисты и присланные уполномоченные и открытым насилием по отношению к крестьянам. Вот только некоторые

сведения о так называемом «искривлении классовой линии» – спецсводка о ходе хлебозаготовительной кампании по Шевченковской округе по состоянию на 30 мая 1930 года. «...В некоторых селах Чернобаевского и Золотоношского районов было допущено искривление в классовой линии при обложении, напр.: в с. Мали Каневцы Чернобаевского р-на имеется 420 хозяйств. В принудительном порядке обложено 150 хозяйств, а всего в селе имеется 30 кулацких и зажиточных хозяйств. По с. Марьяновка Чернобаевского р-на, при наличии 180 дворов обложено 115. ...В некоторых селах имеются случаи избияния кулаков за отказ от сдачи хлеба. Пример: с.Лящевка Чернобаевского р-на члены с/хоз комиссии – под руководством Уполномоченного РИК избивают крестьян, отказывающихся сдавать хлеб. В с. Савковка-Прилипка Черноб. р-на Уполномоченный РИКа Мироненко ударил в живот одного крестьянина. В с. Сеньковцах Золотоношского р-на Председатель хлебозаготовительной комиссии, он же Уполномоченный Дравовского сельсовета заставил одного кулака лезть в печь в общественной хате» [4].

Судьба «раскулаченных» складывалась не одинаково. Конкретные меры против «кулаков» разработала во второй половине января 1930 года специальная комиссия во главе с Молотовым. Результаты ее работы стали основой постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях в деле ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Это постановление разделило «кулацкие» хозяйства, которые подлежали уничтожению, на три категории. К первой категории принадлежали организаторы и участники антиколхозных выступлений, которые согласно решению суда подлежали заключению в концлагеря или смертной казни. Ко второй группе принадлежали семьи хозяев, отнесенных к первой группе, а также тех, кто осмелился на менее активное сопротивление «раскулачиванию». Их вместе с семьями выселяли в северные районы СССР, а также в отдаленные районы местности где они проживали. «Раскулаченные» семьи, которые не оказывали сопротивления коллективизации и «раскулачиванию», относили к третьей категории. При частичной конфискации имущества им предоставляли уменьшенные земельные участки за пределами колхоза на недоброкачественных почвах, которые они должны были обрабатывать.

Термин «кулак» трактовался достаточно в широком значении и включал в себя не только кулака в его первобытном (до конца так и не определенном) значении, а распространялся на белых охранников, царских офицеров, служителей церкви, бывших торговцев-непманов, служителей религиозных сект и всех к кому можно было прицепить слово «контрреволюционер».

Вот лишь некоторые выдержки из анкет-характеристик «раскулаченных» крестьян: «кулак», выдавал денкинцам бедняков-

активистов, эксплуататор наемного труда», «кулацкая» жена бывшего волостного писаря», «принимал участие в выборах гетьмана Скоропадского», «кулак», руководитель евангельской секты», «бывший председатель религиозного общества», «сын «кулака», которого выслано за пределы округа, «поставлял продукты в банду Голого», «бывший жандарм», «давний «кулак». Обязательно в конце каждой характеристики были добавлены слова – «враждебно относится к коллективизации, агитирует против советской власти».

Архивные документы также содержат характеристики крестьян, которые подлежали высылке за пределы колхоза в урочища, яры и на неплодородные земли. Данный список был послан Городищенским РИК Шевченковскому ОИК в марте 1930 года: «Кулацкий» элемент, рассылаемый за пределы колхоза по Городищенскому району: Дядюра Иван Демидович, с. Млиев. Состав семьи 6 душ. До революции жил при отце, который имел 17 десятин земли, хату крытую цинковой бляхой, овин, сарай, две пары волов, корову, коня, сеялку, весь мелкий сельскохозяйственный реманент. Сейчас имеет земли 8,25 дес., хату, овин, сарай, двух волов, свиноматку и весь мелкий с/г реманент. Не лишен избирательных прав. «Кулак», враждебно относится к мероприятиям Советской власти... С. Городище. Барабаш Терешко Лукьянович. Состав семьи 4 души. До революции имел земли 3,50 га, хату, два сарая, овин, ветряк, просорушку с конным приводом. Упомянутое имущество продано за невыполнение контрольных заданий по хлебозаготовке в 1929 году. Лишен избирательных прав. В прошлом и сейчас ко всем политическим кампаниям относится враждебно. Побил членов колхоза и выгнал последних со двора во время конфискации имущества» [5].

По данным МВД Украины, за период массового «раскулачивания» украинского крестьянства и связанного с этим выселения лучших хлеборобов «в отдаленные местности Советского Союза» в милицейских архивах сохранилось свыше 500 тыс. архивных дел на спецпоселенцев, за которыми проходят 2 миллиона 880 тысяч лиц [6, 247]. В архиве УМВД находятся анкеты глав семей крестьян – «кулаков» Шевченковской и Уманской округ, высланных за пределы Украины во время первой и второй волны «раскулачивания» (март-октябрь 1930 года). Эти анкеты содержат данные о численности каждой крестьянской семьи, имущественном состоянии и причинах высылки. Как свидетельствуют документы, дальнейшая судьба большинства высланных «кулаков» сложилась трагически.

Немало документов, хранящихся в Государственном архиве Черкасской области, рассказывают о создании «кулацких» поселков (выселков) на Черкащине, которые были заселены «раскулаченными» по 3 категории крестьянами. «Выписка из протокола ч. 37 заседания президиума Мошенского Районного Исполнительного Комитета от 6 марта 1930 года.

Слушали: Рассмотрение списка раскулаченных кулацко-миро-едских хозяйств, которые подлежат к расселению за пределы села в пределах района и отведение мест расселения.

Постановили: Списки раскулаченных кулацко-мироедских хозяйств подлежащих к расселению за пределы села в пределах района в количестве 38 семей с 207-ма едоками утвердить. Для расселения кулацко-мироедских хозяйств за пределы села отвести участки неугодий из песка за Кумейками урочище близ «Пейсово». Отмеченные в п.1 хозяйства расселить на два выселка по 19 хозяйств в каждом. К первому выселку урочище близ «Пейсово» выселить кулацкие хозяйства из сел Будище, Мошны, Байбузы, Белозерье и Михайловка. Ко второму за слободой Мироновича: Софийка, Шелепухи, Березняки, Туземцы, Кумейки и Станиславчик. Для выселенных кулацких хозяйств выделить минимальную норму в 0,25 дес. на едока» [7].

Вот неполные данные относительно создания «кулацких» выселков по разным районам Черкащины, куда были отселены «кулацкие» хозяйства, которые принадлежали к III категории (подсчеты автора):

Мокро-Калыгирский район: 23 поселка – 335 «кулацких» хозяйств; Городищенский район: 6 поселков – 60 хозяйств, Камянский район: 4 поселка – 59 хоз-в; Гельмязовский район: 12 поселков – 485 хоз-в; Таганчский район: 5 поселков – 83 хоз-ва [8]; Ротмистровский район: 10 поселков – 137 хоз-в; Золотоношский район: 10 поселков – 200 хоз-в; Чигиринский район: 8 поселков – 115 хоз-в [9]; Шполянский район: 25 поселков – 209 хоз-в; Медведовский район: 5 поселков – 66 хоз-в [10]; Черкасский район: 10 поселков – 194 хоз-ва; Каневский район: 10 поселков – 120 хоз-в; Чернобаевский район: 27 поселков – 355 хоз-в; Ирклиевский район: 25 поселков – 305 хоз-в [11].

Государство выделяло под «кулацкие» выселки земли, часто совсем непригодные для ведения сельского хозяйства. Как отмечалось в протоколе внеочередного заседания президиума Златопольского РИК от 20 марта 1930 года: «Выселки по району – глина, почва каменистая, оползни, крутые склоны, песок» [12]. Так, по Каневскому району Каневским райисполкомом были отведены земельные участки, которые были совсем непригодны для хозяйственного освоения (голые сыпучие пески), потому Шевченковский окрисполком поручил Каневскому райисполкому отвести для каждого выселка немного земли, чтобы обеспечить «...существование на этих землях потребительского хозяйства» [13].

Переселенцы должны находиться под пристальным оком государства в лице уполномоченного «кулацким» поселком. На такую должность назначались надежные люди из числа сельских активистов, членов комбедов. Поселенцы были полностью зависимыми от назначенных уполномоченных и без их разрешения не могли выехать за пределы поселка. Каждому уполномоченному предоставлялась

характеристика, которая утверждалась постановлением президиума райисполкома. Обязательным условием для назначения кандидата на эту ответственную должность было активное участие в коллективизации и ликвидации «кулачества» как класса. Вот одна из таких характеристик: «Сигнаевский сельсовет этим удостоверяет, что гр. н с. Сигнаевки, Луначенко Мефодь Павлович рождения 1900 года, бедняцкого состояния, член-секретарь СКНС, честный рабочий, в 1921 и 1922 годах участвовал в боях против разных банд, служил в Красной Армии, активно участвовал в проведении разных кампаний, которые осуществляются на селе, потому сельсовет со своей стороны, рекомендует его Луначенка на уполномоченного за слежкой за местными кулаками, что и удостоверяется. Март 1930 года [14].

Еще одна характеристика на уполномоченного поселком Кузьменко Тимофея Владимировича из с. Завадовки: «Принимал активное участие во время высылки кулаков по II категории, находился в комиссии по содействию хлебозаготовке и имел позитивные результаты» [15].

Списки «кулаков», подлежащих «раскулачиванию» и определение категорий, составлялись за постановлениями батрацко-бедняцких собраний и сельской сходки и утверждались райисполкомом. Вот одно из таких постановлений:

«Заседание пленума Сухо-Калыгирского сельсовета Шполянско-го РИК вместе с активом бедноты (3 октября 1930 года):

Повестка дня: 1) О высылке кулаков и засева положенной им площади.

2) О выделении кулацких и зажиточных хозяйств

Слушали: О высылке кулаков и засева положенной им площади.

Постановили: Что кулак в данный момент не прекращает свою агитацию против мероприятий советской власти, чтобы сорвать такую, а потому пленум сельского совета считает: чуждого элемента не должно быть в рядах пролетариата. Предложить уполномоченному над кулаками выслать таких на принятый им хутор Любисток-2, часть поселить в хутор в хаты. Для правильного надзора, выполнения разных компаний, из комсомольской ячейки назначить одного комсомольца и немедленно приступить к высылке и засеву озимих» [16].

Сельские активисты, бедняки и середняки создавали комиссии по «раскулачиванию», на их заседаниях принимали соответствующие постановления и с красными флагами и пением революционных песен шли к «кулакам». Врывались в дома зажиточных крестьян, выселяли их из собственных домов, а имущество разбирали между собой.

С жалобой обратился житель с. Конельская Попивка Монастырьщенского района на Уманьщине Ганич Прокоп: «Контрольное задание по хлебозаготовке обложили 400 пуд. Когда в этом году про-

ходило у нас землеустройство, от того случился большой неурожай, всего зерна выродило 270 пудов, и за невыполнение непосильной хлебозаготовки продано все отчее и мое имущество, а что не продали, то так забрали. А за неуплату с/г налога продали овин, кладовую, сарай, кроме хаты, а отца как главу двора забрали в КПЗ, а сейчас посчитали отца как кулака и выбросили из хаты, ничего из хаты не дали, кроме одежды, выбросили в болото. И не знаю, за что меня так обидели, что моя семья из 5-ти душ сидит голодная и никуда не принимают и ничего нигде не дают как хочешь так и живи. А потому прошу центральное учреждение рассмотреть мою жалобу и снять с хозяйства индивидуальный налог и уменьшить все платежи какие непосильные, и прекратить издевательства над советским середняком и средним хозяйством [17].

Во время «раскулачивания», арестов и депортации «кулаков» бывали случаи, когда состоятельные крестьяне, видя трагедию своих знакомых и соседей, сами сдавали хлеб государству, пытаясь хоть как-то спасти свою семью. В одном из документов тех времен с неприкрытой иронией говорится об одном из таких фактов: «Операция по кулаку, главным образом, коснулась хлебных районов и таковая по нашим данным, дала положит. результаты, т. к. после операции остальное кулачество и крепкие середняки, имеющиеся у них излишки хлеба сами начали сдавать в кооперацию. В некоторых местах имеются факты (Гельмязев) где кулачество после ареста нами некоторых кулаков, сдало хлеб в кооперацию с красными флагами» [18]. А вот что сообщает в своем письме бригадир рабочей бригады, присланной в село Елисаветка Мокро-Калыгирского района: «Здравствуйте товарищи! Хочу вам сообщить, что в селе Елисаветке после раскулачивания село нельзя узнать. Заявления в колхоз сыпятся. На сегодняшний день мы имеем уже с хуторами 94 % коллективизации. Раскулачили мы в нашем селе 18 кулаков. На общем собрании крестьян постановили злостных кулаков в кол-ве 15 человек выслать за пределы Украины там где Соловьи поют» [19].

Клеймо «кулака» навсегда «въедалось» в хозяина и каждого члена его семьи. «Кулакам» нельзя было служить в Красной армии, учиться в учебных заведениях и работать на промышленных предприятиях и стройках. Даже если кому-то и удавалось вырваться из ужасного ада коллективизации, достаточно часто его возвращали назад в село, исключали из рядов Красной армии и выгоняли из школы.

Террор «раскулачивания» не утих даже тогда, когда, казалось, на селе не осталось ни одного «кулака-миroeда». У организаторов коллективизации цель была одна – создать нетерпимые условия для единоличников доведенными индивидуальными планами и налогами для того, чтобы заставить крестьян «добровольно» вступить в колхоз.

В то время чуть ли не каждого крестьянина можно было обложить непосильным налогом, назначить «план до двору», конфисковать имущество или выслать вместе с детьми на верную гибель в край вечных снегов. Такое отношение к человеку было типичным для сталинского режима, при котором государственное беззаконие приобретало невиданных размеров, когда не только труд крестьянина, но и его жизнь принадлежала тоталитарному государству.

Примечания

1. Государственный архив Черкасской области (далее ГАЧО). – Р-2113. Оп. 1. Д. 56. С.122, 122(об).
2. ГАЧО. Р-2113. Оп. 1. Д. 56. С. 97.
3. ГАЧО. Р-2113. Оп. 1. Д. 56. С. 86.
4. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 79. С. 86.
5. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 114. С. 38, 41, 44.
6. Історія українського селянства. Нариси в 2-х т. Том 2. К., 2006 С. 529.
7. ГАЧО. Р-2113. Оп. 1. Д. 56. С. 86.
8. ГАЧО. Р- 184. Оп. 1. Д. 112. С. 4.
9. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 114. С. 1–4.
10. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 115. С. 1–2.
11. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 113. С. 1–3.
12. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 112. С. 1–3.
13. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 114. С. 60.
14. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 112. С. 35.
15. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 113. С. 16.
16. ГАЧО. Р-184. Оп. 1. Д. 113. С. 19.
17. ГАЧО. Р-75. Оп. 1. Д. 114. С. 38.
18. ГАЧО. Р-2113. Оп. 1. Д. 56. С. 649– 650.
19. ГАЧО. Р-235. Оп. 1. Д. 164. С. 71–72.

Тараненко А. Ф.

Голодомор: государственная тайна, переданная «по наследству»

И поныне один из исторических эпизодов нашей страны, вызывающих наиболее острые споры политиков и историков, – это голодомор 1932–1933 годов, сотворенный советской властью на территории ряда регионов СССР, в том числе на Кубани. Сталинское руководство приняло все меры к тому, чтобы этот голод стал одной из тщательно скрываемых государственных тайн «особой важности». Главный

специалист Росархива, доктор исторических наук Олег Витальевич Хлевнюк отметил: «Главной предпосылкой отношения Сталина к голоду была неприемлемость для него потери «политического лица» и фактического признания банкротства собственной политики, т. е. проявление опасной для диктатуры слабости. Именно по этой причине вокруг голода 1932–1933 гг. была сооружена завеса абсолютной секретности и циничной лжи...» (1).

Чтобы быстрее выветрить у народа память о голодоморе, власти кощунственно ликвидировали со временем места массовых станичных захоронений жертв голодомора. Например, в Старошербиновской построили многоэтажные дома (2), в Новождерелиевской закатали асфальтом под рынок (3), в Медведовской разбили школьный фруктовый сад, а в Новогиторовской в шестидесятые годы устроили танцплощадку, и подобных примеров огромное множество.

За рубежом советский голод секретом не был: об этом трубила иностранная печать; российские эмигранты стремились помочь своим семьям продуктовыми посылками, и в прессе, пытаясь разбудить мировую общественность, прямо кричали на русском, немецком, французском, английском и чешском языках на весь мир: «Помогите! S. O. S.» (4). Но Запад оставался равнодушным к нашей трагедии, тем более что советская власть факт голода опровергала.

Наши граждане, пережившие голодомор, помнили его всю оставшуюся жизнь, но, боясь преследований, рассказывали о нем в былые годы только своим близким, а с конца 1980-х годов документы об этом и воспоминания старожилов прорвались и в нашу печать. Сталинские же сподвижники в своих опубликованных воспоминаниях о той трагедии следов не оставили. Так, Лазарь Каганович предпочел вообще не упоминать те события, а Вячеслав Молотов в беседах с Феликсом Чуевым лишь однажды, касаясь эпизода, как Сталин на вопрос Черчилля о цене коллективизации, молча, показал десять пальцев, означавших 10 миллионов крестьянских судеб, признался: «Я сам лично размечал районы выселения кулаков... Сталин говорил, что мы выселили 10 миллионов. На самом деле мы выселили 20 миллионов» (5).

Даже «ниспровергатель Сталина» Никита Сергеевич Хрущев не обмолвился о причинах и последствиях того голода, ни в знаменитом докладе на XX съезде КПСС, ни в пенсионных воспоминаниях. Оно и понятно: виновниками были не только Сталин и длинный перечень его соратников, но и агрессивная, кровавая коммунистическая идеология в советском ее воплощении, развязавшая руки десяткам тысяч активистов на местах. Гавриил Харитонович Попов образно выразился в своих исторических трудах, что от всех тех сталинских наследников пахло ваксой от сапог Сталина. Но жизнь показывает, что «вакса» эта не выветрилась из политической жизни и новой России.

Михаил Никифорович Полторанин, журналист, бывший министр печати и информации, вице-премьер первого «ельцинского» правительства, писал:

«Горькая правда похожа на оголенные провода, по которым бежит ток. Дотронешься – тряхнет.

Чтобы народ к такой правде не прикасался, власть закрытого общества обматывает ее, как изолянтной, враньем и цензурными восприятиями. Иначе током будет бить по сознанию нации, и невозможно его усыпить для последующего сковывания народной воли. А бодрствующее сознание всегда враждебно режиму, нацеленному на свои корыстные интересы.

Если мы хотим знать правду о том, кто нас ведет, куда и зачем – надо чаще браться за оголенные провода. То есть вникать в суть происходящего и, называя вещи своими именами, делать определенные выводы...

Когда я возглавлял госкомиссию по изучению и рассекречиванию закрытых документов, много спрятанной правды открылось мне из недавнего прошлого. А работа в российском правительстве и других органах власти позволила дотянуться до строго охраняемых секретов нынешнего Кремля...

Никита Сергеевич грешил безбожно, по-черному, но себя и своих подельщиков старался впихнуть в историю светлыми ангелами... После смерти Сталина его пособники по мокрым делам процвели...» (6).

Сам же Хрущев уже на пенсии вспоминал: «Невозможно было сразу представить себе, что Сталин – убийца и изверг. Мы создали, грубо говоря, версию о роли Берии: дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершались при Сталине. Мы находились в плену этой версии, нами же созданной... Здесь не было логики, потому что Берия пришел уже после того, как главная мясорубка сделала свое дело, то есть Сталин все сделал руками Ягоды и Ежова. Не Берия создал Сталина, а Сталин создал Берия» (7).

В общем же советская власть, признав часть преступлений сталинского периода, не спешила признать свои преступления против крестьянства. Когда в конце 1960-х годов в станицу Красноармейскую пошел переселенческий поток из выросших детей высланных семей, то поселиться им в самой станице власть не разрешила, а поселили их в поселке Элитном, рядом с Красноармейской. И по станице Роговской ряд старожилов отмечал, что после возвращения в 1950-е годы бывших раскулаченных с мест прежней высылки, некоторые активисты продолжали третировать их и запугивать. Например, бывшая активистка Самойленко считала своим правом получать от них «откупную» мзду в виде банок с домашними соленьями, которые носили ей вечерами напуганные прошлыми репрессиями вернувшиеся в станицу домохозяйки.

Ныне официально признано, что в Великую Отечественную войну 1941–45 гг. погибло более 26 миллионов советских граждан. А о голодоморе спор среди россиян не утихает не только по числу его жертв, но находится немало сторонников, отрицающих даже сам факт голодомора, — то ли по причине официального двусмысленного поведения Москвы, то ли по причине недостаточных исторических знаний. Ведь голод 1932–1933 годов имел весьма пеструю географию. В одних регионах он был относительным: ощущалась нехватка элементарных продуктов питания, но колхозы имели возможность оказывать нуждающимся помощь хлебом и картофелем. А в ряде других регионов он был абсолютным по причине полного изъятия хлеба и других продуктов у селян из-за завышенных заготовительных планов и умышленных штрафных санкций, и в таких регионах число жертв голодомора сопоставимо с числом погибших в Великую Отечественную войну, а то и в разы превышает их. Эта действительность наглядно видна на графиках, построенных по демографическим отчетам региональной статистики за 1946–1949 годы.

Так уж получилось, что первым в СССР официально факт голода 1933 года признал 25 декабря 1987 года в докладе на торжественном собрании в честь 70-летия советской власти на Украине 1-й секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Щербицкий. Правда, признал с «советскими» оговорками: «Неоправданное форсирование темпов, преимущественно административные методы руководства, грубые нарушения принципа добровольности, искривление линии в отношении к середняку и в борьбе против кулачества очень осложнили обстановку на селе. Прибавилась еще и сильная засуха. Все это обусловило серьезные продовольственные трудности в конце 1932 — начале 1933 годов, а в ряде сельских местностей и голод. На Западе написано разное о том трудном времени. Не прекращаются политические спекуляции и сегодня. Однако правда состоит в том, что советское правительство в тех условиях сделало все возможное, чтобы помочь населению районов Украины, Дона и Кубани, Поволжья, Южного Урала и Казахстана, пострадавших от этого бедствия». Хотя теперь из рассекреченных документов региональных архивов та «правда» видна иначе: во-первых, голод на Украине с фактами людоедства разразился уже с весны 1932 года; во-вторых, помощь тогда оказывалась в пострадавших селах и станицах не всему населению, а лишь тем, кто работал в колхозах, поэтому голодная смертность процветала до августа 1933 года, повторившись, хотя и в несопоставимо меньших масштабах, в 1934 году.

В апреле 1988 года журнал «Молодой коммунист» опубликовал статью Николая Алексеевича Ивницкого «Даешь коллективизацию!», в которой признавалось, что в конце 1932 года в СССР «разразился невиданный голод, охвативший, по признанию Сталина, 25–30 миллионов человек». Корифей-историк Ивницкий, более 20 лет из-

учавший проблему голода в СССР, 17 ноября 2008 г. на Московской международной конференции «Историческая и политическая проблема массового голода 30-х годов» рассказал о политических нюансах 1988 года, предшествовавших появлению его статьи: после Щербицкого он стал говорить в аудиториях, что тот голод поразил не только Украину, но и значительные территории РСФСР; и его через неделю вызвали в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Шел он туда с тревогой, т. к. имел уже партийный «фитиль» в 1957 году за разглашение в журнальной статье о краснодарских партизанах сведений, не подлежащих оглашению. В ЦК он спросил, как ему говорить: «как было» или «как надо»? Шла перестройка, и ему ответили, что говорить теперь можно «как было». Но жизнь показывает, что и поныне ряд историков и политиков о советском прошлом говорят не «как было», а «как надо» власти, и причиной этого лично я усматриваю не только нежелание показать истинного Сталина, но и попытки пресечения критики действий государственной власти вообще, и нынешней – в частности. Это известная рабелепствующая политика, ничего общего не имеющая со свободой слова и демократией: мол, на действующей власти, как на Солнце и Боге, пятен быть не может.

В январе 1990 года ЦК компартии Украины разрешил выпуск документального сборника «Голод 1932–1933 гг. на Украине: глазами историков, языком документов», а весной того же года там была организована Всеукраинская неделя памяти жертв голода 1932–1933 годов и сталинских репрессий. В 2007 году Украина выпустила еще один сборник рассекреченных документов о голоде. А Россия первый такой сборник выпустила лишь в 2008 году, и тот дарственным тиражом в 100 экземпляров для участников упомянутой Московской конференции. Этот сборник имел целью «заткнуть рот» украинцам, показать, что голод тогда был не только в Украине, но и в остальных регионах СССР, от Дальнего Востока до Белоруссии и Северо-Западной области, поэтому кубанская и нижневолжская голодоморная конкретика в нем почти отсутствует. В 2009 году этот же сборник вышел репринтным изданием тиражом в 900 экземпляров на всю страну. Более полный, трехкнижный сборник документов «Голод в СССР. 1929–1934» под руководством Кондрашина В. В. тиражом в 1000 экз. стал издаваться у нас лишь с 2011 года.

В числе организаторов упомянутой международной конференции были Марков Сергей Александрович (тогда – депутат Госдумы РФ, руководитель Института политических исследований) и Дюков Александр Решидевич (фонд «Историческая память»). Судя по их докладам, на конференции предполагалось осудить утверждения украинских историков и политиков о советском голодоморе и принять соответствующую резолюцию. Однако выступления российских авторитетных историков – Ивницкого Николая Алексеевича и

Кондрашина Виктора Викторовича – подтвердили, что голод 1932–33 годов носил искусственный характер. И я, единственный представитель на той конференции от огромного Северо-Кавказского региона, на кубанских примерах показал голодоморный характер той трагедии. Украинские же историки – Духопельщиков Владимир Михайлович и Лантух Валерий Васильевич – подчеркнули: Украина запустила тему голодомора, и слава богу, что российские историки стали изучать эту тему; голод случается от природных катаклизмов, а если в его возникновении виновата власть, то это голодомор. Поэтому ни о какой осуждающей Украину резолюции организаторы международной конференции уже не заикались, упоминания о самой конференции в центральных российских СМИ были краткими; не состоялась и обещанная публикация докладов конференции в научно-исторических журналах. Остались лишь в Интернете фото докладчиков.

Сергей Марков во вступительном слове на конференции говорил, что подобные конференции планируется провести в Краснодаре, Волгограде и Казахстане. А Максим Леонардович Шевченко, член Общественной палаты, подчеркнул, что сталинская власть установила большую дистанцию между собой и народом, и эту беду необходимо помнить власти нынешней. Предлагалось и в России отмечать в один из весенних дней День Памяти жертв голода 1933 года. Но пока на Россию зарубежье смотрит недоуменно, ибо мы никак не определимся, кто же для нас Сталин: злодей, повинный в гибели миллионов безвинных душ, или гений, достойный, чтобы его имя олицетворяло Россию.

В 2009 году в Краснодаре конференцию о трагедии 1933 года провели, но лишь заочным порядком и без оповещения «мемориальцев», краеведов и учителей истории; благо, что сборник докладов дошел и до районных библиотек Кубани (8). В Волгограде, насколько мне известно, подобная конференция так и не была организована, ибо там все еще, выражаясь Гавриилом Поповым, «густо пахнет сталинской ваксой». Казахские же историки, судя по интернет-сайтам и личному общению на прошлой конференции Краснодарского «Мемориала», имеют возможность исследовать тему голода 1930-х годов без ограничений в доступе к архивным документам, чего не скажешь о российских историках. Горемычна и судьба экспозиции о трагедии 1932–33 гг. в Краснодарском краеведческом музее им. Фелицына.

Районные газеты у нас массово стали выходить с 1930 года: зачастую на плохой, разноцветной бумаге, разного формата, а в войну и вовсе бывало в половину тетрадного листа, но выходили более-менее регулярно. Работая в газетном отделе Российской государственной библиотеки, обнаружил неприятную странность – по целому ряду районов Кубани и Нижнего Поволжья газет за 1932–1933 годы

в наличии не оказалось, в библиографическом справочнике 1984 года по этим пробелам запись: «Сведений нет». Это, например, кубанские газеты Брюховецкого, Каневского и ряда других районов. А по документам из фонда Брюховецкого райкома видно, что районная газета «Набат» выходила в 1933 году регулярно. Выдать, в Библиотеке имени Ленина в свое время провели «чистку» региональных газет. Ведь эти газеты, в отличие от центральных, пестрят деталями, которые со временем стали неудобными партийной власти. Публиковались в них и списки расстрелянных «за саботаж». Вст и эмигранты, получая северокавказскую краевую газету «Молот», очень быстро в 1933 году делали перепечатки в своей прессе и активно обсуждали происходящие на Дону и Кубани события, поэтому советское правительство вскоре запретило отправку региональных газет за границу.

Не смог я полистать газеты за 1932–1933 год и в госархиве Волгограда: местные газеты по апрель 1932 года есть и в читальный зал выдаются, а далее этой даты – чего-то «нет в наличии», а какие-то «находятся на реставрации». Случайно ли это волгоградское совпадение ограничения на местные газеты с газетными пробелами РГБ? Не обнаружат ли историки какой-нибудь циркуляр с ответом на эту тему?

На Кубани о голодоморе 1933 года стали писать с 90-х годов много. Всплеск воспоминаниям положила статья профессора И. И. Алексеенко «Председатель комиссии» (о Л. М. Кагановиче), опубликованная в ноябре 1988 года в газете «Советская Кубань» и вызвавшая массу читательских откликов. Много ошеломляющих воспоминаний опубликовали затем и районные газеты.

Но позиция общероссийских СМИ выглядит странной. Одни издания публикуют материал о голодоморе, а другие его отрицают. Даже «Российская газета», например, 18 ноября 2008 года поместила небольшую заметку о «пресловутом «Голодоморе»», и это набиралось в редакции в день проведения Московской международной конференции по проблемам 1933 года. Поэтому реакция местных властей соответствующая. Например, по Тимашевскому району. В станице Медведовской территорию бывшего кладбища с общими могилами жертв голодомора отдают участками под индивидуальное строительство, вопреки мнению общественности, предлагающей устроить на этом месте памятный парк. Районная власть цинично заявила, что ни в медведовской администрации, ни в архитектуре, ни в архивах района нет каких-либо сведений о массовых захоронениях в тридцатые годы в Медведовской на том самом месте.

Я отправил летом 2013 года открытое письмо губернатору Краснодарского края, Патриарху Кириллу и Главному санитарному врачу Онищенко, что на старых кубанских кладбищах имеются одиночные сибиреязвенные и массовые холерные захоронения, и строительство жилых домов на этих местах чревато последствия-

ми. Ответ с краевого Управления Роспотребнадзора (№ 01-4/14170 от 02.07.2013 г.) гласит, что строительство зданий и сооружений на территории бывших кладбищ не разрешается, а с ответа краевого Департамента имущественных отношений (№ 52-2252т/13-11.05 от 18.07.2013 г.) следует, что нарушений с отводом земельных участков в станице Медведовской под жилье не обнаружено. Так вот московские и кубанские чиновники остались равнодушными к старым кладбищенским сибиреязвенным и холерным захоронениям, хотя по сибиреязвенным скотомогильникам существует особый контроль, вплоть до прокурорского.

Начато какое-то строительство и на бывшем кладбище станицы Новокорсунской, где также имеются сибиреязвенные захоронения, в т. ч. 1924 года. А при установке два года назад памятника жертвам голодомора на общей могиле станицы Днепровской местный актив коммунистов воспротивился надписи «Жертвам голодомора...», заявив, что голодомор – это выдумки «западнцев», т. е. западноукраинцев. Чтобы ликвидировать сомнение в достоверности массового захоронения 1933 года, энтузиаст установки памятника, пенсионер Валентин Дмитриевич Лопатин пробурил ручным буром это место в нескольких местах и показал неверящим массовые кости с глубины 80 сантиметров, в том числе детские черепушки.

Так выходит на Кубани, что Александр Григорьевич Лезнов, сын планового медведовского переселенца, хлопочет о сохранении памяти станичных жертв 1933 года, а казацье руководство отрезанно стоит в сторонке. Александр Григорьевич рассказывал: «Мой отец, Григорий Николаевич, родом с Ивановской области. В 1932 году он проходил службу в Ростове и стал плановым переселенцем в станицу Медведовскую. Родители получили здесь турлучную хату с длинными хозяйственными постройками какой-то выселенной семьи... О 1933 годе он вспоминал: «Жуть, что здесь было. Местные люди мерли, есть им было нечего. Трупы телегами вывозили... А когда в горбачевскую перестройку, в 1988 году в «Правде» появилось несколько статей про коллективизацию, про Кагановича, отец прочитал, разволновался и растерянно сказал: «Господи! Кому верить? Нам ведь в головы вбивали, что на Кубани саботаж, кулаки не хотят делиться хлебом. Неужели нас так одурачили?» (9).

В отношении к трагедии 1933 года странно ведут себя не только часть общероссийских СМИ, но и Российская академия наук, которая «наюлила» даже в Большой российской энциклопедии и о коллективизации сельского хозяйства (том «Россия»), и о голоде 1933 года (том 7). Так, основной документ, узаконивший террор на селе, – постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года – не упоминается, а делается ссылка на постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., которое является производным от партийного постановления. Просвещая в 2007 году о голоде 1933 года, Большая российская

энциклопедия умудрилась обойти молчанием сполна хлебнувшие ту трагедию российские регионы, а упомянула лишь УНет в Большой Российской энциклопедии и анализа тех событий и фактических результатов насильственной коллективизации. А ведь после смерти Сталина наша статистика перешла от пресловутых процентов, якобы показывающих неуклонный рост экономики и благосостояния народа, к конкретным цифрам, и оказалось: царская Россия в 1913 году при посевной площади 104,6 млн га собрала урожай 86 млн тонн; единоличники в 1926 году произвели около 77 млн тонн; после голодоморного этапа, унесшего миллионы человеческих жизней, перед сороковыми годами посевная площадь СССР увеличилась до 135,3 млн га, урожай колхозников и рабочих совхозов был в 75–80 млн тонн, а в 1953 году урожай получился всего лишь 82,5 млн тонн при посевной площади 106,7 млн га и средней урожайности ниже уровня 1913 года, при возросшем населении страны, обеднении и развале колхозов (10). В последующие годы СССР пришлось пойти на импорт зерна и иных видов продовольствия, и при таких показателях речь должна ведь идти не о прогрессе, а о регрессе советского сельского хозяйства.

Продолжают печататься учебники по истории для вузов, в которых тему голода 1933 г. умудряются обходить полным молчанием, как это было недавно с учебником для «Плехановской» академии. Продолжаются также ссылки в статьях о 1933 годе на исследования ряда зарубежных авторов, например, Андреа Грациози. По моему мнению, зарубежные исследования по советской истории ценны лишь тогда, когда базируются на зарубежных публикациях и архивах, и грош им цена, если они основаны лишь на «перепевках» старых сообщений советской и эмигрантской прессы, грешащей вольными и невольными ошибками.

Стоит ли удивляться после этого историческому невежеству россиян, даже получившим высшее образование. Так, когда я в октябре 2008 г. сообщил по телефону организаторам упомянутой московской конференции тему своего доклада «Об оценках голодомора 1933 года», меня переспросили: «Так вы что, поддерживаете Ющенко?», – на что я ответил: «Нет. Голодомор был и в ряде регионов РСФСР, и я опровергаю теорию Ющенко о национальном аспекте голодомора». А в сентябре 2013 года, даря в РГБ экземпляр пробного тиража своей книги «Очерки краеведа», на вопрос: «О чем книга?», – пояснил, что в ней краеведческие исследования о Кубани и Нижнем Поволжье, с использованием архивных документов и воспоминаний старожилов о гражданской войне на Хопре, о голодоморе, о службе и нынешней жизни. На что сотрудница РГБ вынесла вердикт: «Так эту книгу нужно передать в отдел иностранной литературы», – и на мое недоумение ответила: «Это же про Украину. А она теперь считается за границей». Так что в плохом

знании москвичами нашей истории вина нынешней российской политики, а не учебников истории.

Ныне даже некоторые маститые российские ученые-историки «осторожничают»: мол, Кульчицкий, один из главных нынешних украинских исследователей проблемы голодомора, утверждает, что у крестьян «отбирали тогда не только хлеб, но и все», «но это утверждение требует дополнительных исследований». Из московских архивов и кабинетов этого можно и не заметить, а нужно всего лишь съездить, «для дополнительных исследований», на Кубань, Нижнее Поволжье, да поговорить со старожилами, а не ждать, пока все они отойдут в мир иной. Вот после бесед со свидетелями голодомора и отпадут эти «мол», да «так называемый». Украина же о сохранении народной памяти побеспокоилась лучше России.

Россия по большому счету спор с Украиной по поводу голодомора ведет по сценарию критики Пастернака: «Я «Доктора Живого» не читал, но возмущен и протестую...». Умалчивая длительное время факт искусственного голода в СССР, вынужденно согласившись на признание его на Украине, продолжая не признавать его наличие на территории РСФСР, часть российских политиков теперь обижаются активности украинской стороны. А между тем с текстом Закона «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине» россиянам стоит ознакомиться хотя бы частично:

«...что память миллионов соотечественников, ставших жертвами голодомора 1932–1933 годов в Украине и его последствий;

уважая всех граждан, переживших эту страшную трагедию в истории Украинского народа;

сознавая моральный долг перед прошлыми и грядущими поколениями украинцев и признавая необходимость восстановления исторической справедливости, утверждения в обществе нетерпимости к любым проявлениям насилия...

сочувствуя другим народам бывшего СССР, понесшим жертвы в результате Голодомора...

Статья 2. Публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов в Украине признается надругательством над памятью миллионов жертв Голодомора, унижением достоинства Украинского народа и является противоправным...

Статья 4. Государство обеспечивает условия для проведения исследований и осуществления мер по увековечиванию памяти жертв Голодомора 1932–1933 годов в Украине на основе соответствующей общегосударственной программы, средства на выполнение которой ежегодно предусматриваются в Государственном бюджете Украины.

Статья 5... 3) решить в установленном порядке при участии Киевской городской государственной администрации вопрос о сооружении в г. Киеве к 75-й годовщине Голодомора 1932–1933 годов в Украине Мемориала памяти жертв голодоморов в Украине» (11).

Поэтому в Украине и пишут: «Каждый гражданин Украины должен знать масштабы этой трагедии, в результате которой в мирное время на своей земле погибли мученической смертью миллионы наших земляков, исчезли с карты Украины сотни и тысячи сел и хуторов. И не только знать и помнить, но и передавать это знание детям и внукам, чтить память погибших, делать все возможное, чтобы подобные трагедии не могли повториться НИКОГДА».

Ну и какая реакция возникает после прочтения этих строк? Мне кажется, поневоле появляются недоумения как у рядовых россиян, так и в среде ученых-историков по официальному поведению России: а почему у нас такое забвение памяти миллионов замученных голодной смертью? Почему у нас тормозятся исторические исследования по такой масштабной трагедии народа? Тем более что президент Медведев, будучи с официальным визитом в Украине в 2010 году, почтил своим присутствием с соответствующим церемониалом памятник жертвам голодомора.

На Кубани первый памятник жертвам голодомора 1933 года был установлен в 1990 году в станице Шкуринской. В 1993 году аналогичные памятники различного архитектурного исполнения, часто – в виде поклонных православных крестов, были установлены на кладбищах станиц Роговской, Новотиторовской и Старощербиновской, в 1998 году – в станице Новоджерелиевской, в 2004 году – в станицах Каневской и Щербиновской, в 2011 году – в станице Днепровской, в 2012 году – в г. Тимашевске. Установлены они и еще в ряде кубанских станиц, но все они устанавливаются благодаря активности отдельных неравнодушных граждан, и зачастую – вопреки мнению советов ветеранов, с позиций местной власти стороннего наблюдателя.

В 2008 году в Краснодаре издали объемную книгу «Кубановедение от А до Я. Энциклопедия» под общей редакцией профессора В. Н. Ратушняка, в которой, в отличие от Большой российской энциклопедии, о голоде 1933 года и его причинах написано правдиво. Но не все так просто в отношении к голодомору и на Кубани. Например, краевая газета «Кубань сегодня» с 15 ноября 2007 года еженедельно публиковала исследование главного редактора Владимира Мокротоварова «Трагедия села: печальный юбилей. Правда о голоде 33-го», с использованием документов и воспоминаний очевидцев, но после 2 октября 2008 года, несмотря на примечания «Продолжение следует», этот цикл исчез без всяких объяснений. А редактор еще 24 апреля 2008 года писал, что получает и такие письма: «Ты кому пишешь вот эту свою молитву?.. Мы думаем, что ты скрывался где-то. Пиши побольше, бумага терпит. Советский привет от нас!..»

Опубликована масса документов, опровергающих версию о сильной засухе 1932 года, которой вольно или невольно обеляют сталинскую власть. Метеорологами зафиксировано, что в кубанской погоде 1932 года ничего аномального не было (12). Обнаружены

черновые записи Л. Кагановича к партийному заседанию от 29 декабря 1932 года, в которых он, резко критикуя ход хлебозаготовок на Украине, отметил тезисно: «...Засухи нет, урожай сносный, если не лучше 31 года...» (13). К. Е. Ворошилов, побывав в Северо-Кавказском крае, в письме Сталину 26 июля 1932 года сообщал: «Климатические (метеорологические) условия текущей весны и лета на С.К. были исключительно благоприятны». То же отмечал и шотландско-канадский специалист по пшенице Эндрю Кэрнс, объехавший весной-летом 1932 года основные сельскохозяйственные районы СССР. Известна и докладная записка Шеболдаева Сталину от 20 августа 1932 г.

Тем не менее и поныне наблюдаются попытки объяснить невиданный голод 1933 года засухой. Так, 30 декабря 2010 г. ЦТВ показало премьеру В. В. Путина, заявившего о расконсервировании части зернового госзапаса, чтобы избежать скачка цен на хлеб из-за низкого урожая аномально засушливого лета. Для сравнения Путин подчеркнул, что в начале 30-х годов была уже сильная засуха, предвещающая к страшной трагедии, но в настоящее время ситуация с хлебом у нас совсем иная. Эту же мысль о засухе он повторил 20 апреля 2011 г., отчитываясь Госдуме о работе правительства в 2010 г. Но если урожай зерна привести к душевому показателю, то, и в 2010 году, и в 1932/33-м выйдет примерно по 27 пудов хлеба, и это еще раз доказывает голодоморный характер сталинской политики.

Секретность о голоде избирательна. В Интернете есть исследование «Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья», проведенное В. В. Кондрашиным (ныне профессор Пензенского гос. педагогического университета) на основе архивных книг загсов ряда районов Пензенской и Саратовской областей, территорий бывших Средне- и Нижне-Волжского краев. В районном поселке Малая Сердоба жители установили дажеobelisk в память о жертвах голода.

Кубанские историки с 2005 года стали задавать представителям власти вопрос, почему перекрыт доступ к книгам загс, но внятного ответа не получали. Окольными путями доходили сведения, что, мол, Путин подписал указ, продляющий закрытость книг загс до ста лет.

На Московской международной конференции руководитель Росархива В. П. Козлов, член-корр. РАН, объявил, что историкам открыты архивные книги загсов, а мы же с трибуны возразили, что на Кубани даже смертные книги от 1927 года историкам не выдают, ссылаясь на интрукцию о продлении их секретности до ста лет. Выяснилось, что и Кондрашину Краснодарское краевое управление загс отказало в предоставлении информации о смертности 1930-х годов.

Историкам книги загс раскрывают весьма неожиданные сведения. По ежемесячной и годовой статистике можно строить

сравнительные графики уровня рождаемости и смертности различных регионов страны, что, в отличие от обычной «общеразмозанной» статистики, позволяет судить об уровне голода в том или ином регионе. В книгах регистрации смерти встречаются также сведения об умерших в заключении (время, место и диагноз), о чем зачастую не знают даже родственники репрессированных. Циркуляром Наркомюста от 19.11.1932 г. № 211 предписывалось с мест заключения извещать загсы по месту жительства о смерти заключенного, чтобы там произвели соответствующую запись и сообщили родственникам. Но при массовой смертности 1933 года местная власть это не исполняла, так как сама участвовала в вакханалии арестов, о чем подчеркивал потом даже Сталин. А к 1937 году это, в общем-то, гуманное предписание Наркомюста трансформировалось в государственно-лживое «10 лет без права переписки».

Кубанская особенность смертных книг – встречаются большие и малые списки хлеборобов, умерших от голода 1933 года в районных тюрьмах с конца января по двадцатые числа мая, когда тюрьмы стали разгружаться в соответствии с известной Инструкцией, подписанной Сталиным и Молотовым 8 мая 1933 года. Всплывают факты, когда некоторые граждане числятся в реабилитационных списках осужденными на тот или иной срок, в то время как они фактически уже умерли от голода в районных «каталажках». Вопреки утверждению ряда украинских историков о целенаправленном уничтожении книг регистрации смерти за 1933 год, на Кубани во множестве станиц эти книги пережили даже оккупационный период.

Мы работали с архивными книгами загс в 1995 году в Волгоградской области, а в 2011 году решил поработать и в райотделах загс Краснодарского края. В одних отделах препятствий в этом мне не чинили, а Славянский райотдел загс, сославшись на конфиденциально-персональный характер записей, отказал даже в выдаче обобщенных статистических сведений. Пришлось разбираться, и я выяснил: по Федеральному закону РФ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», записи относятся к конфиденциальной информации, имеющей ограниченный доступ. Выяснение же вопроса, откуда «растут ноги» о 100-летнем сроке секретности книг загс, вывело меня на Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», статья 23 которого и определила 100-летний срок ведомственного хранения книг загс, и которую органы загс неуклонно исполняют. Но статья 25 этого же закона установила ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, на срок 75 лет со дня создания этого документа, а вот требования этой статьи частью органов и управлений загс игнорируются.

Понадобился почти год переписки с краевыми прокуратурой и управлением загс, чтобы получить подтверждение моего права историка работать со смертными книгами 1930-х годов. Краевая прокуратура изначально подтвердила законность моих требований, и краевое управление загс вынуждено было согласиться 5 сентября 2012 г. письмом за № 50-4675/12-01-21. А вот после посещения Киквидзенского райотдела загс Волгоградской области потребовалось более двух лет переписки. Прокурор Киквидзенского района С. Н. Зайцев на мои жалобы дважды глупо ответил (№ 68 ж-2011 от 22.09.2011 г. и № 68ж-2011 от 29.02.2012 г.), что Федеральный закон № 125 на органы загс не распространяется. А областная прокуратура после неоднократных жалоб ответила 09.07.2012 г. за № 7/1-186-2012: «...запрашиваемые Вами сведения относятся к категории конфиденциальной информации и не затрагивают Ваши права и свободы, нарушений в действиях отдела загс администрации Киквидзенского района и отдела загс аппарата Губернатора Волгоградской области не выявлено». Мои доводы, что считать обобщенную статистику смертности конфиденциальной информацией – это бред, и напоминания о ст.25 ФЗ № 125, оставались непонятыми, и лишь обращения в Генеральную прокуратуру и к Уполномоченному по правам человека в РФ позволили получить из Волгоградской областной прокуратуры ответ (за № 7/1-186-2012 от 19 июня 2013 г.), обходящий стороной сомнительную компетенцию ее сотрудников: «Ваши обращения по вопросу предоставления возможности ознакомиться с архивными документами в отдел загс администрации Киквидзенского района в 2011–2013 гг. не поступали... в случае Вашего обращения по вопросу предоставления возможности ознакомления с архивными документами о смертности... за 1929–933 гг., такая возможность сотрудниками отдела Вам будет предоставлена».

Забюрократченность рассекречивания документов бывших партактивов все еще позволяет не допускать исследователей к ряду дел за 1933 год, даже, например, из фондов политотделов МТС, с циркулярами ЦК и краевого комитета ВКП(б). Еще одним огромным пластом документов, недоступных российским историкам, являются спецхраны региональных управлений МВД и ФСБ, в которых также аккумулировано немало материалов, раскрывающих особенности голода 1930-х годов. Судя по опыту работы в краевом и ряде областных государственных архивов, полагаю: «белые пятна» в статистических отчетах о естественном движении населения («родилось – умерло») – это пласт документов, попавших под особый гриф «М» – «Мобилизационные», – допуск к которым закрыт не одному поколению историков, если не будет специальной воли российского руководства. Обращения по подобным вопросам к губернаторам, а также президенту РФ, заканчиваются неизменно одним: администрации,

работая в режиме «почтового отделения», пересылают письма без принятия конкретных мер в нижестоящие инстанции, даже тем, на кого были жалобы, хотя российским законодательством подобные переадресовки запрещены. Но таковы на деле выстроенные в обновленной России вертикаль и горизонтали управления. Таково в нынешней России отношение к одной из величайших народных бед – голодомору 1933 года.

Примечания:

1. Хлевнюк О. В. Хозяин Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., Росспэн, 2010. С. 141.
2. Половинко Л. Чабор да полынок... // Станица, 2005 г. № 2. С. 6.
3. Логачева В. А. Рынок на братской могиле // Знамя труда (Тимашевск), 08.04.1997 г.
4. Например, журналы: «Вольное казачество» (Прага), 1933 г., № № 136–142; «Часовой» (Париж), 1933 г., № 106, 107, 110–113, 116.
5. Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., ОЛМА-ПРЕСС, 1999 г., с. 458. А 30 октября 2010 г. на канале Нового телевидения Кубани в новостном блоке, посвященном Дню памяти жертв политических репрессий, диктор информировала, что в раскулачивание было выселено 22 миллиона человек.
6. Полторанин М. Власть в тротилловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., Эксмо. Алгоритм, 2011 г., с. 5, 115, 340.
7. Млечин Л. Хрущев как вызов вертикали власти. Московский комсомолец, 10.09.2011 г., с. 3.
8. Историческая память населения юга России о голоде 1932–1933 г. Краснодар, 2009 г.
9. Лезнов А. «Почему у нас такая короткая память? Антиспрут, 20.05.2010 г., с. 9.
10. Отечественные архивы. 1994 г. № 1, с. 28.
11. Интернет-сайт. Ведомости Верховной Рады Украины. 2006 г. № 50, с. 504.
12. Аномалии погоды на Кубани // Кубань сегодня, 15.02.2002г. с. 11.
13. Голодомор 1932–1933 рр. в Украине, Киев, «Киево-Могилянская академия», 2007 г., док-т № 388.

Артюхин Ю. В., Турицына Н. Ю.,
Синянский И. И., Орехова Г. Ф.

Причины и масштабы людских потерь в Ейском отделе (районе) в 1920–1933 гг.

Прежде чем рассмотреть существо вопроса, следует вкратце охарактеризовать понятия «Ейский отдел» и «Ейский район», поскольку их размеры и состав входивших населенных пунктов неоднократно менялись. С 1921 г. ВЦИК стал осуществлять административно-территориальные преобразования. В частности, местами вводилась волостная система [1]. Постановлением Кубчероблисполкома от 15 января 1923 г. Тимашевский отдел был ликвидирован, а его населенные пункты переданы Ейскому, Краснодарскому, Славянскому отделам. С 26 января 1923 г. была утверждена новая структура области, в составе которой Ейский отдел с центром в г. Ейске включал, помимо ныне существующих станиц, Калниболотскую, Каневскую, Крыловскую, Кущевскую, Новоминскую, Павловскую, Атаманскую, Староминскую, Канеловскую, Старощербиновскую, Уманскую, Челбасскую и ряд других [2].

Декретом ВЦИК от 26 января 1925 г. было утверждено положение о Северо-Кавказском крае, делившимся на 10 округов, с центром в г. Ростове-на-Дону. При этом в Кубанский округ не вошел Ейский район, включавший поселения от Александровки и Шабельского на севере, до Старощербиновской на востоке, Должанской и Камышеватской на западе [3]. Эта административная система просуществовала до января 1934 г., когда в Ейском районе осталось только три станицы – Должанская, Камышеватская, Ясенская и ряд поселений. Учитывая изложенное, авторами будут рассматриваться события в станицах, имевших наиболее длительную историю существования в рамках Ейского района (уезда).

Корни начального этапа репрессий, вызвавших массовые потери населения г. Ейска и окрестных станиц, лежат в событиях социально-политического противостояния весной-летом 1918 г. В ночь с 30 апреля на 1 мая 1918 г. казаки десяти станиц Ейского отдела, численностью по разным данным от 3 до 7–8 тыс. чел., напали на г. Ейск [4, 5, 6]. Они преследовали несколько целей:

- уничтожение той силы, которая грабила продовольственные ресурсы и фураж, производимый в станицах;
- срыв планов передела казачьей земли в пользу иногородних;
- захват оружия, в избытке имевшегося в городе.

Казаки потерпели поражение и понесли значительные потери в живой силе – по советским данным 1125 чел., а по опросным данным и материалам метрических записей они были значительно больше. Противоборство обеих сторон было ожесточенным, но красные не-

редко прибегали к изуверским способам расправы, издевательствам. К ним следует причислить зверства пресловутого революционного трибунала по отношению к арестованным и заключенным в тюремном замке г. Ейска, моряков Азовской флотилии в ст. Должанской, карательных отрядов в ст. Новощербиновской и ст. Копанской и др. Сразу после поражения казаков большевистские власти Ейска фактически инспирировали «покаяние» станичников по отношению к большевистской верхушке, хотя в печати всячески подчеркивали, что это была добровольная акция. Массу людей продержали перед тюрьмой несколько дней без пищи и воды. Причем некоторые из предводителей «покаяния» были арестованы и тут же расстреляны [7].

Некоторое время спустя большевистская власть организовала насильственный призыв в армию казаков непризывного возраста, вероятно, стремясь подорвать социальную основу будущих антибольшевистских выступлений. Значительная часть молодежи была убита в боях с Добровольческой армией.

Когда Вооруженные Силы юга России стали терпеть поражение и откатились к ст. Тихорецкой, советская власть вновь установилась в станицах Ейского отдела. С этого момента все накопившиеся противоречия и кровавые счета проявились с новой силой. В качестве характерного примера краеведы указывают на судьбу кавалерийской дивизии полковника Сухенко, в состав которой входили Запорожские и Уманские полки. Окруженные красными частями на побережье Черного моря, казаки на предложение войти в состав Красной Армии изъявили желание воевать на польском фронте. Но при перебазировании восстали у ст. Куцевской. После боев с красными частями полковник Сухенко с несколькими сотнями ушел в плавни. Сражались до конца 1921 г., пока повстанческий отряд не был уничтожен у хут. Сокура [8, 9].

Появление многочисленных повстанческих отрядов и групп заставило большевистские власти Ейского отдела 22 апреля 1920 г. осуществить реорганизацию ЧК, введя в состав ее коллеги лиц, ранее зарекомендовавших себя жестким отношением к противникам [10]. Например, председателем коллегии был назначен Г. Колосов, как его характеризовали ранее – «безносый каторжник» [11].

Помимо ЧК карательные акции в отношении противников красного режима осуществляли реввоенсовет Кубанской и других красных армий, революционные комитеты станиц. Так, в конце 1920 г. в соответствии с особым приказом реввоенсовета Кубармии были расстреляны 50 офицеров и казаков, которых обвинили в предательстве и контрреволюционных заговорах во главе с полковником Сухенко, сотником Бардаком и др. [12]. В 1921 г. в Ейском отделе действовали 8 повстанческих отрядов, каждый численностью от нескольких десятков до сотни человек. Два самых крупных отряда возглавлялись полковником Пацуком и хорунжим Гриценко [13].

В октябре 1920 – июне 1921 г. повстанческое движение по всей Кубани активизировалось. Причиной являлось значительное возрастание заданий по продрозверстке (до 65 млн пуд.), расширение использования продотрядов [14]. Ситуацию в Кубанской области осложнил голод 1921–1922 гг. По данным климатологов, 1921 г. считается одним из самых маловодных и засухливых лет текущего столетия на огромной территории Европы [15]. Обмелели многие крупные реки Германии, Франции, Австрии. Еще острее была ситуация в бассейнах Черного, Азовского и Каспийского морей. Сухая осень 1920 г. и бесснежная суровая зима 1920–1921 гг. обусловили незначительный объем весеннего половодья. Снижение уровня грунтовых вод фактически превратило степную зону правобережья Кубани в полупустыню. Но и зима 1921–1922 гг. радикально не изменила ситуацию, что в конечном счете привело к неурожаю и, следовательно, острой нехватке зерна.

Авторы предприняли попытку оценить потери населения от голода 1921–1922 гг. в ряде населенных пунктов:

- в ст. Старощербиновской за январь–август 1922 г. умерло от истощения (голода) 193 чел. [16];
- в с. Глафировка с января по ноябрь 1922 г. – 261 чел. [17];
- в с. Шабельское – 205 чел. [18];
- в с. Николаевка – 104 чел. [19];
- в с. Екатериновка – 166 чел. [20].

Общая смертность, по имеющимся в Щербиновском архиве документам, составила 1338 чел. Пик смертности пришелся на май–июль 1922 г. Возрастная категория умерших – дети от 2 до 17 лет, люди среднего возраста и пожилые. Приведенные цифры дают лишь схематичное представление о масштабах происходившего. Реальные процессы убыли населения были гораздо сложнее, на что указывают сведения загс, в которых зафиксирована смертность одновременно нескольких лиц разного возраста в семьях.

Напряженная ситуация с продовольствием была усложнена и попытками советских властей осуществлять реквизицию церковных ценностей. При этом имели место акты насилия, вандализма по отношению к священникам, иконам, церковным помещениям. Эти надругательства над верой спровоцировали новую волну повстанчества, хотя в условиях засухи находить убежище в плавнях стало труднее. Большевистскими отрядами применялась тактика выжженной земли, в условиях которой повстанцы вынуждены были либо сдаваться, либо сражаться до последней возможности.

В 1922 г. ревком ст. Ясенской составил список казаков станицы и ее юрта «...находящихся в банде Врангеля или ушедших в ряды бело-зеленых банд» [21]. Согласно этому списку, число преследуемых советской властью казаков на этот момент составило 42 чел. Ответом советских властей на уход казаков в повстанческие отряды явились

блокада некоторых станиц, взятие заложников из числа семей ушедших в плавни и др. Примерно в это время И. Л. Хижняк, возглавлявший отряд ЧОН, был направлен для блокирования подходов к плавням между ст. Ясенской и ст. Копанской. При любой попытке станичников преодолеть запретную зону чаще всего их расстреливали. О кровавом этапе своей жизни советский военачальник предпочитал не говорить и не писать в официальных автобиографиях. Но эта сторона его жизни была охарактеризована соратниками, в частности, И. Ф. Михайловым [22]

В деле № 1/СС (совершенно секретно), заведенном в 1933 г. военной инспекцией Ейского райисполкома, содержатся сведения о повстанческой деятельности в Ейском и Старощербиновском районах в 1920-е годы [23]. Отмечается, что с 1920 по 1922 гг. в Ейском районе оперировали две крупные политические «банды». Одна численностью 600–650 сабель была сформирована в окрестностях ст. Старощербиновская местным казачьим офицером Г. Г. Сидельником. Но краеведы указывают, что Г. Г. Сидельник перед Гражданской войной имел звание вахмистра. Его отряд контролировал не только Ейский, но и Староминский районы. Г. Г. Сидельник действовал очень дерзко, создавая множество проблем советской власти. Исследователями отмечается факт уничтожения одной из его групп роты красноармейцев, направлявшихся из Ейска в Староминскую [24].

Согласно указанному выше секретному делу Ейского райисполкома, вторая крупная «банда», насчитывавшая 253 сабли, возникла и действовала в окрестностях ст. Камышеватской под руководством сотника П. И. Бардака. Если возникновение отряда Г. Г. Сидельника объясняется наличием в окрестностях ст. Старощербиновской обширных плавней по рекам Ея, Челбас, Мигута, то в окрестностях ст. Камышеватской условия иные. Ближайшие плавни располагаются в 40–50 км юго-восточнее станицы. Можно предполагать, что формированию этого повстанческого отряда способствовала высадка белыми десанта генерала С. Г. Улагая 14 августа 1920 г. А 24 августа советская Азовская флотилия под командованием Е. Гернета высадила на косе Камышеватской дивизию красных [25]. Дивизия выдвинулась к ст. Каневской и нанесла улагаевским войскам фланговый удар в районе ст. Тимашевской. Основная часть белого десанта вырвалась к ст. Ахтарской и была эвакуирована в Крым. Но пространство между Камышеватской косой, плавнями рек Челбас, Мигута и Бейсуг оказались средоточием мелких групп, не захотевших покидать Кубань.

По мере того, как повстанческие группировки преследовались и уничтожались советскими частями, возникали новые. В упоминаемом деле отмечается, что с 1922 по 1930 гг. в окрестностях станиц Старощербиновская, Новощербиновская, Камышеватская органами ОГПУ выявлены и уничтожены контрреволюционная группировка

численностью 250 чел. и десять крупных группировок каждая по 350 чел. в других станицах района. В деле отмечается антисоветская деятельность свыше тысячи одиночек-контрреволюционеров.

Сплошная коллективизация, проводимая в Ейском районе, к осени 1929 г. встретила яростное сопротивление со стороны казаков. В деле это противодействие квалифицируется как контрреволюционное. В результате репрессивных действий было уничтожено 10 группировок общей численностью 138 чел. К 1930 г. антисоветские акции жителей распространились и на правый берег р. Ея. В с. Екатериновке повстанцы уничтожали активистов колхозного движения, бывших красных партизан. В Новошербиновской выявлена антисоветская деятельность духовенства. В 1931 и 1932 гг. выявлено 18 контрреволюционных группировок, из которых 174 чел. было арестовано или уничтожено. В ст. Камышеватской арестовано 1208 чел., организовывавших срыв плана хлебозаготовок, уничтожение посевов, хищение зерна из амбаров.

С каждым последующим годом напряжение в станицах Ейского отдела нарастало из-за раскулачивания, расказачивания. Дело доходило до того, что некоторые семьи объявляли самораскулачивание, то есть добровольно сдавали в колхозное хозяйство скотину, имущество, после чего, ясно понимая неизбежность расправы, по ночам пытались бежать на лодках в Мариуполь для переезда пароходами в другие регионы страны. Некоторые уходили по плавням и долинам рек на Кавказ, прежде всего в Чечню и Ингушетию. В горах легче было пережить эти страшные годы.

Кампания раскулачивания, как это неизбежно бывает при любом кровавом деле, сопровождалась циничными злоупотреблениями. Так, в ст. Ясенской во второй половине 1920-х годов был раскулачен Рыбник Иван Федорович. Активную роль в высылке казака играла «комсодовка» А. Ф. Цявкова. Она была назначена опекуном над оставшимися без попечения детьми. Воспользовавшись бесправным их положением, А. Ф. Цявкова продала дом за крупную сумму, положив в сберкассу на счет детей лишь небольшую долю [26]. Как это не парадоксально, но «отомстили» советскому коррупционеру немцы в 1942 г. После того, как румынский взвод и представители немецкого командования вошли в станицу, кто-то из станичников донес имя «комсодовки» и она была в тот же день расстреляна вместе с тремя другими активистами «расказачивания».

Несмотря на потери населения станиц Ейского отдела в результате подавления повстанческого движения, расстрелов заложников и семей повстанцев самые страшные испытания еще только предстояло пережить. Речь идет о голоде 1932–1933 гг., вызванном запредельными планами поставок зерна и иной сельхоз продукции в госзакрома. Серьезные историки вполне обоснованно считают, что основной целью советской власти было не уничтожение села, а мак-

симальный сбор зерна для продажи его за рубеж [27]. К 1932 г. США, Англия и Франция перестали принимать в уплату за приобретаемые советской Россией машины, станки, паровозы и иную технику золото. Это была фактически «золотая» блокада страны. Они в уплату принимали только зерно и лес. Но эти обстоятельства не оправдывают советскую верхушку, осуществлявшую намеченные цели индустриализации нечеловеческими методами. Судя по опросным сведениям, выгребалось все зерно, включая посевные фонды. В дальнейшем во всех станицах были организованы отряды объездчиков, которые получили право расправы с любым, кто зайдет на поле, а тем более если унесет с него хотя бы колосок. В это время станицы оцеплялись воинскими подразделениями, не выпускавшими людей за ее пределы. Особенно тяжелая ситуация возникла в ст. Должанской, находящейся в кутовой части Ейского полуострова. Через несколько месяцев такого оцепления значительная часть жителей либо погибла, либо была на грани смерти. Тогда в Должанскую был направлен отряд «комсодовцев», которые загружали в автомашины трупы и захоранивали их в большой яме на поле далеко за станицей. Уцелели только те станичники, которые, выполняя производственные планы сельхозаготовок, безвыездно проживали на полях.

Станицу Старощербиновскую окружили отряды латышских стрелков и китайских добровольцев. Для медицинских консультаций местные власти часто приглашали старощербиновского врача И. С. Кукуш. Врач, несмотря на опасность, фиксировал в дневнике происходившее. По его данным, в станице умирало не менее 25–45 чел. в сутки, хотя официальная регистрация погибших от голода была частичной [28]. Отталкиваясь от этих данных, сообщенных одному из авторов настоящей статьи, есть основания утверждать, что в результате искусственного голода в станице, имевшей перед Гражданской войной население численностью 20 тыс. чел., погибло не менее 80 % жителей [29].

В конце 1950-х годов на юго-западной окраине станицы Старощербиновской было развернуто строительство небольшого жилого квартала. В процессе вскрышных работ и рытья котлованов под фундаменты строители наткнулись на три траншеи, заполненные человеческими останками. По секретному решению станичного исполкома кости были тайно перезахоронены на городском кладбище. Некоторые жители являлись свидетелями захоронений, которые связаны с голодом 1933 г. Только в этих траншеях было захоронено не менее 500–800 человек, умерших голодной смертью. Оценки, проведенные на основе опросных сведений по станицам, позволяют предположить, что в ст. Должанской от голода умерло от трети до половины населения, в Ясенской – до трети.

Уже в конце 1920-х годов стала осуществляться программа выселения из станиц Кубани раскулаченных. В 1930 г. из Ейска в от-

даленные районы было направлено несколько эшелонов раскулаченных. По рассказу Н. Д. Першиной, после обыска дома милицией и активистами им было приказано на следующий день прибыть на Привокзальную площадь [30]. Отец был признан кулаком, поскольку имел два дома, построенных им собственными руками для себя и своего сына. На площади были собраны репрессированные не только из города, но и из станиц Камышеватской, Ясенской, с. Воронцовки. Поезд с теплушками отправился на восток Ставропольского края, где переселенцы были выгружены в с. Дивное, располагавшееся фактически на границе полупустынной местности. В 1933 г. на Ставрополье также был голод и семья Першиных спаслась только благодаря тому, что в 1934 г. им было разрешено завербоваться в рабочие отряды, направлявшиеся в Осетию. Из ст. Уманской в Казахстан было переселено 1200 семей [31]. С учетом переселения, гибели местных повстанцев и расстрелов заложников и семей белых казаков, голода 1933 г., вероятно, в станице осталось меньше людей, даже чем в Старощербиновской.

В целях увеличения сдачи зерна государству советская власть в 1933 г. стала проводить пропагандистскую кампанию. В газетах публиковались материалы, отражающие выполнение колхозами, МТС и районами планов хлебопоставок. Отстающих заносили на так называемую «Черную доску» [32]. В разное время на «Черную доску» попадали ейские хозяйства и даже станицы Старощербиновская, Уманская, Копанская. В ейских станицах практиковался следующий прием. В станицы, не выполнившие план хлебозаготовок, красный флаг над сельсоветом снимался, а вместо него на флагшток водружали мешок, пропитанный смолой. Под напором ветра он издавал жутковатый треск, усугубляя и без того напряженную атмосферу в станице.

В отличие от станиц, в г. Ейске существовала карточная система, которая обеспечивала минимальные хлебные пайки прежде всего работающим. Граждане, отнесенные к категории «социально чуждых элементов», карточек были лишены. Карточки хоть и позволяли как-то выживать, но голод ощущался и в городе. Умерших хоронили на огородах, а иногда и просто бросали на улицах. Среди старожилов существует утверждение, что в 1933 г. К. Е. Ворошилов посетил Ейск с целью проверки состояния развития материальной базы Ейской школы морских летчиков. Рядом с территорией школы он заметил захоронения на пустыре, из которых торчали руки и ноги. Маршал потребовал навести порядок и исключить возможность распространения эпидемии, которая могла нанести урон летной школе. Возможно и по этой причине 19 марта 1933 г. состоялось заседание райисполкома [33]. В совершенно секретном протоколе заседания зафиксированы следующие позиции:

– прекратить все захоронения на существующем городском кладбище и организовать новое;

- брошенные трупы захоронить;
- предусмотреть борьбу с грызунами, способствующих разносу инфекции;
- составить список получателей хлеба, проверить их социальное происхождение и исключить из списка социально чуждые элементы и погибших;
  - в связи с малочисленностью милиции осуществить дополнительный набор в ее ряды;
  - в связи с приближением войны сократить расходы на курортное хозяйство и возможно шире использовать курортные объекты в военных целях.

Таким образом, за период с конца Гражданской войны по 1933 г. социально-политические условия в Ейском районе постоянно усложнялись, возникали новые факторы, приводящие к росту людских потерь во всех станицах района и в г. Ейске. К периоду репрессий 1935–1939 гг. население района оказалось не только разобщено по социальным и политическим мотивам, но и деморализовано, а его трудовой и интеллектуальный потенциал в некоторых случаях был низведен до минимального уровня. Этому способствовала и практика заселения жителями Белоруссии, Липецкой, Рязанской, Курской областей пустующих домов убитых и умерших. Переселенцы были незнакомы не только с бытом, привычным для кубанцев, но и приемами сельскохозяйственных работ, культурными и бытовыми обычаями.

Примечания

1. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани в 1793–1985 гг. Краснодар, Краснодарское книжное издательство. 1986. С. 64–66.
2. Там же. С. 78.
3. Там же. С. 89.
4. Климентьев Г. В. С любовью о Ейске. Изд-во «Краснодарские известия». 1998. С. 132–134.
5. Корнильев А. Контрреволюция терпит крах // Приазовские степи. № 194. 1967.
6. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 514. Л. 14–15.
7. Красный террор в годы Гражданской войны. Дело № 116. <http://swolkov.org/doc/kt/index.htm>
8. ГАКК, Ф. Р.692. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
9. Климентьев Г. В. Указ. соч. С. 144.
10. ГАКК. Ф. 649. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
11. Красный террор в годы Гражданской войны. Дело № 116. <http://swolkov.org/doc/kt/index.htm>
12. ГАКК. Ф. Р-649. Оп.1. Д. 1. Л. 14.
13. ГАКК, Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 34 об.

14. Щетнев В. Е. Особенности завершающего этапа Гражданской войны на Кубани // Гражданская война на юге республики. Новочеркасск. 1989. С. 43.

15. Галкин Г. А. Климатические аномалии в Краснодарском крае. Краснодар. 1989. С. 62.

16. Архив муниципального образования Щербиновский район (АМОЩР). Ф. 120. Оп. 1. Д. 14–15, 31.

17. АМОЩР Ф. 120. Оп. 1. Д. 12, 24.

18. АМОЩР Ф. 120. Оп. 1. Д. 11, 25, 45.

19. АМОЩР Ф. 120. Оп. 1. Д. 12-г.

20. АМОЩР Ф. 120. Оп. 1. Д. 126, 39, 40, 48, 71.

21. Архив муниципального образования Ейский район. Ф. 600. Оп. 10. Д. 3

22. Архив муниципального образования Ленинградский район. Ф. 162. Оп. 1. Д. 8, 17. Л. 1–9.

23. ГАГК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–6.

24. Синянский И. И. Станица моя родная. Ст. Старощербиновская. 2012. С. 38.

25. Малахов И. Легенды и были. Записки ейского краеведа. Ейск. Изд-во «Приазовские степи». 2011. С. 35–36.

26. АМОЕР, Ф. 98. Оп. 1. Д. 45.

27. Черный В. Рукотворный город // Пульс недели. 16–22 мая 2012. С. 6.

28. Синянский И. И. Указ соч. С. 49–53.

29. Синянский И. И. А брички везли и везли тот страшный урожай // Вольная Кубань. 31 октября 2012. С. 3.

30. Информатор Н. Д. Першина, 1921 г. рождения. Записано Ю. В. Артюхиным в г. Ейске в 2011 г.

31. Беловолов В. Н. Сборник статей и очерков по истории станицы Уманской. Ст. Ленинградская. 2002. С. 39.

32. Черная доска // Молот. 4 августа 1933.

33. ГАКК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 11.

IV. ТЕРРОР 1930-х

Сомов В. А.

Мы говорим «партия», подразумеваем... «репрессии»? К вопросу о роли управленческого конфликта в трагедии 1930-х гг.

Оценивать любое масштабное событие необходимо только с точки зрения исторических условий, в которых оно возникло и развивалось. Только так можно приблизиться к объективной оценке изучаемой эпохи. Политические репрессии 1930-х гг. – наиболее дискуссионная страница советской истории. Это объясняется не только «столкновением» интересов и желанием использовать тезис о репрессиях как «козырь» в непрекращающейся политической борьбе, но и недоступностью закрытых архивных фондов, которые могли бы ответить на многие трудные вопросы. Тем не менее доступных данных достаточно для того, чтобы реконструировать в общих чертах те процессы, которые в конечном счете привели к массовым незаконным репрессиям.

Вообще, применение репрессий по отношению к политическим противникам – характерная и не скрываемая черта советской (и не только) власти. В период гражданской войны репрессии применялись в массовом порядке, сообразуясь с концепцией «революционной законности» – противозаконно все, что наносит ущерб завоеваниям революции. Эта предельно широкая трактовка состава преступления приводила к действительно незаконным с точки зрения сегодняшнего дня репрессиям. Позже в уголовном кодексе 1922 и 1926 годов этот состав был сконцентрирован в ст. 58 – контрреволюционные преступления.

Как известно, результатом внутрипартийной дискуссии второй половины 1920-х гг. стало принципиальное решение о возможности построения социалистического общества в рамках одного государства, без организации свержения капиталистических режимов в мировом масштабе («мировая революция»). Это решение было продиктовано целым рядом обстоятельств, главным из которых можно считать желание власти закрепить все, что было достигнуто в результате октябрьской революции 1917 г. Уникальные климатические и географические особенности государства, позволявшие развивать самодостаточную экономику («автаркия»), в принципе допускали возможность постепенного, медленного формирования социалистических отношений, «врастания» в социализм. Другими словами, в рамках советского государства построение социалистического общества могло длиться несколько десятилетий, пока экономика не достигла бы известного паритета между сельским хозяйством и

промышленностью («социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны»). Или, как писал Н. И. Бухарин в работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925): «Крестьянские хозяйства постепенно переделывают свою собственную природу, смыкаются вместе и сливаются в одно еще более громадное целое с государственной промышленностью. А такого рода хозяйственная цепь, которая организована во всех своих частях, по сути дела, и есть социализм»[1].

Но этот оптимальный для СССР вариант развития входил в острейшее противоречие с тенденциями мировой экономики. Экономический кризис перепроизводства в капиталистических странах в конце 1920-х гг. во многом был обусловлен тем, что огромная территория СССР с многомиллионным населением была в значительной степени «выключена» из мировой финансово-экономической системы. Иностранные фирмы, частный капитал терпели убытки из-за невозможности свободно добывать сырье и сбывать товары на территории СССР на выгодных для себя условиях. Не случайно, что главным требованием к СССР со стороны мировых держав на международных конференциях 1920-х гг. было требование ликвидации государственной монополии внешней торговли. Главной проблемой для этих держав стало проникновение на советский рынок, что было очень трудно сделать, учитывая социалистический (не рыночный) характер советской экономики. Не будет преувеличением сказать, что эта проблема стала для капиталистических стран жизненно важной.

Именно внешний фактор необходимо принимать во внимание при попытке понять причины, по которым советская власть принимает решение о резком «скачке» в развитии экономики и, прежде всего, крупной промышленности. Как отмечал в упомянутой статье Н. И. Бухарин: «Никогда не нужно забывать ни на одну минуту того обстоятельства, что наше мирное строительство может быть нарушено внезапным прыжком на нас со стороны ближних соседей. Никогда не нужно баюкать себя мечтой о том, будто бы мы оставлены в покое раз и навсегда» [2].

Таким образом, противоречие между двумя типами экономик – рыночной капиталистической и плановой социалистической – могло быть разрешено либо мирным существованием, либо ликвидацией одного из них. По сути – это главное международное противоречие XX века.

Корректировка идеологического и политического курса страны во второй половине 1920-х гг. и переход к активной фазе строительства мобилизационной социалистической экономики не всеми в стране были признаны однозначно правильными. И в руководстве и в обществе в целом имелись сомнения в его верности и необходимости. Многие рассматривали эту корректировку как отход от ленинского курса, как «предательство революции». Наиболее активным в этом

отношении был Л. Д. Троцкий и его сторонники. Логика Троцкого понятна: захват власти большевиками в России он рассматривал как первый этап мировой революции, а переход к мирному строительству (реконструкции) – как предательство ее идеалов. Эти идейные расхождения были не просто схоластическими спорами – это была борьба альтернатив развития, вопрос жизни и смерти для страны. И они по определению не могли закончиться «мирно» – борьба идей трансформировалась в политические кампании.

Изменения в области экономики, идеологии требовали закрепления в политической форме (решения должны выполняться). В условиях нехватки времени для подготовки к надвигавшейся войне только жесткими не демократичными мерами можно было реализовать задуманное. Это привело к формированию жесткой, централизованной системы управления, в основе которой лежала ориентация на личность генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина (культ личности).

Те, кто в силу разнообразных обстоятельств, выражал неудовлетворение таким положением дел, рисковал навлечь на себя подозрение в нелояльности, вредительстве, шпионаже и т. п. Но, кроме тех, кто лишь мог навлечь на себя подозрения, были и реальные вредители, и настоящие шпионы. Отрицать их наличие и деятельность было бы наивно. Не без оснований в докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. И. В. Сталин отметил: «Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше» [3].

Идеологическая борьба, индустриализация и коллективизация, внешнеполитическая деятельность, подготовка к войне, формирование культа личности – эти исторические реалии конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. стали основой для применения репрессий к тем, кто прямо или косвенно, сознательно или неосознанно, организованно и индивидуально противодействовал проведению в жизнь «генеральной линии» ВКП(б).

Осуществление репрессий – сложный системный процесс, в котором в качестве составных элементов принимали участия и государственные и партийные органы, и отдельные граждане, писавшие доносы, или, как тогда говорили, информировавшие о преступлении. Ведь в Уголовном кодексе 1926 г. содержалась статья (ст. 58–12), предусматривавшая наказание за недонесение о готовящемся преступлении в виде лишения свободы на срок не ниже шести месяцев. Правда, другая статья (ст. 95) предусматривала наказание за «заведомо ложный донос» в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ на срок не ниже трех месяцев. К концу 1920-х гг. была сформирована жесткая вертикаль репрессивного аппарата. Органы Государственного политического управления (ГПУ), Народного ко-

миссариата Внутренних дел (НКВД), органы прокуратуры, судебная система, партийный аппарат, отдельные граждане – все они подчинялись общим политическим тенденциям выявления и наказания лиц, подозреваемых в разного рода вредительстве.

Например, 21 ноября 1929 г. было принято постановление ЦИК СССР «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР» [4]. В постановлении содержалась следующая норма: «лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона... Объявление вне закона влечет за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного; б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности». Очевидно, что эта норма была направлена прежде всего против должностных лиц – представителей власти и администрации, имевших тесные контакты за рубежом, которые в силу разных обстоятельств имели конфликт с советской властью. Можно предположить, что эти меры воздействия были направлены в первую очередь против сторонников, высланного из СССР Л. Д. Троцкого – в СССР начиналась активная стадия борьбы с троцкизмом, что породило целый ряд политических судебных процессов 1931–1938 гг.

Что характерного в этих процессах? Очевидно, что все они были направлены на ликвидацию противников «генеральной линии» партии. Об этом говорит постоянное фигурирование в ходе процессов имени Л. Д. Троцкого – принципиального противника сталинской модернизации и культа личности. Фигурантами этих процессов были высшие партийные, государственные, хозяйственные, политические и военные деятели государства.

Самый загадочный и больной вопрос – законность и состоятельность обвинений в ходе этих процессов. Практически все участники политических процессов были реабилитированы в ходе «перестройки» в конце 1980-х гг., но ни ученым, ни общественности до сих пор не доступны в полной мере ни материалы обвинения, ни материалы реабилитации.

Применение методов физического воздействия при ведении следствия прямо запрещалось ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: «Следователь не имеет права домогаться показания или признания обвиняемого путем насилия, угроз или других подобных мер» [5]. Но существующие воспоминания политзаключенных не оставляют сомнения в том, что эти методы широко применялись.

Применялся этот «метод» не ко всем. В частности, исследователи биографии Н. И. Бухарина приходят к почти однозначному выводу: пыткам он не подвергался [6]. Более того, Н. И. Бухарин, сам, находясь под следствием, довольно загадочно высказывался в поддержку репрессий и предлагал свои услуги в этом процессе. В личном письме Сталину 10 декабря 1937 г. он писал: «Есть какая-то

большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись» [7].

Особо стоит отметить, что относительно виновности фигурантов политических процессов, доказанности их вины, соблюдения процессуальных и законодательных норм при ведении следствия в современной исторической науке формируется новая концепция. Эта концепция опровергает привычное в последние двадцать лет мнение о необоснованности, незаконности политических репрессий, которые были инициированы исключительно И. В. Сталиным с целью устранения политических конкурентов [8].

Более точные сведения и более адекватные научные оценки политических репрессий 1930-х гг. будут получены только после детального ознакомления исследователей со всеми архивными материалами по этим делам.

Не меньшую научную и общественно-политическую проблему представляет оценка массовых репрессий 1937–1938 гг., которые с «легкой руки» зарубежных исследователей получили наименование «большого террора». Для понимания природы их происхождения необходимо принять во внимание историческую специфику политической ситуации в СССР в середине 1930-х гг. Может показаться странным, но по мере вхождения страны в русло напряженного индустриального строительства, все больше вопросов возникало по поводу целесообразности существования ВКП (б) как управленческого института.

Этот вопрос был далеко не праздным. Хотя, конечно, он не ставился напрямую, но, что называется, «висел в воздухе». Не случайно, например, правительственная комиссия по созданию нового учебника по истории СССР в качестве недостатков учебников, присланных на конкурс, корректно, но однозначно замечала: «Исторические события Великой Октябрьской Социалистической революции изображаются так, что в головы учеников внедряется неправильная мысль о том, будто бы государственная власть в СССР осуществляется непосредственно коммунистической партией. Роль Советов, составляющих политическую основу СССР, смазывается» [9].

Намечалась определенная тенденция отстранения партии от всеобъемлющего влияния партии на систему государственного управления. В силу социальных закономерностей партийные руководители все более превращались в некое подобие привилегированных управленцев. Среди них оказалось немало тех, кто привык пользоваться привилегиями власти, не принося реальной пользы государству и обществу (номенклатура). Целому ряду партийных руководителей разных уровней оставалось все меньше места для участия в реальной государственной деятельности.

В начале 1930-х гг. первое лицо в партии – Генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин называл наличие партии в качестве необходимого условия для реализации производственных планов индустриализации. Партия, по его мнению, должна быть «достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса в одну точку, и достаточно опытной для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную, революционную, большевистскую политику» [10].

Но политические процессы показали, что партия перестает выполнять функции «передового отряда рабочего класса», а приобретает свойства, как бы сейчас сказали, «социального лифта», помогая подняться наверх не столько лучшим, сколько искушенным в приобретении благ и власти. В феврале 1933 г. И. В. Сталин, выступая на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников, недвусмысленно намекнул на это членам партии. Он прямо потребовал, чтобы «партийные не отгораживались от беспартийных, чтобы партийные не замыкались в свою партийную скорлупу, чтобы они не кичились своей партийностью, а прислушивались к голосу беспартийных, чтобы они не только учили беспартийных, но и учились у них» [11].

В отчетном докладе на XVII съезде партии в январе 1934 г. И. В. Сталин подверг резкой критике тех партийных деятелей, которые считали свои прежние заслуги гарантией нахождения во власти: «Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы... их надо без колебаний снимать с руководящих постов, не взирая на их заслуги в прошлом» [12].

Что и говорить – такой «манифест» был не по душе многим в партии. Но еще более смутило их выступление И. В. Сталина 2 мая 1935 г. в Кремле на встрече участников первомайского парада с членами ЦК и правительства. Через два дня в газете «Известия» была опубликована статья Н. И. Бухарина «Железное единство бойцов», в которой приводился текст сталинского тоста: «За всех большевиков: партийных и непартийных. Да. И непартийных. Партийных меньшинство. Непартийных большинство. Но разве среди непартийных нет настоящих большевиков? Большевик – это тот, кто предан до конца делу революции. Таких много среди непартийных.... Часто такие люди, такие товарищи, такие бойцы стоят даже выше многих членов партии. Они верны ей до гроба» (здесь и далее курсив при цитировании мой – В. С.) [13]. Эти слова следовало понимать как намек на наличие в партии людей, которых нельзя назвать настоящими большевиками.

Скорректировать (в сторону уменьшения) роль ВКП (б) в управлении государством должна была новая Конституция СССР 1936 г. Проект Конституции рассматривался участниками пленума ЦК ВКП(б) в июне 1936 г. В частности, проект предусматривал введение

новой избирательной системы, которая предполагала выдвижение кандидатов в местные советы не по производственному принципу – от фабрик, заводов, шахт, как ранее, а от избирательных территориальных округов. При этом право выдвигать кандидатов закреплялось «за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами» [14].

Понятно, что коренных изменений в политической системе такая система выборов принести не могла. Но многие партийные лидеры в результате таких выборов могли лишиться своих депутатских полномочий на местах. Политическая монополия партии могла быть нарушена, так сказать, «явочным порядком».

«Подлила масла в огонь» публикация 5 марта 1936 г. в газете «Правда» беседы И. В. Сталина с предпринимателем и издателем Р. Говардом. В ней лидер ВКП(б) еще раз однозначно ориентировал партию на альтернативную избирательную борьбу с другими, беспартийными кандидатами, среди которых, как мы уже знаем, было немало «настоящих большевиков». На вопрос Говарда «В какой мере эта новая избирательная система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?» Сталин ответил: «Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти» [15].

Еще более усугублялись перспективы для нерадивых партийцев после того как во время обсуждения Конституции на VIII чрезвычайном съезде Советов СССР 25 ноября 1936 г. И. В. Сталин предложил вернуть избирательные права тем, кто был лишен их в период коллективизации: «Но чего тут, собственно, бояться? Волков бояться – в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена плохо, а мы вполне заслужили такой позор» [16].

В такой ситуации партии (в первую очередь в лице первых секретарей) необходимо было найти срочное обоснование своей «незаменимой» роли в структуре государственной организации. Об этом можно судить по материалам печально известного февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б), на котором предполагалось обсудить вопросы избирательной борьбы и, завершая который 5 марта, И. В. Сталин прямо сказал: «Партийные организации будут освобождены от хозяйственной работы, хотя произойдет это далеко не сразу. Для этого необходимо время» [17].

Нельзя исключать того варианта, что поиск «врагов народа» и организация массовых репрессий стал для партии одним из спосо-

бов удержаться «на плаву». Вероятно, поэтому основное внимание участники февральско-мартовского пленума ЦК 1937 г. свели к необходимости развертывание масштабной борьбы с «врагами народа», которых многие деятели партии не переставали видеть во вчерашних «лишенцах».

Выступление на пленуме Народного комиссара внутренних дел Н. И. Ежова стало по сути началом массовых репрессий. В своем пространном докладе он в подробностях обрисовал не только ход политических дел (в частности дело Бухарина и Рыкова), но и дал понять, что число заговорщиков не исчерпывается осужденными. Один из участников пленума – первый секретарь Западно-Сибирского краевого комитета ВКП (б) Р. И. Эйхе характерно отреагировал на реплику Н. И. Ежова «К сожалению, слишком много уродов в семье правых...» – он сказал с места: «Сплошь одни уроды» [18].

В результате пленум принял резолюцию по докладу Н.И. Ежова, на основании которой 19 марта 1937 г. Н. И. Ежов выступил с докладом на собрании руководящих работников УГБ НКВД СССР. В нем он призвал начать борьбу с «вредителями»: «Время упущено очень много. Поэтому главная задача – в относительно короткий срок наверстать упущенное в разгроме врага» [19].

После этого «маховик репрессий» было уже трудно остановить. Масштабы и характер репрессий, действительно, поражают. Ответственность за организацию массовых репрессий должны разделить все участники. Нельзя принижать роль И. В. Сталина, но и снимать ответственность с первых секретарей областных и краевых комитетов ВКП(б), которые лично и непосредственно занимались поиском «вредителей» и «врагов народа», составляли «запросы на лимиты». Не нужно забывать и о конкретных следователях, сотрудниках НКВД, которые в нарушение ст. 136 УПК РСФСР применяли к подсудимым методы физического воздействия (пытки), фабриковали показания. Всего за период 1937–1938 гг. были репрессированы 1 548 366 человек, из них были расстреляны 681 692 [20].

Массовые репрессии на короткий период были прекращены после того как новым Народным комиссаром Внутренних Дел был назначен Л. П. Берия. 17 ноября 1938 г. вышло совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Постановление запрещало проведение всех массовых операций, ликвидировало «тройки», при арестах и ведении следствия предписывало строгое соблюдение законности. Усиливался прокурорский надзор за следствием. Повышалась ответственность сотрудников НКВД за нарушение законности [21]. Массовые репрессии оставили неизгладимый след в судьбе народа. Кроме того, они внесли существенные коррективы в планы реформирования ВКП(б) и введение новой избирательной системы СССР.

Очевидно, что партия в этот период приобрела характер мощного рычага идеологического и кадрового воздействия на власть, часто эту власть дублируя, или попросту подменяя. Попытки ограничить это влияние оставались безуспешными. Партия из «передового отряда пролетариата» постепенно превращалась в самовоспроизводящийся клан управленцев. Не исключено, что, понимая это, Генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин с грустной иронией говорил на встрече с избирателями своего округа 11 декабря 1937 г. о политических обывателях и политических деятелях: «Я не могу сказать с полной уверенностью, что среди кандидатов в депутаты (я очень извиняюсь перед ними, конечно) и среди наших деятелей не имеется людей, которые напоминают, скорее политических обывателей...» [22].

Начавшаяся через несколько лет Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) предоставила партии возможность проявить свои лучшие качества. Тем не менее проблема координации полномочий партии и государства не была решена.

Примечания

1. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 175.
2. Там же. С. 226.
3. Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Издание второе. Б. М., 2007. С. 213.
4. Собрание Законов СССР. 1929. № 76. Ст. 732.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М., 1947. С. 39
6. Коэн С. Бухарин на Лубянке // Свободная мысль. 2003. № 3. С. 60–61
7. Сойма В. М. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 188.
8. См., например работы Ю. Н. Жукова, В. Боброва, Г. Ферра и др.
9. Подлинно марксистский учебник по истории СССР. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов ср. школы по истории СССР // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 1.
10. Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1949. С. 34.
11. Там же. С. 250.
12. Там же. С. 370.
13. Невежин В. А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945. М., 2007. С. 28.
14. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 226.
15. Сталин И. В. Соч. Т. 14. Издание второе. Б. М., 2007. С. 124.
16. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 532.
17. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 360.
18. Сойма В. Ук. соч. С. 62.

19. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 164.

20. Там же. С. 213.

21. Там же. С. 208.

22. Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Издание второе. Б. М., 2007. С. 309.

Очиров У.Б.

К вопросу о влиянии репрессий высшего командного состава Красной армии на поражение советских войск на начальном этапе Великой Отечественной войны

Поражение Советского Союза в «холодной войне» и его развал, утрата важных позиций на мировой арене, бардак «лихих девяностых» вызвали в российском обществе рост имперских настроений и мечты о «твердой руке». Значительная часть населения начала ностальгировать о стране, «которую мы потеряли», о былых временах, когда «был порядок». На этой почве в последние десятилетия в российском обществе заметно усилились настроения, восхваляющие и идеализирующие российских правителей, которые правили или пытались править тоталитарными методами, в том числе многих монархов, например, Ивана Грозного или Николая II. Однако заметнее всего этот процесс, пронизавший все слои общества, наблюдается по отношению к диктатору, который правил уже после крушения монархии – Сталину; достаточно вспомнить скандал с очередным глупым конкурсом «Имя России», да и просто провести «серфинг» по сайтам интернета. Книжный рынок чутко отреагировал на настроения общества выбросом огромных тиражей значительного количества опусов, в которых превозносится и идеализируются политика «лучшего менеджера XX века», а все негативные стороны его правления минимизируются или даже вовсе отрицаются [1], в то время как работы профессионалов, много лет специализирующихся на этой теме, по-прежнему издаются мизерными тиражами.

Одной из наиболее сложных тем для сталинистов являются репрессии командного состава РККА в 1937–1938 гг., поскольку здесь удар наносился даже не по «мягкой оппозиции», а по верным слугам режима, большей частью аполитичным и не интересующимся нюансами борьбы на властном Олимпе. Между тем, эти репрессии подорвали мощь Вооруженных сил нашей страны к началу вторжения вермахта. В течение многих десятилетий эта концепция

считалась непреложной аксиомой. Так полагало все общество после XX съезда, об этом писали историки, об этом говорили сами военачальники, служившие в РККА в 1930-х годах, причем не только те, кто уцелел в «застенках» НКВД, но и те, кого репрессии обошли стороной. Приведу для примера несколько цитат «Маршалов Победы». Г. К. Жуков (строки из последнего издания его мемуаров, восстановленного по рукописи): *«противоестественными, совершенно не отвечающими ни существу строя, ни конкретной обстановке в стране, сложившейся к 1937 году, явились необоснованные, в нарушение социалистической законности, массовые аресты, имевшие место в армии в тот год. Были арестованы видные военные, что, естественно, не могло не сказаться на развитии наших вооруженных сил и на их боеспособности»* [2]. Сталинист А. И. Еременко в своем дневнике в 1940-х гг. записал следующее: *«Товарищ Сталин значительно повинен в истреблении военных кадров перед войной, что отразилось на боеспособности армии»* [3]. Еще один апологет Сталина А. М. Василевский в 1965 г. на вопрос К. М. Симонова ответил так: *«Вы говорите, что без тридцать седьмого года не было бы поражений сорок первого, а я скажу больше. Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел»* [4].

Несмотря на все это, сталинисты пытаются преуменьшить значение этих репрессий или даже вовсе их отрицают. К сожалению, размеры статьи не позволяют дать подробный анализ подобных опусов, поэтому ограничусь лишь выводами. Если отбросить совсем уж экзотические версии, то основные доводы апологетов «вождя народов» можно свести к трем основным тезисам:

1) «Заговор был», и все репрессированные (вариант – абсолютное большинство) виновны в измене Родине и понесли заслуженную кару;

2) Репрессированные командиры РККА были плохими и отсталыми, военачальниками, мыслящими категориями Гражданской войны, и И.В. Сталин, отстреляв «стариков», расчистил дорогу «молодым и прогрессивным»;

3) Большинство репрессированных не были расстреляны и не сгнили в «застенках НКВД», а «лишь» уволены, причем часть из них вернулась в ряды РККА. Кроме того, значительная часть командиров была уволена по причинам, не связанным с «Большим террором»: по возрасту, из-за уголовных преступлений, морально-бытового разложения и т. п. Поэтому процент командиров, «безвозвратно» репрессированных по политическим мотивам (т. е. расстрелянных, умерших в тюрьмах и лагерях, уволенных и не восстановленных),

составляет от командного корпуса РККА на 1936 г. приблизительно 10–15 % (абсолютные цифры и проценты могут колебаться у разных авторов), а от показателей на 1941 г. и вовсе ничтожные 3–5 %.

Абсурдность версии о вербовке шпионами нескольких тысяч командиров в течение нескольких лет на огромных пространствах от Тихого океана до Балтики настолько очевидна, что не нуждается в подробном разборе.

Следующие два тезиса, основанные на реальных цифрах и показателях, кажутся более достоверными, поэтому используются не только яркими сталинистами, но и специалистами, занимающими более объективную позицию. На мой взгляд, хотя данные цифры в целом (без учета колебаний в ту или иную сторону) следует признать правильными, интерпретация (по крайней мере, в рассматриваемом нами аспекте) этих показателей не совсем верная. Разберем эти два тезиса более подробно.

Тезис о «расчистке дороги молодым и прогрессивным» доказывается, как правило, цифрами, свидетельствующими о возрастании образовательного ценза в командном составе после 1937 года: например, имеющих академическое образование возросло с 13 тыс. (1936 г.) до 28 тыс. чел. (1941 г.), а имеющих военное образование со 125 тыс. (1936 г.) до 206 тыс. чел. (1941 г.) [5]. Однако на возрастание этих показателей в значительной степени оказали влияние не репрессии, а количественное увеличение военных образовательных учреждений. По данным Ф. Б. Комала, в 1937 г. в сухопутных войсках РККА было 49 училищ с 36 тыс. курсантов, а в 1940 г. – уже 114 училищ со 169 тыс. курсантов. Количество выпускников училищ увеличилось с 8,5 тыс. (1937 г.) до 35,5 тыс. (1940 г.), притом, что в 1938–1939 гг. с курсов младших лейтенантов было выпущено еще 78 тыс. чел. [6]. Увеличилось и количество академий: с 11 (1935 г.) до 19 (1941 г.). Однако столь «взрывной» количественный рост абсолютных и относительных показателей, очевидно, должен был отрицательно сказаться на качестве подготовки выпускников, притом, что учебный период в училищах сократили с 3 до 2 лет, а досрочные выпуски (в том числе из-за репрессий) имели место даже в элитарной Академии Генерального штаба [7]. Не следует забывать о том, что «академическое» и иное военное образование – это не самоцель, а средство подготовки командиров к их службе, и оно не гарантирует высокое полководческое мастерство командиров РККА. Более важное значение для командования войсками имел практический опыт, причем желательного военного. У нас есть немало воспоминаний советских генералов, свидетельствующих о том, что подготовка в учебных заведениях не всегда соответствовала тому, с чем пришлось столкнуться на войне. Мало того, есть немало примеров, когда в боевых действиях успешно показали себя генералы и маршалы, не имеющие «академического» образования.

Тезис о «молодых и прогрессивных командирах» 1941 г. не выдерживает проверки и практическими результатами главного экзамена – Великой Отечественной войны. В ходе боевых действий 44 полководца Красной армии занимали должность командующего фронтом, из них 31 – в первый год войны (на 17 фронтов с учетом переименований и реформирований, из которых 7 имели по одному командующему, причем из них 4 – не воевали). При этом 15 из 31 маршала и генерала, командовавшего фронтами в первый год войны, в последующие годы на эти должности уже не назначались (следует учесть, что к июню 1942 г. четверо из них погибли, а один был репрессирован).

Тезис о том, что доля репрессированных командиров составляла 10–15 % от всего командного корпуса, тоже внешне кажется правильным, но на самом деле эти показатели похожи на «среднюю температуру по больнице». Действительно, утверждения о репрессиях 100 тыс. командиров и политработников [8] – это явный перебор, но проводить оценки репрессий, основываясь только на одной цифре арестованных и уволенных «по политическим мотивам», было бы ошибкой. Если мы проанализируем показатели репрессий более глубоко, то мы увидим то, о чем часто говорят профессионалы, но о чем сталинисты предпочитают умалчивать. Главный удар репрессий в Красной армии пришелся на высший командный состав. Следует подчеркнуть, что именно эта категория командиров готовится дольше всего, причем в основном за счет длительного практического опыта. Военачальник высшего командного состава РККА, для того чтобы квалифицированно руководить подчиненными ему частями и соединениями, обязан был пройти все ступени командной лестницы: командир полка (бригады), командир дивизии, командир корпуса, командующий округом «второй категории» (армией), командующий округом «первой категории» (фронтом) или аналогичные им, причем в промежутках между последними ступенями он мог занимать должности начальника штаба или заместителя командующего. Для того чтобы полноценно освоить их, требовалось (за редчайшим исключением) от 3 до 5 лет, причем с участием в крупных учениях и маршах на дальние расстояния. Никакие академии (тем более периода 1930-х гг.) не могли заменить полководцам этот бесценный практический опыт. Еще более ценным опытом было участие в боевых действиях, однако 3,5 месяца «Зимней войны» и 2 месяца «Номонханского инцидента» (опыт в качестве советников в Испании и Китае здесь вряд ли можно учесть) на ограниченных и весьма специфических театрах не могли заменить опыта проведения фронтовых операций, пусть даже и периода Гражданской войны.

Дабы не быть голословными, мы провели проверку судеб всех командиров РККА высшего командного состава, и ее результаты приводим ниже. Сразу оговоримся, что проверялись лишь коман-

диры, имевшие звания «Маршал Советского Союза», «командарм» (1 и 2-го ранга), «комкор», «комдив» и «комбриг», то есть в основном представители командного состава. Представители политического, технического, юридического, медицинского и др. составов, так же, как и командиры флота, в данных показателях не учтены. С другой стороны, в проверяемые списки включены командиры войск НКВД, имевшие аналогичные звания, поскольку они являлись в большинстве своем бывшими командирами РККА и командовали соединениями, которые в период Великой Отечественной войны сражались с фашистами.

Также в статистике был учтен еще один ключевой фактор, связанный с тем, что командиры в период репрессий могли повышаться в звании. Вряд ли будет правильным ставить на одну доску, допустим, комдива Ф. Ф. Роголева, перед расстрелом 6 лет командовавшего корпусом, и комдива И. Г. Советникова, который в 1936 г. был майором, а в 1939 г. уже командовал армией. Кроме того, повышение командиров в званиях несколько искажает изначальную картину и может привести к парадоксальным выводам. Например, в недавнем изданном справочнике Н. С. и Ю. Н. Черушевых указано, что в 1936 г. в РККА состояло 5 командармов 1-го ранга, 10 командармов 2-го ранга и 62 комкора, а жертвами репрессий стали 5 командармов 1-го ранга (притом, что С. С. Каменев умер своей смертью, а Б. М. Шапошников принял участие в войне), 15 командармов 2-го ранга и 69 комкоров [9]. Для того чтобы оценить картину репрессий высшего комсостава более объективно, мы зафиксировали «генералитет РККА» по первому присвоению персонального воинского звания в 1935–1936 гг. (где-то этот процесс растянулся и до начала 1937 г.) без учета их последующих повышений. Поэтому, например, С. В. Петренко-Лунев, в 1936 г. произведенный в комкоры, в нашем списке значится в звании комбрига, которое он получил за год до этого. Кроме того, в списки не включены командиры, репрессированные до ввода персональных воинских званий, например, Г. Д. Гай (арестован в 1935 г.), а также генералы, подвергшиеся репрессиям после начала войны. В последнем случае исключение составили военачальники, арест которых уже был предрешиен по вездущимся следственным делам (К. А. Мерецков, А. А. Тальковский и Е. С. Птухин).

20 ноября 1935 г. 5 высших военачальников РККА получили звание «Маршал Советского Союза», 5 – звание «командарм 1-го ранга», 10 – звание «командарм 2-го ранга» [10]. В ходе репрессий погибли 3 маршала из 5, 3 командарма 1-го ранга из 5, все 10 командармов 2-го ранга. Почти все погибли в 1937–1938 гг., только И. Ф. Федько был расстрелян в 1939 г. Своей смертью умер командарм 1-го ранга С. С. Каменев, но после смерти его также объявили «врагом народа». Таким образом, из 20 маршалов и командармов до начала Великой Отечественной войны дожили трое.

В 1935 г. 57 командиров РККА получили персональное воинское звание «комкор». Также это звание было присвоено начальнику управления пограничных и внутренних войск НКВД М. П. Фриновскому. Кроме того, в 1936 г. это звание впервые было присвоено еще 6 военнослужащим. Таким образом, звание «комкор» было присвоено 63 командирам РККА и 1 – НКВД. К началу войны из 64 комкоров: 51 был расстрелян (в том числе 24 – в 1937 г., 22 – в 1938 г., 5 – в 1939–1941 гг.), 2 – умерли во время следствия (в 1937–1938 гг.), 2 – умерли своей смертью до 1941 г., 4 – находились в местах заключения всю войну и не смогли реализовать боевой опыт на фронте (1 из них умер в 1943 г.). Лишь 5 комкоров «образца 1935–1936 гг.» (при этом 1 из них был под арестом) вступили в бой с врагом.

Звание «комдив» в 1935 г. было присвоено 188 командирам РККА и 4 сотрудникам НКВД. В период с 17 января по 31 мая 1936 г. комдивами РККА стали еще 14 человек. Наконец, 12 января 1937 г. звание «комдив» присвоили сотруднику редакции «Военная энциклопедия» С.Г. Лукирскому, который числился в «счет 1000». Таким образом, звание «комдив» было присвоено 203 командирам РККА и 4 – НКВД. К началу войны из 207 комдивов: 113 были расстреляны (в том числе 37 – в 1937 г., 67 – в 1938 г., 9 – в 1939–1942 гг.), 5 – умерли в тюрьмах во время следствия, 1 – покончил жизнь самоубийством, 11 – умерли после вынесения приговора в местах лишения свободы, 5 – умерли своей смертью, 2 – находились в местах заключения всю войну. Лишь 70 комдивов «образца 1935–1936 гг.» (из которых 22 подвергались репрессиям до начала войны) имели шанс вступить в бой с врагом, причем шестеро были осуждены по новым делам уже после начала войны. Не всем удалось эту возможность реализовать, хотя бы в силу ограничений по возрасту и здоровью. Например, Ф.Ф. Новицкому (генерал-майор Императорской армии, в 1930–1931 гг. арестовывался по делу «Весна») к началу войны был почти 71 год, а Д.Н. Надежному (генерал-лейтенант Императорской армии, в 1931 г. осужден по делу «Весна») – 68 лет. Оба могли заниматься только преподавательской работой в щадящем режиме. В годы войны вели исключительно преподавательскую деятельность Л. Л. Клюев (61 год, преподавательский стаж – 11 лет, умер в 1943 г.), Н. Н. Шварц (59 лет, преподавательский стаж – 20 лет, в 1921 г. арестовывался, умер в 1944 г.), а также их более «молодой» коллега – Б. И. Кузнецов (52 года, стаж – 12 лет).

Звание «комбриг» в 1935 г. впервые получил 341 командир РККА и 30 – НКВД, в 1936 г. – еще 134 командира РККА и 3 – НКВД, в начале 1937 г. – еще 6 командиров РККА. Таким образом, звание «комбриг» было присвоено 481 командиру РККА и 33 командирам НКВД. Здесь следует отметить, что если относительно полноты списков комкоров и комдивов мы уверены полностью, то относительно списка комбригов есть некоторые сомнения, поскольку пока не удалось уста-

новить даты присвоения звания 15 комбригам. К началу войны из 514 командиров РККА и НКВД, которых мы можем уверенно отнести к комбригам «образца 1935–1936 гг.»: 217 было расстреляно (в том числе 75 – в 1937 г., 106 – в 1938 г., 36 – в 1939–1942 гг.), 5 – умерли в тюрьмах, 2 – покончили жизнь самоубийством, 14 – умерли в местах заключения, 12 – умерли своей смертью, 17 – находились в местах заключения всю войну. Еще 83 комбрига находились под арестом, но были возвращены на службу до окончания войны. Оставшихся 164 комбрига будем считать не подвергавшимися репрессиям, хотя по некоторым из них точных данных пока нет.

Подводя итоги этим вычислениям, хотел бы подчеркнуть, что в значительной степени они опирались на результаты изысканий О.Ф. Сувенирова [11], хотя по некоторым позициям пришлось сделать уточнения. Все вышеизложенные результаты мы можем свести в следующую таблицу.

Таблица 1

Численность командиров высшего состава РККА
«образца 1935–1936 гг.», репрессированных
к началу Великой Отечественной войны

	Маршалы и коман- дармы	Комкоры	Комдивы	Комбриги
Было всего	20	64	207	514
Расстреляны	16	51	113	217
Покончили жизнь самоубийством	–	–	1	2
Умерли в тюрьмах	–	2	5	5
Умерли в лагерях	–	1	11	14
Находились в лагерях до 1945 г.	–	3	2	17
Умерли своей смер- тью до 1941 г.	1	2	5	12
Репрессированы, но восстановлены*	–	1	22	83
Не подвергались репрессиям и оста- лись на службе	3	4	48	164**
Всего участвовало в войне	3 (15 %)	5 (7,8 %)	70 (14,5 %)	247 (48 %)

* В эту цифру включены командиры, репрессированные до начала войны и восстановленные к 1945 г.

** Эта цифра вычислена как разница между общей численностью и численностью комбригов, известных нам как репрессированные и умершие.

Таким образом, из 805 командиров высшего состава РККА и войск НКВД «образца 1935–1936 гг.» («генералитета») к началу Великой Отечественной войны в рядах Вооруженных сил осталось 325 человек (40,4 %): 2 маршала Советского Союза, 1 командарм 1-го ранга, 5 комкоров, 70 комдивов, 247 комбригов. Без малого 60 % – таков истинный урон, нанесенный репрессиями высшему командному составу РККА. Между тем нагрузка на оставшихся генералов заметно возросла. Если в 1936 г. в сухопутных войсках РККА числились: 13 военных округов, 27 корпусов (20 стрелковых и 7 кавалерийских), 122 дивизии (86 стрелковых, 32 кавалерийских, 4 мехкорпуса), а также 37 мобильных (танковых, механизированных, мотоброневого, стрелково-пулеметных) бригад, то до начала войны в 1941 г.: 17 военных округов (в том числе Дальневосточный фронт), 20 армий, 97 корпусов (64 стрелковых, 4 кавалерийских, 29 механизированных), 308 дивизий (198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковая, 31 моторизованная, а также 5 воздушно-десантных корпусов) и 3 отдельные стрелковые бригады. А ведь следовало еще заполнить высокие должности в Наркомате обороны, Генштабе, управлениях и штабах округов и армий.

Посмотрим, как распределялся уцелевший генералитет «образца 1935–1936 гг.» к началу войны. Из 8 генералов 4 высших категорий семеро к началу войны занимали следующие должности: нарком обороны, 3 его заместителя (всего их было 7), генерал-инспектор и зам. генерала-инспектора, командующий фронтом. Из 70 бывших комдивов к началу войны 9 занимали высокие посты в Наркомате обороны (зам. наркома, зам. начальника Генштаба, генерал-инспектор и 3 зам. генерал-инспекторов, 2 начальника и 1 зам. начальника управлений НКО). Еще 30 – занимали руководящие посты в войсках: командующий фронтом (И. В. Тюленев назначен командующим Южным фронтом 21 июня), начальник штаба фронта, 6 командующих армиями (здесь учтены и командующими внутренними округами, развернутыми в армии), 2 командующих округами, которые были развернуты во фронты в июле 1941 г. (М. П. Ковалев и Д. Т. Козлов), 5 командиров корпусов, 2 начальника и 1 зам. начальника ВВС округов, 11 зам. и пом. командующих военных округов, 1 комендант района береговой обороны. Может показаться удивительным тот факт, что 24 бывших комдива к началу войны занимались преподавательской деятельностью, в том числе 13 – в Военной академии им. Фрунзе. Однако если посмотреть на список репрессированных командиров, то будет видно, что почти половина (10 из 21) реабилитированных комдивов к началу войны были преподавателями.

Из 247 комбригов к началу войны 11 занимали высокие посты в Наркомате обороны: начальник Генштаба, 3 начальника управления Генштаба (один из них в ранге зам. начальника Генштаба), 2 начальника и 2 зам. начальника управления НКО, генерал-инспектор и 2 зам. генерал-инспектора. Еще 47 – занимали руководящие в войсках: 3 командующих фронта, 3 начальника штабов фронтов, 3 начальника штабов округов, 9 командующих армиями, 29 командиров корпусов (в том числе 13 – механизированных, 13 – стрелковых, 3 – кавалерийских), 4 командующих ВВС округов (без учета П. И. Пумпура, арестованного 31 мая 1941 г.) [12]. Таким образом, даже уцелевший к началу войны «генералитет 1935–1936 гг.» использовался не полностью. Это хорошо видно из таблицы 2, в которой оценивается степень командного опыта у командующих фронтами, армиями, военных округов к началу войны. Поскольку два командарма сменились накануне войны, учтем и их предшественников.

Таблица 2

Командующие фронтами и армиями к началу Великой Отечественной войны и их довоенный стаж с указанием должности май 1945 г.

Командующие на 22.6.41 с указанием стажа нахождения в должности	Звание по аттестации 1935–1936 гг., а также их должности и стаж к началу Великой Отечественной войны	Должность, занимаемая к концу войны
СФ (ЛВО) – М. М. Попов (6 мес.)	капитан, нач. штаба 9-й мбр (1 год и 2 мес.), нач. штаба 5-го мк (6 мес.), в УКНС НКО (6 мес.), зам. ком., затем нач. штаба 1-й ОКА (1 год), ком. 1-й ОКА (1,5 года)	нач. штаба Ленинградского фронта
СЗФ (ПБОВО) – Ф. И. Кузнецов (6 мес.)	комбриг, ком. полка (8 лет), преподаватель, зав. кафедрами (8 лет), зам. ком. БВО (2 года), нач. Академии ГШ (1 мес.), ком. СКВО (4 мес.)	ком. УрВО
ЗФ (ЗОВО) – Д. Г. Павлов (1 год)	комбриг, ком. 4-й мбр (2 года и 8 мес.), Испания (8 мес.), зам. нач. АБТУ РККА (5 мес.), нач. АБТУ РККА (1,5 года, Халхин-Гол и СФВ*)	расстрелян в 1941 г.

Командующие на 22.6.41 с указанием стажа нахождения в должности	Звание по аттестации 1935–1936 гг., а также их должности и стаж к началу Великой Отечественной войны	Должность, занимаемая к концу войны
ЮЗФ (КОВО) – М. П. Кирпонос (4 мес.)	комбриг, нач. школы (5 лет и 9 мес.), ком. 70-й сд (5 мес., СФВ), ком. 49-го ск (2 мес.), ком. ЛВО (8 мес.)	погиб в 1941 г.
ЮФ (МВО) – И. В. Тюленев (10 мес.)	комдив, нач. управления, отдела НКО (4 года и 3 мес.), зам. инспектора кавалерии РККА (2 года), ком. ЗакВО (11 мес.), ком. АГ и 12 А (9 мес.), ком. ЗакВО (11 мес.)	ком. Закавказского фронта (фактически тылового округа)
ДВФ – И. Р. Апанасенко (6 мес.)	комкор, инспектор кавалерии (скрытый ком. АГ) БВО (2 года и 5 мес.), ком. САВО (2 года и 11 мес.)	погиб в 1943 г.
1 А (ДВФ) – В. П. Васильев (3 дня)	полковник, ком. 56-й сд (4 года), нач. отдела штаба 1-го ск (2 года), ком. 24 сд (1 год и 9 мес.), ком. Сев. АГ (9 мес.), ком. особого ск (1 год)	умер от болезни в 1942 г.
сменил – А. И. Еременко (5 мес.)	полковник, пом. ком. 14-й кд (1,5 года), ком. 14-й кд (11 мес.), ком. 6-го кк (2 года), 3-го мк (6 мес.)	ком. 4-м Украинским фронтом
2 А (ДВФ) – М. Ф. Терехин (3 мес.)	майор, ком. 10-го мп (2 года и 4 мес.), ком. 10-й мбр (1,5 года, Испания), ком. 20-го тк (5 мес., Халхин-Гол), ком. 14-го ск (1 мес., СФВ), ком. 5-го мк (9 мес.)	командарм-2
3 А (ЗОВО) – В. И. Кузнецов (3 года)	комбриг, ком. 2-й Турк. и 99-й сд (5 лет), ком. 16-го ск (1 год)	командарм 3-й ударной
4 А (ЗОВО) – А. А. Коробков (0,5 года)	комбриг, ком. 95 и 100-й сд (6 лет), ком. 16-го ск (1,5 года)	расстрелян в 1941 г.

Командующие на 22.6.41 с указанием стажа нахождения в должности	Звание по аттестации 1935–1936 гг., а также их должности и стаж к началу Великой Отечественной войны	Должность, занимаемая к концу войны
5 А (КОВО) – М. И. Потапов (0,5 года)	майор, офицер штаба (6 мес.), ком. 4-го мп (1 год и 9 мес.), ком. 21-й мбр и 6-й тбр (4 мес.), зам. ком. 1-й АГ (1 год, Халхин-Гол), ком. 4-го мк (0,5 года)	военнопленный (с 1941 г.)
6 А (КОВО) – И. Н. Музыченко (1 год)	полковник, ком. 21-го кп (5 лет), ком. 4-й кд (1 год), препод. (1,5 года), ком. 4-й сд (3 мес., СФВ), ком. 6-го ск (3 мес.)	военнопленный (с 1941 г.)
7 А (ЛВО) – Ф. Д. Гореленко (6 мес.)	комбриг, пом. ком. 55-й сд (3 года), ком. 14-й сд (2 года), ком. 50-го ск (1 год, СФВ), зам. ком. ЛВО (6 мес.)	командарм-32 (с ноября 1944 г. в резерве)
8 А (ПриБОВО) – П. П. Собенников (4 мес.)	комбриг, пом. инспектора кавалерии РККА (5 лет), ком. 8-й кд (1,5 года), в распоряжении упр. по КНС НКО (8 мес.), препод. (1 год, СФВ), зам. инспектора кавалерии (9 мес.)	зам. командарма-3 (в 1941 – 1942 гг. осужден и понижен в звании)
9 А (ОдВО) – Я. Т. Черевиченко (1 год)	полковник, ком. 91, 76 и 63-го кп (9 лет), зам. ком. 31-й кд (1 год и 2 мес.), ком. 31-й кд (9 мес.), ком. 3-го кк (2 года и 3 мес.), ком. кав. АГ (1 мес.)	ком. 7-го ск
10 А (ЗОВО) – К. Д. Голубев (3 месяца)	комбриг, ком. 22-й сд (6 лет), препод. (2 года)	1-й зам. Уполномоченного по репатриации (до мая 1944 г. – командарм-43)
11 А (ПриБОВО) – В. И. Морозов (11 мес.)	комдив, ком. 19-й сд (6 лет), ком. 1-й сд (2 года и 2 мес.), ком. 21-го ск (2 мес.), ком. 2-го ск (9 мес.)	нач. Управления ВУЗ РККА (до мая 1943 г. – командарм-63)

Командующие на 22.6.41 с указанием стажа нахождения в должности	Звание по аттестации 1935–1936 гг., а также их должности и стаж к началу Великой Отечественной войны	Должность, занимаемая к концу войны
12 А (КОВО) – П. Г. Понеделин (3 мес.)	комбриг, ком. 95-й сд (1 год), нач. Ленинград. пех. школы (1 год и 3 мес.), в резерве, Осоавиахим (2 года и 10 мес.), нач. штаба 1-го ск (1,5 года), ком. 139-й сд (7 мес., СФВ), нач. штаба ЛВО (8 мес.)	военнопленный (с 1941 г.)
13 А (ЗОВО) – П. М. Филатов (1 мес.)	комбриг, нач. Владивосток. пех. школы (9 лет), ком. 27-й сд (1 год), ком. 15-го ск (1 год), зам. ком. ДВФ (3 мес.), зам. ком. 1-й ОКА (2 года и 8 мес.)	погиб в 1941 г.
14 А (ЛВО) – В. А. Фролов (1,5 года)	полковник, ком. 46-го сп (4 года), пом. нач. пункта ПВО Ленинграда (7 мес.), нач. штаба 54-й сд (7 мес.), ком. 16-й сд (1,5 года), ком. 1-го ск (9 мес.), ком. Мурманской АГ и 14 А (СФВ)	зам. ком. Карельским фронтом
15 А (ДВФ) – Л. Г. Черемисов (1 год)	полковник, пом. ком. 81-й и 43-й сд (2,5 года), нач. отд. Осоавиахим (3,5 года), ком. 68-й гсд (1 год), ком. 20-го ск (1,5 года)	командарм-16
16 А (ЗабВО) – М. Ф. Лукин (1 год)	комдив, ком. 23-й сд (6 лет), комendant Москвы (2 года), зам. нач. и нач. штаба (2 года), зам. ком. СибВО (6 мес.)	военнопленный (с 1941 г.)
17 А (ЗабВО) – П. Л. Романенко (1 мес.)	полковник, нач. штаба 13-й мбр (2 года 3 мес.), ком. 11-й мбр (10 мес., Испания), ком. 7-го мк и 10-го тк (2 года и 3 мес., СФВ), ком. 34-й ск (1 мес.) и 1-го мк (0,5 года)	командарм-48 (до декабря 1944 г.)

Командующие на 22.6.41 с указанием стажа нахождения в должности	Звание по аттестации 1935–1936 гг., а также их должности и стаж к началу Великой Отечественной войны	Должность, занимаемая к концу войны
18 А (ХВО) – А. К. Смирнов (0,5 года)	комдив, ком. 12-й сд (6 лет), ком. 39-го ск (1 год), зам. ком. Приморской группы (0,5 года), нач. Высших КУКС (9 мес.), нач. УВУЗ и генерал-инспектор РККА (1 год и 3 мес.)	погиб в 1941 г. (застрелился в окружении)
19 А (СКВО) – И. С. Конев (0,5 года)	комдив, ком. 17-й сд (3 года и 9 мес.), ком. 37-й сд (2 года и 3 мес.), ком. 2-й сд (0,5 года), ком. Ос. (57-го) ск (1 год), ком. 2-й ОКА (1 год и 9 мес.), ком. ЗабВО (0,5 года)	ком. 1-м Украинским фронтом
20 А (ОрВО) – П. А. Курочкин (3 дня)	комбриг, ком. 1-й ос. кбр и кд (1 год и 9 мес.), в распоряжении Упр. КНС (1 год), нач. отд. ККУКС (1,5 года), нш 2-го кк (4 мес.), нш 1-й АГ (4 мес.), ком. 28-го ск (1 мес., СФВ), ком. 1-й АГ, затем 17-й А (10 мес.), ком. ЗабВО (5 мес.)	командарм-60
сменил – Ф. Н. Ремезова (1 год)	полковник, ком. сп (6 лет), ком. 45-й сд (1 год), ком. Житомир. АГ (будущая 5 А, 1 год), ком. ЗабВО (1 год)	командарм-45 (турецкая граница, с апреля 1942 г.)
21 А (ПриВО) – В. Ф. Герасименко (1 год)	полковник, нач. штаба 44-й сд (1 год и 3 мес.), нач. штаба 95-й сд (1 год и 4 мес.), ком. 8-го ск (1 год), зам. ком. КОВО (1 год и 3 мес.), врид ком. КОВО (9 мес.)	ком. КВО, нарком обороны УССР
22 А (УрВО) – Ф. А. Ершаков (3 года)	комбриг, ком. 29-й сд (2 года), 5-го ск (2 мес.), зам. ком. ХВО (6 мес.)	военнопленный (с 1941 г.), умер в концлагере в 1942 г.

Командующие на 22.6.41 с указанием стажа нахождения в должности	Звание по аттестации 1935–1936 гг., а также их должности и стаж к началу Великой Отечественной войны	Должность, занимаемая к концу войны
23 А (ЛВО) – П. С. Пшенников (1 мес.)	полковник, бывший начдив, призван из запаса, пом. нач. УПВО и ПХО ЛВО (2 года), нач. факультета КУКС ПВО и нач. КУКСЗ (6 лет), ком. 142-й сд (8 мес.), ком. 36-го ск (1 год и 1 мес.)	погиб в 1941 г.
24 А (СибВО) – С. А. Калинин (3 года)	комдив, ком. 84-й сд (7 лет), зам. нач. штаба МВО (1 год), ком. 73-й сд (4 мес.), ком. 12-го ск (0,5 года), зам. ком. СибВО (4 мес.), зам. ком. КОВО (3 мес.)	ком. ХВО, в 1944 г. – арестован и осужден
25 А (ДВФ) – Ф. А. Парусинов (3 мес.)	майор, пом. ком. 295-го сп (6 лет), пом. ком. 51-й сп (0,5 года), комендант Могилев-Ямполь. УРа (1 год), ком. Одесс. АГ, затем 12 А (1 год и 4 мес.), ком. 19-го ск, затем 13 А (2 мес., СФВ), ком. 12 А (1 год)	ком. Чугуевской группы войск 1-го ДВФ
26 А (КОВО) – Ф. Я. Костенко (8 мес.)	полковник, ком. 23-го и 19-го кп (6 лет), ком. 7-й и Особой (36-й) кд (1 год и 10 мес.), ком. 2-го кк (1 год и 3 мес.), ком. Кав. АГ (4 мес.)	погиб в 1942 г. (ком. группой войск)
27 А (ПриБОВО) – Н. Э. Берзарин (1 мес.)	полковник, ком. 77-го сп (2,5 года), нач. отдела штаба Прим. гр. войск (10 мес.), ком. 32-й сд (8 мес., Хасан), ком. 59-го ск (1 год и 5 мес.), зам. ком. 1-й ОКА (10 мес.)	командарм 5-й ударной
28 А (АрхВО) – В. Я. Качалов (1 год)	комдив, ком. 6 и 22-й сд (6 лет), ком. 9-го ск (0,5 года), зам. ком. СКВО (4 мес.), ком. СКВО (2 года и 2 мес.)	погиб в 1941 г., заочно осужден
ЗакВО – Д. Т. Козлов (0,5 года)	комдив, ком. 44-й сд (5 лет), преподаватель, затем нач. Курсов «Выстрел» (4 года), ком 1-го ск (5 мес., СФВ), зам. ком. ОдВО и 9-й А (8 мес.), нач. ГУ ПВО РККА (1 мес.)	зам. ком. Закавказским фронтом

Командующие на 22.6.41 с указанием стажа нахождения в должности	Звание по аттестации 1935–1936 гг., а также их должности и стаж к началу Великой Отечественной войны	Должность, занимаемая к концу войны
ЗабВО – М. П. Ковалев (3 дня), сменил П. А. Курочкина (см. 20 А)	комдив, ком. 9-го ск (4 года), комendant Забайкаль. УРа (1,5 года), зам. ком. КВО (4 мес.), ком. БВО (1 год и 6 мес.), ком. 15-й А (2 мес.), ком. ХВО (8 мес.), ген.-инспектор пехоты (0,5 года)	ком. Забайкальским фронтом (до июля 1945 г.)
САВО – С. Г. Трофименко (0,5 года)	полковник, нач. штаба 61-й сд (2,5 года), нач. опер. отдела штаба ПриВО (1,5 года) и КВО (1 год), нач. штаба Житомирской АГ, затем 5 А (1,5 года), зам. нач. штаба 7 А (9 мес., СФВ), нач. штаба СКВО (5 мес.)	командарм-27

* СФВ – участие в советско-финской войне.

Как видно, из 39 командующих объединениями лишь 22 являлись комдивами или комбригами «образца 1935–1936 гг.». Эти командиры, занимавшие должности командиров корпусов и дивизий, теоретически за 6 лет могли вырасти до командармов, но на практике лишь немногие имели такую возможность. Из вышеприведенного списка лишь трое (И. Р. Апанасенко, А. И. Еременко, И. С. Конев) занимали предшествующие должности на срок 2,5–3 года; остальные просто не успевали полноценно освоить предшествующие должности и соответственно грамотно оценивать возможности подчиненных им соединений. Об этом свидетельствует и их карьера в период Великой Отечественной войны: если вычесть 10 погибших (в том числе 2 расстрелянных и 1 от болезни), 5 военнопленных и 1 осужденного, то из 23 командующих через 4 года более высокую должность смогли занять только 3 (А. И. Еременко, И. С. Конев, В. А. Фролов), 8 командармов сохранили должность на прежнем уровне, 4 понизили в должности, а еще 8 отправили на тыловые должности, что в условиях войны следует оценивать, как недоверие к их способностям.

Таким образом, приведенные показатели свидетельствуют о большом недостатке практического опыта командования у большинства командиров высшего командного состава к началу вторжения вермахта, что и привело к соответствующим последствиям в первый год Великой Отечественной войны.

Примечания

1. См., напр.: Елисеев А. В. Правда о 1937 годе. Кто развязал «большой террор»? М., 2008; он же. Разгадка 1937 года. «Преступление века» или спасение страны? М., 2009; Минаков С. Т. Сталин и заговор генералов. М., 2005; он же. 1937: Заговор был! М., 2012; Пыхалов И. В. За что Сталин выселял народы. М., 2010; Романенко К. К. Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР. М., 2012; Смирнов А. А. Крах 1941 – репрессии ни при чем! М., 2011.
2. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. М., 1995. Т. 1. С. 228.
3. Еременко А. И. Смоленские ворота в Европу, или Три часа с И. В. Сталиным // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 8.
4. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 89.
5. Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 47.
6. Комал Ф. Б. Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 23–24.
7. См., напр.: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1983. С. 80.
8. Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. Измена Родине. М., 1995. С. 289, 291.
9. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА: 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 8–9.
10. Жуков А. А., Жуков А. Н. Список присвоения высших офицерских званий армии и флота 1935–1941 гг. // режим доступа <http://www.rkka.ru/handbook/persOnal/K35.xls> (взято 10.11.2012).
11. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998.
12. См.: Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. М., 2005.

Дьячков В. Л.

Политические репрессии 1918–1953 гг.: причины и структура (тамбовский случай)

Источники и методика их обработки: Основным источником являются подготовительные материалы Книги памяти Тамбовской области, ставшие частью общероссийской БД «Жертвы политического террора в СССР». В отличие от последней, тамбовские персоналии репрессированных собраны в БД в формате Excel и потому удобны для различных подсчетов. И хотя данные скорбные списки не были

завершены (считают, что все тамбовские «политические» насчитывают около 28 тыс.), имеющиеся 8 тыс. строк-персоналий образуют достаточную выборку для надежного анализа движения не только регионального сегмента репрессий по «политическим» статьям УК РСФСР 1926 г. (проверено сравнением с выборкой ок. 25 тыс. «общесоюзных» репрессированных носителей самых массовых российских фамилий Иванов, Кузнецов и Попов).

Тамбовская БД содержит как минимум 20 «прямых» информационных параметров репрессированных: ФИО, пол, год рождения, точное место рождения, точное место жительства на момент репрессии, род занятий, место работы и партийность на момент репрессии, точная дата и характер репрессии, название репрессирующего органа, повторные репрессии. В отличие от некоторых региональных КП репрессированных, тамбовский вариант не содержит прямого указания на национальность жертвы и на репрессирующую статью УК. Но важная «непрямая» информация появляется в простейших связках. Так, соотношение лет рождения и времени репрессии дает средний возраст репрессируемых, ФИО с помощью места рождения говорит о национальности, род занятий с местом работы указывают на уровень образования и т. п. Таким образом, исследователь получает возможность провести подлинно историчный (беря явление, объект в развитии, в совокупности всех его сторон, как систему и таким, каким оно было в действительности) многофакторный анализ, глядя в тамбовский кусочек общесоюзного зеркала политических репрессий 1918–1953 гг.

По совокупности исторических этапов развития страны, основных социальных целей и объемов репрессий мы делим их неровный поток на пять «естественных» отрезков: 1) репрессии периода революции и Гражданской войны – до 1922 г.; 2) репрессии периодов НЭПа, коллективизации и 1-й пятилетки – 1922–1934 гг.; 3) «большой террор» от убийства С. М. Кирова до начала ВОВ – 1935 – 21 июня 1941 гг.; 4) репрессии периода ВОВ – 22 июня 1941–1945 гг.; 5) репрессии «позднего сталинизма» – с 1946 г.

Причины массовых «политических» и общеуголовных репрессий в СССР представляются синергической иерархией следующих факторов (от субъективных, «поверхностных» к глубинным, объективным): просопографические политико-психологические особенности тогдашней социально-политической элиты со Сталиным как значимым имманентным фактором

+ доктринальная оболочка курса страны при несоответствии ей подавляющего большинства общества

+ внутрисистемная необходимость самоподдержания репрессивной подсистемы

+ массовые мобилизационные социально-экономические потребности нового государства

+ системная, политико-идеологическая жизненная необходимость скорейшей ликвидации, раздробления и перемешивания докттябрьского общества с одновременным построением нового общества из молодых индоктринируемых поколений

+ форма сброса «руками и умами людей» давления в перенаселенных традиционных популяциях в рамках работы длительных (28 лет, 112 лет) природно-демографических циклов по линии «перенаселение – массовый и индивидуальный стресс – массовая и индивидуальная агрессия – сброс давления в перенаселенной популяции за счет реализации агрессии с массовой гибелью людей во внешних и гражданских войнах, с замещением верхов, лучших мест социальной иерархии молодыми агрессивными поколениями. В 112-летнем цикле середины 1830-х – середины 1940-х гг. 42-летняя «военно-революционная» фаза сброса давления в популяции пришлась на 1905–06 – 1946–47 гг. Массовые репрессии занимают в ней свое необходимое место в ряду усиливавшихся ударов по плодovитой части российской популяции от русско-японской войны и революции 1905 г. до ВОВ и голода 1946–47 гг.

Итак, посмотрим в пределах дозволенного числа страниц, как двигались по предложенным периодам объемы и характер «тамбовских» политических репрессий, их география, половозрастной, национальный, социальный, партийный составы.

Движение размаха репрессий в ТО с долями общего объема по их периодам полностью соответствует общесоюзной динамике с абсолютным пиком 1937–38 гг. (см. строку «Всего» табл. 3) за исключением этапа Гражданской войны. В тамбовском случае выборка по этапу «до 1922 г.» минимально репрезентативна, но все равно слишком мала. Только после объявления «красного террора» 5 сентября 1918 г. и только в городах Тамбовской губернии в большинстве безвинно были расстреляны более 150 представителей провинциальных «верхов». В одном только Тамбове в 1918–1922 гг. расстреливали в четырех местах. Не учтены в нашей БД и жертвы кар за восстания осенью 1918 г., за дезертирство из РККА, за «доантоновский» бандитизм. И конечно, в БД не вошли 13,5 тыс. убитых «антоновцев», тысячи крестьян, сидевших и погибших при подавлении мятежа во временных концлагерях, и десятки тысяч высланных затем в «холодные края». Оправдать подобный недоучет по периоду «до 1922 г.» можно лишь тогдашним отсутствием кодекса с «политическими» статьями да явной неопределенностью «политического» и «незаконного» в репрессиях Гражданской войны [1]. Многократное, обвальное падение объемов политических репрессий в России в годы ВОВ (в 6 раз по сравнению периодом 1935–1941 гг.) и после нее (в 20 раз) объясняется не смягчением власти или сменой «верхов», а тем, что в 1940-е гг. для государства в обществе устраняется массовый реальный и гипотетический противник, и уже советское, «безопас-

ное» общество начинает воспроизводиться на собственной основе. Не «переваренные» остатки иных укладов прежних массовых репрессий уже не требовали.

Далее – понятные картинки и таблицы с минимальными пояснениями и необходимыми выводами.

При разложении общего числа «политических» репрессированных по годам их рождения полученная кривая образует не гауссово распределение, а неожиданные два «горба» с первым пиком 1885 г. рожд. вторым – 1896 г. рожд. с промежуточным, более чем двукратным снижением к 1892 г. рожд. Первый «горб» понятен – его образовали попавшие под нож репрессий всякие «бывшие»: священно- и церковнослужители, представители дооктябрьских социальных «верхов» и состоявшиеся, пожилые главы крестьянских семей. Со вторым «горбом» сложнее: его выдавили вверх первое советское поколение конца 1880-х – начала 1890-х гг., уже занявшее большинство мест наверху социально-политической лестницы, и с другого бока еще более пассионарные и более советские, безжалостные дети пика перенаселения 1903–14 гг. рождения, для которых активисты 1890-х гг. рождения и вообще предшествовавшие поколения были мешавшими конкурентами в борьбе за место «под солнцем». Дополнительным отражением этой достаточно смертной борьбы поколений является то, что расстрелянные и получившие максимальные (смертные) сроки распределяются по И. Гауссу, с одним крутым «горбом» в точке 1896–97 гг. рожд.

Динамика среднего возраста репрессированных на момент репрессии вполне ясно и определено сочетанием подвижки по хронологической шкале года кары и главными социальными целями репрессий на их конкретном этапе. Потому самые молодые «политические» были в Гражданскую войну, самые «старые» в 1922–1934 гг. (из-за «церковников», остальных «бывших» и крестьян). Очень близки по старшинству оказались жертвы «большого террора», правда, в большинстве своем они были из совсем других, молодых первых советских поколений, но только время кары сдвинулось на 8–10 лет. В последних двух периодах репрессий жертвы заметно молодеют из-за роста в их объемах долей молодых военнослужащих и советской гражданской трудовой молодежи военных и первых послевоенных лет. Тем не менее, неусыпное карающее внимание власти и общества к «бывшим» не позволило опустить средний возраст репрессированных ниже 40 лет даже на излете массовых политических репрессий.

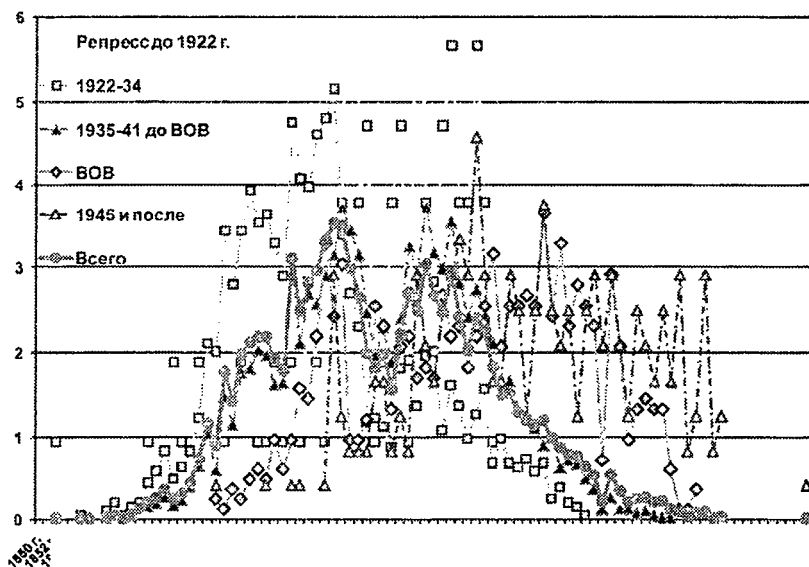

Рис. 1. Движение долей числа политических репрессированных ТО по годам рождений и периодам репрессий

Таблица 1

Движение среднего возраста политических репрессированных (оба пола)

Этап репрессий	До 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–21.6.1941	22.6.1941–1945	После 1945 г.
Ср. возраст	30,88	46,03	45,91	40,54	40,04

Замечательна динамика полового состава репрессированных. До ВОВ у репрессий было явно не «женское лицо», да и довоенный сегмент «политических» женщин почти целиком состоял из жен священников, остальных «церковниц» и из нечастых представительниц дооктябрьских социально-сословных «верхов». Великая Отечественная война с предшествовавшим «большим террором» убили, вывели из «несудимого оборота» гигантское количество мужчин, заместив освободившиеся рабочие места женщинами и таким образом поставив их под репрессивный глаз с соответствующим шестикратным (!) ростом «женской доли» среди жертв.

Таблица 2

Движение половой структуры
репрессированных (% пола)

Этап репрессий	До 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–21.6.1941	22.6.1941–1945	После 1945 г.
% мужчин	95,3	93,5	94,6	87,7	64,7
% женщин	4,7	6,5	5,4	12,3	35,3

Национальный состав репрессированных в Тамбовской области и во всей стране «правильно» менялся в зависимости от того, какую национальную группу государство начинало считать реально или потенциально опасной. На Тамбовщине – самом русском из всех регионов России – русские в репрессиях не могли утратить своего огромного большинства, но при этом агрегированные доли нерусских в репрессиях почти всегда кратно (от 2-х до 6-ти раз) превышали нерусские доли в населении области, достигнув максимума в 10,3 % в 1935–1941 гг. Внутри «нерусских» сегментов, меняясь местами в первой тройке, неизменно лидировали украинцы, белорусы, евреи, поляки, российские немцы и совокупность прибалтов. Единственным периодом репрессий, когда доля нерусских опустилась ниже их доли в населении Тамбовщины, стали 1922–1934 гг. из-за тогдашнего первостепенного карающего внимания к родным крестьянам и «церковникам» (в сумме более 90 % «политических» этого периода), а российские немцы, разные выходцы с запада бывшей империи еще не казались «шпионами» и «вредителями».

Таблица 3

Движение национальной структуры репрессированных
в ТО (абс.) и их «женских долей» (%)

Национальность	Репресс до 1922	1922–34	1935–1941 до ВОВ	ВОВ	1946 и после	Всего
Русские	99	2029	4361	754	229	7472
Украинцы		5	156	17	5	183
Белорусы	1	1	87	7	1	97
Поляки	2		59	3		64
Чехи			8	2		10
Латыши			12	2		14
Литовцы			4	1		5
Эстонцы			3	1		4
Евреи	1	2	73	14	2	92
Немцы	3	2	58	21	2	86

Национальность	Репресс до 1922	1922–34	1935–1941 до ВОВ	ВОВ	1946 и после	Всего
Молдаване (румыны)			4	1		5
Татары			4			4
Башкиры				1		1
Австрийцы			6			6
Армяне			5			5
Китайцы			3			3
Корейцы			2			2
Шведы			1			1
Болгары			3			3
Венгры			3			3
Дагестанцы			1			1
Буряты			2			2
Азербайджанцы			2			2
Ассирийцы			2			2
Всего	106	2039	4859	824	239	8067
Доля нерусских всего	6,604	0,4904	10,25	8,5	4,18	7,38
Доля Ж в русских	5,051	6,5057	5,046	11,9	14	7,75
Доля Ж в нерусских	0	10	8,233	14,3	10	8,91

* Ж – женские доли (%)

** ТО – Тамбовская область

*** ВОВ – Великая Отечественная война

Движение социально-профессиональной структуры
репрессированных по периодам репрессий
(% группы рода занятий в периоде репрессий) [2]

Род зан/Этап репресс	Нсх-во	Сх-во	Нсх нво ссо	Сх нво ссо	Нсх нсо	Нсх но	Сх но	Нсх бо	Нсх дмх	Сх бо+ дмх	Уч вуз	Уч ссуз	Врс вес	Воф	Парт-сов раб	Чин	Своб творч проф
До 1922	0,93	нет	2,8	нет	12,1	6,54	нет	5,6	2,8	57	нет	1,9	нет	нет	0,93	нет	нет
1922-34	0,15	0,05	9,1	0,3	1,65	7	1,5	4,13	1,36	73,4	нет	0,34	0,5	0,15	0,3	нет	нет
1935-41	3,04	0,45	10,7	0,45	4,3	10,9	2,7	11,8	3,63	45,1	0,14	0,53	1	1,64	1,16	0,6	0,18
ВОВ	2,55	0,36	7,8	0,5	3,16	13,2	3,3	9,36	6,1	15,8	0,36	1,1	28,6	5	нет	0,72	0,12
С 1946	3,32	нет	5	0,83	5,8	14,1	1,7	11,2	17,4	26,6	0,41	0,41	6,2	3,73	нет	0,41	1,24
Всего	2,24	0,32	9,75	0,42	3,7	10,2	2,4	9,52	3,7	48,9	0,13	0,55	3,8	1,54	0,8	0,46	0,16

По части «истории с географией» тамбовских репрессированных заметим, что подавляющее большинство их (от 77 % до 96 %) были по рождению «местными», т. е. родились в нынешних границах области. Главными «не местными» поставщиками будущих жертв были, естественно, пять соседних регионов (Рязань, Пенза, Саратов, Воронеж, Липецк), а также западные и юго-западные губернии бывшей Российской империи, что абсолютно соответствовало социально-национальной мобильности первой половины XX века. Точно так же доминирующему вектору в этой мобильности соответствует неизменный кратный рост доли горожан на пути от места рождения до места жительства на момент репрессии, достигший 9-ти кратной разницы в послевоенных репрессиях. Заметим и то, что горожан по месту жительства на момент репрессии в каждом периоде было явно больше современной им доли горожан в населении. Это значит, что, с одной стороны, «политические» были более активной частью общества и потому более виктимными в смысле шансов быть репрессированными, с другой – то, что карателям легче, удобнее, эффективнее было работать в городской среде.

«Местной спецификой» внутренней географии тамбовских репрессий было то, что власть долго мстила области за «антоновщину». В репрессиях до 1922 г. «политические» из «антоновских» районов (12 сельских р-нов из нынешних 23 р-нов ТО) составили почти 93 % репрессированных сельчан. На следующем этапе эта доля упала до 47 % из-за тотального коллективизационного и антицерковного охвата, но в 1935–1941 гг. выросла до 54 % при том, что доля «антоновских» районов в сельском населении области в 1938 г. составляла менее 46 %.

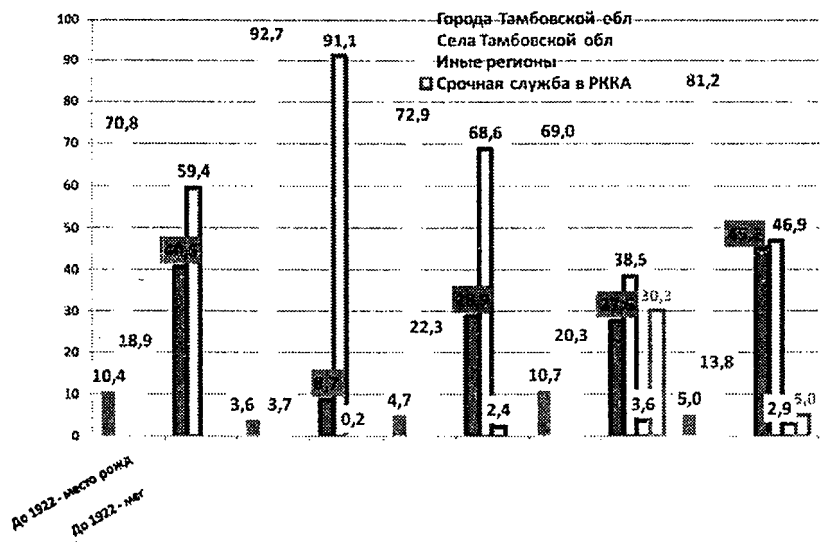

Рис. 2. Движение репрессированных от места рождения до места жительства на момент репрессии (% в периоде репрессий)

Представляет интерес и движение структуры видов репрессий. Самыми жестокими стали 1935–1941 гг., когда доля расстрелов взлетела до 39 % в числе приговоров, практически смертные 10 лет получила почти треть, 7–9 лет лагерей – еще 15 %. Меньшие наказания достались лишь 13 % репрессированных поры «большого» террора. Самыми «вегетарианскими» оказались предшествующие 1922–1934 гг. с их всего 3,5% исполненных расстрелов, с менее 11 % «десяток», но с 21,6 % высылки, с 23,3 % лишенных свободы на 1–3 года и с 11,2 % условно осужденных.

Таблица 5

Движение структуры видов репрессий
по периодам политических репрессий (%)

Вид репр./Этап репресс	ВМН и см во вр след	Усл ВМН	20–25 л	12–15 л	10 лет	7–9 лет	4–6 лет	1–3 год	До 1 г	Выслан	Принуд раб, лиш права прожив	Врем лаг	Усл	Осв, опр и т. к.	Прин леч
До 1922	21,7	13,2	0	0	0	0	0,94	13,2	2,83	34,9	3,8	1,9	7,55	0	0
1922–34	3,55	2,25	0	0	10,6	0,42	22	23,3	0,1	21,6	2,4	0	11,2	2,63	0
1935–41	39,15	0	0,06	0,33	32,5	15,2	6,7	2,5	0	0,5	0,25	0	0	2,85	0,02
ВОВ	6,16	0	0,36	0,24	44	20,9	13,4	1,8	0	1,6	0	0,72	0,6	10	0,24
С 1946	0	0	9,92	1,24	47,1	12,4	10,7	0,83	0	10,7	0	0	0	1,7	4,96
Всего	25,1	0,76	0,37	0,26	28	11,7	11,4	7,92	0,06	6,44	0,82	0,1	3,1	3,44	0,18

В движении репрессирующих органов очевидно стремление власти к законообразному оформлению репрессий, и от 100% внесудебных политических репрессий в начале пути она пришла к балансу в 60:40 в пользу репрессий, проведенных через «нормальный» суд.

Таблица 6

Движение долей (%) судебных и внесудебных репрессий по периодам политических репрессий

Этап репрессий	До 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–21.6.1941	22.6.1941–1945	После 1945 г.
Внесудебные репрессии	100	99,1	85,3	34,4	40,9
Судебные репрессии	0	0,9	14,7	65,6	59,1

Наконец, о партийной окраске тамбовских «политических». Во-1-х, почти все репрессированные всяческие бывшие и настоящие «партийцы» – коммунисты. Все остальные – от меньшевиков до черносотенцев – единичны и в сумме не составят полупроцента, что говорит о исторической неразвитости социально-политического ландшафта Тамбовщины. Вместе с тем, доля коммунистов (почти все – мужчины; 6,3 % среди всех «политических», максимум в 8,9 % в 1935–41 гг.) среди репрессированных в 1,5–2 раза больше доли предвоенного числа коммунистов в тогдашнем взрослом мужском населении области, что еще раз свидетельствует повышенную пассионарность как жертв политических репрессий, так и их «сменщиков» на освободившихся местах «под солнцем жизни».

Примечания

1. Попутно ради историзма обозначим отдельность и историческую неоднозначность «незаконности» и «политичности» в проблеме массовых советских «политических» репрессий. Например, по каким статьям осуждались и в каких «жертвах» числить «ярых» бандитов, «власовцев» или фальшивомонетчиков? или не была ли антисоветской «по определению» и по тогдашним законам деятельность служителей любых религиозных культов?

2. Для понимания движения социально-профессионального состава тамбовских «политических» без отягощения статьи избыточными подробностями и повторения понятного из вышесказанного достаточно раскрыть сокращения, принятые нами для обозначения формализованных групп родов занятий.

3. НСХ и СХ означают «несельскохозяйственные» и «сельскохозяйственные» занятия. За аббревиатурами ВО, НВО и ССО, СО, НСО, НО, БО стоят роды занятий/профессии, требующие соот-

ветственно высшего, неполного высшего и среднего специального, среднего, неполного среднего, начального образования и занятия, не требующие какого-либо образования (БО). ДМХ значит «домохозяин», «домохозяйка». Таким образом, репрессированный инженер попадает в группу НСХ ВО, медсестра или фельдшер, а также священник (при обязательном отдельном учете «церковников» в детальном анализе) – в НСХ НВО и ССО, крестьянин-единоличник – в СХ ДМХ БО, простой колхозник – в СХ БО, а тракторист – в СХ НО и т.д. В отдельные группы выделены учащиеся высших (УчВУЗ) и разных средних учебных заведений, военнослужащие рядового, сержантского, мл., ср., ст. офицерского и генеральского составов (ВРС, ВСС и т. д.), партийно-советские работники и и остальные чиновники в трех звеньях (среди тамбовских репрессированных, естественно, не оказалось партийно-советских работников и чиновников высших звеньев) и лица свободных, творческих родов занятий (артисты, художники и т. п.).

Куденко Н. В.

**Уголовники как особая группа репрессированных
милицейской тройкой Алтайского края
в годы «Большого террора»**

В исторической литературе сложилось два основных подхода к оценке «Большого террора» 1937–1938 гг. Один исходит из представления о нем как о слепом, бессистемном и безадресном, не выбирающем своих жертв. Другой же подход, которого придерживается большинство исследователей, состоит в том, что «Большой террор» представлял собой целенаправленную репрессивную акцию в отношении определенных социально-враждебных групп и элементов[1]. Вместе с тем исследователи, рассматривающие «Большой террор» как целенаправленную акцию, расходятся в вопросе о его причинах. Многие зарубежные и отечественные авторы солидарны в том, что советское руководство воспринимало ситуацию, имевшую место в 1937–1938 гг., как предвоенную, и поэтому репрессии были обращены против тех социальных элементов населения, которые режим в связи с растущей военной угрозой рассматривал в качестве потенциальной «пятой колонны». Часть же исследователей полагают, что террор не имел лишь краткосрочную репрессивную функцию, вызванную военной угрозой, а должен был служить целям социальной инженерии, являясь инструментом социальной технологии, выступить в качестве последней фазы социальной чистки, за которой открывались возможности для построения, основанного на бесклассовой идиллии коммунистического общества [2]. Данный

подход позволяет объяснить причины, по которым мелкие уголовники, хулиганы и прочий подобный контингент, стал объектом социальной инженерии.

Масштабный приказ НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. положил начало практике «Большого террора» в отношении различных категорий советского общества. Среди подлежащих репрессии традиционных «социально чуждых» и «враждебных» групп населения (бывшие кулаки, антисоветчики, церковники, шпионы и др.) появляется и новая категория – уголовные преступники (бандиты, грабители, воры). Данный приказ утверждал контингенты лиц, которые должны были быть подвергнуты репрессиям по двум категориям: приговор к высшей мере наказания – расстрелу, либо заключению в исправительно-трудовой лагерь. Состав в приказе формулировался следующим образом: «Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, ското-конокрады, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой»[3]. Объявленный в 1920-е гг. недостаточным для вынесения обвинения пункт – «связи с преступной средой», вновь начинал работать против обвиняемого, расширяя полномочия и возможности для вынесения приговора в отношении этих лиц внесудебным органам.

Согласно приказу, осуждению подлежали в том числе и уголовники, которые содержались под стражей, следствие по делам которых было закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены, а также уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

Осуждением преступных элементов занимались внесудебные органы двух типов – тройки НКВД, создаваемые по приказу № 00447, и так называемые милицейские тройки. Если в компетенцию троек НКВД входило осуждение преступников-рецидивистов, то «клиентами» милицейских троек были мелкие уголовники и «социально-вредные элементы».

Милицейские «тройки» были образованы Приказом НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 года в краевых, областных и республиканских административных центрах для очистки городов от уголовных и деклассированных элементов [4]. Приказ полностью не опубликован до сего времени, тем не менее состав, задачи, компетенция и круг рассматриваемых дел «особого суда», именуемого милицейской тройкой, широко известны: ее председателем выступал начальник УНКВД или его заместитель, членами – начальник управления милиции и начальник соответствующего отдела милиции, чьи дела разбирались на тройке, как правило, начальник отдела уголовного розыска или начальник паспортного отдела. Предписывалось участие в заседаниях тройки прокурора соответствующей республики края или области. Круг преступников, подсудных тройкам, включал

в себя: 1) лиц, имевших судимости или приводы в милицию по поводу преступной деятельности, которые и далее поддерживали контакт с преступной средой; 2) лиц, не имевших судимости или приводов в милицию, но которые не занимались общественно-полезным трудом, не имели определенного места жительства и поддерживали контакты с преступной средой; 3) профессиональных нищих; 4) лиц, нарушивших правила паспортной системы, введенной 27 декабря 1932 г. [5]. Милицейские тройки также были подключены к борьбе со спекуляцией.

Учреждаемая по приказу №00447 «кулацкая» тройка находилась в подчинении НКВД, а не милиции и могла (на основании приказа № 00447) выносить более суровые приговоры – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет или расстрел, тогда как максимальным наказанием, вынесение которого находилось в компетенции милицейской тройки, был пятилетний срок лишения свободы. Но все же именно попытка административной борьбы с преступностью путем создания в 1935 г. милицейской тройки может рассматриваться как непосредственная подготовка включения уголовников в качестве целевой группы в приказ № 00447. Судебная тройка НКВД (кулацкая) в отношении уголовников может интерпретироваться как «удлиненная рука» милицейской тройки [6]. Также важно отметить, что между тройками существовал трансферт дел. Для вынесения более сурового наказания, которого требовали обстоятельства того или иного дела осуществлялась передача с милицейской тройки на заседание «кулацкой» тройки, процесс обратной передачи тоже имел место быть.

С началом «Большого террора» в документах, согласно предписаниям, должно было быть только указано, что арестованный обвиняется и осуждается как социально-вредный элемент в порядке приказа № 00447. В «новых инструкциях для троек», приложенных к приказу № 00319, подписанных Фриновским и Вышинским, пунктом 5 милицейские тройки обязываются обеспечить присутствие обвиняемого на судебном заседании. В пункте 7 содержалось распоряжение проводить карательную акцию «не в порядке кампанейства или путем массовой операции»: «При рассмотрении дел тройки должны тщательно и внимательно изучать обстоятельства каждого дела и в точности руководствоваться инструкцией ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г.». Приказ обращал внимание на абсолютную недопустимость производства массовых операций при «изъятии уголовного и деклассированного элемента». При вынесении решений милицейским «тройкам» предлагалось руководствоваться правилами, предусмотренными положением об Особом совещании при НКВД СССР. Участие прокурора в заседании «тройки» было обязательным. Решение «тройки» при отсутствии возражений прокурора приводилось в исполнение немедленно, а протокол направлялся на утверждение Особого совещания НКВД. При наличии разногласий

приведение в исполнение решений «тройки» приостанавливалось, и дело переносилось на рассмотрение Особого совещания НКВД.

Между тройкой НКВД и милицейской, как упоминалось выше, существовало своеобразное «разделение труда». В циркуляре Фриновского № 61, разосланном 7 августа 1937 г., заместитель наркома внутренних дел дополнительно разъяснял компетенция «кулацкой» и милицейской троек. Милицейская тройка должна была «максимально усилить работу». «На ней должны рассматриваться дела на беспартийных лиц, не имеющих постоянного места жительства и не занимающихся полезным трудом». От таких мер наказания, как «подписка о выезде из города и выселение из города», которые ранее в массовом порядке использовались милицейской тройкой, следовало отказаться ввиду их неэффективности [7]. Следовательно, с переходом к политике Большого террора, начало которой положил приказ № 00447, вносились изменения и в деятельность милицейской тройки – в направлении ужесточения выносимых ею приговоров.

Количество осужденных тройками НКВД в рамках реализации приказа № 00447 за 1937–1938 гг. в масштабах страны так называемых уголовников точно не известно. Одна из сводок 1938 г. называет цифру в 127 967 чел. (из них 44 086 – к смертному приговору, 83 729 – к лагерному заключению), что составляет 16,7 % от общего числа жертв «Большого террора (767 937 чел.)» [8]. По «кулацкой операции» в СССР, согласно итогам 1937 г., уголовников среди расстрелянных оказалось 15 % [9]. В отношении других групп смертная казнь применялась чаще, особенно при осуждении «контрреволюционных элементов».

В Алтайском крае на 25 ноября 1937 г. по приказу № 00447 было арестовано 15 365 чел., в т. ч. по делу РОВСа – 3337 (21,7 %), «кулаков» – 10 766 (70,1 %) и уголовников – 1262 (8,2 %) [10]. По данным на 1 марта 1938 г. в крае тройкой было осуждено 1432 уголовника, что составляет 11,8 % от общего числа осужденных [11], – это несколько ниже приводимого выше соответствующего показателя по стране в целом.

Милицейскими тройками за 1937–1938 гг., по оценкам историков общества «Мемориал» Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского, в масштабах страны в целом было осуждено 420–450 тыс. чел. [12].

Количество осужденных милицейской тройкой в Алтайском крае в период с 1937–1938 гг., согласно протоколам тройки, составило 6924 чел [13].

В Алтайском крае милицейская тройка начала свою работу в ноябре 1937 года, после образования Алтайского края. Первое ее заседание датируется 10 ноября. В состав «тройки» входили: председатель – начальник Управления рабоче-крестьянской милиции (далее – УРКМ) Управления народного комиссариата внутренних дел

(далее УНКВД) Алтайского края капитан милиции Вейнберг, с апреля 1938 г. – Никольский, старший лейтенант госбезопасности (статус Вейнберга при этом был понижен до члена тройки), секретарь – Михайлов, младший лейтенант госбезопасности (а начиная с протокола № 9/4 от 29.12.1937 г. – Скрыль, сержант милиции, сотрудник УРКМ УНКВД по Алтайскому краю); в качестве членов в состав тройки включались начальники соответствующих отделов милиции, чьи дела рассматривались на заседаниях тройки (чаще других в протоколах указывается начальник отдела уголовного розыска УРКМ НКВД Ильин). Отметим произошедшее с апреля 1938 г. усиление контроля за деятельностью милицейской тройки со стороны НКВД, проявившееся в назначении ее председателем сотрудника органов госбезопасности. По всей видимости, это было связано с тем, что после завершения 15 марта 1938 г. деятельности в Алтайском крае тройки НКВД возросло значение милицейской тройки, оставшейся единственным действующим органом внесудебного преследования уголовных элементов.

Протоколы заседаний милицейской тройки Алтайского края хранятся в отделе реабилитации и архивной информации ИЦ при ГУВД Алтайского края (Фонд 16). Количество протоколов в фонде составляет: за 1937 год – 22, каждый из них сохранился в двух экземплярах; за 1938 год – 63, из них – 3 в одном экземпляре, 59 – в двух экземплярах, лишь 1 протокол имеет три экземпляра.

Один из экземпляров протоколов содержит на полях карандашные пометки в виде цифры, указывающей на срок наказания (например, «2», «3», «5»), ряд протоколов не содержит видимых пометок как таковых. Нужно отметить, что срок наказания, указываемый в карандашной пометке и в машинописном тексте в графе «постановили», совпадают. К примеру, если карандашом написана цифра 5, то и машинописный текст в графе «постановили» содержит информацию об осуждении на 5 лет ИТЛ. Обращает внимание, что во вторых экземплярах протоколов текст в рубрике «постановили» зачастую напечатан под копирку другого (по сравнению с текстом в рубрике «слушали») цвета, что свидетельствует о том, что он впечатывался позднее, видимо, уже после заседания тройки, принимавшей решение о мере наказания. Многие протоколы имеют пометки, выполненные цветными карандашами. Например, протокол № 10/4 от 28.08.1938 г, содержащий дела по Барнаулу, содержит пометки, выполненные цветами разных цветов. Так, пометки, сделанные карандашом красного цвета, содержатся в той части протокола, которая составлена по следственным делам 3-ого ОГМ г. Барнаула, цвет совпадает с цветом подписей членов тройки капитана Вейнберга и младшего лейтенанта Гоголина. Пометки черного цвета относятся к делам, проходившим по линии железнодорожной милиции 1-го ОГМ г. Барнаула, и совпадают с цветом подписи председателя тройки,

старшего лейтенанта госбезопасности Никольского. Из этого можно заключить, что существовала своеобразная специализация членов тройки по рассмотрению дел, поступавших из разных отделов милиции.

В небольших по объему протоколах (например, № 10/2 от 15.08.1938 на 30 чел.) пометок, как правило, не содержится, что может свидетельствовать о том, что эти протоколы, вероятно, предварительно не изучались членами тройки на предмет вынесения рекомендаций, связанных с мерой наказания, а решение принималось непосредственно на заседании тройки.

Протоколы заседаний всегда содержат номер и дату заседания тройки. Например: «Протокол заседания Судебной тройки при УНКВД Алтайского края № 5/2, от 25 ноября 1937 года», с пометкой «строго секретно». После нумерации и датировки протокола следовали фамилия председателя тройки, затем фамилии двух членов и секретаря тройки. Каждый из протоколов объединял дела, передаваемые на рассмотрение тройки из одного или нескольких территориальных и железнодорожных отделов милиции.

Протоколы подготавливались в секретариате тройки на основании резюме обвинения, составляемого для протоколов тройки милицейскими следователями.

Содержательная часть протокола включала две рубрики: «слушали» на левой и «постановили» на правой стороне листа. Под рубрикой «слушали» помещалось краткое изложение следственного дела. По каждому лицу приводились номер следственного дела, название отдела милиции, его подготовившего (например: «Дело №250. Барнаульская железнодорожная милиция»). Затем указывались основные паспортные данные обвиняемого, а именно: фамилия, дата и место рождения, а также место жительства. Другая информация касалась социального происхождения (например, «из семьи кулаков», «из служащих»), уровня образования, рода занятий (либо «без определенных занятий»), наличия документа, удостоверяющего личность, наличия судимостей. Кратко излагался состав преступления, указывалось на признание обвиняемым вины и избличение его преступных действий свидетельскими показаниями. После формулировки обвинения приводились сведения о дате ареста и месте содержания под арестом.

В графе «постановили» указывался приговор с указанием срока отсчета заключения. Протоколы подписывались членами тройки.

Наиболее значимыми с позиции количества рассмотренных дел являются протоколы № 5 и 8/1 за 1937 год, в которые включены соответственно 184 и 182 дела. Среди протоколов за 1938 год самые «представительные» – протоколы № 4/3 от 2.03.1938 и № 9 от 26.07.1938, включающие 164 и 166 дел соответственно.

Наибольшее количество дел, рассмотренных тройкой за один день – 561 (на заседании 7 февраля 1938 г.). В среднем же на одном заседании тройки рассматривалось 200–400 дел.

В ноябре–декабре 1937 году милицейской тройкой АК было рассмотрено 1887 дел, а в 1938 г. – 5054 дела (в том числе в период проведения операции по приказу № 00447 (на Алтае до 30 марта 1937 г.) – 3240 (64,1 %). Анализ помесячной статистики рассмотрения дел милицейской тройкой показывает, что в ноябре 1937 г. тройкой было вынесены приговоры в отношении 618 чел., в декабре – 1263 чел., в январе 1938 г. – 980, в феврале – 1286, в марте – 974 чел., а далее с завершением на Алтае операции, проводившейся на основе приказа № 00447, количество рассматриваемых дел значительно снижается: в апреле – 527 дел, в мае – 394, а в ноябре, в последний месяц деятельности милицейской тройки – 102 [14]. Следовательно, пик активности милицейской тройки, направленной на очищение советского социума от уголовных и маргинализованных элементов, приходится на время проведения операции по приказу № 00047.

Следственные дела на уголовных преступников, подготовленные по линии милиции, передавались не только на рассмотрение милицейской тройки, но и тройки НКВД («кулацкой»). Разделение между этими тройками происходило по алгоритму, о котором упоминалось ранее. На Алтае уголовники из числа осужденных тройкой НКВД составили 904 (по протоколам за 1937 г.) из 13 092 чел. Среди данного числа уголовников (904 чел.) в отношении 41,2 % тройка НКВД применила высшую меру наказания – расстрел, 25,3 % – срок в 10 лет л/с, 20,1 % – 8 лет л/с, 6,9 % – 5 лет л/с, для 6,4 % лиц были назначены специальные дополнительные мероприятия по расследованию или не имелось никаких пометок. Большая суровость наказаний, выносимых тройкой НКВД, обуславливалась тем, что в ее компетенцию входило осуждение более «серьезного» контингента уголовников – как правило, преступников-рецидивистов.

Наиболее распространенным наказанием, выносившимся милицейской тройкой, было лагерное заключение на срок в 5 лет: в 1937 г. к такому наказанию были приговорены 94,5 %, в 1938 г. – 66,7 % осужденных.

О составе деклассированного и уголовного «элемента», подлежащего изоляции на основании решений милицейской тройки, дают представление изученные нами протоколы заседаний и составленная база данных. Так, судя по протоколу от 10 декабря 1937 г., по которому проходит 91 чел., «клиентами» милицейской тройки были в основном лица без определенного места жительства и работы, обитатели окраинных трущоб («проживает г. Бийск сахарный завод землянка № 2», «проживает г. Бийск карьер землянка» и т. п.). 2/3 из числа осужденных тройкой на этом заседании (61 из 91 чел.) являлись лицами без определенных занятий и места жительства (в

протоколе их образ жизни характеризовался формулировками «гастролирует по городам» [15], «разъезжает по городам и станциям, занимаясь нищенством» и т. п.), 40 % на момент ареста не имели никаких документов, удостоверяющих личность, 24 % были ранее судимы (в основном по статьям УК за кражу, хулиганство, проституцию и т. п.), 32 % имели приводы в милицию. Поводом для прежних приводов в милицию служило хулиганство, пьянство, задержание как лиц без определенных занятий, а в 1937–1938 гг. за аналогичные проступки уже назначали от 3 до 5 лет ИТЛ. Более детальный анализ содержания протоколов позволяет составить определенный портрет уголовников, осужденных милицейской тройкой. Преобладающая часть являлась лицами мужского пола в возрасте от 18–50, не состоящими в браке, без определенного рода занятий, малограмотными, которые могли иметь ранее приводы или судимости, либо привлекались впервые. Характер предъявленных преступлений определяется ведением асоциального образа жизни и девиантным поведением, совершением мелких преступлений.

Таким образом, органы милиции активно использовали возможности, предоставленные им обстановкой 1937–1938 гг., для привлечения к ответственности тех полууголовных и маргинальных элементов, в отношении которых они ранее не имели достаточных оснований для осуждения.

По характеру предъявленных им в ходе следствия обвинений, наиболее частыми были обвинения в воровстве (краже, хищении), на втором месте хулиганство и дебош, совершенные преимущественно в пьяном виде.

Ряд протоколов за 1938 год (№ 3/12а от 7.05.1938, № 8/2 от 4.07.1938, № 10/2 от 15.08.1938, № 11 от 8.10.1938, № 13/1 от 17.11.1938 г.) по содержанию отражают деятельность тройки по пересмотру ранее решенных дел. Причиной появления так называемых дел «в порядке пересмотра», которые содержат постановления о сокращении сроков наказания, об оставлении сроков «до пределов отбытого», являлись протесты прокурора, выносимые на решения тройки [16]. Основанием для снижения срока служили: отсутствие в прошлом приводов и судимостей, незначительность правонарушения, прежняя общественно-полезная (например, педагогическая) деятельность и т. д. В материалах протокола № 11 от 8.10.1938 г. имеется курьезный случай, когда протест прокурора был отклонен, ввиду истечения срока наказания [17]. Это свидетельствует о том, что процесс пересмотра дел мог носить затяжной характер.

Протоколы милицейской тройки АК стали важным источником для оценки масштабов проводимых акций, а также для воссоздания портрета такой категории репрессированных, как уголовники.

Необходимо отметить, что, несмотря на улучшение общих показателей по борьбе с преступностью, как на региональном уровне,

так на общесоюзном, организованная и профессиональная преступность не понесла серьезных потерь. Для выполнения лимитов в отсутствие как таковых правил судебного разбирательства изымались наиболее доступные нарушители правопорядка. Многие из них лишь формально подходили под категорию лиц, причисляемых к преступникам. Таким образом, можно констатировать, что успешность и наделение большой правовой инициативой внесудебных органов, привели к самоуправству в отношении мелких преступников, хулиганов, нищих, бродяг и других лиц с девиантным поведением. Серьезной же работы в условиях конвейерного следствия по борьбе с организованной преступностью проведено не было. Обрушение маховика репрессий на уголовные и маргинализированные слои населения было связано, скорее, с социальной инженерией, направленной на построение основанного на бесклассовой идиллии общества, свободного в том числе и от социально-вредных элементов. Также мы с уверенностью можем констатировать, что в период массовых репрессий произошло расширение такой дефиниции как «преступление». Сам образ жизни (бродяжничество, нищенство, пьянство) стал достаточным аргументом и поводом для заключения человека под стражу.

Примечания

1. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 205–216.
2. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири, 1928–1941 гг. Новосибирск, 1997. С. 175.
3. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 86.
4. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 142.
5. Инструкция № 00192 НКВД СССР и Прокуратуры СССР тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассифицированных элементах и нарушителях паспортного режима 9 мая 1935 г. // История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 259–260.
6. Там же. С. 510.
7. Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками рецидивистами». 7 августа 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г. А., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008. С. 174.
8. Сводка ГУГБ НКВД СССР о количестве арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937. Не ранее 15 августа 1937 г. // Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 344–348.; Сводка № 11 ГУГБ НКВД СССР о количестве арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937. Не ранее 30 сентября 1937 г. // Там же. С.

369–374.; Сводка № 29 ГУГБ НКВД СССР о количестве арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937. Не ранее 1 января 1938 г. // Там же. С. 387–393; Сводка № 33 ГУГБ НКВД СССР о количестве арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937. Не ранее 1 марта 1938 г. // Там же. Т. 5. Кн. 2. С. 56–61.

9. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 405.

10. Тепляков А. Г., Савин А. И. Показания деятелей массовой операции // Массовые репрессии в Алтайском крае. М., 2010. С. 442.

11. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. М., 2008. С. 570.

12. Трагедия советской деревни / под ред. В. П. Данилова. Т. 5. Кн. 2. С. 557.

13. Ф. 16 Информационного центра при ГУВД Алтайского края.

14. Милицейские тройки, как и судебные тройки НКВД, были ликвидированы постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия».

15. Для определения этой категории лиц в милицейском жаргоне использовался также термин «летуны». См.: Отдел реабилитации и архивной информации Информационного центра при ГУВД Алтайского края. Ф. 16. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

16. ИЦ при ГУВД Алтайского края Ф. 16, Оп. 1. Д. 107. Л. 73.

17. Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 107. Л. 73

Орехова Е. А.

Репрессии 1930-х гг. и колонии Мурманского берега

Колонизация Мурманского берега Кольского п-ова (Мурмана) началась в 1860 г. К началу XX в. на ранее ненаселенном побережье возникло около 100 постоянных населенных пунктов – колоний. До начала активной фазы строительства Мурманской железной дороги (1915 г.) в колониях проживало до трети населения Кольского Севера. Колонизация Мурманна имела ряд особенностей. К их числу относится многонациональный состав колонистов – это были не только жители Русского Севера, но и выходцы из Великого княжества Финляндского, Норвегии и Швеции. Также специфичной была ориентация на принципиально добровольный характер переселения, хотя в Российской империи был богатый опыт принудительного заселения отдаленных пограничных территорий. При создании колоний предполагалось ориентироваться на создание и поддержку крепких самостоятельных хозяйств. В ходе колонизации сложилось этническое разделение Мурманна на Западный берег с преимущественно

финским населением и Восточный берег, населенный русскими. Эти особенности сохранялись и после окончательно установления на Севере советской власти в 1920 г. Однако к кон. 1930-х гг. положение на Мурманском берегу существенно меняется. С 1930-х гг. многие колонии были ликвидированы, население выселено, на их месте разместились объекты военной инфраструктуры [1]. В данной статье мы рассмотрим, как на этот процесс повлияла репрессивная политика советского государства.

Репрессии 1920-х гг. колонии почти не затронули. Те, кто опасался преследований со стороны советской власти, покинули Мурман — добраться до соседних Финляндии или Норвегии не составляло труда. Колонисты Мурманского берега, в том числе финского и норвежского происхождения, успешно вписались в советскую социальную и политическую систему. Несмотря на постепенный рост числа русского населения на Западном Мурманском берегу, он оставался местом проживания значительной финской диаспоры вплоть до кон. 1930-х гг. К 1930 г. в Мурманском округе работали национальные сельсоветы, в том числе семь финских и один норвежский. Делопроизводство в финских колониях, а затем и колхозах, еще в нач. 1930-х гг. велось на финском языке [2]. До нач. 1930-х гг. жители Западного Мурмана сохраняли связи с Финляндией и Норвегией, чему способствовала традиционно «прозрачная» граница на этом участке. У многих за рубежом оставались родственники, туда нередко отправлялись за отсутствующими в СССР товарами.

Разрушение традиционного уклада жизни, а вместе с ним и хозяйства колоний активизировалось с началом принудительной коллективизации. Следует отметить, что организация промысловых объединений считалась весьма желательной и до революции, и в 1920-х гг., однако решение всегда отдавалось на волю самих промышленников.

С коллективизацией начались аресты единоличников и раскулачивание. Одним из основных признаков кулака на Мурмане для советских властей было привлечение к промыслу наемной рабочей силы или промысел на паях. Так, хозяйство колониста И. Хейкинена было отнесено к кулацким, потому что он, кроме домработницы, «держал в работниках мальчика подростка», нанимал рабочую силу «без необходимости обслуживания хозяйства, с целью извлечения нетрудовых доходов, особенно во время промыслового сезона». К кулакам были отнесены и три брата Никконена. Хюге Никконен брал на борт пайщиков, с которых получал плату за амортизацию елы (промысловое судно), кредитовал колонистов деньгами под проценты. Два других брата Никконена (Август и Франц), также использовали наемный труд в своих хозяйствах. Отметим, что привлечение пайщиков или издольщиков для промысла на судне и орудиями хозяина, получавшего долю прибыли за их использова-

ние, для Мурмана была традиционной. Причины использования наемной рабочей силы власти не интересовали, хотя часто это была вынужденная мера. Так, Ф. Никконен нанимал людей на сенокос, чтобы прокормить единственную корову – его семья состояла из трех человек, один из которых был нетрудоспособен. И. Хейкинен держал прислугу из-за болезни жены [1, с. 213]. Процесс раскулачивания и выселения кулаков происходил одновременно. Он начался с весны 1931 г., а к 1932 г. «зажиточные» хозяйства были окончательно ликвидированы [3, с. 79].

В 1920–1930-х гг. в этническом составе населения колоний произошли значительные изменения. Продолжилась ассимиляция небольших этнических групп (карелов и саамов) более крупными (русскими и финнами). В нач. 1920-х гг. прекратился приток переселенцев из Финляндии и Норвегии. Советская власть, официально декларирующая интернационализм, сохранила сложившееся еще в кон. XIX в. подозрительное отношение к «иностранцам» – финнам и норвежцам. До нач. 1930-х гг. репрессии в их отношении связывались с обвинениями в контрабанде, незаконном пересечении границы и шпионаже в пользу Финляндии и Норвегии, но еще не носили систематического характера.

После удаления с побережья «классово чуждых элементов» – кулаков и единоличников – с сер. 1930-х гг. власти приступили к «выдавливанию» из руководства советских и партийных органов Мурманского округа «инонационалов». Речь, прежде всего, шла о мурманских финнах, проживавших в Полярном районе. К этому времени там существовало шесть финских колхозов: «Райя Каластайя» («Пограничный рыбак») – кол. Озерко, «Тармо» («Энергия») – кол. Ура-губа, «Сойхту» («Факел») – кол. Тюва-губа, «Риенто» («Стремление») – кол. Ваенга, «Тойсту» («Обновление») – кол. Грязная губа, «ПохъянТахта» («Северная звезда») – кол. Белокаменка [1, с. 213]. Согласно данным мурманского историка А. А. Киселева, уже к 1937 г. в руководстве этих колхозов были представлены преимущественно русские. Тогда же финский язык в делопроизводстве был заменен на русский [4].

С нач. 1930 г. население колоний существенно пополнилось за счет спецпереселенцев. Первым массовым эпизодом «спецпереселения» на Мурманский берег стала высылка туда в 1930 г. нескольких сотен семей рыбаков из Астраханской области. Их размещали не только в специально построенных изолированных поселках, таких как Дальние Зеленцы, но и в уже существовавших колониях – Сайда-губа, Тюва-губа, Порт-Владимир, Териберка и др. [5, с. 157]. Эти меры довольно быстро изменили сложившийся этнический состав колоний – уже к кон. 1930-х гг. «русские» численно преобладали по всему Мурману.

Принудительное переселение было связано с неспособностью властей эффективно проводить колонизацию в новых политиче-

ских и экономических условиях. Еще в 1920-х гг. предпринимались попытки придать ей более целенаправленный и организованный характер: были созданы специальные органы для организации и контроля за переселением, вербовки колонистов и создания инфраструктуры. Однако практические результаты оказались далеки от предполагаемых. Привлечь на Мурман массу переселенцев не удалось, инфраструктура не соответствовала ни потребностям населения, ни необходимости развития промыслов. Между тем, продовольственные трудности кон. 1920-х гг. потребовали значительного увеличения улова, обеспечить которое колонисты Мурмана не могли в силу специфики своего хозяйства. Уже в 1930 г. мурманские промыслы столкнулись с острой нехваткой рабочих рук. Руководство Мурманского округа, на которое была возложена задача по форсированию рыбодобычи, столкнулось с тем, что власти Карелии и Северной области не допускали не только вербовки колонистов, но и контрактации сезонных рыбопромышленников. Архангельское и карельское крестьянство, всегда бывшее основной социальной группой, из которой выходили колонисты, оказавшись в колхозе, практически утратило свободу передвижения. Оно было всецело подчинено необходимости выполнения местных хозяйственных планов. Население бывшей Архангельской губернии – основного поставщика переселенцев и раньше не было особенно велико, а проводившаяся в 1920-х гг. «железнодорожная колонизация» была ориентирована лишь на перераспределение имевшейся рабочей силы [6]. В этих условиях массовая колонизация с использованием традиционных источников была невозможна. Очевидно, что решение этих проблем лежало либо в значительном увеличении числа рабочих рук, либо в изменении критериев отбора переселенцев, либо в кардинальном изменении техники и организации промысла (переход к океаническому траловому лову).

Еще один удар по колониям нанесло создание Северной военно-морской флотилии в 1933 г. Для обеспечения нужд флота были принудительно выселены жители ряда колоний (Ваенга, Грязная губа, Торос-остров, Кильдин и др.). Накануне Второй мировой войны руководство СССР решило принять меры к обеспечению безопасности приграничных территорий и «очищению» их от «политически неблагонадежных элементов». К таковым были отнесены граждане «иностранных национальностей», в т. ч. мурманские финны и норвежцы, чье присутствие в зоне строительства оборонных сооружений и на пограничных территориях давно беспокоило власти, несмотря на проявляемую ими лояльность.

23 июня 1940 г. в НКВД были изданы секретный приказ № 00761 «О переселении из города Мурманска и Мурманской области граждан инациональностей» и Инструкция «О порядке переселения граждан иностранных национальностей из города Мурманска

и Мурманской области». Предписывалось переселить в Карело-Финскую ССР и Алтайский край 2540 семейств в составе 6973 человек (финнов, норвежцев, эстонцев, латышей, литовцев, шведов, немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев). Финны и норвежцы были направлены в Карелию, в дальнейшем часть из них была выселена в отдаленные районы Архангельской области [3, с. 137].

Экономические трудности, общее ужесточение политического режима в стране, обозначившаяся к кон. 1930-х гг. опасность военного конфликта на Крайнем Севере, подталкивали власти к ликвидации колоний в их традиционном виде. В результате полного закрытия государственной границы и создания колхозной системы было разрушено традиционное хозяйство колонистов, ориентированное на самообеспечение. Использование для заселения побережья насильственных методов положило конец существовавшей с 1860-х гг. и сохранявшейся в 1920-х гг., принципиальной ориентации на добровольных переселенцев. Фактическим завершением мурманской колонизации стала депортация летом 1940 г. «инонационалов», в том числе колонистов финляндского и норвежского происхождения.

Процесс реабилитации мурманских колонистов – жертв политических репрессий – начался во второй пол. 1950-х гг. и продолжается до настоящего времени. После 1953 г. выселенные с Мурмана колонисты получили возможность вернуться в Мурманскую область. Однако вернуться в свои дома удалось далеко не всем. В 1950–1960-х гг. значительная часть бывших колоний была ликвидирована в связи с созданием баз Северного флота, закрытых населенных пунктов и кампанией по «укрупнению колхозов». После открытия границ в 1990-х гг. удалось воссоединиться многим норвежским и финским семьям, разделенным в 1920–1930-х гг. [7].

Примечания

1. Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского п-ова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

2. Орехова Е. А. Национальные процессы в колониях Мурманского берега в 1920–1922 гг.// 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сб. материалов международной научной конференции. Мурманск, 2011. С. 182–185.

3. Шашков В.Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000.

4. Киселев А. А. Финны на Мурмане: «Белые пятна истории»// Полярная правда. 1989. 11, 12 марта.

5. Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: К 65-летию Мурманской области. Мурманск, 2004.

6. Орехова Е. А. «Железнодорожная колонизация» Мурмана – теория и практика//Проблема модернизации социально-экономической инфраструктуры Европейского Севера России в XX–XXI вв.: историческая ретроспектива и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 2–3 ноября 2011 г. Мурманск, 2011. С. 71–74.

7. URL:<http://www.coast-of-hope.no/>

Шевырин С. А.

Политические репрессии в истории Перми

Одним из значений слова «Пермь» ученые считают древнее финно-угорское слово «пере-маа» – «далекая земля». Действительно, чтобы добраться до нашего края русским первопроходцам, необходимо было идти по северным рекам (Двина, Печора, Вишера), преодолевать волоки и глухую тайгу. Этот эпитет – «дальняя» или «далекая» земля – сыграл в истории Пермского края значительную роль. В далекие, окраинные земли ссылали неугодных людей – в отрыве от родных мест и единомышленников, в суровых уральских лесах они, по мнению власти, уже не так опасны.

Первый политссылный в нашем крае появился в 1601 г., когда из Москвы на север в маленькую деревушку Нырбокку был доставлен в оковах боярин Михаил Романов. Бояре Романовы-Юрьевы, именно из их рода была первая и любимая жена Ивана Грозного, представляли определенную опасность для Бориса Годунова. Федор Романов, кандидат в цари наряду с Годуновым, был заточен в монастырь под именем монаха Филарета. Его братья были высланы отдаленные уголки Русского государства. Одного отправили в Пелым, другого к берегам Белого моря, а для Михаила выбрали «далекую землю» Пермь Великую Чердынь. Именно так тогда называлась часть русского государства на севере западного склона Уральских гор и имеющая столицу в городе Чердынь. Михаил был доставлен под конвоем московских стрельцов. Для тюрьмы была вырыта яма, закрытая сверху деревянными плахами. Стрельцам выпала роль быть первыми в нашем крае тюремщиками. Чтобы сократить срок своего пребывания в Нырбокке, начальник стрельцов Роман Тушин по одной из версий убил узника [1]. С этого события началась история Пермского края как места политической ссылки.

Затем центром Перми Великой стал Соликамск, чему в немалой степени способствовала новая дорога в Сибирь – от Соликамска до Верхотурья. Там был построен дом воеводы, таможня и тюрьма. По дороге в Сибирь – Бабиновскому тракту – ехали не только путешественники и чиновники, но и ссылные. Так, например, по этой

дороге провезен в Тобольск в 1653 г. лидер раскола и один из главных противников патриарха Никона протопоп Авакум. В 1710 г. в Соликамск начали прибывать пленные шведы, которые использовались на различных работах по благоустройству, в том числе строили храмы. Среди этих пленных был известный историк Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг и специалист в горнорудном деле Юхан Берглин. Страленберг описал Соликамск и Чердынь в своих исторических трудах, а Берглин стал начальником Егошихинского медеплавильного завода – с которого начался город Пермь [2].

Датой основания города Перми принято считать 4 мая 1723 года, когда в устье речки Егошихи, небольшого притока Камы, был заложен казенный медеплавильный завод – один из многих на Урале. Выбор места для завода принадлежал Василию Никитичу Татищеву и был обусловлен близостью Камы, по которой металл с уральских заводов можно было отправлять в центр страны. Время подтвердило правильность выбора места, так как после закрытия завода Егошихинский поселок стал развиваться как крупный транспортный узел. Значимость его еще более возросла в конце XVII века, когда через него прошел Сибирский тракт. К этому времени бывшая заводская слобода по указу Екатерины II от 26 ноября 1780 года стала губернским городом – центром огромной территории на северо-востоке Российского государства.

Сибирский тракт был важнейшей магистралью России. В народе его называли «Великим Сибирским трактом», «государевой дорогой», «великим кандалным путем», «дорогой слез». По нему проехали тысячи землепроходцев, ученых, путешественников, купцов и конечно, ссыльных и каторжных. С конца XVII века их путь проходил через Пермь. В 1790 году через Пермь в сибирскую ссылку проехал А. Н. Радищев, автор критически настроенного к существующим в империи порядкам «Путешествия из Петербурга в Москву».

Кроме известных ссыльных, по этой дороге проходили тысячи безвестных арестантов, каторжан и ссыльных. В XIX веке ежегодно по тракту проходило примерно 18 тысяч арестантов [3]. Арестантский этап включал 100–200 заключенных, закованных в кандалы или связанных друг с другом веревкой. Конвойная команда состояла из солдат инвалидной пехотной части и конного казачьего отряда. При каждой конвойной команде обязательно был барабанщик, который должен был сигнализировать о приближении колонны.

По всему маршруту следования этапа находились этапные и полуэтапные тюрьмы и конвойные роты. Путь от Санкт-Петербурга до Иркутска занимал почти два года, поэтому через каждые 25–35 км находились специальные тюремного ведомства помещения для отдыха заключенных и солдат конвоя. Этапные тюрьмы на территории Пермской губернии находились в городах Пермь и Кунгур. При этапной тюрьме обычно была церковь, парикмахерская, баня, а в

полуэтапной – только комнаты для отдыха и столовая. Полуэтапные тюрьмы были в Кояново и Кыласово.

Пермская этапная тюрьма была построена в 1871 г. за городом на Сибирском тракте и первоначально называлась «пересыльным замком». Позднее Пересыльный замок был преобразован в Исправительное арестантское отделение. Ближе к городу расположилось здание конвойной роты.

Пермь являлась не только транзитным пунктом на пути неугодных правительству людей в Сибирь, в XIX веке город стал одним из центров польской ссылки. Массовая депортация поляков на восток страны началась в годы правления Николая I. В документах 1830–1831 гг. по Пермской губернии среди ссылных упоминаются «неблагонадежный духовный ксендз Корнелий Важинский», «высланный в Пермь под надзор полиции ксендз Куляковский», всего около 40 человек. Сопровождавший будущего императора Александра Второго в поездке по России С. А. Юрьевич в письме от 24 мая 1837 года пишет: «в Перми, как и в Вятке, нас завалили прошениями: здесь также многие живут поневоле; в особенности после польского мятежа сюда прислали много негодяев поляков, которые все просят Великого князя о возвращении на родину» [4].

В Перми с 1812 по 1814 гг. отбывал ссылку выдающийся российский государственный деятель и реформатор Михаил Михайлович Сперанский, обвиненный в государственной измене.

Недолгое время в Перми находился в ссылке А. И. Герцен. Разлука с домом, родными, нелегкий путь так повлияли на молодого революционера-демократа, что он написал: «Пермь меня ужаснула, это – преддверие Сибири, там мрачно и угрюмо». Особенно поразило столичного жителя, предложение хозяйки дома, где он квартировал, завести корову и огород. «Ха, ха, ха, да это чудо! Огород и корову, – я скорее заживо в гроб лягу» – писал своей сестре Александр Иванович. Но, тем не менее, пенитенциарное воздействие ссылки, пусть и в шутовском тоне проскользнуло в мыслях Радищева: «А что, в самом деле, бросить все эти высокие мечты, которые не стоят гроша, завести здесь дом, купить корову, продавать лишнее молоко, жениться по расчету и умереть с плюмажем на шляпе» [5].

Деятели большевистской партии также попадали в пермскую ссылку. Так, будущий нарком обороны советского государства К. Е. Ворошилов в 1912–1914 гг. находился в ссылке в Ныробе. Известный большевик и государственный деятель Яков Свердлов в 1906 г. был арестован в Перми за нелегальную политическую деятельность и заключен в пермскую тюрьму.

Известия о событиях февральской революции в Петрограде дошли до Перми в начале марта 1917 года. Власть в городе перешла в руки Комитета общественной безопасности, состоявшего из 4 кадетов, 2

эсеров, 2 меньшевиков и 1 беспартийного. Советская власть в Перми была провозглашена 23 ноября 1917 года на объединенном собрании Пермского, Мотовилихинского и Балашевского Советов рабочих и солдатских депутатов. 16 декабря 1917 года на Первом губернском съезде советов было провозглашено установление Советской власти в Пермской губернии.

При советской власти Пермь и Прикамье также использовалось как место политической ссылки. Первым ссылкой при новой власти стал брат российского императора Николая II – великий князь Михаил Александрович Романов. После восстания чехословацкого корпуса, он был расстрелян на окраине Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.

Первые декреты новой власти вызвали неоднозначную реакцию общества. В Перми одним из активных участников сопротивления советской власти стал епископ Андроник. После выхода Декрета об отделении церкви от государства школы от церкви, он обратился к верующим с воззванием сопротивляться захвату церковного имущества: «в случае нападения ... будет дан набатный звон колоколов. Стойте даже до смерти». Духовный архипастырь выступал в несвойственной ему роли политического вождя, что делало его опаснейшим врагом большевиков.

15 июня 1918 года он был арестован чекистами. На следующий день в Перми закрылись все церкви, началась «церковная забастовка», которая сопровождалась многочисленными митингами возмущенных прихожан. Несмотря на это, Андроник был расстрелян. Даже его убийцы отметили, что и перед лицом смерти владыка вел себя очень мужественно и не отказался от своих убеждений.

Красный террор еще никто не объявлял официальной политикой, но фактически пермские большевики его уже проводили. Пик красного террора в Пермской губернии приходится на сентябрь-октябрь 1918 года. Массовые расстрелы стали обычным явлением. Так, в Перми в начале октября 1918 года было расстреляно 37 человек, из них 5 священников. Накануне вступления в Пермь колчаковских войск, в ночь с 23 на 24 декабря, большевики перед своим уходом спустили в прорубь управляющего Пермской епархией соликамского епископа Феофана вместе с семьей протоиереев [6].

Весной 1919 года началось наступление войск Восточного фронта, и в результате упорных боев 1 июля 1919 года Пермь перешла в руки Красной армии. Уже на следующий день был сформирован губернский военно-революционный комитет (ВРК) во главе с В. Ф. Сивковым. Были воссозданы ЧК и сформированы части особого назначения (ЧОН). Газета «Красный Урал» с конца июля 1919 года регулярно публиковала списки контрреволюционеров, расстрелянных «за выдачу белым коммунистов, за принадлежность к тайной белогвардейской организации, за передачу сведе-

ний о Красной Армии противнику, за сотрудничество с белыми – службу в тех или иных учреждениях» [7].

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике не изменили репрессивной политики государства, но расстрелов стало значительно меньше. Северное Прикамье стало одним из мест политической ссылки.

С 1922 г. сюда начали ссылать членов бывших социалистических партий. Местом ссылки, помимо Перми, стали небольшие города на севере края: Соликамск, Усолье, Чердынь. 10 авг. 1922 принят декрет ВЦИК «Об административной высылке», который стал основным документом в борьбе власти с членами «антисоветских партий». В июне 1923 г. в Пермь прибыло в ссылку 89 грузинских меньшевиков, которых предполагалось отправить в Чердынь. К 1925 г. сложилась колония политссыльных в Чердыни (меньшевики, эсеры, анархисты), которые периодически устраивали акции протеста в защиту своих прав. В 1927 г. образуется армянская колония политссыльных в селе Кудымкар, центре Коми-Пермяцкого национального округа, в основном из членов партии Дашнакцутюн. Кроме армян были и бывшие члены партии эсеров. С конца 20-х в ссылку в Прикамье прибывают деятели партийной оппозиции, бывшие большевики. В апр. 1933 г. в ссылку в Чердынь прибыл видный партийный и государственный деятель В. В. Кураев. В июне 1934 г. в Чердынь прибыл известный поэт О. Э. Мандельштам, которому по болезни в июле заменили место ссылки на Воронеж. В январе 1935 г. в Чердынь сослан один из активных участников «Союза марксистов-ленинцев», известный партийный публицист М. Е. Равич-Черкасский. Крупным центром административной ссылки была Пермь. В 1928 г. здесь насчитывалось около 150 ссыльных. Среди них были религиозные деятели: А. М. Толстопятов и отец Тавриан (Батовский), М. И. Трусевич – бывший директор Департамента полиции, князь Н. Э. Голицин, деятели политических партий. К 1936 г. политссылка в СССР была ликвидирована, часть политссыльных направили в лагеря, часть расстреляли. Отдельные политссыльные появлялись в крае и в дальнейшем. Так, в 1940 г. в Пермь был выслан последний военный министр и командующий армией Латвии Х. И. Беркис.

В годы индустриализации советская власть столкнулась с нехваткой рабочей силы. Решение кадровых проблем нашлось в виде административного закрепления рабочей силы и широкого использования подневольного труда заключенных, спецпереселенцев. Это стало закономерным итогом внутренней политики советского правительства, сложившейся и проектируемой большевиками системы отношений государства и общества.

Первым опытом масштабного использования принудительного труда на территории Прикамья можно считать строительство

Красновишерского бумкомбината. С приходом на строительство Э. П. Берзина – кадрового чекиста – проблемы с рабочей силой решились путем создания в 1929 г. Вишерских лагерей особого назначения. Количество рабочих, занятых на строительстве и подсобных работах, увеличилось с 800 человек в апреле 1930 г. до 16 000 человек в сентябре 1931 г. [8]. Соответственно выросло и население Вишерских лагерей [9]. Значительное количество заключенных Вишерского лагеря были политическими. Например, будущий писатель В. Т. Шаламов был осужден за распространение «Завещания Ленина» на 3 года и работал на стройках Вишерского лагеря.

«Успешный» опыт использования труда заключенных на строительстве Красновишерского целлюлозно-бумажного комбината, который был построен за 18 месяцев вместо плановых 27 месяцев [10], дал пример многим организациям Прикамья. В местные органы власти, обкомы, райкомы, пенитенциарные учреждения от различных хозяйственных организаций стали приходиться заявки на рабочую силу из заключенных.

Уже в начале 1930-х гг. более 3 тысяч заключенных пермской колонии № 5 трудились на строительстве новых цехов Молотовского пушечного завода, на строительстве новых заводов – Суперфосфатного, № 19, комбината «К» [11]. В дальнейшем количество колоний и лагерей, заключенные которых были заняты на стройках и производстве постоянно росло.

Политические репрессии 1937–1938 гг. не обошли наш край. Особенностью массовых арестов в Перми стало то, что вышестоящее Свердловское НКВД присылало оперативные бригады для организации и обучению местных сотрудников. Свердловские сотрудники быстро внедрили метод ускоренного ведения следствия, фабрикации дел и т. д. Пермские сотрудники НКВД с готовностью восприняли новые методы и усердно их применяли. Массовые репрессии заделали все слои пермского общества – от директоров заводов и руководителей города, до чернорабочих и ассенизаторов.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в Молотовскую область [12] прибыли сотни промышленных предприятий с западных регионов страны, тысячи эвакуированных, музеи, театры. Среди эвакуированных были и заключенные прифронтовых лагерей и колоний. В УИТЛК Молотовской области были эвакуированы ИТК из Одесской, Сталинской, Полтавской областей УССР, Ленинградской, Курской, Карело-финской областей [13]. Уже в октябре 1941 года в колониях УИТК содержалось 21 862 заключенных [14]. К сентябрю 1941 года заключенные работали по контрагентским договорам на 13 предприятиях выполняющих военные заказы [15]. По июнь 1945 года ИТК г. Молотова и Кунгура произвели: 55,8 тыс. 50 мм мин; 2 145 тыс. 82 мм мин; 852,8 тыс. 120 мм мин [16]. В годы войны в Молотове появились конструкторские бюро, состоящие из заключенных.

В годы войны в Прикамье широко использовался труд «мобилизованных немцев» (с 1942), на 1 янв. 1944 г. в Молотовской обл. числилось более 30 тыс. немцев-трудармейцев. С 1944 г. в крае появляются депортированные греки, армяне, крымские татары, калмыки и представители др. народов.

В военное время продолжала действовать система политического контроля над населением. Были случаи и протестного поведения. В апреле 1942 года инженер-геодезист проектной конторы «Пермьнефть» В. И. Лаищев составил письмо-воззвание от имени Молотовского комитета партии «Народная воля», в котором призывал свергнуть власть. За годы войны в Прикамье было арестовано по политическим мотивам ок. 5 тыс. чел.

Победа в войне не оправдала ожиданий на перемены. В стране зрело недовольство сталинскими порядками. Осенью 1945 года группа пермских школьников создала «Независимую коммунистическую партию обновления», организаторы которой ставили целью не свержение власти, а возрождение коммунистических идеалов, от которых, по их мнению, отошло руководство страной. Руководитель кружка И. А. Зекцер, как несовершеннолетний, получил три года лагерей и ссылку [17].

После смерти Сталина репрессивная политика государства не изменилась. Так, в февр. 1958 г. был арестован заведующий кафедрой поисков и разведки полезных ископаемых Пермского университета И. П. Шарапов, обвиненный в антисоветской агитации и пропаганде. Областной суд приговорил его к 8 годам лагерей. В марте 1965 г. арестованы З. А. Троицкий, старший преподаватель юридического факультета Пермского университета и его жена Л. П. Троицкая, юристконсульт «Главзападуралстроя». Им предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, связях с эмигрантской антисоветской организацией – Народно-трудовым союзом. Зиновий Анатольевич был приговорен к 6 годам лагерей, Лидия Петровна к 3.

В 1970-е годы важным явлением общественной жизни в Советском Союзе становится движение диссидентов. Нашлись такие и в Перми. «Пермское дело» 1971 года довело до скамьи подсудимых пермяков Олега Воробьева и Рудольфа Веденева, которые в кругу своих знакомых критиковали советскую власть, распространяли самиздат, высказывались по поводу отсутствия политических прав и гражданских свобод, о необходимости борьбы против монополии на власть КПСС. Закрытый суд приговорил Воробьева к шести годам лишения свободы, а Веденева к трем годам лагерей [18].

С 1972 г. на Пермской земле появились специальные лагеря для политических заключенных – Пермь-35,36 и 37 (37-й в 1974 г.).

Пермский край и город Пермь большую часть своей истории были местами политической ссылки, тюремного и лагерного заключения. Для тысяч ссыльных и заключенных Пермский край стал

территорией страданий и несвободы. Эта история не забыта. Сейчас в Пермском крае действует Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», созданный на месте бывшего сталинского лагеря ГУЛАГа и политического лагеря, Просветительский центр «История тюрьмы НКВД № 2», расположенный в бывшей тюрьме и промышленной колонии сталинского времени. Ссылно-тюремная история Пермского края может служить напоминанием о страшных временах политических репрессий и способствовать тому, чтобы эти события никогда не повторялись.

Примечания

1. Велдыцкий Н. П. Ныробский узник. Березники, 1991.
2. Чагин Г. Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004. С. 197–198.
3. Шкляев Л. А. Сибирский тракт // Из истории Игринского района. Игра, 1995. С. 50.
4. Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб. 2009. С. 29–30.
5. Красноперов Д. Я увез из Перми воспоминание. Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем. Пермь, 1989. С. 68–69.
6. Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь, 2000. С. 165.
7. Там же. С. 192.
8. 18 месяцев, которые создали комбинат «Вишхимз». Красновишерск, 1933. С. 38.
9. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М.: Звенья, 1998. С. 185.
10. Тиунов В. Индустриальные пятилетки Западного Урала. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1977. С. 70.
11. Из «Выводов по проверке работы 5-й исправительно-трудовой колонии. 19.08.1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 28. Л. 31.
12. С 1940 по 1957 гг. Пермь называлась Молотовым.
13. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1988. Л. 66.
14. Суслов А. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) // Годы террора. Пермь. 1998. С. 176.
15. ПермГАНИ. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 1. Л. 138.
16. Там же. Л. 12–19.
17. Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 г. Пермь, 2007. С. 282, 384.
18. Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь, 2000. С. 301.

Стрекалова Е. Н.

**Политическая составляющая в репрессиях
по отношению к технической интеллигенции
в 30-е гг. XX века (на материалах Северного Кавказа)**

Сталинское время прочно связано с репрессиями и в народной памяти и в профессиональной историографии. Изучение причин и последствий репрессивной политики советской власти в 30-е годы XX в. вызывает неизменный интерес в современной отечественной науке вот уже на протяжении более двух десятков лет. Можно отметить переход от эмоционального накала первых публикации в этой тематике позднего перестроечного времени к более углубленной и взвешенной оценке различных сторон репрессий. Доказательством этого может служить сборник материалов всероссийской научной конференции «Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России» (Самара, 2009). Работы исследователей показывают и новый уровень анализа проблем репрессивной политики сталинского времени, и возможности открывающихся архивных фондов, позволяющих выявить даже биографические детали репрессированных по громким процессам 1930-х годов.

Однако репрессии в отношении технической интеллигенции Северного Кавказа остаются малоизученной проблемой. В региональной историографии второй половины XX в. специалисты, изучавшие историю формирования национальной интеллигенции региона в первые десятилетия советской власти (такие как: Бекижев М. М., Каймаразов Г. Ш., Халидов Д. Ш. и др.), в силу особенностей времени и идеологических обстоятельств даже не ставили задачу изучения репрессий [1]. Практически единственной работой, посвященной судьбам репрессированной технической интеллигенции на Северном Кавказе, стало исследование 1993 г. ростовского ученого С. А. Кислицына «Шахтинское дело (Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР)» [2]. Однако книга охватывает достаточно узкий промежуток времени с «шахтинского дела» 1928 г. и включает начало 30-х гг., а техническая интеллигенция региона серьезно пострадала от репрессий и во второй половине 30-х годов.

Действительно «шахтинское дело» стало символом начавшихся репрессий. На страницах газеты «Молот» – официальной газеты Северо-Кавказского края, на тот момент включавшего территории Ростовской области, Краснодарского, Ставропольского краев и всех национальных территорий Северного Кавказа, из номера в номер в апреле–мае–июне 1928 г. разворачивались обвинения в адрес «контрреволюционной организации инженеров и техни-

ков» каменноугольных шахт г. Шахты. К суду было привлечено 37 инженеров и 3 техника, среди них трое подданных Германии. Специалисты-иностранцы попали на работу в каменноугольную промышленность небольшого городка между Ростовом-на-Дону и Новочеркасском в ходе сотрудничества с немецкой фирмой «Всеобщей компанией электричества», поставившей оборудование на многие шахты Северо-Кавказского края и в другие районы страны. Специалисты старой России, а доминирующая часть из попавших под суд начинали карьеру инженеров в царское время, обвинялись в «верности своим дореволюционным хозяевам шахт», при этом все неполадки на шахтах были сведены к умышленному вредительству, сопротивлению советской власти, порче имущества и получении вознаграждения за свои действия от своих бывших господ из-за границы [3].

Необходимо отметить, что горнодобывающая промышленность Донбасса и г. Шахты, в частности, страдала от множества неполадок. Шахты длительное время не обновлялись технически и поэтому поломки были обычным делом. Однако факты технических поломок в силу технической безграмотности или бесхозяйственности имелись по всей стране. Появлению «шахтинского дела» способствовала частота аварий и активность ростовского отдела ОГПУ Северо-Кавказского края [4].

При всей сложности технической стороне дела вина специалистов оценивалась с политической точки зрения. Как говорил Сталин, у дела «классовая сущность» [5]. Дело получило широкую огласку на всю страну и решало именно политические задачи. 1928 г. стал кануном «великого перелома», годом окончательного свертывания НЭПа и началом советской модернизации и в сельском хозяйстве и промышленности.

Большая часть интеллигенции к концу 20-х гг. смирилась с советской властью и включилась в работу по восстановлению экономики страны, но не могла отказаться от свойственного образованной части общества осмысления происходящих в стране событий. У многих представителей технической интеллигенции доминировал скептический взгляд на характер индустриализации и предполагаемые темпы промышленного рывка. Подозрительность ко всем техническим специалистам, появившаяся после этого процесса, ставила их в ранг «постоянно подозреваемых», нагнетала обстановку в стране и наносила удар по сторонникам реформирования НЭПа, «правой оппозиции» во главе с Н. И. Бухариным [6]. Создавая образ «инженера-врага», «инженера-вредителя», сторонники чрезвычайных, ускоренных мер в индустриализации страны получали веский аргумент в свою пользу и защищали общественное мнение от критики планов и темпов индустриализации со стороны образованной технической интеллигенции.

Ситуация вокруг технических специалистов на предприятиях складывалась весьма неблагоприятная для производства. Официальные власти, что следует из доклада главы правительства А. И. Рыкова по «шахтинскому делу» 13 апреля 1928 г., призывали создавать «благоприятную обстановку для работы преданных советской власти специалистов», поскольку «они перешли к искреннему сотрудничеству с советской властью». При этом весте «систематическую борьбу с недоброкачественными саботажниками» и ускоренно готовить новых специалистов из рабочих и крестьян [7]. «Выдвинуть рабочих и дать им образование», с помощью новых специалистов «подвинуть» на производстве техническую интеллигенцию старой России.

Рабочие с подозрением относились к «технарям», к «спецам». Недоверие рабочих к интеллигенции поддерживали периодически проходившие чистки аппаратов предприятий. Большую роль здесь сыграли доносы, личное сведение счетов, неосторожно оброненные слова специалистов, в которых можно было заметить неодобрительное отношение к советской власти. Тем более перед проведением чисток комиссия объявляла о приеме жалоб на должностных лиц с гарантией сохранения конфиденциальности доносов [8].

На многих предприятиях Северного Кавказа нашлись ситуации, «характеризующиеся классовой борьбой между консервативными старыми и молодыми советскими специалистами», и первые зачастую теряли работу. Основанием для увольнения с работы, как показывают дела по «вычищенным» окружным отделам труда, служили подобные формулировки: «работает как частный работник, спустя рукава»; «к советской власти лоялен, но общественной работы не ведет»; «общения с массами не имеет, избегает вести лекции для рабочих» и т. д. [9]. Тщательные проверки личного состава начались повсюду. На инженеров и техников собирались личные дела с послужным списком, а также суждения, слухи о них в трудовых коллективах. Специалисты находились под пристальным контролем, их слова становились известны в профсоюзах, партийных ячейках, в ОГПУ. Так, на инженера Григорьева, проходившего по Кубанскому отделу труда, приводились следующие данные: «на мероприятия, проводимые партией и советской властью, смотрит с отвращением», «все время был среди рабочих, в рабочей среде, но смотрел на рабочих как на что-то негодное, некультурное», «когда ему предложили прочитать лекцию в красном уголке на заводе для рабочих, он заявил: «Что я буду там делать в вашем красном уголке?» И хорошая добросовестная работа Григорьева как специалиста-инженера не спасла его от увольнения [10].

Однако в соответствии с инструкцией по проверке аппарата Северо-Кавказского края 1929–30-х гг. в случае увольнения специалиста при невозможности найти ему замену на рынке труда,

при отсутствии представителя нужной квалификации, его могли оставить на работе до подыскания замены. Принятое решение партийных органов объяснялось дефицитом кадров технической интеллигенции в регионе. Потребность предприятий в технических специалистах ощущалась на протяжении всех 20-х гг., а с началом переломной пятилетки стала особенно острой. В связи с этим многие специалисты продолжали длительное время работать на предприятиях, где считались «ненадежными элементами» и примеров тому множество [11].

Анализ дел по чистке 1929–30 гг. показывает, что увольнявшие многих специалистов продолжали руководствоваться «классовым подходом». Скрываемое многими представителями технической интеллигенции дворянское происхождение, возвращение из-за границы после гражданской войны, участие в белом движении становились причиной лишения работы даже тогда, когда в их труде нуждались [12]. Так, в 1929 г. в Краснодаре был снят с работы по доносу о его дворянском происхождении с запретом работать во всех советских учреждениях один из трех технических работников завода им. Калинина [14].

В ходе разбирательств и многочисленных обсуждений «шахтинского дела» рабочие оказались в роли тех, кто «не заметил» «вредительской шайки инженеров» якобы «орудовавшей более шести лет в крупном пролетарском районе». Рабочих, как и местные ячейки партии, профсоюзов, обвиняли в отсутствии «классового чутья» [14].

С формального одобрения властью поиска «вредителей» рабочие активно стали пользоваться своим «классовым чутьем». Свидетельством могут служить выступления на Пленуме Северо-Кавказской организации ВКП(б) по «шахтинскому делу» в ходе которого рабочий из Грозного заявил, что хотя он не знает никаких цифр о работе грозненской промышленности, но вредители, вероятно, есть и их нужно разоблачать. Еще один участник пленума – выдвигенец без какого-либо технического образования без смущения объявил себя знающим гораздо больше многих «спецов» [15]. В Грознефти, по обследованию 1928 г., правление решало вопросы технического характера без привлечения специалистов. Они формально соглашались со всем [16]. Усиление нагрузок на производстве, более жесткие требования качества, исходившие от технического руководства, становилось причиной того, что «инженеры рассматривались рабочими как эксплуататоры рабочего класса» [17].

Результатом политических процессов над специалистами (к ним, кроме «шахтинского дела», можно отнести и процессы над «Промпартией», «Трудовой крестьянской партией» и др. прогрессивными по стране в начале 30-х гг.) стало усилившееся напряжение в отношении между специалистами и рабочими на предприятиях. Комиссия наркомата Рабоче-крестьянской инспекции о положении

технической интеллигенции выявила летом 1928 г. усиление «анти-спецовских» и «спецеедческих» настроений на фоне общего недоверия к специалистам» [18].

Кроме того, авторитет специалистов подрывался местными и центральными средствами массовой информации. В частности, в апреле 1928 г. краевая газета «Молот» писала, что специалисты – это «господствующая каста людей», от которой все зависит. Они подменяют всех при утверждении проектов, «разобщают рабочих», нацеливая на увеличение зарплаты, заботятся только о материальной выгоде [19]. Атмосфера недоверия, подозрительности и откровенной враждебности окружали технических специалистов. Масса постановлений местных и центральных партийных органов посвящалась борьбе со «спецееством», однако на практике наблюдался обратный процесс. Рабочие перестали доверять специалистам.

Надо сказать, что эти взрывы «спецеества» – враждебного антиинтеллигентского настроения, имели глубокие корни и имели место по всей стране уже с начала 20-х годов и проявлялись достаточно остро в регионах, сосредотачивавших очаги промышленности: на Урале, в Центрально-промышленном районе и т. д. [20]. Северный Кавказ не стал исключением.

В целом, под влиянием революции 1917 г. и общественной пропаганды термин «интеллигенция» приобрел негативную окраску. Распространившийся с начала 20-х годов термин «специалисты» отражал реальную установку на вытеснение старой интеллигенции из общественной жизни страны. В народной среде появилось полупрезрительное обращение – «спец». В 1925 г. журнал «Инженерный труд» напечатал статью инженера, который писал о противоречии в положении специалистов: «Вроде бы специалист полезен обществу, но реально отношение к нему через 8 лет революции все еще враждебно. Для обывателя тот, кто чисто одет, не занимается физическим трудом, кто по-книжному разговаривает, тот «начальник, барин, буржуй, для рабочих это и есть спец» [21].

Действительно, до 1917 г. техническая интеллигенция выступала от имени капиталистов-работодателей и представлялась рабочим враждебной. Ее образование, культура поведения, высокий материальный уровень и, главное, обладание административными, командными, властными функциями служили поводом к сравнению инженера с «баринством, буржуем». В период НЭПа и обострения ненависти к новой буржуазии – нэпманам это было особенно актуальным.

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в 1923 г. отмечал «спецеество» как «недопустимый минус» в работе завкомов предприятий и постановил принять срочные меры к «устранению розни и пренебрежительного отношения и к интеллигенции и к объединяющим ее союзам». В 1924 г. на объединенном заседании фракций ВКП(б) промышленности Краснодара прозвучало, что в Кавгидрострое,

Электротресте, Дорожном тресте «засилие и бесконтрольность высшей степени беспартийных спецов». 24 мая 1927 г. в Ставрополе на общем собрании строителей рабочие для достижения своей цели при урегулировании конфликта грозили «перебить всех инженеров и техников» [22]. Стремление инженеров улучшить дисциплину, уволить прогульщиков и пьяниц, внедрить новый метод в производстве воспринимались рабочими враждебно. По данным Межсекционного Бюро профсоюзного органа инженеров и техников, письма инженеров из всех частей страны свидетельствуют о фактах избиения, многочисленных попытках убийства, оскорблениях, невыполнении необходимых, по мнению специалистов, работ. Подобные факты, кроме назидательного запрета, для рабочих никаких последствий не имели. Безнаказанность оскорбляла специалистов. За избиение инженера рабочий получал строгий выговор [23].

Низкий культурный уровень рабочих был главной причиной презрительного и пренебрежительного отношения к технической интеллигенции. Сыграла свою роль грубость некоторых специалистов и разительный контраст в материальном положении рабочих и инженерно-технического персонала. Одновременно «спецеество» было вызвано возрождением ненависти к новой буржуазии в период НЭПа. Совершенно точно можно сказать, что сохранение «спецеества» было выгодно и формирующейся командно-административной системе. Это подмечали и современники. Так, председатель Северо-Кавказского исполкома Богданов, сам инженер по образованию, в «кратком соображении» на имя Сталина, Рыкова, Томского, Дзержинского в 1926 г. писал, что одного постановления для создания «нормального» отношения к специалистам мало. Циркуляры не решат проблемы, когда пренебрежительные фразы о специалистах слышатся «в Кремле от ответственных лиц» [24]. Он имел в виду постановление от 11 сентября 1925 г. «О работе среди специалистов». Оно являлось официальной реакцией власти на усилившиеся «антиспецовские» настроения на местах. Постановление устанавливало невозможность отношения к специалистам на основе их классового происхождения [25]. Исследование показывает незначительный результативный эффект этого постановления для прекращения «спецеества». По сведениям Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в 1928 г. в ряде мест Черноморья, Грозного «антиспецовские» настроения не встречали отпора со стороны партийных организаций.

Реальность была сложнее, нежели пункты постановления. Негативное отношение рабочих к специалистам становилось гарантией для власти безопасности от распространения критики со стороны интеллигенции. Более того, латентное подозрительное отношение к интеллигенции в 20-е гг. подготовило восприятие обществом репрессий в отношении этой социальной группы. Власти было о чем

беспокоиться. По инспекции наркомата Рабоче-крестьянской инспекции 1928г., среди специалистов, особенно руководящей части, было широко распространено мнение о невозможности экономического прогресса в условиях государственного хозяйства [26]. Устрашением против сомневающихся в среде технической интеллигенции стали репрессии, чистки и начало этому процессу положило «шахтинское дело» 1928 г.

Репрессии против инженерно-технических специалистов в конце 20-х гг. были напрямую связаны с переходом к ускоренной индустриализации. Однако политические процессы и репрессии против технической интеллигенции имели для производства отрицательные последствия. Они посеяли в среде специалистов неуверенность, страх, незащитность, нежелание брать на себя ответственность за принятые решения, на производстве – текучесть кадров. Об «упадническом» и «паническом» настроении специалистов, мешающем плодотворно работать вследствие разоблачения инженеров-вредителей, сообщили многие партийные ячейки предприятий [27].

Особенно показательной была ситуация на Таганрогском авиационном заводе летом 1928 г., где были приостановлены испытания взрывателей и снарядов вследствие «перенесенных за последние четыре месяца событий политического характера». Испытания конструкторских разработок затягивалось по причине боязни специалистов. Любая техническая ошибка могла рассматриваться как вредительство, эти опасения привели к срыву планов по выпуску новых видов вооружения. Частично был потерян и состав технических специалистов, а новые боялись ехать на завод [28].

«Паническое» настроение специалистов, возникшее вследствие обвинений политических процессов, репрессий в отношении технической интеллигенции, порождало страх, который прочно обосновался в среде интеллигенции. Об этом говорят протоколы заседаний и решений собраний ячеек инженеров и техников при различных профсоюзах. Они естественно и закономерно стремились отмежеваться от фактов вредительства. Наверняка было справедливое возмущение якобы выявленными актами вредительства. Но некоторые формулировки решений секций инженеров и техников при профсоюзах показывают, насколько сильным было общественное давление и психологический страх быть объявленным «вредителем». Например, секция инженеров и техников коммунального хозяйства Северо-Кавказского края 2 апреля 1930 г. «клеимла позором жалких героев вредительских организаций», «призывала честным инженерам и техникам теснее сплотиться вокруг рабочего класса, вокруг генеральной линии партии». Вершиной клятв в преданности советской власти было «ходатайствовать перед рабочими и фабриками СССР о награждении ОГПУ орденом Ленина» за обнаружение вредителей [29].

Первая волна репрессий в отношении технической интеллигенции постепенно угасла к концу первой пятилетки. Знаменитый сталинский лозунг 1935 г. – «Кадры решают все» – показывал значимость технической интеллигенции в обществе и ее возросший социальный статус. Интеллигенция в большинстве своем уже состояла из специалистов, подготовленных советской школой из рабочих и крестьян. Расширились категории лиц, желающих получить техническое образование. Исследователи говорят о формировании к середине предвоенного десятилетия единого слоя советской интеллигенции, куда вошли и старые специалисты. О. В. Крыштановская, изучавшая чрезвычайно сложный процесс «ассимиляции» старых специалистов в новую социальную структуру, справедливо заметила, что он проходил чрезвычайно сложно. Прежде всего в силу политических условий и того, что «миссия технической интеллигенции заключалась в одновременном руководстве гегемоном и подчинении его воспитательного воздействия» [30].

Во второй половине 30-х годов техническая интеллигенция в большинстве своем состояла из специалистов, подготовленных советской системой. Однако репрессии вновь ударили по техническим специалистам в период «большого террора». В конце 1936 г. по стране прокатилось эхо «ростовского дела», об орудовавших на угольных предприятиях Азово-Черноморского края врагах из числа специалистов [31].

Дело в том, что в условиях форсированной индустриализации на техническую интеллигенцию возлагалась огромная работа и ответственность. Кроме непосредственной деятельности на производстве львиную долю времени специалистов занимало составление планов, проектировок, отчетов. Вследствие этого рабочий день 70 % технического персонала далеко превышал 8 часов и достигал 11–12. Повсеместно особую роль приобретали технические совещания, комиссии, советы и т. д., где большая часть состава была из инженеров и техников. Они становились одновременно и экспертными, и гарантийными органами. От решения технических совещаний на уровне треста, исполкома, местного управления промышленности зависело принятие проекта, оценка его качества, готовности к выполнению, сроков реализации [32].

Одновременно в оценке высоких достижений промышленности, встречающихся в печати того времени, значительная роль специалистов-техников в этом процессе оставалась в тени. Например, достижение результатов нефтяной промышленностью Грозного первой пятилетки в 2,5 года оценивалось как правильность генеральной линии партии, определившей основные направления технической политики и «мобилизовавшей всех членов партии на разрешения конкретных технических проблем» [33]. Государственные инвестиции в грозненскую нефтяную промышленность в 560 млн рублей в годы первой пятилетки, безусловно, сыграли основопо-

лагающую роль в достижении высоких темпов и результатов. Но ведь освоение новой техники произошло благодаря техническим специалистам.

Реальные достижения производственной работы специалистов сплетались воедино с издержками утверждавшейся командно-административной модели управления. Жесткое подчинение прямому адресному и централизованному планированию с почти полным устранением самостоятельного начала из деятельности предприятий, с абсолютным господством директивных методов – такая система достаточно жестко влияла на работу технической интеллигенции. За невыполнение конкретных задач в установленные сроки к техническим кадрам могли применяться различные санкции: увольнения с работы, перевод на второстепенные должности. Так, только за 1939 г. на предприятиях тяжелой промышленности было 2665 инженеров и техников, перемещенных на второстепенные должности и потерявших работу [34].

Не стоит забывать, что своевременное выполнение директив не всегда зависело только от технического руководства, но и от задержки с финансированием, поставкой материалов и т. д. Наблюдалась тенденция, когда прорыв на производстве чаще всего сводили к заострению внимания на плохом руководстве производством инженерами. Так, при выполнении строительства всего на 40 % на Котляревском птицекомбинате в 1934 г. собирались уволить директора, но он обещал в сжатые сроки все исправить. Работу потерял главный инженер, хотя он выполнял работы под руководством директора, но спрос с него оказался строже [35].

На Северном Кавказе специалистов-врагов нашли на Беслановском маисовом комбинате в Северной Осетии, Дагестанском стекольном заводе, в консервной, нефтяной, цветной промышленности Орджоникидзевского края. «Выяснилось», в частности, что техническая интеллигенция в Карачаевской автономной области тщательно скрывала богатства недр, намеренно срывала исследования. Одна партия варенья, в которую попали осколки стекла, дала возможность подозревать инженерно-технический персонал Ставропольского консервного завода во вредительстве, в «троцкистско-фашистском пособничестве» [36]. Таких разоблачений было множество.

Надо заметить, что изучение вопроса о размахе репрессий до сих пор, несмотря на формальную открытость архивов и снятие грифа «секретно» с многих документов, вызывает у исследователей сложности. Источниковая база недостаточна. Региональная пресса того времени восполняет пробелы в выявленных архивных данных и красноречиво передает разоблачительную мистерию, в частности, в среде технической интеллигенции. Периодические издания дают возможность представить атмосферу того времени. Примерами «удачного» поиска врагов народа на предприятиях региона пестрят номера

«Орджоникидзевской правды» за 1937–38 гг. Люди того времени, как представляется, ощущали себя в осажденной крепости: вокруг были «враги народа». В риторике газетных статей четко выделяется героика процессов над вредителями. Символом героизма официальная пресса представляет чекистов. Им предписывалась главная функция по обеспечению безопасности социализма – «качать железной рукой». Не случайно в 1937 г. на двадцатилетие ВЧК-ОГПУ-НКВД «Орджоникидзевская правда» писала, что именно благодаря этим органам была раскрыта широкая «троцкистско-бухаринская, шпионско-вредительская агентура в СССР». НКВД назывался «любимым детищем советского народа» [37].

Очевидно, что причина этих репрессий заключалась не в буржуазном происхождении интеллигенции. В этом смысле показательны слова из работы 1939 г. М. И. Калинина. Говоря об интеллигенции как о злободневном вопросе, он отмечал, что недоверие к специалистам по-прежнему осталось. Более того, «люди, работавшие по-стахановски на заводах, а потом направленные в вуз для получения образования, «перестают быть настоящими людьми – становятся людьми второго сорта» [38]. Эта фраза одного из руководителей государства, более чем парадоксально звучащая в контексте решений XVIII съезда, провозгласившего появление социальной группы советской интеллигенции из рабочих и крестьян, показывает противоречивость социального положения интеллигенции. Специалисты-враги стали жертвами и фактором укрепления командных форм управления в производственной сфере, в наиболее важной сфере для преодоления индустриальной отсталости страны.

Примечания

1. Бекижев М. М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941). Черкесск, 1978; Каймаразов Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. По материалам Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушской АССР. М., 1988; Халидов Д. Ш. Особенности развития инженерно-технической интеллигенции Дагестанской АССР // Профессиональные отряды интеллигенции. М.: 1985. С. 43–52; Герандоков М. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. (1917–1940 гг.) Нальчик, 1975; Джамбулатова З. К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 гг.). Грозный, 1974 и др.

2. Кислицын С. А. Шахтинское дело. (Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР) Ростове / Д., 1993.

3. Молот. 1928. 9 мая. С. 1.

4. Кислицын С. А. Шахтинское дело. (Начало сталинских репрессий... С. 10–11.

5. Молот. 1928. 10 апреля. С. 1–2.
6. Шубин А. В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 193–195.
7. Молот. 1928. 13 апреля. С. 1–2.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО) Ф. 7. Оп. 1. Д. 938. Лл. 37–38; Д. 717. Л. 4–8.
9. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК), Ф.Р. 379. Оп. 1. Д. 13. Лл. 14. 16; Ф. Р. 226, Оп. 2. Д. 50, Лл. 123–179.
10. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф.Р.-3555. Оп. 1. Д. 18. Л. 92.
11. ГАКК, Ф.Р. 379. Оп. 1. Д. 13. Л. 14–16.; Оп 2. Д. 11. Л. 113–116.; Ф.Р. – 226. Оп. 2. Д. 50. Лл. 2–13.
12. ГАКК, Ф.Р. 226. Оп. 2. Д. 58. Лл. 2–3.
13. ГАКК, Ф.Р. 379. Оп. 1. Д. 13. Лл. 2–3 об.; Ф.Р. – 226. Оп. 2. Д. 11. Л. 123–179.
14. ГАРФ, Ф.Р.-5451. Оп. 12. Д. 544. Л. 2
15. Кислицын С. А. Шахтинское дело. (Начало сталинских репрессий... С. 38–39.
16. ЦДНИРО, Ф. 7. Оп. 1. Д. 788. Л. 49.
17. РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 85. Д. 314. Л. 6.
18. ЦДНИРО, Ф. 7. Оп. 1. Д. 788. Л. 133–116
19. Молот. 1928. 25 апреля. С. 3.
20. Суслов А. Б. «Спецеедство» на Урале в 20-е гг. // Интеллигенция в политической истории XX века. Иваново. 1993. С. 122.
21. Что такое «спец». // Инженерный труд. 1925. № 2. С. 6.
22. ЦДНИРО, Ф. 7. Оп. 1. Д. 113. Л. 37. ЦДНИКК. Ф. 8, Оп. 1. Д. 43. Л. 135.; ГАРО, Ф. Р. 3707. Оп. 1. Д. 80. Л. 80.
23. ГАРФ, Ф. Р. 5451. Оп. 10. Д. 1007. Л. 19–20.
24. ЦДНИРО, Ф. 7, Оп. 1. Д. 938. Лл. 37–38; Д. 717. Л. 4–8.
25. ГАРФ, Ф.Р. 5451, Оп. 10. Д. 1007. Лл. 47–47 об.
26. РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 85 Д. 314. Л. 6; ГАРФ, Ф. Р. – 5451. Оп. 10. Д. 7. Л. 47.
27. ЦДНИРО, Ф. 7. Оп. 1. Д. 788. Л. 1–116; ГАКК, Ф. Р. 379. оп. 1. Д. 13. Л. 93.
28. ЦДНИРО, Ф. 7, Оп. 1. Д. 788. Л. 133–116;
29. ГАРО, Ф.Р.-3707. Оп. 1. Д. 143. Л. 4–8.
30. Крыштановская О. В. Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. С. 88.
31. Лопатин Л. Н. Формирование псевдоинтеллигенции как способ укрепления командно-административной системы...// Интеллигенция в советском обществе. Меж. сб. науч. трудов. – Кемерово, 1993. С. 140.
32. ГАРО, Ф. Р 1855. Оп. 1. Д. 8. Л. 3; Д. 7. Л. 18; Д. 5. Л. 8; Д. 19. Л. 1; Д. 73. Л. 64; РГАЭ, Ф. 7734. Оп. 4. Д. 80. Лл. 21–22; Ф. 3700. Оп. 4. Л. 28; Д. 113. Л. 1–56; ГАКК, Ф. Р 262. Оп. 1. Д. 15. Лл. 1–12.
33. Грозненский рабочий. 1932. 13 января. С. 2.

34. Центр документации новейшей истории Ставропольского края (далее ЦДНИСК), Ф. 1. Оп. 1. Д. 660. Л. 17 об.

35. ЦДНИСК, Ф. 1 Оп. 1 Д. 24 Л. 63; Ф. 5938. Оп. 1. Д. 34. Л. 236; Грозненский рабочий. 1932. 3 января. С. 3. Власть советов. 1930, 16 ноября. С.

36. Орджоникидзевская правда. 1937. 16 мая. С. 3. 12 мая. С. 1.; 1937. 12 мая. С. 1.; 1937. 19 ноября. С. 1.; 1937. 20 декабря. С. 1.; 1937. 21 декабря. С. 2.

37. Орджоникидзевская правда. 1937. 1–3 сентября. С. 2.

38. Калинин М. И О задачах советской интеллигенции. М., 1939. С. 1–5.

Татаринов И. Е.

Масштабы потерь немецкого и польского населения Украинской ССР в годы «Большого террора»

Сегодня одним из наиболее актуальных направлений исследований является изучение предпосылок, механизма проведения и масштабов национальных операций НКВД в годы Большого террора. Историков волнует вопрос: почему за годы советской власти немецкое и польское населения в Украине сократилось в десятки раз? Чем обусловлен тот факт, что согласно переписи 1937 года на территории Украинской ССР проживало более 408 тыс. этнических немцев (1,5 % населения), тогда как по последней переписи 2001 г. их численность не превышает 33 тысячи (менее 0,1 % от всего населения Украины)? Почему количество польского населения в 1937 году составляло 417 тыс. (1,5 %), в то время, как сейчас – около 144 тысяч (0,3 %)?

После распада СССР введение в научный оборот новых документов значительно расширило поле деятельности для исследователей политических репрессий. Национальная составляющая Большого террора прослеживается в трудах как отечественных, так и западных историков. В частности, следует отметить работы С. Кокина, Т. Мартина, В. Никольского, Н. Охотина, А. Рогинского, Н. Петрова, А. Рублева и В. Репринцева, Т. Снайдера [1] и др.

Не секрет, что поляки и немцы виделись Сталину одними из самых неблагонадежных наций. Причинами этому могут быть многолетние предрассудки и негативные стереотипы со времен царской России вместе с личными впечатлениями «вождя народов» во время польско-советской войны. Как и активность польской и немецкой разведок на территории страны в комплексе с недружественной политикой западных соседей. Все эти обстоятельства еще более усиливали подозрительность И. Сталина. Следует также отметить, что

немцы и поляки среди всех национальностей СССР наименее подходили для строительства «советского человека». Фактически уже в начале 1930-х среди руководства страны четко прослеживалось особенное отношение к некоренным национальностям. Парадокс: на фоне роста культа личности Сталина как «вождя народов», в отношении некоторых нацменьшинств с 1930-х открыто предпринимались действия репрессивного характера, что напрямую противоречило большевицкому «интернационализму» и широко пропагандируемой «дружбе народов».

В конце 1934 года на основании телеграммы ЦК ВКП(б) специально созданной комиссии поручили пересмотреть руководящий состав польских и немецких районов. Одновременно туда отправили партийных работников с целью объяснять населению, что «советская власть не потерпит малейших попыток антисоветских действий и не остановится перед тем, чтобы отказать им в проживании и изгнать из пределов СССР» [2]. Отмечалось, что в приграничных районах, где есть компактные массы польского и немецкого населения, необходимо определить села, откуда выселить единоличников, «злостно не выполняющих своих обязательств перед государством, и неблагонадежных в условиях пограничной полосы колхозников» [3]. 23 декабря 1934 года С. Косиор направил И. Сталину докладную записку с мерами по очистке пограничной полосы от «неблагонадежного и антисоветского элемента» в районах с польским и немецким населением. Планировались чистки по линии НКВД с высылкой их на север страны и переселение на восток УССР части единоличников. С 20.02 по 10.03 из приграничных районов Киевской и Винницкой областей в восточные области УССР переселили 41 650 чел. (8329 семей), где 60 % составляли поляки (2886 семей) и немцы (1903 семей) [4].

Не остались в стороне от этих процессов и органы безопасности республики. НКВД УССР используя методы запугивания и физического давления на подследственных, силой выбивали «неопровержимые доказательства» вредительства. Считали, что засоренность национальных районов антисоветским элементом и сосредоточения решающих участков на местах в руках явных или скрытых антисоветчиков – явления генетического порядка. «Неопровержимые аргументы» НКВД о контрреволюционной сущности польских и немецких национальных районов, его засоренности социально чуждым элементом и пораженности руководящих структур района шпионами и вредителями основывались на «добровольных признаниях» самих «контрреволюционеров» и «вредителей» [5]. Как результат – 17 августа 1935 г. Постановлением Политбюро ЦК КП(б) «О Мархлевском и Пулинском райснах» польский Мархлевский и немецкий Пулинский районы расформировывались «в связи с экономической слабостью», «неудобством обслуживания МТС, административной чересполосицей». Секретарю ЦК КП(б) У. Н. Попову и наркому внутренних дел

УССР В. Балицкому поручили «на основании материалов НКВД разработать проект докладной записки в ЦК ВКП(б) о ПОВ и о связи членов этой организации с отдельными лицами из польской секции Коминтерна. На начало 1936 г. проект записки был готов.

Выступая на январском Пленуме ЦК КП(б) У (1936 г.) во время обсуждения доклада П. Постышева «Об итогом проверки партдокументов КП(б)У и задач партийной работы», глава НКВД УССР В. Балицкий заметил: «...На Украине мы, прежде всего, встречаемся с фашизмом польским и немецким. В немецких районах мы работаем все еще слабо... На подрывную работу немцев-фашистов мы должны обратить особенное внимание... При этом Балицкий указал на особый интерес Гитлера к приграничным районам Украины (Правобережью), обосновав это существованием четырех немецких нацрайонов, и реальной возможностью создания в тылу фашистских «опорных пунктов». Планировалось в течение 1936 г. переселить 15 тыс. семей (около 45 тыс. чел.) из Киевской и Винницкой областей в Казахстан. В первую очередь переселению подлежали все поляки, проживавшие в 800-километровой полосе вдоль границы с Польшей, а также проживавшие вблизи укрепрайонов. В июне и сентябре 1936 г. из украинского приграничья было выселено 14048 семей (63 976 чел.), где поляки составили – 75,7 %, немцы – 23,4 %, украинцы – 0,8 % [6].

Следует отметить, что среди украинской партийно-номенклатурной верхушки прочно доминировала точка зрения относительно потенциального «вредительства» и «шпионажа» немцев. Так, член Политбюро ЦК КП(б) У, 1-й секретарь Днепропетровского обкома М. Хатаевич заявлял: «Немецкая и японская разведка имеют в области замечательную почву... В Запорожском районе живет 10 тыс. немцев. Мы знаем, что среди немецкого населения национальное чувство очень сильно развито, особенно много из них имеют привязанность к своему «фатерляндю», кто бы ни был – Гитлер или кто-либо другой... А из 10 тыс. человек найти людей для своей работы они смогут сколько угодно...» С обвинением в адрес немцев выступил и 1-й секретарь Донецкого обкома С. Саркисов. Он отметил, что «в вопросе разоблачения немцев-фашистов проведена большая работа. Немцы, которые переплетаются с фашистами, расставили свои сети на крупных электростанциях Донбасса. Фашистские группы разоблачены НКВД. Я думаю, что мы здесь должны пойти смелее по линии высылки немцев из Донбасса. Они нам не нужны. Наши хозяйственники обойдутся без них» [7].

К середине 1937 г. стало ясно, что мер, предпринятых в 1934–1936 гг. в отношении поляков и немцев, явно недостаточно. 20 июля 1937 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) И. Сталин поручил наркому НКВД СССР Н. Ежову дать приказ органам НКВД арестовать всех немцев, работавших на оборонных заводах и выслать часть из них за

пределы страны. К 25 июля оперативный приказ № 00439 был подготовлен и разослан по всем управлениям НКВД. С 29 июля начались аресты, которые к осени переросли в массовую карательную акцию.

Спустя две недели после начала немецкой операции 11 августа Ежов подписал оперативный приказ № 00485 «О полной ликвидации личного состава польской агентурной разведки, действующей в СССР». Наркомам НКВД республик, начальникам УНКВД разослали закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной и террористической деятельности польской разведки в СССР № 59098 от 11.08.1937 [8]. Нельзя обойти вниманием тот факт, что Н. Ежов гордился своим непосредственным участием в разработке приказа № 00485. Именно его рукой были очерчены основные аспекты документа. Приказ № 00485 создавал принципиально новый процессуальный порядок осуждения репресслируемого. Этот порядок в переписке НКВД вскоре стали называть «альбомным».

В оперативном приказе № 00485 перечислялись намеченные к аресту категории: выявленные на следствии и не разысканные активнейшие члены ПОВ; все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии; перебежчики из Польши; польские политэмигранты; бывшие члены ППС и других польских политических партий; наиболее активная часть местных националистических элементов польских районов. На следующий день НКВД УССР начало аресты. Так, о начале «польской операции» в Киевской области можно узнать из «Докладной записки об оперативно-следственной работе УНКВД Киевской области за время с 1.06.1937 по 8.01.1938» заместителя начальника УНКВД по Киевской области майора госбезопасности Бабича начальнику 8 отдела УГБ НКВД УССР лейтенанту госбезопасности Мунвезу. В ней указывалось, что на январь 1938 года в области «по польской линии» арестовали 6524 лица. Из которых осуждены по особым спискам 4954 человека (по 1-й категории – 4302 лица, по 2-й – 652 лица), «Тройкой» – 580 человек (по 1-й – 198, по 2-й – 382 лица) [9].

Особенно пострадала научно-техническая и творческая интеллигенция. Например, в сентябре 1937 г. арестовали директора Киевского польского театра А. Гордиенко, а 4 ноября он был приговорен к расстрелу и 14 ноября казнен. 19 октября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры осужден к расстрелу начальник участка инструментального цеха Ворошиловградского паровозостроительного завода В. Рунге. Особым совещанием при НКВД СССР 4.11.1937 г. выслан за пределы УССР инженер отдела технического контроля И. Швайцер, как и мастер новопаравозного цеха И. Фельдген (выслан 17.11.1937). Мастера-электрика этого же завода Ф. Принца Тройкой УНКВД в Ворошиловградской области от 25.09.1938 приговорили к расстрелу [11]. Пострадали от репрессий также учителя и преподаватели – украинцы, поляки, немцы, евреи. В частности, преподаватель

немецкого языка школы шахты № 4 г. Перевальска А. Паранчак Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26.09.1937 г. был приговорен к расстрелу и в тот же день казнен. Преподаватель немецкого языка Рубежанского химического института Ю. Бартманский Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 16.11.1937 г. был приговорен к расстрелу и 5.01.1938 г. казнен. Как и учитель немецкого языка Краснолучского энерготехникума Г. Шамзон (Тройкой Ворошиловградского УНКВД от 17.09.1938). Учитель сельской школы С. Недзельский Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 10.11.1937 был приговорен к расстрелу. Учителя Миргородской школы М. Дульского Постановлением НКВД и Прокуратуры СССР от 4.10.1937 также приговорили к расстрелу [12].

Среди наиболее пострадавших регионов Украинской ССР следует выделить Донецкую, Днепропетровскую, Киевскую, Житомирскую, Винницкую, Одесскую, Харьковскую, Луганскую области. По немецкой линии только в 1937 году в Донецкой области репрессировали 5732 немцев, или 35,3 % от общего числа репрессированных немцев, в Днепропетровской – 3689 (22,6 %), Одесской – 2380 (14,7 %), Житомирской – 1558 (9,6 %), Николаевской – 828 (5,1 %), Киевской – 629 (3,9 %), Харьковской – 409 (2,5 %). Число репрессированных в 1937 г. немцев по этим областям составило 93,7 %. Польская линия имела несколько большие количественные показатели. Наиболее интенсивно она проводилась в Житомирской области, где репрессировали 7799 поляков, или 25,6 % от всех репрессированных, Винницкой – 5486 (18 %), Донецкой – 3689 (12,1 %), Каменец-Подольской – 3123 (10,3 %), Киевской – 3058 (10 %), Днепропетровской – 3026 (9,9 %), Одесской – 1088 (3,6%), Харьковской – 900 (3%), Николаевской – 849 (2,8 %), Полтавской – 809 (2,7 %). Общее число репрессированных в 1937 г. поляков по указанным областям составило 98 %. Всего же по данным отчетов областных управлений НКВД на конец 1937 г. в УССР репрессировали 16 228 этнических немцев и 30 148 поляков [14].

Формально национальные операции НКВД должны были закончиться к концу 1937 года. Однако решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П57/49 от 31.01.1938 г. эти операции были продлены [16]. НКВД получил санкцию на продление до 15.04.1938 г. операций по «разгрому шпионско-диверсионных контингентов поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков и др., как иностранных подданных, так и советских граждан», применяя уже существующие приказы с внесудебным порядком рассмотрения дел.

С начала 1938 года стала набирать темп «кулацкая операция», начавшаяся в соответствии с оперативным приказом НКВД № 00447 «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и других анти-советских элементов». На основании этого документа с августа 1937 по ноябрь 1938 г. репрессировали около 820 тыс. человек (около 500

тыс. были казнены). Эта операция стала самой массовой за время Большого террора. Значительное число поляков и немцев также попали под пресс этого чудовищного приказа.

Наш интерес привлек документ «О недостатках в подготовке и проведении массовых операций в Украине» (февраль 1938 года), в котором Н. Ежов подверг острой критике руководство НКВД УССР. Оперативников упрекали в погоне за количественными показателями выполнения и перевыполнения «лимитов», отмечен низкий уровень проведения следствия и слабая работа с арестованными на предмет полного признания ими инкриминируемых им преступлений. Требовалось усилить работу по национальным линиям. Дальнейшему репрессированию подлежали спецпереселенцы из приграничья, перебежчики, бывшие офицеры, активисты пангерманских организаций («Союз меннонитов», «Союз немцев Черноморья»), лица, связанные с дипломатическими учреждениями [18].

Операции, направленные против нацменьшинств, как и все остальные, были прекращены решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П65/116 и СНК СССР от 17.11.1938 г. Дальнейшие аресты предписывалось проводить строго на основании санкции суда или прокуратуры. Указывалось, что «очищение страны от диверсионных повстанческих и шпионских кадров сыграло свою положительную роль в обеспечении успехов социалистического строительства. Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей и диверсантов окончено. Задача теперь состоит в том, чтобы, продолжая беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, вести ее более совершенными и надежными методами» [19]. Директивой Наркома НКВД СССР Л. Берия от 22.12.1938 г. все приговоры чрезвычайных органов, которые не исполнили, либо вынесли после 17 ноября 1938 г., объявили не действительными. Итоги Большого террора подвели И. Сталин и В. Молотов. Они положительно оценили акции против внутривластной оппозиции, кулаков, уголовников, антисоветских элементов. Вместе с тем, они подвергли острой критике допущенные НКВД и прокуратурой «ошибки», которые привели к «нарушениям революционной законности». По их мнению, такие проблемы были допущены врагами, которым удалось пробраться в НКВД и прокуратуру и вырвать их из-под партийного контроля.

Обобщая подсчеты исследователей, приведем следующие данные. Всего в СССР в годы «Большого террора» было арестовано почти 68 тыс. немцев, осуждено – 55 005, из них – 41 898 расстреляно, 13 107 человек осуждены к различным срокам заключения и высылке. Процент осужденных к ВМН немцев в СССР составлял 76,1 %. Количество репрессированных украинских немцев в эти годы достигло 26 тыс., из них по «немецкой» линии – 21 229 человек (18 005 – расстрел; 85 %). Значительно меньше немцев пострадали по другим операциям, преимущественно по «кулацкой». В итоге

показатели Украины составили 45 % от общесоюзных [20]. По «польской операции» в течение 1937–1938 гг. в СССР было осуждено 139 815 чел., из которых 111 071 приговорен к расстрелу. По данным ЦА ФСБ РФ, за шпионаж в пользу Польши осуждено в 1935 году – 2253 чел., 1936 г. – 1275 чел., 1937 г. – 45 302 чел., 1938 г. – 56 663 чел., 1939 г. – 600 чел. [21].

Украинскими исследователями подсчитано, что в УССР в течение 1937–1938 гг. по «польской линии» органами НКВД было арестовано 56 516 человек (из них 44 467 поляков), из которых 39 644 (70 %) приговорили к различным срокам заключения или расстреляли [23]. Несколько больше цифры у российских историков. Так, А. Рогинский и Н. Петров утверждают, что в УССР в «альбомном порядке» с 25.09.1937 по 15.09.1938 г. и Особыми Тройками с 15.09.1938 по 15.11.1938 г. осуждено 55 928 лиц, из них 47 327 расстреляли, а 8601 приговорили к различным срокам заключения [24].

В результате польской и немецкой операций НКВД жертвами террора стали более 200 тыс. граждан СССР. В Украинской ССР арестовали более 80 тыс. человек, из них около 65 тыс. было расстреляно (75 % от этого числа составили поляки). С чем это связано и почему именно поляки заплатили такую кровавую цену? По мнению А. Рогинского и Н. Петрова, меньше всего массовость репрессий по «польской линии» определялась какой-то специальной личной нелюбовью Сталина к полякам. Дело было не в поляках как таковых, а в Польше. Национальные операции были проведены «по линиям» практически всех стран «враждебного окружения». Но не национальность в них была критерием «преступности», а рождение или проживание в стране или наличие связи с ней [25].

Кроме этого, как справедливо отмечает немецкий историк В. Деннингхаус, и направление главного удара во время «национальных операций», и особая суровость выносимых при их проведении приговоров в значительной мере обуславливались сталинской идеей о неизбежности столкновения с западными соседями. В обстановке подозрительности, шпиономании и активной подготовки к предстоящей войне национальные меньшинства были обречены на роль потенциальных «врагов советского строя, шпионов и вредителей» [26].

На сегодняшний день доступные материалы партийных и советских органов позволяют утверждать, что польская и немецкая операции НКВД были четко спланированными геноцидными акциями государственного масштаба по инициативе и под контролем Политбюро ЦК ВКП(б) и лично «вождя народов» И. Сталина. К сожалению, закрытость архивов спецслужб усложняет задачу по установлению абсолютно точных и проверенных количественных показателей о ходе и последствиях операций в Украине. Вместе с тем работа исследователей в этом направлении продолжается.

Примечания

1. Деннингхаус В. В тени Большого Брата. Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011. 727 с.; Великий терор в Україні. «Куркульська операція». 1937–1938 рр. У 2-х ч. / Упоряд. С. Кокін, М. Юнге. К.: ВД Києво-Могилянська академія, 2010; Терри Мартин. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 666 с.; Нікольський В. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х–1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Донецьк, 2003. 624 с.; Его же. Національні аспекти політичних репресій 1937 р. в Україні // Український історичний журнал. 2001. № 2. С. 74–89; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД (1937–1938 гг.) // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. 287 с.; Петров Н., Рогинский А. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. / Репрессии против поляков и польских граждан // Сост. А. Гурьянов; НИИЦ «Мемориал». М., 1997. 256 с.; Рубльов О., Репринцев В. Репресії проти поляків в Україні у 30-ті роки. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1995. № 1/2 (2/3). С. 116–156; Timothy Snyder. Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. Basic Books, 2010. 524 p.; Ченцов В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М, 1998. 208 с.

2. Герман А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 2. автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994. С. 332–333.

3. Центральный гос. архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 16. Д. 11. Л. 316–317.

4. Деннингхаус В. «Территория лояльности»: от разовых чисток до массовых депортаций (Ж анализу деятельности Политбюро ЦК ВКП(б) в отношении нацменьшинств Запада в 1925–1940 гг.) // Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: сб-к научных трудов. Вып. 2. Саратов, 2007. С. 200.

5. Рубльов О., Репринцев В. Репресії проти поляків... С. 121.

6. Деннингхаус В. «Территория лояльности»... С. 203.

7. ЦГАОО Украины Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 339–340; Д. 517. Л. 132–133.

8. Справа «Польської Організації Військової» в Україні. 1920–1938 рр. / С. Кокін, Р. Подкур, О. Рубльов. К., 2011. 472 с. С. 366–367.

9. Государственный отраслевой архив Службы безопасности Украины. Ф. 16. Оп. 30. Д. 88. Л. 116–118.

10. Реабілітовані історією: У 27 томах. Луганська область: У 3 кн. / Гол. редкол.: П.Т. Тронько (гол.), заст. гол.: О.П. Реєнт, Ю.З. Данилюк та ін.; Кн. 3. Луганськ, 2008. 695 с. С. 163, 238, 482, 597.

11. Реабілітовані історією: Луганська область. Т. 1. С. 316; Т. 3. С. 68, 587. Реабілітовані історією: Київська область. Кн. 3. С. 566, 617, 807.

12. Подсчитано по: Нікольський В. Національні аспекти... С. 79–81.
13. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 52.
14. См. Великий терор в Україні. «Куркульська операція». 1937–1938 рр.
15. Текст документа: <http://www.memo.ru/history/document>.
16. Охотин Н., Рогинский А. Указ. работа.
17. Мозохин О. Статистика репрессивной деятельности органов безопасности СССР. Режим доступа: <http://katyn.editboard.com/t783-topic>.
18. Деннингхаус В. В тени Большого Брата... С. 622.
19. Рубльов О., Репринцев В. Репресії проти поляків... С. 143.
20. Охотин Н., Рогинский А. Указ. работа.
21. Петров Н., Рогинский А. Указ. работа.
22. Деннингхаус В. В тени Большого Брата... С. 645–647.

Сулейманов А. А.

Исследование российской Арктики и репрессии в Академии наук СССР в 30-е годы XX века

1930-е гг. для нашей страны стали временем ломки миллионов человеческих судеб и формировавшихся веками этико-культурных ценностей, становления тоталитарного государства и расцвета огромного репрессивного аппарата. Вместе с тем, именно в 1930-е гг. в Советском Союзе произошел значительный рост интереса к освоению и научному изучению северных районов Земли, память о котором дошла до наших дней в эпитетах «папанинцы», «челюскинцы» и «седовцы». Однако, несмотря на этот активно подогреваемый советской пропагандой интерес, молох репрессий коснулся и ученых, чьи профессиональные интересы были связаны с познанием Арктики.

Приведенные в данной работе сведения только очерчивают определенный контур рассматриваемой проблематики и вместе с тем, надеюсь, позволяют прочувствовать масштабы бедствия, охватившего в те годы отечественную науку.

Хорошо известно, что именно ученые были одним из первых профессиональных сообществ, которое подверглось целенаправленным репрессиям в СССР. В 1929 г. было инспирировано так называемое «Академическое дело». В его рамках пострадало значительно число организаторов и участников Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг. – крупнейшей академической инициативы своего времени. Так, были арестованы ученый секретарь Комиссии по из-

учению Якутской АССР (КЯР), занимавшейся организацией изысканий, профессор П. В. Виттенбург и участник экспедиции, член-корреспондент Академии наук (АН) СССР С. В. Вахрушин. 10 лет и 3 года исправительно-трудовых лагерей получили соответственно редактор издательства КЯР Я. Н. Ростовцев и исследователь А. А. Бялыницкий-Бируля [1, с. 138–139]. Вынуждены были уйти в отставку С. Ф. Ольденбург, управляющий делами Академии наук и член президиума КЯР Д. Н. Халтурин, который играл главную роль в решении финансовых вопросов экспедиции. По мнению академика А. Г. Гранберга, именно репрессии стали одной из основных причин сворачивания академических исследований в Якутии в 1930-е гг. [2, с. 1134].

Практически одновременно с Якутской комплексной экспедицией Академией наук были организованы работы в еще одном регионе Российской Арктики – Кольском полуострове. Именно в 20-е – начало 30-х гг. XX в. был дан тот импульс, который превратил его в один из основных источников сырья для тяжелой промышленности Советского Союза, и значительную роль в этом сыграла деятельность Кольской комплексной экспедиции АН СССР. Участники данной экспедиции открыли месторождения сульфидных медно-никелевых руд, диатомита, ловчоррита и др. Рост масштабов и значения исследований, проводимых Академией наук на Кольском полуострове, энергичное лоббирование интересов Кольской комплексной экспедиции С. М. Кировым, привели к созданию здесь в 1934 г. первой полноценной стационарной академической структуры в Российской Арктике – Кольской базы АН СССР. Однако нормально проработать она смогла лишь чуть более двух лет – в 1937 г. базу накрыла волна «Большого террора». Началась она с увольнения заместителя председателя базы, фактически руководившего всей ее текущей деятельностью И. Д. Чернобаева. Он был «освобожден от работы на Кольской базе с 1 марта 1937 г. согласно его заявления со сдачей дел». После этого ученый был арестован, объявлен «врагом народа» и «вредителем», который «в течение 1936 г. и на 1937 г. привел Базу к развалу». Дальнейшая судьба И. Д. Чернобаева неизвестна [3].

«Нездоровая» ситуация на Кольской базе АН СССР стала обсуждаться в местных газетах «Кировский рабочий», «Полярная правда» и др. В ответ начались традиционные публичные «раскаянья» сотрудников базы. В. Х. Дараган, С. Л. Луцкий и Н. А. Аврорин согласились с правильностью критических замечок, «разоблачающих положение дел на базе» и сделали оптимистичный вывод, что «живая советская струя пробилась, наконец, на Кольскую базу Академии наук...» [4]. Заведующий геолого-геохимическим отделом базы А. Н. Лабунцов, еще в начале 1937 г. утверждавший на собрании актива о полном благополучии в работе его подразделения и ссылавшийся на объективные причины невыполнения плана, через несколько ме-

сяцев признавал уже «большие недостатки в работе геологического сектора» [5].

В августе 1937 г. на Кольскую базу прибыл инспектор отдела кадров Академии наук СССР Т. Т. Барышев, обнаруживший в ученом совете базы засевших там «крупнейших вредителей». Исполняя после приезда обязанности ученого секретаря, он уволил 15 января 1938 г. «за развал работы» «лженаучного» и «малоквалифицированного» сотрудника (кандидата наук, открывателя целого ряда месторождений) А. Н. Лабунцова, от ареста которого спасло, по-видимому, только заступничество великого В. И. Вернадского. Тогда же был уволен руководитель Зоогеографического (биоценологического) отдела базы В. Ю. Фридолин – уникальный специалист по комплексному изучению взаимодействия различных представителей фауны Кольского полуострова (дальнейшая судьба этого ученого неизвестна) [6]. Начальник еще одного отдела (экономического) Г. Н. Соловьянов был объявлен «проходимцем», выгнан с работы и арестован (освобожден только через 3 года) [7, с. 104]. Вынужден был покинуть Кольскую базу и занимавший до Т. Т. Барышева должность ученого секретаря, заведующий ее музеем В. Х. Дараган [8, с. 30]. Кроме того, был репрессирован и один из активных участников Кольской комплексной экспедиции, открыватель апатитовых месторождений, геолог Б. М. Куплетский. Он, к счастью, смог получить реабилитацию еще при жизни И. В. Сталина, после чего продолжил свою исследовательскую деятельность и в 1945 г. получил ученую степень доктора геолого-минералогических наук, а в 1950 г. был удостоен премии им. Ф. Ю. Левинсон-Лессинга [9].

Приведенные данные, когда в ходе «чистки» кадрового состава базы пострадало 3 из 5 начальников отдела и ее фактический руководитель, позволяют представить масштабы бедствия, постигнувшего эту академическую структуру. При этом следует упомянуть и о таком по-настоящему диком факте, что критические отзывы на выполненные в течение года сотрудниками базы научные работы направлялись следователю областной прокуратуры [7, с. 103]. Венчала же травлю разгромная статья «Бездействующая База Академии наук» [10], напечатанная 25 ноября 1938 г. в «Правде».

В соседнем с Кольским полуостровом Северном крае (территория современных Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей) в 1930-е гг. также были развернуты крупные исследования Академии наук СССР. Важное место в них отводилось ботаническим работам. Так, в 1932 г. два академических отряда, Енейский и Юшарский, проводили изыскания в Большеземельской тундре. Енейский отряд впервые исследовал ее центральную часть по меридиональному маршруту от побережья Баренцева моря до северной границы лесной зоны, протяженностью около 400 км. В ходе этого маршрута ученые определили типы тундр, установили примерные

количественные и видовые показатели флоры, дифференцировали обследованные пастбища по сезонам использования и на этом основании определили приблизительную оленеемкость района. Кроме того, специалисты собрали гербарий высших и споровых растений, изучили рыбные ресурсы пресных водоемов и провели барометрическую нивелировку местности. Юшарский отряд произвел исследование по маршруту Югорский Шар – бассейн реки Кара – река Адзва – село Хоседа-Хард. Его участники осуществили типологическое исследование тундры, выделили пять ботанико-географических подзон и изучили их кормовые ресурсы [11]. Руководство этими изысканиям осуществлял сотрудник Ботанического института АН СССР Ф. В. Самбук.

Ф. В. Самбук был крупным специалистом по тундровой флоре и оленьим пастбищам. После работ в Северном крае, которые позволили заполнить значительные объемы «белых пятен» в научных знаниях о растительности этих территорий, он продолжил исследование арктических районов нашей страны на Таймыре. На их основании ученый в 1937 г. подготовил докторскую диссертацию. Однако осенью того же года Ф. В. Самбук был арестован и по одним данными расстрелян в ноябре 1937 г. [12], по другим – погиб в 1942 г. в одном из лагерей, располагавшихся на территории современной Республики Коми [13], изучение которой занимало важное место в изысканиях ученого. Память об этом человеке, среди прочего, увековечена в названиях двух видов растений. Один из них, уже после реабилитации Ф. В. Самбука в 1957 г., посвятил своему коллеге руководителю академических исследований в Северном крае А. И. Толмачев.

В рассматриваемый период на территории Российской Арктики также были организованы интереснейшие археологические исследования. Предшествовало их проведению сообщение о находке сохранившихся трупов мамонтов в Ямальском национальном (Ненецком) округе. Для их изучения Зоологическим институтом (ЗИН) АН СССР была организована экспедиция, в состав которой вошли археолог В. С. Адрианов (от Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР), уже работавший по поручению ЗИНа на Ямале в 1932 г., и препаратор Фролов (Зоологический институт). Одновременно экспедиции предписывалось заняться сбором образцов современной фауны региона, археологической разведкой и по возможности раскопками [14, с. 103].

Исследователи прибыли на базу экспедиции в поселок Новый Порт весной 1935 г. В его окрестностях они произвели биологическую часть работ: отметили 63 вида обитающих здесь зверей и птиц, а также собрали фаунистическую коллекцию, включавшую около 300 экземпляров, с которой Фролов вернулся в Ленинград [14, с. 103–104].

В середине июля, когда «тундра очистилась от снега», В. С. Адрианов отправился из Нового Порта к предполагаемому месту захоронения мамонтов. По пути ученый произвел съемку части маршрута, а также совершил этнографические наблюдения: описал культовые места и погребальные обряды ненцев, связанные с традицией двукратных похорон, когда умерших зимой перезахоранивали летом. Прибыв на место нахождения трупов ископаемых животных, В. С. Адрианов установил, что большинство из них вторичного залегания (т. е. перенесены из других мест морем), а сохранность мамонтов очень плохая – остались только скелеты или отдельные фрагменты [14, с. 104–107].

После выполнения основного задания В. С. Адрианов с 10 рабочими приступил к археологической разведке и раскопкам древнего поселения в устье реки Полуй в 5 км от Салехарда. На небольшой площадке в 300 квадратных метров ученый нашел 12 тысяч предметов, в том числе 1,5 тысячи поделок из кости, бронзы и камня. Во время работ было сделано множество находок, связанных с хозяйственной деятельностью (обломки глиняной посуды, фрагменты стрел, крючки для вязания, шилья, пряжки, ложки из кости и др.), которые, наряду с предметами искусства – скульптурными изваяниями и рисунками, представляющими собой «образцы тонкого мастерства», позволили В. С. Адрианову и его коллегам из Института антропологии и этнографии АН СССР сделать вывод о превосходстве материальной культуры найденного двухтысячелетнего поселения эпохи раннего железного века над культурой современных коренных жителей округа (ненцы, ханты) [15, л. 5].

Неудивительно, что в следующем, 1936 г., В. С. Адрианов вновь был командирован в район Салехарда для продолжения археологических работ. На этот раз – Институтом антропологии и этнографии АН СССР.

В результате новых исследований ученый доставил в Ленинград 11 034 предмета, среди которых было богатое разнообразие фрагментов глиняной посуды, костяных лопаточек, ножей, гарпунов, острогов, панцирных пластинок, крючков, приспособлений для привязывания собак, скребков для кожи, стрел, серпов и других находок. Одновременно В. С. Адрианов собрал обширные коллекции ритуальных и культовых предметов хантов района Салехарда, а также привез негативы и отпечатки фотографий, сделанные им во время пребывания у хантов и ненцев [16].

Из экспедиции ученый вернулся 29 сентября 1936 г. и приступил к подготовке издания полученных во время исследований материалов, которые ждали как советские археологи, так и их зарубежные коллеги (в частности фотографии и чертежи раскопок запросил Филдовский музей естественной истории в Чикаго, ожидался обмен найденных предметов с коллекцией Копенгагенского

музея) [16]. Успех экспедиции подчеркивала опубликованная незадолго до возвращения В. С. Адрианова статья в газете «Правда» [17]. Однако вскоре вслед за директором Института антропологии и этнографии АН СССР Н.М. Маториным и другими высокопоставленными сотрудниками института [18] 6 ноября 1936 г. В. С. Адрианов был арестован органами НКВД СССР «как активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, совершившей убийство С.М. Кирова». Выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР 19 декабря 1936 г. ученый был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день в возрасте 32 лет расстрелян. Через 21 год определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 июня 1957 г. В. С. Адрианов был полностью реабилитирован [19, с. 202]. Авторство же открытия Усть-Полуйской археологической культуры, раскопки которой исследователь проводил в 1935–1936 гг. и давшим ей это название, в советской науке было закреплено за В. Н. Чернецовым, который приступил к масштабным полевым работам на Ямале во второй половине 40-х гг. XX в.

Очевидно, что охватившие в 30-е гг. XX в. академическое общество репрессии нанесли огромный ущерб отечественной науке и в частности исследованиям российской Арктики. В результате проведенных «чисток» был значительно ослаблен кадровый потенциал советского североведения; погибли или на годы были вырваны из науки крупнейшие специалисты; замедлена или вовсе парализована разработка важнейших исследовательских проблем; в целом отравлена атмосфера научного творчества. Вместе с тем даже в таких нездоровых условиях академические работы в Арктике не прекращались и позволяли пополнять багаж знаний об этом уникальном регионе нашей планеты.

Примечания

1. Виттенбург Е. П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.). Организация и методика работы. Якутск, 2008. 200 с.

2. Гранберг А. Г. О развитии производительных сил Якутии. К 80-летию Якутской комплексной экспедиции // Вестник Российской академии наук. 2005. № 12. С. 1132–1135.

3. Макарова Е. И. Забытые имена из истории Кольской базы АН СССР тридцатых годов // Тиетта. 2008. № 6. С. 15–16.

4. Дараган В. Х., Луцкий С. Л., Аврорин Н. А. Превратить Кольскую базу Академии наук в боевое научное учреждение // Кировский рабочий. 1937. 28 августа.

5. Войтеховский Ю. Л. Из истории освоения Хибин // Озеро Имандра. URL: <http://nick-k56.livejournal.com> (дата обращения: 30.04.2012).

6. Макарова Е.И. История Кольской базы АН СССР 1930-х гг. // Тиетта. 2009. № 7. С. 11.
7. Тараканов М. А. Экономические исследования в Кольской базе и их возобновление в Кольском филиале АН СССР (Н. М. Тоцкий, Г. Н. Соловьянов. И. Т. Кузьминов. Б. И. Коган) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2011. № 3. С. 89–107.
8. Макарова Е. И. От Тиетты – к Кольской базе АН СССР: история организации Геологического отдела по архивным документам // Минералогия во всем пространстве всего слова. Труды III Ферсмановской научной сессии, посвященной 50-летию Кольского отделения РМО. Апатиты. 27–28 апреля 2006 г. Апатиты, 2006. С. 27–30.
9. Книга памяти. Жертвы репрессий: Борис Михайлович Куплетский (1894–1964) // Geologist. URL: <http://g-to-g.com/index.php?version=rus&module=5&id=2726&filter=repressed> (дата обращения: 21.03.2012).
10. Бездействующая База Академии наук // Правда. 1938. 25 ноября.
11. Шишкин Б. Тундровая растительность Северного края // Вестник Академии наук СССР 1932. № 13. С. 133–136.
12. Самбук Феодосий Викторович // Книга Памяти. URL: http://www.uznal.org/book_of_memory.php?bukva=17&name=12&surname=127&repressiOn=0 (дата обращения: 25.03.2012).
13. Научный архив Коми НЦ УРО РАН. Комментарии к документам № 40–49 // ФГБУН Коми научный центр Уральского отделения РАН. URL: <http://www.komisc.ru/ksc/archive/pub/war/koment5.htm> (дата обращения: 12.12.2011).
14. Адрианов В.С. Вглубь истории // Экспедиции Академии наук СССР 1935 г. М., Л., 1937. С. 103–112.
15. Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1.
16. Решетов А. М. Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: «жизнь, прерванная на взлете» // Музей. 2011. № 8. С. 40–43.
17. Горинский М. «Древнее городище за Полярным кругом» // Правда. – 1936. – 27 сентября.
18. Решетов А. М. Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 147–149.
19. Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206.

Царикаев А. Т.

**«Гнездо буржуазных националистов»
(Из истории репрессий против партийно-советской
номенклатуры Северо-Осетинской АССР в 1936–1938 гг.)**

Характерной особенностью новейшей российской историографии политических репрессий 1936–1938 гг. является интенсивное развитие региональных исследований. Изучение Большого террора в регионах базируется на материалах архивно-следственных дел и информационных сводок спецслужб, документах партийно-советских органов, ряде фундаментальных документальных публикаций и таком важном источнике, как Книги памяти жертв политических репрессий. Исследовательское поле рассматриваемой проблемы довольно широкое. В центре внимания историков стоят такие вопросы, как региональные особенности массовых операций НКВД, степень участия в репрессивных акциях руководителей областей, краев и республик, провинциальные показательные процессы и др. Одна из приоритетных тем – репрессивная политика в отношении региональной партийно-советской номенклатуры. «Чистка» руководящих кадров являлась составной частью массовых репрессий 1936–1938 гг. Превращение бывших начальников во «врагов народа», руководителей «вражеских банд» органично вписывалось в общий замысел Большого террора и выполняло несколько задач – от возложения на них вины за провалы в хозяйственном развитии до решения проблемы социального клапана [1].

В данной статье на основе архивных документов и материалов периодической печати предпринимается попытка показать масштабы репрессий против партийно-советской номенклатуры Северной Осетии. Основное внимание уделено «чистке» региональной партийной бюрократии. Репрессии в отношении северо-осетинской номенклатуры развивались в несколько этапов, каждый из которых имел свою специфику:

1) август 1936 – март 1937 г., 2) март – июль 1937 г., 3) июль–ноябрь 1937 г., 4) декабрь 1937 – ноябрь 1938 г.

Первый этап – подготовительный. Его начало связано с обсуждением письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» от 29 июля 1936 г. [2]. Фактически данное письмо санкционировало поиск «троцкистско-зиновьевских элементов» в региональной номенклатуре. Масштабной чистке от «троцкистов» подвергся президиум и отделы Орджоникидзевского горсовета. Одним из наиболее известных представителей партийной номенклатуры, репрессированных в этот период, стал секретарь Правобережного райкома ВКП(б) П. И. Таболов, объявленный организатором «подрывной, вредительской работы в

районе» [3]. В 1920-е гг. он активно поддерживал платформу троцкистской оппозиции.

Февральско-мартовский пленум 1937 г. стал началом полномасштабных общесоюзных репрессий против номенклатуры, в том числе региональной. В Северной Осетии на данном этапе разворачивается борьба с так называемыми «буржуазными националистами». Обвинение в «буржуазном национализме» являлось эффективным инструментом расправы сталинского руководства с политическими элитами союзных и автономных республик.

Весной 1937 г. волна арестов затронула руководящие кадры Северо-Осетинского облисполкома во главе с бывшим заместителем председателя К.К.Цаллаговым. Согласно сфабрикованной органами НКВД версии, в республике якобы действовала руководимая Цаллаговым и заведующим отделом культуры и пропаганды обкома Г.Бараковым разветвленная «троцкистско-националистическая организация», проводившая «значительную вредительскую работу» в сельском хозяйстве, разжигавшая националистические настроения через «своих агентов в газетах, в литературе и издательствах, в школах и в высших учебных заведениях города Орджоникидзе». Всего к началу апреля 1937 г. в отделах облисполкома было арестовано 14 человек. [4].

Начало нового этапа репрессий в отношении партийно-советской номенклатуры Северо-Осетинской АССР связано с освобождением от занимаемой должности в июле 1937 г. 1-го секретаря обкома ВКП(б) Г. В. Маурера и избранием вместо него 2-го секретаря областного комитета Ф. Г. Кокова, представителя местных номенклатурных кланов. Рассекреченные недавно документы Российского государственного архива социально-политической истории проливают свет на то, кем и как принимались эти кадровые решения. 10 июля Маленков докладывал Сталину: «Тов. Маурер, работающий в настоящее время 1-м секретарем Северо-Осетинского обкома ВКП(б), должен быть освобожден в связи с серьезными сомнениями в его прошлом – по национальности венгерец, происходит из богатой семьи, попал в Россию как военнопленный... ведет сейчас себя подозрительно. О снятии Маурера советовался с тов. Ежовым Н. И.» [5]. На место «венгерца» Маленковым был предложен «проверенный партиец», член ВКП(б) с 1920 г. Ф. Г. Коков. Приход Кокова к руководству республикой совпал по времени с началом «кулацкой операции» НКВД, в проведение которой включился и областной комитет партии, активно добивавшийся увеличения лимитов репрессируемых. Особенностью третьего этапа репрессий стала масштабная «чистка» руководящих кадров высших партийных органов Северной Осетии. За четырехмесячный период секретарства Кокова из состава бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) (9 чел.), избранного в июне 1937 г. после IX областной партконференции, было выведено 6 человек, 5 из

которых репрессированы, в том числе бывший 1-й секретарь Маурер, заведующий отделом руководящих партийных органов Т. И. Мзочов, заведующий сельскохозяйственным отделом Г. Н. Таболов, 2-й секретарь Орджоникидзевого горкома ВКП (б) А. А. Шарикян и др. В октябре 1937 г. по сфабрикованным обвинениям в контрреволюционной работе и умышленном срыве хозяйственно-политических кампаний, был снят с должности, исключен из партии, а затем арестован И. Т. Гацоев – 1-й секретарь одной из самых больших районных партийных организаций Северной Осетии – Алагиро-Ардонской [6].

Трагические последствия для партийно-советской номенклатуры Северной Осетии имела публикация в газете «Известия» от 28 сентября 1937г. статьи некоего А. Семеновкера «Гнездо буржуазных националистов в Осетии». В публикации, имевшей характер политической провокации, на ряд видных представителей осетинской интеллигенции и работников партийного аппарата навешивались ярлыки «буржуазных националистов», а председатель облисполкома Д. Н. Тогоев обвинялся в покровительстве «буржуазно-националистическим элементам». Уже 1 октября бюро обкома ВКП(б) принимает за подписью Кокова специальное постановление по поводу вышедшей статьи, в котором в духе большевистской самокритики признавалось в собственном «преступном ротодействе и политической беспечности», непринятии мер к «беспощадному выкорчеванию и разгрому троцкистско-бухаринской банды и буржуазных националистов» [7]. Постановлением бюро от 1 октября Тогоев был снят с поста председателя исполкома Северо-Осетинской АССР и исключен из партии. В тот же день легендарного «Данела», как Тогоева называли в Северной Осетии, арестовали органы НКВД. В июле 1939 г. по приговору Военного трибунала СЖВО он был расстрелян.

Публикация статьи «Гнездо буржуазных националистов в Осетии» и арест Тогоева серьезно дискредитировали 1-го секретаря Кокова. В резолюции IV пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б), состоявшегося 2–3 октября 1937 г., прямо указывалось на политическую ответственность партийного руководителя Северной Осетии за «позднее разоблачение врагов народа – буржуазных националистов [8]. Фактически события конца сентября начала октября стали началом краха политической карьеры Кокова. Вознесенный на вершину власти Большим террором, он вскоре сам стал его очередной жертвой. В конце ноября 1937 г. в ЦК принимают принципиальное решение о снятии Кокова. 28 ноября, по одним данным, по другим 3 декабря, он был арестован как участник «контрреволюционной националистической организации». 30 ноября 1937 г. и. о. 1-го секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б) пленум областного комитета избрал молодого партийного работника из Горьковской области В. П. Лемаева, привезенного в Орджоникидзе М. А. Бурмистенко, заместителем Маленкова в отделе руководящих партийных органов

ЦК ВКП(б). С приездом в Северную Осетию бывшего ответственно-го секретаря Кзыл-Октябрьского РК ВКП(б) Лемаева начался этап эскалации репрессий в отношении региональной номенклатуры. В Москве перед новым секретарем поставили задачу «чистки» местных партийных кадров и окончательного разрушения патрон-клиентских связей «буржуазных националистов» Северной Осетии.

Одним из главных направлений репрессивной политики Лемаева стало радикальное «вычищение» секретарского корпуса районных партийных организаций. По нашим подсчетам, с декабря 1937 г. по апрель 1938 г. были сняты и исключены из партии 5 из 7 первых секретарей: Горно-Алагирского, Кировского, Ирафского, Орджоникидзевского и Правобережного райкомов ВКП(б). По меньшей мере 4 из них впоследствии репрессированы. Все эти функционеры заняли свои должности в период руководства Маурера и Кокова. Материалы районных партконференций, проходивших в мае 1938 г., свидетельствуют, что секретарям предъявлялись стандартные, сфабрикованные в кабинетах НКВД, обвинения в организации контрреволюционной вредительской работы в сельском хозяйстве, насаждении в руководстве районов враждебных элементов и т. д. Так, например, в резолюции партийной конференции Правобережного района (14–17 мая 1938г.), принятой по отчетному докладу райкома отмечалось: «Одиннадцатая районная партконференция констатирует, что в руководстве районной парторганизации долгое время орудовала банда фашистских шпионов, объединившихся в контрреволюционную организацию, которая проводила подрывную контрреволюционную работу, направленную на развал колхозного строительства, уничтожение поголовья крупного и мелкого рогатого скота, снижение урожайности колхозных полей и ставила своей целью вызвать недовольство колхозников советской властью» [9].

Параллельно при Лемаеве продолжался процесс «чистки» бюро обкома, начатый при его предшественнике. В январе 1938 г. с формулировкой «в связи с поступившими компрометирующими материалами» был снят с должности заведующего отделом руководящих партийных органов обкома ВКП(б) и выведен из состава членов бюро влиятельный выдвиженец Кокова Я. Т. Абакумов [10]. 28 февраля 1938 г. арестован заведующий сельскохозяйственным отделом Северо-Осетинского обкома ВКП(б), кандидат в члены бюро Е. У. Саралиев [11]. Таким образом, из членов и кандидатов бюро обкома, избранных при Маурере и Кокове, к началу X областной партконференции (июнь 1938 г.) останутся лишь двое – нарком внутренних дел С. З. Миркин и 2-й секретарь областного комитета партии – К. Д. Кулов.

В период секретарства Лемаева окончательно сформировался список из 56 человек, в основном бывших высокопоставленных номенклатурных работников, подлежащих суду Военной коллегии

Верховного Суда СССР. Среди включенных в проскрипционный список 1-й секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) в 1934–1936 гг. К. С. Бутаев, председатель областного суда и прокурор республики, 6 первых секретарей райкомов, 2 заведующих отделами обкома партии, 2 наркома земледелия. Осудили их в июле 1938 г. уже в период руководства нового секретаря Северо-Осетинского обкома партии Н. П. Иванова. Сам Лемаев в мае месяце был отозван «в распоряжение ЦК ВКП(б)» [12]. В результате его полугодового пребывания во главе партийной организации республики произошло значительное обновление аппарата обкома и секретарского корпуса. С отъездом В. П. Лемаева репрессии против номенклатурных кадров в основном завершились. Был взят курс на стабилизацию кадровой политики. Июль–ноябрь 1938 г. – период единичных арестов ранее снятых и исключенных из партии высокопоставленных партийно-советских работников.

Репрессии 1936–1938 гг. имели тяжелые последствия для региональной номенклатуры. Практически полностью было уничтожено поколение руководителей – участников борьбы за установление советской власти в Северной Осетии, лица, стоявшие у истоков создания автономной области и руководившие ею во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. В течение одного года произошла кардинальная ротация кадрового состава партийно-советских органов Северо-Осетинской АССР. О масштабах «чистки» в определенной степени можно судить по составу пленума обкома ВКП(б). Из 43 его членов, избранных на IX областной партконференции в июне 1937 г., в состав нового пленума, сформированного годом позже, войдут лишь 5 человек, а из 9 кандидатов в члены не будет переизбран ни один [13]. Около 50 % членов и кандидатов к этому моменту будут репрессированы, в том числе 2 первых секретаря и председатель облисполкома.

Примечания:

1. Колдушко А. А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий в Свердловской области в 1937–1938 гг./ Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. М.: РОССПЭН, 2009. С. 672.

2. Колдушко А. А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг.: дисс... кан. ист. наук. Пермь, 2006. С. 87.

3. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (далее – ГАНИ РСО-А) Ф.Р. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

4. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945/ Сост.: Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Рогова, Д. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. С. 242–246

5. Максименков Л. Шифровки с мест. // Огонек. 2007. № 30. С. 28–32.

6. Царикаев А.Т. Представители Северной Осетии в «Сталинских расстрельных списках» 1937–1938 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-1. С. 199.

7. Социалистическая Осетия. 1937. 2 октября.

8. Социалистическая Осетия. 1937. 11 октября.

9. ГАНИ РСО-А. Ф.Р. 16. Оп. 1. Д. 18. Л. 45–46.

10. ГАНИ РСО-А. Ф.Р. 1. Оп. 3. Д. 20. Л. 5.

11. Колдушко А. А. Роль партийных органов...С. 309.

12. ГАНИ РСО-А. Ф.Р. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.

13. Социалистическая Осетия. 1938. 11 июня.

Семенов С. В.

Политические репрессии в средне-специальном образовании Южного Урала в 30-е годы XX века

В начале 30-х годов XX века важное значение для экономического развития Южного Урала приобретают средне специальные учебные заведения. Именно на них возлагалась роль массовой подготовки специалистов для народного хозяйства региона. Ежегодное увеличение числа средне-специальных учебных заведений позволяло значительно сокращать потребность экономики Южного Урала специалистами. В данный процесс определенные коррективы вносила всеобщая идеологизация и политизация населения Южного Урала и страны. Мощное давление на народное образование объясняется желанием государством иметь контролируемую интеллигенцию. Не согласием с курсом ВКП(б) старой до революционной интеллигенции стало определяющим фактором в дальнейшей судьбе последней. Партия берет курс на изгнание из средне-специальных учебных заведений, а затем и физическое уничтожение преподавателей, студентов, служащих с так называемым не пролетарским происхождением.

В 30-е годы XX века значительно выросла сеть техникумов, училищ и профессиональных школ на Южном Урале. В начале 30-х годов XX века в Курганском районе функционировало 15 техникумов: 6 педагогических (Курган, Шадринск, Куртамыш, Мишкино, Юдино-Петухово, Савакулево), 7 сельскохозяйственных, из них 2 – в Кургане, и по одному в Шадринске, с. Чаши, Петухово, Куртамыше, Далматово, промкооперативный и кинотехникум в Кургане. Вскоре были открыты две фельдшерско-акушерские школы. Таким образом, к концу 30-х годов XX века общее число средне-специальных учебных заведений в Курганском районе достигло 17 [2. С. 53].

В октябре 1930 года начались занятия в Шадринском сельскохозяйственном техникуме птицеводства, где готовили специалистов для создаваемых птицеводческих колхозов и совхозов на Южном Урале. Студент техникума, успешно осваивающий тонкости ухода за птицей, – это еще не означало успешное окончание средне специального учебного заведения. Определяющим фактором было proletарское происхождение, всех остальных определяли как «чуждых элементов» и гнали везде прочь. Студентов Новоселова, Хлюпина (Хляпина), Машинина исключили из техникума. Молодые люди высказывались о темпах коллективизации, считая их «непосильными», этот факт послужил основанием в обвинении в «уклоне от генеральной линии партии». После этого партийные органы техникума поставили задачу «не позволить распространиться подобному своему мыслию, идущему от кулацкого влияния». Это послужило сигналом к тщательной проверке социального состава студентов техникума. В результате исключили как «чуждый элемент» еще двух студентов: Подкорытова и Симакова [2. С. 59–61].

С февраля по октябрь 1931 года длилось расследование по делу «Интеллектуального центра» в городе Шадринске. Оперативно-следственными мерами были установлены участники и организатор антисоветской группы – А. П. Лысенин – бывший ученик Шадринской школы ФЗС, из учащихся средне-специальных учебных заведений Шадринска «проводил вербовку», в результате по данным органов ОГПУ в состав вошли: Р. Н. Щинов, Л. С. Горин, В. Кобелев, Н. Гайнулин, А. Груздев – учащийся школы ФЗС, К. А. Таскаев, А. А. Авдюшев – учащийся медфака, А. П. Воротникова – студент педтехникума, В. Лавров – ученик механической мастерской тракторцентра, а собрания проводились в помещении Шадринского научного хранилища (Музей – С. С.), где работал еще один якобы участник антисоветской группы – В. Линденбаум – хранитель музея.

Антисоветская деятельность «Интеллектуального центра» заключалась в следующем: в начале 1931 года в школе ФЗС на конференции по проработке итогов VI партийного съезда, некоторые ученики выступили в поддержку теории Н. Бухарина по крестьянскому вопросу, А. П. Лысенин – лидер группы позволил высказаться против быстрых темпов коллективизации, а также считал, что «некоторых кулаков можно перевоспитать», но правительство вело политику уничтожения кулачества как класса и увеличения темпов коллективизации. Таким образом, А. П. Лысенин выступал против генеральной линии партии, за что и был арестован. Необходимо отметить, что средний возраст участников «Интеллектуального центра» то 14 до 17 лет, а организатору антисоветской группы было 16 лет, но это не смутило уполномоченного Шадринского окружного отдела ГПУ – Васильева, занимавшегося расследованием, не вызвало

это дело подозрения и у начальника Шадринского Райотделения ОГПУ Петрова, визировавшего дело для направления на «внесудебное рассмотрение тройки – ПП ОГПУ по Уралу». Бумаги отправили в Свердловск, а участники оставались в заключении в Шадринске. Здесь с руководителем группы произошел типичный случай: для выяснения намерений А. П. Лысенина была использована «подсидка», к нему в камеру поместили агента ОГПУ. Вскоре «Ястреб» (Оперативный псевдоним агента – С. С.) донес, что А. П. Лысенин хочет бежать. Анализируя методы работы ОГПУ, мы определяем приоритетную роль внедренных агентов в различные учебные заведения Южного Урала, в поиске разного рода антисоветских группировок и людей. Приходится констатировать, что добытые неправовыми способами доказательства решали судьбы миллионов советских людей.

Судьба участников «Интеллектуального центра» определилась в октябре 1931 года из Свердловска – СПО ПП ОГПУ по Уралу была прислана бумага, где сообщалось следующее: «ввиду несовершенности подавляющего большинства обвиняемых, полнейшего признания инициаторами группировки ошибочности своих прежних взглядов, раскаяния в их антисоветской деятельности...» и особое совещание коллегии ОГПУ 7 октября 1931 года приняло решение дело в отношении Лысенина, Щипова и других 10 человек обвиняемых по статье 58 пунктам 10 и 11 УК РСФСР прекратить, людей из «под стражи освободить... дело отдать в архив расписки аннулировать». Таким образом, руководство ОГПУ по Уралу тщательно изучило материал дела и заключило, что «совершенно формально проведено следствие с установкой на применение репрессий» [3. Л. 1–30, 38, 40, 54].

В 1932 году в Чашинском молочном техникуме Курганского района Челябинской области органами ОГПУ, было арестовано три студента: К. С. Неволин, Г. П. Ефимов, К. И. Стрелков по обвинению к принадлежности к контрреволюционной организации.

По оперативным данным ОГПУ контрреволюционная группа возникла из учеников школы крестьянской молодежи (далее – ШКМ) и студентов молочного техникума села Чаши в 1931 году «на почве недовольства проводимыми мероприятиями советской власти: коллективизация, ликвидация кулачества как класса, хлебозаготовки, плохое снабжение учеников продовольствием». Группа состояла из 7 человек, из них трое ученики ШКМ и столько же студентов молочного техникума, и один рабочий Чашинского ЛТХ – Д. Х. Зырянов, определенный оперативными сотрудниками ОГПУ как руководитель контрреволюционной группы [4. Л. 92–98].

Коллегия ОГПУ по Уралу 21.09.1932 К. С. Неволина, К. И. Стрелкова признала виновными по статье 58 пункту 11 и приговорила к двум годам высылки в Северный край. По аналогичной статье и тому же пункту Г. П. Ефимов и Д. Х. Зырянов ОС ОГПУ по Уралу приговоре-

ны к лишению права проживания в 12 населенных пунктах Уральской области, «с прикреплением на 3 года, считая срок со дня вынесения постановления». В сентябре 1932 года на собрании педагогического коллектива Курганского промышленного техникума поручено заведующему учебной частью к 15 октября подготовить доклад «О методических извращениях» [5. Л. 1–6]. В начале 30-х годов XX века правительственные директивы о народном образовании требовали преподавать каждый предмет программы с точки зрения марксизма-ленинизма.

В октябре 1932 года ОО ПП ОГПУ по Уралу ликвидировала контрреволюционную повстанческую организацию в Мокроусовском, Белозерском, Курганском районах Уральской области (теперь районы Курганской области). Найденный руководитель Д. Г. Русаков был для ОГПУ весьма удобен по ряду обстоятельств. Во-первых, студент столичного вуза – Московского финансово-экономического института, во-вторых, социальное происхождение: его отца признали кулаком, удобно фабриковать дело, так как простое посещение малой родины сразу толковалось, как приезд по заданию любой из разрабатываемой центральной аппаратом ОГПУ контрреволюционной группы. В данном случае Д. Г. Русаков в июле 1931 года приехал на студенческие каникулы, но, по сведениям ОГПУ, он прибыл с заданием от правооппортунистической антипартийной группы, якобы существовавшей тогда в Москве. Необходимо напомнить, что примерно в это время идет борьба с оппортунизмом в Москве. И, вероятно, на местах не хотели отставать от «модных тенденций» в разоблачении антисоветских групп. Проблема подражания столичным чекистам и проектирования любых процессов на Южно-Уральский материал приводило к масштабным фабрикациям следственных дел, особенно в 1937–1938 годах. Этот факт признают и сами чекисты, правда, уже на собственном суде в 1940 году.

По следственному делу на антисоветскую группу Д. Г. Русакова следует отметить, что арестовано было 47 человек, а также ОГПУ поработала и над определением структуры организации: основных повстанческих групп «вскрыто» 7, из них две в Курганском районе, четыре в Мокроусовском и одна в Белозерском. Рассмотрим подробно Дмитриевскую контрреволюционную группу. Она якобы состояла из 4 преподавателей ШКМ и 10 человек учащей молодежи, лидером группы сотрудники ОГПУ определили преподавателя труда ШКМ Д. В. Симонова. Вина людей заключалась в том, что они высказывали мнение в отношении политики советского правительства, в частности, они отмечали, что «политика коллективизации является политикой искусственного вмешательства в нормальный ход развития крестьянского хозяйства», а в отношении промышленности они подчеркивали, что «темпы взятые в деле индустриализации не посильны» [6. Л. 268–271]. В то время усомниться в планах правительства люди не могли, а немногие, кто это делал, попадал в сферу

деятельности ОГПУ. В марте 1933 года коллегия ОГПУ рассмотрела дело о контрреволюционной повстанческой группе Д. Г. Русакова и постановила Д. Г. Русакова, Г. Н. Шадских, Д. В. Симонова направить в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет, всем остальным участникам группы «зачесть в наказание срок предварительного заключения из-под стражи освободить» [7. Л. 389].

Аналогичная ситуация произошла и в Оренбургских средних специальных учебных заведениях. Первого директора Оренбургского музыкального техникума А. В. Бuzдыханова уволили за недостаточное обеспечение в составе слушателей техникума детей с пролетарским происхождением, а затем приказ № 23 от 15 июня 1931 года конкретизировал борьбу против преподавателей с дореволюционным образованием: «Ввиду сохранения нижепоименованными педагогами старых академических и педагогических установок, а также отсутствия у таковых марксистского мировоззрения и не владения методом диалектического материализма товарищи А. Бuzдыханов, Л. Матковский, Е. Чубинская, М. Троицкая, В. Боголюбова, З. Виноградова с 1931–1932 учебного года считаются освобожденными, каковым надлежит не позднее 10 июня сего года сдать все учебники и учебные пособия и получить окончательный расчет». Репрессивные меры нового руководства техникума коснулись не только преподавателей, но и студентов, которым запрещалось вводить современные жанры в киноиллюстрации. Так, приказ директора техникума С. Горбачева от 21 марта 1931 года гласил: «Считаю совершенно недопустимым применение фокстрота, уан-степа и тому подобной синкопированной музыки в картинах русского революционного жанра, а потому предлагаю изъять из практики киноиллюстрации музыку типа нэпманского характера» [8. С. 329].

В декабре 1932 года СПО Челябинского оперсектора ОГПУ в селе Птичьем Шумихинского района Уральской области была ликвидирована очередная контрреволюционная организация – «Сельско-крестьянская партия» (СКП). В стране идет процесс уничтожения кулачества как класса, значит, в каждом регионе страны его надо найти. Организатором ОГПУ провозгласило А. Е. Самбургского – учащегося ФЗУ при ЧГРЭС, но определяющим фактором для ОГПУ, было наличие родного брата, осужденного за контрреволюцию и сосланного на Соловки. Да и состав «СКП» ОГПУ выявило следующий: «сыновья кулачества, родственники и друзья ранее осужденных за контрреволюционную деятельность». Результатом оперативно следственных действий ОГПУ стало включение в состав группы следующих учащихся ФЗУ при ЧГРЭС: И. А. Кожевникова, Г. А. Югова, Д. Н. Тимофикова, А. Н. Силиванюка, и определение цели и задач «СКП», они выступали «против колхозного строительства и других мероприятий советской власти» занимались подготовкой «вооруженного восстания для свержения Советской власти». Особое

совещание при коллегии ОГПУ 9 июля 1933 года определила участникам «СКП» следующие наказания: А. Е. Самбурского – «выслать через ПП ОГПУ на 2 года», И. А. Кожевникову, Д. Н. Тимофикову, А. Н. Силиванюку – «зачесть в наказание срок предварительного заключения и из-под стражи освободить» [9. Л. 277–394].

В 1933 году Курганским оперативным сектором ОГПУ была ликвидирована «антисоветская группировка педагогов», в состав которой включили преподавателей ФЗС и Педтехникума города Кургана: Е. Г. Венявцев – преподаватель физики в Педагогическом техникуме, Ф. К. Новиков – преподавал русский язык и литературу, а также иностранный язык в ФЗУ связи в Кургане, организатор группы по данным ОС ОГПУ Кургана – А. В. Азяцкий – заведующий школой № 2 Кургана. В марте 1933 года всех участников этой группировки обвинялись по 58 статье пунктам 10 и 11 УК РСФСР, а «мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда» было избрано «содержание под стражей». Таким образом, на время следствия все участники находились в Курганском доме заключения. Антисоветская агитация выражалась в том, что педагоги позволили в кругу своих знакомых обсуждать проблему несвоевременной выдачи им зарплат. Фактически работникам средне-специального сектора народного образования города Кургана запрещалось высказывать мысли, которые могут навредить местным партийным функционерам и советскому государству в целом.

В апреле 1933 года участникам антисоветской группы было предъявлено обвинение, в котором все «себя виновными признали». Следственное дело направили через СПО ПП ОГПУ по Уралу на внесудебное рассмотрение. В мае 1933 года начальнику Курганского ОС ПП ОГПУ пришла телеграмма за № 18527/4, где сообщалось: «Следственное дело... прекращено, предлагаем немедленно арестованных по делу освободить. Принимая во внимание, что у всех обвиняемых имеется большая семья; что обвинение построено на недостаточно веских материалах» [10. Л. 12–63]. Вышестоящие инстанции действительно объективно еще пока рассматривали следственные дела. Об этом свидетельствует и приведенная в телеграмме аргументация.

В Куртамышском педагогическом техникуме особое внимание при приеме абитуриентов уделяли сначала «социально классовому лицу» и только потом проверяли способность учиться в средне-специальном учебном заведении, а за первый семестр 1933–1934 года исключено два студента как «классово-чуждые» [11. Л. 7. 10 об.].

На общем открытом партийном собрании ОблОНО Челябинской области 23 декабря 1934 года обсуждали итоги предварительного расследования НКВД убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 года. После убийства было принято постановление, которое по сути регламентировало политический террор по всей стране. В результате

на всех предприятиях и учреждениях страны раздавались призывы к поиску и уничтожению троцкистов.

В Областном отделе народного образования Челябинской области 23 декабря было принято решение о проверке кадров «по всей системе народного образования» области [12. Л. 66–66 об.]. В результате в каждом учебном заведении области стали искать троцкистов. Аналогичная ситуация наблюдается и по всему средне-специальному образованию Южного Урала.

В 1934 году в Троицком лесотехникуме Челябинской области три студента были обвинены в троцкизме. В 1934 году среди студентов Оренбургского башпедтехникума были ликвидированы контрреволюционные националистические группировки. Руководителем групп сочли И. З. Темирова. Его обвиняли в том, что он разжигал вражду к «русским, которые, втягивая их (башкир – С. С.) в учебу, хотят еще больше закабалить». И. З. Темиров за якобы «преступную» деятельность был исключен из комсомола. В вину ему ставился и тот факт, что, будучи у себя на родине в Сорочинском районе во время каникул, прислал товарищам письмо, в котором писал, что «колхозники голодают и надежды на улучшение положения нет... и никогда они не придут к зажиточной жизни». По этому делу было арестовано четыре человека [13. С. 27].

В течение десяти месяцев просидели в тюрьме студенты Оренбургского железнодорожного техникума за «недовольство материальными условиями жизни работников путей сообщения» [14. С. 35].

Неспокойно было и в Бугурусланском сельскохозяйственном техникуме. Его директора – Шарапова К. Н. – обвинили в не принятии мер к «очищению и оздоровлению педколлектива». Партийные органы отмечали, что педагогический коллектив был «засорен чуждо-враждебными элементами: И. П. Иванов – контрреволюционер, Архангельский – сын попа». За этот проступок К. Н. Шарапову объявили строгий выговор с формулировкой «за переадминистрирование в руководстве техникума». В. М. Сачков – инструктор-референт Обкома ВКП(б) в докладной записке сообщал: «В результате такого руководства со стороны Шарапова в мае 1935 года три студента покончили жизнь самоубийством». Оргбюро ЦК ВЛКСМ по Оренбургской области приняло постановление, в котором отмечалось, что самоубийство комсомольцев Бугурусланского сельскохозяйственного техникума произошло на почве «бытового разложения мелкобуржуазного индивидуализма и упаднических настроений». В июне 1935 года по решению Обкома ВКП(б) К. Н. Шарапов был снят с занимаемой должности [15. Л. 28]. После этого политические репрессии в учебном заведении усилились.

В связи с обменом партийных документов в 1936 году на партийном собрании Бугурусланского сельскохозяйственного техникума

было решено изучить глубже и всесторонне лицо каждого отдельного коммуниста, а также повысить бдительность всей партийной организации с целью выявления врагов народа в лице «троцкистов, двурушников». Преподаватель техникума Долгова была обвинена в связи с врагом народа Радиным. Было отмечено, что учебное заведение «засорено» «врагами народа» (Иванов, Смирнов, Сегилевцев и другие) и их пособниками. Преподавателя техникума Дьяченко обвинили в том, что на уроках он проповедовал контрреволюционные идеи. Суть их заключалась в следующем: в СССР «хлеб колхозники сдают государству, а сами остаются без хлеба». Дьяченко за «контрреволюционные вылазки» был исключен из партии, а имеющийся на него материал отправили в органы НКВД для более глубокого расследования.

Бугурусланский русский педагогический техникум был открыт в 1921–1922 учебном году. В начале 30-х годов XX века в нем имелось два отделения: школьное и библиотечное. Политические репрессии в учебном заведении развернулись главным образом против преподавателей. Были уничтожены одни из самых опытных педагогов техникума: Н. Н. Никольский – 1883 года рождения, закончил Духовную академию, педагогический стаж – 27 лет; В. Г. Мельников – 1885 года рождения, окончил Оренбургский учительский институт, преподавал 32 года; П. А. Браун – 1897 года рождения, окончила Саратовскую гимназию, работала преподавателем более 16 лет [16. С. 50, 206, 266].

В 1935 году был обследован Бузулукский гидромелиоративный техникум. Среди преподавателей обнаружили двух «классово-чуждых элементов»: С. С. Черезов – преподаватель ботаники (белогвардеец); Богоявленский – преподаватель черчения (сын попа). Партийномузызысканию подверглась сестра Богоявленского. Она работала заведующей библиотекой [17. Л. 75].

В январе 1935 года из Москвы во все партийные организации страны направляется закрытое письмо: «Уроки событий связанных с злодейским убийством т. Кирова». Его обсуждают и в Областных отделах народного образования Южного Урала. Так, 27 января 1935 года обсуждение состоялось в Челябинском ОблОНО, где начальник СПУ Клепалов констатировал: «Нужно тщательно изучить работу обществоведов, историков и литераторов». Это не случайный выбор дисциплин, преподаватели именно этих курсов формируют общественно-политические взгляды молодого поколения, именно поэтому к ним было пристальное внимание и партийных функционеров. Заместитель заведующего ОблОНО А. Караковский на этом собрании заявил, что необходимо «разоблачать и крепко бить врага на каждом участке нашей работы» [12. С. 73–75]. Такую ретивость руководителей, можно объяснить желанием сохранить свою жизнь и только потом репутацию, должность и т. п. Репрессии после убийства

С. М. Кирова показали всю беспомощность людей не только в сфере народного образования. Да, бесспорно, показания на следствии выбивались различными методами, кроме предусмотренных уголовно процессуальным кодексом СССР, и здесь, как свидетельствуют архивные документы и мемуары репрессированных, люди готовы были признаться в любом преступлении, но на партийном собрании в учебном заведении не было физических пыток. Некоторые студенты, преподаватели и служащие средне-специальных заведений Южного Урала стремились отвести подозрения от себя, как правило, оговаривая своих коллег и сокурсников, что только усиливало требования поиска большего числа врагов народа в директивных указаниях центрального аппарата НКВД. Справедливости ради нужно сказать, что не все люди в годы политического террора клеветали на близких людей, коллег, сокурсников.

В начале января 1935 года в Чашинском молочном техникуме Курганского района Челябинской области органами НКВД было арестовано 4 студента: А. В. Житников, А. С. Корозняков, Н. С. Кочуров, А. П. Фирсов и Н. В. Румянцев – заведующий учебной частью данного учебного заведения. Всех пятерых обвинили в антисоветской агитации, и 25 июля 1935 года ОС НКВД СССР определила их виновными по статье 58 пунктам 10 и 11 и приговорила к 3 года лишения свободы каждого [18. С. 299, 306, 337, 348].

В 1935 году из Шадринского педагогического техникума уволили преподавателя русского языка и литературы К. Н. Донских с формулировкой за «буржуазные извращения в трактовке педагогических вопросов». В протоколе комиссии по разбору дела об увольнении К. Н. Донских обозначены обвинения педагога в троцкизме, суть которых заключалась в том, что на занятиях он говорил: «Деревня остается деревней», имея в виду, что «молодежь в техникум приходит с деревенскими настроениями». Затем напомнили педагогу, что в 1917 году публиковал свои работы в эсеровской газете. Не принималось во внимание уточнение К. Н. Донских, что газета была местной и по сути была единственным местом для опубликования краеведческих работ. Все это в середине 30-х годов XX века в СССР стало оцениваться как вражеская пропаганда [2. С. 54–55].

Согласно архивным документам, Челябинский ОблОНО только за несколько месяцев 1937 года от работы по политическим мотивам отстранил более 150 педагогов. А. Ф. Васенев пишет о 300 работниках народного образования, репрессированных в Курганской области. Архивные документы сохранили ежегодные требования заведующих Рона и ОблОНО прислать Наркомпрос педагогов. Это может означать только одно, что педагоги, уволенные из учебных заведений Южного Урала, не устраивали руководство только по политическим мотивам. Согласно архивным данным, освободившиеся места в большинстве своем занимали прежде всего благонадежные люди. Справедливо

У. И. Поставалова пишет, что качественный состав педагогов 30-х годов XX века Зауралья был разноликим, подчеркивая, что большое число педагогов закончили «лишь краткосрочные курсы «Красных учителей» на базе начальной школы. К учительскому труду у них не было психологической подготовки, не хватало грамотности» [19. С. 26].

Стремление советской власти научить грамоте всех – это нормальное явление, но гиперболизация этого процесса, когда в учебные аудитории вошли не педагоги, а по сути партийные функционеры, не способные обучать, породило негативные последствия для системы народного образования.

В 1937 году вскрыта «засоренность врагами народа, троцкистами, бухаринцами и другими враждебными элементами» в Троицком зооветтехникуме, Талицком лесотехникуме, Троицком зоотехникуме, Троицкой медшколе, Златоустовской медшколе, Шадринском финансово-экономическом техникуме [20. Л. 22].

В техникуме Путей сообщения поиск врагов народа активизировался после Оренбургской городской партийной конференции в 1937 году, где сообщалось о «вредительстве» на городских предприятиях врагов народа. В техникуме обнаружили «троцкистов» Мегдисова, Рыбакова. Отстранили от работы преподавателя Годыцкого, которого обвинили в «антисоветских выступлениях, в протаскивании фашистских взглядов» [21. Л. 4–5].

На внеочередном общем закрытом партсобрании в ФЗУ (фабрично-заводское училище) № 17 23 июня 1937 года обсуждался «антипартийный поступок» члена этой парторганизации М. В. Рощина. Его обвинили в «протаскивании троцкистской теории». На собрании было принято постановление: «за протаскивание троцкистских идей члена ВКП(б) В. М. Рощина из партии исключить» [22. Л. 17 об.]. Из училища был уволен как «враг народа» преподаватель Д. А. Дубовицкий, а затем расстрелян.

На собрании парторганизации Оренбургского педучилища было отмечено, что слабо ведется борьба за реализацию постановления ЦК ВКП(б) о школе и педологических извращениях. В результате обсуждения приняли постановление, в котором требовалось «систематически проверять состояние преподавания педагогики и методики» [23. Л. 4 об. 5]. На каждом собрании в педагогическом техникуме в середине 30-х годов XX века обсуждалась необходимость тщательно изучать каждого работника и студента техникума.

Второго марта 1937 года по доносу своего ученика был арестован преподаватель химии Курганского педтехникума А. Я. Стэн. Его обвинили в контрреволюционной агитации. Спустя 4 месяца Челябинский областной суд действия преподавателя техникума квалифицировал по статье 58 пункту 10 и приговорил к 6 годам заключения. Наказание А. Я. Стэн отбывал в лагере, где содержался

ученик-доносчик, который во время следствия указал на А. Я. Стэна как активного контрреволюционера. Впоследствии А. Я. Стэн об этом вспоминал: «Петер Андреев, так звали ученика, в лагере при встрече со мной все пытался объяснить, извинится, считая виновным себя передо мной. За баландой впереди меня никогда не становился, никогда не спал на нарах, что были выше моих. Сейчас (1989 год – С. С.), может быть, я его и простил бы, а тогда ... не мог» [24. С. 3]. Атмосфера поиска врагов народа по всей стране в каждом образовательном учреждении Южного Урала порождала новый принцип общения между педагогами и студентами, который можно определить так – нет людей, есть подозрительные лица: врагов народа, японских шпионов и др. Более того, как свидетельствуют недавно опубликованные документы из южно-уральских и российских архивов, следователи специально сами создавали из уже арестованных людей и их знакомых, родственников различные контрреволюционные организации, выполняя очередную разнарядку из центрального аппарата НКВД. Подобная схема была использована следователем Курганского НКВД и в рассмотренном нами случае с преподавателем Курганского педтехникума.

В конце марта 1937 года на партийном собрании Челябинского ОблОНО обсуждался доклад Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) от 3 марта. Зав. ОблОНО И. И. Барсуков отметил, что «вредительство которое было у нас в Челябинске касается и нашей партийной организации», в частности военного работника Куртамышского педучилища Пахарукова обвинили в «троцкизме».

В отчете Горono Челябинска от 13 апреля 1937 года сообщается о «фактах зажима самокритики» в народном образовании города, в частности в этом был обвинен Мохов – работник педучилища Челябинска. На общем партийном собрании Челябинского ОблОНО 19 июля 1937 года И. И. Барсуков сообщил, что в педучилищах Куртамышского района, Миасса, Магнитогорска «взята целая группа ребят».

В начале ноября 1937 года состоялось собрание парторганизаций ОблОНО и горono Челябинска, где обсуждались итоги пленума Обкома, Горкома, Райкома о фактах «разоблачения врагов народа». Обсуждение завершилось принятием постановления, где одобрялось решение о разоблачении врагов народа и «преданию суду этой банды (Рындин, Степанов, Кричевский, Гагарин)», и также было отмечено, что «очередной задачей парторганизации и каждого отдельного коммуниста является тщательная проверка и подбор кадров народного образования выдвигая в первую очередь ... на работу проверенных и преданных делу партии Ленина-Сталина» [12. Л. 461]. Таким образом, совершенно очевидно, руководителей средне-специальных учебных заведений Южного Урала подбирали не по профессиональной пригодности, а по политическим мотивам.

На собрании парторганизации Оренбургского педучилища было отмечено, что слабо ведется борьба за реализацию постановления ЦК ВКП(б) о школе и педологических извращениях. В результате обсуждения приняли постановление, в котором требовалось «систематически проверять состояние преподавания педагогики и методики» [23. Л. 4 об. 5]. На каждом собрании в педагогическом техникуме в середине 30-х годов XX века обсуждалась необходимость тщательно изучать каждого работника и студента техникума.

Сложным был 1937–1938 год и для Курганской технической школы Южно-Уральской железной дороги, в отчете в конце учебного года отмечалась «неукомплектованность преподавателями как по специально-техническим дисциплинам, так и по общеобразовательным». Многие преподаватели были объявлены врагами народа и арестованы органами НКВД: Лаврентьев, Малечек, Князев, Анюховский, Суворов [25. Л. 17, 19, 38 об.].

В годовом отчете об итогах работы педучилищ Оренбургской области за 1937–1938 учебный год, отправленный в Наркомпрос, сообщалось, что в Орском, Акбулакском, Бузулукском педагогических училищах было выявлено 4 преподавателя, «оказавшихся врагами народа». В Бузулукском педтехникуме преподавателя сняли с работы с формулировкой «за протаскивание антиленинских установок в литературе», вскоре он был арестован органами НКВД, а на его место руководство было вынуждено пригласить совместителя из другого средне-специального учебного заведения города [26. Л. 4, 5, 20].

Согласно изданным Книгам памяти политических репрессий Курганской области в средне-специальном образовании Курганской области было репрессировано 28 человек с 1930–1940 год, из них 18 в 1937–1938 году – это 64,28 % от общего числа осужденных. В Оренбургской области от политических репрессий, по неполным данным, пострадало 34 человека служащих, студентов и преподавателей средне-специальной ступени народного образования, все они были расстреляны [16]. Общее число репрессированных в Оренбургской области в данной сфере установить не удалось, так как Книга памяти содержит сведения только на осужденных к расстрелу, это во-первых, во-вторых, исследователям по-прежнему недоступен весь комплекс архивных документов.

Массовые репрессии в техникумах, училищах, Южного Урала отражали общесоюзные тенденции, когда страна боролась с «кулачеством» из средне-специальных учебных заведений региона «изгоняли»: кулаков, их близких и дальних родственников. После убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 года во всех техникумах Южного Урала искали «троцкистов» и их союзников. В результате политических репрессий в 30-е годы XX века в средне-специальных учебных заведениях Южного Урала пострадали преподаватели с дореволю-

ционном стажем работы. Архивные документы свидетельствуют, что к концу 30-х годов XX века в средне-специальном образовании Южного Урала ощущалась острая нехватка преподавателей особенно по истории.

Примечания

1. Козлова М. М. У истоков средне-специального образования в Зауралье // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Вып. 5. Курган: Изд-во Курганского университета, 2003. С. 53–58.
2. Шадринская старина. Краеведческий альманах. / Сост. и отв. ред. С. Б. Борисов. Шадринск: Изд-во Шадр. пед. инст., 1999. 174 с.
3. ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 1085.
4. ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 4043.
5. ГАКО. Ф. Р-516. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 2464.
7. ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 2467.
8. Хавторин Б. П. История музыкальной культуры Оренбургского края (XVIII–XX вв.). – Оренбург: ФГУП ИПК «Южный Урал», 2004. 632 с.
9. ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 4843.
10. ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 155.
11. ГАКО. Ф. Р-2239. Оп. 1. Д. 2.
12. ОГАЧО. Ф. 2620. Оп. 1. Д. 1.
13. Футорянский Л. И. Репрессии 1927–1938 годов // Оренбург. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1993. С. 204–213.
14. Футорянский Л. И. Трагедию не предавать забвению // На защите интересов России. Губчека-УФСБ 80 лет / Научн. рук. Л. И. Футорянский. Оренбург: Оренбургская губерния, 1998. С. 25–45.
15. ЦДНИОО. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 20.
16. Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Калуга: Золотая аллея, 1998. 416 с.
17. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 346.
18. Осуждены по 58... Книга памяти жертв политических репрессий Курганской области. Т. 2. Курган: Зауралье, 2003. 384 с.
19. Постовалова У. И. Очерки по истории народного образования Зауралья // Зауральское педагогическое образование. – 1995, № 1–2. С. 20–27.
20. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 590.
21. ЦДНИОО. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 22.
22. ЦДНИОО. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 4.
23. ЦДНИОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 9.
24. Строганова М. Доброе имя // Советское Зауралье. 1989, 26 мая. С. 3.

25. ГАКО Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 23а.
26. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2511.

Животова А. Н.

Репрессии 30-х гг. XX века в истории Тюменского пединститута

30-е годы XX века в нашей стране связаны с периодом массовых репрессий, проводившихся советской тоталитарной властью в отношении граждан собственного государства. В эти годы под предлогом борьбы с «врагами народа» было уничтожено большинство представителей «эксплуататорских классов», разгромлен командный состав армии, продолжена политика ликвидации старого образованного класса России, репрессированы прогрессивные кадры научно-технической и творческой интеллигенции. Все, кто так или иначе мог оказать сопротивление новой власти, были либо расстреляны или отправлены в лагерь, либо запуганы.

В свете этих событий история становления Тюменского пединститута в 30-е годы – это период невосполнимых потерь и утраченных возможностей, во время которого развитию молодого вуза был нанесен значительный урон.

В эти годы значение коллектива пединститута в городе постоянно растет. Студенты и преподаватели института принимают самое деятельное участие в общественной и политической жизни Тюмени. Значительные возможности воздействия вузовского коллектива на широкие массы трудящихся фактически относил их к особой категории людей, находившихся под пристальным контролем партийных органов. Нередко неблагонадежность педагога становилась причиной его увольнения, а для студента она оборачивалась отчислением из рядов советского студенчества.

В 1933 г. на страницах местной газеты «Красное знамя» были изложены результаты одной из первых «чисток» коммунистов пединститута. В заключительном слове председателя комиссии, осуществляющей эту чистку, т. Зотова было сказано следующее: «парторганизация института под руководством горкома ВКП(б) в основном правильно боролась за генеральную линию партии, давая беспощадный отпор тем, кто посягал на ее чистоту» [1]. «Отпор», в частности, был дан нескольким студентам, проводившим, по мнению комиссии, контрреволюционную троцкистскую агитацию, за что они и были исключены из пединститута. Следует отметить, что исключение студентов, выступающих в разрез политике и идеологии правящей коммунистической партии, а также скрывающих свое социальное происхождение и принадлежность к семье рас-

кулаченных, было характерным явлением в 30-х гг. XX века. И это было только начало.

Невосполнимый урон вузу был нанесен репрессиями в период «большого террора» 1937–1938 гг., которые унесли жизни многих преподавателей, сотрудников и студентов вуза, как членов партии, так и беспартийных. В первое десятилетие своего существования пединститут постоянно ощущал проблему кадрового дефицита: бытовая неустроенность прибывавших специалистов способствовала развитию текучести кадрового состава вуза, помимо этого, большинство преподавателей пединститута имели небольшой педагогический стаж и низкий процент острепенности. В этих условиях потеря квалифицированных преподавателей становилась серьезной угрозой не только для развития отдельных отраслей знания в институте, но и само их существование было под вопросом.

16 сентября 1937 года был арестован Григорий Тарасович Огибенин [2]. Он был одним из первых преподавателей вуза, приступивших к работе в институте с первых дней его создания в 1930 г. К моменту ареста он имел более 15 лет педагогического стажа и большой опыт организаторской деятельности. Начиная с 1920 по 1930 гг. он непрерывно прослужил, занимая последовательно должности лаборанта и ассистента, преподавателя аналитической химии, неорганической химии, заведующего лабораторией, преподавателя органической химии в Тюменском сельскохозяйственном техникуме. В 1924–1925 гг. по совместительству работал в тюменской школе 9-ти летке, где им была организована химическая лаборатория и впервые поставлена опытная работа учащихся. С 1925 по 1930 гг. по совместительству Григорий Тарасович заведовал химико-технической лабораторией тюменского округа, обслуживавшей аналитическим контролем и консультацией местные заводы (спичечная и фанерная фабрики, писчебумажная фабрика, чугунно-литейный завод, пивоваренный, винокуренный и дрожжевой заводы, стекольный завод, кожзавод и др.) [3]. В 1930 г. Г. Т. Огибенин начал работу преподавателем, а затем заведующим кафедрой химии и химической лабораторией в Тюменском пединституте. Его работа неоднократно отмечалась руководством вуза. В июне 1932 г. Г. Т. Огибениным в собственность пединститута была передана коллекция химического лабораторного оборудования, изготовленная им самостоятельно [4]. В этом же году лаборатория, которой он заведовал, получила переходящее Красное знамя института, а сам он получил звание ударника. В 1933 г. за хорошую работу Г. Т. Огибенин был премирован научной командировкой.

Среди первых выпускников Тюменского пединститута был его ученик С. И. Гусев. После ареста своего учителя в июне 1937 г. он перевелся в Пермский мединститут. В 1950 г., защитив докторскую диссертацию и став профессором, был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР».

31 октября 1937 г. Г. Т. Огибенин был осужден «тройкой» Омского УНКВД и 3 ноября этого же года расстрелян. Виною Григория Тарасовича стало его вынужденное белогвардейское прошлое. Обучаясь в Петроградском горном институте, он в 1915 году был досрочно призван и отправлен в Царицынский учебный студенческий батальон, где началась его военная служба, «весма для меня тягостная, оторвавшая меня от учения и от науки», – так пишет в автобиографии сам Григорий Тарасович. В ходе гражданской войны он перешел на сторону Красной армии, однако пребывание его в белогвардейских рядах в дальнейшем стало поводом к аресту в 1937 г.

Меньше чем через месяц после ареста Огибенина 5 ноября 1937 г. был арестован Юрий Петрович Иорданский [5] – организатор и первый заведующий кафедрой географии Тюменского пединститута, единственный профессор вуза к этому времени. Юрий Петрович окончил политехнический институт в г. Петрограде. Работал во Всесоюзном Арктическом институте. В 1930 г. за участие в контрреволюционной группе был осужден заседанием коллегии ОГПУ по ст. 58–4,7,11 УК РСФСР на 3 года ссылки на Урал, которую отбыл в 1933 г. [6].

Именно он во второй половине 30-х гг. стал организатором и идейным вдохновителем первых комплексных научных экспедиций пединститута, предпринятых на север области. При его непосредственном участии в 1935 г. была создана кафедра географии, а в 1936 г. начали работу вечернее и заочное отделения географического факультета. В сентябре 1937 г. им была сформулирована идея о создании научно-исследовательского издания пединститута «Ученые записки Тюменского педагогического института» [7], первый выпуск которого вышел в 1939 г.

После ареста Юрия Петровича открытие очного отделения географического факультета в пединституте затянулось и произошло только в 1938 г., однако уже в 1941 г. географический факультет в пединституте был ликвидирован.

Иорданского обвинили в том, что «он создал контрреволюционную группу, основной целью которой было проведение контрреволюционной вредительской деятельности в системе преподавания, направленную на теоретическое обезоруживание студентов, а также на срыв подготовки кадров, выпускаемых пединститутом» [8]. А проявлялось это в том, что он: «не показывал классовую обусловленности географических открытий, вредительски превратил географический кабинет в музей, сознательно замалчивал путешественников, вышедших из народа, таких как Джеймс Кук, который в юности был угольщиком» [9]. 15 марта 1938 г. Ю. П. Иорданский был осужден «тройкой» УНКВД и 21 марта 1938 г. расстрелян.

Вместе с Ю. П. Иорданским были арестованы еще два преподавателя пединститута: Наталья Ильинична Григорьева, препо-

даватель русского языка на рабфаке и Павел Иванович Селихов, преподаватель физики на подготовительных курсах пединститута. В обвинительном заключении они рассматривались как члены контрреволюционной группы ссыльного Иорданского.

Обвинение было основано на свидетельских показаниях, из которых можно было понять, что основная вина Н. И. Григорьевой заключалась в том, что успеваемость ее студентов по русскому языку снизилась до 41 %, что на уроках литературы «с целью сорвать преподавание современных писателей Пушкина и Горького» она заполняла сетку часов прохождением Достоевского, в ущерб Пушкину преподавала Державина и Грибоедова, за то, что заявляла «прежде учили назубок», чем дискредитировала советскую школу, что специально пропустила в стенгазету стишок о фашистских легчиках, топивших наши корабли [10]. 15 марта 1938 г. она была приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Павел Иванович Селихов – выпускник Тобольской духовной семинарии, до 1919 года был священником. В свидетельских показаниях говорилось, что он не разрешал записывать свои лекции, требуя слушать их, а также объясняя на одном из занятий по физике явление деформации, сказал, что например, хлеб имеет деформацию в зависимости от качества. Раньше хлеб был такого качества, что после сжатия он полностью восстанавливал свою форму, а «сейчас такого хлеба нет» [11]. Его расстреляли в один день с Ю. П. Иорданским.

Трагичной оказалась судьба работников рабфака пединститута Татьяны Александровны Буревои и ее мужа Александра Александровича Вихрева (это их псевдонимы, настоящие ФИО Буревои не известно, настоящее ФИО Вихрева – Карпович Михаил Константинович). Из-за репрессий против коммунистов они вынуждены были бежать из Польши в Советский Союз. По решению партийных органов были направлены в Тюмень. Татьяну Александровну назначили на должность заведующей рабфаком Тюменского пединститута, а ее муж там же получил должность учителя математики. В июне 1937 г. их арестовали и обвинили в шпионаже. 29 ноября 1937 г. А. А. Вихрева расстреляли [12], Татьяну Александровну приговорили к 10 годам работы в концлагерях. По воспоминаниям П. С. Прокофьева, заведующего учебной частью рабфака при пединституте, Бурева отработала в лагере все десять лет, была бригадиром. Отбыв срок, она вернулась в Тюмень и разыскала своих детей – сына и дочь, которые воспитывались в разных детских домах, после чего вместе с детьми уехала в Минск [13].

Из воспоминаний П. С. Прокофьева нам стало известно и о трагической судьбе Николая Марковича Николова, преподавателя диалектического материализма в Тюменском пединституте. В 1937 г. он был арестован, осужден «тройкой» и умер в лагере [14].

Его комсомольская юность прошла в Болгарии, где он принимал участие в партизанском движении, затем бежал в Турцию, а оттуда в СССР. Проработав некоторое время в качестве рабочего на заводах Урала и Днепропетровска, он поступил в Ленинградский педагогический институт им. Герцена, который окончил в 1930 г. Свою педагогическую деятельность Николай Маркович начал в средних профессиональных учреждениях города Тюмени: в медицинском и сельскохозяйственном техникумах, и в совпартшколе [15]. В Тюменском пединституте он начал работать с 1931 г. Помимо преподавательской деятельности, Н. М. Николов выполнял обязанности заведующего кафедрой общественно-экономических дисциплин и председателя секции научных работников, руководил кружком диамата среди преподавателей вуза, по поручению горкома ВКП(б) выполнял различные задания в качестве пропагандиста в институтской партийной ячейке. В 1936 г. именно он возглавил комплексную научную экспедицию, организованную институтом. Основываясь на материалах местной тюменской печати, можно сказать, что Николай Маркович был одним из самых любимых преподавателей в пединституте. За ударную педагогическую и общественную работу его премировали Почетной грамотой ударника и научной командировкой в Москву для разработки курса «Диалектика природы». О нем и его работе неоднократно публиковались статьи в местной газете «Красное знамя» [16].

Помимо преподавателей, в годы «большого террора» были необоснованно репрессированы и расстреляны по приговору «тройки»: главный бухгалтер пединститута Николай Михайлович Артемьев – Михайлов, а также комендант Клавдий Иванович Ергин и его брат Сергей Иванович Ергин – огородник пединститута [17].

Репрессии коснулись и студентов вуза. В 1937 г. были арестованы и расстреляны в Тюмени студенты-поляки Иосиф Шмулевич Гожичанский и Иван Семенович Новик [18], а в 1938 г. в числе расстрелянных оказался студент педрабфака Яков Никифорович Степус [19].

Всего по нашим данным репрессиям в период «большого террора» в пединституте подверглись 13 человек, 10 из них были расстреляны, трое приговорены к 10 годам работы в исправительно-трудовых лагерях.

Репрессиями были уничтожены наиболее опытные и преданные науке люди: Г. Т. Огибенин, Ю. П. Иорданский, Н. М. Николов, химическая и географическая наука в пединституте были лишены своих ведущих специалистов, которые могли сделать еще очень многое для успешного развития вуза. Кафедра географии была реформирована, а сам географический факультет в 1941 г. ликвидирован. Аресты, допросы, совещания о деятельности «врагов народа», проходившие в пединституте, на долгий период времени деморализовали коллектив вуза, породили страх и недоверие среди студентов и преподавателей,

создали предпосылки для ухода из пединститута перспективных специалистов.

Примечания

1. Усвоение ленинского стиля в работе – обязанность каждого члена партии – от руководителя вуза до студента. Предварительные итоги // Красное знамя. 29 ноября 1933. № 262 (4347). С. 2.
2. Книга расстрелянных. Мортиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Т. 1. Сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень: Изд-во «Тюменский курьер», 1999. С. 136.
3. Архив Музея истории вуза ТюмГУ. Автобиография Г. Т. Огибенина. Л. 1–2.
4. Архив Тюменского государственного университета. Ф. 765. Оп. 2. Д. 1. Приказ № 49 от 20 июня 1932 г. Л. 90 об.
5. Книга расстрелянных. Мортиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Т. 1. Сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень: Изд-во «Тюменский курьер», 1999. С. 77.
6. Старков В. Д., Тюлькова Л. А., Солодовников А. Ю. История геофака Тюменского университета. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2005. С. 230.
7. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области». Ф.765. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
8. Книга расстрелянных. Мортиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Т. 1. Сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень: Изд-во «Тюменский курьер», 1999. С. 273.
9. Там же.
10. Там же. С. 272.
11. Там же. С. 273.
12. Там же. С. 81.
13. Прокофьев П. С. Путь ровесника века. Сыктывкар, 2000. Серия «Воспоминания XX век». Вып. 4. С. 73.
14. Там же. С. 67.
15. Никольский. Комсомолец – педагог // Красное знамя. 29 октября 1933. № 237 (4323). С. 2.
16. Никольский. Комсомолец – педагог // Красное знамя. 29 октября 1933. № 237 (4323). С. 2.; Побольше бы таких как товарищ Николов! // Красное знамя. 29 ноября 1933. № 262 (4347). С. 2.
17. Тюменский государственный университет: осмысление пройденного. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 1998. С. 17.
18. Там же.
19. Книга расстрелянных. Мортиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Т. 1. Сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень: Изд-во «Тюменский курьер», 1999. С. 183.

Иванцов И. Г.

Некоторые формы осуществления репрессий против коммунистов в 1930-е годы

Одним из основных методов в управлении и функционировании советского общества в 1930-е гг. были репрессии. Все трудности и провалы в осуществлении модернизации, внутренней и внешней политики, колхозном строительстве объяснялись происками многочисленных врагов (предателей, вредителей и саботажников и т. д.), которых с помощью народа выявляли в первую очередь органы госбезопасности и над которыми проводились открытые и закрытые судебные процессы. Для оправдания репрессий И. В. Сталин в июне 1928 г. выдвинул тезис об обострении классовой борьбы в стране по мере продвижения к социализму.

В своем постановлении президиум Центральной контрольной комиссии (ЦКК) от 23.09.1931 г. «О взаимоотношениях КК с судебно-следственными органами» говорил, что местные контрольные комиссии сплошь и рядом не уделяют должного внимания проверке правильности и обоснованности привлечения к следствию и суду членов партии, совершенно механически исключают из партии осужденных или подследственных лишь на основе постановления о привлечении или приговора. В результате формального подхода партия иногда лишалась ценных работников, высококвалифицированных хозяйственников, организаторов, руководителей предприятий. ЦКК ВКП(б) в связи с этим предлагала:

1. Требовать от органов расследования, прокуратуры, суда точного соблюдения ими требований циркуляров ЦК ВКП(б), НКЮ от 04.12.1922 г. и ЦКК ВКП(б) от 14.11.1927 г. об обязательном сообщении, в течение 24 часов, в КК областей, округов и районов данных об подследственных или арестованных коммунистах.

2. Не применять механические исключения из партии на основании постановления суда.

3. По делам о бесхозяйственности, халатности и т.д., где не были установлены элементы личной корысти, обращать особое внимание на обоснованность привлечения к уголовной ответственности, на целесообразность применения репрессий.

4. Ставить перед соответствующими органами ОГПУ, прокуратуры, суда вопросы об исправлении ошибок, если таковые будут выявлены в ходе разбирательства КК.

5. Практиковать не реже одного раза в полгода заслушивание отчетных докладов прокуроров и председателей судов (областей, округов, районов) по вопросам привлечения и осуждения членов ВКП(б).

Поручить одному из членов КК (областной, окружной, районной) наблюдение за ходом судебно-следственных дел членов партии.

Вместе с тем местные КК предостерегались от вмешательства в оперативную работу этих органов и попыток навязывания, в порядке партийной директивы, суду и прокуратуре своих решений. Теоретически виновные исключались из ВКП (б) после соответствующих приговоров суда, но в исключительных случаях, когда вина была ясна, КК разрешалось исключать виновных из партии до вынесения приговора [1].

На деле зачастую все было иначе. Получив сведения о возбуждении следствия или аресте члена партии, его дело рассматривалось, и если члены КК были уверены в том, что подсудимого предадут суду, он во многих случаях исключался из партии еще задолго до принятия судебного решения.

Северокавказская краевая КК, препровождая упомянутые циркуляры на места, сообщала, что в практической работе не следовало руководствоваться циркуляром начальника управления милиции края от 21.10.1931 г., который противоречил директивам ЦКК [2] (и утверждал, что органы милиции не должны подчиняться контрольным комиссиям ВКП(б), что у них есть свое вышестоящее начальство). Этим подчеркивалось доминирующая роль КК над прочими «репрессивными» органами.

В приложении к протоколу заседания президиума Темрюкской районной КК-РКИ от 7.12.1931 г. контрольная комиссия обязывала:

1. Начальника районного отдела ОГПУ, начальника милиции, председателя нарсуда по «всем возникающим у них делам на членов и кандидатов в члены ВКП(б) сообщать устно или письменно не позже чем через сутки в рай КК, а также (сообщать) обо всех принимаемых мерах к коммунистам (привлечение к следствию, обыск, арест, а также ближайшие обстоятельства и причины, вызвавшие такие меры». Причем в случае ареста партийные документы арестованных необходимо препровождать в КК, за исключением документов являющихся предметом следствия (подделка, присвоение и проч.).

2. Президиум КК обязал судей 1 и 2 участков г. Темрюка после вынесения приговоров по делам членов партии не позже чем через 48 часов пересылать в КК копии приговоров, указывая в препроводительной записке, аппелируется ли приговоренным решение суда. Прокурор района, начальник отдела ОГПУ и начальник РУМ (районного управления милиции) обязывались предоставлять информацию обо всех делах, переданных им на расследование, и о принятых по этим делам мерах.

3. Был специально выделен член президиума рай КК для наблюдения за ходом судебно-следственных дел коммунистов. Он должен был систематически информировать президиум о состоянии и ходе таких дел. Кроме того, было предложено вести обязательный учет всех уголовно-следственных дел, возбужденных в отношении коммунистов района [3].

И тем не менее, несмотря на все благие пожелания, незыблемым фактически правилом стало применение механических исключений из партии, как правило, на основании постановления суда.

Особой заботой государства была сфера образования. Органы государственной безопасности, спецотделы отделов народного образования (крайно, облоно, районо), партийные комитеты вузов, коммунистических школ и т. п. в значительной мере вели контроль информационной составляющей учебного процесса и программ, а также высказываний, мнений и даже мыслей студентов, слушателей, учителей и преподавателей.

Умение распознавать и разоблачать врага во всех его обличьях, вовремя выявлять и пресекать его деятельность требовалось от всех ответственных работников системы образования. Преподаватели и их деятельность должна была соответствовать линии коммунистической партии так же, как и слушателей (студентов). Работники, имевшие классово-чуждое социальное происхождение, связанные в прошлом с оппозиционными партиями и группировками, повстанческими группами, позволявшие себе вольные высказывания и т. п., подвергались репрессиям.

Зачастую подобные выявленные факты фальсифицировались либо искажались, им придавался несуществующий заговорщицкий характер.

Ярким примером является дело преподавателя Азово-Черноморской ВСКХШ (Высшей коммунистической хозяйственной школы), Силантьева. 14 марта 1935 года состоялось закрытое партсобрание школы, на котором присутствовали все члены ВКП(б), числившиеся в школе, преподаватели, студенты, обслуживающий персонал. Всего 281 человек. Всего в школе был 531 член партии, из которых на собрании отсутствовало 250 человек (находились на производственной практике). На повестке дня стоял вопрос «Решение Краснодарского городского комитета об исключении из партии Силантьева за протаскивание контрреволюционных троцкистско-зиновьевских материалов в музей революции».

Сущность вины Силантьева заключалась в том, что он, заведующий музеем революции АЧ (Административной части) ВСКХШ, «пропагандировал идеи Троцкого, Зиновьева и прочих контрреволюционеров». В ряде музейных плакатов «имелись извращения марксизма». Цитаты Ленина давались на фоне свастики фашистов, на фоне трехцветного знамени». (Наверное, плакаты были начала 1920-х гг., на них часто встречалось изображение свастики, как и на советских денежных купюрах того времени). Причем учебная часть долго этого не замечала, признавала кабинет истории ВКП(б), возглавляемый Силантьевым, лучшим в школе.

После увольнения Силантьева партком не давал его делу политическую характеристику, которую дать был обязан [4].

Партсобрание постановило: за неправильную политическую линию и отсутствие идейно-политического контроля над работой кабинета истории ВКП(б) и ленинизма, в связи с решением краснодарского горкома партии от 04.03.1935 г. об исключении из партии Силантьева, за несвоевременную постановку перед парторганизацией ВСКХШ и Краснодарским горкомом ВКП(б) вопросов о контрреволюционных материалах и отсутствии их оценки, отсутствии попыток информировать и правильно политически ориентировать парторганизацию, партийному комитету объявить выговор и данный состав парткома распустить.

Секретаря парткома Кахидзе с работы снять и объявить ему выговор.

Поставить перед ректором вопрос об изменении мотивов снятия Силантьева и оформить дополнительный материал на него и направить его в партколлегию при уполномоченном комиссии партийного контроля ВКП(б).

Партсобрание поддержало решение ректора о снятии с работы ассистента политэкономии Григорьева за допущенные на курсах счетоводства троцкистские формулировки в толковании вопроса участия царской России в империалистической войне, неясные формулировки критики троцкистов по вопросам индустриализации, неправильное разъяснение вопроса борьбы партии на два фронта и т. д.

Кроме того были одобрены мероприятия парткома и ректора о наложении взысканий на преподавателей Егунова и Чугунного (оба беспартийные) за допущение упрощенчества и вульгаризации в преподавании русского языка, анатомии и физиологии животных. А также снятие с работы преподавателя Ракова за допущение ряда политических ошибок и антиленинских формулировок, данных во время занятий по ленинизму.

Заявление, сделанное на партсобрании, о связях преподавателей с исключенным из партии Силантьевым передать партийному комитету Краснодарского пединститута [5].

Поясним, что туда Силантьев поступил на работу преподавателем.

Официальные документы – один из самых надежных и убедительных источников. Однако их особенности (ограниченность проблематики, лаконизм, зачастую невозможность проверки результативности содержащихся в них директив и т. д.) делают желательными дополнить эти источники другой информацией. Хотя бы и на уровне предположений.

Рискнем предположить, что после таких характеристик, по всей вероятности, Силантьев уволили и из Краснодарского пединститута.

Заседание бюро Геленджикского РК ВКП(б) от 2 марта 1935 года, с участием районного партийного актива (41 человек).

Решение парторганизации Ленинского партийного учебного городка о троцкистско-зиновьевской вылазке на курсах пропагандистов.

Считать, что парторганизация Ленпартучгородка своевременно широко проработала на партсобраниях решения коллегии Верховного Суда о зиновьевско-каменевском белогвардейском терроризме «Ленинградский и Московский центры», закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О злодейском убийстве тов. Кирова», в результате чего повысилась политическая бдительность членов парторганизации и вскрыты троцкистско-зиновьевские вылазки среди отдельных курсантов Лемешонок и Мамонтова. Парторганизация и преподавательский состав на собраниях и учебных занятиях в группах разоблачили Лемешонок и Мамонтова, утверждавших, что якобы Троцкий был организатором октябрьского восстания, имел заслуги перед революцией, изгнали их с курсов и поставили перед парторганизациями, приславшими их на курсы, вопрос об исключении их из партии.

Наряду с этим парторганизация, по определению комиссии партийного контроля, допустила недопустимую медлительность с разбором дела Мамонтова и вынесла решение об исключении его с курсов после того, как он уже выбыл.

Преподавательница Павлова, правильно разоблачившая на собрании и в учебной группе троцкистские вылазки Лемешонка и Мамонтова и сущность контрреволюционного троцкизма и зиновьевско-каменевского белогвардейского контрреволюционного терроризма, допустила грубую ошибку, дав согласие парторгу группы снять из стенгазеты заметку, разоблачающую Лемешонка, а тов. Фредзон (парторг группы), зная о снятии заметки, своевременно не приняла мер к исправлению ошибки.

Утвердить решение парткома ЛПУГ об объявлении выговора и снятии с работы зав. курсами тов. Павловой за дачу согласия о снятии заметки, разоблачавшей троцкистско-зиновьевскую вылазку. Принять к сведению заявление тов. Павловой о том, что она признает свою ошибку и ее разоблачила. Вопрос о тов. Фредзон решить в ее присутствии [6].

В деле свою роль сыграли и психологические причины. Ведь во всех партийных школах, курсах и кружках политграмоты и т. д. само собой разумеющимся были утверждения, что именно Лев Троцкий был организатором Октябрьского восстания, что он имел неоспоримые заслуги перед революцией. Но в начале 1930-х эти данные уже массово подвергались сомнению официальной партийной цензурой, а уж к 1935 году и вовсе стали преступными. Вовремя не перестроившиеся коммунисты, преподаватели, студенты, волею судьбы оказавшиеся действующими лицами, а порой и просто свидетелями происходивших событий, отвечали за это изгнанием из партии, с места работы или учебы, поломанными судьбами.

В 1930-е годы серьезные изменения претерпела политическая система советского общества. Новое поколение партийцев, пришедшее к руководящим постам после устранения поколения старых большевиков, на волне массовых политических репрессий, стало той средой, которая активно культивировала исполнительно-приказные методы работы. Полное единогласие, строгая иерархия подчинения, жесткое администрирование, военная дисциплина, насаждавшиеся в ВКП(б), нашли свое прямое отражение во всей советской партийно-государственной политической системе.

Задачи социально-экономических преобразований находили свое решение через механизм административно-силового принуждения. Принуждение неотвратимо влекло за собой формирование мощного и разветвленного репрессивного аппарата, появление органов внесудебного преследования, таких как, например, органы партийно-государственного контроля (после 1934 года комиссии партийного контроля) и иных органов. Активизировавшаяся роль силовых структур способствовала усилению централизации в управлении страной, приводила к прочному внедрению административно-директивных методов управления, повышала роль партийно-государственного аппарата в организации, экономической, социальной, хозяйственной, культурно-образовательной и даже духовной жизни страны. Шло активное складывание тотальной системы партийно-государственного политического контроля.

Партийное руководство, отвергнув существовавшие в 1920-е годы альтернативные модели социально-экономического и политического развития страны, выработало несвойственный другим странам путь. Его особенностью была форсированная индустриализация под прямым руководством ВКП(б). Партия, вернее ее руководство, смогла проложить особую дорогу в развитии советской страны параллельно рыночным механизмам многих государств и не пересекающуюся с ними.

В данном контексте можно утверждать, что правящее партийное руководство в 1930-е годы, сумев победить внутрипартийные оппозиционные группировки, утверждая жесткие идеологические доктрины, применяя массовые репрессии, сумело создать особые условия для дальнейшего существования вновь отстроенного общества. Эти условия были основаны на отвержении рыночной экономики, социалистических формах и методах хозяйствования, насильственном упреждении и подавлении инакомыслия, на достаточно высокой степени закрытости советского общества.

Тем не менее, существование советского общества в 1930-е годы невозможно изображать как некий махровый и безысходный период отечественной истории. При всем драматизме, а порой и трагичности происходивших событий в стране и, в частности, на Кубани, при всей противоречивости жизни нашей страны в период 1930-х годов,

социальную нишу в обществе занимали идеи сильной государственности, патриотизма, высокого профессионализма в труде, мотивы крепкой семейственности и счастливой личной жизни.

В этот период для сотен тысяч и даже миллионов советских людей открылись реальные перспективы получить желаемое образование, поднять свой социальный статус, раскрыть и реализовать свои творческие наклонности и т. д.

С большой долей вероятности можно утверждать, что по подобным причинам общественная атмосфера 1930-х годов была одновременно вместе с мрачными тонами, во многом окрашена и пронизана пафосом свершений, здоровым мироощущением людей, занятых, в своем большинстве, созидательным трудом. Именно поэтому социально-политическая атмосфера 1930-х годов остается для многих современных исследователей сложной, неоднозначной, противоречивой.

Примечания

1. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 431. Оп. 1. Д. 11.
2. ЦДНИКК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 12.
3. ЦДНИКК. Ф. 4387. Оп. 1 Д. 28.
4. ЦДНИКК. Ф. 20. Оп. дополнительная. Д. 6. Л. 6.
5. ЦДНИКК. Ф. 20. Оп. дополнительная. Д. 6. Л. 8 об.
6. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 61. Л. 43.

Николаев К. Б.

Соперник ГУЛАГа

В литературе по теме политических репрессий значительное место занимает история мест заключения – прежде всего исправительно-трудовых лагерей. Начиная с первых публикаций 90-х годов, и ученые, и журналисты, да и сами репрессированные, систему ИТЛ сталинского периода, в каком бы регионе лагеря не располагались, называют сокращенно ГУЛАГом.

В данной статье хотелось бы внести некоторое уточнение: называть ГУЛАГом все лагеря в СССР неверно, так как с 1932 по 1936 г. на Колыме существовала самостоятельная, не входившая в ГУЛАГ и ему не подчинявшаяся лагерная система. Она называлась Севвостлаг (затем – УСВИТЛ). Эта система входила составной частью в трест Дальстрой, который с начала 30-х гг. прошлого века добывал золото на Колыме.

Кому подчинялся Дальстрой? Большинство авторов, пишущих о Дальстрое, уверено в том, что эта необычная организация была

создана Советом Труда и обороны и подчинялась ему. Первым такое мнение высказал в 1961 г. секретарь Магаданского обкома КПСС Н. А. Жихарев в книге, написанной по материалам своей кандидатской диссертации [1]. Он привел дату принятия этого документа: 13 ноября 1931 г., № 516.

Документ начинался словами: «В целях производства дорожного и промышленного строительства в районе Верхней Колымы Совет труда и обороны постановляет:

Организовать в непосредственном ведении Совета труда и обороны государственный трест, именуемый сокращенно Дальстрой» [2].

Что главное в приведенной короткой преамбуле и в первом пункте этого постановления? Судя по тексту, цели, ради которых создавался новый трест, – обычное дорожное и промышленное строительство в районах Дальнего Востока.

Обращает на себя внимание лишь подчиненность нового треста: СТО. Почему и зачем? Ведь все обычные тресты находились в подчинении обычных же ведомств – в те времена таковыми являлись в СССР отраслевые наркоматы. Предприятия промышленного и дорожного строительства входили в структуру наркомата тяжелой промышленности. Однако, если судить по тексту постановления, этот наркомат к тресту Дальстрой никакого отношения не имел.

Чтобы разобраться в этой странной ситуации, пришлось просмотреть в ГАРФе документы Совета труда и обороны с 1930 г. Оказалось, что под этим названием действовал суженный состав Совнаркома СССР. Руководство партии было представлено Сталиным. Однако Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) посещал заседания СТО очень редко. Это видно по листам с подписями присутствовавших: его подпись за пять лет встретилась всего три раза. Руководил Советом труда и обороны председатель Совнаркома. В 30-е годы эту должность занимал Молотов.

Лишь после знакомства с протоколами СТО стало ясно, что государственный орган с таким громким названием выполнял в те годы распределительные функции. В условиях перманентного дефицита он делил по ведомствам, предприятиям, стройкам и организациям материально-технические ресурсы, а порой также и продовольствие.

И вот такой, чисто распределительный, орган, судя по его протоколу № 516 от 13 ноября 1931 г., должен был оперативно руководить деятельностью нового строительного треста «в районе Верхней Колымы».

Следов этого руководства после ноября 1931 г. в фонде Р-5674, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации и отражающего все стороны работы Совета труда и обороны, обнаружить не удалось. Там не было ни последующих указаний молодому тресту, ни его отчетов о выполненной работе в последующие годы.

Как же так: СТО создал Дальстрой в своем «непосредственном ведении» – и сразу забыл о нем? Что за странное постановление № 516?

В этой ситуации можно было поискать партийные документы, связанные с организацией Дальстроя. По всем нормам политической жизни тех лет все принципиальные вопросы решал сначала ЦК, точнее – лично Сталин. И только после партийного постановления по важному вопросу его реализация обычно поручалась советским и хозяйственным органам.

Н. А. Жихарев в упомянутой здесь книге «Очерки истории Северо-Востока РСФСР» сообщил, что за два дня до постановления СТО некий документ на тему Колымы принял ЦК ВКП(б). Этот документ глухо упоминается в более поздних материалах делопроизводства Дальстроя, хранящихся в Государственном архиве Магаданской области. Однако нигде и никогда не раскрывалось его содержание. И даже название документа не было известно.

Несколько раз попытки разыскать этот документ предпринимал автор данной работы. Вначале, еще в 90-е гг., удалось просмотреть картотеку постановлений ЦК партии 1930–1932 годов. Главным ориентиром была дата: 11 ноября 1931 года.

Автор внимательно просмотрел повестку не только этого дня, но и всех других заседаний в течение трех лет. Судя по официальным протоколам Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), никаких постановлений, связанных с Дальстроем, эти руководящие органы не принимали.

Разгадка подчиненности Дальстроя, его подлинных задач и особенностей его рабочей силы пришла, когда мы стали заниматься изучением политических репрессий, прокатившихся по Дальстрою, как и по всей советской стране, в период «Большого террора». По тематическому запросу из научно-исследовательского института системы Академии наук, где я тогда работал, нам была предоставлена возможность познакомиться с огромным – 40 томов – архивно-следственным делом «О контрреволюционной, антисоветской правотроцкистской вредительской организации в тресте Дальстрой».

В одном из толстых томов этого дела среди протоколов допросов обвиняемых, которых следователи принуждали признать себя вредителями и заговорщиками, я обнаружил скопированными несколько документов центральных партийных и советских органов. И среди них – долгожданное постановление!

Вероятно, следователи хотели выяснить уровень взаимоотношений руководителей Дальстроя с Москвой и получили из архива ЦК партии копию этого сверхсекретного документа. Такая копия, заверенная подписями и печатями НКВД СССР, подшита в следственном деле, заведенном на колымских «врагов народа». Скорее всего, из-за своей особой секретности документ не включен в общий протокол заседания Политбюро от 11 ноября 1931 г., а помещен в

так называемую «особую папку», которая хранилась отдельно – в сейфах Генерального секретаря партии Сталина.

Постановление названо лаконично: «О Колыме». Оно оформлено протоколом Политбюро № 75, принято опросом 11 ноября 1931 г. Текст документа занимает пять полных страниц и подписан: «Секретарь ЦК И. Сталин» [3].

Постановление начинается следующими словами: «Для форсирования разработки золотодобычи в верховьях реки Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б)». Итак, трест – «специальный», и подчинялся он вовсе не Совету труда и обороны, а, обращаем внимание «непосредственно ЦК ВКП(б)».

Такого не было в советской истории. Центральный комитет большевистской партии давно являлся собственником административных зданий, где располагались его служебные помещения. Потом у ЦК появились собственные жилые здания, дачи, дома отдыха, поликлиники, санатории. Но чтобы ЦК имел свой собственный трест для добычи золота – кажется, об этом никто не знал. Генеральный секретарь любил принимать неожиданные решения, и Дальстрой стал таким экспериментом. А чтобы максимально засекретить эту ситуацию, ЦК поручил Совету труда и обороны принять фальшивое постановление, что и было сделано 13 ноября.

Руководителя «особого» производственного предприятия назначило также Политбюро. В том же постановлении читаем: «Для непосредственного руководства работой треста назначить директором треста Берзина с пребыванием его на месте».

О директоре Дальстроя мы можем сообщить следующее. Эдуард Петрович Берзин был кадровым чекистом. Он имел опыт строительства в 1928–1931 гг. на Северном Урале комплекса секретных химических заводов «Вишхимз» силами заключенных развернутого там Вишерского исправительно-трудового лагеря с контингентом до 37,8 тысячи человек [4].

В постановлении ЦК партии давались четкие указания по взаимодействию ОГПУ и Берзина: «Наблюдение и контроль за деятельностью треста возложить на Ягоду». Обратим внимание: в 1931 г., когда принималось это постановление, Г. Г. Ягода занимал должность заместителя председателя ОГПУ. В этом карательном органе работал и председатель – В. Р. Менжинский. Однако Политбюро никаких поручений ОГПУ и его председателю по взаимоотношениям с Дальстроем давать не стало. Оно поручило лишь «наблюдение и контроль» конкретному чекисту. То есть никто, кроме Ягоды, из сотрудников ОГПУ, даже высшего ранга, в действия Берзина не имел права вмешиваться.

Так Сталин соединил в прочную связку двух чекистов – Берзина и Ягоду. И поручил им управлять особым трестом, который принадлежал партии большевиков. Понятно, что с помощью Ягоды в

качестве основной рабочей силы Дальстрой мог использовать заключенных. Для этого на Колыме надо было организовать лагеря, которые, применяя издевательскую лексику чекистов, официально назывались «исправительно-трудовыми».

Сталин хорошо понимал, что для этого необходимо, поэтому в постановлении Политбюро 11 ноября было записано поручение: «...Обязать ОГПУ создать специальный аппарат (то есть выделить кадры администрации лагеря и охрану заключенных – К. Н.) для обслуживания Колымского треста и направить в Колыму дивизион войск ГПУ в 150 штыков».

Мы исследовали, как и когда было реализовано это указание Политбюро.

К моменту создания Дальстроя ОГПУ уже накопил некоторый опыт организации новых лагерей в неосвоенных, отдаленных местностях. В это время уже функционировали Ухтлаг и Вишерлаг, Северные лагеря под Архангельском, Дальлаг и Сибирские лагеря. По отчету на конец 1930 г., а во всех лагерях ОГПУ содержалось 212 тыс. заключенных [5].

Постепенно вырабатывались правила режима и содержания контингента, нормы труда и питания этих бесправных рабов. Создавалась система все более широкого использования принудительного труда части населения страны, руководители которой объявили, что строят коммунизм.

Видимо, Сталин искал разные варианты хозяйственного освоения новых отдаленных территорий, богатых стратегическими полезными ископаемыми.

В данном случае ему срочно требовалось золото в больших количествах – для успешного проведения первой пятилетки. Прошедшие недавно по Колыме геологи С. В. Обручев и Ю. А. Билибин выдали фантастический прогноз: в недрах этого края в вечной мерзлоте лежит около тысячи тонн этого желтого валютного металла.

Обычная, многоступенчатая система управления новыми богатыми территориями не давала мгновенного эффекта. Создав Дальстрой, он хотел опробовать способ прямого – из Политбюро – управления этими политико-хозяйственным монстром и надеялся получить от Колымы обещанное геологами золото в очень короткий срок.

Сталинский эксперимент предстояло реализовать Эдуарду Берзину. Для этого Москва вручила ему несколько необычных мандатов: «уполномоченный ОГПУ», «уполномоченный Далькрайкома ВКП(б)», «уполномоченный Далькрайисполкома» [7]. В руках этого человека оказалась сосредоточена вся полнота политической, хозяйственной и административной власти на огромной территории в полмиллиона квадратных километров

В 1931 г. Верхняя Колыма представляла собой совершенно необходимой край. Небольшой участок территории, где уже несколько лет

примитивным способом старатели добывали золото, располагалась в глухой тайге. Отсюда на северо-запад к Якутску и Среднеколымску можно было добраться только зимой, по снегу, на оленьих упряжках: расстояние – почти тысяча километров.

В два раза ближе – побережье Охотского моря, куда можно приплыть на пароходе из Владивостока. Но здесь всего одно место, где пароходы могут подойти к берегу: бухта Нагаева. На склонах сопки, спускающейся к морю, в 1928 году тут начали строить крошечный поселок для коренного населения – оленеводов и охотников. Его назвали культбазой в Нагаево. В конце 1930 г. правительство приняло решение: на территории, окружающей культбазу, организовать Охотско-Эвенский национальный округ. Уже были проведены выборы местных органов власти – окружкома партии и окрисполкома.

И вдруг, неожиданно для местных властей, среди зимы – 4 февраля 1932 г. – в бухту Нагаева вошел небольшой пароход «Сахалин», на котором приплыл Э. П. Берзин со своими помощниками. Он привез с собой чрезвычайные полномочия, врученные ему в соответствии с постановлением Политбюро от 11 ноября. С парохода также сошли 107 заключенных, которых директор Дальстроя выбрал из контингента Дальлага во Владивостоке.

Мы не будем здесь рассматривать сложную драматургию взаимоотношений руководства Охотско-Эвенского национального округа с новой властью – Дальстроем. Силы были явно не равны: Берзин добился того, что в конце 1932 г. окружные власти были выселены из поселка Нагаево, а затем и сам округ был ликвидирован. «Особый» трест стал единственным и полноправным хозяином территории в полмиллиона квадратных километров, простирающейся от Охотского моря на север до притоков реки Колымы в ее верхнем течении. С тех пор эту «особую» территорию чиновники и политики, географы и историки зовут Колымой.

До Дальстроя в этом крае не имелось никаких мест заключения. Даже тюрьмы не было. Берзину приходилось начинать это черное дело с нуля. И здесь пригодился опыт стройки на Вишере: там многие заключенные специалисты ходили расконвоированными.

На пароходе «Сахалин» в феврале 1932 г. вместе с Берзиным и его вольнонаемными помощниками в Нагаево приплыли первые заключенные Дальстроя. До начала навигации в конце мая новых поступлений этого контингента не предвиделось. Поэтому Берзин решил до лета не строить лагерную зону, а поместить эту сотню осужденных в палатках, без охраны – в общем ряду примитивных жилищ на берегу моря.

Из-за жесткого ограничения объема данной статьи мы не можем рассказывать о конкретных людях, которые были репрессированы по 58-й статье и в числе самых первых дальстроевцев начинали строить в Нагаево город, получивший потом название Магадан, дорогу на

золотые прииски – Колымскую трассу и работали в других подразделениях треста. Этот рассказ вы можете прочитать в книге «Жизнь и смерть Эдуарда Берзина» [6]. Следует лишь подчеркнуть, что политические заключенные появились в Дальстрое с самых первых его шагов по колымской земле.

Приказ о создании лагерей в Дальстрое заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода подписал 1 апреля 1932 г.:

«Организовать Северо-Восточный лагерь ОГПУ с расположением его управления в Среднекане. В административном и хозяйственно-финансовом отношении подчинить Севвостлаг директору Дальстроя тов. Берзину Э. П.

Контроль и административное руководство Севвостлагом возложить на ШП ОГПУ по ДВК.

В 1932 году в сроки и в количествах, определяемых Дальстроем и сообщенных ГУЛАГу заранее (не менее чем за месяц), выделить для вновь формируемого Севвостлага 16 000 вполне здоровых заключенных с соответствующим количеством административно-хозяйственного лагерного персонала и охраны из заключенных. Укомплектование производить за счет контингента Дальлага ОГПУ.

...Все расходы, как по перевозке аппарата и заключенных в Севвостлаг, так и по дальнейшему их содержанию и обслуживанию на месте, а также по обратной перевозке освобождаемых заключенных, относятся на средства Дальстроя.

Текущее снабжение Севвостлага ОГПУ всеми видами довольствия осуществляется Дальстроем и за его счет» [8].

В этом приказе важно отметить следующие особенности Севвостлага:

- 1) лагерь на Колыме подчинен не ОГПУ, а Берзину;
- 2) Дальстрой диктует ГУЛАГу сроки и количество заключенных, которые тот должен передать в Севвостлаг;
- 3) с момента передачи заключенных в Дальстрой они к ГУЛАГу не имеют отношения;
- 4) административный персонал лагерей и даже их охрана формируются целиком тоже из заключенных (конечно из уголовников!).

Таким образом, Дальстрой со своим Севвостлагом с момента организации был отделен от ГУЛАГа. На Колыме возник другой, собственно дальстроевский лагерный Архипелаг, в чем-то похожий на первый, но и отличающийся от него.

Эти сходства и отличия в данной статье за недостатком места мы рассматривать не будем и отошлем заинтересованных к книге «Жизнь и смерть Эдуарда Берзина», где эти вопросы освещены достаточно полно.

Проследим лишь статистику наполнения Севвостлага заключенными и постараемся обозначить историческую точку, после которой колымские лагеря потеряли свою независимость.

В июне началась навигация 1932 года. За месяц пароходы привезли 2804 заключенных. Этого было уже достаточно, чтобы начать строительство первого лагеря. По свидетельству нескольких бывших заключенных, он возводился на полпути между поселком Нагаево и теми домиками, которые строились в двух километрах севернее — у речки Магаданки (потом административный центр Дальстроя переместится именно сюда и получит название Магадан). Некоторое представление о нем дают воспоминания М. А. Лившица, назначенного первым начальником связи Дальстроя.

«В строящемся Магадане, — писал он, — было много палаток, принимавших всех, кому не находилось постоянного места жительства. Там же располагалась центральная командировка, ставшая затем большим лагерным пунктом. Она была окружена простейшей оградой, за которой стояли бараки и палатки. Ряд заключенных, работавших в различных подразделениях Дальстроя, свободно, без охраны выходил за пределы зоны. Двое из них работали у меня на радиоузле» [9].

Главной хозяйственной задачей, ради которой Политбюро создало особый трест, являлась добыча золота. Однако — и это Берзин понял очень быстро — наладить возрастающую добычу этого валютного металла на Колыме было невозможно без надежного снабжения приискового района продовольствием и техническим оборудованием. А для этого необходимо в кратчайший срок построить туда дорогу — почти 500 километров!

Именно строительство дороги на прииски и организация мощного автотранспортного предприятия, способного доставить горнякам все необходимое, — такую двуединую задачу поставил директор треста на ближайший два года перед сложным коллективом, сформированным из вольнонаемных и заключенных.

Все лето пароходы везли в Нагаево этап за этапом. К концу навигации на учете Управления Северо-Восточных лагерей состояло 9928 заключенных. Они были брошены на прокладку через сопки, тайгу и болота автомобильной дороги. В ноябре на 10-м километре просеки уже действовала лагерная командировка «Дорожный район № 1», на 23-м километре — «Дорожный район № 2».

А золото, как и прежде, в 1932 г. добывали вольные старатели, теперь оформленные в качестве вольнонаемных рабочих Дальстроя. Они добыли для Политбюро около 700 килограммов валютного металла [10]. В горнопромышленном районе лагерей в это время еще не было.

К концу 1933 г. контингент заключенных особого треста вырос почти в три раза: их стало 27 390 человек. Большинство из них Берзин бросил опять на стратегические стройки: поселок Нагаево, морской порт и автотрасса. А старатели сдали в кассу Политбюро более 1200 килограммов золота. Это было значительно меньше утвержденного плана.

Поэтому Берзин, отправляя годовой отчет в ЦК партии, был вынужден объяснять причины такой неудачи: «В отсутствие свободного проезда от Нагаева до Колымы не представлялось возможным перебросить необходимое механическое оборудование от базы снабжения до приискового района. Поэтому опытная золотодобыча – подобно тому, как то было в предшествующем 1932 году, – могла производиться только трудом вольных старателей и лишь в ничтожных размерах хозяйственными работами, с использованием труда организованных рабочих из з/к Севвостлага» [11].

Отсутствие надежной дороги на прииски сдерживало быстрое увеличение золотодобычи. Поэтому в январе 1934 г. Берзин создал мощное Управление дорожного строительства и поставил перед ним задачу: к концу года дать проезд до реки Колымы, вдоль которой были расположены горные полигоны золотодобывающих предприятий.

Летом 1934 г., когда автотрасса еще не была полностью готова, по прорубленной просеке пошли трактора. Они везли стройматериалы, оборудование, продукты для горняков. Опасность голода здесь была ликвидирована.

И на добычу золота наконец-то было направлено 4 тысячи заключенных. Они вручную вели промывку песков, орудуя лопатами, кайлами и тачками. Старательская добыча золота вольнонаемными рабочими была полностью прекращена. Впервые с момента организации особый трест выполнил и даже перевыполнил утвержденный ему план: бригады колымских заключенных добыли 6,8 тонны шлихового (еще с примесями) золота. За это постановлением ЦИК СССР 23 марта 1935 г. Э. П. Берзин был награжден орденом Ленина.

В каких условиях жили заключенные, которые обеспечили получение руководителями Дальстроя орденов и медалей, дает представление совместный приказ Севвостлага и дирекции особого треста от 28 ноября 1934 г.: «...На некоторых лагпунктах и командировках дело питания, снабжения и размещения з/к находится в довольно плохом состоянии, что ведет к распространению среди з/к разного рода заболеваний на почве недоедания, недоброкачественной пищи, несвоевременной дачи ее и плохих культурно-бытовых условий.

...Палатки, где живут з/к, не отоплены и не остеклены, печи – неисправны, света днем и по вечерам нет. Полы отсутствуют, просушить промокшую обувь и одежду негде, бани не везде есть, и люди живут в грязи...

Пищу готовят в каких-то перерезанных бочках, отдельных (индивидуальных) мисок и ложек у з/к нет. А на складах снабжения их имеется достаточное количество. Люди едят в большинстве случаев из консервных банок или по нескольку человек из одного бачка» [12].

Как видим, УСВИТЛ отличался от ГУЛАГа полным пренебрежением к условиям жизни и быта заключенных, но Берзин требовал

от них максимального напряжения в выполнении планов добычи золота.

Чрезвычайное служебное рвение не помогло директору особого треста. В 1935–1936 гг. лагеря Дальстроя пополнились еще несколькими десятками тысяч заключенных. Они вновь и вновь перевыполнили планы добычи валютного металла. Но 26 сентября 1936 г. Политбюро сняло с работы Ягоду, таким образом оборвав стабильную связь Берзина со Сталиным. Новый руководитель НКВД Н. И. Ежов директора Дальстроя не знал. Он не получил указаний от Генерального секретаря ЦК об «особом» статусе колымского треста и тотчас взял его в свое подчинение.

НКВД в три раза урезал бюджет Дальстроя, потребовал прекратить практику расконвоирования заключенных. Руководитель ГУЛАГа М. Берман стал бесцеремонно командовать Берзиным, направляя ему один за другим свои приказы, и требовал их беспрекословного выполнения. Эпоха соперничества закончилась.

К концу 1937 г. число заключенных в лагерях Дальстроя перевалило за 80 тысяч. Они добыли 56 тонн 63 килограмма шлихового золота, впервые дали стране 12 тонн оловянного концентрата. Но все усилия директора треста оказались напрасными.

Берзина вызвали в Москву. 19 декабря его арестовали в поезде, когда до столицы оставалось чуть больше ста километров.

26 июня 1938 г. Сталин и Молотов подписали длинный список на 138 человек на семи страницах: всем – смертные приговоры. Под четырнадцатым номером там значился Берзин Эдуард Петрович. И ни слова больше: ни формулы обвинения, ни каких-либо иных сведений.

Вождем Советского Союза комментарии были не нужны: они хорошо знали этого человека, посылали ему благодарственные телеграммы, наградили орденом Ленина за то что он заставил десятки тысяч заключенных построить город Магадан и добыть на колымских приисках 110 тонн золота для Политбюро.

Сталин и Молотов спокойно поставили подписи под этим списком, а 1 августа Военная коллегия Верховного суда СССР благополучно оформила приговоры всем обвиняемым. В архивно-следственном деле директора особого треста, которое хранится в Центральном архиве ФСБ, подшит небольшой листок в четвертушку стандартного формата А4 со следующим текстом: «Приговор о расстреле Берзина Эдуарда Петровича приведен в исполнение в гор. Москва 1.V.111.1938 г.

Нач. 12 отделения 1 спецотдела НКВД СССР лейтенант госбезопасности Шевелев» [13].

Подчиненность УСВИТЛа ГУЛАГу была юридически оформлена лишь 4 марта 1938 г., когда постановлением Совнаркома СССР трест Дальстрой включен в НКВД и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера (ГУСДС).

Так закончилась краткая история соперника ГУЛАГа.

Примечания

1. Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР. Магадан, 1961. С. 93–94.
2. ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 1. Д. 47. Л. 129.
3. Архив Магаданского управления Федеральной службы безопасности РФ. Д. 50492. Т. 13. Л. 177. Данное дело изучалось автором по тематическому запросу СВКНИИ ДВНЦ АН СССР.
4. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М., 1998. С. 185.
5. Дугин А. Н. Говорят архивы// Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 91.
6. Николаев К. Жизнь и смерть Эдуарда Берзина. Воронеж, 2011. С. 60–62.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 602. Л. 123.
8. Государственный архив Магаданской области (в дальнейшем: ГАМО). Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
9. Колыма, Научно-технический бюллетень. Магадан, 1992. № 12. С. 30.
10. ГАМО. Ф. Р-23сч. Оп 1. Д. 401. Л. 36.
11. Там же. Д. 402. Л. 159.
12. Там же. Д. 9. Л. 212.
13. Соучастники: архив Козлова. Том четвертый. Документ 33. М.: Возвращение. [Подготовлен к изданию.]

V. ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ

Бугай Н. Ф.

Этнические меньшинства стран Востока в национальной политике Сталина: иранцы. 1930–1950-е годы

И. Сталин и его окружение в 1920–1930-е годы фактически создали совершенно новую персоналистскую идеологию. Она становилась своеобразным венцом тоталитаристской системы управления обществом, функционировавшей в течение последующих десятилетий, исказив в определенной мере содержание персонализма. Вершиной его усматривали «человеческую личность как духовное существо», а не индивидуум. Именно принцип индивидуализма в политике нашел всестороннее выражение в личности И. Сталина, его окружении. Сталин, судя по всему, и становился своеобразным представителем «панполитизма», порождавшего предельное насилие над инакомыслием, о чем свидетельствуют и существующие исторические исследования [1].

Очевидно, что многое в сфере идеологии было направлено прежде всего на укрепление власти, а отсюда и отвержение инакомыслия, возникающих каких бы то ни было противоречий. В противовес следовал ответ активной пропагандой идей пролетарского интернационализма, идей всемирной революции, начало которому было заложено еще в 1920-е годы. Правда, уже в этот период такая работа принимала несколько искаженную форму. Дело в том, что И. Сталиным провозглашалась необходимость проводить национальную политику с учетом прежде всего усиления власти, сохранения стабильности на этом направлении. С учетом идейных установок провозглашалось руководство на практике принципом «видимого интернационализма». Этой задаче подчинено было и отношение государства к этническим общностям, деление их по ранжиру: титульные, не титульные, этнические меньшинства, группы и т. д. При этом осуществлялось строгое следование идее державности страны.

Наглядное представление позиции И. Сталина и правительства в 1930-е годы и в период войны 1941–1945 гг. просматривается на примере отношений к этническим меньшинствам. В данном случае к иранцам, проживавшим на территории Союза ССР, каким образом не без вмешательства Сталина формировалась их судьба в советской стране.

На Кавказе армия «неблагонадежных» расширяла свои границы не только за счет отдельных лиц, групп населения, но и этнических общностей, в числе которых оказались во второй половине 1930-х годов и иранцы, проживавшие в Азербайджане.

Опубликованные документы позволяют восстановить картину антигуманных акций по отношению к 2000 семей (6000 граждан) иранской национальности. Бюрократическая машина работала таким образом, что осуществление мер по социальному устройству спецпереселенцев в новых местах проживания заканчивалось разработкой различных проектов на бумаге, а этнические общности, принудительно переселявшиеся, владели жалкое существование, терпя неимоверные лишения.

Вопрос о принудительном переселении иранцев тщательно прорабатывался Советом Народных Комиссаров в конце 1937 г. – январе 1938 гг. 9 января 1938 г. появилась директива № 202 о репрессиях против иранских граждан и других. При этом предписывалось, чтобы при проведении операции особое внимание обращалось «на тщательную очистку от перечисленных категорий пограничных районов, промышленных предприятий, особенно оборонного значения, транспорта, морских портов, армии, флота, войск НКВД и органов НКВД СССР» [2].

Наконец, решением Политбюро от 19 января 1938 г. (Протокол № 56/308) НКВД СССР было предложено всем иранцам, проживавшим в приграничных с Ираном районах, оформить советское подданство в течение 10 дней. Всех проживавших в пограничных районах Азербайджанской ССР и оформивших советское гражданство иранцев в месячный срок переселить в Казахстан». Все иранцы, которые откажутся от советского подданства, подлежат немедленному выселению в Иран [3] – таким строгим выглядело предписание из Кремля. Планировавшаяся операция на этом и завершилась. НКВД СССР поручалось вступить в переговоры с иранским правительством о приеме арестованных иранцев [4].

Как отмечали в своем письме от 24 сентября 1938 г. на имя председателя СНК В. М. Молотова Нарком внутренних дел СССР Ежов и начальник Управления госбезопасности Берия, «это решение своевременно выполнено не было», хотя 20 февраля 1938 г. СНК Союза ССР и было принято постановление о переселении иранцев с территории Азербайджана (№ 201–34 «секретно») [5].

В выписке из суточной Рапортнички № 86 от 27 сентября 1938 г. глава НКВД СССР Н. Ежов просил В. М. Молотова утвердить представленный проект постановления СНК СССР о порядке переселения и хозяйственного устройства иранцев [6]. В документе читаем: «В соответствии с решением Политбюро о переселении в месячный срок 2000 семей иранцев, проживающих в приграничных районах Азербайджана в Казахстан, представил проект постановления о порядке этого переселения.

Проект предусматривает:

1. Переселение иранцев из Азербайджана возлагается на СНК Азербайджанской ССР; перевозка их в Казахстан – на НКВД, хозяй-

ственное устройство переселяемых в Казахстан – на СНК Казахской ССР.

2. Наркомзаг, Наркомпищепром, Наркомздрав, Наркомторг и другие обязываются произвести все (приемка и выдача зерна, скот, организация медицинского обслуживания, выделение необходимых стройматериалов и пр.).

3. Отпуск 3 371 000 руб. из резерва СНК на поселение иранцев в Казахстан»[7].

8 октября 1938 г. под грифом «совершенно секретно» появилось постановление (№ 1084–269 «секретно») Совета Народных Комиссаров «О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР». 2000 семей (6000 чел.) иранцев, оформивших советское гражданство, были взяты на учет и подготовлены к переселению в Казахстан [8]. Имеется основание для того, чтобы этот документ опубликовать полностью.

«Совершенно секретно»

Постановление

№ 1084–269 сс Совета Народных Комиссаров

«О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР». 8 октября 1938 г.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Переселение 2000 семей иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР возложить на Совнарком Азербайджанской ССР.

2. Перевозку переселенцев возложить на Нарковнудел СССР.

3. Прием, расселение, строительство и хозяйственное устройство переселенцев в Казахской ССР возложить на СНК Казахской ССР.

4. Обязать СНК Казахской ССР выстроить в течение 1938–1939 гг. – 1000 двух квартирных домов для иранских переселенцев, привлекая к строительству и заготовке стройматериалов самих переселенцев. Финансирование и обеспечение строительства стройматериалами в 1938 г. производить за счет неиспользованных средств и материалов, отпущенных постановлением СНК СССР от 20 февраля 1938 г. на хозяйственное устройство корейцев, переселившихся в Казахскую ССР.

5. Предложить СНК Казахской ССР представить на утверждение СНК Союза ССР не позднее 15 ноября 1938 г. план расселения и мероприятий по хозяйственному устройству переселенцев и смету на переселенческое строительство.

6. Обязать Наркомзем СССР обеспечить производство расчетов в колхозах с колхозниками-переселенцами натурой и деньгами за трудодни, выработанные ими по день отъезда.

7. Передать жилые помещения переселенцев в местах выхода, а также постройки иранских колхозов райисполкома по актам, производя предварительную их оценку. Возложить на райисполкомы

оплату стоимости индивидуальных домов владельцев наличными деньгами, а при сдаче колхозных построек выдавать колхозным правлениям соответствующие акты. Наркомфину СССР отпустить для этой цели 2 млн руб. за счет средств, выделенных СНК Казахской ССР на хозяйственное устройство корейских переселенцев постановлением СНК СССР от 20 февраля 1938 г.

8. Обязать Наркомторг СССР выделить Центросоюзу дополнительно в 1938 г. за счет рынка для снабжения иранских переселенцев зимнего верхнего платья, валенок и мануфактуры на 5000 тыс. рублей. Предложить Центросоюзу обеспечить организацию торговой сети в местах расселения переселенцев.

9. Предложить Наркомзему СССР, Наркомпищепрому, Наркозагу произвести все операции по приемке в местах выхода и по выдаче в местах вселения переселенцам скота и зерна по обменным квитанциям.

10. Обязать НКПС предоставить подвижной состав:

- а) для перевозки переселенцев по заявкам Наркомвнудела СССР;
- б) для доставки стройматериалов к местам строительства для переселенцев по заявкам Совнаркома Казахской ССР;
- в) для перевозки рабочего и продуктивного скота по заявкам Наркомзема и Наркомпищепрома СССР.

11. Отпустить 3 829 545 рублей на расходы по организации переселения иранцев и на перевозку их за счет средств, отпущенных переселенческому отделу Наркомвнудела на 1938 г., из них: Наркомвуделу СССР на перевозки переселенцев – 2 027 000 руб., СНК Азербайджанской ССР – 550 300 руб., СНК Казахской ССР – 1 262 245 рублей.

12. Распространить на иранских переселенцев льготы, порядок финансирования, кредитования и порядок организации переселения, предусмотренные постановлением Совнаркома Союза ССР от 20 февраля 1938 г. для корейских переселенцев.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотов

Управляющий делами СНК Союза ССР Н. Петруничев» [9]

Одним словом, к вопросу пришлось возвратиться в очередной раз. В связи с этим предлагалось провести операцию по переселению иранцев 15 октября 1938 г. и, соответственно, предлагался проект постановления СНК СССР о порядке переселения и хозяйственного устройства иранцев.

В это же время НКВД СССР подготовил справку. В. И. Сталину было доложено о ситуации с иранскими гражданами, проживавшими в Азербайджанской ССР. Всего в республике проживало 40 тыс. иранских граждан, иранских подданных из них было 25 тыс. человек. Из этого количества 10 тыс. иранцев проживали в Баку и работали преимущественно на нефтяных промыслах, в Каспийском па-

роходстве и на железнодорожном транспорте. Непосредственно в районах проживало 5 тыс. человек. Из них в Нахичевани и Кировобаде – 1200 человек. Выдворялись в Иран 2878 человек, как отмечалось в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы НКВД» от 27 декабря 1938 г. «физически здоровыми вместе с их семьями» [10]. Из них 704 – бывшие члены ВКП (б). Выехали в Иран из этого числа 1167 человек. Оформлялись в иранском консульстве для выезда 852 человека [11].

Вопросы, связанные с переселением иранцев, отрабатывались одновременно и СНК союзных республик, куда переселялись иранцы. 6 ноября 1938 г. вопрос «О приеме и расселении 2000 хозяйств переселенцев-иранцев» [12] рассматривали Совет Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана. Был утвержден план расселения иранских хозяйств:

а) Алма-Атинская область: Курдайский район, колхоз Каракунуз – 80 хозяйств, Шортобе – 25 хозяйств, Каракамир – 20, в селе Успеновка – 30, Благовещенка – 40, Георгиевский совхоз – 60, Чустрой – 50;

б) Южно-Казахстанская область: Мергенский район, в колхозах – 90 хозяйств, в свеклосовхозе – 40, Свердловский район, в колхозах – 70, Джамбульский район, в колхозах – 110, Джувалинский район, в колхозах – 120, Ленгеровский район, в колхозах – 72, Арысский район, в колхозах – 40, Шаульберский район, в колхозах – 50, Туркестанский район, в колхозах – 200, Каратасский район, в колхозах – 33, Куресский, в колхозах – 100, в совхозе Дарбаза – 30, Бостандынский, в колхозах – 90, Пахта-Аральский, в колхозах – 60, в совхозе Пахта-Арал – 300, в Каучукпромхозе – 100.

В числе чисто политических мер руководство устройством переселенцев-иранцев возлагалось на Переселенческое управление Наркомзема, утверждалась представленная Переселенческим управлением Наркомзема смета на организационно-оперативные расходы по переселению иранцев в сумме 695 490 рублей за счет средств, отпущенных СНК Союза на эту цель. Южно-Казахстанский и Алма-Атинский обкомы КП(б)К и облисполкомы командировали в районы расселения иранцев ответственных уполномоченных, на которых возлагалась ответственность за реализацию настоящего решения.

Секретари Алма-Атинского и Южно-Казахстанского обкомов и председателей облисполкомов обязаны были каждые пять дней информировать ЦК КП(б) и Совнарком о ходе подготовки к приему переселенцев-иранцев.

Секретари райкомов ЦК КП(б) Казахстана и председателей райисполкомов обязаны были также доставить прибывающих переселенцев-иранцев в намеченные места для проживания в течение 12 часов с момента прибытия на станцию назначения. Они должны были также закончить к 10 ноября ремонт домов, предназначенных

для иранцев в колхозах, совхозах и других организациях, принимающих переселенцев.

Учитывая полную возможность устройства прибывающих переселенцев в совершенно самостоятельных квартирах, секретарям райкомов и председателям райисполкомов предлагалось «выделить и отремонтировать для каждой иранской семьи отдельную квартиру, в первую очередь использовать пустующие дома в колхозах».

Предлагалось также Сельхозбанку СССР перевести в районы из средств на жительство по 1600 рублей на каждое иранское хозяйство. Тем самым ставилась цель предоставить возможность переселенцам-иранцам «немедленно по прибытии выкупить у колхозов, сельских советов и хозяйственных организаций предоставляемые им дома». Сельхозбанку поручалось также «выдать колхозам, принимающим иранцев-переселенцев, по 1000 рублей на каждое переселенческое хозяйство безвозвратной ссуды на пополнение неделимых фондов этих колхозов».

Меры по обустройству должны быть разработаны и в городских условиях. Так, начальники Чустроя, директор Каучукпромхоза и директора совхозов, принимающих иранцев, обеспечивали их квартирами наравне с остальными рабочими и служащими. Казпотребсоюз до получения специальных фондов промтоваров, установленных постановлением СНК Союза, выделял из фондов общего потребления промтоваров на 500 тыс. рублей.

Были предусмотрены и меры социального порядка, в частности, учет наличия обменных квитанций на зерновые и фуражные культуры у колхозов, колхозников, рабочих и служащих, проведение десятидневный срок погашений натурой, учет в пятидневный срок всех иранских детей школьного возраста и организация их обучения через существующую на местах школьную сеть; учет учителей-иранцев и включение их в штат соответствующих районных отделов народного образования, для использования в существующей школьной сети; организация переподготовки учителей-иранцев, не знающих русского или казахского языка, сохранив за ними на весь период подготовки получаемую зарплату.

В первую очередь предусматривалось решение многих производственных задач. В связи с этим планировалась организация из иранских переселенческих хозяйств несколько самостоятельных колхозов на территории Каучукпромхоза № 12 (Пахта-Аральский район). Перед СНК Союза ССР был поставлен вопрос о ликвидации Каучукпромхоза № 2 и передачи его земель, построек, сельхозинвентаря и скота иранским колхозам, на условиях, предусмотренных постановлением СНК СССР от 25 декабря 1936 г. № 2156 [13]. В последующем ход реализации намеченных мер был предметом обсуждений на совещаниях ответственных работников республики, проводимых заместителем председателя СНК Казахстана И. Таджиевым и Секретарем ЦК КП(б) Казахстана Н. Скворцовым.

«Иранский вопрос» снова оказался в центре внимания на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 27 декабря 1938 г., на котором рассматривался «Вопрос НКВД». На сей раз он касался другой категории иранцев, проживавших на территории Союза ССР. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) констатировалось: «Принять предложение НКВД о выселении из пределов СССР всех тех, арестованных ирано-подданных, которые являются физически здоровыми, вместе с их семьями» [14].

Встречающаяся точка зрения исследователей о том, что в отношении переселенцев, в том числе и иранцев, не проявлялось внимание со стороны государственных органов власти, конечно же, не соответствует действительности. Об этом свидетельствуют и многочисленные документы той поры, исходящие из партийных и советских органов. Конечно, можно констатировать об уровне их исполнения, когда значительная часть средств, выделяемых для нужд переселенцев, направлялись по другому назначению, т. е. на удовлетворение нужд местных органов власти.

Учитывая трудное положение спецпереселенцев, и союзные, и республиканские органы власти изыскивали средства для этих целей.

«Секретно
27 марта 1939 г.

Из сведений

«Дополнительные расчеты по устройству в 1939 году переселенцев в Казахскую ССР»

І. Обводнение.

СНК Казахской ССР проектирует выдачу кредита на обводнение по 200 руб. на: 1264 корейских хозяйств, 802 курдских, армянских и тюркских хозяйств, 1105 иранских хозяйств. Итого – 14 531 хозяйство.

14531 x 200 руб. = 2902 тыс. руб.; в 1938 г. использовано 34,2 тыс. руб., и на 1939 г. испрашивается 2883,0 тыс. руб.

Наркомфин СССР соглашается предоставить этот кредит только самостоятельным сельскохозяйственным колхозам (без рыболовецких) на 7648 хозяйств – 1529,6 тыс. руб.

Кредит на хозяйственное обзаведение.

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. испрашивается по 300 руб. на хозяйство – 6311,2 тыс. руб.

По следующему расчету:

1. самостоятельные сельхоз. колхозы – 7628 колх. – 2288, 4 тыс. руб.
2. самостоятельные рыболовецкие – 1335 хозяйств – 400,5 тыс. руб.
3. колхозникам, допереселенным в местные колхозы – 2349 хоз. – 1604,7 тыс. руб.

4. переселенцам рабочим совхозов – 887 хозяйств – 251,1 тыс. руб.
5. переселенным рабочим и служащим – 5888 хозяйств – 1766,5 тыс. руб.
6. Приобретение скота в личное пользование (см. Табл. 5)

Таблица 5

Группы переселенцев	Всего хозяйств	Бесскотн.	Бескоровн.	Бесскотн. %	Бескоровн. %
Корейцы	12624	5514	10 184	43,7	80,1
Курды, армяне и тюрки	413	270	340	63,3	82,3
Иранцы	1105	321	994	83,3	89,9
ИТОГО:	14131	6705	11448	47,4	81,0

Примечания: в таблицу включено только 413 курдских, армянских и тюркских хозяйств, на которые имеются сведения.

СНК Казахской ССР испрашивается кредит в сумме 3352,6 тыс. руб. из следующего расчета: на 4800 хозяйств корейцев х 500 руб. = 2400,0 тыс. руб., 802 курдских, армянских и тюркских хозяйств х 500 руб. = 401,0 тыс. руб., 1105 иранских хозяйств = 551,6 тыс. руб.

Кредит предложено выдавать по целевому назначению под ответственность правлений колхозов в размерах от 300 до 1000 рублей в зависимости от условий приобретения скота в отдельных районах республики.

Зам. начальника Переселенческого управления Казахской ССР Г. Авров» [15].

Представленный документ наглядно свидетельствует о том, что ни одна из этнических общностей, подвергшихся принудительному переселению, не оставалась без должного внимания уже в конце 1930-х годов. Как раз в предлагаемом списке и значатся все те этнические общности, которые были подвергнуты принудительному переселению в 1930-е годы.

Эти вопросы оставались в центре внимания и Госплана при СНК СССР. Председатель Госплана при СНК СССР Н. А. Вознесенский в обращении от 9 февраля 1939 г. в Экономический Совет при СНК Союза ССР с заключением по плану переселения и хозяйственного устройства в 1939 г. корейцев, курдов, армян и иранцев в Узбекской и Казахской ССР писал: «... Отмечается о превышении расходованных лимитов, и особенно в Хорезмской области и Кара-Калпакской АССР. Экономическому Совету при СНК СССР к 20 марта 1939 г.

представить уточненный план хозяйственного устройства корейцев, курдов, армян и иранцев в 1939 году ...» [16].

На улучшение ситуации было направлено и постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «Об окончании хозяйственного устройства переселенцев-корейцев и иранцев в Казахской ССР в 1939 г., принятое в мае 1939 года. В нем читаем:

«1. Отпустить СНК Казахской ССР по бюджету 1939 г. 18 350 тыс. руб. (согласно приложению) на окончание хозустройства переселенцев корейцев и иранцев, устраиваемых на основании постановления от 20 февраля 1938 г. № 201–34 с и от 8 октября 1938 г. № 1084–269 с.

2. Выделить СНК Казахской ССР стройматериалы на хозустройство переселенцев (согласно прилагаемого перечня)...

Обязать СНК СССР в месячный срок учесть остатки стройматериалов, завезенных для хозустройства переселенцев в 1938 г., и использовать их по прямому назначению в 1939 г. Обязать НКПС предоставить вагоны под перевозку стройматериалов.

3. Обязать Совнарком Казахской ССР не позднее 1 октября 1939 г. выдать переселенческим колхозам акты на вечное пользование землей.

4. Обязать Совнарком Казахской ССР оформить документы передачу переселенцам построенные для них жилые дома с отнесением на каждое переселенческое хозяйство соответствующих кредитов.

5. Отсрочить до урожая 1940 г. возврат ранее выданной продовольственной ссуды.

6. Хозяйственное устройство переселенцев – курдов, тюрков и армян производить на общих условиях с переселенцами-корейцами и иранцами за счет средств, указанных в п. 1, распространив на них все льготы, предоставленные корейцами и иранцами» [17].

В сентябре 1939 г. Л.П. Берия утвердил «План выселения в Северный Казахстан ираноподданных и членов их семей согласно решений Особого совещания при НКВД СССР от 11, 15 и 23 августа 1939 г.». Всего подлежали выселению в Северный Казахстан 2081 ираноподданный, в том числе: из Туркменской ССР – 952 человек, Азербайджанской ССР – 321, Ростовской области – 267, Украинской ССР – 191, Дагестанской АССР – 99, Орджоникидзевского края – 70, Саратовской обл. – 45, Воронежской – 18, Узбекской ССР – 16, Сталинградской обл. – 14, Кабардино-Балкарской АССР – 12, Армянской ССР – 1, Ленинградской обл. – 10, Грузинской ССР – 8, Тамбовской обл. – 8, Ивановской обл. – 6, Орловской обл. – 6, Куйбышевской обл. – 2, Омской обл. – 2, Белорусской ССР – 2, Краснодарского края – 2, Московской обл. – 1 человек. В 1938–1939 гг. было выселено 8 тыс. иранцев (из них 6,3 тыс. человек – из Азербайджанской ССР) [18]. Они расселялись в Казахской и Киргизской ССР.

Таким образом, еще одна этническая общность, имеются в виду иранцы, оказалась в принудительном порядке переселенная

в новые места обитания. Все это делалось, по мнению И. Сталина, союзных органов государственной власти, исключительно в интересах государства, для достижения стабильности на южных границах, развития новых хозяйственных регионов в Средней Азии и Казахстане.

Некоторые из иранцев отсутствовали на местах жительства. Однако и в последующем они не были забыты. По данным «Сведений о работе среди спецпоселенцев в 1950 г.», и в частности, помещенного «Перечня контингентов спецпоселенцев с указанием оснований к их выселению, содержанию на спецпоселении и численности их», констатируется, что на основе постановления Совета Министров СССР № 727–269 от 21 февраля 1950 г. о выселении из Грузинской ССР иранских подданных, иранцев без гражданства, бывших иранских подданных, принятых в советское гражданство, кроме лиц армянской национальности (Приказ МВД СССР № 00153 от 1 мая 1950 г. о расселении указанных спецпоселенцев в Алмаатинской и Джамбулской областях), было выселено 4776 человек, из них на учете на июль 1950 г. оставалось 4412 человек [19].

10 августа 1951 г. распоряжением Совета Министров СССР за подписью И. Сталина № 14133 рс предписывалось «принять предложение МГБ СССР о выселении с территории Грузинской ССР выявленных органами МГБ 69 иранцев, греков, турок, дашнаков, которые в момент выселения из Грузии указанных контингентов в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 2214–856 от 29 мая 1949 г. и № 727–269 от 21 мая 1950 г.» отсутствовали по месту жительства.

В связи с этим МГБ СССР (Игнатьев) обязан был произвести в течение августа 1951 г. выселение из Грузинской ССР названных контингентов, согласовав персональный список выселяемых с Первым Секретарем ЦК КП(б) Грузии К. Н. Чарквиани.

Министерство госбезопасности СССР, информируя о положении спецпереселенцев в 1952 г. констатировало, что среди спецпереселенцев установлено 9 тыс. человек, имеющих высшее образование и около 66 тыс. человек – со средним образованием. Одновременно было выявлено свыше 352 тыс. неграмотных, главным образом, из числа выселенных из Закавказья (турки, курды, хемшины, иранцы), с Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы) и калмыков [20].

Только в июне 1956 г. появилось Постановление ЦК КПСС «О снятии с учета спецпоселенцев иноподданных, лиц, не имеющих гражданство и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство». В нем указывалось: «Учитывая, что дальнейшее содержание на спецпоселении греческих, иранских и турецких подданных, бывших греческих, иранских и турецких подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших подданных этих госу-

дарств, принятых в советское гражданство, выселенных из Крыма, Краснодарского края, Ростовской области, Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР и с Черноморского побережья в 1942–1951 годах не вызывается необходимостью».

Указ Президиума Верховного Совета ССР «О снятии с учета спецпоселенных, лиц, не имеющих гражданства и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство» был одобрен ЦК КПСС[21].

Таким образом, все представители этнического меньшинства в Союзе ССР – иранцы были принудительным порядком, как и представители других этнических меньшинств (курды, лазы, терекаме, цыгане и др.), по воле И. Сталина были отправлены на поселение. Там был использован их производственный ресурс. Они были заняты главным образом в производственной сфере. Значительная часть трудилась и в аграрном секторе – создании оросительных систем в Узбекской и Казахской ССР. По истечении времени они были реабилитированы, часть из них убыли в Иран, а некоторые оставались на проживание в Советском Союзе.

Примечания

1. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. 2-е изд. М., 1990; Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М.: «Политиздат», 1991; Борин А. Закон и совесть: за кулисами известных событий. М., «Политиздат», 1991; Осмыслить культ Сталина. М., 1991; Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991; Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: «Республика», 1992; Неизвестная Россия. 20 век. Т. 1–4. М.: «Историческое наследие», 1992–1993; Нармин О. Н. Репрессии против командного, политического и начальствующего состава Красной Армии в 1937–1941 гг. Дис... к.и.н. М., 1993; Некрич А. М. 1941, 22 июня. М., 1995; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922. Казань, 1995; Стецовский Ю.И. История советских репрессий: В 2-х т. М.: «Знак-СП», 1997 Спецпереселенцы в начале Великой Отечественной войны // Вопросы истории. № 4. 2007; Андросов А. А. Трагедия народов: коллаборационизм и этнические депортации в исторической литературе // Историография сталинизма /Ред. Н. А. Самония. М., РОССПЭН, 2007; Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М.: «Яуза-Пресс», 2008 и др.
2. Лубянка. Сталин и Главное Управление госбезопасности. 1937–1938. Документы. М., 2004. С. 654
3. Там же. С. 464.
4. Там же С. 484
5. ГАРФ. Ф. Р. 5446, Оп. 30, Д. 29, Л. 23.

6. Постановлению предшествовал разработанный НКВД Союза ССР проект, который до утверждения дорабатывался, подвергались изменению отдельные его положения.

7. ГАРФ. Ф. Р. 5446, оп. 30, Д. 29. Л. 24 Общая сумма на перевозку и обустройство составила 3 829 545 рублей. Из НКВД Союза ССР отпущено было на перевозку 2 017 000 рублей. СНК Азербайджана – 550 300 руб., СНК Казахской ССР – 1 262 245 рублей. (См. ГАРФ. Ф. Р. – 5546. Оп. 30. Д. 29. Л. 12–13).

8. Там же. Л. 23.

9. ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 30. Д. 29. Л. 27–28.

10. Лубянка. Сталин и Главное Управление госбезопасности. 1937–1938. Документы. М., 2004. С. 632

11. Там же. С. 653–654.

12. Общая сумма на перевозку и обустройство составила 3 829 545 рублей. Из НКВД Союза ССР отпущено было на перевозку 2 017 000 руб., СНК Азербайджана – 550 300 руб., СНК Казахской ССР – 1 262 245 руб. (См. ГАРФ. Ф. Р. – 5546, Оп. 30. Д. 29. Л. 12–13).

13. ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 30. Д. 29., Л. 6–10.

14. Лубянка Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Документы. М., 2004. С. 632.

15. ГАРФ. Ф. Р. 5446. оп. 30, Д. 15. Л. 54–55.

16. ГАРФ. Ф. Р. 5446. оп. 30, Д. 15. Л. 35–38. Согласно постановлению Экономического совета при СНК СССР на первый квартал 1939 г. планировалось ассигновать на строительство и мероприятия по устройству по Узбекской ССР 6200 тыс. руб., в том числе по госбюджету – 2300 тыс. руб. и сельхозкредиту – 3900 тыс. руб., по Казахской ССР – 3700 тыс. руб., в том числе 1650 тыс. руб. и 2050 тыс. руб. – по сельхозпродукту (См. ГАРФ. Ф. Р. – 5446, Оп. 30. Д. 15. Л. 35–38).

17. ГАРФ. Ф. Р. 5446, Оп. 30. Д. 15. Л. 3. На документе имеется помета: «Исчерпано решение № 615–121 от 26 июня 1939 года».

18. См.: Материалы к серии «Народы и культура». Вып. 12. Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 1. М., 1993. С. 165.

19. См.: <http://police club.ru/index.php?s=9be82ccd724f9c7ed0911ca4b957dda3&showtopic=6672&st=255>

20. ГАРФ. Ф. Р. 9479, Оп. 1, Д. 570. Л. 243.

21. ГАРФ. Ф. Р. 9401, Оп. 2. Д. 480. Л. 228.

**Репрессированные польские осадники и беженцы
на европейском севере СССР (февраль 1940 – июль 1941 гг.)**

В 1940 – июне 1941 гг. в ходе четырех депортационных операций из западных областей Украины и Белоруссии было выселено около 320 тысяч человек. Принудительному переселению по идеологическим, политическим и экономическим критериям подверглись следующие категории граждан: осадники и лесники, члены семей репрессированных, беженцы, ссыльнопоселенцы. Свыше 88 тысяч депортированных польских граждан – осадников и беженцев, были расселены в районах Европейского Севера СССР – в Архангельской, Вологодской областях и Коми АССР. Доминирование принудительного труда и внеэкономических факторов воздействия над экономическим стимулированием обусловили особенности административно-правового положения и трудового использования польских спецпереселенцев как на Европейском Севере, так и в СССР в целом.

Первые железнодорожные эшелоны со спецпереселенцами – осадниками и лесниками достигли Архангельской области 15 февраля 1940 г., Вологодской области – 17 февраля 1940 г., Коми АССР – 24 февраля 1940 г. Далее до мест расселения груз перевозили автомобилями, а люди добирались на подводах [1]. По воспоминаниям польского спецпереселенца – осадника Казимира Смоленского, его семью со станции Харовская до спецпоселка Лугода везли 9 дней. Женщины, дети и старики ехали в санях, а мужчины и подростки шли по снегу пешком. На ночевки останавливались в домах местных колхозников, которые их очень жалели [2]. О добром отношении жителей Архангельской области к польским спецпереселенцам – дали помыть голову от вшей, напоили теплым молоком – вспоминает и Барбара Билевич, чей путь лежал от станции Синега до поселка Уксора [3]. Анна Зыбайло-Мастерняк запомнила добрую хозяйку, очень теплый дом, самовар и пищу на одном из ночлегов по пути в спецпоселок Пачиха Архангельской области [4]. И все этого со своего небогатого стола. Зофия Жжастовская на одном из ночлегов была поражена тем, что семья местного колхозника ела картошку в кожуре, запивая пустым кипятком. Так скудно в Польше они никогда не питались [5].

На станции прибытия производился врачебный осмотр, всех больных (диагнозом, как правило, являлся грипп) размещали во временных помещениях при станции. Одним из таких помещений, по словам спецпереселенца-осадника Тадеуша Кулика, была школа, в которой его семья ночевала перед отправкой в спецпоселок [6].

Путь спецпереселенцев-осадников от железнодорожной станции к спецпоселкам был не только очень трудным, но и продолжительным, занимая 7–10 дней.

На 1 января 1941 г. 40 096 (8268 семей) польских осадников были расселены в 89 спецпоселках Архангельской области, что значительно превышает их количество в других регионах. В целом в 39 районах Европейского Севера в 131 поселке было расселено 59 358 польских осадников (12 391 семья), т. е. в среднем по 455 человек в одном населенном пункте.

Спецпоселки были построены еще раскулаченными в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и находились в ведении хозяйственных организаций. Большинство из них уже давно опустело. Здания за ненадобностью не ремонтировались и находились в разной степени разрушения.

Согласно постановления Совнаркома СССР от 5 декабря 1939 г. польские спецпереселенцы направлялись на работу в лесную промышленность [7]. В связи с этим всем республиканским, краевым и областным исполнительным комитетам трудящихся Наркомлесом была отправлена информация о направлении новых рабочих. Лесотресты должны были подготовить план размещения вновь прибывающих рабочих, обследовать спецпоселки и имеющийся жилфонд. В целях обеспечения организованной переброски указанных контингентов людей решением облисполкома предложено организовать районные комиссии. Прибывающие семьи предполагалось расселять в изолированных пунктах, в бараках квартирной системы (не менее 3 квадратных метров на человека), при отсутствии последних допускалась как временная мера, заселение общих бараков. Должны были быть подготовлены столовые сети, бани и медпункты, организованы детские ясли.

Выбор мест поселков должен был производиться с учетом перспектив и возможности организации для этих семей огородов, сенокосных угодий, а также близости производственных участков, дающих возможность привлекать к работе не только главу семьи, но и членов семей. По прибытии на места вселения предписывалось обязательно провести полную санобработку переселенцев, для чего своевременно организовать дезокамеры и обязать райздравы снабдить необходимым материалом [8].

В декабре 1939 г. НКВД провел проверки готовности лесозаготовительных организаций к приему переселенцев. Их выводы прозвучали в докладных записках от 26 декабря 1939 г. и 5 января 1940 г., направленных в партийные и советские органы. Проверка показала, что на местах подготовительные мероприятия не проводились. Были намечены только спецпоселки. Большинство строений в них были непригодны для проживания. Лесотресты могли расселить от 32 % до 68 % спецпереселенцев. Причем для проживания этих семей необходимо было сначала отремонтировать здания, что в середине зимы представлялось невозможным [9].

В Постановлении СНК Коми АССР от 5 января 1940 г. «О переброске и размещении семейств беженцев и осадников в Коми АССР»

отмечена неготовность предприятий и организаций к приему спецпереселенцев, а также содержится предписание закончить ремонт всех помещений в течение 7 дней, немедленно приступить к строительству недостающего жилья, за два-три дня расчистить дороги, подготовить места отдыха и питания по пути следования [10]. Аналогичная работа была проведена во всех регионах вселения польских спецпереселенцев, в том числе в Архангельской и Вологодской областях [11].

Названные документы раскрывают функционирование советской бюрократической системы, для которой более важным было директивное указание, а не условия его выполнения. Очевидным является факт невозможности за два-три дня отремонтировать полуразрушенные бараки и построить новые особенно в разгар лесозаготовок, когда каждая пара рабочих рук на счету. Но звучало это так: «есть слово «надо». Инструкции и приказы составляли базу для отчетов перед вышестоящими инстанциями о своевременном реагировании и для того, чтобы вину за невыполнение их можно было переложить на предприятия. Следует отметить, что неподготовленность принимающей стороны была характерна для всего периода пребывания польских граждан в СССР.

Согласно постановления СНК СССР от 29 декабря 1939 г., на комендантуры НКВД была возложена функция контроля за размещением, хозяйственным обустройством, снабжением и трудовым использованием польских спецпереселенцев [12]. Уже в апреле 1940 г. органами НКВД СССР была проведена производственная проверка и установлен целый ряд недопустимых фактов. Спецпереселенцы проживали скученно в плохих помещениях барачного типа без перегородок. На многих предприятиях не было организовано общественное питание. Особо отмечалось, что в замороженных столовых чай превращается в лед за 3 минуты, из-за нехватки посуды люди вынуждены есть из банных тазов [13].

Ситуация стала еще более сложной после переселения вглубь СССР польских беженцев летом 1940 г. 9 из 14 эшелонов с беженцами имели пунктом назначения станцию Котлас Архангельской области, куда первый эшелон с 2427 беженцами прибыл 7 июля 1940 г. [14].

Из Котласа путь беженцев лежал в районы Архангельской области и Коми республики. Несмотря на то, что переселение беженцев было уже третьей депортационной кампанией и осуществлялось в летнее время, польские граждане испытывали те же лишения и трудности, что и депортированные ранее осадники и лесники. Как следует из справки УНКВД Архангельской области, для размещения в леспромпхозах «Двинолеса» беженцев везли на грязных и совершенно не приспособленных для перевозки людей баржах. За отсутствием лавок и нар люди с грудными детьми лежали прямо на полу или на вещах. В пищу была выдана селедка, но кипятка не было. Началась диарея. Но даже в туалет было трудно попасть, т. к. на каждой барже

он был всего один. Погруженные на баржи люди по несколько суток ждали предоставляемого парохода [15].

Согласно Справке о расселении и хозяйственном устройстве беженцев, до конца сентября 1940 г. в спецпоселках Архангельской области было размещено 4584 семьи – 12 838 беженцев, Вологодской соответственно 1712 – 4965, Коми АССР – 2778 – 8985 [16].

Постановлением Совнаркома СССР от 5 декабря 1939 г. предписывалась передача польских спецпереселенцев на работы в лесную промышленность, что вполне соответствовало цели перевоспитания их на основе исправления и ударничества, а также преодоления дефицита рабочих рук [17]. Была ли в них потребность у предприятий Наркомлеса?

В 1930–1931 гг. в Коми Республике на спецпоселении проживали 39,1 тысяч раскулаченных. Несмотря на это, в начале 1940 г. при потребности в 17,5 тыс. человек на лесозаготовках работали только 13,4 тыс. человек [18]. Можно говорить об острейшем дефиците рабочей силы.

В 1939 г. Архангельская область на своей территории имела 8 лесозаготовительных трестов и 4 сплавных треста, включающих свыше 350 предприятий [19]. Большинство их составляли «Главсевлес» и выполняли план лишь на 40,3 % [20]. Это объясняет объективную потребность в завозе спецпереселенцев.

Именно поэтому изначально постановлением СНК СССР от 29 декабря 1939 г. и конкретизирующими его директивами (положением НКВД СССР «О спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР» и инструкцией НКВД СССР «О порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР», утвержденными 29 декабря 1939 г., предписывалось использование труда польских спецпереселенцев на лесных разработках Наркомлеса СССР.

Договором ГУЛАГа НКВД и Наркомлеса от 20 февраля 1940 г. было юридически закреплено трудовое использование семей осадников и лесников на лесозаготовительные работах [21]. Однако, как показали производственные проверки, на предприятиях Архангельской области на группу в 20 человек выдавалось только 4 пилы и 8 топоров, в большинстве своем неисправных. На предприятиях Коми АССР процент трудоустройства польских осадников не превышал 67 % [22].

Ситуация с трудоустройством осложнилась после прибытия беженцев. Формально советские власти не делали различий между осадниками и беженцами. Однако их многое рознило. Отличались они не только национальным (основная масса беженцев – евреи), конфессиональным, но и социальным составом (сельское – городское население), уровнем образования. Согласно справке о научных работниках и специалистах беженцах, в СССР на спецпоселении находилось 15

037 квалифицированных специалистов, 955 человек из которых были расселены в Северо-Европейской зоне. В анкетах беженцев указаны разные профессии: официантка, сварщик, портной, сапожник, электрик, киномеханик, бухгалтер, мясник, шорник, учитель, инженер – конструктор по теплосиловым и энергетическим установкам [23].

Производственной проверкой НКВД на 16 октября 1940 г. было выявлено, что на предприятиях Наркомлеса работало только 85,1 % беженцев [24].

Работы в лесу были наиболее тяжелыми и опасными. До делянки шли пешком по 5–10 км. Мать Б. Билевич «работала в лесопункте треста «Ваголес» лесорубом в бригаде из 7 человек, четверо из которых топорами валили деревья, трое обрубали сучья. Уже к обеду она падала без сил. Упавшее дерево сломало матери ногу, а дядю зашибло насмерть» [25].

Сложной была работа и на сплаве. А. Александрович, «работая в лесопункте треста «Котласлес», грузил готовые бревна на вozy. Затем лошадыми тащили вozy на берег реки, а потом сплавляли лес по реке. После того, как Александрович упал в ледяную воду и обморозился, его перевели свалку леса [26]. Б. Билевич в свои 12 лет носила воду с реки и стирала одежду спецпереселенцев. Ее сестра убирала бараки, а потом работала банщицей [27]. 16-летняя Е. Цылевич укладывала дровяные чурки на пилораме [28]. Многие дети, как и М. Гилецкая, носили почту за 5–10 км, получая за это только хлебные пайки, чуть больше детских [29].

В I квартале 1941 г. на лесозаготовительных предприятиях Архангельской области план по рубке леса выполнялся на 25–64 %. В Вологодской области за смену вывозили не более 5 кубометров леса при норме в 40 куб. м [30]. Сложной была обстановка и в Коми республике. В соответствии с отчетами треста «Комилес», в I квартале 1941 г. план по заготовке древесины был выполнен на 64 %, по вывозке на 66 % [31].

Причины столь удручающей картины различны. Некоторые из них прозвучали в Законе Верховного Совета Коми АССР «О выполнении плана лесозаготовок и сплава 1940 года», принятом 15 июня 1940 г. Среди факторов, мешающих выполнению плана лесозаготовок и сплава, были названы «крайне плохое использование на заготовке, вывозке и сплаве механизмов, неудовлетворительное состояние культурно-бытового обслуживания рабочих леса и сплава, плохая организация торговли и общественного питания [32]. Питание спецпереселенцев осуществлялось через столовые. По воспоминаниям Б. Билевич, «на обед давали суп из капусты, картошки и гороха с добавлением мороженой брусники, на поверхности которого плавали черви» [33].

Во всех воспоминаниях спецпереселенцев говорится о постоянном чувстве голода, оно было настолько сильным, что даже до драк доходило из-за пищи.

В отчетах НКВД отмечались крайне низкие заработки осадников и беженцев. Средний заработок в день работника не превышал 3 рубля 25 копеек [34]. Согласно справке, датированной 21 марта 1941 г., в Архангельской и Вологодской областях зарплата осадников в среднем составляла 156 рублей в месяц, беженцев – 134 [35]. Для сравнения, на 84 копейки можно было купить 800 грамм хлеба по карточке. Пара валенок в то время стоила 50 рублей, кожаные рукавицы – 10 рублей, одеяло – 45. Директор детского сада зарабатывал в месяц 420 рублей, воспитатель – 180–230 [36].

Перепрограммирование сознания должно было осуществляться через сеть дошкольных и школьных учреждений, изб-читален и занятий для взрослых по ликвидации безграмотности и малограмотности. Польские граждане должны были стать полноценным советскими гражданами и верить в идеалы социализма [37]. По данным польского исследователя Д. Бочковского, в ходе всех депортационных компаний с западных областей УССР и БССР было вывезено 130 тысяч детей, из которых 60–65 тысяч составили дети осадников и лесников, около 26 тысяч – дети административно-высланных, 23–25 тысяч – дети беженцев и 15 020 – дети, депортированные с родителями в июне 1941 г. [38].

Положение польских спецпереселенцев изменилось только с изменением международной обстановки и объявлением амнистии в августе 1941 г.

Русский Север (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР) стал местом расселения почти трети депортированных в СССР польских граждан. Этот факт можно объяснить тем, что одной из основных статей экспорта СССР была древесина и пиломатериалы. Большинство лесоперерабатывающих предприятий располагалось в названном регионе и имело дефицит рабочих рук. Все польские спецпереселенцы были расселены в изолированных поселках, где зачастую испытывали на себе произвол администрации и плохие жилищно-бытовые условия.

Примечания.

1. Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Варшава; Москва, 2003. С. 254.

2. Smolenski K. Moje wspomni z przezyc.– Wroclaw, Polskie Towarzystwo Ludoznawcze (PTL), Archiwum sybirackie (AW), nv 25, sygn.374 / s, maszynopis (mps.) S. 16.

3. KARTA. Archivum Wschodnie. II / 1631 / 1 K. S. 18.

4. Zybailo-Masternak A. Moje spotkania z wladza Radziecka podczas I i II wojny Sw. Wroclaw, PTL, (AW), nv 25, sygn. 21 / s, mps. S. 15.

5. Chrzastowska Z. Wspomnienia. Ibid. Sygn.21 / s, mps. S. 5.

6. Kulik T. Wspomnienia. Oddzial Zwiazkow Sybirakow we Wroclawiu. S. 4.

7. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 983. Оп. 5. Д. 26. Л. 3.
8. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 983. Оп. 5. Д. 26. Л. 3.
9. KARTA. AW. M / II / 15 / 2. S. 16 (ГУРК НА РК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 28. Л. 24–27).
10. Рогачев М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах... С. 48–49.
11. ГААО. Ф. 2377. Оп. 2. Д. 3. Л. 24.
12. Рогачев М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах... С. 89.
13. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 52. Л. 4–7.
14. ГААО. Ф. 2377. Оп. 2. Д. 3. Л. 52–53.
15. Польские спецпереселенцы в Архангельской области. Индекс репрессированных. Архангельск; Москва; Варшава. Вып. XIV, ч. 3. С. 383; Архив Информационного центра Управления внутренних дел Архангельской области (Архив ИЦ УВД АО). Ф. 7.
16. ГААО. Ф. 2333. Оп. 2. Д. 21. Л. 123.
17. Сталинские депортации. 1928–1953... С. 107.
18. Рогачев М. Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах... С. 45.
19. ГААО. Ф. 2377. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.
20. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГААО. ОДСПИ). Ф. 296. Оп. 1. Д. 468. Л. 154.
21. ГААО. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 52. Л. 12.
22. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 65. Л. 29–30.
23. Архив Информационного центра Управления внутренних дел Архангельской области (Архив ИЦ УВД АО). Ф. 7. Д. 4815. Л. 3.
24. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 65. Л. 55–57.
25. KARTA. Archivum Wschodnie. II / 1631 / 1 K. S. 18.
26. Aleksandrowicz A. Pamietnik. Oddzial Zwiaskow Sybirakow we Wroclawiu. S. 16
27. KARTA. Archivum Wschodnie. II / 1631 / 1 K. S. 19.
28. Czylewicz E. Wspomnienia. Oddzial Zwiaskow Sybirakow we Wroclawiu. S. 5.
29. Gilecka M. Czas bes dat. Wroclaw, PTL, AW, nv 25, sygn. 343 / s, mps. S. 11
30. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 69. Л. 219–220.
31. Рогачев М. Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах... С. 78.
32. Рогачев М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах... С. 79.
33. KARTA. Archivum Wschodnie. II / 1631 / 1 K. S. 19.
34. Архив ИЦ УВД АО. Ф. 7. Д. 4829. Л. 7.

35. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 69. Л. 219–220.
36. ГААО. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 28. Л. 19.
37. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1 в. Д. 510. Л. 163–165.
38. Wockowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR I opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940–1943. Warszawa, 1999. S. 150.

Вартумян А. А.

**Репрессии в отношении армянского населения СССР:
депортации по этническому, конфессиональному
и политическому признакам**

К многочисленным преступлениям сталинского режима относятся классические депортации собственного народа, принудительные этнические чистки, постоянные преследования по политическим мотивам. Не стоит приписывать этим явлениям националистический, расовый или религиозный раздел. От рук диктатора и его палачей погибли представители практически всех народов Советского Союза. В настоящей статье автор тезисно попытается воссоздать картину принудительных репрессий армянского населения Советского Союза ставших жертвами тоталитаризма по причине своей этнической принадлежности (Крым), религиозного меньшинства (хемшилы, Грузия) или политического диссидентства (дашнаки, Армения).

В 1944 году армяне Крыма разделили судьбу крымских татар, греков, болгар. Были подвергнуты насильственной депортации 9919 армян, формальными основаниями послужило обвинение в сотрудничестве с немецкими оккупантами [1].

В Крыму, действительно, действовал организованный немцами Армянский комитет из числа белоэмигрантов и армянской знати, который проводил агитационную антисоветскую работу и занимался вербовочной деятельностью для организации добровольческих армянских легионов.

Армянский генерал Дро собирал своих сторонников в Крыму по пропаганде идей «независимой Армении». Государства Болгария и Греция принимали участие в создании гитлеровской коалиции и высылка крымских болгар и греков частично объяснялась этим обстоятельством.

На мой взгляд, мы имеем дело исключительно с принципом коллективной ответственности, т. к., согласно постановлению ГКО № 5859, подлежали высылке с Крымского полуострова только все крымские татары, а болгары, греки и армяне – только уличенные в сотрудничестве с немецкими оккупантами. Однако в связи с военной

обстановкой и невозможностью в короткий срок проверить благонадежность депортируемых были выселены все болгары, греки, армяне.

Фактически, решалась задача превращения Крыма из уникального полиэтнического и поликонфессионального региона (татары, караимы, болгары, греки, армяне, украинцы, русские) в моноэтнический регион. Не случайной въезд в Крым был запрещен представителям названных этносов, не подвергавшихся депортациям, за исключением русских и украинцев. Можно рассматривать случившееся как этническую чистку, об этом говорил 1 секретарь Крымского обкома ВКП(б) Тюляев на Пленуме обкома 27 ноября 1944 года: «Перед Крымом ставится задача – сделать его новым Крымом со своим русским укладом» [2].

Метод массовых депортаций и этнических чисток в форме государственного террора против целых народов является логическим результатом эволюции репрессивного сталинского режима.

В Советском Союзе депортации подверглась особая субэтническая группа армян – мусульман – хемшилы. Судьба хемшил отдельная тема научного исследования, тем более основные научные публикации принадлежат кубанским ученым – этнологам (И. Кузнецов, А. Попов, А. Тулумджян, А. Лейбовский, С. Свердлов). Проживая в географической близости с турками-месхетинцами, хемшилы испытали все превратности депортаций т.к. практически невозможно было провести различие между турками-месхами и хемшилами. Совместное проживание, большой процент смешанных браков, мусульманские имена и фамилии привели к тому, что армяне – мусульмане оказались депортированными вместе с турками и курдами Грузии по причине максимальной утраты своей идентичности. Общая численность депортированных составила около 4000 человек [3].

Хемшилы вернутся в Краснодарский край в 1970-е годы, и компактно расселятся в Апшеронском и Белореченском районах. Следует отметить, что проблема определения этнической принадлежности хемшилы чрезвычайно сложна и излишне политизирована. Многие представители молодого поколения выбирают «историческую» религию, идентифицируя себя частью армянского этноса, «старшие» пытаются сохранить субэтническую уникальность, «растворяясь» в сфере амшенских армян.

Третья группа, подвергшаяся репрессивным мерам исключительно по политическим мотивам были представители партии «Дашнакцутюн». Массовый характер репрессий против дашнаков имел место в 1921, 1926, 1930 годах. Но если после арестов 20-х гг. политических противников большевиков, как правило, отправляли в ссылку в отдаленные районы, то в 1937 году основная масса арестованных была расстрелена.

Согласно приказу № 00447 «Об операции по репрессированию бывших» кулаков, уголовников и других антисоветских элементов

от 30 июля 1937 года представители политических партий были отнесены к 4 контингенту, подлежащих репрессий.

Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, муссаватисты, иттихадисты и дашнаки). Всего было репрессировано около 1500 дашнаков [4].

Т. о. в ходе сталинских репрессий армяне-граждане Советского Союза были подвергнуты насильственным депортационным акциям по причине этнической, конфессиональной и политической, им пришлось испытать «полную чашу» сталинского социализма и разделить горестную судьбу многих народов России.

Примечания

1. Иосиф Сталин – Лаврентий Берия «Их надо депортировать». М.: Дружба народов, 1992. С. 142.

2. Неймарк, Норман Н. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. М.: АИРО – XX, 2005. С.14.

3. Мамаев М. И. Национальные меньшинства Северного Кавказа: социальное положение, трансформация. М. 2008. С. 175.

4. «Через трупы врага на благо народа»: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина: Германский исторический институт в Москве», 2010.

Иванов А. С.

Механизмы снабжения спецпереселенцев

(на примере калмыков в Омской и Тюменской областях)

Одним из недостаточно изученных вопросов в историографии проблем депортации народов СССР является деятельность органов власти и части хозяйственных организаций сибирских краев и областей по обеспечению спецпереселенцев продовольствием и товарами. Отсутствие у исследователей целостного представления о механизмах реализации важнейших государственных мероприятий затрудняет понимание сущности политики государства в отношении «наказанных народов». Это обуславливает необходимость изучения заявленной темы.

На территорию Омской (14 августа 1944 г. из ее состава выделена Тюменская) области к марту 1944 г. депортировали самую большую группу калмыцкого населения – более четверти от общего числа спецпереселенцев (27 247 человек [1]). В первые дни нахождения на поселении ключевым вопросом хозяйственного обустройства являлось продовольственное снабжение. Омский обком и облисполком своим совместным решением выделили для выдачи калмыкам из областного продовольственного фонда 66 т хлеба и 300 т картофеля

[2]. Однако уже в начале марта 1944 г. потребность переселенцев в продовольствии составляла: муки – 554 т, крупы – 155 т, картофе-ля – 554 т [3].

Единовременные выдачи продуктов не могли исправить обще-го тяжелого положения: в первые месяцы с мест шли «сигналы» о многочисленных фактах заболевания дистрофией, опухания, недое-дания (Гольшмановский, Кагановичский, Калачинский, Тюменский районы) [4], вымирания целых семей (Исилькульский район) [5]. Были зафиксированы случаи воровства скота у местного населения, так как калмыки не могли себя прокормить (Омутинский район) [6].

Чтобы получать постоянное продовольственное снабжение, спец-переселенец должен был быть принят на снабжение в организацию, за которой он закреплен. Калмыки утверждались на снабжение в составе общего контингента. Утверждение норм снабжения хлебом производилось по четырем категориям населения. Первой категории полагалось 700 г в день, второй – 500, третьей – 300, четвертой – 400 г [7]. Большинство же калмыков расселили в сельской местности и закрепили за колхозами, а руководство сельхозартелей не спешило принимать депортированных в свои члены, так как новых членов колхозов необходимо было принимать на снабжение, что означало разделение скудного продовольственного фонда колхоза на еще боль-шее количество едоков.

К концу апреля 1944 г. по Омской области из 12 677 человек, расселенных в колхозах, их членами являлись только 3738 (29,4 %) [8]. Колхозы, которые сами не рассчитались с государством по хле-бопоставкам весной-летом 1944 г., могли выдавать на трудодни (т. е. только работающим) лишь авансы в размере 125–400 г на трудодень [9], поэтому были заинтересованы в сохранении подобного «под-вешенного» статуса калмыков [10]. К началу 1945 г. из 913 семей калмыков, расселенных в колхозах Тюменской области, 661 (72,4 %) состояла в членах колхозов, а в Омской области в колхозы вступили 855 семей (84,5 %) [11]. Прием в колхозы был закончен по областям в начале 1946 г. [12]. Только с этого времени можно говорить, что кал-мыки «продовольствием обеспечиваются наравне с колхозниками, в порядке расчета за заработанные трудодни» [13].

Калмыки-работники совхозов продовольствием обеспечивались по существующим нормам продовольственного снабжения [14]. Большинство калмыков, завезенных в колхозы, относились к 4-й категории снабжения, т. е. получали 400 г хлеба в день [15]. При этом иждивенцы и в колхозах, и в совхозах могли рассчитывать на регулярное получение только хлебного пайка [16].

На промышленных предприятиях спецпереселенцы сразу же после приема на работу по приказу ставились на снабжение наравне с другими рабочими и были приравнены к рабочим 1-й категории, а иждивенцы снабжались по нормам, предусмотренным в районах для

лиц данной категории, т.е. были приравнены к обычным иждивенцам [17]. Практика Березовского рыбозавода показывает, что в ближайшие дни после прибытия на спецпоселение [18], они снабжались через точки общепита, обслуживающие конкретные предприятия [19]. Иждивенцы в семьях рабочих промышленности до постановки на снабжение в райисполкомах могли рассчитывать на получение лишь 100–200 г хлеба в день [20].

Данные о снабжении по Сургутскому району показывают, что процесс постановки на централизованное карточное снабжение происходил в течение первых нескольких месяцев нахождения на поселении [21]. Растянutosть в вопросе постановки на централизованное снабжение повлекла высокую смертность среди спецпереселенцев-калмыков в первое время нахождения на поселении.

Важно отметить, что сам факт «принятия на снабжение» еще не гарантировал получение продовольствия, так как карточки зачастую не отоваривались. Так, по Березовскому району с августа 1944 г. по январь 1945 г. калмыки по карточкам получили лишь 382 кг крупы (28,2 % от положенного), а карточки на «мясо/рыбу» и сахар остались полностью не отоваренными [22].

Как реакция на несостоятельность централизованного снабжения, в 1944–1945 гг. наблюдается стремительный рост подсобных хозяйств и децентрализованных заготовок. В утвержденных ГУЛАГом НКВД СССР 8 марта 1944 г. «Правилах хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев...» говорилось: органы НКВД обязаны «ставить вопросы перед республиканскими, краевыми (областными) организациями о наделении спецпереселенцев приусадебными участками для жилстроительства и создания огородов...» [23].

Уже к июлю 1944 г. все переселенцы, расселенные в южных районах Тюменской и Омской областей, пожелавшие получить участки под огороды, были землей обеспечены полностью, проблема заключалась в повсеместном отсутствии семян для посадки [24]. В послевоенные годы в южных районах областей калмыки осуществляли посадки огородов, но проблемой стали низкие урожаи, которые не позволяли полностью обеспечить себя картофелем и овощами [25].

В кризисной ситуации военных и первых послевоенных лет каналом снабжения, который обеспечил бы калмыкам возможность не только физического выживания, но и обустройства в условиях спецпоселения, должны были стать специальные продовольственные и промтоварные фонды. Так, в период 1944–1945 гг. СНК было принято 16 постановлений и распоряжений, направленных на улучшение материального положения спецпереселенцев-калмыков и создание предпосылок к их оседанию по месту расселения [26]. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 7 марта 1944 г., Омской области было выделено: муки – 580 т; крупы – 175 т; картофеля –

580 т [27]. Централизованная выдача продовольствия в Омской области началась с 1 апреля 1944 г. [28]. Эти продовольственные фонды калмыки должны были получать, чтобы продержаться «до нового урожая» [29].

Распоряжение от 7 марта было дополнено постановлением СНК СССР от 29 мая 1944 г. «О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам-карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам и калмыкам в обмен за принятые от них скот и зерно в местах высылки» [30]. В нем зафиксирована одна из немногих попыток власти возместить спецпереселенцам имущество, утраченное при депортации. Каждой семье спецпереселенцев-калмыков полагалось выдать по одной голове крупного рогатого скота, в среднем по 200 кг веса каждая. Разрешалось при отсутствии крупного рогатого скота выдавать взамен его овец и коз по 200 кг живого веса за одну голову крупного рогатого скота. Реализовать правительственное решение в полном объеме планировалось к концу 1945 г. [31].

На основании постановления Совнаркома от 29 мая 1944 г. было принято решение Омского облисполкома от 22 июня 1944 г. «О выдаче скота спецпереселенцам калмыкам». Списки на выдачу скота составлялись райкомендантами и утверждались исполкомами райсоветов. Эти же списки являлись окончательно оформленными документами на право получения скота из районных контор Заготскот [32]. Всего предполагалось выдать 6630 голов, из них на южные районы современной Тюменской области выделялось 1816 голов крупного рогатого скота для выдачи в индивидуальное пользование из расчета 200 кг на семью в «живом весе» [33]. Однако данное решение предусматривало выдачу всего скота лишь калмыкам, расселенным на юге Омской области. Исполком облсовета принял к собственному решению «дополнение», которое касалось только северных районов области (Тобольского, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов). На Север предполагалось передать 2630 голов скота [34].

В дополнение к постановлению Совнаркома от 29 мая 1944 г. были приняты два распоряжения правительства (от 8 апреля 1945 г. и 26 июня 1945 г.) [35], однако их целью являлось «укрепление общественного стада» колхозов, в которые были расселены калмыки [36], а не выдача скота переселенцам.

В южных районах Омской и Тюменской областей органы власти сразу по получении руководящих указаний приступили к реализации постановления. В районах северных округов (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого) начать выдачу скота в 1944 г. не удалось, так как навигация по Оби и Иртышу уже закрылась [37], а на Севере заготовительных пунктов конторы Заготскот не было. Выдачу скота планировалось производить только за счет скота, завезенного с юга области [38].

На 1 января 1948 г. на территории Омской области проживали 3492 семьи, из них 95,4 % формально получили крупный или мелкий рогатый скот. Распоряжение от 8 апреля 1945 г. к указанной дате было выполнено в полном объеме, что одновременно означало также и реализацию второго пункта постановления СНК СССР от 29 мая 1944 г. В соответствии со вторым распоряжением СНК, датированным 26 июня 1945 г., было выделено 93,5 % лошадей и 94 % волов, предусмотренных к передаче колхозам, где расселены калмыки [39]. В южных районах Тюменской области на начало января 1948 г. «оставалось выдать 160 голов скота», предназначенного для передачи в личное пользование. В результате были выданы 91,2 % скота, предусмотренного государственным заданием [40]. В северных округах к этому времени оставалось выдать 1930 единиц скота, т.е. скот был выдан на 26,6 % [41].

По итогам реализации Постановления СНК СССР от 29 мая 1944 г. абсолютное большинство калмыков должны были уже в первые послевоенные годы стать обладателями скота, поскольку формально скот передавался им в собственность. В реальности этого не произошло. В поступавших в районы указаниях о порядке выдачи скота содержалось требование передавать животных только тем семьям, которые гарантируют их сохранность [42]. И это не было случайностью. Получив скот, многие спецпереселенцы, не имея кормов для его содержания [43], вынуждены были забивать животных на мясо для продажи на рынке [44]. В результате чего общее количество скота, полученного спецпереселенцами и забитого на мясо на юге Тюменской области, составило к январю 1945 г. – 264 головы [45]. В ответ на это органы НКВД начали привлекать «инициаторов забоя скота к уголовной ответственности», проводить «показательные суды» над ними. Примечательно, что руководство УНКВД Тюменской области возмущал именно тот факт, что органы прокуратуры отказывали в санкции на арест на том основании, что «полученный спецпереселенцами скот является их собственностью» [46].

Партийные и советские органы получили указания от Тюменского обкома ВКП(б) оказать помощь спецпереселенцам-калмыкам кормами, а также провести «мероприятие по передаче» (фактически изъятие) скота у калмыков, которые не могли его содержать. Так, по Ишимскому району весь скот, полученный спецпереселенцами калмыками, передан на содержание колхозам и совхозам района на весь зимний период [47]. В итоге руководство УНКВД Тюменской области фактически признало фиктивность передачи скота, констатируя, «что скот, закупленный на специальные средства для спецпереселенцев калмыков, передан для индивидуального пользования последним не был (Сургутский, Самаровский и другие районы). Этот скот был оставлен в хозяйственных организациях под предлогом освобождения калмыков от заботы за его уходом и содержанием и,

хуже того, этот скот раздается в личное пользование работникам административно-управленческого аппарата рыбозаводов и консервных фабрик» [48].

К июлю 1947 г. работа по передаче рабочего скота (лошадей и волов) колхозам, в которые были вселены спецпереселенцы, проводившаяся в соответствии с правительственными постановлениями, принятыми в 1944–1945 гг., была закончена. Омская и Тюменская области выполнили государственное задание [49].

Параллельно проходила реализация постановления правительства от 29 мая в части выделения зерна спецпереселенцам. Народный комиссариат заготовок обязан был отпустить областям расселения калмыков во II и III кварталах 1944 г. для выдачи спецпереселенцам в окончательный расчет зерна (ржи и ячменя) 13 500 т. Омский облисполком получал на основании этого акта 527 т зерна [50]. 12 июля было принято решение облисполкома «О выдаче зерна спецпереселенцам-калмыкам в окончательный расчет за принятый от них скот и зерно по месту жительства» [51].

На основании этого документа выдача в области производилась через райпотребсоюзы, а в гг. Тюмени и Салехарде – через городские торговые отделы. Председатели исполкомов райсоветов в течение июля 1944 г. [52] были обязаны выдать по спискам, представленным спецкомендантами, одновременно всем спецпереселенцам-калмыкам сверх установленного пайка по 20 кг на едока. Всего к выдаче по Омской области полагалось 527 т зерна [53].

В конце декабря 1944 г. из Тюменской области сообщали о выполнении в южных районах этого постановления полностью. В северных районах Тюменской области фонды были «реализованы частично» [54], процесс выдачи там завершили в 1945 г. [68]. Начальник отдела спецпоселений М.В. Кузнецов в начале 1946 г. отчитался о бесплатном распределении калмыкам в Сибири указанных продуктовых фондов [55].

На практике эти фонды выдавались переселенцам в порядке общего продуктового снабжения по карточкам, обеспечив выделяемые исполкомами продуктовые лимиты на их снабжение. Как отмечал заместитель начальника УНКВД Омской области Н. Ф. Шеваров, фактически в ряде районов области (Исилькульский, Полтавский, Кормиловский и др.) продукты, согласно постановлению СНК, не выдавались, поскольку калмыки получали положенный по карточкам паек. Более того, Омский облисполком «подтвердил, что районы поступают правильно, так как паек два раза получать не положено» [56].

Нерешенность проблемы обеспечения калмыков стабильной продовольственной базой, обеспечивающей выживание, приводила к необходимости выделения новых продовольственных фондов. При этом речь уже не шла о бесплатной выдаче: калмыки должны были

выкупать выделенный для них объем товаров по государственным ценам (распоряжение СНК СССР от 19 ноября 1944 г. [57]), причем это относилось и к категории особо нуждающихся спецпереселенцев-калмыков (Постановление СНК СССР от 28 января 1945 г.) [58].

В целом правительственные решения выполнялись с запозданием (от нескольких месяцев до года), поскольку центральные ведомства зачастую не выполняли обязательства по поставке продовольствия и промышленных товаров в сибирские края и области [59], а предприятия местной промышленности имели множество заказов, в том числе оборонных, которые исполнялись в приоритетном порядке [60].

И все же основная причина подобных проблем в источниках отражена неявно. Встречающиеся в документах карательного ведомства слова «выдача», «передача», «реализация» продовольствия и промтоваров калмыкам камуфлировали факт продажи калмыкам продовольствия и промтоваров по государственным ценам. Главной причиной задержки реализации распоряжения правительства была неспособность калмыков выкупить продукты [61].

В целом продовольствие выкупали быстрее, так как оно в первую очередь обеспечивало физическое существование и к тому же было значительно дешевле. Приобрести промтовары могли далеко не все. В Тюменской области, чтобы разрешить данную проблему, стали продавать калмыкам взамен полушубков невыделанные овчины, а вместо валенок – шерсть, предназначенную для их изготовления [62].

Реализация практически всех целевых государственных ассигнований, направленных на поддержку калмыков, была завершена к началу 1948 г. Улучшение положения с продовольственным снабжением в СССР (к началу 1948 г.) натолкнуло руководство МВД по Тюменской области на мысль о том, что «теперь в связи с общим изменением положения в стране, улучшится и положение калмыков», и поэтому «...вполне своевременно ставить вопрос о ликвидации иждивенчества и перевода калмыков на общие для всего населения условия» [63]. Начиная с 1948 г. и до момента снятия со спецпоселения в 1956 г. калмыки в плане снабжения были полностью уравнены с «правовым» населением.

В итоге регионы вселения вынуждены были в первое время самостоятельно решать комплекс вопросов, связанных с продовольственным и промтоварным обеспечением калмыков. Власти поддерживали, в первую очередь тех, кто занимался «общественно полезным» трудом. Все это повлекло за собой высокую смертность депортированных.

Принятые правительством постановления были направлены, в первую очередь, на закрепление калмыков в местах спецпоселений за хозяйственными организациями, о чем свидетельствует, во-первых, реализация продовольственных фондов, выделенных в качестве компенсации за имущество, оставленное при выселении (они обеспечили

выделяемые райисполкомами продуктовые лимиты на снабжение калмыков); во-вторых, передача предназначенного калмыкам скота организациям, использующим их труд; в-третьих, возможность выкупить продовольственные и промтоварные фонды только для работающих калмыков.

Примечания:

1. Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 52, 240 об, 242; Там же: Д. 161. Л. 144; Ссылка калмыков: как это было: Сб. док-в и мат-лов. Т. I, кн. 1. Элиста, 1993. – С. 138.; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 75.

2. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 70.

3. Исторический архив Омской области (ИсА ОО). Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 48, 51.

4. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 19.

5. Там же. Д. 177. Л. 138.

6. Там же. Л. 135.

7. Сургутский городской архив (СГА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 140. Л. 68.

8. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 138 об.

9. Там же. Л. 141.

10. Там же. Д. 160. Л. 58–58 об.

11. Там же. Д. 164. Л. 178, 227.

12. Там же. Д. 290. Л. 211, 223.

13. Там же. Д. 164. Л. 224.

14. Там же. Л. 224 об.

15. СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 140. Л. 68.

16. Там же. Л. 224–224 об.

17. Там же. Д. 126. Л. 162 об.

18. Архивный отдел администрации Березовского района Ф. 3 л. Оп. 2. Д. 6а. Л. 38.

19. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 171.

20. Там же. Д. 177. Л. 37.

21. СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 159 об, 162 об, 165 об, 179 об, 183 об, 212 об; Там же: Д. 140 Л. 54, 67–67 об, 111, 116, 123 об, 127, 139, 142, 142 об, 156, 170 об, 178, 189, 199, 209 об, 239 об.

22. Подсчитано по: Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО.) Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 11.

23. Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. С. 146.

24. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 220, 237 об.

25. Там же. Д. 356. Л. 352.

26. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 710. Л. 5–6.

27. Там же. Д. 177. Л. 99.

28. Там же. Л. 220.

29. Там же. Л. 99.
30. Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 543–545.
31. Там же. С. 544.
32. Исторический архив Омской области (ИсА ОО.) Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 40.
33. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 262.
34. ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 1.
35. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 710. Л. 5–6.
36. «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003. С. 704.
37. Там же. Д. 153. Л. 262.
38. Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. С. 201.
39. Подсчитано по: Там же. Д. 356. Л. 366, 367 об., 368.
40. Подсчитано по: Там же. Л. 352; Там же. Д. 164. Л. 225.
41. Подсчитано по: Там же. Д. 325. Л. 134; Там же. Д. 356. Л. 356–357.
42. Государственный архив в г. Тобольске Ф. 281. Оп. 1. Д. 1229. Л. 43.
43. ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 689. Л. 25.
44. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 263.
45. Там же. Л. 263.
46. Там же. Л. 262 об.-263.
47. Там же. Д. 247. Л. 338–339.
48. Там же. Д. 325. Л. 157.
49. Сталинские депортации... С. 544.
50. ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 42.
51. В документе III квартал 1944 г. определялся как крайний срок его исполнения.
52. ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 44.
53. Там же. Д. 161. Л. 143.
54. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 1 об.
55. История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док-в: В 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 476.
56. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 237.
57. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 45; Там же. Д. 176. Л. 130–131.
58. К этой категории относились расселенные в колхозах Омской (5300 человек) и Тюменской областей (2750 человек) // Там же. Д. 153. Л. 8.
59. Там же. Д. 153. Л. 46.
60. ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 23. Д. 42. Л. 7; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 172.
61. Там же. Д. 247. Л. 337; Там же. Д. 290. Л. 213 об.
62. Там же. Д. 290. Л. 223.
63. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 352.

Оконова Л. В.

Принудительное выселение немцев из Калмыцкой АССР в 1941 г.

С началом Великой Отечественной войны коммунистический режим И. В. Сталина успешно продолжал и применял на практике принудительные выселения по отношению к части собственного населения. Примером этого являются «наказанные народы». Одними из первых, кто подвергся этому наказанию, на территории Калмыцкой АССР были немцы, в основном компактно проживавшие в Западном и Яшалтинском улусах. Причиной послужила этническая принадлежность к нации, с которой была развязана война с СССР. Вопросы депортации ряда народов СССР в 1940-х годах, в том числе и части населения Калмыцкой АССР, до последнего времени оставались в числе запрещенных тем исторической науки. С конца 80-х годов с принятием в СССР и Российской Федерации ряда законодательных актов по реабилитации репрессированных народов был открыт доступ к ранее засекреченным официальным источникам. Однако для исследователей, изучающих историю выселения немцев из Калмыцкой АССР в 1941 г., все еще остается недоступным большое число секретных материалов. Это прежде всего закрытые материалы, которые хранятся в ведомственных архивах.

Впервые в отечественной исторической литературе о выселении немцев из Калмыцкой АССР упомянули в начале 1990-х гг. исследователи Н. Ф. Бугай и В. Б. Убушаев [1; 2]. Пребывание в ссылке и процесс реабилитации данной национальной группы практически остаются не изученными, как, впрочем, и история их обоснования и жизни в калмыцких кочевьях. Воссоздание во всей полноте истории депортации немцев в 1941 г. из Калмыцкой АССР, пребывания в ссылке, их возвращения в Калмыцкую АССР – задача будущего исследования.

Исходя из актуальности темы, в данной статье предпринята попытка реконструировать с возможной полнотой процесс принудительного выселения немцев из республики и дать ему историческую оценку. Для должного освещения вопроса в статье привлечены опубликованные, архивные и иного рода источники. Наиболее обширную группу неопубликованных источников по изучаемой проблеме составляют делопроизводственные документы, выявленные в Информационном центре Министерства внутренних дел Республики Калмыкия (ИЦ МВД РК) и незначительную – в Казенном учреждении Республики Калмыкия «Национальный архив». Документальные материалы, выявленные в ИЦ МВД РК, вводятся в научный оборот впервые.

По данным переписи на 17 января 1939 г., в СССР проживало 1 427 232 гражданина немецкой национальности, в том числе в

Калмыцкой АССР – 4150 человек [3; 4; 5; 6; 7], а на октябрь 1941 г. – 5709 человек, причем самым большим немецким поселением была Нем-Хагинка, численность которой составляла 2386 человек [8].

С нападением 22 июня 1941 г. фашистской Германии на СССР особые испытания предстояло пережить советским немцам. 26 августа 1941 г. было принято совместное постановление Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – далее ЦК ВКП(б), и Совета Народных Комиссаров СССР (далее – СНК СССР) «О переселении всех немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» [9], а затем спустя 2 дня, 28 августа председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым подписан Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (далее – указ от 28 августа 1941 г.) [10]. Позднее последовал ряд постановлений, распоряжений СНК СССР, Государственного Комитета Обороны СССР, приказов Народного Комиссариата внутренних дел СССР (далее – НКВД СССР) о выселении немецкого населения фактически со всей европейской части страны.

Юридическим основанием для выселения немцев из Калмыцкой АССР послужило распоряжение СНК СССР № 84-кс «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» от 2 ноября 1941 г. [11]. Согласно такому распоряжению, было решено переселить проживающих в Калмыцкой АССР 6000 немцев в Казахскую ССР. Руководство операцией было возложено на НКВД СССР, ее намечалось провести в 7-дневный срок с 3 по 10 ноября 1941 г. Переселение и расселение немцев в Казахской ССР следовало произвести в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР за № 2060–935сс от 12.IV.1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» и инструкцией «О порядке приема имущества переселяемых колхозов и колхозников», утвержденной СНК СССР за № 016-915сс от 30.VIII.1941 г.

3 ноября 1941 г. был издан приказ № 001543 народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берия «О мероприятиях по переселению немцев из Калмыцкой АССР» [12]. Общее руководство операцией по переселению немцев из Калмыцкой АССР было возложено на наркома внутренних дел республики, капитана госбезопасности Г. Я. Гончарова, который впоследствии обязывался докладывать о ходе операции НКВД СССР. Перед началом операции, согласно специальной инструкции, утвержденной приказом № 001543 НКВД СССР, для обеспечения операции по переселению войсками НКВД генерал-майору Апполонову было поручено выделить в распоряжение НКВД Калмыцкой АССР 3 командиров среднего конного состава и 63 красноармейца. Все выявленные «антисоветские элементы» из числа немцев подлежали аресту и заключению органами НКВД. Советско-партийный аппарат обязывался провести разъяснительную работу, предупредив всех выселяемых, что в случае уклонения

(попытки скрыться) от переселения членов семьи ответственность за них будет нести глава семьи, а в случае возможного открытого отказа от выселения последует арест. Начальнику транспортного управления НКВД СССР, старшему майору госбезопасности Синегубову поручалось обеспечить своевременную подачу эшелона для вывоза переселяемых [13].

По срочной спецсвязи данные распоряжения были сообщены в республиканские советские и партийные органы, которые тогда же, 3 ноября, продублировали основное решение – выселить всех немцев, проживавших в Калмыцкой АССР, к 10 ноября 1941 г. Одновременно на бюро Калмыцкого бюро обкома ВКП(б) и СНК Калмыцкой АССР пунктом 2-м было утверждено письмо уисполкомам улусных Советов депутатов трудящихся, Элистинскому горисполкому, городскому и улусным комитетам ВКП(б) о выселении немцев [14; 15].

Согласно этому письму, повсеместно создавались комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества немцев¹ [16].

Для ответственных работников в Калмыцкой АССР вопрос выселения немцев не стал неожиданной новостью. Перед началом операции, согласно инструкции НКВД СССР № 13600 о порядке переселения немцев, проживавших в Калмыцкой АССР, предусматривалась разработка подготовительных мероприятий, составление особого списка лиц, проживавших в немецких семьях, переселение которых было необязательно; затем предполагалось проведение самой операции по выселению, направлению к станциям погрузки и дальнейшему транспортированию к пунктам поселения [17].

На основе данной инструкции были собраны статистические сведения. По состоянию на 20 октября 1941 г. были взяты на учет 5 709 немцев, проживавших преимущественно: в Западном улусе (ныне Городовиковском районе) – 1461 чел., в том числе в рабочем поселке Башанта – 138 чел., совхозе № 112 – 15 чел., пос. Б-Кюветы – 2 чел., пос. Розенталь – 587 чел., пос. Шин-Терл – 267 чел., пос. Фриденталь – 452 чел.; в Яшалтинском улусе – 4118 чел., в том числе в с. Нем-Хагинка – 2 386 чел., с. Рейнфельд – 308 чел., с. Нейфельд – 275 чел., с. Шинбрун – 125 чел., с. Эсто-Хагинка – 148 чел., пос. Шинфельд – 845 чел., с. Яшалта – 31 чел.; в остальных улусах республики – 130 чел., в том числе в г. Элиста – 40 чел., Троицком улусе – 4 чел., Приютненском улусе – 39 чел., Черноземельском улусе – 6 чел., Малодербетовском улусе – 11 чел., Сарпинском улусе – 5 чел., Кетченеровском улусе – 1 чел., Долбанском улусе – 16 чел., Уланхольском улусе – 3 чел., Лаганском улусе – 5 чел. Для их доставки вместе с вещами (не более 200 кг на 1 человека) потребовалось

¹ Соответствующая инструкция была утверждена СНК 30.08.1941 г. в связи с депортацией немцев из Поволжья, но без дополнительных уточнений действовала на всей территории СССР и в дальнейшем.

вывезти груза 1715, 8 тонн, а для подъема этого груза требовалось 2117 подвод [18].

НКВД КАССР разработал план расстановки оперативного состава по выселению лиц немецкой национальности из Калмыцкой АССР, утвержденный Г. Я. Гончаровым. В плане первоначально использован термин «эвакуация». В последующих документах он заменен термином «выселение». В республике для проведения операции была создана участковая оперативная тройка, в состав которой вошли: начальник штаба – заместитель наркома А. М. Моисеев, заместитель начальника штаба – начальник КРО С. Т. Коротков и секретарь – помощник оперуполномоченного В. Булатова. Участковая оперативная тройка укомплектовала 22 оперативные группы из числа сотрудников оперативного состава органов НКВД милиции и рядового милицейского состава по тем населенным пунктам, где проживало немецкое население: в Западный улус вошли 4 опергруппы (р.п. Башанта, пос. Розенталь, пос. Шин-Терл, п. Фриденталь), в Яшалтинский улус – 7 опергрупп (с. Нем-Хагинка, пос. Рейнфельд, пос. Нейнфельд, пос. Шин-Брун, с. Эсто-Хагинка, с. Шинфельд, с. Яшалта), в междулусные – 11 опергрупп (г. Элиста, с. Приютное (Приютненский улус), с. Троицкое (Троицкий улус), с. Яшкуль (Черноземельский улус), ст. Малые Дербеты (Малодербетовский улус), с. Кетченеры (Кетченеровский улус), с. Садовое (Сарпинский улус), ст. Долбан (Долбанский улус), Улан-Хол (Улан-Хольский улус), Лагань (Лаганский улус), пос. Кануково (Приволжский улус). Помимо этого в пос. Кануково был организован приемо-сдаточный пункт [19].

Операция по выселению немцев вместо 10 ноября завершилась 6 декабря 1941 г. Г. Я. Гончаров в своей докладной записке начальнику 2-го управления НКВД СССР комиссару государственной безопасности 3-го ранга П. В. Федотову объяснил задержку тем, что на местах, во-первых, не было в должном количестве транспортных средств и, во-вторых, несвоевременно подавались вагоны на железнодорожные станции. В момент начала проведения операции по выселению лиц немецкой национальности из КАССР большая часть автомобильного и гужевого транспорта в улусах уже была мобилизована на строительство оборонительного рубежа в Ростовской области и железной дороги Астрахань – Кизляр. К тому же создавшееся к моменту доставки выселенцев на ст. Сальск Сталинградской железной дороги положение на Южном фронте, под городом Ростовом-на-Дону, вынудило перенести места погрузки со ст. Сальск на ст. Двойная, что увеличило дальность подвозки выселяемых до 100 км. На железнодорожных станциях Сальск и Двойная 19 суток простояли вагоны в ожидании отправки выселяемых. Станция Сальск находилась в 65–70 км от Западного и Яшалтинского улусов, из которых было выселено соответственно 1687 и 4011 человек. Хотя в остальных

улусах проживало гораздо меньшее число немцев (больше всех их было в Элисте – 79 человек и меньше всех в Кетченеровском улусе – 3 человека), зато они находились на расстоянии 250–300 км до ближайших пунктов железных дорог. Погрузка для них была организована на ст. Абганерово Сталинградской железной дороги. На волжской пристани пос. Кануково (в 7 км от г. Астрахани) из-за отсутствия специальной баржи погрузка не состоялась, и выселяемых отправили на железную дорогу Орджоникидзевского края [20].

Вся операция по выселению прошла без каких-либо эксцессов. Общее число депортированных из республики оказалось на 254 человек больше, чем было взято на учет. Всего было выслано 5965 человек (в том числе 17 агентов НКВД) вместо запланированных 5709 человек [21]. Они были направлены на поселение в Казахскую ССР. Неизвестно, сколько из них доехало до мест поселения. Сохранились в ИЦ МВД РК данные только о бывших жителях Нем-Хагинского сельсовета Яшалтинского района. Из них 949 человек 26 января 1942 г. прибыли в Кустанайский район Кустанайской области. Если учесть, что на момент постановки учета в октябре 1941 г. их было 2 386 человек, то, следовательно, переселенных немцев оказалось в названном районе в 2,5 раза меньше, вероятно, остальных расселили в другие районы [22]. Бывших нем-хагинцев направили в Озеринский сельсовет. Теперь им предстояло стать озеринцами. Это также подтверждает рапорт на имя Г. Я. Гончарова оперуполномоченного Западного УО НКВД Ш. К. Утатынова, который прибыл из служебной командировки 22 февраля 1942 г. Согласно рапорту, задание о доставке спецпереселенцев (немцев) в количестве 947 человек на место назначения он выполнил. В пути следования каких-либо происшествий не было отмечено, за исключением того, что из-за простудных заболеваний погибло 15 грудных младенцев возрастом до 1 года. Исходя из этого, можно предположить, что первоначально в данном эшелоне насчитывалось 962 человека, а доставлено было 947 человек.

Остальные переселенцы оказались в Акмолинской и Северо-Казахстанской областях.

Таким образом, обращение к данной теме позволило выявить ценный по содержанию круг документальных материалов, ранее не введенных в научный оборот. В подавляющей массе документы, отражающие, например, подробности операции по выселению немцев из Калмыцкой АССР, тяжелые годы жизни ссыльнопоселенцев, процесс их реабилитации предстоит еще выявить. Их могут пополнить также мемуарные материалы.

Выселение немцев состоялось в самый трудный для СССР начальный этап войны, когда неприятель подошел к самой Москве, а Ленинград уже находился в блокаде. Стоило ли тратить столько сил и средств, чтобы выселять фактически женщин, стариков и детей,

ведь в это время в действующих частях Красной армии воевали их отцы и сыновья? Депортация 1 209 430 советских немцев, в том числе около 6000 человек из Калмыцкой АССР, осуществлялась как часть общегосударственной операции. Советское правительство рассматривало выселение как вынужденную превентивную меру. Операция по выселению немцев из Калмыцкой АССР начата была в срок, а завершена с опозданием. В Калмыцкой АССР во время ее проведения не были зафиксированы ни антисоветские выступления, ни побеги, ни акты неповиновения. Документы, непосредственно отражающие преступную противогосударственную деятельность немецкого населения, в ИЦ МВД РК не обнаружены.

Как известно, сосланных российских немцев впереди ожидали суровые испытания: тяжелые условия в пути следования, спецпоселение, мобилизация в рабочие колонны, позднее возвращение, незвершенная реабилитация и в конечном итоге эмиграция в Германию.

Примечания

1. Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Респ. центр развития культуры, науки и просвещения им. Зая-пандиты, 1991. С. 14–15.

2. Убушаев В. Б. О депортации немецкого населения Калмыкии // Репрессированные народы: история и современность (тезисы докладов и сообщений Рос. науч.-практ. конф. 28–29 мая 1992 г.). Элиста, 1992. С. 37–38.

3. Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 1–3;

4. Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (далее НА РК). Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 354. Л. 21, 46.

5. НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 357. Л. 1–2.

6. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 32, 40, 44.

7. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993. С. 156.

8. Информационный центр Министерства внутренних дел Республики Калмыкия (далее ИЦ МВД РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11.

9. Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Респ. центр развития культуры, науки и просвещения им. Зая-пандиты, 1991. С. 14.

10. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993. С. 156–160.

11. Сталинские депортации, 1928–1953: Сборник документов. М.: Материк; Международный фонд «Демократия», 2005. С. 360.

12. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 120–121 об.

13. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 120–121 об.

14. НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 607. Л. 74.

15. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 25.
16. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 91–98.
17. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 2–3.
18. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11–11 об.
19. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 12–24.
20. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 211–213.
21. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 50.
22. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 211–213.
23. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 219.
24. ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 218.

Лиджиева И. В.

Письма спецпереселенцев как форма легального сопротивления тоталитарному режиму

Массовые репрессии, по существу геноцид против собственного народа, являются одной из основных характеристик тоталитаризма. Политический режим, установившийся в СССР, не являясь исключением, требовал большего, чем просто установление монополии на власть в государстве. Он стремился к тотальному контролю над всеми сферами жизни общества, над смыслом жизни, и не маловажное совестью человека. В советской системе любое проявление несогласия с генеральной линией партии рассматривалось как государственное преступление. В этих условиях понятие «сопротивление» не имеет ничего общего с традиционным понятием, сопротивления врагу, который захватил твою страну. В Большой советской энциклопедии даже нет определения к понятию «сопротивление».

Однако было бы заблуждением считать, что политика тоталитаризма вызывала только тотальное послушание и трудовой энтузиазм у народных масс. Факты истории свидетельствуют о наличии сопротивления сталинизму как разновидности тоталитаризма со стороны всех депортированных народов. Введение в научный оборот архивных материалов позволит создать более полную историю сопротивления тоталитаризму в 40–50-е гг. XX в.

Измена Родине, участие в бандформированиях и бандповстанческом движении на оккупированных территориях – таково обоснование депортации целых народов в официальных правительственных документах. Советское государство, обрекая ряд народов на физическое и моральное уничтожение, насильственное переселение в районы с суровыми климатическими условиями и ликвидировав их национально-государственные образования, не ограничилось этим. Многие из тех проблем, с которыми столкнулись спецпереселенцы на

местах, были связаны с неопределенностью их статуса: с одной стороны, они были «наказаны» и сосланы на спецпоселение, с другой – официально они не были лишены гражданских прав. Отсутствие нормативной базы, определявшей статус спецпереселенцев, часто приводило к тому, что местные органы советской власти рассматривали всех депортированных как опасных и неблагонадежных лиц: спецпереселенцев не принимали в ряды ВЛКСМ, ВКП(б), не призывали на службу в Красную армию. С первых дней спецпереселенцы утратили все основные гражданские права, гарантированные Конституцией страны. От них требовалось: заниматься общественно-полезным трудом; беречь государственное и общественное имущество; безоговорочно выполнять все требования работников спецкомендатур и представителей местной власти.

Несмотря на предпринятую со стороны государства легализацию антигуманных акций по отношению к целым народам, основная масса населения, подвергшаяся репрессиям, считала себя невиновной и выражала недовольство действиями руководства страны. Противостояние государственной власти и граждан в исторической науке традиционно исследуется в рамках категории «социальный протест». Протест (от лат. *protestor* – публично доказываю), возражение является одной из форм социального конфликта, как правило, открытая реакция людей, направленная на защиту попраных прав, существующих свобод и др. Анализ имеющихся документальных источников по данной проблеме позволяет выделить две основные формы протеста: легальный – заявления, жалобы, прошения; нелегальный, к которому можно отнести отказ от работы, побег, антисоветские выступления. Обстановка полного произвола, насилия и бездушия в период проведения операции по выселению, а затем нечеловеческие условия в местах поселения, не могли не вызывать протестные настроения у людей. Между тем некоторые исследователи считают, что выражение несогласия со стороны выселяемого населения не было. Так, по утверждению Ф. Л. Сеницына «При депортации этнических немцев (1941), карачаевцев (1943), калмыков (1943–1944), крымских татар, турок-месхетинцев, курдов и хемшинов (1944) значимых фактов сопротивления со стороны выселяемого «контингента» выявлено не было» [1. С. 32].

Между тем, как отмечал писатель А. Балакаев, «Калмыки не были молчаливыми овечками, каждый сопротивлялся как мог, одни слагали печальные и правдивые песни, другие писали откровенные и требовательные письма в Кремль, в Москву, третьи честь свою и народа своего отстаивали кулаками. Попадали в тюрьмы, как Вера Попова, оказывались на каторге, как Давид Кугультинов, или оставались калеками на всю жизнь, как Михаил Ланцанов» [2, с. 2]. Так, спецпоселенец Б. бывший заместитель председателя РИК Улан-

Хольского района Калмыкии говорил землякам: «Зачем вы свои вещи оставили целыми, нужно было все пожечь или сломать. Я лично ничего целого не оставил им, всю посуду, обстановку и все вещи порубил топором на мелкие части, так, что моим добром никто не воспользуется, я все уничтожил. Так нужно было поступить всем калмыкам» [3].

Протестные настроения возникают, когда ущемлены какие-либо права граждан и к этим гражданам приходит осознание ущемления этих прав. Поэтому классификация протестных настроений возможна в зависимости от того, какие права граждан были ущемлены: имущественные, гражданские, личные, политические, экономические и т. д. 8 января 1945 г. было принято постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» [4, с. 113], закрепившее принудительное трудоустройство и ограничение свободного передвижения. Спецпереселенцы – главы семей или лица, их замещающие, были обязаны в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи. За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. и ареста до 5 суток. В этом же постановлении имелся пункт, предоставляющий спецпереселенцам все права граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных указанным постановлением. Это положение, конечно, невозможно рассматривать иначе, как свержиздевательство, свержнасмешка над выселенными народами. [5, с. 276]. Но несмотря на такие антигуманные меры со стороны государства, многие спецпереселенцы продолжали писать письма руководству страны, добиваясь пересмотра решений, противоречащих основному закону государства – Конституции СССР.

Протестные настроения – определенное состояние общественного мнения, когда в обществе формируется недовольство существующим порядком вещей и при этом власть не может или не хочет его менять. Но, несмотря на негативные последствия, граждане, однозначно обладающие мужеством, выражают готовность выказывать явное и публичное недовольство в адрес действующей власти сложившимся порядком вещей.

В условиях господствующего тоталитарного политического режима единственной легальной формой протеста спецпереселенцев были письма, в форме заявления, докладной записки, в том числе и на имя руководителей страны. В письме жене калмыцкий поэт Санджи Каляев сообщал: «Я послал письмо на имя Сталина» [6. С. 196].

Уже 27 февраля 1944 г. бывший председатель Президиума Верховного Совета КАСССР Д. П. Пюрвеев пишет письмо Председателю СНК СССР Сталину И. В. «Калмыцкое население, как известно, в декабре месяце 1943 г. было выселено из пределов своего места жи-

тельства. Нынешнее положение калмыков в Сибири требует немедленно информировать наше правительство. Положение калмыков в Сибири оказалось трагическим. ...Просьба к Вам, товарищ Сталин, дать указание разъяснить нам следующие вопросы:

1. Можно ли считать, что главной причиной выселения калмыков является измена большинства калмыков Советской Родине в ее борьбе с немецким фашизмом?

2. Какой будет дальнейшая судьба невинной части калмыков – честно, добросовестно работающих как на фронте, так и в тылу?

3. Будут ли калмыки пользоваться правами Конституции СССР или они лишаются этих прав (ибо здесь некоторые толкуют, что калмыки не являются полноправными гражданами)?

4. Если охраняются права Конституцией, то как будет с существованием Советской автономии калмыков?

5. Если калмыки лишены пользоваться правами Конституции, то на сколько лет установлен срок выселения?» [7. С. 108–109].

Характерно письмо Б. Б. Бадмаева и С. К. Комбирова Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину от 8 июля 1945 г., в котором они просят ответить им на следующие вопросы: «...В случае если мы демобилизуемся, то мы и наши семьи будут жить как спецпереселенцы или как все граждане-труженики СССР, пользующиеся правами согласно Конституции СССР? В случае если мы можем жить правами граждан СССР, то можем ли мы жить и работать на любом месте вплоть до Европейской части СССР или только в пределах районов переселения, а если нет, то в чем мы повинны, воевавшие в период оккупации территории Калмыцкой АССР на фронтах Отечественной войны так же, как все народы СССР?» [8].

Письмо-заявление Э.-Г. М. Коокуева Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину «...5 апреля 1944 г. сняли меня с передовой линии как калмыка и направили в 146 АЗСП и 8-го февраля 1944 г. попал в строительный батальон при Широкомстрое НКВД СССР Молотовской области. 23 мая 1945 г. освобожден для соединения с родителями на основании постановления от 3 февраля 1945 г. НКВД СССР. Да, причина снятия меня с фронта до сего времени не ясна. Какое же я преступление сделал, что вдруг очутился в таком положении?»

За время отсутствия меня на фронте семья и родители выселены так же, как и другие. Прибыв со стройбатальона, стал на учет в спецкомендатуре, что морально повлияло, как же это так, защищал родину и вдруг стали спецпереселенцами. Со мной вернулись мои два брата, тоже стали на учет в спецкомендатуре. Мы защищали родину и освобождали от немецких захватчиков и вдруг стали спецпереселенцами. Для нас права очень короткие... лишь потому, что мы калмыки» [9].

Кекеев У. Д. в своем письме Председателю Президиума Верховного Совета М. И. Калинину от 12 июля 1945 г. пишет «...Мне только хочется, чтобы я имел право проживать в любом районе Советского Союза» [10].

В своем письме – докладной записке, датированном 30 августа 1945 г. на имя М. И. Калинина, инвалид Отечественной войны Буринов Саран Бальдинович, пишет: «Настоящим докладываю Вам в том, что я служил в рядах Красной армии с 1943 по 1944 г... Рассмотрите, по какой причине выслали, никаких виновных преступлений нет» [11].

Формы проявления социального протеста во многом зависят от существующего в стране политического режима, уровня развития политической культуры граждан наличия или отсутствия механизмов урегулирования противоречий ставших причиной протеста. Единичные формы протеста, зафиксированные среди спецпереселенцев калмыцкой национальности, приобретали характер устойчивой тенденции. Приведенными фактами, конечно, не исчерпывается история сопротивления калмыков в период депортации. Главным для протестующих в ходе их действий было прежде всего стремление добиться тех условий, которые бы способствовали физическому выживанию в нечеловеческих условиях, но каждый поступок требовал немалого мужества от тех, кто становился на путь гражданского сопротивления господствующему режиму.

Примечания

1. Сеницын Ф. Л. Сопротивление народов СССР депортациям (1941-1944) // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 32–51
2. Балакаев А. Г. Отстаивая честь народа, калмыки сопротивлялись как могли // Известия Калмыкии 14 февраля 1996 г. № 25.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 59
4. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий 1993.
5. Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии 1918–1940-е годы. М: Наука, 2004. 311 с.
6. Каляев Э. Бывший поэт бывшей республики // Дружба народов. 1993 №8. С. 189–196.
7. Ссылка калмыков: как это было Сборник документов и материалов. Кн. 2-я. Сост.: В. З. Атуева, Л. С. Бурчинова, С. А. Гладкова и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2001. 237 с.
8. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 30. Д. 419. Л. 118.
9. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 30. Д. 435. Л. 19, 20.
10. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 30. Д. 433. Л. 27.
11. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 30. Д. 421. Л. 232

Сабирова Е. Н.

Греки в Башкортостане: из истории депортации греческого населения Крыма

Прошло уже более шестидесяти лет с того момента, когда коренных жителей Крыма – греков, болгар, армян – депортировали в восточные районы СССР. Советские власти прикладывали все усилия, чтобы скрыть подобные деяния от широкой общественности. Но, как говорится, «шила в мешке не утаить», и сегодня мы имеем возможность в полной мере по рассказам детей депортированных греков выстроить картину данного насильственного переселения, восстановить жизнь греческого населения на территории Башкирии и показать, какой вклад внесли некоторые греческие семьи в просвещение и культурное развитие данного региона.

Наша статья будет посвящена грекам из числа интеллигенции, некоторые из которых отважно (до 1944 года) сражались в рядах партизанского движения, направленного на защиту Ялты и Севастополя от немецких захватчиков. Но, увы, советское правительство посчитало данных «шпионами», говорило о связях с немцами и отрицании советской идеологии.

Секретным постановлением Госкомитета обороны № 5984 сс от 2 июня 1944 г. предписывалось: «1. Обязать НКВД СССР (тов. Берия) дополнительно к выселению по постановлению ГОКО № 5859 сс от 11.V.1944 года крымских татар выселить с территории Крымской АССР 37 000 человек немецких пособников из числа болгар, греков, армян. Выселение произвести в срок от 1 по 5 июля с. г. 2. Выселяемых из Крыма болгар, греков и армян направить для расселения в сельском хозяйстве, в подсобных хозяйствах и на промышленных предприятиях областей и республик: Гурьевской области КССР – 7000 чел., Свердловской обл. – 10 000, Молотовской обл. – 10 000, Кемеровской обл. – 6000, Башкирской АССР – 4000 (...)» [1].

Специальная операция НКВД по выселению крымских греков и представителей других национальностей прошла 26–27 июня 1944 г. Уже 4 июля Л. Берия докладывал, что выселение из Крыма спецпереселенцев закончено. Всего было переселено 225 009 человек, в т. ч. 15 040 греков [2]. Поскольку среди этого числа 3531 являлись греческоподданными, общее количество выселенных из Крыма греков было 18 571 человек. Нужно отметить, что в более поздних документах встречается и другая цифра выселенных греков-советскоподданных – 16 006 человек [3]. Вероятно, цифра возросла за счет греков, высланных в депортацию уже после проведения спецоперации, поскольку по данным УМВД Крымской области в 1947–1948 гг. было выявлено 2012 человек из числа демобилизованных и вернувшихся

из эвакуации и направлены к местам спецпоселений [4]. Кроме этого, к депортированным вскоре присоединились члены их семей, воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны – 8 офицеров (кроме старших), 86 сержантов, 465 рядовых – всего 559 человек. Таким образом, общее количество греков Крыма, высланных на восток страны, составляет около 20 000 человек [5].

К 1953 г. на спецпоселении находилось 14 760 греков, из них 4444 мужчины, 6323 женщины, 3719 детей (т. е. среди «пособников оккупантов» женщины и дети составляли 70 %), 33 человека числились в розыске, 241 был арестован. Высланные из Крыма греки оказались в различных республиках СССР. По состоянию на 1 января 1953 г. географию их расселения можно представить следующим образом: в Узбекской ССР находилось на спецпоселении 4097 человек: в Ташкентской обл. – 15, Самаркандской – 25, Ферганской – 3945, Андижанской – 16, Кашкадарьинской – 39, Бухарской – 2, Каракалпакской АССР – 55 человек; в РСФСР – 9253 чел.: в Молотовской (Пермской) обл. – 2268, Свердловской – 3414, Марийской АССР – 128, Кемеровской – 1334, Башкирской АССР – 1967, Тульской – 5, Костромской – 1, Московской – 2, Куйбышевской – 1, Кировской – 4, на Дальнем Севере – 5, Татарской АССР – 32, Красноярском крае – 8, Якутской АССР – 10, Иркутской обл. – 23, Хабаровском крае – 12, Тюменской – 5, Томской – 7, Коми АССР – 4, Удмуртской АССР – 1, Сахалинская обл. – 3 чел.; в Казахстане – 1240 чел.: в Гурьевской обл. – 1040, Алма-Атинской – 128, Южно-Казахстанской – 9, Джамбульской – 20, Талды-Курганской – 8, Кызыл-Ордынской – 6, Кустанайской – 24, Актюбинском – 1, Кокчетавской – 1, Северо-Казахстанской – 3 чел.; в Киргизии – 16 чел во Фрунзенской обл. – 4, Ошской – 2, Иссык-Кульской – 6, Таласской – 4; В Таджикистане – 153 чел.; в Карело-Финской ССР – 1 чел. [6].

Таким образом, в 1944 г. полуостров были вынуждены покинуть все греки, задекларировавшие в паспорте свою национальную принадлежность, а также члены их семей. В Крыму остались греки, «записанные» как русские и украинцы, а также некоторые гречанки, которые были замужем за славянами, доказавшими свою «благонадежность». Известно также, что на 1 января 1945 г. в Старокрымском р-не проживало 45 греков, в Белогорском – 79 и т. д. Однако в переписи населения 1949 г. греки в Крыму не значились вообще [7].

Учитывая факт депортации и клеймо «пособников немецких оккупантов», оставшееся в Крыму греческое население старалось не афишировать своей национальностью и не говорить на родном языке. Власти старались сделать все, чтобы на полуострове забыли о депортированных. Одним из таких мероприятий стало изменение исторически сложившейся топонимики. На бюро Крымского областного комитета ВКП(б) от 16 августа 1944 г. было принято решение о переименовании 995 населенных пунктов. С карты полуострова

исчезли 911 татарских названий, 34 греческих, 46 немецких, 1 болгарское, 3 армянских [8].

Расселение греков из числа интеллигенции на территории Башкирской АССР проходило в основном в северной части города Уфы, а именно в существующем в те времена закрытом городе Черниковске (ныне район города Уфа – Черниковка).

**Динамика этнического состава населения Башкирии
по переписям населения 1926–2010 годов [13]:**

	1926, чел.	1939, чел.	1959, чел.	1979, чел.	1989, чел.	2002, чел.	2010, чел.
Всего	2 665 346	3 158 969	3 341 609	3 844 280	3 943 113	4 104 336	4 072 292
Русские	1 064 707	1 281 347	1 418 147	1 547 893	1 548 291	1 490 715	1 432 906
Башкиры	625 845	671 188	737 711	935 880	863 808	1 221 302	1 172 287
Татары	621 158	777 230	768 566	940 436	1 120 702	990 702	1 009 295
.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
Греки	13	68	1466	1099	1083	1038	753
Поляки	1655	1316	1100	935	757	660	504
Киргизы		134	155	1171	306	308	454

Переселенцы перенесли массу лишений во время переселения и обустройства на новом месте. По данным начальника отдела спецпоселений МВД СССР, в общей сложности было переселено 229 832 человека – крымских татар, болгар, армян и греков, а на момент их переучета в 1948–1949 гг. крымчан было всего 185 707, 44 125 человек значились умершими [9]. То есть 19 % от всего количества – почти каждый пятый – умерли в первые пять лет после депортации.

Режим спецпоселений, а также правовое положение насильственно выселенных армян, болгар, греков и крымских татар определялись Постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. № 35 «О правовом статусе спецпоселенцев». Одновременно с ним было утверждено и «Положение о спецкомендатурах НКВД». 26 ноября 1948 г. были приняты Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы СССР в период Великой Отечественной войны», а также постановление Совета Министров СССР «О выселенцах» [10].

Режим спецпоселений не давал никакой возможности нормально существовать на месте переселения. Город Черниковск в 40-е – начале 50-х представлял собой закрытый промышленный объект, где во временных строениях (фанерных бараках) проживали депортированные, либо рабочие из числа политзаключенных. Данные категории граждан занимались строительством ТЭЦ, крупных заводов, зданий и сооружений. Каждый проживающий здесь обязан был нести трудовую повинность на одном из объектов

строительства, кроме того, ежедневно отмечаться в органах местного отделения НКВД.

Ситуация осложнялась и тем, что жилища депортированных греков оставляли желать лучшего. В домах не было ни света, ни воды, помещение с трудом отапливалось, так как фанера не держала тепло. Сильные уральские морозы жестоко ударили по южному здоровью греков, они часто болели, у многих выпадали зубы, часть (в основном пожилые люди и маленькие дети) умирали. Кроме того, выходить из города грекам запрещалось, а в самом Черниковске продукты питания достать было очень сложно, поэтому многие депортированные под страхом более сурового наказания отправлялись в город Уфа или просили рабочих из числа уфимцев приобрести тот или иной товар.

Хочется также отметить и тот факт, что большинство греков, выселенных на территорию Черниковска, представляли собой население интеллигентное, образованное. Большая часть переселенцев греков были выходцами из дворянских родов, которые оставили на Родине свое дело – чаще всего это были ювелирные лавки, либо винодельни. В этом и заключается немыслимость всей ситуации, глубокое сочувствие к переселенцам, принявшим тяжелую долю в плане освоения чуждого им климата, образа жизни, а зачастую и необоснованной ненависти со стороны малой части местного населения Уфы (хотя подобное случалось крайне редко).

Хотелось бы остановиться на некоторых представителях греческой диаспоры, проживающих и живущих на территории города Черниковск, ныне Черниковка, и тем самым, показать их роль в развитии города, отметить стойкость духа, трудолюбие и необычайную преданность своему делу, пусть даже и в иных условиях.

Михаил Иванович Кукулиди в 1943 году был командиром Большеялтинского партизанского движения. Он бесстрашно защищал свою Родину от фашистских захватчиков. В 1944 году Крым был освобожден, и М. И. Кукулиди, как и других греков, депортировали в Башкортостан.

Прибыв на место, Михаил Иванович устраивается на работу в школу № 2 г. Черниковска (ныне гимназия № 62, г. Уфы) учителем черчения и рисования. Чуть позже он начинает преподавать и историю. Это был настолько высокообразованный человек, что мог замечать многих учителей, которых не хватало в то время. По мнению его учеников, на его уроках никогда не было скучно. Сложный материал урока он преподносил с легкостью, живостью, опираясь на свой жизненный опыт. Михаил Иванович не был похож на типичного учителя 60-х годов, он не произносил свои предметы партийной идеологией, а старался воспитать в подрастающем поколении просто человека [14].

Дмитриевы (фамилия усечена, настоящая фамилия – Пападемитриевы) Григорий и Спиридон Федоровичи были депортированы в 1944 году. Дмитриев Спиридон – старший брат Григория,

держал оборону Севастополя, был ранен, но все же также подвергся депортации. Первоначально депортации подверглись только братья Дмитриевы, но в последующем были переселены и их семьи.

Григорий Дмитриев по роду деятельности был фотографом. Он был состоятельным, благонадежным человеком: много работал, трудился, участвовал в различных фотовыставках, занимался художественной фотографией. В 1948 году у четы Дмитриевых рождается дочь Наталья. Так как дочь Григория Дмитриева родилась в спецпоселении, им приходилось отмечаться в НКВД в течение 6 лет, вплоть до 1954 года. Вот какие воспоминания о жизни в поселении сохранились у дочери спецпереселенца Натальи Григорьевны Дмитриевой: «Черниковск в ту пору был соц. городом, состоящим из различных поселений и лагерей. 5-й лагерь или 5-й квартал – это в настоящее время район Северного рынка; 35-й квартал – улица Комарова, все было поделено на кварталы. Жизнь в бараке была тяжелой. Моя греческая бабушка Миланья, или Мария Константиновна, тайком от моей мамы учила меня греческому языку. Мама была против подобного общения, она считала, что можно еще более пострадать и всегда говорила, что мы русские. Тем не менее мы всем баракком справляли Пасху, белили печь, а возле домов разводили сады, выращивали бобы, перец болгарский, подсолнухи – и все это под окнами. На свободных полях вблизи реки Белой высаживали небольшой участок картофеля. Нам с сестрой повезло, мы не попали в струю, когда дети спецпереселенцев после окончания школы не могли получить высшее образование» [15].

Папа Натальи Григорьевны часто плакал, он не мог жить вдали от Родины, но ни ему, ни его брату не давали разрешения на выезд, хотя ими было написано три письма Н. С. Хрущеву, где они перечисляли все свои заслуги перед Родиной. Лишь в 1956 году семье Дмитриевых был разрешен выезд, и они впервые побывали в Москве. А в 1970 годы в Крым решился отправиться брат Григория – Спиридон (он прожил там всего 1,5 года). К сожалению, сам Григорий Дмитриев на Родину так и не успел вернуться (он умер в 1962 году). Его семья в 90-е годы уже не хотела переезжать в Крым и посещает родные места лишь в редкие моменты. В начале 1990 годов Наталья Григорьевна обращалась в органы МВД г. Уфы, где было поднято дело ее отца. Ее семья была реабилитирована, первоначально вводились льготы на жилье и медикаменты, но сейчас все отменили и все просто забыто, как будто и не было вовсе. Наталья Григорьевна как-то обмолвилась: «Людям просто сломали жизнь...» [16], но я отмечу, что сказано это было только в укор бывших (так как сотворили подобное бесчинство) и нынешних (так как не пытаются компенсировать тяжелое положение детей депортированных греков) властей.

Перечислять и декларировать можно очень долго, не хватит и статьи, пожалуй, просто назову фамилии тех, кто оставил след в духовном развитии Черниковска, да и Уфы в целом: Грамматикополо

Федор Николаевич, Спириниди Георгий Иванович, Солоники Николай Иванович и многие многие другие.

В 1991 г. было принято Постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией ВС СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечений их прав» (7 марта), а затем 6 июня Постановление Кабмина СССР «Об отмене постановлений бывшего Государственного комитета обороны СССР и решений Правительства СССР в отношении народов, подвергшихся репрессиям и насильственному выселению», отменяющих постановления № 5984 и № 6100, касающихся крымских греков [11]. Однако принятие этих документов не облегчило грекам возвращение на родину – в Крым. Буквально неделю спустя, 13 июня 1991 г. в республиканские, краевые и областные комитеты КПСС было направлено секретное письмо ЦК КПСС, в котором предлагалось блокировать закон «О реабилитации репрессированных народов» главным образом через препятствия в прописке репатриантов. Многие репатрианты вынуждены были по-прежнему материально заинтересовывать чиновников, чтобы получить возможность жить на полуострове [12].

Так греки и остались в БАССР, не имея никакой обиды в сторону башкирского края и народов, проживающих здесь. Их потерянные права не мешали дружелюбно относиться к местному населению, воспитывать молодежь, трудиться, творчески развиваться и нести в массы то чувство прекрасного, которое они имели в своей душе. Из бывших «врагов народа» в 60–80-е гг. вышли высококлассные врачи, преподаватели, языковеды, музыканты, нефтяники, юристы и экономисты.

В рядах греческой диаспоры Башкортостана сейчас есть кандидаты медицинских, технических, юридических и исторических наук, вносящие свой вклад в науку и производство, в общее дело развития и процветания этого края.

Что касается руководства многонационального Башкортостана, то оно полностью выполняет свои обещания и концептуальную Программу развития малых народов РБ. В соответствии с указанной Программой в столице республики действует Центр национальных культур «Дружба народов», включающий в свои ряды уже более 20 национальных отделений, в том числе и греческую «Тавриду». Эта организация возникла летом 1992 года. И мы с надеждой смотрим в будущее, веря, что уроки нашей истории не забудутся никогда.

Примечания

1. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 141.

2. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 147.

3. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 231.

4. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 199.

5. Зарубин В. Г. Депортация крымских греков (1944–1956 гг.) // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. - Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 75.

6. Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944–1956 гг.) // Крымский музей . 1994. №1. С.79–80.

7. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 154.

8. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 157.

9. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 203.

10. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 174–176, 196–197, 199.

11. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 436–440.

12. Энциклопедия советских греков . М., 1994. С. 57.; Иванова Ю. В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 1995. Документ № 82. С. 20.

13. Согласно данным переписи населения: Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам России: Башкирская АССР; Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России: Башкирская АССР; Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России: Башкирская АССР; Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России: Башкирская АССР; Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России: Башкирская АССР; Всероссийская перепись населения

2002 года: Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ; Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам/

14. Используются этнографические материалы автора, собранные в 2007–2010 годах.

15. Используются этнографические материалы автора, собранные в 2007–2010 годах.

16. Используются этнографические материалы автора, собранные в 2007–2010 годах.

Казбекова А. Т.

Из истории депортации чеченцев
(по материалам государственного архива
Восточно-Казахстанской области)

Историю депортации во время Великой Отечественной войны с полным правом можно отнести к самым малоизученным страницам развития нашего государства в советский период. Сегодня еще не все важные в научном отношении аспекты получили достаточно полное конкретно-историческое изучение и исчерпывающее теоретическое осмысление. В этой связи актуальность проблемы определяется в первую очередь потребностью в исследовательских работах, основанных на архивных материалах.

В фондах архивов документы по данной теме отложились в «собой папке» под грифом «совершенно секретно». Расширение источниковой базы, изменение методологических подходов последних лет дали возможность более детально и объективно изучать вопросы депортации в условиях советского государства. Чеченский народ был одним из многих народов и социальных групп, репрессированных в годы сталинского режима, поэтому депортацию чеченцев необходимо рассматривать в контексте репрессивной политики Советского государства.

Первым документом, положившим начало депортации чеченцев, стало Постановление ГКО № 5073 сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» от 31 января 1944 года [1. С. 459].

Постановлением ГКО от 31 января 1944 года было решено выселить чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. Это решение держалось в строгой тайне. 21 февраля 1944 года вышел приказ НКВД СССР о начале операции. И только 7 марта 1944 года последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР. Причем Указ последовал только за день до

окончания депортации чеченцев и ингушей. Операцией по выселению чеченцев и ингушей руководил лично Берия и его заместители, прибывшие в республику 20 февраля 1944 года [2, с. 252].

Первые эшелоны с переселенцами прибыли в новые места поселения в середине марта 1944 года. Из запланированных 344 589 человек были направлены в Джамбульскую область 16 565 человек, в Алма-Атинскую – 29 089, в Восточно-Казахстанскую – 34 167 человек, в Южно-Казахстанскую – 20 808 человек, в Северо-Казахстанскую – 39 542 человека, в Актюбинскую – 20 309 человек, Семипалатинскую – 31 236 человек, Павлодарскую – 41 230 человек, Карагандинскую – 37 938 человек [2, с. 252]. К ним прибавились чеченцы и ингуши, уволенные из рядов Красной армии после февраля 1944 г. В Казахстан таковых прибыло выше 60 тыс. человек [3, с. 70].

В докладной записке о хозяйственно-трудовом устройстве семей спецпереселенцев на предприятиях совхозах и колхозах ВКО по состоянию на 1 сентября 1944 г. на имя секретаря ЦК КП(б)К Ж. Шаяхметова, содержатся сведения о размещении и обустройстве: размещено всего 6964 семей – 29 701 человек, по колхозам было расселено – 1530 семей – 6057 человек, вступило в колхозы – 1194, в совхозах 249 семьи – 1057 человек, в промышленности 4893 семьи – 21 104 человека, в прочих организациях 292 семьи – 1020 человек. Всего трудоспособного 8974 – из них работает 8406 человек [4, л. 61].

Из приведенных данных видно, что спецпереселенцы получили трудовое устройство как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Из всех спецпереселенцев продолжают не работать 570 человек по разным причинам.

Вопросами размещения, бытового устройства, снабжения продуктами питания, трудоустройства, правового оформления, медицинского обеспечения спецпереселенцев из Северного Кавказа должны были заниматься областные исполнительные органы. Но фактически всеми вышеперечисленными вопросами занимались организации, на которые трудоустраивали депортированное население.

На деле такая организация освоения спецконтингента приводила к трагическим последствиям. Прибывшие спецпереселенцы столкнулись с целым комплексом проблем. Это необеспеченность и неподготовленность предоставленного спецпереселенцам жилья. Так, например, Лениногорское рудоуправление принял на работу 633 семей до сего времени не развернуло работ по организации жилищного строительства, переселенцы размещены частью в доме № 12/17 по Усть-Каменогорской улице, частью в доме № 4 по Клубной улице и большое количество живут в сушильных сараях кирпичного завода ОКСа рудоуправления в десяти палатах по 60–70 человек в каждой. Расселенные в домах переселенцы живут крайне скученно (жилая площадь на 1-го человека составляет от 0,75 до 1,25 кв. м), в помещениях грязно, нет воды и кипятка [5, л. 25].

Отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий, скученность, антисанитария, а также полное отсутствие продуктов питания (кроме нормы хлеба) для иждивенцев и детей, задерживало устройство на работу вторых членов семей, особенно многодетных женщин, приводило к истощенности и заболеваниям. Так, например, по 1 и 2 районам Ульбастроа среди рабочих спецпереселенцев Гидростроя и Лесозавода установлено 160 случаев опухших [5. Л. 25].

Трудовое и хозяйственно-бытовое устройство спецпереселенцев-чеченцев фиксировали проверяющие комиссии. Например, бригадой Восточно-Казахстанского обкома КП(б)К установлено, что на 1 января 1945 года в Зырянском рудоуправлении насчитывалось 2122 чеченца – 544 семьи, из них трудоспособных – 659 человек, работает на участках 441 человек. Из-за отсутствия теплой одежды и обуви трудоспособные спецпереселенцы не выходили на работу, что приводило к сильному истощению и смертности. По неполным данным, из общего числа чечен на 1 января 1945 года умерло 382 чел., из них только детей 190 человек, смертность скрывают, умерших нигде не регистрируют, а крадучи от комендатур хоронят. Причина смертности в основном дистрофия и желудочные заболевания [6. Л. 2].

Руководителям организаций ставилась задача в короткие сроки обустроить спецконтингент. Несмотря на постановления о распределении спецпереселенцев с Северного Кавказа по колхозам, совхозам, промышленным предприятиям и другим организациям, их подавляющее количество не работало, так как трудоустройство заканчивалось отказом или формальной припиской. Так, например, председатель колхоза «Трудовик» Черноусова на просьбу о работе, устройстве детей в ясли подошедшей к ней группы спецпереселенцев-чеченцев ответила: «У меня для своих колхозников работы нет, а для Вас тем более... Ваших детей в детясли принимать не буду, ко мне больше не ходите. Вы мне надоели» [7. Л. 5].

Размещение в промышленности предполагалось на подсобных предприятиях Алтайполиметалла (Лениногорск, Иртышский медьзавод и лесозаготовка Алтайтреста). Переселяемые по колхозам должны были использоваться на колхозных работах, направление хозяйства которых в основном полеводство (зерновые культуры) и в ряде колхозов, прилегающих к промышленным предприятиям – овощеводство. Размещение расселяемых предполагалось в домах колхозников за счет уплотнения и в общественные пустующие здания колхозников. Однако пустующих зданий в селах и аулах области практически не было, поэтому зачастую депортированные чеченцы и ингуши оказывались под открытым небом.

Как свидетельствуют архивные материалы, жилищные условия спецпереселенцев были тяжелыми. Мероприятия по обустройству осуществлялись необдуманно. Так, например, в докладной записке начальника УНКВД по Восточно-Казахстанской области, на

1 августа 1945 г. отмечается, что без ведома органов НКВД по распоряжению директора ОСМУ-2 треста «Алтайстрой» из чеченгородка были вывезены пять семей в составе 24 человек-спецпереселенцев с детьми под открытое небо на территорию кожевенного завода артели «Победа труда», где семьи разместили в полуразваленном здании кожзавода площадью 25 м². В селе Белоусовка без ведома комендатуры НКВД распоряжением директора ОСМУ-3 треста «Алтайстрой» вывезли 8 семей из 76 человек на окраину села и разместили спецпереселенцев на открытом поле, заявив им, что они должны здесь строить жильё [8. Л. 44–45].

Спецпереселенцы ощутили на себе невнимательность и грубость некоторых председателей колхозов, руководителей предприятий, на что руководители силовых органов не раз обращали внимание в своих отчетах в центр. Так, например, в докладной записке начальника ОСП УНКВД по Восточно-Казахстанской области, капитан Госбезопасности Редченко совместно с председателем Совнаркома и председателем ЦК КП(б) К по хозяйственному устройству спецпереселенцев Кадралиевым и начальником отдела Восточно-Казахстанского облизполкома по хозяйственному устройству переселенцев Королевым по Верх-Убинскому району поименно называли нерадивых руководителей. Так, в колхозе «Ильича» председатель колхоза Клиновицкий и заведующий МТФ Родионов вместе с колхозниками избили спецпереселенцев Муцаева Хамида и Алхастова Муцу и нанесли им тяжелые ранения, отчего последние потеряли зрение [9. Л. 34–35]. Документы с данными произвола на спецпереселенцев встречаются очень часто.

Первые годы пребывания спецпереселенцев в Казахстане характеризуются неудовлетворительным медицинским обслуживанием. В архивном документе зафиксировано следующее: «в виду отсутствия у многих спецпереселенцев одежды и обуви, больные из чеченского поселка не могут ходить в больницу, а на местах жилья в землянках медпомощь не оказывается» [10. Л. 5].

Плохое жилищно-бытовое устройство, неоказание своевременной помощи, совершенно неудовлетворительное трудовое устройство, пренебрежение к спецпереселенцам и нежелание со стороны руководителей предприятий, колхозов и совхозов осваивать этот спецконтингент привело к значительной смертности.

Из анализа документов ГАВКО видно, что все эти нарушения не оставались без внимания руководства области. Исполком Облсовета и бюро Обкома КП(б)К Восточно-Казахстанской области принимали постановления, обязывающие первых секретарей райкомов КП(б)К взять под личный контроль всю работу, связанную с хозяйственно-бытовым устройством спецпереселенцев.

Однако, к сожалению, на первых порах местным властям не удалось создать необходимые условия для приема и размещения

спецпереселенцев с Северного Кавказа. Не только спецпереселенцы, но и все население республики испытывало тогда острую нужду в продовольствии и товарах. Переселение людей потребовало огромных расходов со стороны государства, изнуренного тяжелой войной. Поэтому одновременное размещение такого большого количества людей затруднило снабжение республики, и без того испытывавшей кризис продовольственных и промтоварных ресурсов.

Примечания:

1. По решению правительства союза ССР / Н. Ф. Бугай., А. М. Гонов. Нальчик: Эл-фа, 2003. С. 459
2. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: «Арыс»-«Казахстан», 1998. С. 252.
3. Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Демографические кризисы в Казахстане. XX век. Усть-Каменогорск, 2007. С. 70
4. ГАВКО Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2750. Л. 61
5. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2739. Л. 25
6. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2741. Л. 2
7. ГАВКО Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2750. Л. 5
8. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2741. Л. 44–45
9. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2741. Л. 34–35
10. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3420. Л. 5

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ В СССР**

**1953–2013: 60 лет без Сталина.
Осмысление прошлого советского государства**

**Материалы VIII Международной
научной конференции**

ЭКОИНВЕСТ

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9.
Тел./факс (861) 277-92-42.

E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

Подписано в печать 6.08.2013.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 24,41 усл.-печ. л. Тираж 300 экз.
Заказ № 1682.